Сергей СКОРЫЙ
Роман ЗИМОВЕЦ

СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА

МАТЕРИАЛЫ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Издание второе, дополненное, переработанное

Сергей СКОРЫЙ
Роман ЗИМОВЕЦ

СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА

МАТЕРИАЛЫ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Издание второе, дополненное, переработанное

Сергей СКОРЫЙ
Роман ЗИМОВЕЦ

СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА

МАТЕРИАЛЫ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Издание второе,
дополненное,
переработанное

ПОЛТАВА
ООО «АСМИ»
2021

УДК 930.26
С 44

Скорый С.А.
С 44 Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции: Изд. 2-е, доп., перераб. / Сергей Скорый, Роман Зимовец. — Полтава : ООО «АСМИ», 2021. – 344 с. : ил.
ISBN 978-966-182-643-3

Во втором издании книги представлен расширенный Каталог предметов (более 500) скифской культуры, включающий в себя вооружение, детали воинского костюма, конской упряжи, культовые изделия, а также матрицы и штампы для изготовления аппликаций из драгоценных металлов. Значительная часть артефактов оформлена в традициях скифского звериного стиля. Приведены описания и иллюстрации каждого предмета, определены датировки, аналогии, типологические характеристики в контексте скифских древностей Восточной Европы. В свете новых реалий, рассмотрены определенные аспекты скифского искусства звериного стиля в целом и специфика его проявлений на территории Крыма, в частности. Высказаны некоторые соображения об истории полуострова в раннем железном веке, в том числе о времени появления носителей скифской культуры на территории Крыма, характере их взаимодействия с автохтонным таврским населением, влиянии искусства греческих государства Северного Причерноморья на скифский звериный стиль.

Для археологов, историков, сотрудников музеев, преподавателей и студентов, а также всех, интересующихся древней историей.

УДК 930.26

ISBN 978-966-182-643-3

СОДЕРЖАНИЕ

К ИЗУЧЕНИЮ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА **9**

КАТАЛОГ НАХОДОК **25**

1. Наступательное вооружение **27**

1.1. Мечи, кинжалы, бутероли ножен, навершие акинака **27**

1.2. Наконечники копья и дротиков **59**

1.3. Наконечники стрел **63**

2. Детали воинского костюма и доспеха **71**

2.1. Пряжки ремней **71**

2.2. Застёжки-крючки от колчана-горита или портупеи **74**

2.3. Элемент шлема **76**

3. Металлические детали конской упряжи и украшения погребальной повозки **77**

3.1. Остатки тризны близ кургана **77**

3.2. Комплекты деталей упряжи **82**

3.3. Удила **87**

3.4. Псалии **87**

3.5. Распределительные пряжки-пронизи **92**

3.6. Налобники **98**

3.7. Наносники **100**

3.8. Нащёчные бляхи **124**

3.9. Мелкие бляхи **147**

3.10. Подвески **231**

4. Культовые предметы **235**

4.1. Навершия **235**

4.2. Топорики-скипетры **237**

4.3. Ножи ритуальные **240**

4.4. Бронзовая бляха **241**

5. Матрицы и штампы для изготовления аппликаций из драгоценных металлов **242**

5.1. Матрицы **242**

5.2. Штампы **244**

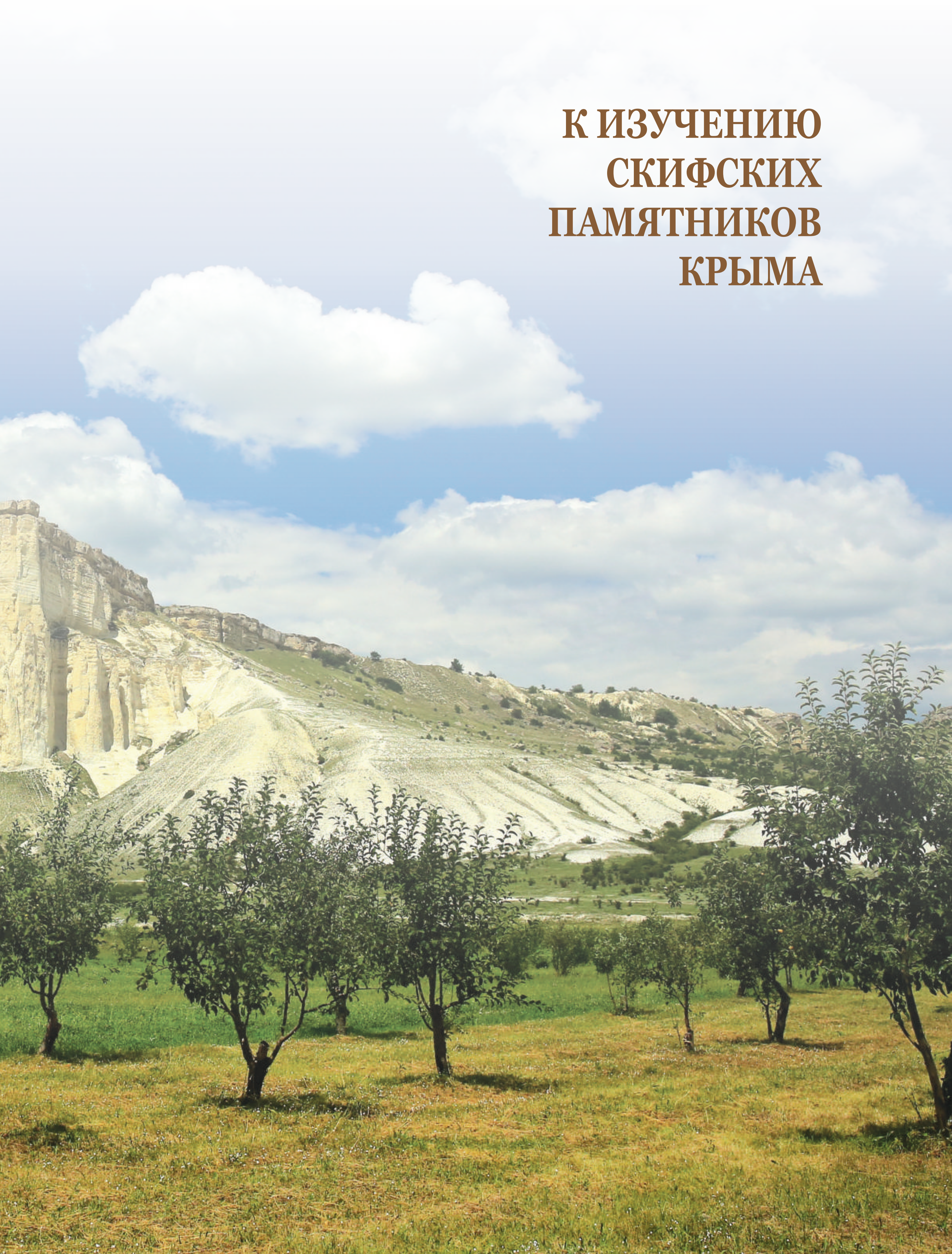
ФОТОАЛЬБОМ **249**

СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА В СВЕТЕ НОВЫХ РЕАЛИЙ **287**

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ **329**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ **342**

К ИЗУЧЕНИЮ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА

Крымский полуостров, являющийся естественным географическим продолжением северопричерноморской Степи, вовсе не обделён древностями скифской классической культуры [1].

Скифские памятники Крыма, в отличие от древностей более северной, коренной Степи Северного Причерноморья, бесспорно, имеют свои особенности, что объясняется довольно тесными, весьма динамичными отношениями номадов с двумя иными мирами: эллинским оседлым населением побережья и таврскими племенами предгорий и гор. Безусловно, все греческие города Северного Причерноморья в той или иной степени имели контакты со скифским миром. Однако в Крыму, благодаря такому мощному экономическому, политическому и культурному центру как Боспорское государство, взаимовлияние двух миров было особенно интенсивным [2]. В лице тавров скифы встретили, по всей вероятности, враждебную силу, с которой им пришлось считаться и достаточно долгое время отвлекать на неё военные ресурсы. Именно эти факторы придали, особенно в зонах тесных контактов, колоритное своеобразие скифским памятникам Крыма, найдя отражение в материальной культуре и погребальной практике кочевников. Впрочем следует указать и на обратный процесс, а именно — внедрение различных элементов «скифскости» в эллинскую и таврскую среды. Иными словами, данный процесс был вполне обоюдным.

Также необходимо отметить, что в раннем железном веке географически Крым был менее изолированной территорией. Как известно, палеогеографическая ситуация в Северном Причерноморье менялась на протяжении I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. Геродот и другие греческие авторы не упоминают в своих трудах Перекопский перешеек. «Мысом материка» назван Крым в перипле Псевдо-Скилака, IV в. до н. э. (*Подосинов, Джаксон, Коновалова, 2016, с. 22*), что, вероятно, косвенно свидетельствует о более низком уровне Чёрного моря в середине I тыс. до н. э. В раннем железном веке Керченский пролив был значительно у́же и мельче, чем в наши дни, в нём наличествовали броды, позволявшие относительно беспрепятственно переходить с Керченского полуострова на Тамань и обратно (*Беренбейм, 1959, с. 51, 52*) [3]. Это во многом объясняет единство двух частей — Европейской и Азиатской — Боспорского государства, а также тот факт, что на западе Таманского полуострова мы встречаем предметы скифского звериного стиля классического времени, не отличающиеся от крымских (Тузлинский некрополь, поселение Голубицкая 2). И хотя локальный кубанский вариант скифского звериного стиля имеет характерные особенности (*Королькова, 2001*), что, видимо, связано с этническими отличиями местных племён (меоты, синды?), Тамань, вероятно, была зоной интенсивных контактов «крымских» скифов с древним населением Азиатского Боспора, характер которых еще нуждается в прояснении. Западную часть полуострова в классическое время населяло скифское либо смешанное эллино-скифское население, мало чем отличавшееся от крымского.

Широко известно, что именно открытие гробницы, вероятно, представителя высшей скифской элиты с замечательны-

---

[1] Вместе с тем, Крым является важнейшим центром полиэтничной позднескифской культуры, изучение которой осуществляется здесь давно и успешно.
Применительно к классической скифской эпохе вряд ли плодотворна мысль, высказанная в Предисловии к недавно вышедшей монографии С.Г. Колтухова и С.Н. Сенаторова, правда, не авторами книги, о том, что полуостров в указанное время представлял собой некий «Крымский анклав скифов-кочевников» (*Колтухов, Сенаторов, 2020, с. 7*).

[2] Это, в частности, проявилось в особой территориальной близости погребений варварской знати к крупным городам Боспора, иногда же в наличии богатых скифских захоронений непосредственно в пределах греческих некрополей, чего не наблюдается в других городах Северного Причерноморья (*Вахтина, 2017, с. 105*).

[3] Сама этимология слова «Боспор» восходит к понятию «переправы» (*Подосинов, Джаксон, Коновалова, 2016, с. 58*).

ми находками конца V — IV вв. до н. э. в кургане Куль-Оба [1] близ Керчи в марте 1830 г. под руководством смотрителя керченских соляных озёр Поля Дюбрюкса (Поля Дю Брю), выполнявшего поручение Керчь-Еникальского градоначальника И.А. Стемпковского (*ДБК, 1854*; *Ростовцев, 1925, с. 440—462*; *Тункина, 2002, с. 161—168*), положило начало систематическим исследованиям скифских курганов на Керченском полуострове, на Юге России в целом и способствовало формированию особой исторической науки — скифоведения. Впрочем, ранее, в 1821 г., при случайных обстоятельствах в кургане, располагавшемся недалеко от Куль-Обы, была найдена группа предметов, в том числе изготовленных из драгоценных металлов и оформленных в традициях скифского искусства, попавших впоследствии к командиру гребной флотилии, капитан-лейтенанту Н.Ю. Патиниоти, именем которого и был впоследствии назван этот курган (*Ростовцев, 1925, с. 386*).

Позже, в 1860—1880-х гг., на Керченском полуострове последовал ряд открытий интереснейших скифских памятников: в 1862 г. А.Е. Люценко — захоронения скифского конного воина V в. до н. э. в Ак-Бурунском кургане (*ДБК, 1854, с. 256*), в 1869—1871 гг. А.Е. Люценко и П.И. Хицуновым — кургана на Темир-Горе с основной могилой скифского воина, содержавшей выразительные предметы погребального инвентаря, среди которых южно-ионийская ойнохоя третьей четверти VII в. до н. э. (*ОАК за 1869, с. XI*; *ОАК за 1870—1871, с. XX—XXI*). Указанное погребение в кургане на Темир-Горе по сей день одно из наиболее надёжно датированных для раннескифской культуры (*Копейкина, 1972*; *Яковенко, 1972*). Его уверенно относят к 40—30-м гг. VII в. до н. э. (*Алексеев, 2003, с. 295*; *Вахтина, 2004, с. 209*). В 1875 г. А.Е. Люценко в кургане на мысе Ак-Бурун раскопал сожжение богатого скифского воина с золотым головным убором (*ОАК за 1875, с. 5, XXXIII—XXXIV*). В эти же годы А.Е. Люценко, Н.П. Кондаков и С.И. Веребрюсов начали исследование курганов и грунтовых погребений Нимфейского некрополя (у с. Героевка), в которых обнаружили ряд выразительных скифских захоронений V—IV вв. до н. э. (*ОАК за 1875, с. XXXIV*). К сожалению, некоторые нимфейские грунтовые могилы в конце 1860-х гг. были подвергнуты грабительским раскопкам, и весьма ценные материалы из них со временем оказались в Великобритании, в собрании Ashmolean Museum, в Оксфорде. Впоследствии они были описаны и опубликованы М. Виккерсом (*Vickers, 1979*; *2002, p. 3—55*) [2]. Наконец, в 1882—1883 гг. Н.П. Кондаков исследовал курган у с. Баксы (ныне Глазовка), к северу от Керчи, где в одном из погребений были найдены останки скифского воина в сопровождении боевых коней (*ОАК за 1882—1888, с. XVI*).

В конце XIX в. ряд интересных скифских погребальных памятников был исследован в Центральном Крыму членами Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК) и Императорской археологической комиссии (ИАК) Н.И. Веселовским, Ю.А. Кулаковским, А.О. Кашпаром, А.Х. Стевеном, Ф.Ф. Лашковым, прежде всего, у Симферополя, а также в Бахчисарайском и Черноморском районах.

Среди них замечательные неограбленные могилы знатных скифских воинов: в Золотом кургане (V в. до н. э.), раскопки 1890 г. А.Х. Стевена и А.О. Кашпара (*ОАК за 1890, с. 4—7*; *Стевен, 1891, с. 147—149*); Талаевском кургане (IV в. до н. э.) (бывшее имение М. Талаевой Кара-Кият), раскопки 1891 г. Н.И. Веселовского (*ОАК за 1891, с. 47*; *Манцевич, 1957*) в окрестностях Симферополя; в кургане 2 (Кулаковского)

[1] О том, кто был погребён в Куль-Обе, существует ряд мнений. См. библиографию вопроса: *Власова, 2013, с. 98, 99*. В последние годы отдельным материалам из Куль-Обы уделяется значительное внимание (*Журавлёв, Новикова, Шемаханская, 2014*).

[2] О перипетиях этих событий см. более подробно: *Скорый, 1985*.

у с. Долинное (рубеж VI—V вв. до н. э.) Бахчисарайского района (между реками Альма и Кача), раскопки 1895 г. Ю.А. Кулаковского (*ОАК за 1895, с. 17—18*).

В 1890-х гг. под руководством Н.И. Веселовского были осуществлены исследования ряда скифских погребений в курганах Центрального Крыма, в том числе у с. Мирное (Дорт-Оба или курган Пастака)[1] (*СППССП*, 1986, *с.* 47), на бывшей земле Бобовича (*ОАК за 1895, с. 15—16; Кашпар, 1896, с. 144, 146*), на бывшей земле Соломона Крыма (*ОАК за 1895, с. 13; Кашпар, 1896, с. 14—145*)[2]. Наиболее раннее (центральное) захоронение — второй половины VI — рубежа VI—V вв. до н. э. открыто в кургане 3 на земле Бобовича.

У с. Березовка Черноморского района (бывшее имение Тавкель-Нейман) Ф.Ф. Лашков в 1894 г. раскопал центральную могилу V в. до н. э. со скифским вооружением и сосудом кизил-кобинского типа (*Лашков, 1895, с. 116—117*).

В эти же годы эпизодические раскопки скифских курганов в Крыму осуществили и отдельные землевладельцы. Например, владелец имения Разорённый Аиш Г.Н. Ханджиев вскрыл на своих землях несколько курганов со скифскими захоронениями V в. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2013*).

С конца 1890-х и примерно до 1940-х гг. исследования скифских памятников в Крыму были эпизодическими: в 1914 (?) г. в районе Евпатории при неизвестных обстоятельствах были обнаружены золотые изделия из скифского элитного кургана Чаян (?) (*Scheglov, Katz, 1991*), в 1924 г. на окраине Симферополя (бывшая деревня Бахчи-Эли) в кургане 2 раскопана основная скифская могила IV в. до н. э. (*Эрнст, 1931, с. 79—80*) и в другом (№ 2) — впускное раннескифское погребение (*Троицкая, 1951, с. 90; Скорый, 1986, с. 47*)[3]. В 1927 г. Ю.Ю. Марти исследовал на Керченском полуострове, в районе античного Китея, курган Джурч-Оба с двумя скифскими погребениями IV—III в. до н. э. (одно — захоронение знатного скифского воина в сопровождении конской могилы) (*Яковенко, 1974, с. 70—71*). В 1930 г. Н.Л. Эрнст раскопал курган 1 с двумя скифскими катакомбами у пос. Бережное (бывшее Камкалы) в Присивашье (*Эрнст, 1931, с. 91; Скорый, 1982а*). В 1933 г. близ городища у с. Оленёвка Черноморского района были осмотрены пять скифских курганов (Караджинская группа) с каменными гробницами V—III вв. до н. э., ограбленными в XIX и XX вв. (*Археологические…, 1941, с. 270*). Наконец, несколько скифских памятников было исследовано во второй половине 1940-х гг. Тавро-Скифской экспедицией под руководством П.Н. Шульца, в частности, Белогорский склеп (1947) (*Шульц, 1949, с. 65*), впускное и основное погребения IV в. до н. э. в курганах некрополя Калос-Лимена (1948) (*Троицкая, 1951, с. 91, 93*).

В 1950-х гг. эпизодические раскопки небольших курганов предскифского и скифского времени были осуществлены сотрудниками Крымского филиала АН УССР в долине р. Салгир у с. Белоглинка (*Троицкая, 1957*) в зоне строительства Симферопольского водохранилища: к югу от указанного города (*Шульц, Столяр, 1958; Щепинский, 1960; Колосов, 1961; Крис, 1976; Столяр, Щепинский, 1980; 1981*) и у с. Марьино (*Щепинский, 1960*). Следует отметить, что отнесение к скифской культуре ряда открытых подкурганных погребений по сей день достаточно дискуссионно, поскольку в них присутствуют несомненные черты кизил-кобинской культуры (см. подробно по этому вопросу: *Колтухов, Сенаторов, 2016*).

---

[1] Некоторое время назад материалы курганов — Золотого, Дорт-Оба, Кулаковского, Талаевского были проанализированы на современном научном уровне (*Колтухов, 1998; 1999; 2008; Колтухов, Сенаторов, 2014; 2015; 2015а, с. 82—87; 2015в*).

[2] Републикация и анализ материалов скифских погребений, обнаруженных в курганах на землях С. Крыма, осуществлены в работе: *Колтухов, Сенаторов, 2015б.*

[3] Недавно С.Г. Колтухов вновь обратился к материалам раскопок Н.Л. Эрнста, полагая, однако, что впускное захоронение в кургане № 2 следует датировать не раннескифским временем, а V—IV вв. до н. э. (*Колтухов, 2016, с. 38—39*).

Ситуация с изучением скифских памятников Крыма решительным образом изменилась с начала 1960-х гг., прежде всего в связи со строительством, охватившим юг Украины, орошением земель и пр. На полуострове археологические работы в этот период были связаны в основном с Северо-Крымским каналом и его многочисленными ответвлениями, охватившими, по сути, всю степную зону Крыма.

Многолетние работы Северо-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР (ныне НАН Украины) (1961—1995 гг., начальники А.А. Щепинский, В.Н. Корпусова, В.А. Колотухин, С.Г. Колтухов) охватили практически все районы Крыма — Присивашье, Керченский полуостров, Центральный, Северо-Западный Крым. Среди чрезвычайно значительного количества погребений, изученных тогда в курганах Крыма, определённый процент составляют скифские захоронения, материалы которых изданы в монографиях и сборниках (*Щепинский, Черепанова, 1969, с. 63—72; Нечитайло, Бунятян, 1984, с. 13—20, 23, 32; Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 43—47, 6; Корпусова, 1984, с. 92—93; Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с. 11—114; Колтухов, Тощев, 1998, с. 170—174; Колотухин, 2000*). К числу принципиально важных для скифской археологии погребальных памятников относятся: раннескифская могила (№ 1) в кургане 11 у с. Филатовка Красноперекопского района с южно-ионийской ойнохоей третьей четверти VII в. до н. э. (*Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 61, 63; рис. 16; 17: 1; Корпусова, 1980*) и захоронение тяжёловооружённого скифского воина V в. до н. э. в кургане у с. Вишнёвка Красноперекопского района, в Присивашье (*Андрух, 1988*).

Результативными для изучения скифских древностей стали работы Керченской экспедиции Института археологии (1964—1967 гг., начальник А.М. Лесков), проводившей охранные раскопки на Керченском полуострове. Помимо подкурганных захоронений рядовых скифов, материалы которых были своевременно изданы (*Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970*; *Яковенко, 1970*) и легли в основу диссертации, а впоследствии — монографии Э.В. Яковенко (*1969; 1974*), экспедицией в 1964 г. были исследованы могила представителя высшей скифской элиты с оригинальными золотыми изделиями в кургане у с. Ильичёво (*Лесков, 1968*) и в 1964—1966 гг. — довольно обширные грунтовые могильники у сёл Фронтовое и Золотое (*Цвек, 1968; Корпусова, Орлов, 1978*).

В эти же годы (1965, 1967) экспедиция Керченского историко-археологического музея провела раскопки захоронений эллинизированной скифской элиты в группе Трёхбратние курганы у Тобечикского озера, в восточной части Керченского полуострова, содержавшие великолепные находки, в том числе — предметы эллинской торевтики (*Кирилин, 1968; Бессонова, 1973; 1977*) [1].

Начало 1980-х гг. ознаменовалось работами на Керченском полуострове, в зоне строительства Крымской АЭС, у с. Семёновка, Акташской экспедиции Института археологии АН УССР (1980—1981 гг., начальник С.С. Бессонова), осуществившей раскопки одного из наиболее масштабных курганных могильников скифского рядового населения в Крыму (более 60 насыпей), материалы которого довольно оперативно были изданы монографически (*Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988*). К числу наиболее заслуживающих внимания захоронений могильника относится неограбленное погребение скифского воина в катакомбе второй половины V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986*).

В 1977—1986 гг. в Северо-Западном Крыму работал вначале Степной отряд экспедиции исторического факультета Московского госуниверситета, позже оформившийся в экспедицию Института археологии АН СССР под руководством В.С. Ольховского. Был открыт ряд скифс-

[1] Ныне материалы этих памятников изданы в виде обстоятельной монографии (*Бессонова, Быковская, Детерлинг и др., 2008*).

ких захоронений, в том числе в сопровождении каменных изваяний. Результаты исследований изложены в соответствующих статьях (*Ольховский, 1982; 1990*).

В конце 1970-х — 1980-х гг., помимо работ упомянутых экспедиций, спасательные раскопки отдельных скифских погребальных памятников осуществляли сотрудники Керченского историко-археологического и Крымского краеведческого музеев (*Кислий, Скорий, 1990; Гаврилов, 1993; Пуздровский, Тощев, 2001*).

Эпизодические исследования скифских подкурганных погребений имели место и в 1980—1990-х годах в Юго-Западном Крыму у сёл Вилино, Кочергино (Альминско-Качинское междуречье) (*Колтухов, Сенаторов, 2015а*, с. *80—82*), у с. Пионерское (долина р. Салгир) (*Колтухов, Сенаторов, 2016*, с. *64—65*).

В целом же, системное полевое археологическое изучение памятников скифской классической культуры завершилось в Крыму к середине 1990-х гг., т. е. более двух десятилетий назад. В 1996 г. были проведены раскопки нескольких небольших курганов на могильнике Ак-Кая близ Белогорска, и предприняты попытки исследования одного из наиболее крупных (высотой 9,5 м) скифских элитных курганов некрополя — Беш-Оба-IV. В 2002 г. на аристократическом кургане работы были продолжены, но не принесли ожидаемых результатов (*Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997; Колтухов, Мыц, 2001; Колтухов, 2006; 2007; 2008а; 2019*).

Первые десятилетия XXI в. в истории полевого изучения скифских древностей Крыма ознаменовались лишь эпизодическими исследованиями курганов или погребений в основном IV в. до н. э., чаще всего с погребальными конструкциями в виде каменных склепов, в долине р. Зуя (А.Е. Пуздровский, раскопки 2002 г.) и р. Биюк-Карасу (В.А. Колотухин, раскопки, 2002 г.) (*Пуздровский, 2007, с. 26; Колтухов, 2005*), междуречье Зуи и Бурульчи (С.Г. Колтухов, Т.А. Копьева, раскопки 2016 г.) (*Колтухов, Копьева, 2017*). На этом фоне интересным представляется погребение второй половины — конца V в. до н. э., к сожалению, основательно разрушенное, в кургане 1 у с. Молочное Симферопольского района. Среди его немногочисленного инвентаря находилась довольно оригинальная большая серебряная накладка-аппликация горита или колчана с изображением двух сидящих орлов (*Гаврилов, Тощев, 2014, с. 45; рис. 8*).

Для решения достаточно дискуссионного вопроса о времени появления так называемых коллективных скифских подкурганных захоронений Крыма важное значение имели раскопки двух курганов у с. Кринички Кировского района (Предгорный Крым), осуществлённые в 1995 г. А.В. Гавриловым и М.Г. Крамаровским (*Гаврилов, Крамаровский, 2001*) и в 2005 г. — В.В. Кропотовым (*Кропотов, 2009*). Последние убедительно показали, что возникновение данного обряда погребения относится либо к концу V, либо к первой половине IV вв. до н. э.

Для полноты картины следует упомянуть о результатах неразрушающих дистанционных и геофизических исследований крупных, вероятно скифских, курганов в Северо-Западном Крыму, осуществлённых в 2010—2012 гг. совместной Геоархеологической экспедицией Санкт-Петербургского государственного университета и Орхусского университета (Дания) (*Щеглов, Кац, Смекалова, Беван, 2013*), в 2013 — совместной Крымской комплексной экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины и Геоархеологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета (*Смекалова, Колтухов, Чудин, 2014*), но эти работы имеют, скорее, углублённо разведочное значение.

Следует также отметить, что ряд предметов скифской материальной культуры был найден в то или иное время в ходе исследований памятников таврской культуры Горного Крыма, однако их общее число (на фоне иных скифских находок в Крыму) в целом невелико (см. обобщаю-

щие работы: *Лесков, 1965; Крис, 1981; Колотухин, 1996; Кравченко, 2011*).

С накоплением материалов по скифской классической культуре в Крыму осуществлялись попытки их обобщения и систематизации. Первая из них отражена в статье А.А. Спицына (*Спицын, 1918*), позже — в разделе монографии М.И. Ростовцева (*Ростовцев, 1925*). В конце 1940-х гг. в известной статье М.И. Артамонова кратко изложены его представления о скифских древностях Крыма (*Артамонов, 1949*).

Но первыми, наиболее основательными работами по этой проблематике, следует считать обобщающую статью Т.Н. Троицкой (*Троицкая, 1951*) и её кандидатскую диссертацию, посвящённую скифским погребальным памятникам Крыма (*Троицкая, 1954*), где не только описана общая картина распространения скифских древностей на территории Крыма, но и поставлен вопрос о локальных особенностях скифской культуры — в Центральном Крыму и на Керченском полуострове (*Троицкая, 1957*).

С точки зрения изучения локальных особенностей культуры «крымских» скифов были подготовлены упомянутые выше диссертация и монография Э.В. Яковенко о памятниках Керченского полуострова (*Яковенко, 1969; 1974*). Несколько позже ряд вопросов, связанных со скифской культурой в Восточном Крыму, был рассмотрен в докторской диссертации этой исследовательницы (*Яковенко, 1985*).

Значительное внимание исследованию скифской эпохи в Крыму уделял В.С. Ольховский, привлекая археологические и письменные источники, изучая взаимоотношения этносов, живших на полуострове в раннем железном веке, особенности культуры населения разных крымских регионов (*Ольховский, 1981; 1982; 1991*). Он выделил в Крыму четыре локальные группы скифских памятников: западнокрымскую, присивашскую, предгорную и восточно-крымскую (*Ольховский, 1991, с. 136—149*). Правда, сделал он это «для удобства обработки материалов» и лишь для памятников IV—III вв. до н. э. (*Ольховский, 1991, с. 136*). Он же совместно с И.Н. Храпуновым написал небольшую научно-популярную книгу «Крымская Скифия» — по сей день единственную обобщающую работу по скифской проблематике в Крыму (*Ольховский, Храпунов, 1990*).

В 1980-х гг. в ходе подготовки коллективной монографии, посвящённой скифским погребальным памятникам Северного Причерноморья, был составлен свод погребений Крыма (*Скорый, 1986*).

В 1990-х — начале 2000-х гг. И.Н. Храпунов, работая над проблемой этнической истории Крыма в раннем железном веке, изложил свои представления о скифской классической культуре в соответствующих разделах монографии и докторской диссертации (*Храпунов, 1995, с. 29—49; 2003, с. 15—18*).

В начале 2000-х гг. была издана книга С.Г. Колтухова и В.Ю. Юрочкина, в которой даны очерки истории изучения «варварского» населения, обитавшего на территории Крымского полуострова в VII в. до н. э. — VII в. н. э., где, естественно, уделено внимание древностям скифской классической культуры (*Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 8—40*). В данной работе впервые были приведены следующие весьма важные цифры: «…за многие десятилетия раскопок в Крыму было исследовано не менее **600** захоронений *скифского облика* (курсив наш — *С. С., Р. З.*). Из них полностью или частично опубликовано около **500**» (*Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 27*). И хотя формулировка «захоронения скифского облика» не обладает должной конкретикой (т. е. указанная совокупность погребальных памятников не обязательно принадлежит исключительно скифам, см. об этом далее), озвученная цифра, несомненно, впечатляет.

Пожалуй, для полноты картины следует упомянуть весьма обоснованное мнение Б.Н. Мозолевского, трактующе-

го большие скифские курганы Ак-Каи у Белогорска как некрополь кочевой элиты одного из политических образований («царств») Скифии (*Мозолевський, 1990*).

В последнее время С.Г. Колтухов, индивидуально либо в соавторстве, начал системную публикацию материалов скифских памятников Крыма, ориентируясь на локальные группы культуры, выделенные В.С. Ольховским, и предлагая ландшафтно-историческое районирование археологических памятников в рамках каждой из этих групп для всего скифского периода (*Колтухов, 2012; 2012а; Колтухов, Сенаторов, 2015, 2015а, 2015б, 2015в, 2016, 2016а; 2020, с. 9*).

В этом же ключе написана и обстоятельная обобщающая статья С.Г. Колтухова, посвящённая скифам горной части Крымского полуострова (*Колтухов, 2014*).

Наконец, авторы этой монографии недавно опубликовали несколько индивидуальных и совместных работ, касающихся древностей скифской поры в Крыму (*Скорый, 2013; 2013а; 2015; Скорый, Зимовец, 2015; 2015а; Зимовец, 2015; 2017; 2018; 2018а*).

Итак, из предложенного нами обзора (отнюдь не исчерпывающего) вполне очевидно, что памятникам скифской эпохи в Крыму, как с точки зрения полевых исследований, так и публикации материалов и написания обобщающих работ, уделялось весьма пристальное внимание.

Вместе с тем, даже при общем взгляде на присутствие скифских древностей (и, соответственно, скифов) в Крыму, несмотря на довольно продолжительный период осуществления археологических работ в данном регионе, бросаются в глаза следующие обстоятельства.

1. *Весьма малое число погребальных памятников или отдельных случайных находок раннескифского периода, то есть VII—VI вв. до н. э.* Впрочем, сходная картина имеет место в целом в степной зоне Северного Причерноморья, на что неоднократно обращали внимание исследователи, предлагая те или иные объяснения этому обстоятельству. Архаические погребения в Крыму это [1]: 1) захоронение на Темир-Горе, Керченский полуостров (40—30-е гг. VII в. до н. э.); 2) погребение 1 в кургане 11 у с. Филатовка, Северный Крым, Присивашье (вторая половина — третья четверть VII в. до н. э.), уже упомянутые нами; а также 3) разрушенное погребение у с. Изюмовка, Юго-Восточный Крым (не позже VI, а скорее — конец VII — VI вв. до н. э.) (*Скорый, 1977*); 4) погребение 10 в кургане 5 у с. Григорьевка, Северо-Западный Крым (*Колотухин, 2000, с. 37, 103; рис. 23: 1—3*), дата: по В.А. Колотухину, вторая половина VII — вторая половина VI вв. до н. э. (*Колотухин, 2000, с. 37*), по С.Г. Колтухову, вторая половина VII — рубеж VII—VI вв. до н. э. (*Колтухов, 2012, с. 83*); 5) погребение 8 в кургане 2 у с. Сусанино, Северо-Западный Крым (инвентарь — лепная лощённая корчажка, близкая типологически к известным на кизил-кобинских поселениях второй половины VII — VI вв. до н. э.) (*Колотухин, 2000, с. 33, 100; рис. 20: 9*); 6) погребение 13 в кургане 2 у с. Чернозёмное, Северный Крым, Присивашье (инвентарь — сосуд лепной, типологически близкий горшкам, известным на кизил-кобинских поселениях как VIII—VII, так и VII — рубежа VII—VI вв. до н. э.) (*Колотухин, 2000, с. 16, 88; рис. 8: 10*); 7) погребение 1 в кургане 3 у с. Чернозёмное, Северный Крым, Присивашье (*Колотухин, 2000, с. 16—17,88; рис. 8: 11, 13*), дата: по В.А. Колотухину, не позднее второй половины VI в. до н. э. (*Колотухин, 2000, с. 18*), по С.Г. Колтухову, VII — начало VI вв. до н. э. (*Колтухов, 2012, с. 57*).

Как видим, отнесение погребения 8 в кургане 2 у с. Сусанино (Северо-Западный Крым) и захоронения 13 в кургане 2 у с. Чернозёмное к раннескифским моги-

[1] Разумеется, мы имеем в виду исключительно скифские архаические памятники, или группу «С», по В.С. Ольховскому. Архаические погребения группы «КК» (*Ольховский, 1991, с. 80—82*) с инвентарём кизил-кобинской культуры (прежде всего — лощённой лепной керамикой), в которых отсутствуют типично скифские вещи, в расчёт не принимаются.

лам выглядит довольно сомнительным: в них нет ни одной вещи, свойственной архаической скифской культуре, но зато присутствует посуда, типичная для кизил-кобинских древностей Крыма. Таким образом, *достоверно* раннескифскими памятниками являются лишь пять погребений с раннегреческими сосудами или скифскими вещами.

К числу отдельных архаических находок следует отнести железный акинак конца VII — первой половины VI вв. до н. э., найденный у с. Новоклёново Белогорского района (*Колтухов, 2008б, с. 250; рис. 2: 1*).

Нужно отметить, что и захоронений VI—V вв. до н. э. также в Крыму известно немного, лишь несколько десятков, по большей части — на Керченском полуострове.

2. *В целом незначительное распространение конской упряжи в скифских памятниках Крыма.* Несколько отличаются лишь захоронения на Керченском полуострове, в зоне контактов с античным миром, и в Северном Крыму — в Присивашье (захоронения в курганах у с. Чкалово, г. Красноперекопск), Северо-Западном Крыму (погребения в курганах у сёл Рылеевка, Владимировка, возможно, Кара-Меркит, Колоски).

3. *Крайне скромные сведения, которыми располагает наука о скифских древностях в Юго-Восточном Крыму.* Последнее хорошо подтверждается, например, данными картографии памятников, представленными в известных обобщающих работах (*СППССП, 1986, с. 34—35; рис. 3; с. 42; рис. 4; Ольховский, 1991, с. 17—18; рис. 1;* 2).

В свете сказанного, сведения о скифских находках Крыма, публикуемые в Каталоге этой монографии, представляются весьма своевременными и актуальными для понимания общей картины присутствия скифов и степени распространения их культуры на Крымском полуострове.

Подчеркнём, что данная работа является вторым, дополненным и в определённой степени переработанным изданием книги «Скифские древностим Крыма. Материалы одной коллекции», опубликованной в Киеве в 2014 г. (*Скорый, Зимовец, 2014*).

Необходимость переиздания данной монографии объясняется несколькими факторами.

Первый, и главный из них, заключается в том, что в публикации 2014 г., в Каталоге описаны, увы, не все предметы, составляющие коллекцию, сформированную на протяжении 2006—2013 гг., а примерно 75 % (**404** ед.) [1]. Дело, в том, что многие артефакты (речь, прежде всего, идёт о бронзовых изделиях) изначально нуждались в реставрации. А данный процесс, как известно, требует значительных усилий и времени, зачастую нескольких лет. Ныне он успешно завершён, и в предлагаемом вниманию издании представлена полностью вся коллекция, насчитывающая **540** предметов.

Вторым фактором, не столь важным, но всё же существенным, явился расширившийся за счёт некоторых публикаций последних лет круг аналогий для многих предметов коллекции, позволяющий презентовать вещи на более обширном и, соответственно, более объективном научном фоне. При этом нужно отметить, что, к сожалению, какая-то часть аналогий не была учтена нами при издании материалов 2014 г.

Наконец, *третьим* фактором, стимулирующим данное издание, стала реакция научной общественности на упомянутую монографию.

Нужно отметить, что на первое издание книги «Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции» были опубликованы четыре положительные рецензии — в Украине (*Вальчак, 2015*), России (*Медведев, 2015; Гуляев, 2016*), Молдове (*Топал, 2017*). Кроме того, была издана обстоятельная статья крымского исследователя С.Г. Колтухова, имеющая к «Скифским древностям Крыма» непосредственное отношение, но

[1] Эта коллекция была передана в 2014 г. в Археологический музей Института археологии НАН Украины и ныне доступна для изучения интересующимися специалистами.

Карта основных мест концентрации находок, представленных в каталоге

носящая дискуссионный характер (*Колтухов, 2017*). Да и в недавно опубликованной монографии С.Г. Колтухова и С.Н. Сенаторова указанной книге (а соответственно — публикуемым артефактам) уделено должное внимание (*Колтухов, Сенаторов, 2020, с. 35—39*). Особено же следует упомянуть статью А.Р. Канторовича, специально посвящённую изделиям в скифском зверином стиле, входящим в «Крымскую коллекцию» (*Канторович, 2019*).

В любом случае, изданные материалы чрезвычайно важны для понимания спектра вопросов, связанных со скифской эпохой в Крыму, а поэтому, видимо, неслучайно один из рецензентов подчеркнул, что выход монографии «Скифские древности Крыма» «…стал настоящим событием 2014 года» (*Топал, 2017, с. 261*), разумеется, в скифоведении.

Опубликованные материалы (или сделанные в книге выводы) буквально сразу стали находить отражение в ряде трудов, посвящённых скифским древностям (например: *Topal, 2015; Топал, 2015; 2016; 2017; 2018; Гуляев, 2016, с. 39, 843, № 32, с. 91, 100, № 62 ; Шабанов, Горев, 2016, с. 44; Клочко, 2018, с. 123; Канторович, 2019; Колтухов, Сенаторов, 2020 с. 37—38, 59, 62*).

Однако было бы необъективно с нашей стороны не отметить ряд претензий и сомнений по поводу публикуемого материала, изложенных в трудах отдельных коллег. На некоторых из них, наиболее с нашей точки зрения принципиальных, мы позволим себе остановиться.

Так, С.Г. Колтухов, уделяющий примерно с конца 1990-х гг. значительное внимание памятникам классической скифской эпохи Крыма [1], безапелляционно оценивает опубликованную коллекцию

[1] Здесь нужно отметить большую и важную работу С.Г. Колтухова, осуществлённую либо индивидуально, либо совместно с санкт-петербургским коллегой С.Н. Сенаторовым, по републикации материалов из скифских погребальных памятников Крыма, исследованных в конце XIX — начале XX вв., связанной с их реальной локализацией и анализом материалов на современном научном уровне. Упоминание об этом и ссылки на работы приведены ранее.

как свод материалов, происходящих из *ограбленных курганов* (*Колтухов, Сенаторов, 2016, с. 179—180; Колтухов, 2017, с. 46*). Более того, он полагает, что часть находок, входящих в состав коллекции, вовсе *не крымского происхождения* (*Колтухов, 2017, с. 48—49*), а если и крымского, то точность локализации артефактов в конкретных местностях полуострова, в частности в Предгорном Крыму, сомнительна (*Колтухов, Копьева, 2017, с. 300—301; Колтухов, Сенаторов, 2020, с. 37*). Кроме того, упомянутый исследователь утверждает, что местное население Предгорного и Горного Крыма (племена кизил-кобинской культуры — тавры) использовали исключительно оружие и конское снаряжение скифского типа, ибо иного у них «не было» (*Колтухов, 2017, с. 53—54, 57; Колтухов, Сенаторов, 2020, с. 13, 36—37*). На этом основании С.Г. Колтухов делает вывод о том, что ряд артефактов, вошедших в коллекцию, в первую очередь, предметы вооружения архаического времени, скорее всего, происходят из таврских памятников. Свой вывод исследователь подкрепляет перечнем скифского клинкового оружия, обнаруженного в каменных ящиках (всего не менее шести экземпляров) и списком поселений кизил-кобинской культуры в местах концентрации находок, опубликованных в Каталоге (*Колтухов, 2017, с. 51—53, 55—56*). Таким образом, якобы, появляется основание опровергнуть один из ключевых выводов нашей работы о том, что в эпоху архаики имело место проникновение скифов в предгорные районы Крымского полуострова. По мнению исследователя, речь может идти лишь о существовании в это время некоей «контактной зоны» между скифами и крымскими аборигенами (*Колтухов, 2017, с. 61; Колтухов, Сенаторов, 2020, с. 39, 138*).

Любопытно, что тезис о возможном происхождении вещей коллекции, вероятно, «из грабительских раскопок» нашёл поддержку и в некоторых работах А.Р. Канторовича, как, впрочем, и версия о некрымском происхождении отдельных артефактов (*Канторович, 2017, с. 146; 2018, с. 198; 2018б, с. 275; 2019, с. 431*), При этом исследователь, правомерно ссылаясь на работу С.Г. Колтухова и С.Н. Сенаторова (*2016, с. 178—180*), где данные положения, как было указано выше, действительно отражены, почему-то указывает на рецензии А.П. Медведева (*2015*) и В.И. Гуляева (*2015*), в которых подобных сомнений нет вовсе. Впрочем, нет их и в иных написанных на монографию рецензиях (*Вальчак, 2015; Топал, 2017*).

По этому поводу важно отметить следующее.

I. *О происхождении артефактов «Крымской коллекции» из «грабительских раскопок»*. Нам этот тезис, высказанный в ряде работ С.Г. Колтухова (зачастую в соавторстве с С.Н. Сенаторовым) и, к сожалению, нашедший определённую поддержку, представляется крайне опрометчивым и неубедительным. Данный подход свидетельствует о *невнимательном* отношении исследователей к конкретным изделиям, вошедшим в коллекцию.

Приведём лишь два аргумента в пользу сказанного.

1. В составе основного массива вещей, изданного в 2014 г. (всего **404** ед. из бронзы и железа) **305** предметов, в основном *из бронзы*, относятся, прежде всего, к конскому снаряжению. При этом основная часть была оформлена в традициях скифского звериного стиля. Из указанного количества **53** предмета (или более **17** %) имеют те или иные повреждения (вещи в разной степени фрагментированы, часто отсутствуют петли для крепления на кожаной основе и пр.).

В целом же, в *общей* коллекции, издаваемой ныне (**540** ед.), **332** предмета, т. е. более половины, являются деталями конской упряжи. Из них **72** изделия (или более **21** %) носят явные следы разнообразных повреждений. Иными словами, мы, несомненно, имеем дело в основном с утерянными (а в некоторых случаях — с пришедшими в негодность) вещами.

2. Ещё более уязвима версия крымского исследователя о происхождении ар-

тефактов коллекции из «грабительских раскопок» — в свете чрезвычайно хорошей сохранности изделий *из железа*, и, прежде всего, большей части довольно представительной серии *мечей и кинжалов*. Подчеркнём, что такой облик могут иметь только предметы вооружения, размещённые в земле на *небольшой глубине*, а отнюдь не в погребениях скифской поры. Один из авторов настоящей книги знает об этом вовсе не понаслышке. Лишь несколько примеров. Аналогичной великолепной сохранностью, под стать оружию из «Крымской коллекции», отличался архаический кинжал келермесского типа, случайно найденный в 1980-х гг. буквально под слоем дёрна на северной окраине Киева, в районе Ветряных гор, хранящийся ныне в Национальном музее истории Украины (*Белозор, Скорый, 1985*).

При этом, железные мечи и кинжалы, встречаемые в захоронениях скифской поры, как правило не обладают презентабельным видом: клинок их чаще всего сильно корродирован, а иногда представлен несколькими фрагментами, перекрестье или навершие сохраняется вовсе не полностью. Во всяком случае, в подобном состоянии пребывали мечи и кинжалы в ряде скифских погребений украинской Лесостепи, к исследованию которых мы имели непосредственное отношение, например, в погребении 1 кургана 6 у с. Яснозорье (вторая половина VII — рубеж VII—VI вв. до н. э.); погребении 1 кургана 1 близ названного населённого пункта (последняя четверть V в. до н. э.) (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 44, рис. 2: 1; с. 55, рис. 5: 1*), Центральной могиле Большого Рыжановского кургана (первая четверть III в. до н. э. (*Скорый, Хохоровски, 2018, с. 217, рис. 108*). Да и в крымских захоронениях скифского периода, во всяком случае тех, с которыми нам приходилось сталкиваться непосредственно (например, погребение 3 кургана 48 Акташского могильника, расположенного на Керченском полуострове, вторая половина V в. до н. э.) железный меч выглядел не самым лучшим образом (*Бессонова, Скорый, 1986, с. 162, рис. 4: 1*). Впрочем, сохранность мечей и кинжалов и в иных скифских погребениях Крыма, как правило, оставляет желать лучшего, что, конечно, должен, как специалист в области археологии раннего железного века, знать С.Г. Колтухов. Сказанное подтверждается внешним видом упомянутого оружия, опубликованного в ряде работ, в том числе самого С.Г. Колтухова (*Колотухин, 2000, с. 82, рис. 2: 3; с. 90, рис. 10: 6; с. 99, рис. 19: 14, 21; с. 102, рис. 14; с. 103, рис. 23: 12; с. 107, рис. 27: 7; с. 111, рис. 31: 7; Колтухов, 2012, с. 137, рис. 28: 1—8; 2012а, с. 180, рис. 20: 2; с. 203, рис. 41: 2*). К слову сказать, мало, чем отличаются по сохранности немногочисленные кинжалы скифского типа, найденные в погребениях кизил-кобинской культуры (например: *Крис, 1981, с. 112, табл. 32: 21; с. 114, табл. 34: 23; с. 118, рис. 38, с. 119, рис. 39: 1*).

II. *Часть находок — не крымского происхождения.*

Здесь, видимо, следует развести два существенных понятия: являются *ли* некоторые предметы, составившие коллекцию, *импортами*, попавшими *в древности* на юг Северопричерноморской Степи, в Тавриду, или (как полагает С.Г. Колтухов, ссылаясь на устное мнение своего крымского коллеги А.В. Гаврилова) они привезены в Крым не столь давно современными грабителями с «Тамани, Кубани... Лесостепной Украины» (*Колтухов, 2017, с. 45—49*). Впрочем, близкую версию высказал в одной из работ А.Р. Канторович, допуская, что ряд изделий «происходит из-за пределов Крыма — в частности, из Прикубанья или Поднепровья — и просто были обозначены как крымские непосредственными находчиками или перекупщиками в целях дезинформации» (*Канторович, 2017, с. 176*). Впрочем, названный исследователь не исключает, что некоторые предметы опубликованной коллекции являются подделками (*Канторович, 2017, с. 175; 2019, с. 431*). Конечно, одним из оснований для подобной версии, высказанной уважаемым коллегой, является весь-

ма солидный новый фонд изображений, выполненных в зверином стиле, по сути, превышающий тот, что был известен ранее, за всю историю изучения скифских древностей Крыма. В принципе, такие сомнения понятны.

Не будем концентрировать особого внимания на версии о подделке изделий, вошедших в коллекцию: непосредственное, долговременное и тщательное изучение авторами книги предметов при подготовке их к публикации, весь наработанный опыт в скифоведении исключает вероятность каких-либо фальсификаций. Несомненно, это — аутентичные вещи! К слову сказать, убедиться в этом любой заинтересованный специалист, в том числе по скифскому звериному стилю, сейчас вполне может: вещи, как отмечено ранее, хранятся в Археологическом музее Института археологии НАН Украины, и, разумеется, доступны.

Вероятно, подобные сомнения могли вызывать и уникальные, не имеющие на тот момент аналогов, предметы, выполненные в зверином стиле. Развеять их могут только новые находки, особенно обнаруженные в закрытых комплексах, вместе с известным датирующим материалом. По прошествии более шести лет можно констатировать, что часть предметов коллекции, опубликованных в 2014 г. и считавшихся на тот момент уникальными, сейчас уже имеют аналогии, обнаруженные в других регионах Северного Причерноморья (например, бляхи в виде когтистой лапы из Александровки и Юго-Восточного Крыма, № 25/351, 26/352 настоящего Каталога; далее Каталог). Мы уверены, что в будущем количество таких аналогий будет только расти. Впрочем, как и количество аналогий предметам, известным в единичных экземплярах до публикации коллекции (например, бронзовая уздечная бляха с изображением фигуры оленя из Нимфейского кургана 17 была уникальной, однако её аналогия обнаружена в Приазовье и публикуется в Каталоге (№ 29/355).

Отметим, что вопрос о месте производства той или иной группы артефактов (что вполне относится, естественно, и к скифской культуре) зачастую отнюдь не прост. Тем не менее, применительно к нашей коллекции, к счастью, вполне определённо можно утверждать: местное крымское изготовление отдельных предметов, например, вооружения и конской упряжи, по сути, неоспоримо. В издании 2014 г., в частности, отмечалось, что ряд скифских кинжалов (хотя и небольшой), входящих в состав коллекции, имея известные морфологические детали рукоятей, тем не менее отличается исполнением последних, а потому не находит прямых аналогий среди известного собрания скифских мечей и кинжалов в Восточной Европе (*Скорый, Зимовец, 2014, с. 144*). Ещё более существенными аргументами в пользу высказанного мнения являются отдельные бронзовые архаические двулопастные наконечники стрел жаботинского и келермесского типов с неудалёнными литниками (т. е. полуфабрикаты) и один из бронзовых, хорошо известных ныне в Крыму наносников в виде орлиноголового ушастого грифона, имеющий дефекты в связи со смещением створок литейной формы (*Скорый, Зимовец, 2014, с. 46, № 1/43, 2/44, с. 48, № 45/87, с. 146, с. 75, № 9/258—11/260*). И, как нам представляется, это лишь некая вершина «айсберга». Стилистический анализ также позволяет вполне обоснованно говорить о том, что ряд общескифских образов звериного стиля получил оригинальную трактовку, либо же непосредственно имеет свои истоки на территории Крыма и связанных с ним ближайших районах Предкавказья. К первым можно отнести образ горного козла, ко вторым — полисемантический образ лап хищной птицы / рогов лося или оленя и часть редуцированных изображений кабана) (*Зимовец, 2015; 2017; 2017а; 2019*).

Вместе с тем, среди изделий, составивших коллекцию, есть предметы, имеющие чрезвычайно близкие аналогии, на-

пример, в древностях скифского времени Среднего Дона или Северного Кавказа, как, впрочем, и ещё более отдалённых территорий. Но это не повод непременно видеть в них изделия, извлечённые из погребальных памятников современными находчиками и доставленные в Крым непосредственно или опосредованно с помощью иных лиц. Как нам представляется, мы явно недооцениваем степень коммуникаций и контактов скифов-кочевников с окружающим миром, в том числе номадов, судьба которых была связана с Крымом.

Весьма показательным изделием в этом плане является, например, крючок-застёжка с профильным изображением лошади (*Скорый, Зимовец, 2014, с. 58, № 3/189, с. 146—147*). Функционально подобные предметы в Крыму встречены дважды: в виде фигурки оленя в кургане 5 группы Новоалександровка-Богачёвка в Присивашье (*Колтухов, 2012, с. 137, рис. 28:* 2) и в виде птицы с распростертыми крыльями в кургане Ак-Бурун (раскопки 1875 г.) близ Керчи (*Бутягин, Виноградов, 2014, с. 75, рис. 28: 7; с. 154, кат. 34*). Да и в памятниках коренной скифской Степи такие предметы зафиксированы лишь однажды: в виде фигурок оленей в царском кургане Александрополь (*Полин, Алексеев, 2018, с. 912, № 5, 6*). Между тем, подобные крючки-застёжки имели весьма большую популярность у населения скифской поры в бассейне Среднего Дона. По этой причине есть достаточно веские основания видеть в этих немногочисленных изделиях, встречаемых в скифской Степи и в Крыму, среднедонской импорт (*Гуляев, 2016, с. 37*).

Также заслуживает внимания ряд изображений, которые находят аналогии в восточных регионах распространения культур скифского облика — в Поволожье, Южном Приуралье, Западном Казахстане. Это, например, подвески — бронзовые имитации кабаньих клыков (№ 1/519, 4/522 Каталога), сдвоенные головки хищных птиц (№ 105/465—108/468 Каталога), лаконичные изображения головы вепря (№ 41/401—46/406 Каталога). Видимо, проникновение этих предметов в Крым связано с савроматским импульсом, который также фиксируется и в остальных частях Скифии в конце VI — начале V вв. до н. э. (*Алексеев, 1991*, с. *54*; *2003*, с. *183—184*).

Еще более интересен ряд аналогий крымским изделиям архаического времени, происходящим с территории Предкавказья и Кавказа. Речь идет о таких показательных предметах как распределительные пряжки «клювовидной» формы от конской узды и бронзовые бутероли от ножен мечей или кинжалов в виде головки хищной птицы, публикуемые в настоящем издании. Первые находят аналогии как на Кавказе, так и в Лесостепи, в первую очередь, Левобережной. Вторые — в степной части Северного Причерноморья и украинской Лесостепи (тип «Репяховатая Могила»), однако большинство подобных изделий происходит с территории Кавказа. Вероятнее всего, на территорию Крыма, а отсюда далее, в Степь и Лесостепь, эти изделия попали вместе с продвинувшимися сюда номадами. И нет ничего удивительного в том, что Крым, в силу своего географического положения, был одной из территорий, по которой прокатывались первые волны миграций кочевников в VII—VI вв. до н. э. (*Зимовец, 2016; 2017*).

Довольно тесные связи скифского населения Крыма и Предкавказья, судя по предметам, выполненным в скифском зверином стиле, прослеживаются и в классический период. Правда, скорее всего, характер этих связей меняется. Это уже не следствие проникновения номадов с Кавказа в Северное Причерноморье, оставлявших характерные материальные следы, а более или менее регулярные контакты, опосредованные, к тому же, деятельностью Боспорского производственного центра, влияние которого хорошо прослеживается по обе стороны Боспора Киммерийского. В целом же необходимо подчеркнуть, что связь Крыма и Предкав-

казья, особенно в архаический период, явно недооценивалась исследователями в силу ограниченности источниковой базы. Равно как и связь полуострова с материковой Степью. Именно поэтому мы выделяем особенности скифского звериного стиля Крыма с большой осторожностью, всегда имея в виду тот факт, что эти самые «особенности» обнаруживаются (и могут быть обнаружены в дальнейшем) как на Тамани и в Предкавказье, так и севернее Перекопского перешейка.

Таким образом, подобие крымских находок предметам скифской культуры, известным в древностях Лесостепи, Северного Кавказа и иных евразийских территорий — это ещё не повод для мнения о том, что эти вещи непременно происходят из разграбленных в нынешнее время памятников.

III. *Об использовании племенами крымских горцев скифского вооружения и всего комплекса конского снаряжения*, ибо иного у них не было.

Необходимо подчеркнуть, что здесь отнюдь не всё так однозначно. Действительно, вооружение скифского типа, прежде всего кинжалы, наконечники стрел, реже — наконечники копий присутствуют в погребальных памятниках «кизилкобинцев» — тавров. Лишь изредка в могилах горцев встречаются детали конской упряжи — удила, псалии, кольца. И никаких изделий, оформленных в традициях скифского звериного стиля, в том числе относящихся к конской упряжи! Нет подобных находок и на кизилкобинских — таврских поселениях, что весьма показательно! И это вполне объяснимо: ментальность, идеология, религия горцев была совершенно иной, отличной от степных номадов, что нашло отражение в их искусстве, для которого была свойственна в первую очередь геометрика. Впрочем, и сам С.Г. Колтухов пишет, что отсутствие предметов в антропоморфном и зооморфном стиле в таврских могилах заключается, видимо, в неких табу (*Колтухов, 2017, с. 57, снос. 40*). В этой связи неясно, к каким именно положениям одного из авторов, якобы оправдывающих беспрепятственное проникновение предметов, оформленных в скифском зверином стиле, в таврскую среду апеллирует исследователь (*Колтухов, 2017, с. 57, снос. 39*).

Таким образом, «таврская» версия совершенно не объясняет присутствие в коллекции столь значительного количества изделий, выполненных в традициях скифского звериного стиля, свойственного воинственному миру номадов.

Следует отдать должное детальному анализу хронологии предметов «Крымской коллекции», проведенному С.Г. Колтуховым. Исследователь обращает внимание на то обстоятельство, что среди вооружения, в основном, клинкового оружия, преобладают экземпляры, относящиеся к периоду скифской архаики, а большинство бронзовых бляшек в зверином стиле принадлежит скифской классике. И это, вроде бы, подкрепляет логику исследователя: раннескифский комплекс вооружения был заимствован таврами, в то время как собственно скифы проникают в Предгорье только во второй половине VI — начале V вв. до н. э., что в полной мере соответствует концепции, предложенной Т.Н. Троицкой еще в начале 1950-х гг. (*Троицкая, 1954*). Однако и в этот вопрос необходимо внести бóльшую ясность.

Во-первых, следует подчеркнуть, что сам по себе скифский звериный стиль эпохи архаики (вторая половина VII — третья четверть VI вв. до н. э.) Восточной Европы весьма специфичен, он заметно отличается от более разнообразного и массового стиля классического времени. Что же касается бронзовых изделий конской узды и деталей вооружения, то набор образов и самих предметов весьма ограничен: распределительные пряжки-пронизи в виде голов хищной птицы, барана, бараноптицы, наконечники ножен в виде свернувшегося хищника и головы хищной птицы, редкие бляхи с изображением козлов, оленей, свернувшихся хищников. Репертуар немного расширяется,

если принять во внимание ритуальные навершия (бык, копытные), налучья (заяц, пантера), костяные бляшки (лоси) а также отдельные уникальные предметы, например, изделия из Келермесских и Литого (Мельгуновского) курганов. Но, в целом, раннескифский репертуар скифского звериного стиля Восточной Европы остается ограниченным.

В связи с этим количество архаических предметов звериного стиля представленных в коллекции, является весьма репрезентативным — **23** экземпляра, относящихся к VII—VI вв. до н. э. и еще по крайней мере **6**, относящихся к рубежу архаической и классической эпох. Это распределительные пряжки в виде головы хищной птицы и барана, зооморфно оформленные трехдырчатые псалии (баран, копыто), отдельные бляхи (козлы), бутероли в виде головы хищной птицы. Все они хорошо вписывают Крым в общий контекст скифской архаики Предкавказья — Северного Причерноморья. Это представительная подборка «не элитарных» изделий, украшавших оружие и узду коней скифских воинов, активно осваивавших Крымский полуостров (включая его Предгорную часть), как и все Северное Причерноморье, по крайней мере, с середины VII в. до н. э.

Принимая во внимание отсутствие предметов звериного стиля в таврских комплексах, совершенно логично предполагать, что эти предметы впервые проникли в крымское Предгорье вместе с их физическими и идеологическими носителями, а не стали предметами импорта или обмена в рамках некоей «контактной зоны». Да и последняя могла возникнуть лишь благодаря скифскому продвижению в землю тавров, а не наоборот. Находки отдельных предметов скифского вооружения в таврских захоронениях совершенно не противоречат этому предположению.

Во-вторых, безусловно, в V в. до н. э. скифский контингент в Крыму значительно увеличивается и, скорее всего, частично оседает, что и находит отражение в увеличении количества предметов конской узды, выполненных в скифском зверином стиле. Появляются бронзолитейные мастерские, в которых производятся эти изделия. Собственно к V в. до н. э. относится **99** предметов звериного стиля. Преимущественно же к V в. до н. э., с частичным попаданием в VI в. до н. э. или IV в. до н. э. можно отнести **145** предметов, т. е. чуть менее половины публикуемых в Каталоге.

В-третьих, относительное снижение числа зооморфных бляшек-украшений конской узды в IV в. до н. э. (к этому столетию полностью либо преимущественно относятся **80** предметов) может быть объяснено общим упадком скифского звериного стиля в это время, тенденцией к его орнаментации и геометризации, а также значительной эллинизацией варварского населения Крыма. Впрочем, свои коррективы вносит и недостаточно разработанная хронология. В конце VI либо в V вв. до н. э. мы наблюдаем появление ряда образов, получивших массовое распространение (стилизованные обособленные конечности, голова неопределенного хищника, наносники в виде орлиноголовых ушастых грифонов, лоси в жертвенной позе), которые, скорее всего, бытовали и в последующее время вплоть до окончания классической скифской эпохи Крыма. Поэтому многие изделия имеют достаточно широкие хронологические рамки, включающие по крайней мере два века (56 экз.).

В Каталоге предметов коллекции, сформированной на протяжении 2006—2013 гг., представлены сведения о **540** находках скифской культуры, происходящих, прежде всего, из предгорных и степных районов Центрального, Юго-Восточного и Восточного Крыма: Белогорского, Красногвардейского, Советского, Кировского, Ленинского, в меньшей степени — Судакского района и Большой Феодосии. Лишь отдельные артефакты найдены в иных районах полуострова — Керченском, Симферопольском, Черноморском, г. Севастополь. Практически все предметы, вошедшие в коллекцию, являются случайными наход-

ками, не вырванными из археологического контекста погребальных или поселенческих памятников. Как правило, обнаружены они на весьма небольшой глубине, с помощью металлодетекторов, увы, не профессиональными археологами. Впоследствии эти предметы были приобретены, в результате чего и сформировалась данная коллекция. Тем не менее, несмотря на случайный характер этих приобретений, значительную часть находок удалось достоверно «привязать» более чем к **120** пунктам конретного обнаружения этих артефактов, в том числе примерно к **80** географическим населённым пунктам Крыма.

Особого внимания заслуживает тот факт, что ряд предметов Каталога, прежде всего вооружения, и, в определённой степени, конского снаряжения датируется архаическим периодом — VII — первой половиной VI вв. до н. э., что значительно расширяет наше представление относительно времени появления в Крыму скифской культуры. С размышлениями и выводами на эту тему и по иным поводам читатель сможет ознакомиться в разделе «Скифские древности Крыма в свете новых реалий».

Также важно отметить, что более половины коллекции (**311** из **540** экз.) составляют предметы, оформленные в зверином стиле. Бóльшая их часть находит аналогии, причем как в географических рамках «Геродотова квадрата» (что вполне закономерно, принимая во внимание меньшую географическую обособленность Крыма от причерноморских степей в античное время), так и в различных местах присутствия культур скифского облика — от Средней Европы до Южной Сибири. Это дает основания по-новому посмотреть на место Крыма в рамках классической скифской культуры, обратить внимание на связи населения полуострова с родственными культурами разных регионов Евразии.

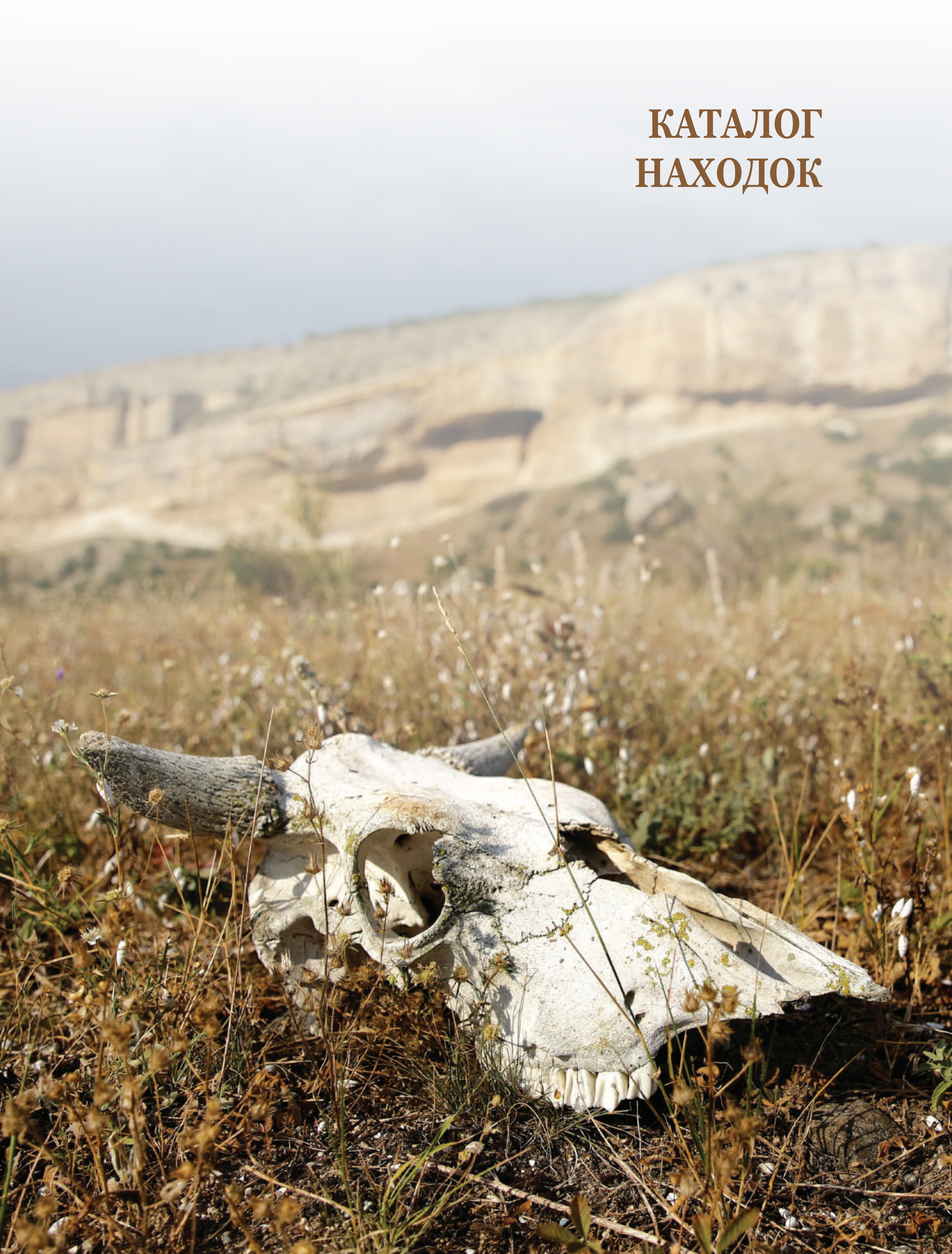
Коллекция значительно расширяет представления о репертуаре образов и сюжетов звериного стиля, который использовало скифское население Крыма, и открывает новые возможности как для его искусствоведческого, так и комплексного семиотического анализа. Наши размышления относительно определенных аспектов звериного стиля в связи с материалами коллекции также представлены в разделе «Скифские древности Крыма в свете новых реалий».

Для удобства пользования Каталогом мы ввели двойную нумерацию всех предметов — тематическую (связанную с функциональными группами соответствующих предметов) и сквозную. Учитывая большое количество предметов, мы вынуждены придерживаться относительной лаконичности в их описании. Основной акцент сделан на точной передаче их физических параметров, места находки (в случае наличия информации о таковом), подборе аналогий и датировке.

Мы принимаем критику наших коллег относительно отсутствия в Каталоге графических иллюстраций. Они действительно были бы важными для более точного восприятия артефактов и сопоставления их с аналогиями. Однако зарисовка столь объёмной коллекции грозила затянуть публикацию на неопределенное время. Поэтому мы решили компенсировать отсутствие рисунков дополнительным фотоальбомом наиболее ярких предметов коллекции, позволяющим получить более качественную и достоверную визуальную информацию.

Считаем своим приятным долгом выразить благодарность тем, кто оказал нам содействие в работе над настоящим материалом, прежде всего сотрудникам Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины, кандидатам исторических наук С.С. Бессоновой и А.Д. Могилову, а также крымским краеведам Е.В. Панину, А.А. Пешкову и С.Н. Пушкарёву.

Наша особая сердечная признательность старокрымскому краеведу К.Л. Пипериди, без помощи которого это издание могло бы не состояться.

КАТАЛОГ НАХОДОК

1. НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

1.1. МЕЧИ, КИНЖАЛЫ, БУТЕРОЛИ НОЖЕН, НАВЕРШИЕ АКИНАКА

1. Меч биметаллический

Конец VIII — первая половина — середина VII вв. до н. э.

Между сёлами Межгорье — Барабаново, Белогорский район. Северные предгорья Караби-Яйлы.

Железо, ковка. Бронза, литьё. Железо сильно корродировано.

Сохранившаяся длина оружия: 41,3 см.

Длина клинка: 29,5 см. Максимальная ширина: 3,5 см.

Максимальная ширина перекрестья: 6,5 см.

Длина ручки: 8,0 см. Ширина: 2,2 см.

Длина навершия: 5,6 см.

Рукоять меча литая, рамочная, по краям выделены бортики. В ней закреплён железный черенок клинка. Перекрестие почковидное, массивное. Навершие брусковидное, с округлыми краями. В плане — овально-линзовидной формы. Клинок меча с двумя параллельными лезвиями. В сечении — ромбовидный. Обломан в двух местах: у рукояти и в нижней части. Очевидно, первоначально был довольно длинным. Оружие принадлежит к категории древнейших биметаллических мечей скифского типа.

Аналогии близкие: 1) биметаллический меч из кургана 2 у с. Райгород в бассейне Тясмина, Днепровское Лесостепное Правобережье, отличие — более короткое навершие (*Ильинская, 1975, с. 97, табл. XXII: 8*); 2) биметаллический кинжал с почковидным перекрестьем, случайно найденный недавно вблизи Куземинского укрепления Бельского городища скифской поры, бассейн р. Ворскла, Днепровское Лесостепное Левобережье, отличие — более резко очерчена верхняя сторона перекрестья (*Берест, Гречко, Корост, 2018, с. 9, рис. 1*); авторы публикации отнесли оружие к концу VII — началу VI вв. до н. э., что, на наш взгляд, весьма омолаживает находку; 3) биметаллический меч с почковидным перекрестьем из хутора Стежинский в Поволжье, случайная находка, отличие — более узкое навершие и рамка под ним (*Сергацков, 1988, с. 249; рис. 1*); 4) биметаллический меч с почковидным перекрестьем из впускного погребения 5 конца VIII — начала VII вв. до н. э. в кургане близ с. Польско Косово, район Руссе, в Болгарии, отличия — несколько иное по форме перекрестье и утолщение в средней части навершия (*Stantchev, 2000, p. 41; fig. 5; p. 43; pl. I: 1*); 5) биметаллический меч с почковидным перекрестьем из погребения в Лубнице, Польша, отличие — рукоять цельнолитая (*Bukowski, 1977, p. 184, 354; tab. XII: 1*); 6) ручка биметаллического меча или кинжала из могилы в Стремце, Трансильвания, отличие — более короткое навершие, ручка с широкими бортиками и верхней рамкой (*Vasiliev, 1980, pl. 10: 2*). Более отдалённые аналогии с восточно- и среднеевропейской территории — биметаллические мечи и кинжалы с бронзовой рукоятью, имеющие сердцевидное, бабочковидное, лучковидное перекрестья или иное оформление рамочной рукояти (*Тереножкин, 1975, с. 28; рис. 20: 6—8; Шрамко, 1984, с. 31; рис. 4: 1, 4—5; Кулатова, 1994, с. 110; мал. 1; Ворошилов, 2007, с. 152; рис. 2: 2—3, 5—6; Дударев, 2011, с. 224; рис. 2; Vulpe, 1990, taf. 5: 25*).

2. Кинжал-акинак

Вторая половина VII в. до н. э.

Гора Агармыш, близ города Старый Крым, Кировский район.

Железо, ковка. Сохранность металла хорошая, лишь окончание клинка обломано.

Общая сохранившаяся длина: 24,5 см.

Сохранившаяся длина клинка: 13,0 см.

Максимальная ширина: 3,6 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,7 см.

Длина ручки: 7,7 см. Ширина: 1,7—1,9 см.

Длина навершия: 6,0 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка образована двумя валиками — «двутавровая», между ними — широкая ложбинка. Ручка слегка расширяется к навершию. Её особенностью является «рамочная» форма — признак наиболее архаических, биметаллических мечей. Навершие — плоское, брусковидное, с сужающимися концами, в плане — вытянутое. Клинок — в форме сильно вытянутого треугольника, с хорошо выделенным ребром жёсткости. Ромбовидный в сечении. Нижняя часть клинка наискось обломана.

Аналогии: точных подобрать не удалось. Однако по внешнему виду рукояти, сочетающей массивное почковидное перекрестье, длинное брусковидное навершие, двутавровую ручку с узкими бортиками, данный экземпляр напоминает серию архаических кинжалов, известную в большей степени по случайным находкам, например, на территории украинской Лесостепи — Верхний Салтов, Новый Валовай, бывший Каневский уезд (*Бабенко, 2009, с. 23; рис. 2, 3, 5, 8*), и в определённой степени — в Средней Европе (*Vulpe, 1990, taf. 6: 27, 28*).

3. Меч

Середина — вторая половина VII в. до н. э.

Район посёлка Зуя — села Александровка, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 48 см.

Длина клинка: 35,5 см.

Максимальная ширина: 2,4 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,5 см.

Длина ручки: 8,3 см; ширина в верхней части: 2,4; в нижней: 2,1 см.

Длина навершия: 5,8 см.

Ручка меча имеет «рамочную» форму с выделенными по краям узкими бортиками. Она немного сужается по направлению к перекрестию. С двух сторон на ручке просматриваются две узкие выпуклые линии. Навершие — длинный брусок, в плане ромбовидной формы. Клинок — с параллельными лезвиями, сужающимися в последней трети длины. В сечении — линзовидный. С двух сторон украшен четырьмя бороздками-канелюрами, просматривающимися на большей части длины клинка. Своеобразие акинаку придают три детали. Во-первых, это наличие под навершием небольшой петлевидной муфты. Она служила для крепления темляка, который надевался в бою на руку, чтобы не потерять оружие. Такие петли («темляки») зафиксированы только на древнейших скифских акинаках. Во-вторых — форма перекрестия. Это нечто среднее между двумя «почками», характерными для акинаков эпохи скифской архаики, и двумя опущенными острыми концами вниз треугольниками, распространёнными в предшествующее, новочеркасское время. С новочеркасскими древностями перекрестие сближают и опущенные вниз верхние края. В-третьих, это сужение ручки от верхней части к нижней, также характерное для новочеркасских кинжалов. Складывается впечатление, что мастер, изготавливавший акинак, был знаком с кинжалами новочеркасского типа и создавал изделие, во многом ориентируясь на них. Если наше предположение верно, то публикуемый предмет подтверждает тезис о преемственности вооружения скифов Северного Причерноморья от предскифских, в первую очередь «киммерийских» (новочеркасских) типов, высказанный в свое время Б.А. Шрамко (*Шрамко, 1984, с. 30—31*). Более того, предскифские биметаллические кинжалы «с уплощенной в сечении рукоятью и коротким изогнутым перекрестьем с треугольными крыльями, примыкающими к клинку почти вплотную, датируются позднее остальных и, скорее всего, доживают до середины VII в. до н. э. Поэтому они вполне могут претендовать на роль прототипа для скифского акинака» (*Топал, 2015, с. 55*).

Аналогии: нам неизвестны.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

4. Кинжал-акинак

Вторая половина VII в. до н. э.

Горный массив Кубалач, южные склоны Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 27,0 см.

Длина клинка: 15,0 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,4 см.

Длина ручки: 8,5 см. Ширина: 2,5 см.

Длина навершия: 5,4 см.

Перекрестье кинжала так называемого келермесского типа, массивное, ручка — желобчатая, состоит из трёх параллельных валиков, круглых в сечении. Между ними — узкие бороздки. Навершие брусковидное, массивное, со скруглёнными краями. В плане — ромбовидной формы. Акинак имеет короткий клинок, линзовидный в сечении. Лезвия клинка параллельны друг другу и достаточно резко сужаются к окончанию в последней четверти длины. Особенность кинжала — наличие под навершием небольшой петлевидной муфты. Она служила для крепления темляка, который надевался в бою на руку, чтобы не потерять оружие. Такие петли зафиксированы только на древнейших скифских акинаках.

Аналогии: многочисленные. Из найденных на территории Северного Причерноморья: 1) меч, случайно обнаруженный в Киеве, на Ветряных горах (*Белозор, Скорый, 1985, с. 255, 256; рис. 1*); 2) кинжал из погребения 1 кургана 6 у с. Яснозорье (середина — вторая половина VII в. до н. э.) в бассейне р. Рось, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 55; рис. 6: 1*); оба экземпляра имеют под навершием петельку для темляка; 3) меч, случайно найденный в с. Карабазовка Полтавской области, бассейн Ворсклы (*Троцька, Гейко, 2001, с. 81; рис. 1*); 4) аналогичный акинак с петелькой под навершием — в собрании Пензенского областного краеведческого музея (*Максимов, Полесских, 1971, с. 239; рис. 1: 4*); 5) серия случайных находок в бассейне р. Северский Донец (*Шелехань, 2012, с. 327; рис. 2: 4, 7—8*); 6) известны находки подобного оружия и на территории Молдовы (*Топал, Бруяко, 2012, с. 135; рис. 1, 2*); 7) серия акинаков этого типа (9 экз., случайные находки) из Донской Лесостепи приведена А.Н. Ворошиловым, предложившим называть это оружие «акинаками келермесского типа» (*Ворошилов, 2011, с. 156—168*).

5. Кинжал-акинак

Вторая половина VII в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 32,8 см.

Длина клинка: 21,2 см.

Максимальная ширина: 3,3 см.

Максимальная ширина перекрестья: 6,5 см.

Длина ручки: 7,7 см. Ширина: 2,7 см.

Длина навершия: 4,8 см.

Перекрестье кинжала так называемого келермесского типа, массивное, ручка — желобчатая, состоит из трёх параллельных валиков, круглых в сечении. Между ними — узкие бороздки. Навершие брусковидное, массивное со скруглёнными краями, непропорционально короткое по отношению к перекрестию. В плане — вытянутой линзовидной формы. Клинок — линзовидный в сечении. Лезвия клинка — параллельны друг другу и плавно сужаются к окончанию в последней четверти длины.

Аналогии: те же, что и для предшествующего акинака, многочисленные. Из найденных на территории Северного Причерноморья: 1) меч, случайно обнаруженный в Киеве, на Ветряных горах (*Белозор, Скорый, 1985, с. 255—256; рис. 1*); 2) кинжал из погребения 1 кургана 6 у с. Яснозорье (середина — вторая половина VII в. до н. э.) в бассейне р. Рось, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 55; рис. 6: 1*); оба экземпляра имеют под навершием

петельку для темляка; 3) меч, случайно найденный в с. Карабазовка Полтавской обл., бассейн Ворсклы (*Троцька, Гейко, 2001, с. 81; рис. 1*); 4) аналогичный акинак с петелькой под навершием хранится в собрании Пензенского областного краеведческого музея (*Максимов, Полесских, 1971, с. 239; рис. 1: 4*); 5) серия случайных находок в бассейне р. Северский Донец (*Шелехань, 2012, с. 327; рис. 2: 4, 7—8*); 6) серия акинаков этого типа (9 экз., случайные находки) из Донской Лесостепи приведена А.Н. Ворошиловым, предложившим называть это оружие «акинаками келермесского типа» (*Ворошилов, 2011, с. 156—168*).

6. Кинжал-акинак

Вторая половина VII в. до н. э.

Село Тополевка, Белогорский район. Недалеко от Топловского монастыря.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 26,2 см.

Длина клинка: 14,7 см.

Максимальная ширина: 2,7 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,5 см.

Длина ручки: 7,5 см. Ширина: 2,2 см.

Длина навершия: 4,8 см.

Перекрестье кинжала массивное, сердцевидное или так называемого келермесского типа, ручка — желобчатая, состоит из трёх параллельных валиков, круглых в сечении. Между ними — узкие бороздки. Навершие брусковидное, массивное со скруглёнными краями, в плане — вытянутой линзовидной формы. Клинок — линзовидный в сечении. Лезвия клинка — параллельны друг другу и плавно сужаются к окончанию в последней четверти длины. Ребра жесткости едва просматриваются.

Аналогии: те же, что и для предшествующего акинака,

многочисленные. Из найденных на территории Северного Причерноморья: 1) меч, случайно обнаруженный в Киеве, на Ветряных горах (*Белозор, Скорый, 1985, с. 255—256; рис. 1*); 2) кинжал из погребения 1 кургана 6 у с. Яснозорье (середина — вторая половина VII в. до н. э.) в бассейне р. Рось, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994, с. 55; рис. 6: 1*); оба экземпляра имеют под навершием петельку для темляка; 3) меч, случайно найденный в с. Карабазовка Полтавской обл., бассейн Ворсклы (*Троцька, Гейко, 2001, с. 81; рис. 1*); 4) аналогичный акинак с петелькой под навершием хранится в собрании Пензенского областного краеведческого музея (*Максимов, Полесских, 1971, с. 239; рис. 1: 4*); 5) серия случайных находок в бассейне р. Северский Донец (*Шелехань, 2012, с. 327; рис. 2: 4, 7—8*); 6) серия акинаков этого типа (9 экз., случайные находки) из Донской Лесостепи приведена А.Н. Ворошиловым, предложившим называть это оружие «акинаками келермесского типа» (*Ворошилов, 2011, с. 156—168*).

Публикуется впервые.

7. Кинжал-акинак

Вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, юго-западный склон, близ села Мелехово, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 31,0 см.

Длина клинка: 20,2 см.

Максимальная ширина: 2,8 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,2 см. Длина ручки: 7,0 см. Ширина: 2,2—2,5 см.

Длина навершия: 4,7 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка состоит из трёх валиков, с неглубокими, узкими ложбинками между ними, слегка расширя-

ется к навершию. Навершие — брусковидное, в плане ромбовидной формы. Параллельные лезвия клинка сужаются в последней трети длины. По центру слегка намечено ребро жёсткости. В сечении клинок — в виде сильно вытянутой линзы.

Аналогии: близкие: 1) кинжал из гробницы 2 Репяховатой Могилы (конец VII — начало VI вв. до н. э.) в бассейне р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42; рис. 11: 5*); 2) кинжал из с. Черниговка на Харьковщине, отличие — более уплощённая форма перекрестья (*Бабенко, 2009, с. 23; рис. 2: 4*); 3) кинжал из погребения 2/1995 могильника Лермонтовская скала в Пятигорье, на Северном Кавказе (*Дударев, 2011, с. 255; рис. 20: 1*). В целом мечи и кинжалы с трёхчленным делением рукояти относятся к группе архаического оружия (*Белозор, Скорый, 1985, с. 255, 256; рис. 1; Ворошилов, 2011; рис. 2—5*).

8. Кинжал-акинак

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, гора Верблюд, южный склон Змеиной Балки, ближе к селу Тополёвка, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 28,5 см.

Длина клинка: 17,5 см.

Максимальная ширина: 5,7 см.

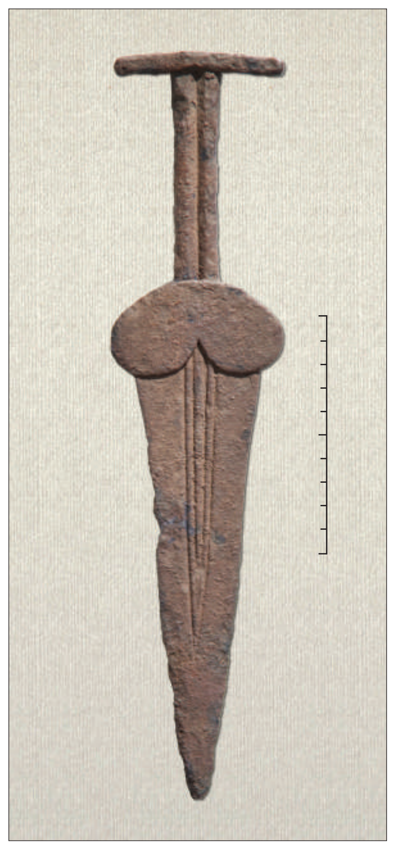
Максимальная ширина перекрестья: 7,3 см.

Длина ручки: 7,9 см. Ширина: 1,8 см.

Длина навершия: 6,5 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка узкая, образована двумя валиками («двутавровая»). Между ними — неглубокая бороздка. Навершие брусковидное, длинное, сужающееся по краям. В плане ромбовидной формы. Клинок короткий, треугольный, весьма широкий у основания. Он украшен двумя сужающимися и сходящимися желобками более чем на половину длины. В сечении — вытянутой линзовидной формы.

Аналогии: концентрация кинжалов с рукоятками подобных пропорций, широким в основании и относительно коротким клинком треугольной формы наблюдается в Карпато-Дунайском регионе, например, Вэратек, Ибэнешти (*Vulpe, 1990, taf. 7: 34, 34A*), Сокиринцы (*Гуцал, 2004, рис. 1*); Днепровском Лесостепном Левобережье, например, кинжалы с Басовского городища, собрания НМИУ (*Черненко, 1985, рис. 17: 2; 19: 11*), из Гадяча Полтавской и Хмелевки Сумской области (*Кулатова, 1995, рис. 1; 1990, с. 49*), из разных районов Харьковской области (*Бабенко, 2009, с. 23, рис. 2, 6, 8, 15*); а также в Предгорном и Горном Крыму: с. Новоклёново (*Колтухов, 2008, с. 250; рис. 2: 1*), с. Глубокий Яр Бахчисарайского района (*Сыч, 2014*), акинаки из окрестностей Ароматного, Ворона, Радостного — Тополевки, Зуи (№ 9—12 Каталога).

9. Кинжал-акинак

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Район села Ароматное, Симферопольский район.

Железо, ковка. Сохранность кинжала очень хорошая.

Общая длина: 30,2 см.

Длина клинка: 17,5 см.

Максимальная ширина: 5 см.

Максимальная ширина перекрестья: 7,0 см.

Длина ручки: 8,5 см. Ширина: 1,8—1,9 см.

Длина навершия: 6,8 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка — узкая, образована двумя валиками — «двутавровая», между которыми — довольно широкая ложбинка. Навершие брусковидное, плоское, слегка изогнутое по краям, в плане — ромбовидное. Клинок в форме сильно вытянутого к вершине, равностороннего треугольника, с широким основанием. Он ромбовидный в сечении. Украшен четырьмя сужающимися и сходящимися желобками более чем на половину длины. Одна из сторон клинка имеет бо́льшие следы износа. Посередине клинка, на две трети его длины, с двух сторон вытянуты ребра жесткости, лежащие в углублениях.

Аналогии: концентрация кинжалов с рукоятками подобных пропорций, широким в основании и относительно коротким клинком треугольной формы наблюдается в Карпато-Дунайском регионе, например, Вэратек, Ибэнешти (*Vulpe, 1990, taf. 7: 34, 34A*), Сокиринцы (*Гуцал, 2004, рис. 1*); Днепровском Лесостепном Левобережье, например, кинжалы с Басовского городища, собрания НМИУ (*Черненко, 1985, рис. 17: 2; 19: 11*), из Гадяча Полтавской и Хмелевки Сумской области (*Кулатова, 1995, рис. 1; 1990, с. 49*), из разных районов Харьковской области (*Бабенко, 2009, с. 23, рис. 2, 6, 8, 15*); а также в Предгорном и Горном Крыму: с. Новоклёново (*Колтухов, 2008, с. 250; рис. 2: 1*), с. Глубокий Яр Бахчисарайского района (*Сыч, 2014*), акинаки с Кубалача (гора Верблюд), Ворона, Радостного — Тополёвки, Зуи (№ 8, 10—12 Каталога).

Публикуется впервые.

10. Кинжал-акинак

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Село Ворон, Судакский район.

Железо, ковка. Сохранность кинжала хорошая, лишь окончание клинка, а также его боковые стороны имеют небольшие повреждения.

Общая длина: 32,8 см (без учета обломанного острия).

Длина клинка: 21,8 см (без учета обломанного острия).

Максимальная ширина: 5,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 7,7 см.

Длина ручки: 7,5 см. Ширина: 1,7 см.

Длина навершия: 6,4 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка — узкая, образована двумя валиками — «двутавровая», между которыми — узкая лож-

бинка. Навершие брусковидное, плоское, прямое, в плане — ромбовидное. Клинок в форме сильно вытянутого к вершине равностороннего треугольника, с широким основанием, ромбовидный в сечении. Украшен двумя сужающимися и сходящимися желобками более чем на половину длины. Одна из сторон клинка имеет бóльшие следы износа.

Аналогии: концентрация кинжалов с рукоятками подобных пропорций, широким в основании и относительно коротким клинком треугольной формы наблюдается в Карпато-Дунайском регионе, например, Вэратек, Ибэнешти (*Vulpe, 1990, taf. 7: 34, 34A*), Сокиринцы (*Гуцал, 2004, рис. 1*); Днепровском Лесостепном Левобережье, например, кинжалы с Басовского городища, собрания НМИУ (*Черненко, 1985, рис. 17: 2; 19: 11*), из Гадяча Полтавской и Хмелевки Сумской области (*Кулатова, 1995, рис. 1; 1990, с. 49*), из разных районов Харьковской области (*Бабенко, 2009, с. 23, рис. 2, 6, 8, 15*); а также в Предгорном и Горном Крыму: с. Новоклёново (*Колтухов, 2008, с. 250; рис. 2: 1*), с. Глубокий Яр Бахчисарайского района (*Сыч, 2014*), акинаки с Кубалача (гора Верблюд), Ароматного, Радостного — Тополевки, Зуи (№ 8—9, 11—12 Каталога).

11. Кинжал-акинак

VI в. до н. э.

В районе сёл Радостное — Тополевка, Юго-Восточный склон горного массива Кубалач.

Железо, ковка. Сохранность кинжала очень хорошая.

Общая длина: 26,8 см.

Длина клинка: 16,5 см.

Максимальная ширина: 3,8 см.

Максимальная ширина перекрестья: 6,2 см.

Длина ручки: 6,3; ширина: 1,5—1,7 см.

Длина навершия: 6,8 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. На одной из почек с одной стороны выделяется круглая выпуклость, скорее всего, заклепка для крепления перекрестья, см. № 27 Каталога. Ручка узкая,

образована двумя валиками — «двутавровая», между которыми довольно широкая ложбинка. Навершие брусковидное, плоское, прямое, в плане — ромбовидное. Клинок в форме

сильно вытянутого к вершине равностороннего треугольника, с широким основанием. Ромбовидный в сечении.

Аналогии: концентрация кинжалов с рукоятками подобных пропорций, широким в основании и относительно коротким клинком треугольной формы наблюдается в Карпато-Дунайском регионе, например, Вэратек, Ибэнешти (*Vulpe, 1990, taf. 7: 34, 34A*), Сокиринцы (*Гуцал, 2004, рис. 1*); Днепровском Лесостепном Левобережье, например, кинжалы с Басовского городища, собрания НМИУ (*Черненко, 1985, рис. 17: 2; 19: 11*), из Гадяча Полтавской и Хмелевки Сумской области (*Кулатова, 1995, рис. 1; 1990, с. 49*), из разных районов Харьковской области (*Бабенко, 2009, с. 23, рис. 2, 6, 8, 15*); а также в Предгорном и Горном Крыму: с. Новоклёново (*Колтухов, 2008, с. 250; рис. 2: 1*), с. Глубокий Яр Бахчисарайского района (*Сыч, 2014*), акинаки с Кубалача (гора Верблюд), Ароматного, Ворона, Зуи (№ 8—10, 12 Каталога).

12. Кинжал-акинак

Конец VII — первая половина VI вв.до н. э.

Посёлок Зуя, Белогорский район. К югу от населённого пункта, в лесу.

Железо, ковка. Сохранность кинжала очень хорошая.

Общая длина: 28,0 см.

Длина клинка: 15,0 см.

Максимальная ширина: 4,5 см.

Максимальная ширина перекрестья: 6,9 см.

Длина ручки: 13,0; ширина: 1,8—1,9 см.

Длина навершия: 5,7 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка узкая, образована двумя валиками «двутавровая», между которыми — довольно широкая ложбинка. Навершие брусковидное, плоское, прямое, в плане — ромбовидное. Клинок в форме сильно вытянутого к вершине равностороннего треугольника, с широким основанием. Он ромбовидный в сечении. Отличительная особенность клинка — украшение его 15 сходящимися каннелюрами более чем на две трети длины.

На клинке меча в момент обнаружения лежал перпендикулярно небольшой железный нож. Он сохранился очень плохо. Место его расположения фиксируется на клинке кинжала яркой полосой ржавчины.

Железный нож был в комплекте с одним из мечей, найденных на горном массиве Кубалач, недалеко от родника Джю-джюрка (№ 17).

Аналогии: концентрация кинжалов с рукоятками подобных пропорций, широким в основании и относительно коротким клинком треугольной формы наблюдается в Карпато-Дунайском регионе, например, Вэратек, Ибэнешти (*Vulpe, 1990, taf. 7: 34, 34A*), Сокиринцы (*Гуцал, 2004, рис. 1*); Днепровском Лесостепном Левобережье, например, кинжалы с Басовского городища, собрания НМИУ (*Черненко, 1985, рис. 17: 2; 19: 11*), из Гадяча Полтавской и Хмелевки Сумской области (*Кулатова, 1995, рис. 1; 1990, с. 49*), из разных районов Харьковской области (*Бабенко, 2009, с. 23, рис. 2, 6, 8, 15*); а также в Предгорном и Горном Крыму: с. Новоклёново (*Колтухов, 2008, с. 250; рис. 2: 1*), с. Глубокий Яр Бахчисарайского района (*Сыч, 2014*), акинаки с Кубалача (гора Верблюд), Ароматного, Ворона, Тополевки — Радостного (№ 8—11 Каталога).

13. Кинжал-акинак

VII—VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Некрасово и Сенное, средняя часть косогора, на северной стороне склона, Белогорский район. Поблизости также были найдены акинак (№ 16 Каталога), бутероль (№ 42 Каталога).

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 23,9 см.

Длина клинка: 12,3 см.

Максимальная ширина: 3,1 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,2 см.

Длина ручки: 7,0 см. Ширина: 2,2 см.

Длина навершия: 5,8 см.

Перекрестье акинака — почковидное, массивное. Ручка образована двумя утолщениями-валиками, круглыми в сечении. Между ними — тонкий жёлоб. Ручка у навершия и перекрестья слегка сужается. Навершие — брусковидное с зауженными концами, в плане — ромбовидной формы. Хорошо просматривается крепление навершия с помощью шпинька. Клинок — двулезвийный, линзовидный в сечении. Лезвия клинка очень плавно сужаются к острию, возле острия — сужение более резкое. Кончик острия немного согнут. Клинок сточен с одной из сторон. Особенности акинака — ассиметричные желобки ручки.

Аналогии: близких аналогий кинжалу с учётом упомянутых особенностей найти не удалось. По характерным морфологическим особенностям относится к скифской архаике.

14. Кинжал-акинак

VI в. до н. э.

Горный массив Кубалач, верхняя гряда, напротив села Тополёвка, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 34,0 см.

Длина клинка: 21,5 см.

Максимальная ширина: 3,7 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,6 см.

Длина ручки: 7,7 см. Ширина: 2,0 см.

Длина навершия: 7,0 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка — довольно широкая, «рамочная», с выделенными по краям узкими бортиками. Они орнаментированы поперечными бороздками, особенно выразительными на одной из сторон: I II III IIII. Навершие — слегка изогнутый, длинный брусок,

в плане ромбовидной формы. Расположено не совсем перпендикулярно по отношению к ручке. Виден способ крепления навершия к ручке с помощью шпинька. Клинок — с параллельными лезвиями, сужающимися в последней трети длины. В сечении — линзовидный.

Аналогии: прямых сочетаний всех морфологических показателей — массивное почковидное перекрестье, длинное, узкое, слегка изогнутое навершие, рамочная ручка с насечками по сторонам — на одном экземпляре найти не удалось. Вместе с тем: почковидные, почти круглые перекрестья свойственны для VI в. до н. э., например, на мече в кургане 2 у с. Райгород в бассейне р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Ильинская,1975, табл. VI: 13*), серии мечей из могил Трансильвании (*Vasiliev, 1980, pl. 11: 3—5*). Аналогичные перекрестье и ручку, украшенную по бокам насечкой, но при антенновидном навершии, имеет кинжал из Козии, Румыния (*Vulpe, 1990, taf. 14: 71*).

15. Кинжал-акинак

Первая половина VI в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 29,2 см.

Длиная клинка: 16,5 см.

Максимальная ширина: 2,8 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,5 см.

Длина ручки: 7,5 см. Средняя ширина: 1,6 см.

Длина навершия: 5,6 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка — узкая, с гладкой поверхностью, в сечении прямоугольная. Навершие — массивный брусок, один из концов которого слегка согнут. В плане прямоугольной формы. Параллельные лезвия клинка сужаются в последней трети длины. На клинке — слабо выделено ребро жёсткости. В сечении он — в виде вытянутого ромба.

Аналогии: прямые аналогии этому акинаку (сочетающему массивное почковидное перекрестье, узкую и тонкую плоскую ручку, довольно массивное и длинное брусковидное навершие) крайне редки. В качестве примера можно привести кинжалы из Аюда и Гиндэоани, Румыния (*Vasiliev, 1980, pl. 10: 1; Vulpe, 1990, taf. 7: 35*).

16. Кинжал-акинак

Вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Некрасово и Сенное, средняя часть косогора, на северной стороне склона, Белогорский район.

Поблизости также были найдены акинак (№ 13 Каталога), бутероль (№ 42 Каталога).

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная. Один из концов навершия обломан.

Общая длина: 21,4 см.

Длина клинка: 9,7 см.

Максимальная ширина: 4,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 6,4 см.

Длина ручки: 8,6 см. Ширина: 2,0—2,5 см.

Длина навершия: 5,3 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка — плоская, расширяющаяся к навершию. Навершие — брусок, сужающийся к краям. В плане ромбовидной формы. Клинок кинжала — широкий в основании, треугольной формы, непропорционально короткий по отношению к рукояти. Очевидно, был обломан, затем заново заточен. По центру — шесть параллельных желобков-каннелюр. В сечении клинок — в виде сильно вытянутой линзы.

Аналогии: многочисленные. К сожалению, большинство находок — случайные. Значительная серия таких коротких кинжалов, с расширяющейся к навершию ручкой, с почковидным или сердцевидным перекрестьями, известна в Восточноевропейской Лесостепи (*Болтрик, Вознесенська, Фіалко, 2003, с. 103; рис. 3: 6—8; Бабенко, 2009, с. 24; рис. 3: 2—5*). Известны они и в Средней Европе, например, на территории Румынии (*Vulpe, 1990, taf. 6: 27, 28*). К этому же типу относится кинжал (случайная находка), хранящийся в Музее истории оружия в Запорожье (*Мурзин, Шлайфер, 2010, рис. 3*).

17. Меч (и в комплексе с ним — боевой нож)

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, верховья Змеиной Балки, ниже Антен, недалеко от родника Джю-джюрка, Белогорский район.

Поблизости также была найдена бляха в виде фигурки лося с поджатыми ногами и головой, повёрнутой влево (№ 6/366 Каталога).

А. Меч.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 41,3 см.

Длина клинка: 30,0 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,5 см.

Длина ручки: 7,5 см. Ширина: 1,9 см.

Длина навершия: 6,0 см.

Перекрестье меча — сердцевидное, массивное. Ручка образована двумя валиками («двутавровая»), между которыми — широкая ложбинка. Навершие — длинное, брусковидное. В плане — ромбической формы. Весьма скошено относительно ручки. Клинок меча — в виде сильно вытянуто-

го треугольника с выделенным ребром жёсткости. В сечении ромбовидный.

Аналогии: полной аналогии этому мечу в Северном Причерноморье найти не удалось. Тем не менее, мечи и кинжалы с подобными рукоятками характерны для эпохи архаики. Как пример, кинжалы из Павловска, Верхнего Бишкина Харьковской области (*Бабенко, 2009, с. 24; рис. 3: 1; Шелехань, 2012, с. 327; рис. 2: 6*). Более близки этому мечу, по сути, по всем признакам, и по форме клинка тоже, экземпляры — из Бику, Румыния, и Тимар, Венгрия (*Vulpe, 1990, taf. 6: 29; Kemenczei, 1991, taf. 62: 276; Kemenczei, 2009, S. 318; taf. 96: 10*).

Б. Нож.

Железо, ковка. Сохранность металла средняя. Часть лезвия повреждена, острие обломано.

Сохранившаяся общая длина: 18,7 см.

Сохранившаяся длина лезвия: 10,7 см.

Максимальная ширина: 1,6 см.

Длина ручки: 8,0 см. Ширина: 1,0—2,0 см.

Максимальная толщина: 0,5 см.

Нож — цельнометаллический, со слегка горбатой, плавно изогнутой спинкой. Лезвие хорошо прокована, в сечении — в виде вытянутого треугольника. Ручка — трапециевидной в плане формы, расширяющаяся от лезвия к окончанию. В средней части — массивная, раскована ближе у окончания, где находится круглое отверстие диаметром 0,3 см для подвешивания. Нож, по типологии Б.А. Шрамко, относится к ножам 2 типа III группы: ножи с металлической ручкой и отверстием в конце черенка (*Шрамко, 1983, с. 54, 80; табл. 6: 27*). В.А. Ильинская относит такие ножи (длиной 17—30 см) к категории охотничьих (*Ильинская, 1968, с. 98, 99*).

Аналогии: многочисленные. Особенно часто подобные ножи встречаются в древностях скифской поры украинской Лесостепи, в погребениях и на поселениях (*Ильинская, 1968, с. 98, 99; 1975, табл. VII: 10; Галанина, 1977, с. 40; рис. 19, 20; Шрамко, 1983, с. 54; 1998, с. 53; рис. 31: 12; с. 57; рис. 36: 12; Бессонова, Скорый, 2001, с. 97; рис. 65: 5*). Примечательно, что такое же совместное нахождение акинака и длинного ножа было отмечено в гробнице 2 кургана Репяховатая Могила в бассейне р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 11: 6; 12: 3*).

18. Кинжал-акинак

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Агармыш, у города Старый Крым, Кировский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 28,6 см.

Длина клинка: 16,6 см.

Максимальная ширина: 2,9 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,4 см.

Длина ручки: 8,5 см. Ширина: 2,2 см.

Длина навершия: 6,0 см.

Перекрестье кинжала — сердцевидное, массивное. Ручка с двумя округлыми валиками и узкой ложбинкой между ними («двутавровая»). Навершие брусковидное, прямое. В плане — ромбовидной формы. Параллельные лезвия клинка сужаются на всём протяжении. В сечении он — ромбовидный, с выделенным ребром жёсткости.

Аналогии: по оформлению рукояти данный кинжал близок мечу под № 13. Отличие — более узкая ложбинка на ручке и короткий клинок. Наиболее близкие аналогии — кинжал, найденный на Трахтемировском городище, в бассейне р. Рось, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Болтрик, Вознесенська, Фiалко, 2003, с. 102; рис. 1; 2*) и меч из Бэлэбэнешти, Румыния (*Vulpe, 1990, taf. 8: 37*).

19. Кинжал-акинак

Конец VII — VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, низ Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 23,0 см.

Длина клинка: 13,5 см.

Максимальная ширина: 3,2 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,7 см.

Длина ручки: 6,7 см. Ширина: 1,6 см.

Длина навершия: 4,0 см.

Перекрестье кинжала — сердцевидное, массивное, закреплено на мече несколько неровно. Ручка — плоская, разделена по всей длине тремя углублёнными линиями, имитирующими четыре сегмента-валика. Навершие — в форме бруска с округлыми окончаниями. В плане — прямоугольной формы, с закруглёнными краями. В верхней части бруска — два коротких углубления, находящиеся с обеих сторон шпинька, на который насажено навершие. Лезвия клинка параллельны, сужаются в последней трети длины. В сечении клинок — линзовидный. В его верхней части с обеих сторон просматриваются следы двух нервюр.

Аналогии: по устройству рукояти (массивные — сердцевидное перекрестье и брусковидное навершие) — многочисленные. Особенность кинжала — редко фиксируемая на скифском оружии Северного Причерноморья — вертикальная имитация членения ручки на несколько (в данном случае — 4) валиков. Подобная деталь известна, например, на мече с бабочковидным перекрестьем и антенновидным навершием из Екатеринославской губернии (*Мелюкова, 1964, табл. 20: 11*). Вместе с тем, она широко представлена на целой серии мечей и кинжалов, обычно — с лучковидным перекрестьем, конца VII — VI вв. до н. э., обнаруженных в Румынии (*Vulpe, 1990, taf. 1: 2—5; 2: 12; 10: 48*).

20. Кинжал-акинак

VI в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Между Белогорском и Феодосией. Точное место находки неизвестно.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 24,2 см.

Длина клинка: 12,5 см.

Максимальная ширина: 2,1 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,5 см.

Длина ручки: 7,8 см. Ширина: 1,6—2,4 см.

Длина навершия: 3,7 см.

Перекрестье кинжала — сердцевидное, массивное. Ручка — плоская, несколько расширенная у навершия и суженная у перекрестья. Навершие — брусковидное, в плане имеет форму вытянутого овала. Клинок — очень узкий, почти соответствующий ширине ручки. В се-

чении — ромбической формы. Лезвия — почти параллельные, заметное сужение наблюдается только у окончания клинка. Ребро жёсткости хорошо просматривается на протяжении бóльшей части длины клинка. Особенность акинака — узкие лезвие и ручка, в сочетании с очень широким и массивным сердцевидным перекрестьем.

Аналогии: почти полная — кинжал, случайно найденный у с. Гадяч Харьковской области, Днепровское Лесостепное Левобережье (*Бабенко, 2009, с. 23; рис. 2: 7*).

21. Кинжал-акинак

Первая половина VI в. до н. э.

Керченский полуостров. Точное место находки неизвестно.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 29,9 см.

Длина клинка: 18,7 см.

Максимальная ширина: 2,5 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,5 см.

Длина ручки: 7,0 см. Средняя ширина: 1,3 см.

Длина навершия: 4,7 см.

Перекрестье кинжала — сердцевидное, массивное. Ручка — узкая, с гладкой поверхностью, в сечении прямоугольная. Навершие — массивный брусок. В плане ромбической формы. Лезвия клинка параллельны, сужаются лишь в окончании. В сечении он — линзовидный.

Аналогии: прямые аналогии этому акинаку (сочетающему массивное почковидное перекрестье, узкую и тонкую плоскую ручку, довольно массивное и длинное брусковидное навершие) крайне редки. В качестве примера можно привести кинжалы из Аюда и Гиндэоани, Румыния (*Vasiliev, 1980, pl. 10: 1; Vulpe, 1990, taf. 7: 35*).

Публикуется впервые.

22. Кинжал-акинак

Вторая половина VII — VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Между Белогорском и Феодосией. Точное место находки неизвестно.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 28,3 см.

Длина клинка: 17,0 см.

Максимальная ширина: 3,7 см.

Максимальная ширина перекрестья: 6,0 см.

Длина ручки: 8,7 см. Ширина: 2,0 см.

Длина навершия: 6,3 см.

Перекрестье акинака — бабочковидное, массивное. Ручка образована тремя утолщениями-валиками, круглыми в сечении. Между валиками — два жёлоба. Навершие — брусковидное, с прямой верхней и плавно изогнутой вверх нижней частями. В плане — ромбической формы. Лезвия клинка плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. По всему клинку они разделены тонким рельефным валиком, выполняющим функцию ребра жёсткости. В сечении клинок — ромбовидной формы. Акинак отличается выверенными пропорциями и гармоничным сочетанием основных элементов.

Аналогии: по форме перекрестья, трёхваликовой ручке данный экземпляр имеет многочисленные аналогии среди кинжалов и мечей периода скифской архаики в Восточной Европе. Вместе с тем, брусковидные навершия, оформленные подобным образом, крайне редки. В качестве примера — фрагментированный меч или кинжал из Комарны (Румыния). Его отличие — уплощенная с узкими бортиками ручка (*Vulpe, 1990, taf. 7: 32*).

23. Кинжал-акинак

V в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность средняя.

Общая длина: 31,5 см.

Длина клинка: 19,5 см.

Максимальная ширина: 3,2 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,5 см.

Длина ручки: 8,3 см. Ширина ручки: 2,5 см.

Длина навершия: 4,2 см.

Перекрестье у акинака — бабочковидное. Ручка с гладкой поверхностью.

Навершие — брусковидное, очень массивное, в плане имеет форму вытянутого овала. Украшено двумя параллельными бороздками. Лезвия клинка параллельны по всей длине и

плавно сужаются к острию в последней трети. Особенность кинжала — плоская ручка в сочетании с очень массивным навершием.

Аналогии: близкие, из хорошо датированных комплексов — меч из кургана 425 у с. Кулешовка, конец VI — первая половина V вв. до н. э., бассейн р. Сула, Днепровское Лесостепное Левобережье (*Ильинская, 1968, табл. XLVII: 1*); несколько мечей из Елизаветовского курганного могильника в дельте Дона (*Копылов, 1980, с. 215; рис. 1: 7—9*). Отличия последних мечей — более толстая ручка.

24. Кинжал-акинак

V в. до н. э.

Горный массив Кубалач, низ Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 27,8 см.

Длина клинка: 16,4 см.

Максимальная ширина: 3,3 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,2 см.

Длина ручки: 8,0 см. Ширина: 2,2 см.

Длина навершия: 4,0 см.

Перекрестье у акинака — бабочковидное. Ручка с гладкой поверхностью, очень тонкая. Навершие брусковидное, очень массивное, в плане имеет форму овала. Лезвия клинка, линзовидного в сечении, плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. По центру клинка, с обеих сторон, расположены рёбра жесткости, идущие по всей длине. Особенность кинжала — крайне тонкая, плоская ручка в сочетании с очень массивным навершием.

Аналогии: близкие, из хорошо датированных комплексов — меч из кургана 425 у с. Кулешовка, конец VI — первая половина V вв. до н. э., бассейн р. Сула, Днепровское Лесостепное Левобережье (*Ильинская, 1968, табл. XLVII: 1*), а также несколько мечей из Елизаветовского курганного могильника в дельте Дона (*Копылов, 1980, с. 215; рис. 1: 7—9*). Отличие этих мечей — более толстая ручка.

25. Кинжал-акинак

V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 26,0 см.

Длина клинка: 14,5 см.

Максимальная ширина: 3,5 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,9 см.

Длина ручки: 8,2 см. Ширина: 2,0 см.

Длина навершия: 3,9 см.

Перекрестье у акинака — бабочковидное. Ручка с гладкой поверхностью. Навершие — брусковидное, массивное, в

плане имеет форму овала. *Лезвия клинка, линзовидного* в сечении, плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. По центру клинка, с обеих сторон, расположены рёбра жесткости, идущие по всей длине.

Аналогии: предшествующий акинак, а также экземпляры из хорошо датированных комплексов — меч из кургана 425 у с. Кулешовка, конец VI — первая половина V вв. до н. э., бассейн р. Сула, Днепровское *Лесостепное Левобережье* (*Ильинская, 1968, табл. XLVII: 1*), а также — несколько мечей из Елизаветовского курганного могильника в дельте Дона (*Копылов, 1980, с. 215; рис. 1: 7—9*).

Публикуется впервые.

26. Кинжал-акинак

V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 24,2 см.

Длина клинка: 12,6 см.

Максимальная ширина: 2,5 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,3 см.

Длина ручки: 8,5 см. Ширина: 1,5 см.

Длина навершия: 2,7 см.

Перекрестье у акинака — бабочковидное. Ручка с гладкой поверхностью, тонкая. *Лезвия клинка, линзовидного* в сечении, плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. По центру клинка, с обеих сторон, расположены хорошо выделенные рёбра жесткости, идущие по всей длине. Особенностью кинжала является отсутствие обычного брусковидного навершия. Вместо него — раскованное окончание ручки. Вполне возможно, что это результат доработки кинжала после утраты им «родного» навершия.

Аналогии: подобная модификация навершия нам неизвестна. В целом же данно-

му кинжалу довольно близки экземпляры 21, 22 Каталога, а также соответствующие аналогии — меч из кургана 425 у с. Кулешовка, конец VI — первая половина V вв. до н. э., бассейн р. Сула, Днепровское Лесостепное Левобережье (*Ильинская, 1968, табл. XLVII: 1*), а также несколько мечей из Елизаветовского курганного могильника в дельте Дона (*Копылов, 1980, с. 215; рис. 1: 7—9*).

Публикуется впервые.

27. Кинжал-акинак

V в. до н. э. (?)

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность металла хорошая. Отсутствует перекрестье.

Общая длина: 24,5 см.

Длиная клинка: 15,6 см.

Максимальная ширина: 2,4 см.

Длина ручки: 7,0 см. Ширина: 1,4—1,8 см.

Длина навершия: 3,8 см.

О точной форме перекрестья судить сложно. Ручка узкая, с гладкой поверхностью, в сечении прямоугольная, слегка расширяется к клинку. Навершие — массивный, плоский брусок. В плане овальной формы. Параллельные лезвия клинка плавно сужаются в последней трети длины. В сечении он — в виде узкого вытянутого ромба. Интересная особенность кинжала — наличие в районе, где должно располагаться перекрестье, круглой заклёпки, вероятно, служащей для его закрепления. Ныне крепление навершия к ручке с помощью заклёпок зафиксировано на ряде мечей V—IV вв. до н. э. (*Махортых, Ролле, 2014, с. 101, 103*).

28. Кинжал-акинак

Вторая половина VI в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Между Белогорском и Феодосией. Точное место находки неизвестно.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 23,0 см.

Длина клинка: 11,5 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,6 см.

Длина ручки: 8,3 см. Ширина: 1,4—2,2 см.

Длина навершия: 5,9 см.

Перекрестье кинжала — бабочковидное, массивное. Ручка — очень узкая, плоская. Навершие — в виде длинного бруска, со слегка суженными концами. В сечении имеет форму неправильного, вытянутого, тонкого прямоугольника. Клинок — в форме вытянутого треугольника, линзовидный в сечении. Лезвия плавно сужаются к

острию, возле острия — более резко. Посередине клинка, на протяжении всей его длины, с двух сторон заметны две нервюры. Особенность акинака — сочетание узкой, плоской ручки с чрезвычайно длинным и узким навершием.

Аналогии: по форме перекрестья (бабочковидное) и навершия (брусковидное, длинное) акинак близок хорошо известной группе архаических коротких кинжалов второй половины VII — VI вв. до н. э. Однако все они имеют не плоскую, а брусковидную или с двумя узкими бортиками ручку, свойственную для ранних мечей. Аналогичная ручка и навершие (при лучковидном перекрестье) — у одного из мечей второй половины VI в. до н. э. могильника Фериджеле в Румынии (*Vulpe, 1990, taf. 4: 18*).

29. Меч

VI — первая половина V вв. до н. э.

Посёлок Зуя, Белогорский район. К югу от населённого пункта, в лесу.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 41,0 см.

Длина клинка: 30,0 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,5 см.

Длина ручки: 8,5 см, Ширина: 2,2—2,9 см.

Длина навершия: 4,5 см.

Перекрестье меча — узкое бабочковидное. Ручка — плоская, тонкая, в сечении квадратной формы. Навершие — брусковидное, плоское, прямоугольное, широкое, но довольно тонкое, с сужающимися краями. По центру через

ручку и навершие проходят две параллельные неглубокие каннелюры, выполняющие декоративную роль. Лезвия клинка параллельны по большей части длины, сужаются в последней трети. По центру — хорошо выраженный гребень.

Аналогии: достаточно близкие по облику мечи — в погребении 7 грунтового могильника у с. Золотое на Керченском полуострове, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Корпусова, Орлов, 1978, с. 71, рис. 4: 3*); кургане у с. Санжары; VI — первая половина V вв. до н. э., бассейн Северского Донца, Днепровское Лесостепное Левобережье (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 76, 208, рис. 61: 24*); погребении 21 кургана 13 могильника Уляп 1 в Адыгее, Северо-Западном Предкавказье, конец VI — V вв. до н. э. (*Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2005, с. 160, рис. 160: 1*). В определённой степени крымский экземпляр близок и отдельным мечам V в. до н. э. из Елизаветовского курганного могильника на Дону (*Копылов, 1980, с. 25, рис. 1: 7*).

30. Кинжал-акинак

Вторая половина VII—VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, северные склоны Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 25,3 см.

Длина клинка: 14,5 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,0 см.

Длина ручки: 8,3 см. Ширина: 2,0—2,5 см.

Длина навершия: 5,3 см.

Перекрестье кинжала — лучковидной формы. Ручка плоская, в сечении — прямоугольная, расширяется к перекрестью. Навершие — брусковидное, длинное со слегка суженными краями. В сечении — прямоугольной формы с округлыми концами. Лезвия клинка плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. В сечении клинок — удлинённо-ромбический. С одной из сторон просматривается ребро жёсткости.

Аналогии: на территории юга Восточной Европы мечи и кинжалы с подобной формой перекрестья встречаются крайне редко. Вместе с тем, такое оружие хорошо представлено в древностях скифского типа Средней Европы, прежде всего — Румынии и Венгрии, в основном VII—VI вв. до н. э. (*Vasiliev, 1980, pl. 11: 2—5; Скорый, 1982, с. 84; рис. 1; Vulpe, 1990, taf. 1: 5, 6; 2; 4: 18; 5: 20; Kemenczei, 1991, taf. 62: 277, 278; Бруяко, 2005, с. 168; рис. 37: 1, 2*). Известно оно и на территории Польши, Болгарии (*Скорый, 1982, с. 389; рис. 6: 3, 13*).

31. Кинжал-акинак

Вторая половина VII—VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Между Белогорском и Феодосией. Точное место находки неизвестно.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 24,0 см.

Длина клинка: 15,7 см.

Максимальная ширина: 3,1 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,0 см.

Длина ручки: 7,3 см. Ширина: 1,3—1,7 см.

Длина навершия: 3,6 см.

Перекрестье кинжала — лучковидной формы. Ручка — плоская, тонкая, расширяющаяся к перекрестью. Навершие — брусковидное, с суженными краями.

В сечении имеет линзовидную форму. Лезвия клинка плавно сужаются к острию, возле острия — более резко. В сечении клинок — вытянутой линзовидной формы. С двух сторон клинка — не ярко выраженное ребро жёсткости.

Аналогии: весьма близкая — описанный выше (№ 30), кинжал с горного массива Кубалач в Белогорском районе Крыма. На территории юга Восточной Европы мечи и кинжалы с подобной формой перекрестья крайне редки. Вместе с тем, такое оружие хорошо представлено в древностях скифского типа Средней Европы, прежде всего — Румынии и Венгрии, в основном VII—VI вв. до н. э. (*Vasiliev, 1980, pl. 11: 2—5; Скорый, 1982, с. 84; рис. 1; Vulpe, 1990, taf. 1: 5, 6; 2; 4: 18; 5: 20; Kemenczei, 1991, taf. 62: 277, 278; 2009, S. 313, 353; taf. 131: 7; Бруяко, 2005, с. 168; рис. 37: 1, 2*). Известно и на территории Польши, Болгарии (*Скорый, 1982, с. 389; рис. 6: 3, 13*).

32. Меч

IV в. до н. э.

Близ села Межгорье, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 46,8 см.

Длина клинка: 37,0 см.

Максимальная ширина: 4,4 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,0 см.

Длина ручки: 7,5 см. Ширина рукояти: 2,2—2,4 см.

Длина навершия: 4,4 см.

Перекрестье меча — ложнотреугольное. Внутри, по всему периметру — рельефная окантовка, а посредине — рельефное неясное изображение. Ручка, слегка расширяющаяся в центре, имеет псевдотрёхтавровое членение. Навершие — брусковидное, с округлыми краями, в плане — прямоугольной формы. Клинок в виде сильно вытянутого треугольника, в сечении линзовидный.

Аналогии: точные — неизвестны, но, в целом, экземпляр относится к широко известной серии двулезвийных мечей (части рукоятей которых обложены золотым листом), довольно широко представленной в скифских погребениях IV в. до н. э. степного Северного Причерноморья (*Мелюкова, 1964, с. 51; Алекесеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 222, 223; кат. 184—187*) и разных территорий украинской Лесостепи (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 160; рис. 20: 1; Гречко, 2010, с. 209; рис. 62: 9—13; Пузикова, 2001, с. 232; рис. 30: 1—3; Савченко, 2004, с. 156, 157; рис. 2: 1—7; Гуляев, 2010, с. 194; рис. 1*).

33. Кинжал-акинак

V в. до н. э.

Горный массив Кубалач, северный склон нижней части Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 33,8 см.

Длина клинка: 23,0 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,7 см.

Длина ручки: 7,7 см. Ширина: 2,2—2,5 см.

Длина навершия: 4,5 см.

Перекрестье акинака — сегментовидной формы. Ручка — плоская, слегка расширенная к навершию и очень плавно суженная к перекрестью. Навершие — в виде бруска, выпуклого в центре, со слегка приподнятыми и закруглёнными краями. В сечении оно

линзовидной формы. Лезвия клинка почти параллельны и заметно сужаются лишь у острия. В сечении — в виде узкой линзы.

Аналогии близкие: 1) меч, случайно найденный у с. Волковцы, в Посулье, Днепровское Лесостепное Левобережье, отличие — у навершия серповидное очертание (*Мелюкова, 1964, табл. 20: 3*); 2) меч — случайная находка, дар Терещенко, отличие — массивное брусковидное навершие (*Там же, табл. 18: 4*); 3) кинжал — случайная находка на Киевщине (*Максимов, Петровская, 2008, с. 120; рис. 41: 7*); 4) несколько случайных находок, в том числе на территории Венгрии (*Фодор, 1969, с. 252; рис. 1: 2, 3*); 5) более широко известны мечи с подобными перекрестьями и антенновидными навершиями (*Фодор, 1969, с. 252; рис. 1: 6, 7*), в частности, в хорошо датированных комплексах V в. до н. э. (*Корпусова, Орлов, 1978, с. 71; рис. 4: 15; Евдокимов, Мурзин, 1984, с. 77; рис. 2: 38, с. 79; рис. 4: 2—4, 7*).

34. Кинжал-акинак

V в. до н. э.

Горный массив Кубалач, северное предгорье, у села Дивное, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 28,8 см.

Длина клинка: 18,2 см.

Максимальная ширина: 2,5 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,2 см.

Длина ручки: 8,0 см. Ширина: 1,9—2,7 см.

Длина навершия: 4,3 см.

Перекрестье кинжала — сегментовидной формы. С одной из сторон на нём — две продольные бороздки. Ручка — плоская, слегка расширенная к навершию и очень плавно сужающаяся к перекрестью. Навершие — брусковидное, со слегка приподнятыми вверх

краями, в сечении — линзовидной формы. Лезвия клинка, ромбического в сечении, плавно сужаются, в последней трети длины клинка сужение очень резкое.

Аналогии: в целом близок предшествующей крымской находке под № 33. Также весьма близкие экземпляры: 1) меч, случайно найденный у с. Волковцы, в Посулье, Днепровское Лесостепное Левобережье, отличие — у навершия серповидное очертание (*Мелюкова, 1964, табл. 20: 3*); 2) меч, случайная находка, дар Терещенко, отличие — массивное брусковидное навершие (*Там же, табл. 18: 4*); 3) кинжал из погребения 2 у с. Казаровичи на Киевщине, отличие — более узкое перекрестье (*Максимов, Петровская, 2008, с. 116; рис. 37: 3*); 4) несколько случайных находок, в том числе на территории Венгрии, где мечи и кинжалы с подобным перекрестьем и антенновидным навершием представлены более широко, в частности — в памятниках V в. до н. э. (*Фодор, 1969, с. 252; рис. 1: 2, 3*); 5) важен меч с подобным перекрестьем из погребения первой половины V в. до н. э. у с. Крыловка в Степном Крыму (*Колотухин, 2000, с. 99; рис. 19: 21*); 5) к V в. до н. э. относятся мечи с подобными перекрестьями и округлыми навершиями из двух погребений в Бессарабии (*Бруяко, 2005, с. 187; рис. 43: 1; с. 190; рис. 44: 1*); 6) хорошо известны мечи с подобными перекрестьями, но антенновидными навершиями (*Мелюкова, 1964, табл. 20: 13; Фодор, 1969, с. 252; рис. 1: 6, 7*), в том числе в хорошо датированных комплексах V в. до н. э. (*Корпусова, Орлов, 1978, с. 71; рис. 4: 15; Евдокимов, Мурзин, 1984, с. 77; рис. 2: 38, с. 79; рис. 4: 2—4, 7*).

35. Кинжал-акинак

VI в. до н. э.

Между сёлами Новоклёново и Межгорье, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 25,4 см.

Длина клинка 11,7 см. Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,5 см.

Длина ручки: 7,3 см. Ширина: 2,2—2,6 см.

Длина навершия: 5,8 см.

Перекрестье кинжала — почковидное, массивное. Ручка — рамочная, с бортиками с обеих сторон, украшенными группами насечек. Навершие — антенновидное, кольца антенн имеют большие диаметры и соприкасаются друг с другом. Они слегка ассиметричны. Линии, образующие антенны, сужаются к окончанию. Клинок непропорционально короткий по отношению к рукояти. Не исключено, что первоначально он был более длинным, но обломался и был заточен вновь. Параллельные лезвия клинка сужаются в последней трети длины. Выделено ребро жёс-

ткости. В сечении клинок — в виде узкого ромба.

Аналогии весьма близкие: 1) случайные находки вблизи с. Сахновка в Приднепровской террасовой Лесостепи и г. Смела в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Мелюкова, 1964, табл. 20: 4, 5, 7*). Такой же кинжал, но с более длинным клинком, — в Музее истории оружия в Запорожье (*Мурзин, Шлайфер, 2010, рис. 4*). На территории Средней Европы аналогии: акинак из Козии (сближается и гофрированием боковых сторон ручки) и один из мечей могильника в Фериджеле (*Vulpe, 1990, taf. 14: 71; 15: 73*). По устройству ручки этот акинак весьма близок экземпляру, найденному на горном массиве Кубалач (№ 14 настоящего Каталога), а по форме навершия, в определённой степени, — кинжалу с зооморфными мотивами с горного массива Агармыш (№ 36 Каталога).

36. Кинжал-акинак с зооморфными мотивами

V в. до н. э.

Горный массив Агармыш, Кировский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая.

Общая длина: 26,7 см.

Длина клинка: 12,8 см. Максимальная ширина: 3,2 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,9 см.

Длина ручки: 7,8 см. Ширина: 2,0—2,2 см.

Длина навершия: 6,2 см. Высота: 4,3 см.

Перекрестье кинжала — лучкотовидное. Клинок приближается к вытянуто-треугольной форме, ромбовидный в сечении, непропорционально короткий по отношению к рукояти. Одна из сторон клинка имеет повреждения. Параллельные лезвия сужаются по всей длине.

Особенность акинака — зооморфное оформление одной из сторон («парадной») навершия и ручки. Навершие имеет антенновидную форму и одна из его сторон выполнена в виде двух голов хищных птиц на тонких шеях. Изображения строго профильны. Головы симметрично противонаправлены по отношению друг к другу и соприкасаются внешними краями клювов. Клювы закручены в полукольцо, постепенно сужаются к окончанию. Узкой углубленной (гравированной) линией они четко разделены на надклювье и подклювье. К клювам примыкают длинные изогнутые восковицы, оформленные поперечными рубчиками. За ними расположены концентрической формы глаза: зеница передана углублением, окантованым рельефной линией. Глаза посажены посередине изгибов антенн, так что их общее основание можно трактовать как условные шеи птичьих голов.

С этой же «парадной» стороны зооморфными элементами оформлена и плоская рукоять. На ней представлены три очень стилизованные головы хищных птиц, обращенных клювами к навершию. Клювы имеют спиралевидную форму, переданную двумя гравированными линиями. В их основании углубленной точкой показан маленький глаз.

Аналогии: полные, т. е. имеющие аналогичные орнитоморфные антенновидные навершия в сочетании с оформленной птичьими головами рукоятью, неизвестны. В целом же, кинжалы, сочетающие антенновидные навершия в виде голов хищных птиц и зооморфно оформленные рукояти, крайне немногочисленны. К их числу можно отнести: два кинжала из Волковцов, в Посулье (*Древности Приднепровья, 1899, табл. II: 55, 56; Канторович, 2015, с. 1599; рис. 12, 36*); случайную находку из с. Кирово Полтавской области (*Супруненко, 2002; рис. 1; Канторович, 2015, с. 1599; рис. 30*).

Во всех трех случаях у акинаков антенновидные навершия в виде голов хищных птиц в сочетании с зооморфными изображениями на рукояти в виде протомы хищника, скорее всего, медведя (*Канторович, 2015, с. 1235—1236*).

Также необходимо отметить, что на большинстве акинаков с орнитоморфными антенновидными навершиями головы птиц представлены без шей. Т. е. глаза находятся в основании антенн, а не на их изгибах, как в нашем случае. С учетом этой особенности, определенными аналогиями акинаку из Агармыша можно также считать изделия из Сахновки (Поросье) (*Мелюкова, 1964, табл. 20: 4*) и с Нестеровского могильника в Центральном Предкавказье (*Крупнов, 1960; табл. LXII: 1*). Единственный экземпляр с орнитоморфным антенновидным навершием из Крыма — навершие акинака из Акташского могильника (*Бессонова, Скорый, 1986, с. 161—162; рис. 4: 1*). Однако, как по иконографии, так и по стилистике, оно весьма далеко от описываемого нами экземпляра.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

37. Кинжал-акинак

VI — первая половина V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, южные склоны Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 27,4 см.

Длина клинка: 15,5 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 5,2 см.

Длина ручки: 7,3 см. Ширина: 1,4 см.

Длина навершия: 3,9 см.

Перекрестье кинжала — сердцевидной формы, довольно массивное. Ручка — плоская, узкая, прямоугольная в сечении. Навершие — антенновидной формы. Кольца антенн небольшо диаметра, их окончания упираются в основание навершия, имеют разные размеры. Основание навершия немного перекошено. Клинок — в виде сильно вытянутого треугольника со слабо выраженным ребром жёсткости, в сечении вытянутой ромбовидной формы. Перекрестье и навершие закреплены довольно небрежно.

Аналогии: довольно многочисленные. Мечи и кинжалы подобного типа датируются обычно VI — первой половиной V вв. до н. э. (*Мелюкова, 1964, табл. 20: 10; Петренко, 1967, табл. 33: 10*). В Крыму меч с рукоятью подобного типа найден в кургане 2 (погребение 2) у с. Рылеевка Раздольненского района (*Колтухов, 2012а, с. 73; рис. 60: 6*), V в. до н. э.

38. Кинжал-акинак

Первая половина VI в. до н. э.

Горный массив Кубалач, низ Змеиной Балки, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная.

Общая длина: 27,8 см.

Длина клинка: 17,0 см.

Максимальная ширина: 3,0 см.

Максимальная ширина перекрестья: 4,4 см.

Длина ручки: 7,8 см. Ширина: 1,6—1,8 см.

Длина навершия: 3,9 см.

Перекрестье кинжала — лучковидной формы. Ручка плоская. Навершие — антенновидной формы, однако вместо колец антенн по краям основания расположены небольшие волюты. Клинок — линзовидный в сечении, имеет серьёзные повреждения. Лезвия параллельны на протяжении всей длины клинка, сужаются только у острия.

Аналогии: прямые — не известны. На территории Юга Восточной Европы мечи и кинжалы с подобной формой перекрестья и более изогнутым, антенновидным, навершием крайне редки. Пример: меч или кинжал с частично обломанным клинком, найденный на Киевщине (*Черненко, 1985; рис. 30: 5*). Значительно шире они были распространены в древностях скифского типа Средней Европы, прежде всего — Румынии и Венгрии (*Vasiliev, 1980, pl. 13: 6; Скорый, 1982, с. 84; рис. 1: 12. Vulpe, 1990, taf. 15: 75; Simion, 1995, fig. 9: 2*). Несколько мечей и кинжалов скифского типа с подобным серповидным навершием (но почковидным или сердцевидным перекрестьем) известны на территории Болгарии в памятниках VI—V вв. до н. э. (*Мелюкова, 1979, с. 102; рис. 33: 23, 24*).

39. Бутероль от ножен меча или кинжала, оформленная в виде головы хищной птицы

Конец VII — VI вв. до н. э.

Горный массив Агармыш, у города Старый Крым, Кировский район.

Бронза. Литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 6,6 см. Ширина: 2,4—2,8 см.

Наконечник ножен оформлен в виде головы хищной птицы с закрученным клювом. Изображение выполнено скульптурно, но рассчитано, преимущественно, на боковой обзор. Основу бутероли составляет линзовидная в сечении, почти прямоугольная втулка, передающая шею птицы. Её край украшен окантовкой в виде двух рельефных линий. К ней примыкает массивный клюв, переданный удлиненным завитком, образующим вытянутый овал. В основании клюва — короткий острый язык. Глаз концентрический, круглая выпуклая зеница лежит в еле заметном углублении глазницы. В верхней части втулки, с двух сторон, находятся по одному отверстию неправильной формы и две симметричные вмятины, служившие, вероятно, для крепления к деревянной основе ножен.

Аналогии: относится к типу «Репяховатая Могила» (*Зимовец, 2016, с. 79—80*), к которому также принадлежат пять бутеролей, происходящих из Северного Причерноморья и Приднепровской Лесостепи: бутероль из гробницы 2 Репяховатой Могилы (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 12: 2*); с острова Левка (Змеиного) (*Островерхов, Охотніков, 2008, с. 32—33; с. 57, рис. 6*), из Ниспоренского р-на Молдовы (*Топал, 2015, с. 66, рис. 4: 25*), фондов Харь-

ковского исторического музея (*Зимовец, 2016, с. 77, рис. 2*), а также из Крыма: бутероль из Алан-Тепе — № 40 Каталога. Большинство более отдаленных аналогий связаны с территорией Кавказа: четыре бутероли из могильника Фаскау (*Уварова, 1900, с. 275, 276; табл. CXV: 4, 5; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 6—8, 13*); две бутероли из Нижне-Чегемского могильника (*Виноградов, 1972, с. 144, 344; рис. 1: 11; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 4, 5*); ещё две бутероли из Верхне-Кобанского могильника (*Уварова, 1900, с. 83; рис. 80; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 9, 11*); по одной бутероли из могильников: Дванского (*Макалатия, 1949, с. 228, рис. 6*) и Кливанского (*Козенкова, 2007: 288, рис. 9: 3*), Патартдзеули и Нацаргора (*Maisuradze, Pitrtskhalava, 2013, p. 95, il. I: 1, 2; II: 6*). На Кубани обнаружены три бутероли: Владимировский могильник (*Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2008, с. 876—877*), Майкоп (*Іллінська, 1963, с. 36*), случайная находка на Пашковском городище (*Пьянков, 2005, с. 449; рис. 1*). Стилистически к этим экземплярам примыкает крымская бутероль с Малого Агармыша (№ 44 Каталога) и окончание ножен меча из Фирминиша (Трансильвания), не являющееся отдельным изделием (*Vasiliev, 1980, pl. 12: 1, 3*). Более отдаленные крымские аналоги: № 41—43 Каталога. Один экземпляр происходит из могилы 336 (VI в. до н. э.) Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры в Поволжье (*Патрушев, Халиков, 1982, с. 193, табл. 56: 4в*).

40. Бутероль от ножен меча или кинжала, оформленная в виде головы хищной птицы

Конец VII — VI вв. до н. э.

Урочище Алан-Тепе, северо-западный склон, в 3,5 км к югу от города Старый Крым, в 1,5 км к северо-западу от монастыря

Сурб-Степанос и в 1,5 км к востоку от монастыря Сурб-Хач, Кировский район.

Бронза. *Литьё.* Сохранность удовлетворительная. Имеются повреждения.

Длина: 6,5 см. Ширина: 2,5—2,6 см.

Наконечник ножен оформлен в виде головы хищной птицы с закрученным спиралевидным клювом. Изображение выполнено скульптурно, но рассчитано, преимущественно, на боковой обзор. Основу бутероли составляет линзовидная в сечении почти прямоугольная втулка, передающая шею птицы. Верхний край втулки имеет окантовку в виде двух рельефных линий. К ней примыкает массивный клюв, переданный удлиненным завитком, образующим вытянутый овал. В основании клюва находился язык, ныне обломанный. Повреждение имеет также и условное подклювье. В отличие от предыдущего экземпляра, глаз не концентрический, а в форме полусферы. К тому же он слегка приплюснут. В средней части втулки — литейный брак в виде овального отверстия размерами 0,9 × 0,5 см. В верхней части втулки, с двух сторон находятся по два круглых отверстия, служившие для крепления к деревянной основе ножен.

Аналогии: относится к типу «Репяховатая Могила» (*Зимовец, 2016, с. 79—80*), к которому также принадлежат пять бутеролей, происходящих из Северного Причерноморья и Приднепровской Лесостепи: бутероль из гробницы 2 Репяховатой Могилы (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 12: 2*); с острова Левка (Змеиного) (*Островерхов, Охотніков, 2008, с. 32—33; с. 57, рис. 6*), из Ниспоренского р-на Молдовы (*Топал, 2015, с. 66, рис. 4: 25*), фондов Харьковского исторического музея (*Зимовец, 2016, с. 77, рис. 2*), а также из Крыма: бутероль с Агармыша — № 39 Каталога. Большинство более отдаленных аналогий происходят с территории Кавказа: четыре бутероли из могильника Фаскау (*Уварова, 1900, с. 275, 276; табл. CXV: 4, 5; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 6—8, 13*); две бутероли из Нижне-Чегемского могильника (*Виноградов, 1972, с. 144, 344; рис. 1: 11; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 4, 5*); ещё две бутероли из Верхне-Кобанского могильника (*Уварова, 1900, с. 83; рис. 80; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 9, 11*); по одной бутероли из могильников: Дванского (*Макалатия, 1949, с. 228, рис. 6*), Кливанского (*Козенкова, 2007: 288, рис. 9: 3*), Патартдзеули и Нацаргора (*Maisuradze, Pitrtskhalava, 2013, p. 95, il. I: 1, 2; II: 6, 8*). На Кубани обнаружены три бутероли: Владимировский могильник (*Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2008, с. 876—877*), Майкоп (*Іллінська, 1963, с. 36*), случайная находка на Пашковском городище (*Пьянков, 2005, с. 449; рис. 1*). Стилистически к этим экземплярам примыкает крымская бутероль с Малого Агармыша (№ 44 Каталога) и окончание ножен меча из Фирминиша (Трансильвания), не яв-

ляющееся отдельным изделием (*Vasiliev, 1980, pl. 12: 1, 3*). Более отдаленные крымские аналоги: № 41—43 Каталога. Один экземпляр происходит из могилы 336 (VI в. до н. э.) Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры в Поволжье (*Патрушев, Халиков, 1982, с. 193, табл. 56: 4в*).

41. Бутероль от ножен меча или кинжала, оформленная в виде головы хищной птицы

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Село Александровка, Белогорский район. Обнаружена недалеко от места находки бронзовой бляшки в виде головы грифона вправо (№ 110/470 Каталога) и бронзовой матрицы (№ 1/536 Каталога).

Бронза. Литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 6,9 см. Ширина: 2,0—2,2 см.

Наконечник ножен оформлен в виде головы хищной птицы с закрученным в кружок клювом. Изображение выполнено скульптурно, но рассчитано, преимущественно, на боковой обзор. Основу бутероли составляет линзовидная в сечении конусовидная втулка, передающая шею птицы. Вдоль втулки по центру с обеих сторон проходит ребро жесткости. Широкий край втулки имеет окантовку в виде двух рельефных линий. Узкий край втулки оканчивается большим круглым глазом в форме полусферы. От глаза отходит округлый, немного вытянутый вперед и вниз клюв, переданный широкой плоской линией. В верхней части втулки с двух сторон находятся по два круглых отверстия, служившие для крепления к деревянной основе ножен.

Аналогии: относится к Первому Кавказскому (Дигорско-Чегемскому) типу (*Зимовец, 2016, с. 77*), к которому также принадлежат четыре бутероли из могильника Фаскау (*Уварова, 1900, с. 275, 276; табл. CXV: 4, 5; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 6—8, 13*); и две — из Нижнего Чегема (*Виноградов, 1972, с. 144, 344; рис. 1: 11; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 4, 5*). По сравнению с этими экземплярами, рассматриваемое изображение выглядит крайне условным, без прямых аналогий. Более отдаленные аналогии происходят из: Верхнего Кобана, два экземпляра (*Уварова, 1900, с. 83; рис. 80; Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 1, 2; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 9, 11*), Двани (*Макалатия, 1949, с. 228, рис. 6*), Кливани (*Козенкова, 2007: 288, рис. 9: 3*), Патартдзеули и Нацаргора (*Maisuradze, Pitrtskhalava, 2013, p. 95, il. I: 1, 2; II: 6*), Ближайшие крымские аналогии: горный массив Кубалач и с. Синицыно, № 42—43 Каталога. Более отдаленные аналогии из Крыма — бутероли с Агармыша и Алан-Тепе — № 39—40 Каталога; а также примыкающие к ним по стилю: окончания ножен из гробницы 2 Репяховатой Могилы (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 12: 2*); с острова Левка (Змеиного) (*Островерхов, Охотніков, 2008, с. 32—33; с. 57, рис. 6*), из Ниспоренского

р-на Молдовы (*Топал, 2015, с. 66, рис. 4: 25*), фондов Харьковского исторического музея (*Зимовец, 2016, с. 77, рис. 2*). Также аналогиями можно считать три бутероли с территории Кубани: Владимировского могильника (*Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2008, с. 876—877*), Майкопа (*Іллінська, 1963, с. 36*), случайную находку на Пашковском городище (*Пьянков, 2005, с. 449; рис. 1*) и близкую к ним крымскую находку с Малого Агармыша (№ 44 Каталога). Стилистически к этим экземплярам примыкает окончание ножен меча из Фирминиша (Трансильвания), не являющееся отдельным изделием (*Vasiliev, 1980, pl. 12: 1, 3*). Один экземпляр происходит из могилы 336 (VI в. до н. э.) Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры в Поволжье (*Патрушев, Халиков, 1982, с. 193, табл. 56: 4в*).

42. Бутероль от ножен меча или кинжала, оформленная в виде головы хищной птицы

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Между сёлами Сенное и Некрасово, Белогорский район. Горный массив Кубалач, в сторону села Пролом, средняя часть косогора, на северном склоне. В этом месте найдены также акинаки (№ 13, 16 Каталога).

Бронза. Литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 6,6 см. Ширина: 1,8—2,7 см.

Наконечник ножен оформлен в виде головы хищной птицы с закрученным в кружок клювом. Изображение выполнено скульптурно, но рассчитано, преимущественно, на боковой обзор. Основу бутероли составляет линзовидная в сечении конусовидная втулка, передающая шею птицы. Узкий край втулки переходит в массивную круглую голову хищной птицы, направленную впе-

ред и вниз. Большую её часть занимает загнутый в полукруг клюв, постепенно сужающийся к окончанию. Клюв упирается в хорошо выделенное прямое подклювье. Во рту — короткий острый язык. В основании клюва глаз, показанный полусферой. В верхней части втулки с двух сторон находятся по одному круглому отверстию для крепления к деревянной основе ножен.

Аналогии: относится к Первому Кавказскому (Дигорско-Чегемскому) типу (*Зимовец, 2016, с. 77*), к которому также принадлежат четыре бутероли из могильника Фаскау (*Уварова, 1900, с. 275, 276; табл. CXV: 4, 5; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 6—8, 13*); 2 из Нижнего Чегема (*Виноградов, 1972, с. 144, 344; рис. 1: 11; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 4, 5*). Более отдаленные аналогии происходят из: Верхнего Кобана, два экземпляра (*Уварова, 1900, с. 83; рис. 80; Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 1, 2; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 9, 11*), Двани (*Макалатия, 1949, с. 228, рис. 6*), Кливани (*Козенкова, 2007: 288, рис. 9: 3*), Патартдзеули и Нацаргора (*Maisuradze, Pitrtskhalava, 2013, p. 95, il. I: 1, 2; II: 6*). Ближайшая крымская аналогия: Александровка — № 41 Каталога. Более отдаленные аналогии из Крыма — бутероли с Агармыша и Алан-Тепе (№ 39—40 Каталога); а также примыкающие к ним по стилю: окончания ножен из гробницы 2 Репяховатой Могилы (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 12: 2*); с острова Левка (Змеиного) (*Островерхов, Охотніков, 2008, с. 32—33; с. 57, рис. 6*), из Ниспоренского р-на Молдовы (*Топал, 2015, с. 66, рис. 4: 25*), фондов Харьковского исторического музея (*Зимовец, 2016, с. 77, рис. 2*). Также аналогиями можно считать три бутероли с территории Кубани: Владимировского могильника (*Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2008, с. 876—877*), Майкопа (*Іллінська, 1963, с. 36*), случайную находку на Пашковском городище (*Пьянков, 2005, с. 449; рис. 1*). Стилистически к этим экземплярам примыкает бутероль с Малого Агармыша (№ 44 Каталога) и окончание ножен меча из Фирминиша (Трансильвания), не являющееся отдельным изделием (*Vasiliev, 1980, pl. 12: 1, 3*). Один экземпляр происходит из могилы 336 (VI в. до н. э.) Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры в Поволжье (*Патрушев, Халиков, 1982, с. 193, табл. 56: 4в*).

43. Бутероль от ножен меча или кинжала, оформленная в виде головы хищной птицы

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Село Синицыно, Кировский район.

Бронза. *Литьё*. Сохранность при обнаружении неудовлетворительная. Втулка обломана еще в древности. Изделие реставрировано.

Сохранившаяся длина: 5,9 см. Максимальная высота: 3,0 см.

Наконечник ножен оформлен в виде головы хищной птицы с закрученным в кружок клювом.

Изображение выполнено скульптурно, но рассчитано, преимущественно, на боковой обзор. Втулка не сохранилась. Предположительно, она имела конусовидную форму. Узкий край втулки переходит в массивную круглую голову хищной птицы, направленную вперед и вниз. Относительно узкий клюв образует круг. В нем показан короткий и немного загнутый вверх язык. Подклювье не выделено. Большую часть головы занимает глаз, оригинально трактованный двумя рельефными кружками: плоскость маленькой круглой зеницы лежит на плоскости большой круглой глазницы.

Аналогии: полные обнаружить не удалось. Однако по общей стилистике относится к Первому Кавказскому (Дигорско-Чегемскому) типу (*Зимовец, 2016, с. 77*) вместе с четырьмя наконечниками из Фаскау (*Уварова, 1900, с. 275, 276; табл. CXV: 4, 5; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 6—8, 13*); и двумя из Нижнего Чегема (*Виноградов, 1972, с. 144, 344; рис. 1: 11; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 4, 5*). Немного дальше по стилистике отстоят две бутероли из Верхнего Кобана (*Уварова, 1900, с. 83; рис. 80; Вольная, 2002, с. 149; рис. 3: 1, 2; Вольная, 2015,*

с. 20; рис. 1: 9, 11), бутероли из Двани (*Макалатия, 1949, с. 228, рис. 6*), Кливани (*Козенкова, 2007: 288, рис. 9: 3*), Патартдзеули и Нацаргора (*Maisuradze, Pitrtskhalava, 2013, p. 95, il. I: 1, 2; II: 6*). Ближайшие крымские аналогии: Александровка и Кубалач (№ 41, 42 Каталога). Более отдаленные аналогии из Крыма — бутероли с Агармыша, Алан-Тепе и Малого Агармыша (№ 39, 40, 44 Каталога); а также примыкающие к ним по стилю: окончания ножен из гробницы 2 Репяховатой Могилы (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 12: 2*); с острова Левка (Змеиного) (*Островерхов, Охотніков, 2008, с. 32—33; с. 57, рис. 6*), из Ниспоренского р-на Молдовы (*Топал, 2015, с. 66, рис. 4: 25*), фондов Харьковского исторического музея (*Зимовец, 2016, с. 77, рис. 2*). Также аналогиями можно считать три бутероли с территории Кубани: Владимировского могильника (*Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2008, с. 876—877*), Майкопа (*Іллінська, 1963, с. 36*), случайную находку на Пашковском городище (*Пьянков, 2005, с. 449; рис. 1*). Стилистически к этим экземплярам примыкает бутероль с Малого Агармыша (№ 44 Каталога) и окончание ножен меча из Фирминиша (Трансильвания), не являющееся отдельным изделием (*Vasiliev, 1980, pl. 12: 1, 3*). Один экземпляр происходит из могилы 336 (VI в. до н. э.) Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры в Поволжье (*Патрушев, Халиков, 1982, с. 193, табл. 56: 4в*).

Публикуется впервые.

44. Бутероль от ножен меча или кинжала в виде головы хищной птицы

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Малый Агармыш, Кировский район.

Бронза. *Литьё*. Сохранность хорошая.

Длина: 9,7 см. Высота по втулке: 3,3 см.

Наконечник ножен оформлен в виде головы хищной птицы с закрученным в половину спирали клювом. Основу бутероли составляет конусовидная втулка, передающая шею птицы. В месте наибольшего сужения конуса размещен концентрический глаз: выпуклая зеница лежит в рельефно окантованной глазнице. От глаза отходит длинный клюв. Восковица практически не выражена, она угадывается лишь по окончанию, переходящему в закрученный клюв. Клюв соединяется с мощным подклювьем. В месте соединения клюва и подклювья находится небольшое круглое отверстие. Соединение клюва и подклювья очерчивает полое пространство рта, придающее изображению ажурность.

Аналогии: относится ко Второму Кавказскому (Кобанскому) типу (*Зимовец, 2016, с. 78*). Ближайшими аналогиями являются две бутероли с территории Кубани: Владимировского могильника (*Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2008, с. 876—877*) и Майкопа (*Іллінська, 1963, с. 36*). Стилистически к кубанским экземплярам примыкает окончание ножен меча из Фирминиша (Трансильвания), не являющееся отдельным изделием (*Vasiliev, 1980, pl. 12: 1, 3*).

При сопоставлении с указанными аналогами складывается впечатление, что подклювье крымской бутероли укорочено из-за плохой отливки бронзы при изготовлении либо вследствие облома в процессе эксплуатации. Оно должно было быть немного длиннее и, закручиваясь, упираться в надклювье, образуя дополнительное отверстие. Благодаря этому приёму создавался замысловатый образ фантастической хищной птицы, подклювье которой переходило в язык, расположенный в открытой полости рта. Видимо, компенсируя эту незавершенность, мастер, изготовлявший либо чинивший (полировка окончания подклювья) крымскую бутероль, проделал отверстие, заменявшее завиток подклювья-языка. Таким образом, несмотря на то, что изображение утратило свою оригинальную стилистику, общая иконографическая схема была выдержана. Вполне вероятно, что изделие после починки использовали вторично.

Более отдаленная аналогия с Кубани — случайная находка на Пашковском городище (*Пьянков, 2005, с. 449; рис. 1*). По общей стилистике достаточно близкими являются кавказские экземпляры, происходящие из могильников: Верхнего Кобана, 2 экземпляра (*Уварова, 1900, с. 83; рис. 80; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 9, 11*), Двани (*Макалатия, 1949, с. 228, рис. 6*), Кливани (*Козенкова, 2007: 288, рис. 9:*

3), Патартдзеули и Нацаргора (*Maisuradze, Pitrtskhalava, 2013, p. 95, il. I, 1,2; II, 6*). Более отдаленные аналогии происходят из могильников: Фаскау, 4 экземпляра (*Уварова, 1900, с. 275, 276; табл. CXV: 4, 5; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 6—8, 13*); Нижнего Чегема, два экземпляра (*Виноградов, 1972, с. 144, 344; рис. 1: 11; Вольная, 2015, с. 20; рис. 1: 4, 5*). Более отдаленные крымские аналогии: Агармыш, Алан-Тепе, Александровка, Кубалач, Синицыно — № 39—43 Каталога. К таковым относятся и аналогии из Северного Причерноморья и Лесостепи: окончания ножен из гробницы 2 Репяховатой Могилы (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42, 43; рис. 12: 2*); с острова Левка (Змеиного) (*Островерхов, Охотніков, 2008, с. 32—33; с. 57, рис. 6*), из Ниспоренского р-на Молдовы (*Топал, 2015, с. 66, рис. 4: 25*), фондов Харьковского исторического музея (*Зимовец, 2016, с. 77, рис. 2*). Один экземпляр происходит из могилы 336 (VI в. до н. э.) Старшего Ахмыловского могильника ананьинской культуры в Поволжье (*Патрушев, Халиков, 1982, с. 193, табл. 56: 4в*).

Публикуется впервые.

45. Бутероль от ножен меча или кинжала

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Сенное и Дивное, Белогорский район.

Бронза. *Литьё.* Сохранность хорошая.

Длина: 5,0 см. *Максимальная ширина:* 2,8 см.

В плане бутероль имеет вид вытянутого треугольника со слегка округлым концом. По центру выделяется линия выпуклости, свидетельствующая о том, что клинок меча или кинжала, для которого предназначались эти ножны, имел ребро жёсткости. В сечении пред-

мет вытянутой ромбовидной формы. С двух сторон сверху бутероли расположено по два отверстия для крепления её на деревянной основе ножен.

Аналогии: литые, довольно простые по исполнению бутероли (оковки, обивки, наконечники) подобной формы характерны для архаических древностей — второй половины VII — первой половины VI вв. до н. э. (*Мелюкова, 1964, с. 62; Ильинская, 1968, с. 88; 1975, с. 97; Бойко, Берестнев, 2001, с. 38*). Близки нашей находке наконечники из кургана 406 у с. Журовка, в бассейне р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Ильинская, 1975, табл. VIII: 6*); кургана 18 (погребение 1) у с. Купьеваха, в бассейне р. Ворскла, в Левобережной Лесостепи (*Бойко, Берестнев, 2001, с. 126; рис. 39: 2*). Аналогичным образом устроена и бронзовая литая бутероль, украшавшая ножны длинного меча из кургана Старшая Могила в бассейне р. Сула, в Днепровском Лесостепном Левобережье, хотя она имеет несколько иные очертания (*Ильинская, 1968, табл. I: 1*). Стоит отметить, что подобная бутероль (в комплекте с акинаком архаического типа) найдена недавно в Крыму: судим по находке, происходящей с горного массива Агармыш близ Старого Крыма (Кировский район), с которой нас любезно ознакомил краевед Е.В. Панин.

46. Бутероль от ножен меча или кинжала

Конец VII — первая половина VI вв. до н. э.

Село Мелехово, Белогорский район.

Поблизости также найден наносник с изображением орлиноголового ушастого грифона с двумя птичьими головками на голове (№ 31/305 Каталога).

Бронза. *Литьё.* Сохранность средняя. Предмет сильно патинирован и частично повреждён.

Длина: 6,7 см. *Максимальная ширина:* 3,3 см.

В плане бутероль имеет вид сильно вытянутого треугольника со слегка округлым концом. В сечении — вытянутый овал. С одной из сторон сверху бутероли расположены два неровных, небрежно сделанных отверстия для крепления её на деревян-

ной основе ножен. С другой стороны, начиная сверху, стенка бутероли обломана. В нижней части предмета по одной линии располагаются два круглых отверстия диаметром до 0,5 см. Они свидетельствуют о том, что даже после повреждения бутероли её продолжали использовать как деталь ножен.

Аналогии: те же. Близки нашей находке бутероли из кургана 406 у с. Журовка (*Ильинская, 1975, табл. VIII: 6*) в бассейне р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье, кургана 18 (погребение 1) у с. Купьеваха (*Бойко, Берестнев, 2001, с. 126; рис. 39: 2*), в бассейне р. Ворскла. Аналогичным образом устроена и бронзовая литая бутероль, украшавшая ножны длинного меча из кургана Старшая Могила в бассейне р. Сула, в Днепровском Лесостепном Левобережье, хотя она имеет несколько иные очертания (*Ильинская, 1968, табл. I: 1*). Полная аналогия этой бутероли обнаружена также в степном ареале — кургане у г. Константиновск Ростовской области (*Мурзин, 1984, с. 14; рис. 2: 2*). Стоит отметить, что подобная бутероль (в комплекте с акинаком архаического типа) найдена недавно в Крыму: судим по находке, происходящей с горного массива Агармыш близ Старого Крыма (Кировский район), с которой нас любезно ознакомил краевед Е.В. Панин.

47. Навершие акинака

Конец VI — V вв. до н. э.

Караби-Яйла, северная часть. Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Максимальная ширина: 7,7. Максимальная высота: 5,0 см.

Длина отверстия для втулки: 2,4; ширина; 0,4 см.

Навершие представляет собой прямоугольную втулку, украшенную с двух сторон и сверху симметрично противопоставленными птичьими головами. По краям втулки расположены концентрические глаза (выпуклая зеница лежит в углублении глазницы, окантованной рельефной линией). От них в противоположные стороны и вверх отходят длинные восковицы. Почти под прямым углом от восковиц, по направлению друг к другу отходят клювы, образующие два симметричных круга. Окончания клювов упираются в основания подклювий, выделенных узкими рельефными линиями. Клювы слегка сужаются от оснований к окончаниям.

Моделировка объемная, двусторонняя. Вся композиция очень симметрична и геометрична. Внутри втулки отсутствуют следы железных окислов и изношенности. Возможно, это был полуфабрикат, так никогда и не использованный в оснастке боевого акинака.

Аналогии: прямая — на Бельском городище (*Мурзiн, Ролле, Супруненко, 1999, с. 62; рис. 3*). Более отдаленные: в Акташском могильнике (Восточный Крым) (*Бессонова, Скорый, 1986, с. 161—162; рис. 4: 1*); погребении 328 грунтового некрополя Волна I на Тамани (*Мимоход, Сударев, Успенский, 2018, с. 132, рис. 12, 5*); случайные находки в Екатеринославской губернии (*Мелюкова, 1964, табл. 20: 11*) и на Южном Буге (*Гребенников, Недопако, 1984, с. 126—128; рис. 1*); кургане около села Грищенцы (*Мелюкова, 1964, табл. 20: 10*); станице Николаевская (*Виноградов, 1972; рис. 3: 3*); серия случайных находок из Среднего Подонья — сёла Анна, Афанасьевка, Пиликовка (*Медведев, 1999, рис. 51: 14, 15, 16*)

Издано: Скорый, Зимовец, 2015, с. 38, рис. 8.

1.2. НАКОНЕЧНИКИ КОПЬЯ И ДРОТИКОВ

1/48. Наконечник копья с листовидны пером

Конец VII — VI вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, северный склон, у села Сенное, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

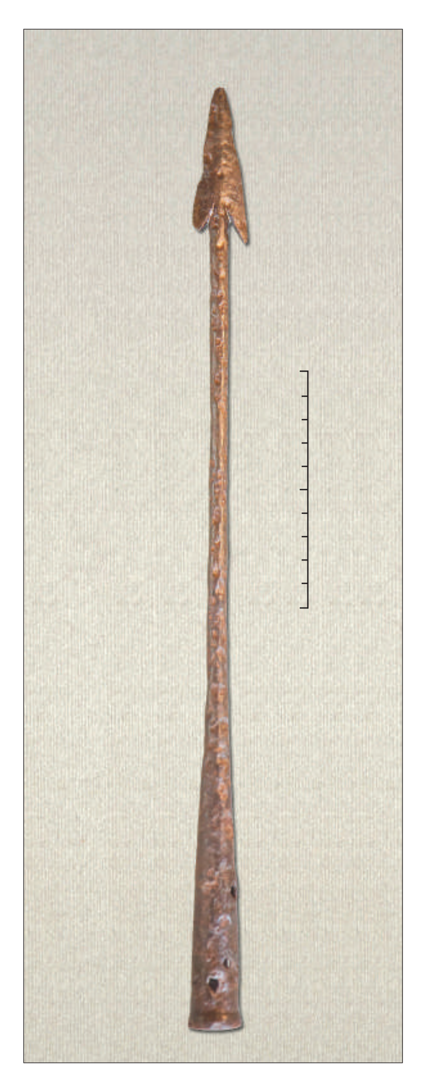
Общая длина: 34,3 см.

Длина пера: 21,0 см; максимальная ширина: 5,0 см.

Длина втулки: 13,3 см; внешний диаметр: 2,7; внутренний: 2,3 см.

Данный экземпляр, исходя из формы пера, относится к лавролистным наконечникам без ребра на пере. По типологии А.И. Мелюковой, это

эпохи архаики — VII—VI вв. до н. э. (*Мелюкова, 1964, с. 38—39, табл. 13: 1—6*).

Аналогии: в курганах конца VII — VI вв. до н. э.: № 7 у с. Аксютинцы (*Мелюкова, 1964, табл. 13:* 2), № 3 у хутора Поповка в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. LI: 1*). Сходный по очертанию пера наконечник копья — и в кургане 20 могильника Нартан (Центральная часть Северного Кавказа), относящегося также к указанному времени (*Батчаев, 1985, с. 52; табл. 48: 23*).

2/49. Наконечник дротика с жаловидной формой пера

Конец V — IV вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, возле села Некрасово, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная. Конец острия дротика, а также одно из жал немного обломаны.

Общая длина: 40,8 см.

Длина пера: 7,0 см; ширина: 2,6 см.

Длина стержня: 23,0 см; диаметр: 0,7 см.

Длина втулки: 12,0 см; внешний диаметр: 2,2, внутренний: 1,8 см.

Экземпляр принадлежит к группе наконечников дротиков обычной, по А.И. Мелюковой, длины — 34,5—46 см (*Мелюкова, 1964, с. 44*). Перо дротика треугольно-вытянутое, довольно широкое, с одинаковой формы и длины жалами. Стержень — весьма длинный, плавно переходящий во втулку. Втулка имеет разрез по всей длине, её конец скреплён узким кольцом. На втулке — два круглых отверстия для крепления на древке и три отверстия — результат коррозии металла.

Аналогии: многочисленные (напр.: *Мелюкова, 1964, с. 44; табл. 14: 13, 15, 16*). В Крыму наконечники дротиков встречаются крайне редко (*Колтухов, 2012, с. 127; снос. 107*). Пять наконененчиков дротиков было найдено среди вооружения знатного воина в Ак-Бурунском кургане близ Керчи (*ОАК за 1875, с. 5; Яковенко, 1974, с. 99*). Наиболее близкая крымская аналогия по размерам и форме (отличие — незамкнутая втулка) — из погребения конца V — начала IV вв. до н. э. в кургане 4 у с. Червонное Нижнегорского района (*Колтухов, 2012, с. 53, 54, 77, 137; рис. 28: 9*).

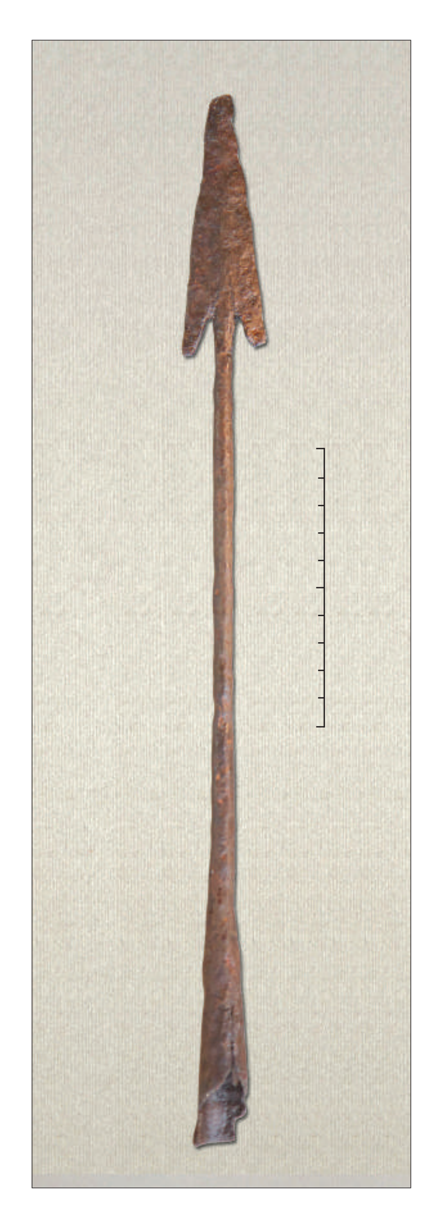
3/50. Наконечник дротика с жаловидной формой пера

IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, Змеиная Балка, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная. Конец

3 вариант 3 типа I отдела наконечников копий. Наконечник имеет лавролистное плоское перо, при этом длина пера превышает длину втулки. У конусовидной втулки — продольный разрез по всей длине, в верхней части — маленькое круглое отверстие для крепления на древке. По параметрам наконечник вполне вписывается в упомянутый вариант, для которого характерна длина 32—52 см. Наконечники данного типа бытовали в широком хронологическом диапазоне — VII—IV вв. до н. э., но экземпляры небольшого размера с плоским и тонким пером, т. е. такие, как наконечник копья из Кубалача, характерны для

острия дротика, окончания жал, часть втулки — обломаны.

Общая длина: 37,5 см.

Сохранившаяся длина пера: 9,6 см; ширина пера: 3,3 см.

Длина стержня: 20,0 см; диаметр: 0,6 см.

Длина втулки: 9,5 см; ориентировочный диаметр: 1,6 см.

Экземпляр принадлежит к группе наконечников дротиков обычной, по А.И. Мелюковой, длины — 34,5—46 см (*Мелюкова, 1964, с. 44*). Перо дротика — треугольно-вытянутое, более широкое и длинное, чем у описанного выше наконечника, с одинаковой формы и длины жалами. Стержень менее длинный, резче переходящий во втулку конической формы.

Аналогии: подобные наконечники получили широкое распространение в древностях скифской поры степного Северного Причерноморья и Лесостепи Восточной Европы. Наконечники дротиков с широким пером при узком стержне характерны в первую очередь для этого типа оружия IV в. до н. э. Хорошие образцы — в погребальных памятниках Среднего Дона (*Либеров, 1965, с. 75; табл. 18: 26; Савченко, 2004, с. 173; рис. 8: 6*).

4/51. Наконечник дротика с жаловидной формой пера

Конец V — IV вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, возле села Некрасово, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность удовлетворительная. Окончание одного из жал обломано.

Общая длина: 31,8 см.

Длина пера: 9,6; ширина: 2,1 см.

Длина стержня: 22,5; диаметр: 0,7 см.

Длина втулки: 12,0; внешний диаметр: 2,2, внутренний: 1,7 см.

Перо дротика — треугольно-вытянутое, довольно широкое. Жала, видимо, были одинаковой формы. Стержень весьма длинный, плавно переходящий во втулку. Втулка имеет разрез по всей длине, её конец скреплён узким кольцом. На втулке — два круглых отверстия для крепления на древке. Особенность наконечника: наличие меток мастера в виде двух «птичьих лапок»: от оснований-отверстий лучами расходятся три насечки одинаковой длины.

Аналогии: многочисленные (напр.: *Мелюкова, 1964, с. 44; табл. 14: 13, 15, 16*). В Крыму наконечники дротиков встречаются крайне редко (*Колтухов, 2012, с. 127; снос. 107*). Пять наконечиков дротиков было найдено среди вооружения знатного воина в Ак-Бурунском кургане близ Керчи (*ОАК за 1875, с. 5; Яковенко, 1974, с. 99*). Наиболее близкая крымская аналогия по размерам и форме (отличие — незамкнутая втул-

ка) — из погребения конца V — начала IV вв. до н. э. в кургане 4 у с. Червонное Нижнегорского района (*Колтухов, 2012, с. 53, 54, 77, 137; рис. 28: 9*).

Публикуется впервые.

5/52. Наконечник дротика с жаловидной формой пера

IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, юго-западный склон, напротив села Мелехово, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая. Край втулки имеет повреждение.

Общая длина: 24,5 см.

Длина пера: 7,8; ширина: 2,2 см.

Длина стержня: 8,5; диаметр: 0,7 см.

Длина втулки: 9,0; внешний диаметр: 2,0; внутренний: 1,7 см.

Экземпляр принадлежит к группе наконечников дротиков небольшой, по А.И. Мелюковой, длины — 23,0—26,5 см (*Мелюкова, 1964, с. 44*). Перо дротика — треугольно-вытянутое, с одинаковой формы и длины жалами. Стержень — короткий, переходящий во втулку конической формы. На конце втулки расположена слегка повреждённая муфта и два отверстия для крепления наконечника на древке.

Аналогии: подобное оружие получило широкое распространение в древностях скифской поры IV в. до н. э. степного Северного Причерноморья и Лесостепи Восточной Европы. Примеры аналогичных наконечников дротиков в степных погребениях: курганы 11, 13 (Хомина Могила) у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (*Мозолевский, 1975, с. 203; рис. 17: 15; с. 228; рис. 34: 11*), лесостепных: курган 432 у с. Журовка, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Петренко, 1967, с. 177; табл. 36: 22*), в древностях Среднего Дона: курган 8 у с. Русская Тростянка (*Савченко, 2004, с. 172; рис. 7: 1*).

6/53. Наконечник дротика с жаловидной формой пера

IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность хорошая. В начале втулки — повреждение в виде сквозного отверстия вытянутой формы. Одно из жал обломано.

Общая длина: 20,2 см.

Длина пера: 5,4; ширина: 2,2 см.

Длина стержня: 7,0; диаметр: 0,8 см.

Длина втулки: 7,5; внешний диаметр: 2,0; внутренний: 1,7 см.

Наконечник принадлежит к весьма коротким экземплярам. Перо его треугольно-вытянутое, довольно широкое, с одинаковой формы и длины жалами. Короткий стержень плавно переходит в коническую втулку, окончание которой скреплено узким кольцом.

Аналогии: столь небольшой длины экземпляры иногда встречаются в древностях скифской поры IV в. до н. э. степного Северного Причерноморья и Лесостепи Восточной Европы. Примеры близких по форме и размерам наконечников дротиков в степных погребениях: курганы 11 у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (*Мозолевский, 1975, с. 203; рис. 17: 15*), лесостепных: курган 432 у с. Журовка, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Петренко, 1967, с. 177; табл. 36: 22*), в древностях Среднего Дона: курган 8 у с. Русская Тростянка (*Савченко, 2004, с. 172; рис. 7: 1*).

7/54. Наконечник дротика с псевдожаловидной формой пера

IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Русское и Мелехово, Белогорский район.

Железо, ковка. Сохранность очень хорошая.

Общая длина: 14,5 см.

Длина пера: 4,5; ширина: 1,3 см.

Длина стержня: 4,5; диаметр: 0,8 см.

Длина втулки: 5,5; внешний диаметр: 1,8; внутренний: 1,5 см.

Данный наконечник дротика имеет ряд особенностей, выделяющих его из широкого круга известных экземпляров этого оружия, — крайне небольшая длина, непропорционально широкая коническая втулка, и, что самое необычное, намеченные на пере с двух сторон и не проточенные жала. Крепилось к древку с помощью одного отверстия.

Аналогии: прямые этому наконечнику дротика, в силу своеобразия пера и небольших общих размеров, обнаружить не удалось. Тем не менее, общие пропорции оружия вполне позволяют отнести его к скифской культуре.

1.3. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ, 1/55—142/196 [1]

В коллекции наконечников стрел (142 экз.) подавляющее число — бронзовые, лишь 10 наконечников изготовлены из кости. Наконечники составляют группу, включающую многообразие типов и охватывающую значительный хронологический период — от ранне- до позднескифского времени. Конкретное место большинства находок неизвестно. Есть сведения лишь о том, что они из Юго-Восточного Крыма. Только в девяти случаях о пунктах находок можно говорить вполне определённо. Чрезвычайно важны находки трёх бронзовых наконечников-полуфабрикатов, два из которых происходят из окрестностей с. Морское в Юго-Восточном Крыму.

1/55, 2/56. Двулопастные наконечники стрел с ромбической головкой и неудалёнными литниками — полуфабрикаты

VII в. до н. э.

Село Морское, Судакский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Оба наконечника двулопастные, с ромбовидной головкой, выступающей втулкой, имеющей в верхней части узкий острый шип (у одного экземпляра обломан).

[1] Здесь и далее: в случае размещения на фото более одного предмета, они расположены слева направо в порядке возрастания номеров.

Размеры наконечника с сохранившимся шипом:

высота: 4,7; ширина головки: 1,5; диаметр втулки: 0,5 см. Края ромбовидной головки неровные. По центру головки и втулки хорошо просматривается литейный шов. Шип согнут к втулке и выступает за её пределы. Литник на острие головки округлой формы и слегка выходит за её пределы.

Размеры наконечника с обломанным шипом:

высота: 5,0; ширина головки: 1,5; диаметр втулки: 0,6 см. Литник на острие головки обломан, но не сточен.

Судя по размерам и пропорциям головки, эти наконечники отлиты в разных формах.

Относятся к наконечникам первой хронологической группы (I отдел, 1 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 18*), или к наконечникам т. н. жаботинского типа, по В.А. Ильинской (*Іллінська, 1973, с. 14; рис. 1*).

Принципиальное значение находок: они однозначно свидетельствуют об изготовлении наконечников данного скифского типа в Предгорном Крыму.

Аналогии: многочисленные. В Крыму такие наконечники найдены лишь в пещере Кизил-Коба в центральной части полуострова (*Крис, 1981, табл. 8: 6—9*), близ с. Краснокаменка (урочище Кизил-Таш) Кировского р-на (2 экз., не опубликованы, любезная информация А.В. Гаврилова) и несколько экземпляров случайных находок из Восточного Крыма (любезная информация Е.В. Панина).

3/57—44/98. Двулопастные наконечники стрел с ромбическими головками

VII в. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно

(13 экз.); *между сёлами Ворон и Междуречье, Судакский район* (25 экз.); *село Межгорье, Белогорский район* (1 экз.); *село Некрасово, Белогорский район, горный масив Кубалач* (3 экз.).

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Наконечники имеют ромбическую, усечённо-ромбическую, в двух случаях (Ворон — Междуречье) — трапециевидную

головку и в основном короткую втулку. Длина наконечников: 3,5—4,5; диаметр втулки: 0,5—0,8 см. У 25 экземпляров в основании втулки шип, в одном случае длиной до 2,5 см. Один из экземпляров, происходящий из села Некрасово, — с очень широкой (1,8 см) головкой. У трёх наконечников, найденных между сёлами Ворон и Междуречье, с усечённо-ромбической головкой, без шипов, сильно сточены головки. Ещё у трёх шиповидных наконечников с ромбической головкой из названной серии на втулках видны следы литейного брака в виде отверстий. Заслуживает особого внимания тот факт, что из 25 наконечников, обнаруженных между сёлами Ворон и Междуречье, 13 имеют в той или иной степени согнутое остриё вследствие ударов о камни или скалы. По некоторым сведениям, в указанном месте в 2012—2013 гг. было обнаружено более 200 экземпляров подобных архаических наконечников [1], которые, к сожалению, не вошли в состав настоящей коллекции.

Все экземпляры относятся к наконечникам первой хронологической группы (I отдел,1 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 17; табл. I; с. 18; табл. 6: Б1, В2, Г1—2*), или к наконечникам т. н. жаботинского типа, по В.А. Ильинской (*Іллінська, 1973, с. 14; рис. 1*).

Аналогии: многочисленные. Однако в Крыму — нечастые находки: например, в пещере Кизил-Коба в центральной части полуострова (*Крис, 1981, табл. 8: 6—9*), близ с. Краснокаменка (урочище Кизил-Таш) Кировского р-на (2 экз., не опубликованы, любезная информация А.В. Гаврилова) и несколько экземпляров из Юго-Восточного Крыма.

[1] Информацию любезно сообщил К.Л. Пипериди.

45/99. Двулопастный наконечник с лавролистной головкой и неудаленным литником — полуфабрикат

VII — начало VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Шип обломан.

Высота: 4,4; ширина головки: 1,3; диаметр втулки: 0,4 см.

Двулопастный наконечник с лавролистной головкой, довольно высокой втулкой, имеющий в основании шип. В верхней части головки — неудалённый литник округлой формы. Данный экземпляр бесспорно свидетельствует об изготовлении аналогичных наконечников скифского типа в Предгорном Крыму.

Относится к наконечникам первой хронологической группы (I отдел, 2 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 17; табл. I; с. 18, табл. 6: Б2; В1, Е1, З3, 4; И3, 4; К1, О1, П1, 3—6, 9*). Ныне известны литейные формы для отливки подобных наконечников, например, на Бельском городище скифской эпохи в Днепровском Лесостепном Левобережье (*Шрамко, 2002, с. 164; рис. 1, 2*).

Аналогии: многочисленные. В Крыму достаточно хорошо представлены в памятниках горцев-тавров: у Гаспры (*Крис, 1981, с. 112; табл. 32: 1*), на горе Кошка близ Симеиза

(*Крис, 1981, с. 36*), на горе Малаба близ Алушты (*Крис, 1981, с. 112; табл. 32: 3—5*), в Черкесс-Керменском могильнике (*Крис, 1981, с. 121; табл. 41: 1—3*), могильнике у с. Дружное (*Колотухин, 1996; рис. 53: 26*), на поселении Инкерманское (*Крис, 1981, с. 16, 17*).

В Степном Крыму, в скифских древностях встречаются редко: в одном из погребений у с. Приречное Нижнегорского р-на (*Колотухин, 2000, с. 112; рис. 32: 18*), в кургане 5 (погребение 3) у с. Красноярское Черноморского р-на (*Колтухов, 2012, с. 65, 212; рис. 52: 3*).

46/100—70/124. Двулопастные наконечники стрел с лавролистными головками

VII — начало VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно (21 экз.); *гора Агармыш близ села Холодовка, Судакский район* (2 экз.); *село Мелехово, Белогорский район, горный массив Кубалач* (2 экз.).

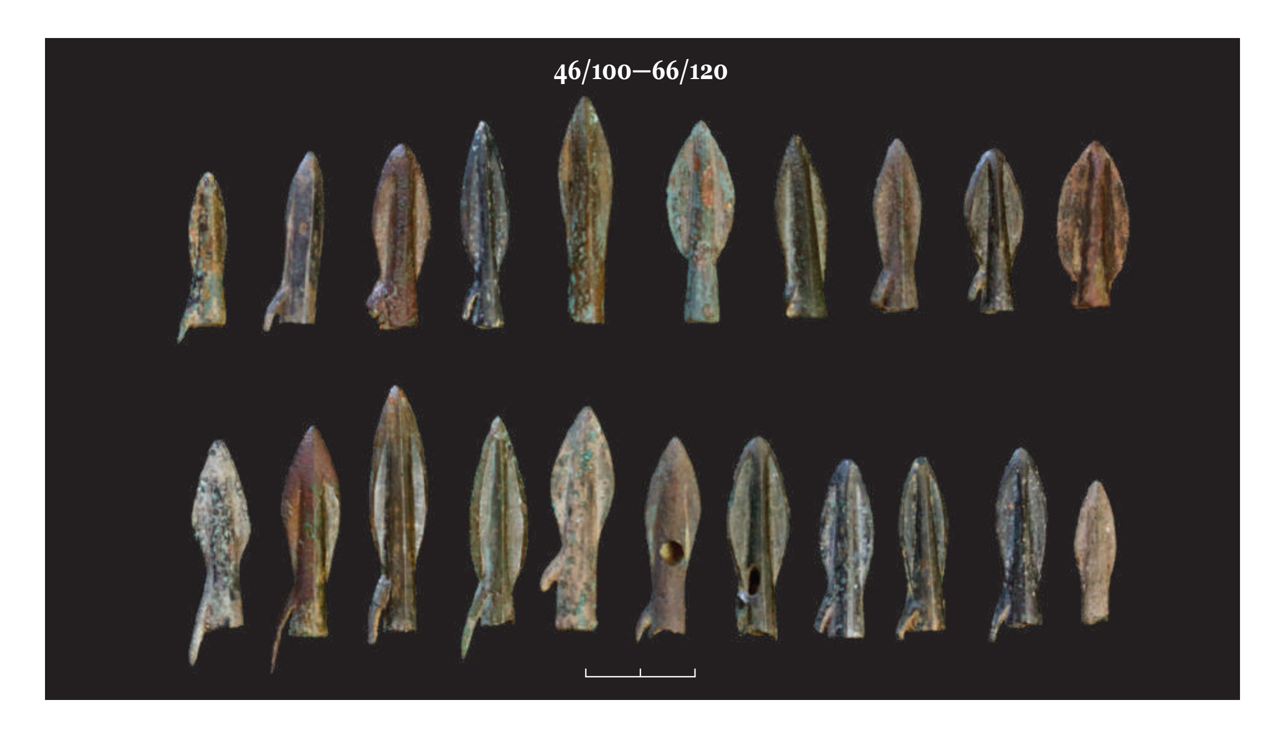
Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Наконечники имеют лавролистную головку, различной ширины, в зависимости от сточенности, довольно высокую втулку, снабжённую в 19 случаях шипом. У шести наконечников на втулке — следы литейного брака в виде округлых сквозных отверстий.

Длина наконечников: 2,5—4,5; диаметр втулки: 0,5 см.

Относятся к наконечникам первой хронологической группы (I отдел, 2 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 17; табл. I; с. 18; табл. 6: Б2, В1, Е1, З3, 4, И3, 4, К1, О1, П1, 3—6, 9*).

Аналогии: многочисленные. В Крыму достаточно хорошо представлены в памятниках горцев-тавров: у Гаспры (*Крис, 1981, с. 112; табл. 32: 1*), на горе Кошка близ Симеиза (*Крис, 1981, с. 36*), на горе Малаба близ Алушты (*Крис, 1981, с. 112; табл. 32: 3—5*),

в Черкесс-Керменском могильнике (*Крис, 1981, с. 121; табл. 41: 1—3*), могильнике у с. Дружное (*Колотухин, 1996, рис. 53: 26*), на поселении Инкерманское (*Крис, 1981, с. 16, 17*).

В Степном Крыму, в скифских древностях встречаются редко: в одном из погребений у с. Приречное Нижнегорского р-на (*Колотухин, 2000, с. 112; рис. 32: 18*), в кургане 5 (погребение 3) у с. Красноярское Черноморского р-на (*Колтухов, 2012, с. 65, 212; рис. 52: 3*).

71/125—74/128. Двулопастные наконечники стрел с треугольными головками

VII — начало VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Втулка у наконечников либо скрытая, либо слегка выступает, одна из лопастей, опущенная вниз, может образовывать шип. У одного из наконечников — следы литейного брака в виде сквозного отверстия в верхней части втулки. Один наконечник отличается крупными размерами.

Длина экземпляров: 2,5—3,3; диаметр втулки: 0,5—0,6 см.

Наконечники относятся к первой хронологической группе (I отдел, 6 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 17, 19; табл. 7: А3*).

Аналогии: известны в украинской Лесостепи (*Ильинская, 1968, табл. II: 15, 17, 18*).

75/129—93/147. Трёхлопастные наконечники стрел с лавролистной или остролистной головками

VII — первая половина VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно (*14 экз.*); *село Межгорье* (*1 экз.*); *горный масив Кубалач* (*3 экз.*); *село Хлебное* (*1 экз.*); *Белогорский район.*

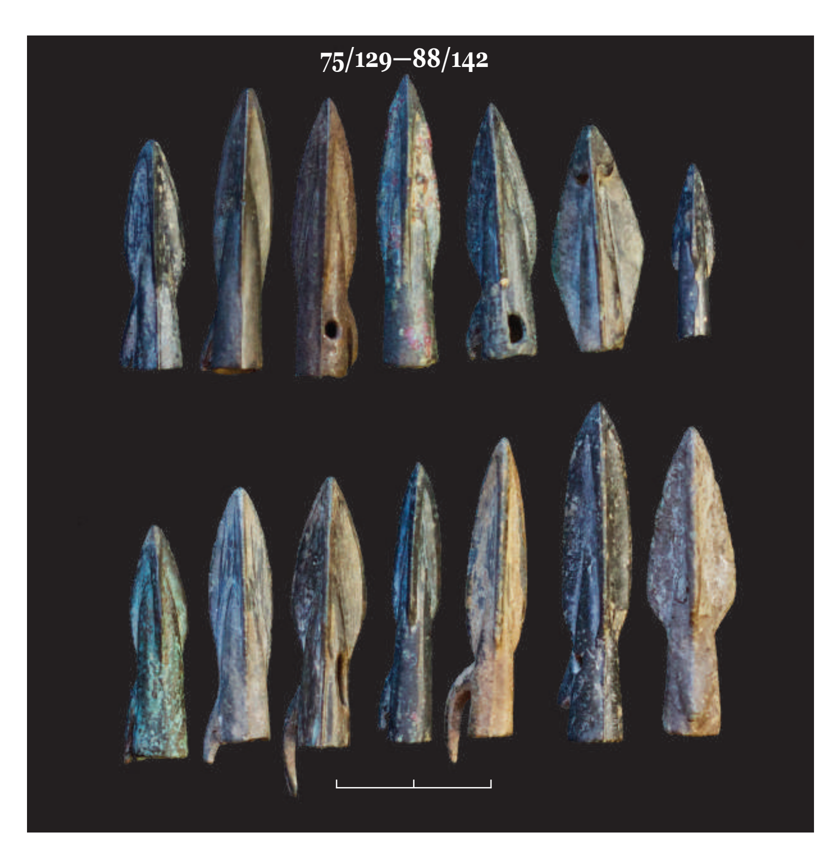
Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников варьирует: 2,2—4,5 (характерны длинные экземпляры), диаметр втулки: 0,5—0,6 см. 15 наконечников имеют шипы, у пяти из них — обломаны. На втулках у четырёх — следы литейного брака в виде округлых отверстий, у одного втулка отломана. Один из наконечников отличается крайне малыми размерами, имея высоту 2,1 см.

Относятся к первой хронологической группе наконечников стрел (II отдел, 1—2 типы), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 17; табл. I; с. 19; табл. 6: А1, В3, Ж1, Л2—7, О11—13*) или к наконечникам т. н. келермесского типа.

Аналогии: в целом — многочисленные. Но в скифских памятниках Крыма встречаются крайне редко. Обнаружены: в кургане 19 (погребение 7) у с. Крыловка Первомайского района и кургане 5 (погребение 10) у с. Новогригорьевка Красногвардейского района (*Колотухин, 2000, с. 99; рис. 19: 12; с. 103; рис. 23: 2*).

Изредка фиксировались в древностях тавров, например, Черкесс-Керменском могильнике (*Крис, 1981, с. 121; табл. 41: 3—14; с. 120; табл. 49: 4, 5*).

94/148—111/165. Трёхлопастные базисные наконечники стрел

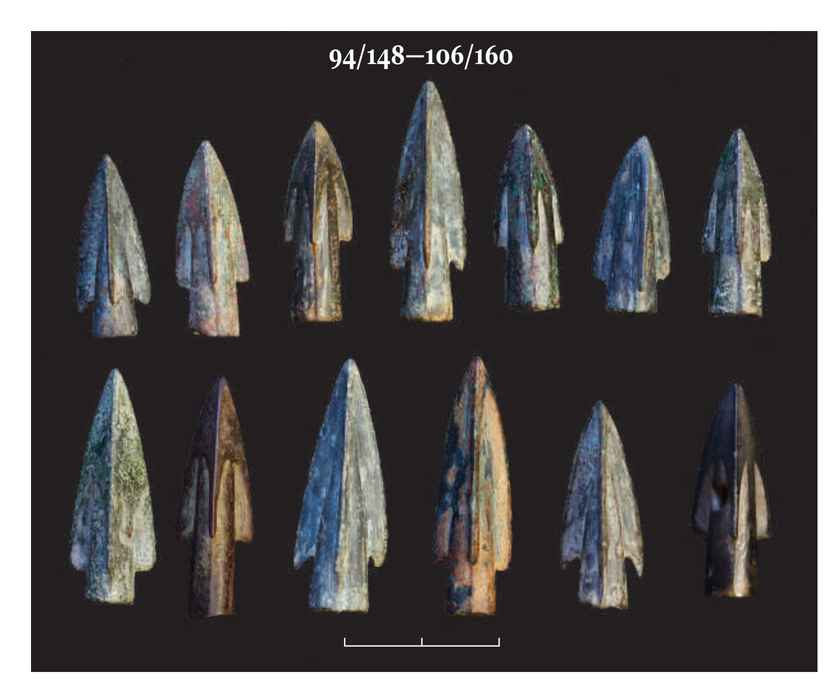
Вторая половина VI — V вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно (*13 экз.*); *между сёлами Ворон и Междуречье, Судакский район* (*1 экз.*); *горный массив Агармыш, окрестности села Холодовка, Судакский район* (*1 экз.*); *окрестности села Отважное, Кировский район* (*1 экз.*); *горный массив Кубалач, Белогорский район* (*2 экз.*).

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 2,3—3,5; диаметр втулки — 0,5 см. У двух наконечников имеется брак литья в виде круглого отверстия. Еще один наконечник — с браком литья и отломанной втулкой.

Относятся ко второй хронологической группе наконеч-

ников стрел (II отдел, 5 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 21, 28; рис. 1; табл. 7: А16*).

Аналогии: широко известны в колчанных наборах скифского времени.

В Крыму зафиксированы в ряде скифских погребений: например, в кургане у с. Вишенное (погребение 16) Красноперекопского района (*Колотухин, 2000, с. 82; рис. 2: 10*); кургане 2 (погребение 3) у с. Владимировка, погребение у с. Снежное Черноморского района (*Колотухин, 2000, с. 90; рис. 10: 1; Колтухов, 2012а, с. 189; рис. 29: 8*); курганах у с. Матвеевка (*Колотухин, 2000, с. 91; рис. 11: 3, 6, 7*); № 8 (погребение 1) у с. Дальнее; кургане 19 (погребение 1) у с. Крыловка Первомайского района (*Колтухов, 2012а, с. 237; рис. 77: 2; Колотухин, 2010, с. 99; рис. 19: 2, 3, 5—7, 11*); кургане 9 (погребение 1) у с. Суворово Сакского района (*Колотухин, 2010, с. 106; рис. 26: 21*).

112/166—114/168. Трёхлопастные наконечники с башневидной узкой головкой

Вторая половина V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно (2 экз.); окрестности села Межгорье, Белогорский район (1 экз.).

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 3,8—4,0; диаметр втулки: 0,5 см.

У двух наконечников в основании втулки — шип. Один из наконечников имеет очень сточенную головку.

Относятся к третьей хронологической группе наконечников (II отдел, 10, 11 типы), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 24; табл. 7: И5; 8: В2, 4, 5, Е3*).

Аналогии: подобные наконечники получили широкое распространение в скифское время.

В Крыму зафиксированы в ряде скифских погребений, например: кургане 3 (погребение 3) у с. Калинино Первомайского района (*Колотухин, 2000, с. 95; рис. 15: 4*); кургане 5 (погребения 9, 12) у с. Григорьевка Красноперекопского района (*Колотухин, 2000, с. 102; рис. 22: 10—12; с. 103; рис. 23: 11*); кургане 16 (погребение 9) у с. Суворово Сакского района (*Колотухин, 2000, с. 107; рис. 27: 9*); курганах 3 (погребение 5), № 5 (погребение 2) у с. Новоалександровка-Богачёвка Красноперекопского района (*Колтухов, 2012, с. 123; рис. 14: 6*); кургане 2 (погребение 2) у с. Рылеевка Раздольненского района (*Колтухов, 2012а, с. 220; рис. 60: 7*); курганах 8 (погребение 1), кургане 9 (погребения 2, 5) у с. Межводное Черноморского района (*Колтухов, 2012а, с. 228; рис. 66: 4, 9, 13*).

115/169, 116/170. Трёхлопастные наконечники стрел с треугольной головкой, проточенными высоко ложками и выступающей втулкой

V — начало IV вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 2,7; диаметр втулки: 0,5 см.

Относятся ко второй хронологической группе наконечников стрел (III отдел, 2 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 19—28; рис. 1; табл. 7: Г5, 6*).

Аналогии: наконечники указанного типа не принадлежат к числу широко распространённых в колчанных наборах Скифии. В Степном Крыму известен ряд подобных нако-

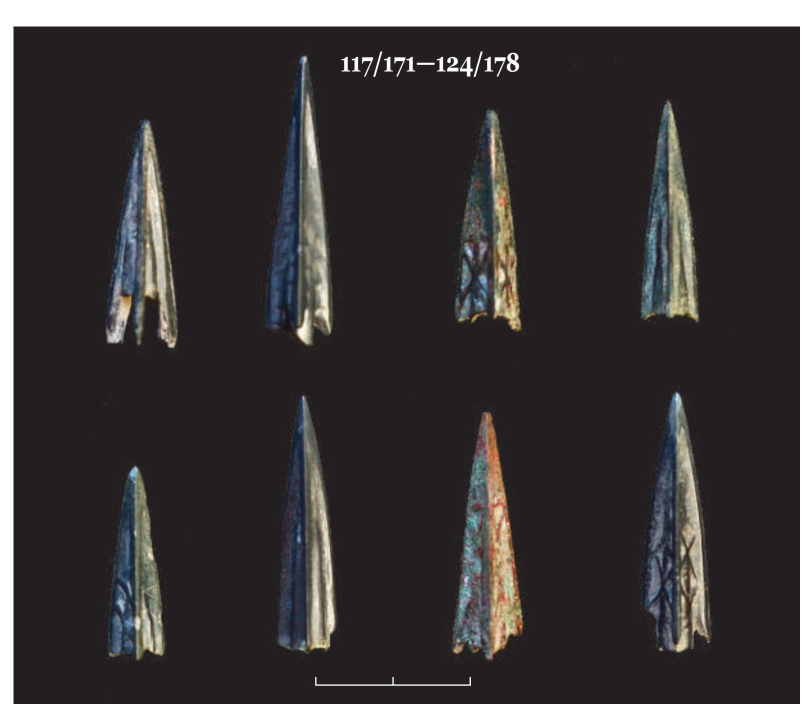

нечников, например, в каменном ящике 1 у с. Снежное Сакского района (*Колотухин, 2000, с. 105; рис. 25: 19*); в кургане 5 (погребение 3) у с. Красноярское; кургане 9 (погребение 4) у с. Межводное Красноперекопского района (*Колтухов, 2012, с. 212; рис. 52: 3; с. 226; рис. 66: 9*). Встречаются изредка в таврских памятниках Горного Крыма (*Крис, 1981, табл. 34: 2*).

117/171—124/178. Трёхлопастные наконечники стрел с треугольной головкой, скрытой или слегка выступающей втулкой

IV в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

117/171—124/178

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 2,2—3,5; диаметр втулки — 0,5 см. Края лопастей у некоторых экземпляров подрезаны и опущены вниз. На головках четырёх наконечников есть литые рельефные метки в виде знаков «XX» «Ж» или иных конфигураций.

Относятся к четвёртой хронологической группе наконечников стрел (II отдел, 8 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 25, 28; рис. 1; табл. 8: А4—7, Д1, Ж1—12*).

Аналогии: наконечники этого типа получили чрезвычайно широкое распространение в скифское время. Хорошо представлены и в скифских комплексах Крыма. Примеры: в кургане 11 (погребение 3) у с. Астанино Ленинского района (*Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 171; рис. 23: 4*); кургане у с. Матвеевка (погребение 3) Первомайского района (*Колотухин, 2000, с. 91; рис. 11: 11—13, 15, 16*); кургане 17 (погребение 1) у с. Крыловка (*Колотухин, 2000, с. 96; рис. 16: 1*); кургане 3 (погребение 3) у с. Вишнёвка Красноперекопского района (*Колтухов, 2012а, рис. 13: 2*); кургане 8 (погребение 2) у с. Красноярское Черноморского района (*Колтухов, 2012а, с. 213; рис. 53: 8*).

125/179, 126/180. Трёхгранные наконечники стрел с лавролистной головкой и высокой втулкой

Конец VII — начало VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 3,2—3,9; диаметр втулки: 0,5—0,6 см.

Головка одного из наконечников сильно сточена, у другого в основании втулки — шип.

Относятся к первой хронологической группе (III отдел, 1 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 17, 19; табл. 6: Ж2, К4; 7: А9*).

Аналогии: подобные наконечники не являются преобладающими в колчанных наборах Скифии, в основном известны в памятниках скифской поры Лесостепи (*Ильинская, 1968, табл. II: 11—12; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 36; рис. 6: 1—3*).

127/181—130/184. Трёхгранные наконечники стрел с треугольной головкой

Конец VII — начало VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечников: 1,8—2,7; диаметр втулки: 0,5—0,6 см. Два наконечника отличаются небольшими размерами, два — довольно длинные. Все экземпляры имеют выступающую втулку.

Относятся к первой хронологической группе (III отдел, 2 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 17, 19; табл. 6: Е5*).

Аналогии: подобные наконечники не являются преобладающими в колчанных наборах Скифии, но вполне обычны в памятниках скифской поры Лесостепи (например: *Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 36; рис. 6: 6, 7, с. 45; рис. 14: 1, 13*).

131/185. Трёхгранный наконечник с треугольной головкой и скрытой втулкой

Вторая половина IV — начало III вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечника: 2,5; диаметр втулки: 0,5—0,6 см. В нижних частях граней — прямоугольные выемки.

Относится к четвёртой хронологической группе (III отдел, 5 тип), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 25, 28; рис. 1; табл. 8: Н3; 9: В6, Н7*).

Аналогии: наконечники данного типа получили чрезвычайно широкое распространение в скифских памятниках Степи и Лесостепи Восточной Европы. Довольно хорошо представлены в скифских древностях Крыма, например: в кургане 12 (погребение 1) у с. Ильичёво; кургане 16 (погребение 3) у с. Астанино Ленинского района (*Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 147; рис. 5: 30; с. 171; рис. 23: 4*); кургане 17 (погребение 1) у с. Крыловка Первомайского района (*Колотухин, 2000, с. 96; рис. 16: 3*); кургане у сёл Новоалександровка и Богачёвка Красноперекопского района (*Колтухов, 2012, с. 124; рис. 15: 6*); кургане 12 (погребение 2) у

с. Суворово Сакского района (*Колтухов, 2012а, с. 178; рис. 18: 4*); кургане 11 (погребение 9) у с. Красноярское Черноморского района (*Колтухов, 2012а, с. 124; рис. 54: 6*).

132/186. Четырёхгранный наконечник с пирамидальной головкой и скрытой втулкой

VI—V вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наконечника: 3,4; диаметр втулки: 0,5—0,6 см.

Относится ко второй хронологической группе (IV отдел), по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 22, 28; рис. 1; табл. 7: А2*).

Аналогии: встречаются крайне редко в кругу наконечников скифского времени. В Крыму достоверно не зафиксированы.

133/187—142/196. Костяные пулевидные наконечники стрел со скрытой втулкой

IV в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район (*10 экз.*). *Найдены вместе с бронзовой бляшкой в виде головы оленя, выполненной из обломка рогов с зооморфными превращениями* (*№ 28/388 Каталога*).

У двух наконечников повреждения: у одного обломано остриё, у другого нарушена нижняя часть.

Длина наконечников: 5—5,5 см, диаметр втулки: 0,5 см. Изготовлены из трубчатых костей. В основании — треугольные выемки, образующие шипы.

Наконечники принадлежат к четвёртой хронологической группе, по А.И. Мелюковой (*Мелюкова, 1964, с. 29, 30; табл. 9: 32, 3*).

Аналогии: костяные наконечники подобного типа не получили широкого распространения в колчанных наборах Скифии. Вместе с тем, они — не редкость в ряде скифских захоронений Крыма, например: курганах 11 (погребение 2), 17 (погребение 2) у с. Астанино Ленинского района (*Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 166; рис. 20: 6; с. 173; рис. 24: 1*); кургане у с. Владимировка (погребение 2) Джанкойского района (*Колотухин, 2000, с. 86; рис. 6: 7*); кургане 4 (погребение 10) у с. Рисовое Советского района (*Колтухов, 2012; рис. 11: 9*); кургане 16 (погребение 1) у с. Братское Первомайского района (*Колтухов, 2012а, с. 252; рис. 92: 3*).

2. ДЕТАЛИ ВОИНСКОГО КОСТЮМА И ДОСПЕХА

2.1. ПРЯЖКИ РЕМНЕЙ

1/197. Пряжка поясная в виде скачущего воина

Вторая половина IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Сенное и Дивное, Белогорский район.

Бронза, Литьё. Дополнительно — глубокая гравировка. Пряжка частично повреждена: отсутствуют нижние части передних и задних конечностей коня, хвост.

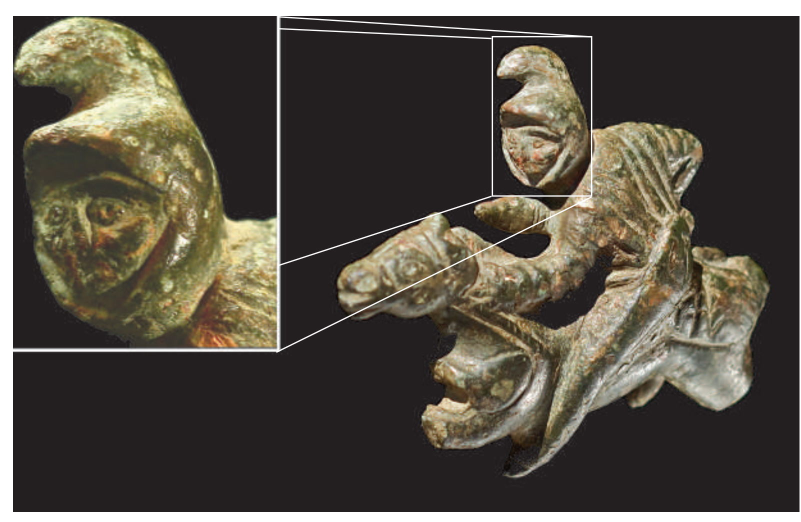
Длина изделия: 6,0; максимальная высота: 4,9—5,0 см.

Фигура коня и большая часть туловища воина даны в профильном исполнении, барельефом, головы же всадника и коня — округлы, почти скульптурны. Оборотная сторона изделия — плоская, без каких-либо следов дополнительной обработки.

С оборотной стороны предмета, в районе конского крупа, расположен вертикальный штифт в виде буквы «Т», отлитый вместе с пряжкой, несомненно, для закрепления её на ременной основе. Штифт выступает в длину на 0,8 см, ширина верхней части 1,3—1,4 см.

Конник изображён несущимся во весь опор. Его туловище наклонено вперед. Левой рукой, почти у головы коня, всадник сжимает верхнюю часть повода. В правой руке, наизготовку, на уровне груди — короткий дротик с широким наконечником, располагающийся параллельно шее коня (задняя часть древка дротика обломана, что подтверждается соответствующим следом). На голове воина — шлем в виде фригийского колпака. Лицо, открытое от бровей до верхней части подбородка, достаточно выразительно: окантовкой с акцентированными кружками

по центру показаны глаза, рельефной линией выделен нос, хорошо просматриваются выпуклые губы и щеки. На всаднике — костюм скифского типа. Приталенный кафтан с длинными рукавами и срезанными под острым углом полами подпоясан ремнём. Его структура показана длинными рельефными полосами, а полы — лежащими на крупе лошади. На левом бедре конника к поясу прикреплен небольшой горит с луком. Штаны довольно узкие. В нижней части, от колена, на них просматривается выделенный слабым рельефом орнамент в виде S-образных завитков с окружностями в центре. На ногах скифики — мягкая обувь без каблука.

Судя по направлениям верхних частей конечностей, а также по аналогиям, лошадь представлена в галопе. Реалистично показано изображение головы. Хорошо выделены ноздри, а также верхняя и нижняя губы. Глаз трактован углубленной точкой, лежащей в рельефной окантовке. Из элементов конского оголовья следует отметить чётко очерченные горизонтальные налобный и нахрапный ремни, соединяющий их вертикальный ремень уздечки, а также лежащий вдоль шеи ремень поводьев с косой штриховкой.

В целом изображение скачущего всадника весьма динамично и выполнено в достаточно реалистичной манере. Однако бросается в глаза непропорциональность соотношения фигур всадника и лошади: последняя несколько меньше предполагаемых «реальных» размеров.

Аналогии: известны пока только на территории Крыма. Наиболее близкая — бронзовая пряжка в виде скачущего всадника, найденная в 1889 г. в Петровской балке, в Симферополе (*Веселовский, 1891*). Более отдалённые аналогии — пряжки в виде скачущих всадников из Керчи (*Leskov, 2008, p. 196—197;*

N 266) и святилища у с. Щебетовка в Юго-Восточном Крыму (*Скорый, 2013, с. 52*). К аналогиям можно отнести и фрагменты бляшек с горного массива Кубалач (между с. Радостное и Русское), а также из Юго-Восточного Крыма (№ 2/198 и 3/199 Каталога).

Издано: Скорый, 2013а, с. 47; рис. 1, 2.

2/198. Поясная пряжка в виде скачущей лошади (фрагмент)

IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Радостное и Русское, Белогорский район.

Бронза. Литьё. Дополнительно — гравировка. Сохранность фрагмента очень хорошая. Он равномерно покрыт стекловидной зеленой патиной.

Сохранившаяся длина изделия: 3,3; максимальная высота: 4,0 см.

Пряжка передаёт левостороннее барельефное изображение молодой лошади, возможно, жеребёнка, сохранившееся от головы до начала спины и средней части живота. Судя по положению обломанной ноги, лошадь представлена скачущей. Изображение выполнено в высоком рельефе, имеет выпуклые формы, а мелкие детали проработаны чеканкой. Судя по сохранившейся части, туловище лошади весьма узкое. Шея перпендикулярна по отношению к туловищу и имеет изящные контуры: массивная в основании, она постепенно сужается по направлению к голове. Последняя немного опущена вниз и отделена от шеи углублённой линией. Голова удлиненной формы, слегка заужена к окончанию. Ноздри выпуклые, с едва намеченной впадинкой. Хорошо проработан рот животного: он передан ровной углублённой линией, обрамленной едва заметной окантовкой. Глаз миндалевидной формы, выполнен в технике гравировки: углублённой точкой показана зеница, двумя изящными несмыкающимися линиями — глазница. На макушке лобастой головы животного показаны короткие торчащие вверх уши. Грива трактована косой насечкой. В нижней части шеи лошади — широкий ремень в виде двух параллельных линий с нанесёнными между ними точками, по-видимому, символизирующими бляхи. Оборотная сторона слегка вогнута и имеет Т-образный штифт для закрепления на кожаной основе ремня. Штифт выступает на 1,0 см, его ширина 2,0 см.

Аналогии: пока неизвестны. Но, судя по устройству, эта пряжка вполне сопоставима с описанной выше пряжкой и сходными с нею подобными предметами.

Издано: Скорый, 2013а, с. 54; рис. 6.

3/199. Фрагмент поясной пряжки в виде лошади или скачущего воина

IV в. до н. э.

Юго-восточный Крым, точное место находки неизвестно.

Длина фрагмента: 3,4 см.

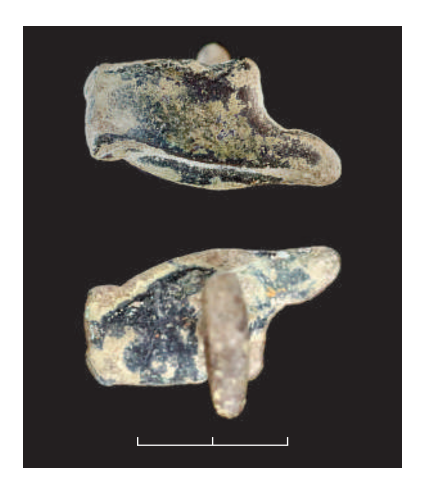
Максимальная высота: 1,8 см.

Сохранился лишь невыразительный фрагмент изделия. Однако, по аналогиям, с большой долей вероятности можно предположить, что изначально это была пряжка в виде лошади, возможно, скачущего всадника. В этом случае перед нами задняя часть туловища лошади с фрагментом ноги, направленной назад, т. е. в галопирующем положении. На месте основания хвоста — следы облома. Был ли на лошадь посажен всадник, или это пряжка в виде отдельной фигуры лошади, по состоянию фрагмента определить невозможно. На территории Крыма обнаружены оба варианта. С обратной стороны — Т-образный штифт для закрепления на кожаной основе ремня, что четко указывает на функциональное предназначение изделия. Штифт выступает на 1 см от поверхности; ширина его верхней части: 1,4 см.

Аналогии: известны пока только на территории Крыма. Наиболее близкие — бронзовая пряжка в виде скачущего

всадника, найденная в 1889 г. в Петровской балке, в Симферополе (*Веселовский, 1891*), пряжки в виде скачущего всадника с горного массива Кубалач (между сёлами Сенное и Дивное) и, возможно, в виде лошади с того же массива (между сёлами Радостное и Русское) (№ 1/197, 2/198 Каталога). Более отдалённые аналогии — пряжки в виде скачущих всадников из Керчи (*Leskov, 2008, p. 196—197; N 266*) и святилища у с. Щебетовка в Юго-Восточном Крыму (*Скорый, 2013, с. 52*).

Публикуется впервые.

2.2. ЗАСТЁЖКИ-КРЮЧКИ ОТ КОЛЧАНА-ГОРИТА ИЛИ ПОРТУПЕИ

1/200. Застёжка-крючок крестовидного типа

IV—I вв. (?) до н. э.

Белогорский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза. *Литьё.* Сохранность хорошая.

Длина: 9,0; ширина поперечной перекладины: 7,0 см.

Диаметр прута: до 0,4 см.

Застёжка-крючок крестовидного типа в виде длинного прута, округлого в сечении, с перекладиной в последней трети длины. Один из концов резко загнут и представляет собой стилизованную головку хищной птицы. Сходство подчёркивается двумя выпуклыми окружностями в месте сгиба, символизирующими птичьи глаза. Головка является крючком застёжки. На одной из сторон перекладины — округлый выступ. С другой стороны — довольно широкий штифт для закрепления на ремне.

Учитывая вертикальное расположение стилизованной головы птицы относительно прута, следует трактовать данный предмет как крючок для подвешивания горита или колчана, либо в качестве застёжки портупеи ремня.

По типологии В.С. Ольховского, крючок относится к группе дротовых, наиболее простых и получивших довольно широкое распространениие крючков (*Ольховский, 1999, с. 183*). Близкие по форме крючки известны в древностях довольно широкого хронологического диапазона — IV—I вв. до н. э. (*Синика, Тельнов, 2016, с. 306, рис. 1: 1; 6—10; с. 311, рис. 2*).

Аналогии: ближайшая: в погребении савроматской «амазонки» третьей четверти IV в. до н. э. из кургана 4 Сладковского могильника в междуречье Северского Донца и Дона (*Максименко, 1983, с. 31; рис. 17: 9; Ольховский, 1999, с. 186, рис. II: 15*). Весьма сходные экземпляры, но выполненные из железа — в курганах IV в. до н. э. — у с. Весёлое Харьковской обл. на Северском Донце (*Шрамко, 1993, с. 114; рис. 2: 1; с. 115*) и кургане 15 у с. Дуровка на Среднем Дону (*Пузикова, 2001, с. 196, 247; рис. 45: 6; Савченко, 2004, с. 234; рис. 28: 7; с. 241*).

2/201. Застёжка-крючок

IV в. до н. э.

Керченский полуостров. Точное место находки неизвестно.

Бронза. *Литьё*. Сохранность хорошая, за исключением слегка нарушенной верхней части.

Длина: 8,0; максимальная ширина: 1,2 см.

Длина штифта: 1,8; ширина: до 0,5 см.

Застёжка в виде плоского прута, лицевая сторона которого слегка выпукла, заполирована, оборотная — плоская. Нижняя часть застёжки представляет собой стилизованную головку хищной птицы с сильно загнутым заострённым клювом. С двух сторон головки весьма рельефно выделены округлые глаза. Птичья головка отделена от основной части застёжки сужением. Функционально птичья головка представляет собой крючок застёжки. Верхняя часть предмета оформлена в виде двух птичьих головок с загнутыми клювами, развернутых в разные стороны. Одна из головок обломана. Застёжка слегка расширяется в центральной части и сужается к краям. Лицевая сторона её декорирована четырьмя группами поперечных валиков. В нижней части — две группы по два валика, в верхней — группы из трёх и четырёх валиков. С оборотной стороны застёжки, примерно по центру, находится штифт для закрепления на ремне, выступающий на 1,5 см относительно плоскости этого изделия. Назначение застёжки — аналогичное предыдущей.

Аналогии: прямые данной застёжке нам неизвестны, но декором в виде горизонтальных валиков или насечек она напоминает железный «крючок» из погребения IV в. до н. э. в кургане 4 у с. Веселое на Северском Донце (*Шрамко, 1992, с. 114; рис. 2: 1*).

3/202. Застёжка-крючок с изображением конской фигурки и головы хищной птицы

Третья четверть IV в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза. *Литьё*. Сохранность металла очень хорошая, но штифт на оборотной стороне обломан.

Общая длина: 10,5 см.

Длина фигурки лошади: 7,0; высота: 4,0 см.

Основу застёжки составляет профильное, левостороннее, изображение конской фигурки, выполненное в низком рельефе. У животного — поджарое тонкое туловище, длинная изогнутая шея, переходящая в хорошо узнаваемую лошадиную голову, необычные, согнутые вперед ноги и хвост. Голова имеет близкую к прямоугольной, вытянутую форму. В её центре — овальный глаз, переданный углубленной линией. Под глазом выделен щечный выступ. Показаны пухлые губы животного, разделенные углубленной линией рта. Над глазом выделен маленький чубчик и близкое к треугольной форме ухо. Сужающийся к окончанию хвост украшен косой насечкой, указывающей на заплетение. Относительно гармоничную композицию фигуры нарушает изображение ног. Во-первых, их четыре, а не две, как в традиционных скифских профильных изображениях животных. Во-вторых, они непропорционально длинны. В-третьих, на уровне колен ноги преломляются под прямым углом вперед, что неестественно для лошади и характерно для передачи ног хищника («припавшего на передние лапы» или «на полусогнутых»). Копыта как таковые не выделены, хотя нижняя часть ног немного загибается, также в большей степени напоминая кошачьи лапы, нежели окончания ног лошади. Впрочем,

такая манера изображения согнутых под прямым углом ног копытных не уникальна. Ее можно наблюдать у терзаемых животных на навершиях из кургана Слоновская Близница, относящегося к самому концу IV в. до н. э. (*Канторович, 1998, с. 79, рис. 1: 1, 2; с. 83*).

От уровня головы и передних ног лошади застёжка продолжается собственно самим крючком, оканчивающимся стилизованной головой хищной птицы с сильно загнутым клювом. С одной из сторон головы просматривается округлый рельефный глаз. Выше головы птицы с обеих сторон — пять горизонтальных насечек, видимо, имитирующих птичье оперенье.

Лицевая сторона пряжки тщательно заполирована, оборотная — гладкая. На ней в районе задних ног и хвоста — небольшая выемка, с более ярко выраженной патиной и отверстие круглой формы, заполненное окислами железа. Несомненно, здесь первоначально располагался бронзовый штифт для закрепления застёжки на ремне, впоследствии обломанный. Окислы железа говорят, скорее всего, о вторичном использовании, когда вместо штифта для крепления на ремне использовалась некая железная петля.

Аналогии: нам известна лишь одна фрагментированная застежка с изображением лошади — случайная находка на берегу реки Северский Донец (*Гречко, 2010, с. 265; рис. 118: 9*), но по стилю изображение существенно отличается от межгорского. Подобные застежки были характерны, в первую очередь, для древностей Среднего Подонья. Недавно каталог металлических крючков-застежек Евразии скифского времени был опубликован В.И. Гуляевым, в котором он учел 62 экземпляра, включая и опубликованные нами в 2014 г. экземпляры из Крыма (*Гуляев, 2016*). В Крыму подобные находки единичны. Помимо предшествующего экземпляра следует упомянуть застежку с полнофигурным изображением оленя из погребения 1 кургана 5 у сёл Новоалександровка и Богачёвка Красноперекопского р-на (*Колтухов, 2012, с. 46, рис. 17: 6*) и птицы — из кургана на мысе Ак-Бурун (*Канторович, 2015, с. 1208, 1562, рис. 2*). Оба комплекса относятся к последней трети IV в. до н. э.

2.3. ЭЛЕМЕНТ ШЛЕМА

203. Наносник от античного шлема

Скифское время

Урочище Алан-Тепе, северо-западный склон, в 5 км к югу от Старого Крыма, в 1,5 км к северо-западу от монастыря Сан-Стефанос.

Бронза. Литьё, дополнительная проковка. Сохранность

хорошая. Фрагмент покрыт благородной патиной.

Общая длина наносника: 6,0 см.

Ширина в наиболее узкой части: 0,8, в наиболее широкой: 1,2 см.

Толщина: до 0,5 см.

Наносник имеет вытянутую, копьевидную форму. В верхней части, в месте облома, он слегка расширен (здесь начинался переход в дуговидные надглазья шлема), затем сужен и вновь расширяется в последней трети длины. На лицевой стороне наносник оконтурен гравированной линией. С оборотной стороны явственно видны следы проковки.

Аналогии. Отнесение данного наносника к конкретному типу шлема античного периода довольно затруднительно. Дело в том, что близкие по форме наносники имели, как минимум, три группы античных шлемов, в том числе известных в Северном Причерноморье: аттические, халкидские и коринфские (*Мелюкова, 1964, табл. 23: 1, 2, 4; Черненко, 1968, с. 83, 85, рис. 45: 1, 3, с. 86, рис. 1: 2*). При этом следует добавить, что как у коринфских, так и у аттических шлемов наносники оконтурены гравированной линией. К тому же, среди данных двух групп шлемов встречаются как кованные, так и литые экземпляры. Во всяком случае, применительно к аттическим шлемам об этом можно говорить определённо (*Мелюкова, 1964, с. 79*).

Публикуется впервые.

3. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ КОНСКОЙ УПРЯЖИ И УКРАШЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПОВОЗКИ

3.1. ОСТАТКИ ТРИЗНЫ БЛИЗ КУРГАНА

Село Хлебное, Белогорский район, к северо-западу от кургана на горе Круглая, в пахотном слое — 37 вещей.

По словам находчиков, вокруг кургана встречалось много костей животных, что, вероятно, указывает на осуществлённую здесь тризну.

Находки представлены деталями конского снаряжения (25 экз.) и украшениями, относящимися к погребальному кортежу (12 экз.).

ДЕТАЛИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

1/204—3/206. Псалии двудырчатые, с восьмёрковидным расширением в средней части, Г-образные, с секировидным окончанием

V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

1, 2. Два однотипных псалия.

Общая длина: 14,0; ширина «секиры»: 2,5; длина — 2,5 см.

Прямой стержень псалиев с одной из сторон имеет плавное коническое расширение. Другая сторона стержня оформлена в виде широкой секиры со срезанной верхней частью, расположенной под острым углом

к стержню. Между краем секиры и стержнем — узкая перемычка, в одном случае сломанная. Оба псалия переломаны в средней части, между отверстиями.

Аналогии: двудырчатые псалии Г-образной формы весьма широко использовались в системе конской узды в V в. до н. э. на территории Европейской Скифии. Тем не менее, прямых аналогий крымским псалиям найти не удалось. В определённой степени им близки псалии с секировидными окончаниями первой половины V в. до н. э. из кургана 400 у с. Журовка и кургана 188, группы Д у с. Большая Яблоновка (бассейн р. Тясмин) в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Петренко, 1967, с. 159; табл. 26: 8, 18*).

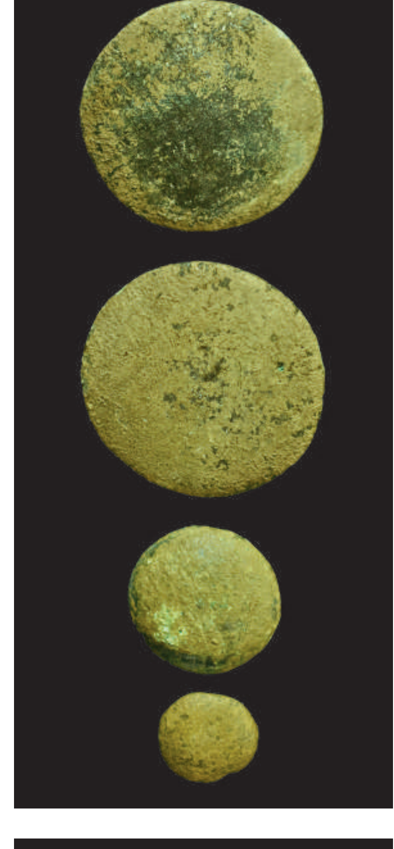
3. Псалий, отличающийся от первых двух.

Общая длина: 13,3; ширина «секиры»: 2,0; длина: 2,5 см.

Прямой стержень псалиев с одной из сторон имеет плавное коническое расширение. Другая сторона стержня оформлена в виде более узкой секиры с плавно расширяющимся краем, расположенной под тупым углом к стержню. Псалий сохранился целиком.

Аналогии: те же. Двудырчатые псалии Г-образной формы весьма широко использовались в системе конской узды в V в. до н. э. на территории Европейской Скифии. Тем не менее, прямых аналогий крымским псалиям найти не удалось. В определённой степени им близки псалии с секировидными окончаниями первой половины V в. до н. э. из кургана 400 у с. Журовка и кургана 188, группы Д у с. Большая Яблоновка (бассейн р. Тясмин) в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Петренко, 1967, с. 159; табл. 26: 8, 18*). Более близкие аналогии известны на весьма отдалённой территории — в погребении 2 кургана 6 у Переволочаны в

Южном Приуралье. Правда, указанные псалии изготовлены из железа (*Очир-Горяева, 2012, с. 307; илл. 341: 3*).

4/207—7/210. Бляхи круглые, выпуклые, с петлями на оборотной стороне

Скифская эпоха.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

4, 5. Две бляхи одинакового диаметра: 4,7 см.

Правильной круглой формы, с выпуклым гладким щитком и полукруглой петлёй для крепления на кожаной основе узды. Высота петли: 1,5; ширина: 2,5 см.

6. Бляха меньшего диаметра: 2,9 см, аналогичного устройства. На оборотной стороне полуовальная петля. Высота петли: 1,7; ширина: 2,5 см.

7. Самая маленькая бляха, диаметром 1,8 см. С оборотной стороны — петелька. Её высота:

0,7; ширина: 1,6 см. Петелька поломана в центре.

Аналогии: круглые литые выпуклые бляхи широко известны в системе конского убора скифского времени, встречены в памятниках Степи (напр.: *Манцевич, 1987, с. 106; кат. 82; Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53: 5; Бидзиля, Полин, 2012, рис. 65: 6—11; 67, 5, 6, 9, 11; 74: 2—4, 7, 8 и сл.*) и Лесостепи (*Могилов, 2008, рис. 85—89*) Восточной Европы. Известны они и в древностях Крыма (*Крис, 1981, табл. 33: 14, 15, 18*).

8/211—17/220. Однотипные бляхи в виде когтя хищной птицы

V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Шесть блях — правосторонних, четыре — левосторонние.

Все бляхи одинаковых размеров: высота 3,2; максимальная ширина: 2,5 см.

На оборотной стороне — полукруглая петля. Высота петли: 0,8; ширина: 1,3 см. Под петлей — дорожка шириной до 1,0 см, для более прочного закрепления на ременной основе оголовья.

У одной из шести правосторонних блях не удалён литник.

Коготь передан путем изображения трёх колен: основания, среднего и верхнего, а также полукруглого завитка. Каждое следующее от основания колено меньше предыдущего и находится по отношению к нему под небольшим углом. Из верхнего колена выходит полукруглый завиток, сужающийся к своему окончанию.

Аналогии: полные: курганы 401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), бассейн Тясмина, № 5 у с. Берестняги (V в. до н. э.), бассейн Роси, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Петренко, 1967, с. 167; табл. 30: 8, 11; Могилов, 2008, с. 318; рис. 99: 9—11, 13*); степные аналогии: Елизаветовский могильник, курган 4, 1911 г. (*Миллер, 1914, с. 226, рис. 14 нижний; Канторович, 2015, с. 1614, рис. 6*), Червоный Яр, курган 1 (*Канторович, 2015, с. 1614, рис. 7*). Крымские аналогии: Малый Агармыш, с. Пчельники — Заветное (№ 153/513—155/515 Каталога).

18/221, 19/222. Бляхи в виде полисемантического образа — когтей хищной птицы или грифона и рогов оленя или лося

V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Ширина: 4,0; высота: 3,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,7 см.

Изображение состоит из трех отростков, расходящихся из общей основы в разные стороны: два — влево, один — вправо (если расположить отростки вверх). Каждый из них передан при помощи одного или двух колен, а также длинного завитка, сужающегося и заостряющегося к окончанию, напоминающему коготь хищной птицы. Каждый «коготь» соприкасается с расположенным рядом. На оборотной стороне — полукруглая петля, под которой — дорожка шириной 1 см, связанная с процессом отливки предмета. Образ может быть трактован как когти хищной птицы или грифона (если рассматривается отростками вниз) или же как рога копыт-

ного — оленя или лося (если рассматривается отростками вверх). Аргументы в пользу такой интерпретации, а также семантическая связка двух образов приведены в отдельной статье (*Зимовец, 2015*).

Аналогии: прямые с территории Крыма и Тамани — находки у сёл Межгорье, Русаковка, Новоклёново, Отважное (№ 24/384—27/387 Каталога), некрополь поселения Артющенко 2, на Тамани, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*). Прямые аналогии также известны в Лесостепи: 3 бляхи из кургана 4 у с. Берестняги, вторая половина V в. до н. э. (*Бобринский, 1901; табл. XIX: 1*); бляха из кургана 14 у с. Прусы Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1899, табл. XX: 329*); с. Дмитровка Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1907, табл. XVIII: 313*) в Днепровском Лесостепном Правобережье; кургана 13 у с. Олефирщина, V в. до н. э. (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 11: 5*), междуречье Ворсклы и Псла. Более отдаленная аналогия — два экземпляра нащёчников из Плоской могилы, середина IV в. до н. э. (*Болтрик, Савовский, 1991, с. 105; рис. 4: 10, 11*).

20/223—23/226. Ворворки

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

20—22. Три однотипных экземпляра.

Вторая половина VI — V вв. до н. э.

Высота ворварок: 2,0—2,4; диаметр нижней части: 1,5—1,7; верхней: 0,5—0,8 см.

Диаметр отверстия: 0,4—0,5 см.

Относятся к срезано-коническим изделиям с вогнутыми боками (*Могилов, 2008, с. 74*). Имеют полифункциональное назначение, но широко использовались и как детали конской узды.

Аналогии: такие ворворки получили чрезвычайно широкое распространение в скифскую эпоху в степной и лесостепной зонах Восточной Европы: находки их исчисляются сотнями. Известны со второй половины VI в. до н. э. Особенно характерны для V в. до н. э. Единичные находки относятся к IV в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 74, 75, 361, 362; рис. 141; 142: 1—44*). Хорошо представлены в скифских памятниках Крыма V в. до н. э. (напр.: *Бессонова, Скорый, 1986, с. 164; рис. 6: 7, 8; Колотухин, 2000, с. 98; рис. 18: 12; с. 102; рис. 22: 7, 8; с. 106; рис. 26: 9, 10; с. 107; рис. 27: 5, 6; с. 110; рис. 30: 4; с. 112; рис. 32: 11; Колтухов, 2012, с. 137; рис. 28: 37—39; 2012а, с. 263; рис. 103: 8—18*).

23. Маленькая ворворка.

V—IV вв. до н. э.

Высота: 1,5; диаметр нижней части: 2,0; верхней — 0,8 см.

Диаметр отверстия: 0,7 см.

Относится к срезано-коническим изделиям широких пропорций (*Могилов, 2008, с. 76*).

Аналогии: довольно широко известны в древностях скифской культуры Степи и Лесостепи Восточной Европы. Появляются в среднескифское время, но наиболее характерны для IV в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 76, 77, 363; рис. 143: 4—46*). Подобные ворворки хорошо представлены и в скифских памятниках Крыма (*Колотухин, 2000, с. 106; рис. 26: 10; с. 112; рис. 32: 9; Колтухов, 2000, с. 137; рис. 28: 40; 2012а, с. 263; рис. 103: 20*).

24/227, 25/228. Бляхи в виде лунницы — детали конского нагрудника

IV в. до н. э.

Бронза, ковка, резка.

Различаются по форме, размерам, степени сохранности.

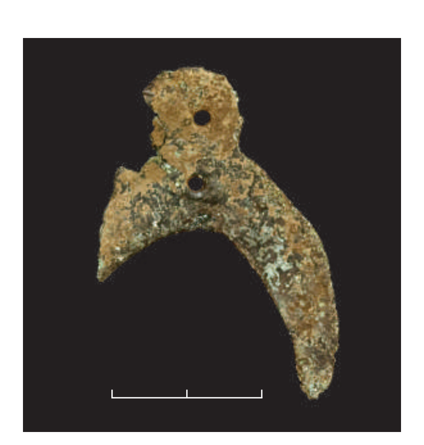
Предназначались для украшения кожаного нагрудника лошади.

24. Бляха в виде подковововидной лунницы.

Высота: 4,7; сохранившаяся ширина: 3,5 см.

Бляха имеет вид узкого плоского полумесяца, рогами вниз, с выступающей в центре округлостью-ушком, в которой — отверстие для подвешивания. Ниже — ещё одно отверстие. Одно из «плечей» лунницы обломано. Изделие изготовлено небрежно, из тонкой листовой бронзы.

Аналогии: подобные предметы как детали конских нагрудников известны с конца V в. до н. э., например, в кургане Солоха (*Манцевич, 1988, с. 108, 109, кат. 98*), но особое распространение получают в IV в. до н. э. и зафиксированы в целом ряде степных курганов скифской элиты — Толстой Могиле (*Мозолевський, 1979, с. 36, 37; рис. 21, 6*), Краснокутском (*Мелюкова, 1981, с. 51, 52; рис. 14: 5—11*); Мелитопольском кургане (*Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 144, 145; рис. 159: 4, 5; 160: 1, 2*); Чертомлыке (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 149, 151; кат. 14*); Лемешевом кургане; Александрополе (*Манцевич, 1987, с. 109*) и др.

25. Бляха в виде прямоугольной лунницы.

Высота: 2,5; ширина: 3,3 см.

Небольшие рога этой лунницы расположены необычно — под прямым углом и сужаются к краям. В верхней и нижней части угла — по небольшому отверстию. В верхнем отверстии — проволочка для крепления.

Аналогии: ближайшие — в Братолюбовском кургане на Херсонщине (вторая половина второй четверти IV в. до н. э.) (*Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 102; рис. 20*).

ДЕТАЛИ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОРТЕЖА

26/229—37/240. Круглые нашивные бляхи разных размеров — украшения погребальной повозки

IV в. до н. э.

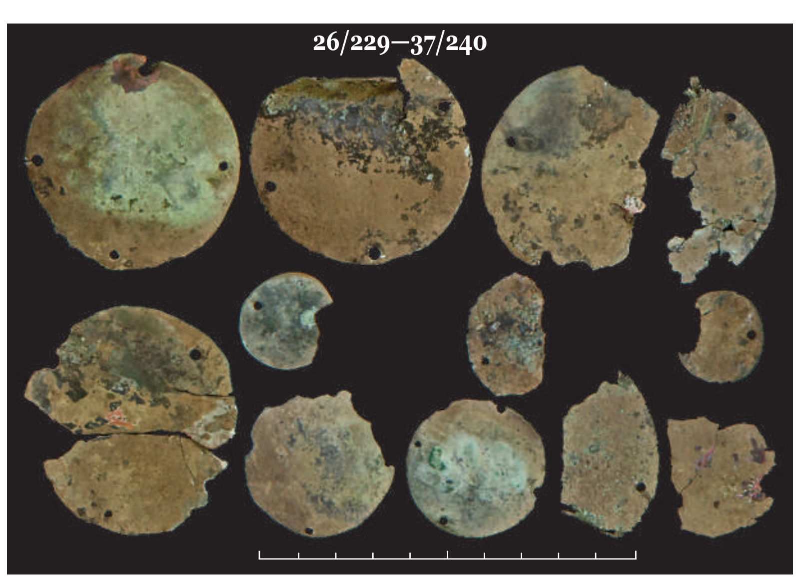
Бронза, ковка, резка. Сохранность различная.

Бляхи вырезаны из тонкого слегка выпуклого листа, с несколькими круглыми небольшими отверстиями для крепления на мягкой основе.

Размеры 8 из них определяются довольно точно, 4 бляхи представлены фрагментами. По диаметру выделено 3 группы:

а) крупные бляхи, диаметр 5,6 см. Из них целый один экземпляр, остальные три в той или иной степени фрагментированы. Имеют по четыре маленьких круглых отверстия для нашивания на основу;

б) средние по величине бляхи, диаметр 3,7 см. Одна из них сохранилась целиком, другая частично фрагментирована. Также имеют по четыре отверстия для нашивания на основу;

26/229—37/240

в) мелкие бляхи, диаметр 2,5 см. Обе частично повреждены. Крепились, скорее всего, с помощью двух отверстий.

Остальные четыре бронзовых фрагмента принадлежали, видимо, наиболее крупным из этих блях. У одного из них, помимо отверстий для крепления, в верхней части сохранилось петельчатое ушко для подвешивания.

Аналогии: довольно многочисленные. Подобные бляхи обычны среди остатков погребального кортежа в скифских элитных курганах Северопричерноморской Степи, например, в Толстой Могиле (*Мозолевський, 1979, с. 117; рис. 100: 6—12*); Краснокутском кургане (*Мелюкова, 1981, с. 46—49; рис. 13: 1—15*); Мелитопольском кургане (*Тереножкин, Мозолевский,1988, с. 100; рис. 108*); Чертомлыке (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 153—155; кат. 24: 2*); Бабиной Могиле (*Мозолевский, Полин, 2005, с. 114; рис. 48: 1—5*); Гаймановой Могиле (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 252; рис. 371; с. 254; рис. 373*) и др. Подробнее о них: (*Болтрик, Савовский, 1991, с. 106, 107; Болтрик, 2009, с. 46, табл. 2*).

3.2. КОМПЛЕКТЫ ДЕТАЛЕЙ УПРЯЖИ

КОМПЛЕКТ 1 (предметы найдены вместе)

Вершина Айлянма-Кая, 1,5 км северо-западнее села Мичуринское, Белогорский район.

1/241. Нащёчник в виде головы вепря, развернутой влево

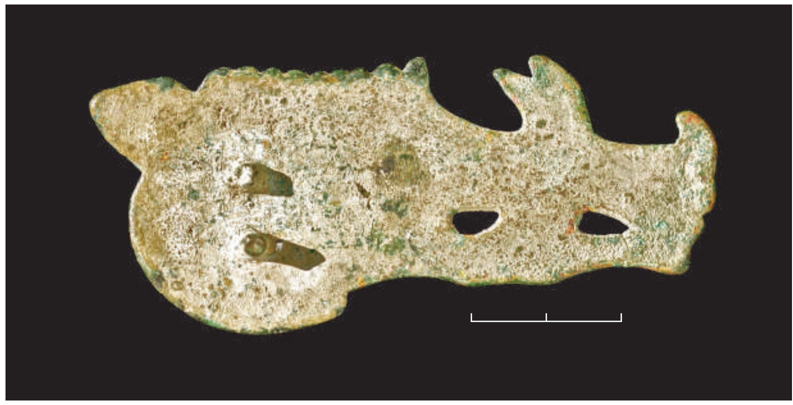
Вторая половина V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина нащёчника: 8,5; максимальная высота: 3,5 см.

Ширина обломаной петли: 1,0 см.

Голова вепря — строго профильная, выполнена в низком рельефе, в манере, сочетающей условность с определенными реалистичными чертами. Нос — в виде трёх продольных рельефных складок; переднее окончание верхней складки загнуто вверх под прямым углом, образуя условное окончание носа («пятак»). Нижняя складка носа очерчивает верхнюю губу. Нижняя губа — в виде одной складки. Пасть как бы приоткрыта: складка нижней губы неплотно прилегает к складке верхней, образуя два треугольных отверстия. От нижней и верхней губы отходят два мощных клыка, поднимающиеся на высоту загривка. В своей верхней части они загнуты назад. Загривок трактован декоративно линией рубцов, идущих от основания носа до треугольного уха. Глаз подчеркнут рельефным эллипсовидным контуром. В нём четко различимы собственно глаз и примыкающая к нему и чуть уступающая по размеру слезница. С тыльной нижней части головы расположен массивный рельефный выступ в форме полумесяца, передающий кожно-шерстную складку животного. На оборотной стороне — обломанная петля.

Аналогии: полные не известны. Однако изображения головы кабана были весьма распространены, в основном на территории Днепровского Левобережья, Крыма и Прикубанья. Традиционно эти изображения делятся на два стилистических типа: реалистичный и условный (см. историографию вопроса: *Канторович, 2015, с. 539—544*). Публикуемое изображение сочетает в себе черты обоих типов, что делает его уникальным. По таким стилистическим элементам как изображение загривка, подтреугольной формы уха, складок пасти, глаза изделие с Айлянма-Кая близко к «реалистичным» головкам кабанов,

получившим распространение, в основном, в Крыму и в Прикубанье. Таковы бронзовые бляхи из: кургана 4 группы Семибратние курганы, вторая половина V в. до н. э. (*Scythian art, 1986, p. 100; pl. 94*); Таманского полуострова, дельты реки Кубань, V в. до н. э. (*Королькова, 2006, с. 178; табл. 9: 6*); бляхи из курганов 1 и 24, 475—425 гг. до н. э. Нимфейского некрополя (*Силантьева, 1959, с. 84; рис. 47: 6; с. 69; рис. 37: 9*); а также окрестностей сёл Марково — Шахтино (№ 27/353, 28/354 Каталога). Вместе с тем, такие черты публикуемого изображения, как общий геометризм формы и приоткрытая пасть, сближают его с серией «условных» изображений, получивших распространение в Левобережном Поднепровье и в Крыму. Таковы бляхи из курганов Роменского уезда (*Шкурко, 1976, рис. 3: 11*), кургана у с. Днепряны в Херсонской области, вторая половина V в. до н. э. (*Мурзін, Черненко, 1979, с. 61—63; Мурзин, 1984, рис. 18*), Нимфейского городища, V в. до н. э. (*Скуднова, 1954, с. 316, рис. 6, левый; Яковенко, 1974, с. 81; рис. 29: 1*), Белогорского р-на, с. Криничики, окрестностей с. Долинное Кировского р-на Юго-Восточного Крыма и окрестностей Старого Крыма (№ 41/401—46/406 Каталога).

2/242, 3/243. Нащёчники в виде бедра и двух лап фантастического хищника с тремя пальцами и закрученными когтями

Вторая половина V — начало IV вв. до н. э.

Бронза, литьё. Один из нащёчников имеет хорошую сохранность, у второго одна лапа обломана.

Максимальная высота: 7,6; ширина (по оконечностям овала): 5,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,3 см.

Бедро показано немного вытянутым по горизонтали овалом. Снизу к нему примыкают две направленные вправо лапы, каждая из которых заканчивается тремя вытянутыми пальцами. На окончаниях пальцев — загнутые когти. Лапы относительно тонкие, в то время как когтистые окончания лап достаточно массивны. С правой стороны бедра расположено округлое углубление. На одном из нащёчников оно имеет отверстие, на другом — спиралевидный завиток. Сзади бедро огибает хвост, который спускается между двумя лапами, изгибаясь в окончании. Он показан рельефной складкой.

С оборотной стороны нащёчников находится маленькая полукруглая петля, сквозь которую проходит дорожка шириной 0,7 мм, связанная с процессом отливки изделия. Скорее всего, нащёчники были отлиты в одной форме.

Аналогии: описываемые нащёчники входят в довольно компактную группу идентичных по иконографии и крайне близких по стилистике изображений бедра и лап фантастического хищника (тип Тузла — Бобрица, по классификации А.Р. Канторовича (*Канторович, 2012, с. 25, 26, рис. 2*), получивших распространение в Крыму, на Тамани и Днепровской Лесостепи. В неё входят: нащёчник с Ак-Каи, а также, судя по аналогиям, фрагмент нащёчника из окрестностей сёл Богатое — Русское (№ 11/337, 12/338 Каталога); нащёчники из Тузлинского некрополя на Кубани, IV в. до н. э. (*Scythian art, 1986,*

kat. 278); кургана 66 у с. Бобрица в Днепровском Лесостепном Правобережье, рубеж V—IV вв. до н. э. (*Петренко, 1967, с. 94, 167; табл. 30: 13*); развеянного кургана у с. Софиевка в Террасовой Левобережной Лесостепи (*Іллінська, 1968, рис. 10: 8*); случайная находка, приведённая в интернет-каталоге *Ancient touch* (*Канторович, 2012, с. 24; рис. 2: 2, 4*). Наиболее характерны подобные нащёчники для второй половины V — начала IV вв. до н. э. (*Могилов, 2006, с. 418; рис. 193; Канторович, 2012, с. 24, 48; табл. 3*).

КОМПЛЕКТ 2 (предметы найдены вместе)

Вершина Айлянма-Кая, 1,5 км северо-западнее села Мичуринское, Белогорский район.

1/244—4/247. Бляшки в виде сцены терзания волчьим (?) хищником головы рогатого копытного

V—IV в. до н. э.

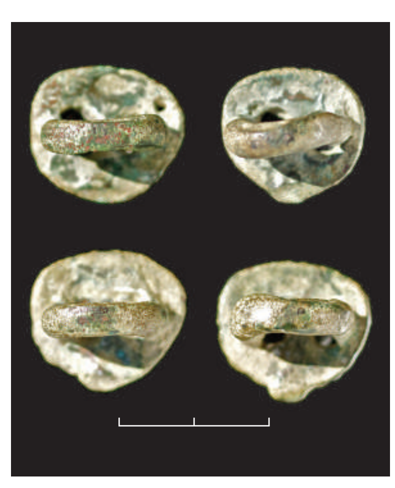
Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 2,0; ширина: 2,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,2; ширина: 1,7 см.

Изображение крайне условно, выполнено анфас, в низком рельефе. Представляет собой округлую, подковообразную форму, в которую вписана волчья (?) голова. Она передана плоскостью, которая делится на широкую верхнюю лобовую и узкую нижнюю носовую части. На широкой лобовой части расположены глаза в виде вдавленных кружочков. Верхнее окончание лобовой части — рубчатое. Головка животного помещена в подковообразную форму, развёрнутую своими заострёнными концами вверх. На ней слабо прослеживаются черты горизонтального рельефа. Не исключено, что подковообразная деталь бляхи передает крайне схематично рога копытного животного. Мастер стремился подчеркнуть «звериные черты» изображения, которые могли бы компенсировать крайнюю условность передачи отдельных черт. На оборотной стороне — петля полукруглой формы.

Аналогии: прямые не обнаружены. Но в такой же схеме выполнены изображения на бляхах, найденные в курганах 22 у с. Староживотинное на Среднем Дону (терзание кошачьим хищником?) (*Медведев, 1999, с. 108; рис. 54: 6*). В.И. Гуляев приводит изображения медведей, выполненные в подобной схеме, хорошо представленные в древностях Среднего Дона скифской поры (*Гуляев, 2012, с. 141; табл. II: 11—13, 16, 18*).

5/248. Щитковый наносник в виде головы осла или мула

V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 5,0; высота: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Щитковый наносник украшен головой животного с очень длинным и широким ухом, напоминающим ухо осла или мула. Оно имеет подтреугольную форму и отходит от затылка назад и немного вверх. Изображение скульпутурно, но рассчитано на профильный обзор. Глаза концентрические, выпуклые зеницы лежат в углублении глазниц. Морда слегка сужается к носу и, несмотря на всю условность, выполнена довольно выразительно: хорошо отображены туповатый нос и нижняя губа, между которыми углубленной линией показан приоткрытый рот. На лбу и носу — две округлые выпуклости, назначение которых непонятно.

Аналогии: более или менее близкие обнаружены в кургане 1 (1897—1898) у с. Волковцы, V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 89, 385; рис. 165: 7*), среди предметов V в. до н. э. в кургане Старшая Могила, в уроч. Стайкин Верх (*Ильинская, 1968, с. 26, 27, табл. V: 5; Могилов, 2008, рис. 165:*

4), *Левобережная Лесостепь*, бассейн Сулы; в Каневском Повете (*Петренко, 1967, табл. 29: 16; Могилов, 2008, рис. 165: 2*), в Поросье. Проявляется сходство также и с крымскими наносниками из Кировского и Белогорского р-нов и с. Спасовка Кировского р-на (№ 45/319—7/321Каталога).

6/249. Орлиноголовый ушастый грифон с симметричными рогами

Щитковый наносник

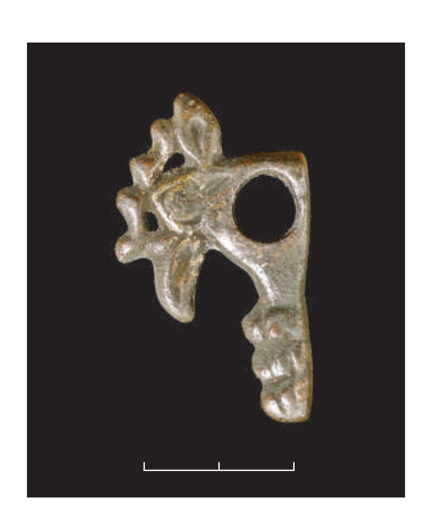
Вторая четверть — конец IV в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 4,4; высота: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Синкретическое существо, наделенное птичьим клювом, большим ухом и симметричными рогами. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор, поэтому ракурс строго профильный. Голова посажена на мощную трапециевидную шею, переходящую в щиток наносника, окончание которого образовано выпуклыми точками (три линии по три точки), передающими условную лапу. Голова состоит из крупного слегка загнутого клюва с впадиной рта, больших глаз и листовидного уха, торчащего сзади от головы. Глаза концентрические: выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц, имеющих подтреугольную форму. Рога образованы двумя симметричными отростками, отходящими от точки над глазом и образующими W-образную фигуру. Они чем-то напоминают петушиный гребень, из-за чего в первом издании книги мы идентифицировали этот образ как «орлиноголового ушастого грифона с петушиным гребнем». Передний отросток опирается на изгиб клюва, задний — на ухо. По классификации А.Р. Канторовича, это «лосептица», т. е. синкретический образ, сочетающий в себе элементы хищной птицы (глаз, клюв) и лося (ухо, рога) (*Канторович, 2015, с. 824—826*).

Аналогии: наиболее широкое распространение получили в Степи: насыпь и южная конская могила кургана Чертомлык, 350—320 гг. до н. э., 40 экземпляров (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84, 163; Канторович, 2015, с. 1269, 1656; рис. 3*); Бабина Могила, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53: 2*); Гайманова Могила, 365—320 гг. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 407; рис. 568*); конское погребение Чмыревой Могилы, 330—315 гг. до н. э. (*Болтрик, Фиалко, 2012, рис. 11: 1; 12: 5*); курган 2, погребение 3 у с. Петровка, сер. IV в. до н. э. (*Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 173; рис. 3: 8*); Шолоховский курган в Нижнем Подонье (*Максименко, 1983, с. 30, 166; рис. 12: 10*). Прикубанье: Прикубанский могильник (*Лимберис, Марченко, 2010, рис. 26*); курган 7/1917 г. у ст. Елизаветинской, третья четверть IV в. до н. э. (*Галанина, 2010, табл. 8: 4*). Аналогичный наносник, найденный в Южной России, известен в собрании *Museum für Vor- und Frühgeschichte* (Berlin). Он также относится к IV в. до н. э. (*Leskov, 2008, p. 216; N 298*). Прямые крымские аналогии: с Айлянма-Каи, из р-на сёл Мичурино — Лечебное и Данское (№ 6/249, 34/308, 33/307 Каталога). Лесостепная аналогия: с. Колбино, курган 26, Средний Дон, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 253, 313; рис. 9: 11*).

КОМПЛЕКТ 3 (предметы найдены вместе)

Посёлок Багерово, Ленинский район, Азовское побережье Керченского полуострова, в районе «Генеральских пляжей», в непосредственной близости от газоперекачивающей станции, недалеко от устья речки Серная.

1/250. Голова животного с зооморфными превращениями

V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота бляхи: 4,8 см.

Ширина: 3,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,2 см.

Голова животного (волка, копытного?) выполнена в фас, в низком рельефе. Она состоит из длинной носовой части, переданной удлиненной плоскостью, слегка расширенной и закругленной в окончании, двух крупных глаз и верхней части, представленной конгломератом декоративных симметрично расположенных элементов. Специфика изображения заключена в том, что глаза животного являются одновременно глазами двух птичьих головок, расположенных вертикально вверх симметрично друг другу. Глаза концентрические, выпуклые зеницы лежат в углублениях рельефно окантованых глазниц. Они вынесены за контур носовой части. Если рассматривать их как глаза птиц, то сверху хорошо просматриваются массивные восковицы, к которым примыкают закру-

ченные в полукруг клювы. Клювы упираются в верхнюю часть плоскости, зауженную и раздвоенную к окончанию, видимо передающую лоб или его центральную часть.

Интерпретация существа затруднена из-за крайней условности и декоративности изображения. Симметично расположенные восковицы птиц имеют треугольную форму, и могут быть интерпретированы как уши основного изображения. Клювы — как левая и правая части лба. Принимая во внимание узкий нос и щирокую лобовую часть с острыми торчащими ушами, изображение может быть интерпретировано как голова волчьего хищника. В то же время, клювы могут быть интерпретированы и как рога. В этом случае перед нами изображение копытного.

С оборотной стороны — прямоугольная петля.

Аналогии: прямые найти не удалось. Весьма отдалённо напоминает нижнюю часть этой бляхи экземпляр, изображающий морду волка в фас, найденный в савроматских памятниках Поволжья, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Максимов, 1976, с. 215; рис. 3: 9*).

2/251—5/254. Головы кошачьего хищного животного в фас

V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота блях: 3,0; максимальная ширина: 2,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,6 см.

Изображен широкомордый хищник, с длинными прижатыми к голове ушами. Изображение имеет форму, близкую к овальной, моделировано в высоком рельефе, строго в плане без нижней челюсти. Морда разделена на левую и правую части слабо выраженным, сглаженным ребром сходящихся плоскостей. В носовой части оно более заметно, переходя в короткую рельефную линию, передающую нос. Слева и справа от носа рельефными плоскостями показаны щёки. Глаза концентрические — выпуклые зеницы лежат в углублении глазниц. В двух экземплярах выпуклости зрачков имеют овально-вытянутую, близкую к каплевидной форму. В двух других — чёткую круглую форму, к которой примыкает маленькая выпуклость, очевидно передающая слезницу. Глазницы обрамлены широкими рельефными линиями, сливающимися друг с другом, благодаря чему они напоминают форму очков. Над глазами — массивный широкий лоб. Длинные уши имеют лепестковую форму с углублением посередине, они плотно прижаты к голове.

Короткая широкая морда животного, выделенные щёки, узкий нос, овальная форма глаз сближают его с кошачьими

хищниками. Удлинённая овальная форма ушей в большей степени характерна для изображения копытных, однако она встречается и у кошачьих хищников. С оборотной стороны — прямоугольная петля.

Аналогии: крайне редки. Наиболее близкие — бронзовая бляшка из с. Грищенцы в Днепровском Лесостепном Правобережье, V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 46, 312; рис. 94: 27*); четыре бронзовые бляхи из кургана 23 Перещепино, первая — третья четверти V в. до н. э. (*Исследования, 2002, рис. 4: 10; Могилов, 2008, рис. 94: 28*), золотая бляшка из кургана 402 у с. Журовка первой половины V в. до н. э. (*Borovka, 1929, tabl. 11B; Петренко, 1967, табл. 19: 25; Королькова, 2006, табл. 39: 4*); кургана 5/1917 у ст. Елизаветинской (*Галанина, 2010, табл. 2: 5*); наконечник неопределенного предмета с хутора Шунтук (*Иессен, 1955, фото на с. 32*). А также бляхи, входящие в настоящую коллекцию, из Новопокровки, Юго-Восточного Крыма, Кировского р-на, Спасовки и Трудолюбовки (№ 59/419—63/423 Каталога).

3.3. УДИЛА

255. Фрагмент стремявидных удил

VII в. до н. э.

Между сёлами Кринички и Абрикосовка, Кировский район. На том же поле, где найдена многофигурная композиция, оформленная в виде головы хищной птицы (№ 31/357 Каталога).

Бронза, литьё, сохранность фрагмента хорошая.

Сохранившаяся длина: 5,1; ширина стержня: 0,9/1,1; длина стремячка: 2,0; ширина стремячка: 2,4 см.

Относятся к типу стремевидных удил с двумя выступами на основе стремячка или выделенными боками стремячка (*Тереножкин, 1976, с. 149—150; Могилов, 2008, с. 16*). По мнению

А.И. Тереножкина, именно наличие этих особенностей отличает раннескифские экземпляры от удил предшествующего времени, что нашло поддержку в последующих исследованиях (*Вальчак, 2009, с. 31*).

Особенностью удил является наличие на стержне весьма глубокого витого рифления. По классификации В.Б. Вальчака, это — ложновитой орнамент или рельеф на стержнях удил. Между тем, подобный вид рельефа был характерен для удил предскифского времени (*Вальчак, 2009, с. 42, 216, рис. 29: 1—4, рис. 30: 4—7*). В кругу раннескифских древностей Восточной Европы, где стремявидные удила с двумя выступами на основе стремячка (или выделенными боками стремячка) известны достаточно хорошо, экземпляры с подобно оформленным, ложновитым орнаментом стержня пока не встречались. Не исключено, что данная особенность является неким наследием позднейшей предскифской эпохи. Именно она дает основания, на наш взгляд, относить данные фрагментированные удила к числу древнейших образцов со стремячвидными окончаниями, ограничивая их дату VII в. до н. э.

Аналогии: стремявидные удила были весьма распространены в раннескифское время в Предказказье и на Кавказе, а также в Правобережной и Левобережной Лесостепи, где А.Д. Могилов учел 16 экземпляров (*Могилов, 2008, рис. 5—7, с. 16*). На Кавказе подобные удила известны по материалам Ульского кургана 1 (*Ульские курганы, 2015, с. 139, 140, табл. 4, рис. 48, 53, 54*) с квадратными в сечении стержнями. В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

3.4. ПСАЛИИ

1/256. Трёхпетельчатый псалий, украшенный головой барана

Вторая половина VII — VI вв. до н. э.

На поле, примыкающем к западной окраине Белогорска.

Бронза, литьё, сохранность фрагмента удовлетворительная.

Длина фрагмента: 7,6; длина головы: 1,6 см.

Диаметр стержня: 0,6—0,8 см.

Окончание псалия с тремя петельчатыми отверстиями украшено головой барана. Про-

тивоположный конец псалия обломан в древности (слом приходится на основание третьей петли). Стержень — овальный в сечении. На нем хорошо просматривается литейный шов. Стержень играет роль шеи, на которую перпендикулярно посажена небольшая голова барана. Изображение выполнено скульптурно, но ориентировано, в основном, на боковой обзор. Голова — короткая, подпрямоугольной формы, с четко выделенной носовой частью. Впадиной намечен рот, окантованный невыразительной рельефной линией, передающей пухлые губы. Рога начинаются в районе темени и, закручиваясь вокруг намеченных впадинами глаз, заканчиваются у своего основания, образуя почти ровный круг. Необходимо отметить разную степень проработки двух сторон головы. Одна из них выполнена весьма детально, другая — крайне условно. Возможно, это результат затерости вследствие длительного использования.

Аналогии: псалии с изображением головки барана получили довольно широкое распространение в келермесское время, в основном на территориях Предкавказья-Кавказа и Днепровской Левобережной Лесостепи. Близкими аналогиями крымской находке являются: бронзовые псалии из курганов 13, вторая половина VII — рубеж VII—VI вв. до н. э. и № 23, VI в. до н. э., могильника Нартан (*Батчаев, 1985, табл. 35: 15; 53: 4, 5; Канторович, 2015, с. 1512; рис. 6—7*), псалии из кургана 1 у хут. Говердовского, вторая половина VII — рубеж VII/VI вв. до н. э. на Кавказе (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 53*); а также шесть экземпляров костяных псалиев из Старшой Могилы, вторая половина VII в. до н. э. (*Могилов, 2006, с. 257; рис. 42: 1—4; Канторович, 2015, с. 1176, 1512, рис. 15—16*), в Днепровском Лесостепном Левобережье.

Публикуется впервые.

2/257. Фрагмент трехдырчатого псалия, оканчивающегося конским копытом с V-образной фигурой

Середина VII — VI вв. до н. э.

На поле, примыкающем к западной окраине Белогорска. К северу от шоссе Симферополь—Керчь.

Бронза, литьё, сохранность фрагмента удовлетворительная.

Длина фрагмента: 6,0; ширина стержня: 0,6—0,8 см.

Внешний диаметр сохранившегося отверстия: 1,2; внутренний 0,7—0,8 см.

Длина копыта 1,7 см.

Судя по аналогиям, фрагмент является половиной псалия с тремя отверстиями. Его слом приходится на центр среднего отверстия. Стержень квадратный в сечении. С нижней стороны отверстия имеют поперечное по отношению к стержню рифление. Псалий заканчивается искусно выполненной стилизованной округлой конской ногой, переходящей в копыто, нижняя часть которого выполнена в виде V-образного знака.

Аналогии: металлические трехдырчатые псалии были достаточно широко распространены в раннескифское время на обширных территориях от Алтая, Минусинской котловины, Средней Азии до Кавказа и Днепровской Лесостепи. Однако, принимая во внимание окончание псалия в виде копыта, наиболее близкими экземплярами следует считать псалии из погребения 1, кургана 6 около с. Яснозорье в Поросье, второй половины — конца VII в. до н. э. (*Бессонова, Ковпаненко, Скорый, 1994, рис. 6: 3*) и фрагмент такого же псалия из собрания Минуссинского музея в Южной Сибири (*Рябкова, 2014, рис. VI: 2, 11*).

В качестве ярких примеров из других регионов скифского мира можно привести: окончания костяных псалиев в виде копыта из ст. Келермесской — курганы 1, 2 (М.И. Веселовского), 660—640 гг. до н. э. (*Галанина, 1997, табл. 21: 181, 186, 187; 22: 261, 262*); костяные трехдырчатые псалии из кургана 16 могильника Новозаведенное II, 610—590 гг. до н. э. (*Петренко, Маслов, Канторович, 2000, рис. 3, 4, 8*); костяную пряжку-пронизь из уздечного набора 5 кургана 2 этого же могильника, вторая половина VII — начало VI вв. до н. э. (*Петренко, 2006, рис. 2: 27*); костяные трехдырчатые псалии из кургана 5 могильника Нартан (*Батчаев, 1985,*

табл. 39: 44, 45); металлические трехдырчатые псалии из кургана 5 у с. Аксютинцы в Посулье (*Ильинская, 1968, табл. XXI: 2*); костяные трехдырчатые псалии из кургана 38 Гуляй-Города, середина VI в. до н. э. (*Бобринской, 1887, табл. XI: 2, 5; Могилов, 2008, рис. 51: 12*); с Немировского городища (*Смирнова, 2002, рис. 3: 8*), из кургана 2 у с. Жаботин, VII в. до н. э. (*Вязьмитина, 1963, с. 162; рис. 5*), из зольника Царина на Бельском городище (*Могилов, 2008, рис. 43: 6*). Подборка костяных и металлических пряжек и блях, содержащих изображение V-образного копыта, происходящих с территории Алтая, Казахстана, Южного Приуралья и Кавказа (всего 14 предметов), приведена в работе Н.Л. Членовой (*Членова, 2000, с. 102; рис. 10*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

3/258. Фрагмент двудырчатого S-образного псалия, украшенного протомой кошачьего хищника

V в. до н. э.

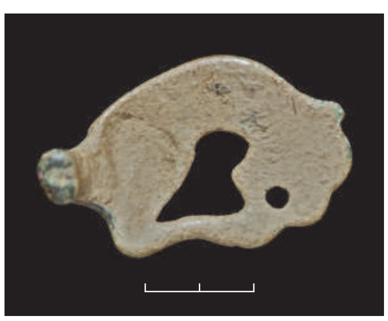
Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно. Покупка в Феодосии.

Бронза, литьё, чеканка. Верхняя часть изделия. Сохранность металла хорошая.

Сохранившиеся размеры: длина: 5,6; ширина: 3,5 см.

Двудырчатый псалий первоначально имел S-образную форму и, по-видимому, представлял собой фигурку кошачьего хищника (пантеры?), верхняя и нижняя часть туловища которого были развёрнуты в противоположные стороны. Сохранилось изображение лишь верхней части, по передние конечности. Оно строго профильное. Массивная лобастая голова хищника на толстой шее изогнута вниз, соприкасаясь с передней лапой. Уши маленькие, остролистные, прижаты к голове. Глаз округлый, окантованный углубленной линией. К нему примыкает маленькая треугольная слезница. Раскрытая пасть хищника изображена посредством круглого отверстия. Лицевая сторона изделия заполирована, оборотная — грубая. Облом псалия древний.

Аналогии: очень близкая — в кургане 4 группы Семибратние курганы на Кубани (середина V в. до н. э.), раскопки В. Тизенгаузена 1876 г. (*Scythian art, 1986, pl. 86*). Подобный по облику псалий V в. до н. э., происходящий из Южной России, хранится в собрании *Museum für Vor- und Frühgeschichte*, в Берлине (*Leskov, 2008, p. 196; N 266*). Более отдалённые изображения кошачьих в такой же схеме на псалиях известны из кургана 522 у Смелы, первая половина V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 286. рис. 71: 8*), и в коллекции Харьковского исторического музея (*Вальчак, 1998, с. 21; рис. 6: 9*). Похоже, обломок ещё одного сходного бронзового псалия, верхняя часть которого была украшена протомой кошачьего хищника, был найден в кургане 4 у с. Волковцы в Посулье, V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XLIV*). Следует также отметить, что близкие по иконографии изображения кошачьего хищника встречаются иногда и на налобниках, известных, например, в памятниках IV в. до н. э. в Адыгее (*Канторович, Эрлих, 2008, с. 123, 124, 192, кат. 69*).

4/259. Фрагмент двудырчатого S-образного псалия со скульптурной головкой кошачьего

V — начало IV в. до н. э.

Город Феодосия, гора Челноки, ближе к мысу Святого Ильи.

Бронза, литьё. Верхняя часть изделия. Сохранность металла хорошая.

Сохранившиеся размеры: длина псалия: 3,0; длина головы: 1,9 см.

Диаметр прута: 0,9 см.

Одна из сторон стержня псалия оканчивается скульптурной головкой кошачьего хищника, посаженной перпендикулярно направлению стержня. Животное имеет стоячие развернутые вперед полукруглые уши (одно из них обломано в древности и заполировано). С обеих сторон лба — концентрические глаза: выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц. Морда — широкая, тупая, с хорошо проработанными ноздрями. Пасть хищника широко раскрыта, с мощными, слившимися воедино клыками. Облом псалия древний. Несомненно, головка венчала двудырчатый псалий, скорее всего, S-образной формы.

Аналогии: довольно близкие известны, в основном, в памятниках V в. до н. э. — в Степи Северного Причерноморья, например, в кургане у с. Днепряны, вторая половина V в. до н. э. (*Мурзін, Черненко, 1979, с. 62; рис. 1: 3*); украинской Лесостепи, например, в кургане 491 у с. Макеевка, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Петренко, 1967, с. 159; табл. 26: 22*), кургане Скифская Могила, первая четверть V в. до н. э. (*Скорый, Хохоровски, 2008, с. 137; рис. 3: 1, 5, 7*); в Подонье — курган 1 группы Частые курганы II, V — начало IV вв. до н. э. (*Максименко, Ключников, Гуркин, 2001, рис. 4: 8; Канторович, 2015, с. 1408, рис. 10а, 10б*), в Нижнем Поволжье, например, в кургане 1 у Ташанты и погребении 1 у Хошеутово (V в. до н. э.) (*Очир-Горяева, 2012, с. 172, илл. 186: 1; с. 201; илл. 208: 4*).

Следует также отметить, что по общей иконографии изображение примыкает к образу «тупорылого зверя», для которого характерна короткая раскрытая пасть и длинные стоячие уши. Он помещался, в основном, на бронзовых навершиях, как, например, на двух таких изделиях из кургана 1 у хут. Говердовского (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. № 46, 47*), а также на навершии из Келермесского кургана 3/Ш (*Галанина, 1997, с. 156; табл. 44, кат. № 45*). Очень близкой аналогией является и изображение на крымской подвеске из с. Льговское (№ 5/523 Каталога).

5/260. Фрагмент двудырчатого S-образного псалия со скульптурной головкой фантастического животного

V—IV вв. до н. э.

Село Зеленогорское, урочище Солёная Балка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Верхняя часть изделия. Сохранность металла хорошая.

Сохранившиеся размеры: длина: 4,4; ширина: 3,0 см.

Двудырчатый псалий первоначально имел S-образную форму. Сохранилась верхняя часть в виде скульптурного изображения головы существа, сочетающего в себе черты кошачьего хищника (пантеры) и хищной птицы. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано, прежде всего, на профильный обзор. Голова — лобастая, с небольшими острыми, отогнутыми, подтреугольной формы ушами, выступающими за её контур. Глаза — овальные, выпуклые, зеницы лежат в углублениях глазниц. Сзади от углублений глазниц отходят линии, видимо передающие стилизованные слезницы. К рельефной окантовке глазницы примыкает массивная треугольная восковица, из которой вырастает закрученный в завиток клюв. Его нижняя часть упирается в прямое подклювье.

В целом, изображение тяготеет к образу орлиноголового грифона. Однако полному отождествлению с ним мешают «кошачьи» уши, общие пропорции головы, напоминающие, скорее, кошачьего хищника, отсутствие гребня.

Аналогии: прямые аналогии нам неизвестны. Однако оформление окончания псалия головой хищника было распространено на обширной территории Евразии, в основном в памятниках V в. до н. э. — в Степи Северного Причерноморья, например, в кургане у с. Днепряны, вторая половина V в. до н. э. (*Мурзін, Черненко, 1979, с. 62; рис. 1: 3*); украинской Лесостепи, например, в кургане 491 у с. Макеевка, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Петренко, 1967, с. 159; табл. 26: 22*), кургане Скифская Могила, первая четверть V в. до н. э. (*Скорый, Хохоровски, 2008, с. 137; рис. 3: 1, 5, 7*); Кубани и Предкавказье, например, в кургане 5 (ритуальный комплекс) у хут. Уляп в Адыгее, IV в. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 123; кат. 64*); в Нижнем Поволжье, например, в кургане 1 у Ташанты и погребении 1 у Хошеутово (V в. до н. э.) (*Очир-Горяева, 2012, с. 172; илл. 186: 1, с. 201; илл. 208: 4*). С точки зрения иконографии крымской находке наиболее близки изображения кошачьих из кургана у с. Макеевка и Хошеутово.

6/261. Фрагмент двудырчатого S-образного биметаллического псалия со скульптурной головкой копытного

V — первая половина IV вв. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Железо, ковка, бронза, литьё. Сохранность металла хорошая.

Сохранившаяся длина псалия: 6,7; максимальная ширина (район отверстий): 2,0; диаметр прута: 0,5 см. Высота литой части псалия: 2,5; максимальная длина головы: 2,0 см. Реконструируемая длина псалия — не менее 12,7 см.

Представлена верхняя половина псалия с восьмёрковидным расширением в районе отверстия, отличающимся острыми краями. Слегка изогнутое окончание увенчано бронзовой насадкой в виде втулки с двумя рельефными линиями, оканчивающейся головкой копытного (возможно, лошади),

выполненной крайне условно. Изображение моделировано скульптурно. Голова состоит из очень короткого, сужающегося к окончанию носа, глаз и небольших ушей, идущих назад и вверх от головы. Глаза концентрические, выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц. С одной из сторон глаз показан нечётко вследствие литейного брака. Уши линзовидной формы, подчеркнутые по краям рельефом. Губы и рот показаны двумя параллельными линиями на окончании морды. В первом издании Каталога описываемый образ был отождествлен нами с лошадью. Более внимательный анализ вынудил нас отказаться от такой строгой идентификации: у животного слишком короткая морда, отсутствует хотя бы намек на гриву или чубчик. Скорее всего, здесь представлен обобщенный образ копытного.

Облом псалия древний.

Аналогии: прямые в кругу немногочисленных биметаллических псалиев нам неизвестны. Цельнобронзовые псалии, украшенные сверху конской скульптурной головкой, изредка фиксируются среди скифских древностей украинской Лесостепи, прежде всего — Днепровского Лесостепного Левобережья. В их числе — псалии из кургана у хут. Шумейко, близ с. Волковцы (раскопки С.А. Мазараки, 1899), VI в. до н. э. и псалии из кургана 1 у с. Аксютинцы (раскопки С.А. Мазараки, 1883—1885), V в. до н. э. Последние псалии, украшенные внизу стилизованными конскими копытцами, наиболее близки крымской находке (*Ильинская, 1968, с. 44, 46; рис. 24, с. 34; табл. XVIII:* 2). Напоминают оформление крымского экземпляра и цельнобронзовые псалии из кургана 5 (первая половина IV в. до н. э.) меотского некрополя у аула Уляп в Адыгее (*Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2013, фото 19: 1; с. 129; рис. 27: 8, 9*). Территориально и иконографически более отдалённые аналогии фиксируются в погребениях V в. до н. э. в Южном Приуралье, например, бронзовые псалии из кургана 1 у Алебастровой горы (оба конца с конскими головками) и обломанный псалий из кургана 5 у Матвеевского (*Очир-Горяева, 2012, с. 299, илл. 331: 5; с. 311; илл. 348: 1*). По общей иконографии головы также близко изображение на наноснике из Кировского р-на Крыма (№ 45/319 Каталога).

7/262. Фрагмент двудырчатого псалия Г-образной формы

V в. до н. э.

Село Зеленогорское, урочище Солёная Балка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Верхняя часть изделия.

Сохранившиеся размеры: длина: 5,7; ширина: 2,8 см.

Двудырчатый псалий первоначально имел Г-образную форму с двумя восьмёрковидными расширениями в средней части. Сохранилась верхняя часть в виде стержня с одним из отверстий, край которого украшен стилизованным копы-

том конической формы, расположенным под прямым углом. Облом псалия древний.

Аналогии: широко известны в скифских древностях V в. до н. э. в степной зоне Северного Причерноморья и Лесостепи Восточной Европы (*Могилов, 2008, с. 34, 282, 283; рис. 67, 68*), в Задунавье, в могильнике Чилик-Дере (*Simion, 2000, p. 82; fig. 10: 5*). Встречаются и на более отдалённых территориях, например, в Южном Приуралье (*Яблонский, 2013, с. 67; илл. 36, 37*). В Крыму обнаружены в некрополе Нимфея на Керченском полуострове (*Силантьева, 1959, рис. 37: 4; 40: 1; 47: 2, 3*), в грунтовом могильнике у с. Приречное Нижнегорского района (*Колотухин, 2000, с. 112; рис. 32: 12*).

3.5. РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЯЖКИ-ПРОНИЗИ

1/263. Клювовидная пряжка-пронизь с рельефно обозначенным ртом

Вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.

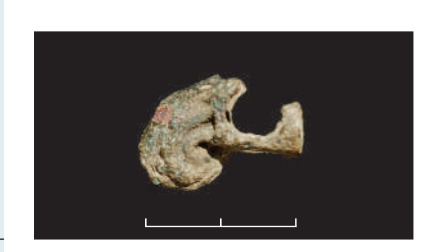
Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, *литьё*. Сохранность металла средняя. Верхняя часть пронизи обломана.

Длина: 2,1; сохранившаяся высота: 1,4; ширина: 1,4 см.

Диаметр отверстий: 0,5 см.

Пряжка-пронизь с пятью отверстиями для распределения уздечных ремней. Одна из сторон пряжки завершается вытянутым, массивным, загнутым в полукольцо клювом хищной птицы. Клюв моделирован скульптурно. Он упирается в подклювье, образуя замкнутое круглое отверстие. Надклювье и подклювье разделены углублением. В верхней части клюва выделена восковица. Глаза трактованы двумя боковыми отверстиями пряжки. Согласно классификации А.Д. Могилова, это клювовидная пряжка-пронизь с рельефно обозначенным ртом, а иногда и надклювьем (*Могилов, 2008, с. 69*).

Аналогии: в степной зоне Северного Причерноморья подобные находки зафиксированы лишь в Крыму (№ 2/264—4/266 Каталога). Однако они хорошо представлены в Прикубанье, на Кавказе и в Днепровской Лесостепи, в первую очередь Левобережной. Речь идёт о Келермесских курганах 2—4/Ш, вторая половина VII в. до н. э. и № 24, конец VII — начало VI вв. до н. э. (*Галанина, 1997, табл. 5: 87, 88; 25: 339—341, 347—350; 381—382; Махортых, 2016, с. 180, рис. 7, 15—18; 2017, с. 177, рис. 9, 27—30*), могильнике Атмачева щель (*Новичихин, 2006, рис. 89: 5*), Большие хутора (*Новичихин, 2006, рис. 89: 6—8*) в Прикубанье, а также случайных находках на Северном Кавказе, представленных, в частности, в собрании Пятигорского краеведческого музея (*Дударев, 2011, с. 262; рис. 2: 5*).

В Лесостепи учтено 25 аналогичных деталей скифской узды (*Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 25—41*). Большинство лесостепных экземпляров (20) обнаружены в Посулье: курганы в урочище Лапивщина возле хут. Брусия (*Кулатова, 1998; рис. 2: 5*), курганы Кибальчича возле Аксютинец (*Ильинская, 1954; табл. II*), курган 53 возле Ярмолинцев (*Могилов, 2008, рис. 129: 29*), Поповка (*Бобринский, 1894; табл. XXIV: 7, 16*), курганы Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 129: 31—36*). Один экземпляр обнаружен в бассейне Ворсклы — в кургане 11 возле с. Мачухи (*Рудинський, 1928, табл. VII.8*). Ещё четыре экземпляра происходят из бассейна Тясмина: кургана 38 возле Гуляй-Города, середина VI в. до н. э., кургана 244 возле Великого Деренговца (*Бобринской, 1894, табл. V.7*), Захарейковой Могилы, рубеж VII—VI вв. до н. э. (*Тереножкин, Мозолевский, Ильинская, 1974, рис. 2*), кургана 344 у Ташлыка (*Могилов, 2008, рис. 129: 41*).

Изредка такие пряжки-пронизи встречаются среди древностей так называемых скифских групп Средней Европы, например, в Альфёльде, в погребении В близ Шайосентпетер (*Kemenczei, 2009, S. 281; Taf. 59: 5, 6*).

2/264. Клювовидная пряжка-пронизь с рельефно обозначенным ртом

Вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно. Предположительно район горного массива Кубалач.

Бронза, *литьё*, сохранность хорошая.

Длина: 2,0; максимальная высота: 1,3; максимальная ширина: 1,0 см.

Длина отверстий: 0,6; высота: 0,4 см. Диаметр заднего отверстия втулки: 0,7 см.

Пряжка-пронизь с пятью отверстиями для распределения уздечных ремней. Одна из сторон пряжки завершается вытянутым, массивным, загнутым в полукольцо клювом хищной птицы. Клюв моделирован скульптурно. Он упирается в условное основание подклювья, образуя замкнутое круглое отверстие. Массивное надклювье и тонкое подклювье разделены широким углублением. В верхней части клюва — два симметричных углубления (ноздри?). Глаза трактованы двумя боковыми отверстиями пряжки, немного вытянутыми по направлению к клюву. Согласно

классификации А.Д. Могилова, клювовидная пряжка-пронизь с рельефно обозначенным ртом, а иногда и надклювьем (*Могилов, 2008, с. 69*).

Аналогии: в степной зоне Северного Причерноморья подобные находки зафиксированы лишь в Крыму (№ 1/263, 3/265, 4/266 Каталога). Однако они хорошо представлены в Прикубанье, на Кавказе и в Днепровской Лесостепи, в первую очередь Левобережной. Для Прикубанья и Кавказа можно говорить о Келермесских курганах 2—4/Ш, вторая половина VII в. до н. э. и № 24, рубеж VII—VI вв. до н. э. (*Галанина, 1997, табл. 5: 87, 88; 25: 339—341, 347—350; 381—382; Махортых, 2016, с. 180, рис. 7, 15—18; 2017, с. 177, рис. 9, 27—30*), могильнике Атмачева щель (*Новичихин, 2006, рис. 89: 5*), Большие хутора (*Новичихин, 2006, рис. 89: 6—8*), а также о круге случайных находок на Северном Кавказе, представленных, в частности, в собрании Пятигорского краеведческого музея (*Дударев, 2011, с. 262; рис. 2: 5*).

В Лесостепи учтено 25 аналогичных деталей скифской узды (*Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 25—41*). Большинство лесостепных экземпляров (20) обнаружены в Посулье: курганы в урочище Лапивщина возле хутора Брусия (*Кулатова, 1998; рис. 2.5*), курганы Кибальчича возле Аксютинец (*Ильинская, 1954; табл. II*), курган 53 возле Ярмолинцев (*Могилов, 2008, рис. 129: 29*), Поповка (*Бобринский, 1894; табл. XXIV: 7, 16*), курганы Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 129: 31—36*). Один экземпляр обнаружен в бассейне Ворсклы — в кургане 11 возле села Мачухи (*Рудинський, 1928, табл. VII.8*). Четыре экземпляра происходят из бассейна Тясмина: кургана 38 возле Гуляй-Города, середина VI в. до н. э., кургана 244 возле Великого Деренговца (*Бобринской, 1894, табл. V.7*), Захарейковой Могилы, рубеж VII—VI вв. до н. э. (*Тереножкин, Мозолевский, Ильинская, 1974, рис. 2*), кургана 344 у Ташлыка (*Могилов, 2008, рис. 129: 41*).

Изредка такие пряжки-пронизи встречаются среди древностей так называемых скифских групп Средней Европы, например, в Альфёльде, в погребении В близ Шайосентпетер (*Kemenczei, 2009, S. 281; Taf. 59: 5, 6*).

Публикуется впервые.

3/265. Клювовидная пряжка-пронизь с рельефно обозначенным ртом

Вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.

Село Криничкі, Кировский район.

Бронза, литьё, сохранность средняя. Нижняя часть левой стороны, обрамляющая отверстие, обломана в древности.

Длина: 2,0; максимальная высота: 1,2; ширина: 0,9 см.

Диаметр отверстий: 0,5 см.

Аналог предыдущей пряжки, отличающийся деталями. Пряжка-пронизь с пятью отверстиями для распределения уздечных ремней. Одна из сторон пряжки завершается вытянутым, массивным, загнутым в полукольцо клювом хищной птицы. Клюв моделирован скульптурно. Он упирается в подклювье, образуя замкнутое круглое отверстие. Надклювье и подклювье разделены углублением. В верхней части клюва выделена восковица. Глаза трактованы двумя боковыми

отверстиями пряжки. Согласно классификации А.Д. Могилова, клювовидная пряжка-пронизь с рельефно обозначенным ртом, а иногда и надклювьем (*Могилов, 2008, с. 69*).

Аналогии: в степной зоне Северного Причерноморья подобные находки зафиксированы лишь в Крыму (№ 1/263, 2/264, 4/266 Каталога). Однако они хорошо представлены в Прикубанье, на Кавказе и в Днепровской Лесостепи, в первую очередь Левобережной. В частности, такие изделия известны в Келермесских курганах 2—4/Ш, вторая половина VII в. до н. э., и № 24, конец VII — начало VI вв. до н. э. (*Галанина, 1997, табл. 5: 87, 88; 25: 339—341, 347—350; 381, 382; Махортых, 2016, с. 180, рис. 7: 15—18; 2017, с. 177, рис. 9: 27—30*), могильнике Атмачева щель (*Новичихин, 2006, рис. 89: 5*), Большие хутора (*Новичихин, 2006, рис. 89: 6—8*) в Прикубанье, а также в кругу случайных находок на Северном Кавказе, например, в собрании Пятигорского краеведческого музея (*Дударев, 2011, с. 262; рис. 2: 5*).

В Лесостепи учтено 25 аналогичных деталей скифской узды (*Могилов, 2008, с. 69, 350;*

рис. 129: 25—41). Большинство лесостепных экземпляров (20) обнаружены в Посулье: курганы в урочище Лапивщина возле хутора Брусия (*Кулатова, 1998; рис. 2.5*), курганы Кибальчича возле Аксютинец (*Ильинская, 1954; табл. II*), курган 53 возле Ярмолинцев (*Могилов, 2008, рис. 129: 29*), Поповка (*Бобринский, 1894; табл. XXIV: 7, 16*), курганы Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 129: 31—36*). Один экземпляр обнаружен в бассейне Ворсклы — в кургане 11 возле села Мачухи (*Рудинський, 1928, табл. VII.8*). Четыре экземпляра происходят из бассейна Тясмина: кургана 38 возле Гуляй-Города, середина VI в. до н. э., кургана 244 возле Великого Деренговца (*Бобринский, 1894; табл. V.7*), Захарейковой Могилы, рубеж VII—VI в. до н. э. (*Тереножкин, Мозолевский, Ильинская, 1974, рис. 2*), кургана 344 у Ташлыка (*Могилов, 2008, рис. 129: 41*).

Изредка такие пряжки-пронизи встречаются среди древностей так называемых скифских групп Средней Европы, например, в Альфёльде, в погребении B близ Шайосентпетер (*Kemenczei, 2009, S. 281; Taf. 59: 5, 6*).

Публикуется впервые.

4/266. Клювовидная пряжка-пронизь с рельефно обозначенным ртом

Вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.

Белогорский район. Предположительно в окрестностях посёлка Зуя — села Александровка.

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Длина: 2,3; высота: 1,3; максимальная ширина: 1,1 см.

Диаметр отверстий: 0,5; диаметр заднего отверстия втулки: 0,7 см.

Аналог предыдущих экземпляров, отличающийся в деталях. Пряжка-пронизь с пятью отверстиями для распреде-

ления уздечных ремней. Одна из сторон пряжки завершается вытянутым, массивным, загнутым в полукольцо клювом хищной птицы. Клюв моделирован скульптурно. Он упирается в условное основание подклювья. Массивное надклювье и тонкое подклювье разделены широким углублением. Четко обозначена массивная восковица. Глаза трактованы двумя боковыми отверстиями пряжки, круглыми и относительно небольшими. По всей длине распределителя сохранился незачищенный литейный шов. В районе верхнего отверстия остались следы литника. Согласно классификации А.Д. Могилова, клювовидная пряжка-пронизь с рельефно обозначенным ртом, а иногда и надклювьем (*Могилов, 2008, с. 69*).

Аналогии: в степной зоне Северного Причерноморья подобные находки зафиксированы лишь в Крыму (№ 1/263—3/265 Каталога). Однако они хорошо представлены в Прикубанье, на Кавказе и в Днепровской Лесостепи, в первую очередь Левобережной. В частности в Келермесских курганах 2—4/Ш и 24 (*Галанина, 1997, табл. 5: 87, 88; 25: 339—341, 347—350; 381—382*), могильнике Атмачева щель (*Новичихин, 2006, рис. 89: 5*), Большие хутора (*Новичихин, 2006, рис. 89: 6—8*) в Прикубанье, а также в кругу случайных находок на Северном Кавказе, в частности в собрании Пятигорского краеведческого музея (*Дударев, 2011, с. 262; рис. 2: 5*).

В Лесостепи учтено 25 аналогичных деталей скифской узды (*Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 25—41*). Большинство лесостепных экземпляров (20) обнаружены в Посулье: курганы в урочище Лапивщина возле хутора Брусия (*Кулатова, 1998; рис. 2.5*), курганы Кибальчича возле Аксютинец (*Ильинская, 1954; табл. II*), курган 53 возле Ярмолинцев (*Могилов, 2008, рис. 129: 29*), Поповка (*Бобринской, 1894, табл. XXIV.7: 16*), курганы Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 129: 31—36*). Один экземпляр обнаружен в бассейне Ворсклы — в кургане 11 возле села Мачухи (*Рудинський, 1928, табл. VII.8*). Четыре экземпляра происходят из бассейна Тясмина: кургана 38 возле Гуляй-Города, кургана 244 возле Великого Деренговца (*Бобринской, 1894, табл. V.7*), Захарейковой Могилы (*Тереножкин, Мозолевский, Ильинская, 1974, рис. 2*), кургана 344 у Ташлыка (*Могилов, 2008, рис. 129: 41*).

Изредка такие пряжки-пронизи встречаются среди древностей так называемых скифских групп Средней Европы, например, в Альфёльде, в погребении B близ Шайосентпетер (*Kemenczei, 2009, S. 281; Taf. 59: 5, 6*).

Публикуется впервые.

5/267. Клювовидная пряжка-пронизь с обычным загнутым клювом

Вторая четверть VII — первая половина VI вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,3; максимальная высота: 1,5; максимальная ширина: 1,0 см.

Диаметр отверстий: 0,6 см.

Пряжка-пронизь с пятью отверстиями для распределения уздечных ремней. Одна из сторон пряжки завершается вытянутым и резко загнутым в окончании клювом хищной

птицы. Изображение скульптурно и крайне условно. Глаза трактованы двумя боковыми отверстиями пряжки, подчеркнутыми рельефной окантовкой. Сверху задней части головы — подтреугольное возвышение, видимо передающее условное ухо или гребень и, тем самым, позволяющее трактовать образ как условное изображение грифона. Согласно классификации А.Д. Могилова, относится к клювовидным пряжкам-пронизям с обычным загнутым клювом (*Могилов, 2008, с. 68—69*).

Аналогии: в степной зоне Северного Причерноморья подобные находки зафиксированы лишь в Крыму (№ 6/268, 7/269 Каталога). Однако они хорошо представлены в Предкавказье, Закавказье и Лесостепи, а также в савроматских памятниках Западного Казахстана. В погребении 1921 г. Каменомостского могильника аналогичная пряжка обнаружена с кинжалом новочеркасского времени (*Иессен, 1941, с. 21; рис. 4: 4*), что, очевидно, маркирует нижнюю границу бытования таких пронизей не позднее середины VII в. до н. э. Помимо этого памятника аналогичные изделия известны: в Кармир-Блуре (*Пиотровский, 1954, рис. 2*), в Южной гробнице кургана 1 Красного Знамени, середина — третья четверть VII в. до н. э. (*Петренко, 2006, табл. 74: кат. 46, 50*), в курганах 2/В, 660—640 гг. до н. э. и № 24, конец VII — начало VI вв. до н. э. Келермесского могильника (*Галанина, 1997, табл. 22: 279—282; 25: 332—333*), № 14 и 21 Нартанского могильника (*Батчаев, 1985, табл. 37: 19, 51: 24*), в Шумейковском кургане, VI в. до н. э. (*Древности Поднепровья, 1900, табл. XL.333; Могилов, 2008, рис. 129: 1—5, 16—21; Канторович, 2015, с. 1216, 1582; рис. 6—8*), в курганах 1, 466 и из раскопок Т.В. Кибальчича у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XIX: 8; Галанина, 1977, табл. 18: 2; Могилов, 2008, рис. 129: 7, 22, 23; Канторович, 2015, с. 1216—1217, 1582; рис. 9, 13, 15*), в курганах Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 129: 8*), в кургане 38 у с. Гуляй-Город (*Могилов, 2008, рис. 129: 9—14*), № 2 у с. Владимировка в Среднем Подонье (*Медведев, 1999, рис. 95: 6*), № 4, 5 Бес-оба в Западном Казахстане (*Кадырбаев, 1984, рис. 1: 2*), № 2 группы Покровка 2 (*Яблонский, 1999, рис. 1: 3*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

6/268. Клювовидная пряжка-пронизь с обычным загнутым клювом

Вторая четверть VII — первая половина VI вв. до н. э.

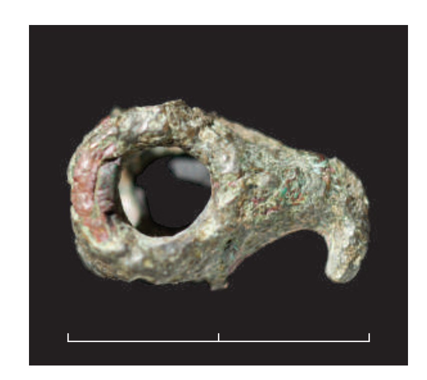
Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,0; максимальная высота: 1,2; максимальная ширина: 1,1 см.

Диаметр отверстий: 0,5 см.

Аналогия предшествующего изображения, отличающаяся деталями. Пряжка-пронизь с пятью отверстиями для распределения уздечных ремней. Одна из сторон пряжки завершается вытянутым и загнутым в окончании под углом 90° коротким клювом хищной птицы. Изображение скульптурно и крайне условно. Глаза трактованы двумя боковыми отверстиями пряжки, подчеркнутыми рельефной окантовкой. Согласно классификации А.Д. Могилова, относится к клювовидным пряжкам-пронизям с обычным загнутым клювом (*Могилов, 2008, с. 68, 69*).

Аналогии: в степной зоне Северного Причерноморья подобные находки зафиксированы лишь в Крыму (№ 5/267, 7/269 Каталога). Однако они хорошо представлены в Предкавказье, Закавказье и Лесостепи, а также в савроматских памятниках Западного Казахстана. В погребении 1921 г. Каменомостского могильника аналогичная пряжка обнаружена с кинжалом новочеркасского времени (*Иессен, 1941, с. 21; рис. 4: 4*), что, очевидно, маркирует нижнюю границу бытования таких пронизей не позднее середины VII в. до н. э. Помимо этого памятника аналогичные изделия известны: в Кармир-Блуре (*Пиотровский, 1954, рис. 2*), в Южной гробнице кургана 1 Красного знамени, середина — третья четверть VII в. до н. э. (*Петренко, 2006, табл. 74: кат. 46, 50*); в курганах 2/В, 660—640 гг. до н. э. и № 24, конец VII — начало VI вв. до н. э., Келермесского могильника (*Галанина, 1997, табл. 22: 279—282; 25: 332—333*), № 14 и 21 Нартанского могильника (*Батчаев, 1985, табл. 37: 19; 51: 24*), в Шумейковском кургане VI в. до н. э. (*Древности Поднепровья, 1900, табл. XL: 333; Могилов, 2008, рис. 129: 1—5, 16—21; Канторович, 2015, с. 1216, 1582; рис. 6—8*), в курганах 1, 466 и из раскопок Т.В. Кибальчича у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XIX: 8; Галанина,*

1977, табл. 18: 2; Могилов, 2008, рис. 129: 7, 22, 23; Канторович, 2015, с. 1216, 1217, 1582; рис. 9, 13, 15); в курганах Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 129: 8*), в кургане 38 у с. Гуляй-Город (*Могилов, 2008, рис. 129: 9—14*), № 2 у с. Владимировка в Среднем Подонье (*Медведев, 1999, рис. 95: 6*), № 4, 5 Бесоба в Западном Казахстане (*Кадырбаев, 1984, рис. 1: 2*), № 2 группы Покровка 2 (*Яблонский, 1999, рис. 1: 3*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

7/269. Клювовидная пряжка-пронизь с обычным загнутым клювом

Вторая четверть VII — первая половина VI вв. до н. э.

Окрестности села Сенное, Белогорский район.

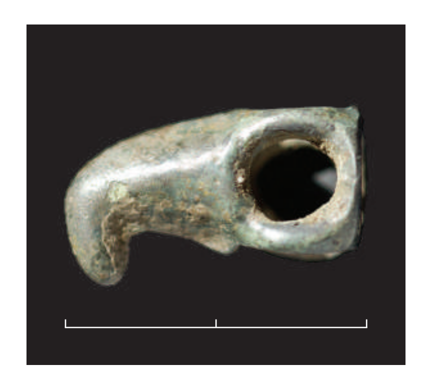
Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Длина: 2,0; максимальная высота: 1,0; ширина: 0,9 см.

Диаметр отверстий: 0,6 см.

Пряжка-пронизь с пятью отверстиями для распределения уздечных ремней. Одна из сторон пряжки завершается массивным вытянутым и загнутым в окончании под углом 90° клювом хищной птицы. Изображение скульптурно и крайне условно. Глаза трактованы двумя боковыми отверстиями пряжки, подчеркнутыми рельефной окантовкой. Согласно классификации А.Д. Могилова, относится к клювовидным пряжкам-пронизям с обычным загнутым клювом (*Могилов, 2008, с. 68—69*).

Аналогии: в степной зоне Северного Причерноморья подобные находки зафиксированы лишь в Крыму (№ 5/267, 6/268 Каталога). Однако они хорошо представлены в Предкавказье, Закавказье и Лесостепи, а также в савроматских памятниках Западного Казахстана. В погребении 1921 г. Каменномостского могильника аналогичная пряжка обнаружена с кинжалом новочеркасского времени (*Иессен, 1941, с. 21; рис. 4: 4*), что, очевидно, маркирует нижнюю границу бытования таких пронизей не позднее середины VII в. до н. э. Помимо этого памятника аналогичные изделия известны: в Кармир-Блуре (*Пиотровский, 1954, рис. 2*), в Южной гробнице кургана 1 Красного знамени, середина — третья четверть VII в. до н. э. (*Петренко, 2006, табл. 74: кат. 46, 50*), в курганах 2/В, 660—640 гг. до н. э. и № 24, конец VII — начало VI вв. до н. э., Келермесского могильника (*Галанина, 1997, табл. 22: 279—282; 25: 332—333*), № 14 и 21 Нартанского могильника (*Батчаев, 1985, табл. 37: 19, 51: 24*), в Шумейковском кургане VI в. до н. э. (*Древности Поднепровья, 1900, табл. XL.333; Могилов, 2008, рис. 129: 1—5, 16—21; Канторович, 2015, с. 1216, 1582; рис. 6—8*), в курганах 1, 466 и из раскопок Т.В. Кибальчича у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XIX: 8; Галанина, 1977, табл. 18: 2; Могилов, 2008, рис. 129: 7, 22, 23; Канторович, 2015, с. 1216—1217, 1582; рис. 9, 13, 15*), в курганах Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 129: 8*), в кургане 38 у с. Гуляй-Город (*Могилов, 2008, рис. 129: 9—14*), № 2 у с. Владимировка в Среднем Подонье (*Медведев, 1999, рис. 95: 6*), № 4, 5 Бесоба в Западном Казахстане (*Кадырбаев, 1984, рис. 1: 2*), № 2 группы Покровка 2 (*Яблонский, 1999, рис. 1: 3*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

8/270. В виде скульптурной головы барана

Середина VII — первая половина VI вв. до н. э.

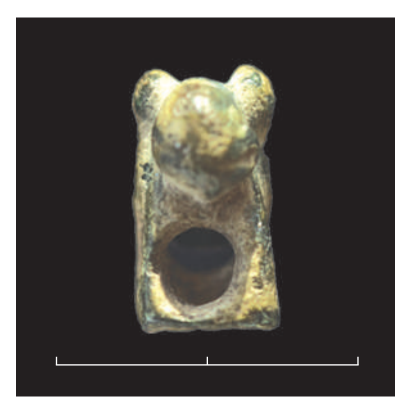
Горный массив Агармыш, окрестности города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 1,7; ширина: 1,4 см. Диаметр отверстий: 0,5 см.

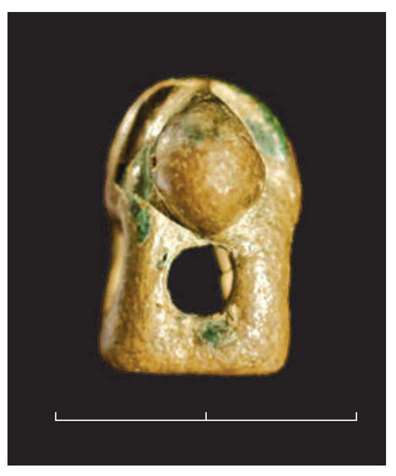
Пряжка-пронизь с пятью отверстиями для распределения уздечных ремней. Одна из сторон пряжки переходит в скульптурную головку барана. Голова перпендикулярна по отношению к рабочей части пряжки. Таким образом, последняя передает шею животного. Основным элементом головки являются два симметричных круто загнутых рога, идущие полукругом от затылка и огибающие снизу глаза. Рога заканчиваются округлыми утолщениями. Нос массивный, приплюснутый. В его нижней части овальными линиями показан рот.

Аналогии: в скифских памятниках степной зоны Северного Причерноморья зафиксированы лишь в Крыму (№ 9/271, 10/272 Каталога). Весьма ограниченная серия таких распределительных пряжек-пронизей представлена в Днепровской Правобережной Лесостепи — Захарейковой Могиле, рубеж VII—VI вв. до н. э. (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 59; рис. 36: 2*); кургане 38 у с. Гуляй-Город, бассейн Тясмина, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1973, табл. II: 31*); в Среднем Поднестровье — кургане 3 у с. Текливка, середина VII — середина VI вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 44*); а также в Днепровской Левобережной Лесостепи — кургане 10 у хут. Поповка, вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. LII: 11*); в курганах близ с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича); курганах Роменского уезда (*Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 45, 46*). Ряд подобных пронизей (правда, костяных) происходит из Прикубанья — курган 1 (раскопки Н.И. Веселовского), 660—640 гг. до н. э., курган 24, конец VII — начало VI вв. до н. э. Келермесского могильника (*Галанина, 1997, табл. 16: 169; 21: 169—170; 24: 378; Махортых, 2016, с. 183; рис. 9: 8; 2017, с. 177, рис. 9, 27—30*). Бронзовая, довольно схематичная пронизь обнаружена также в Кармир-Блуре и в одном из погребений скифского облика в Норшун-Тепе (Иран) (*Иванчик, 2001, с. 32; рис. 11: 22; с. 33; рис. 12: 6; Махортых, 2017, с. 45; рис. 8: 2, 4—5*). Все погребальные памятники, где обнаружены аналогичные пряжки-пронизи с головой баранчика, относятся к келермесскому времени (*Могилов, 2008, с. 69*). Для полноты сводки следует упомянуть ещё две находки: бронзовую пронизь с довольно схематичным изображением из собрания музея Метрополитен в Нью-Йорке (*Иванчик, 2001, с. 35; рис. 13*) и экземпляр с более реалистичным изображением (случайная находка) из области лужицкой культуры в Польше (*Bukowski, 1977, p. 342; tab. I: 5a, b*).

9/271. В виде скульптурной головы барана

Середина VII — первая половина VI вв. до н. э.

Посёлок Красногвардейское, райцентр. К юго-западу от населённого пункта, в урочище Седьмое поле.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 1,8; ширина: 2,0 см. Диаметр отверстий: 0,5 см.

Размер прямоугольной втулки: 0,8 × 0,8 см.

Аналог предыдущего изображения, отличающийся от него в деталях. Пряжка-пронизь с пятью отверстиями для распределения уздечных ремней. Одна из сторон пряжки переходит в скульптурную головку барана. Голова перпендикулярна по отношению к рабочей части пряжки. Таким образом, последняя условно передает шею животного. Основным элементом головки являются два симметричных круто загнутых рога, идущие полукругом от затылка и огибающие снизу глаза. Рога заканчиваются округлыми утолщениями. Нос массивный, округлый. В его центральной части расположена рельефная линия, передающая рот. От предшествующего изображения отличается относительно узким носом и более схематичной передачей рогов.

Аналогии: в скифских памятниках степной зоны Северного Причерноморья, за исключением Крыма (№ 8/270, 10/272 Каталога), подобные находки пока не зафиксированы. Весьма ограниченная серия таких пронизей представлена в Днепровской Правобережной Лесостепи — Захарейковой Могиле, рубеж VII—VI в. до н. э. (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 59; рис. 36: 2*); кургане 38 у с. Гуляй-Город, середина VI в. до н. э., бассейн Тясмина (*Ильинская, 1973, табл. II: 31*); в Среднем Приднестровье — кургане 3 у с. Текливка, вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 44*); а также в Днепровской Левобережной Лесостепи — кургане 10 у хут. Поповка, вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. LII: 11*); в курганах близ с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича); курганах Роменского уезда (*Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 45, 46*). Ряд подобных пронизей (правда, костяных) происходит из Прикубанья — курган 1 (раскопки Н.И. Веселовского),

660—640 гг. до н. э., и курган 24 Келермесского могильника, конец VII — начало VI вв. до н. э. (*Галанина, 1997, табл. 16: 169; 21: 169—170; 24: 378; Махортых, 2016, с. 183, рис. 9: 8; 2017, с. 177, рис. 9: 27—30*). Бронзовая, довольно схематичная пронизь обнаружена также в Кармир-Блуре и в одном из погребений скифского облика в Норшун-Тепе (Иран) (*Иванчик, 2001, с. 32; рис. 11: 22; с. 33; рис. 12: 6; Махортых, 2017, с. 45; рис. 8, 2, 4—5*). Все погребальные памятники, где найдены аналогичные пряжки-пронизи с головой баранчика, относятся к келермесскому времени (*Могилов, 2008, с. 69*). Для полноты сводки следует упомянуть ещё две находки: бронзовую пронизь с довольно схематичным изображением из собрания музея Метрополитен в Нью-Йорке (*Иванчик, 2001, с. 35; рис. 13*) и экземпляр с более реалистичным изображением (случайная находка) из области лужицкой культуры в Польше (*Bukowski, 1977, p. 342; tab. I: 5a, b*).

10/272. В виде скульптурной головы барана

Середина VII — первая половина VI вв. до н. э.

Белогорский район. Предположительно в окрестностях посёлка Зуя — села Ароматное.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 1,5; ширина: 1,5 см.

Диаметр отверстий: 0,5 см.

Аналог предыдущих изображений, отличающийся от них деталями. Пряжка-пронизь с пятью отверстиями для распределения уздечных ремней. Одна из сторон пряжки переходит в скульптурную головку барана. Голова перпендикулярна по отношению к рабочей части пряжки. Таким образом, последняя условно передает шею животного. Основным элементом головки являются два симметричных круто загнутых

рога, идущие полукругом от затылка и огибающие глаза снизу. Рога заканчиваются округлыми утолщениями. Глаза — концентрические, выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц, обрамленных рогами. Они немного вытянуты снизу вверх. Нос массивный, вытянутый. Рот показан двумя выразительными рельефными линиями, образующими петли с каждой из сторон носовой части. Надо ртом при помощи двух колечек с углублениями выделены ноздри. В верхней и затылочной части головы, а также внизу носовой части хорошо сохранился литейный шов. В целом, при всей стилизации, изображение выполнено весьма реалистично, на высоком художественном уровне.

Аналогии: в скифских памятниках степной зоны Северного Причерноморья, за исключением Крыма (№ 8/270, 9/271 Каталога), подобные находки пока не фиксировались. Весьма ограниченная серия таких пронизей представлена в Днепровской Правобережной Лесостепи — Захарейковой Могиле, рубеж VII—VI вв. до н. э. (*Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 59; рис. 36: 2*); кургане 38 у с. Гуляй-Город, середина VI в. до н. э., бассейн Тясмина (*Ильинская, 1973, табл. II: 31*); в Среднем Приднестровье — кургане 3 у с. Текливка, вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 44*); а также в Днепровской Левобережной Лесостепи — кургане 10 у хут. Поповка, вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. LII: 11*); в курганах близ с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича); курганах Роменского уезда (*Могилов, 2008, с. 69, 350; рис. 129: 45, 46*). Ряд подобных пронизей (правда, костяных) происходит из Прикубанья — курган 1 (раскопки Н.И. Веселовского), 660—640 гг. до н. э., и курган 24 Келермесского могильника, конец VII — начало VI вв. до н. э. (*Галанина, 1997, табл. 16: 169; 21: 169—170; 24: 378; Махортых, 2016, с. 183; рис. 9: 8; 2017, с. 177; рис. 9: 27—30*). Бронзовая, довольно схематичная пронизь обнаружена также в Кармир-Блуре и в одном из погребений скифского облика в Норшун-Тепе (Иран) (*Иванчик, 2001, с. 32; рис. 11: 22; с. 33; рис. 12: 6; Махортых, 2017, с. 45; рис. 8: 2, 4—5*). Все погребальные памятники, где найдены аналогичные пряжки-пронизи с головой баранчика, относятся к келермесскому времени (*Могилов, 2008, с. 69*). Для полноты сводки следует упомянуть ещё две находки: бронзовую пронизь с довольно схематичным изображением из собрания музея Метрополитен в Нью-Йорке (*Иванчик, 2001, с. 35; рис. 13*) и экземпляр с более реалистичным изображением (случайная находка) из области лужицкой культуры в Польше (*Bukowski, 1977, p. 342; tab. I: 5a, b*).

Публикуется впервые.

3.6. НАЛОБНИКИ

1/273. Ромбовидный налобник

V в. до н. э.

Село Приветное, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла средняя. Оба конца и петля на оборотной стороне — обломаны.

Сохранившаяся длина: 4,1; максимальная ширина: 2,5 см.

Длина петли: 1,7 см.

Принадлежит к группе плоских пластинчатых налобников ромбовидной формы. Края пластины скошены под тупым углом. Крепился на ременной основе с помощью вертикальной петли на обороте.

Аналогии: наиболее хорошо представлены в украинской Лесостепи, и на Левобережье в частности. Здесь зафиксировано 19 подобных налобников (11 — на Левобережье Днепра) (*Могилов, 2008, с. 59, 333; рис. 113; с. 334; рис. 114: 1—7*). Самые близкие по форме происходят из кургана 499 у с. Басовка (первая половина V в. до н. э.), курганов Роменского повета, кургана у с. Коротич, Днепровская Левобережная Лесостепь; кургана 413 у с. Журовка, Днепровская Правобережная Лесостепь, оба относятся ко второй четверти — второй половине V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 334; рис. 114: 8—10, 13*). В целом же, эти детали конской упряжи встречаются на довольно широкой территории, в том числе — в Степном Северном Причерноморье (*Гудкова, 1978, рис. 5: 7*) и в Крыму — в некрополе Нимфея, 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, рис. 37: 6; 40: 2*), на античном поселении у с. Надежда в Советском районе (*Гаврилов, 2004, рис. 74: 3*), у с. Приветное (№ 2/274 Каталога). К территориально более отдалённым находкам относится подобный налобник из могильника Чилик-Дере, в Добрудже (*Simion, 2000, fig. 10*).

2/274. Ромбовидный налобник

V в. до н. э.

Село Приветное, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая. Повреждена петля на оборотной стороне.

Длина: 5,1; максимальная ширина: 2,2 см.

Высота сохранившейся части петли: 0,5; длина: 1,3 см.

Принадлежит к группе плоских пластинчатых налобников ромбовидной формы. Края пластины скошены под тупым углом. В отличие от предыдущего экземпляра, верхний край не срезан. Крепился на ременной основе с помощью вертикальной петли на обороте.

Аналогии: наиболее хорошо представлены в украинской Лесостепи, и на Левобережье в частности. Здесь зафиксировано 19 подобных налобников (11 — на Левобережье Днепра) (*Могилов, 2008, с. 59, 333; рис. 113; с. 334; рис. 114: 1—7*). Самые близкие по форме происходят из кургана 499 у с. Басовка (первая половина V в. до н. э.), курганов Роменского повета, кургана у с. Коротич, Днепровская Левобережная Лесостепь; кургана 413 у с. Журовка, Днепровская Правобережная Лесостепь, оба относятся ко второй четверти — второй половине V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 334; рис. 114: 8—10, 13*). В целом же, эти детали конской упряжи встречаются на довольно широкой территории, в том числе — в Степном Северном Причерноморье (*Гудкова, 1978, рис. 5: 7*), в Крыму — в некрополе Нимфея, 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, рис. 37: 6; 40: 2*), на античном поселении у с. Надежда в Советском районе (*Гаврилов, 2004, рис. 74: 3*), у с. Приветное (№ 1/273 Каталога). К территориально более отдалённым находкам относится подобный налобник из могильника Чилик-Дере, в Добрудже (*Simion, 2000, fig. 10*).

Публикуется впервые.

3.7. НАНОСНИКИ

1/275. Орлиная реалистичная голова. Щитковый наносник

V—IV вв. до н. э.

Белогорский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника (щитка): 4,0; длина головы: 4,0 см.

Диаметр отверстия: 0,8 см.

Состоит из двух хорошо выраженных элементов: ромбического в сечении щитка наносника и отходящего от него под прямым углом объёмного изображения головы хищной птицы. В основании прямого угла находится круглое отверстие для крепления на узде.

Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано, преимущественно, на боковой обзор. Голова птицы трактована лаконично: у нее круглые глаза, переданные полусферой зеницы, лежащей в углублении глазницы, длинный, массивный, загнутый полукругом клюв. Сзади к глазу примыкает маленькая слезница. Надклювье с восковицей отделено от подклювья углублением.

Аналогии: ближайшая происходит из Центрального Крыма (№ 2/276 Каталога). Очень сходные экземпляры известны из памятников Днепровской Левобережной Лесостепи: кургана 4 у с. Осняги, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 386; рис. 166: 20а*), кургана у с. Аксютинцы, раскопки В.В. Хвойки 1897—1899 гг. (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 9*), кургана 2 у с. Борзна, вторая половина V в. до н. э., у с. Будки в бассейне Сулы, вторая—третья четверть IV в. до н. э. (*Могилов, 2006, с. 386; рис. 166: 14, 19*); а также из памятников Приднепровской Террасовой Лесостепи: набора деталей конской узды из кургана 21 между сёлами Лукаши и Большой Круполь Переяславского р-на Киевской обл., V в. до н. э. (*Лугова, Луговий, Ткаченко, 2011, с. 167, 171; рис. 2: 4*). Более отдалённые аналогии: наносники из впускного погребения кургана Малая Цимбалка, V в. до н. э. (*Алексеев, 1995, с. 56; рис. 2: 1*), кургана 14 группы Шевченко III на юге Херсонщины, IV в. до н. э. (*Бунятян, 1977, с. 109; табл. XXIX, с. 111*); кургана 29 группы Гайманова Могила, IV в. до н. э. (*Ильинская, 1973, с. 54; рис. 7: 2*), погребения 1, кургана 3, группы I у с. Шевченко Донецкой обл., вторая половина V в. до н. э. (*Зарайская, Привалов, 1992, рис. 3: 1—5*), из собрания Новочеркасского музея (*Канторович, 2015, с. 1609; рис. 6*).

2/276. Орлиная реалистичная голова. Щитковый наносник

V в. до н. э.

У подножья Айлянма-Кая, в заброшенном саду. Белогорский район.

Бронза, литьё, сохранность при покупке удовлетворительная. Предмет реставрирован.

Длина наносника (щитка): 4,7; длина головы: 3,5 см.

Диаметр отверстия: 0,7—0,8 см.

Почти полный аналог предыдущего экземпляра. Отличия: щиток в сечении плоский, немного выгнутый. Клюв менее массивный, резко загнутый в окончании.

Аналогии: ближайшая происходит из Центрального Крыма (№ 1/275 Каталога). Очень сходные экземпляры происходят из памятников V в. до н. э. Днепровской Левобережной Лесостепи: кургана 4 у с. Осняги, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 386; рис. 166: 20а*), кургана у с. Аксютинцы, раскопки В.В. Хвойки 1897—1899 гг. (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 9*), кургана 2 у с. Борзна, вторая половина V в. до н. э., у с. Будки в бассейне Сулы, вторая—третья четверть IV в. до н. э. (*Могилов, 2006, с. 386; рис. 166: 14, 19*); а также из памятников Приднепровской Террасовой Лесостепи: набора деталей конской узды из кургана 21 между сёлами Лукаши и Большой Круполь Переяславского р-на Киевской обл. (*Лугова, Луговий, Ткаченко, 2011, с. 167, 171; рис. 2: 4*). Более отдалённые аналогии: наносники из впускного погребения кургана Малая Цимбалка, V в. до н. э. (*Алексеев, 1995, с. 56; рис. 2: 1*), кургана 14 группы Шевченко III на юге Херсонщины, IV в. до н. э. (*Бунятян, 1977, с. 109; табл. XXIX, с. 111*), кургана 29 группы Гайманова Могила, IV в. до н. э. (*Ильинская, 1973, с. 54; рис. 7: 2*), погребения 1, кургана 3, группы I у с. Шевченко Донецкой обл., вторая половина V в. до н. э. (*Зарайская, Привалов, 1992, рис. 3: 1—5*), из собрания Новочеркасского музея (*Канторович, 2015, с. 1609; рис. 6*).

Публикуется впервые.

3/277. Орлиная стилизованная голова. Щитковый наносник

Середина V — IV вв. до н. э.

Село Богатое, Белогорский район. В этом же месте найдена бляшка хищника в профиль (*№ 76/436 Каталога*).

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 3,6; высота: 2,4 см.

Диаметр отверстия: 0,7 см.

Плоский, средней длины щиток наносника украшен изображением головы хищной птицы. Шея перпендикулярна щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова запрокинута вверх относительно шеи, клюв перпендикулярен щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Центральную часть головы птицы занимают большие круглые глаза (выпуклая зеница лежит в углублении глазницы). Клюв состоит из загнутого в полукруг надклювья и короткого прямого подклювья. Надклювье и подклювье не смыкаются, т. е. перед нами птица с раскрытым клювом. Над клювом у его основания — короткая восковица. Окончание щитка оформлено в виде трёх отростков (средний — бóльший, два крайние — меньшие), передающих пальцы или когти птицы.

Аналогии. Очень близкие лесостепные аналогии: Вакулина Могила (*Клочко, Скорый, 1991, рис. 6: 1; Могилов, 2008, рис. 166: 10; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 12*), с. Пастырское (*Петренко, 1967, табл. 29: 18; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 6*); окрестности Звенигорода или Шполы (*Могилов, 2008, рис. 166: 4; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 19*); погребение 2, курган 26 у с. Новоселка (*Могилов, 2008, рис. 166: 12; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 22*); курган 18 у с. Дуровка (*Пузикова, 2001, рис. 54: 3; Могилов, 2008, рис. 166: 17; Савченко, 2009, рис. 9: 6; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 16*). Степные аналогии: наносники из конского погребения 2 кургана 17 Малокатериновки Запорожского района (*Плешивенко, 1996, таб. XIV: 8; Канторович, с. 1608, рис. 28*); погребения 1, кургана 17 у с. Градешка (*Канторович, 2015, с. 1608, рис. 27*); погребения 13 у с. Арциз (*Алексеева, Охотников, Редина, 1997, рис. 3: 1; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 26*); крымская аналогия: № 4/278 Каталога.

Публикуется впервые.

4/278. Орлиная стилизованная голова. Щитковый наносник

Середина V — IV вв. до н. э.

Село Урожайное, Советский район, Присивашье. В этом же месте была найдена бляха с изображением хищника в профиль (*№ 80/440 Каталога*).

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. Поверхность изделия частично подверглась коррозии.

Длина: 3,3; высота: 2,7 см.

Диаметр отверстия: 0,6—0,7 см.

Аналог предыдущего изображения, отличающийся в деталях. Также представлен плоский, средней длины щиток наносника, украшенный изображением головы хищной птицы. Шея перпендикулярна щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова и клюв запрокинуты вверх относительно шеи и щитка. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Центральную часть головы птицы занимают большие круглые глаза, которые, в силу степени сохранности изделия, почти не просматриваются. Клюв относительно короткий и лишь немного загнут. Подклювье не просматривается. Над клювом, у его основания — весьма массивная восковица в виде полукруглого рельефного выступа.

Аналогии. Очень близкие лесостепные аналогии: Вакулина Могила (*Клочко, Скорый, 1991, рис. 6: 1; Могилов, 2008, рис. 166: 10; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 12*), с. Пастырское (*Петренко, 1967, табл. 29: 18; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 6*); окрестности Звенигорода или Шполы (*Могилов, 2008, рис. 166: 4; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 19*); погребение 2, курган 26 у с. Новоселка (*Могилов, 2008, рис. 166: 12; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 22*); курган 18 у с. Дуровка (*Пузикова, 2001, рис. 54: 3; Могилов, 2008, рис. 166: 17; Савченко, 2009, рис. 9: 6; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 16*). Степные аналогии: наносники из конского погребения 2 кургана 17 Малокатериновки Запорожского района (*Плешивенко, 1996, таб. XIV: 8; Канторович, с. 1608, рис. 28*); погребения 1, кургана 17 у с. Градешка (*Канторович, 2015, с. 1608, рис. 27*); погребения 13 у с. Арциз (*Алексеева, Охотников, Редина, 1997, рис. 3: 1; Канторович, 2015, с. 1608, рис. 26*); крымская аналогия: № 3/277 Каталога.

Публикуется впервые.

5/279. Орлиная стилизованная голова. Наносник с коротким щитком

Конец V — IV вв. до н. э.

Горный массив Кубалач. Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Щиток наносника, видимо, обломан в древности, место облома зашлифовано с целью дальнейшего использования в системе узды.

Длина сохранившейся части: 1,9; максимальная высота: 2,3 см.

Диаметр отверстия: 0,7 см.

Очень короткий щиток наносника украшен изображением головы хищной птицы. Шея перпендикулярна щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова закинута вверх относительно шеи и щитка. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. В центре головы птицы — большие круглые глаза (выпуклая зеница лежит в углублении глазницы). Верхняя часть головы повторяет округлую форму глаз. Клюв состоит из загнутого надклювья и упирающегося в его внутреннюю часть прямого подклювья. Над клювом, у его основания — короткая восковица. Схожесть трактовки восковицы и подклювья, а также почти одинаковая их длина, придают оригинальность всему изображению.

Аналогии: полного соответствия обнаружить не удалось из-за специфической трактовки подклювья и восковицы. Однако по общей иконографии с описываемым наносником весьма сходны лесостепные изображения: депаспортизированная находка из Поднепровья (*Древности Приднепровья, 1907, табл. II: 406; Канторович, 2015 с. 1608; рис. 30*), Черкасского уезда (*Могилов, 2008, рис. 152: 22*), наносники из кургана 5 у с. Колбино, IV в. до н. э. (*Савченко, 2001; рис. 25: 1*), кургана 13 у с. Горки, IV в. до н. э. (*Гуляев, Савченко. 2004; рис. 8: 18*), Пастырского (*Древности Приднепровья, 1907, табл. IV: 410; Могилов, 2008, рис. 166: 3*). Степные аналогии: наносник из конского погребения 2 кургана 17 Малокатериновки Запорожского района, последняя четверть V — IV вв. до н. э. (*Плешивенко, 1996; табл. XIV.8*), погребение 1, курган 9 у с. Никольское в Нижнем Поднестровье, V в. до н. э. (*Агульников, Савва, 2004; рис. 48: 6*). Крымские аналогии: из окрестностей Старого Крыма и Кировского р-на (№ 10/284, 11/285 Каталога).

Публикуется впервые.

6/280—9/283. Серия однотипных орлиных реалистичных головок с выступающим глазом. Наносники без щитков

Первая половина V в. до н. э.

Село Надежда, Советский район (*1 экз.*); *Юго-Восточный Крым* (*2 экз.*), *между сёлами Марьевка и Заветное, Ленинский район, Керченский полуостров* (*1 экз.*).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносников: 2,3—2,5, высота от верхнего края глаза: 1,6—1,7 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Наносники в виде массивной орлиной головы, образованной большими круглыми глазами, загнутым клювом и длинной узкой восковицей. Изображения моделированы скульптурно, но рассчитаны исключительно на боковой обзор. Глаза концентрические: слегка выпуклая зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы. Клюв разделен длинным углублением на надклювье и подклювье. Шея квадратной формы, в ее центре — круглое отверстие для крепления на ременной основе.

Аналогии: единственная известная нам — наносник в кургане 412 у с. Журовка (первая половина V в. до н. э.) в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 23; с. 93*; см. также: *Косиков, 1994, с. 144; рис. 16: 30*).

Наносник, найденный между сёлами Марьевка и Заветное, публикуется впервые.

10/284. Орлиная стилизованная голова. Наносник без щитка

Вторая половина V — IV вв. до н. э.

Окрестности города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота наносника: 2,3; длина головы: 2,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Наносник в виде орлиной головы, образованной гипертрофированными круглыми глазами, небольшим загнутым клювом и восковицей. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано исключительно на боковой обзор. Глаза занимают центральное положение в композиции и, фактически, заменяют собой голову. По размеру они равны отверстию для крепления наносника. Глаза концентрические: плоская зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы. У клюва четко выделено большое загнутое надклювье и небольшое прямое подклювье, уравновешиваемое короткой массивной восковицей. Шея трапециевидной формы, в её центре — круглое отверстие для крепления на ременной основе. Не исключено, что изначально это был щитковый наносник, обломанный и вторично использованный.

Аналогии: ближайшая — депаспортизованная находка из Поднепровья (*Древности Приднепровья, 1907, табл. II: 406; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 30*); также по общей иконографии близки наносники из Черкасского уезда (*Могилов, 2008, рис. 152: 22; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 15*), Пастырского (*Древности Приднепровья, 1907, табл. IV: 410; Могилов, 2008, рис. 166: 3; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 9: а, б*), кургана 1 у с. Стеблев — вторая половина V в. до н. э. (*Скорый, 1997; рис. 6: 1; 7: 1; Могилов, 2008, рис. 166: 8, 9*) в Лесостепном Поднепровье; кургана 5 у с. Колбино, IV в. до н. э. (*Савченко, 2001; рис. 25: 1*), кургана 13 у с. Горки (*Гуляев, Савченко, 2004; рис. 8: 18*), кургана 44, погребение 2 группы Частые Курганы, вторая половина IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 313; рис. 9: 5; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 17*) в Среднем Подонье. Степные аналогии: наносник из конского погребения 2 кургана 17 Малокатериновки Запорожского района, конец V — IV вв. до н. э. (*Плешивенко, 1996; табл. XIV.8; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 28*), погребения 1, кургана 9 у с. Никольское в Нижнем Поднестровье, V в. до н. э. (*Агульников, Савва, 2004; рис. 48: 6; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 18*). Крымские аналогии: с горного массива Кубалач и Кировского р-на (№ 5/279, 11/285 Каталога).

11/285. Орлиная стилизованная голова с выступающим глазом. Наносник без щитка

V—IV в. до н. э.

Кировский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наносника: 2,7; высота: 2,2 см.

Диаметр отверстия для ремня: 1,0 см.

Наносник в виде головы хищной птицы, образованной большим круглым глазом, загнутым клювом и восковицей. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Глаза концентрические: маленькие выпуклые зеницы лежат в углублениях рельефно окантованных глазниц. Клюв разделен длинным углублением на подклювье и надклювье. Восковица передана коротким валиком, разделяющим глаз и клюв. Особенностью изображения является расположение глаз над короткой восковицей. Из-за этого они существенно выступают за контуры головы.

Аналогии: весьма близкие, прежде всего по форме выступающего глаза: Пастырское (*Петренко, 1967, табл. 29: 18; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 6*), курган 412 у с. Журовка, первая половина V в. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 152: 20; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 13*), курган 5 у с. Новоселка, IV—III вв. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 166: 11*), курган 1 у с. Волковцы, 1897 г., раскопки С.А. Мазараки, вторая—третья четверть IV в. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 166: 18; Канторович, 2015, с. 1609; рис. 13*) в Лесостепом Поднепровье; курган 18 у с. Дуровка, IV в. до н. э. (*Пузикова, 2001; рис. 54: 3; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 16*); курган 5 у с. Колбино, IV в. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 166: 16; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 4*) в Среднем Подонье; курган 9, погребение 1 у с. Никольское, V в. до н. э. (*Агульников, Савва, 2004; рис. 48: 6; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 18*); курган 17, погребение 1 у с. Градешка (*Treasures…, 2006; cat. 16; Канторович, 2015, с. 1608; рис. 27*) в Поднестровье. Также иконографически весьма близки крымские аналогии с горного массива Кубалач и окрестностей Старого Крыма (№ 5/279, 10/284 Каталога).

12/286, 13/287. Орлиноголовые ушастые грифоны. Наносники без щитка

IV в. до н. э.

Между сёлами Новопокровка и Журавки, Кировский район.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Наносник из Юго-Восточного Крыма имеет повреждение дужки.

Длина наносников (головы): 3,4, 3,2; максимальная высота: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,9 см.

Наносники в виде головы фантастического существа, образованной большими круглыми глазами, загнутым клювом и треугольными ушами. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Глаза концентрические: маленькие плоские зеницы лежат в углублениях глазниц. Клюв состоит из хорошо выделенного загнутого надклювья и прямого подклювья. Короткая массивная восковица уравновешивает подклювье. Большое торчащее ухо треугольной формы окантовано рельефной линией. Массивная шея квадратной формы, в её центре — круглое отверстие для крепления на ременной основе. Иконография головы грифона схожа с описанными ниже наносниками № 14/288, 15/289 Каталога, найденными у с. Межгорье Белогорского р-на. Отличие, помимо отсутствия щитка, — хорошо выраженный птичий клюв.

Аналогии: полные отсутствуют, но в целом данные экземпляры вполне сопоставимы с серией наносников с изображениями орлиноголовых ушастых грифонов и соответственно относятся ко времени их бытования.

Наносник из Юго-Восточного Крыма публикуется впервые.

14/288—29/393. Серия щитковых наносников в виде орлиноголовых ушастых грифонов

14/288, 15/289. Орлиноголовые ушастые грифоны с коротким клювом

Вторая половина V — IV вв. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносников: 5,5; высота: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,6 см.

Длинный сужающийся щиток наносника украшен головой фантастического существа — ушастого грифона. Трапециевидная шея перпендикулярна щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и параллельна щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова состоит из концентрических глаз — выпуклые зеницы лежат в рельефно окантованных глазницах, больших подтреугольных торчащих вверх ушей, обрамленных рельефными линиями, и

короткого, невыразительного клюва, в котором выделяются загнутое надклювье и прямое подклювье. Между клювом и глазами — маленькая восковица.

Аналогии: полных обнаружить не удалось, в первую очередь из-за специфической формы клюва и уха. Но по общей иконографии с рассматриваемыми экземплярами схожи крымские наносники из кургана 48, погребение 3, могильника Акташ, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 3; 7: 1*), Тавельского кургана 1 (*Дашевская, 1991, табл. 74: 5*), кургана Чонграв I, IV в. до н. э. (*Колтухов, Копьева, 2017, с. 299; рис. 3, 6*) в Белогорском районе. В качестве более удаленных аналогий можно привести наносники из Колбино, курган 24; Горки, курган 13; Русской Тростянки, курган 18, Средний Дон, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 253, 254, 313; рис. 9: 12—14*); случайную находку у Ржищева (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9*); Резино, IV в. до н. э.; Редвинцы, конец

V — начало IV вв. до н. э.; курган 5 у с. Новоселка, IV—III вв. до н. э.; Бельское городище; Пересична (*Могилов, 2008, с. 386; рис. 166: 26—29*, с. *387; рис. 167: 1, 2, 7—8*), Лесостепное Поднепровье. Представительная серия наносников происходит из Степи: курганы Чертомлык, в насыпи (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17*), третья четверть IV в. до н. э.; Толстая Могила, северная конская могила (конь № 1), середина—начало третьей четверти IV в. до н. э. (*Мозолевський, 1979, с. 34; рис. 19: 1*); Братолюбовский, вторая четверть IV в. до н. э. (*Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118*); Гайманова Могила, тризна, комплекты 3, 5, 6, первая половина IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1*), курган 3, погребение 1 у с. Нововладимировка в Херсонской области (*Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 258, 264; рис. 2: 23*), Шолоховский курган в Нижнем Подонье (*Максименко, 1983, с. 30, 166; рис. 12: 11*), ст. Елизаветинская, курган 7 на Кубани, третья четверть IV в. до н. э. (*Галанина, 2010, рис. 8: 6*).

16/290. Орлиноголовый ушастый грифон

Вторая половина V — IV вв. до н. э.

Между Феодосией и Орджоникидзе.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 4,7; высота: 2,3 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Средней длины плоский щиток наносника украшен головой фантастического существа — ушастого грифона. В верхней части щитка хорошо просматривается заполированный литейный шов. Изображение выполнено в высоком рельефе. Трапециевидная шея грифона расположена под прямым углом к щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и задрана вверх по отношению к щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова состоит из концентрических глаз — выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц, вытянутого назад и вверх большого уха и средней длины клюва. Форма уха близка к треугольной. Оно окантовано рельефными линиями с углублением посередине. В клюве четко просматривается загнутое надклювье и упирающееся в него прямое подклювье. Рельефной линией показана короткая восковица.

Аналогии: по стилистике исполнения (посадка головы, форма уха, высокий рельеф) сходно с предыдущими изображениями из Межгорья (№ 14/288, 15/289 Каталога). Отличие: форма клюва и средней длины щиток. Более отдаленные крымские аналогии: наносники из кургана 48, погребение 3 Акташского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 3; 7: 1*), Тавельского кургана 1 (*Дашевская, 1991, табл. 74: 5*), кургана Чонграв I, IV в. до н. э. (*Колтухов, Копьева, 2017, с. 299; рис. 3: 6*). В качестве более удаленных аналогий из других регионов также можно привести наносники из кургана 24 у с. Колбино, № 13 у с. Горки, № 18 у с. Русская Тростянка, Средний Дон, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 253, 254, 313; рис. 9: 12—14*); случайную находку у Ржищева (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9*); Резино, IV в. до н. э., Редвинцы, конец V — начало IV вв. до н. э.; курган 5 у с. Новоселка, IV—III вв. до н. э., Бельское городище, Пересична (*Могилов, 2008, с. 386; рис. 166: 26—29*, с. *387; рис. 167: 1, 2, 7—8*), Лесостепное Поднепровье.

Представительная серия наносников происходит из Степи: курганы Чертомлык, в насыпи (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17*), третья четверть IV в. до н. э.; Толстая Могила, северная конская могила (конь № 1), середина — начало третьей четверти IV в. до н. э. (*Мозолевський, 1979, с. 34; рис. 19: 1*); Братолюбовский, вторая четверть IV в. до н. э. (*Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118*); Гайманова Могила, тризна, комплекты 3, 5, 6, первая половина IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1*), курган 3, погребение 1 у с. Нововладимировка в Херсонской области, IV в. до н. э. (*Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 258, 264; рис. 2: 23*), Шолоховский курган в Нижнем Подонье (*Максименко, 1983, с. 30, 166; рис. 12: 11*), ст. Елизаветинская, курган 7 на Кубани, третья четверть IV в. до н. э. (*Галанина, 2010, рис. 8: 6*).

Публикуется впервые.

17/291—20/294. Орлиноголовые ушастые грифоны

IV в. до н. э.

Окрестности села Межгорье, Белогорский район — 3 экземпляра.

Урочище Бураган, ближе к с. Ароматное (Белогорский район) — 1 экземпляр.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносников: 4,1; высота: 2,3 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Средней длины объемные щитки наносников украшены головой фантастического существа — ушастого грифона.

Трапециевидная шея перпендикулярна щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и параллельна щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова состоит из концентрических глаз — выпуклые или плоские зеницы лежат в углублении глазниц, вытянутого вверх заостренного уха и средней длины загнутого клюва. Надклювье и подклювье едва намечены углубленной линией либо вообще не выделены.

В отличие от предыдущих экземпляров, данные наносники выполнены в низком рельефе, весьма условно и схематично. Один из наносников является производственным браком из-за смещения створок литейной формы.

Аналогии: очень близкие происходят, в первую очередь, из Степи: Гайманова Могила, тризна, комплекты 3, 5, 6, первая половина IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1*), курган Чертомлык, в насыпи (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17*), третья четверть IV в. до н. э.; Братолюбовский курган, вторая четверть IV в. до н. э. (*Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118*); курган 3, погребение 1 у с. Нововладимировка в Херсонской области, IV в. до н. э. (*Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 258, 264; рис. 2: 23*), Шолоховский курган в Нижнем Подонье (*Максименко, 1983, с. 30, 166; рис. 12: 11*). Лесостепные аналогии: случайная находка у Ржищева (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9*); Резино, IV в. до н. э.; Редвинцы, конец V — начало IV вв. до н. э.; курган 5 у с. Новоселка, IV—III вв. до н. э., Бельское городище, Пересична (*Могилов, 2008, с. 387; рис. 167: 1, 2; 7—8; с. 386; рис. 166: 26—29*); Горки, курган 13; Русская Тростянка, курган 18, Средний Дон, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 253, 254, 313; рис. 9: 12—14*). Также весьма близок крымский наносник из кургана Чонграв I, IV в. до н. э. (*Колтухов, Копьева, 2017, с. 299; рис. 3, 6*).

Наносник из урочища Бураган публикуется впервые.

21/295. Орлиноголовый ушастый грифон

IV в. до н. э.

Район горного массива Кубалач.

Бронза, литьё, сохранность средняя. Обломано ухо.

Сохранившаяся длина: 3,2; высота: 2,3 см.

Диаметр отверстия: 0,9 см.

Средней длины объемный щиток наносника украшен головой фантастического существа — ушастого грифона. В верхней части щитка хорошо просматривается заполированный литейный шов. Изображение выполнено в низком рельефе. Трапециевидная шея грифона расположена под прямым углом к щитку, в её центре — большое отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и немного приподнята вверх по отношению к щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова выполнена крайне условно и состоит

из глаз, переданных округлыми впадинами, и небольшого клюва. В затылочной части головы — следы старого облома: очевидно, это основание уха, ныне утерянного. Клюв прямой, немного наклоненный вниз. В его центре — впадинка, символизирующая рот.

Аналогии: аналог предшествующих изображений. Очень близкие аналогии также происходят, в первую очередь, из Степи: Гайманова Могила, тризна, комплекты 3, 5, 6, первая половина IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1*), курган Чертомлык, в насыпи (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17*), третья четверть IV в. до н. э.; Братолюбовский курган, вторая четверть IV в. до н. э. (*Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118*); курган 3, погребение 1 у с. Нововладимировка в Херсонской области, IV в. до н. э. (*Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 258, 264; рис. 2: 23*), Шолоховский курган в Нижнем Подонье (*Максименко, 1983, с. 30, 166; рис. 12: 11*). Лесостепные аналогии: случайная находка у Ржищева (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9*); Резино, IV в. до н. э.; Редвинцы, конец V — начало IV вв. до н. э.; курган 5 у с. Новоселка, IV—III вв. до н. э. Бельское городище, Пересична (*Могилов, 2008, с. 387; рис. 167: 1, 2; 7—8; с. 386; рис. 166: 26—29*); Горки, курган 13; Русская Тростянка, курган 18, Средний Дон, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 253, 254, 313; рис. 9: 12—14*). Также весьма близок крымский наносник из кургана Чонграв I, IV в. до н. э. (*Колтухов, Копьева, 2017, с. 299; рис. 3: 6*).

Публикуется впервые.

22/296. Орлиноголовый ушастый грифон с маленьким ухом и длинным широким клювом

IV в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 5,0; высота: 2,1 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Длинный плоский щиток наносника украшен головой фантастического существа — ушастого грифона. Трапециевидная шея перпендикулярна щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и параллельна щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова состоит из концентрических глаз — плоские зеницы лежат в рельефно обрамленных глазницах, массивного клюва и маленького торчащего уха. Между глазами и клювом — маленькая торчащая вверх восковица. Особенностью изображения является необычный почти не загнутый клюв, у которого отсутствует традиционное сужение окончания. Надклювье и подклювье отчетливо разделены вдавленной линией.

Аналогии: принимая во внимание необычную форму клюва, наиболее близким аналогом является наносник из крымского Тавельского кургана 1 (*Дашевская, 1991, табл. 74: 5*). Более отдаленные аналогии — те же, что и в предшествующих.

23/297. Орлиноголовый ушастый грифон с маленьким ухом и коротким клювом. Фрагмент

Вторая половина V — IV вв. до н. э.

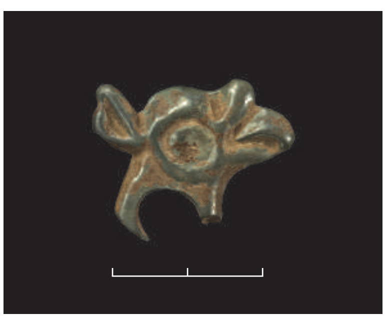
Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла очень хорошая, но предмет повреждён.

Сохранившаяся длина наносника: 2,0; высота: 2,6 см.

Диаметр отверстия: 0,7 см.

Сохранилась верхняя часть трапециевидной шеи с контурами отверстия для крепления на ременной основе. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова состоит из концентрических глаз — плоские зеницы лежат в рельефно окантованных глазницах, короткого клюва и маленького торчащего треугольного уха, обрамленного рельефной линией. Клюв формируется немного загнутым надклювьем и прямым

подклювьем. Особенностью изображения является массивная восковица, уравновешивающая подклювье в сочетании с коротким надклювьем. По аналогиям, это мог быть наносник как со щитком, так и без него.

Аналогии: крымские наносники из кургана 48, погребения 3 Акташского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 3; 7: 1*), Тавельского кургана 1 (*Дашевская, 1991, табл. 74: 5*), кургана Чонграв I, IV в. до н. э. (*Колтухов, Копьева, 2017, с. 299; рис. 3, 6*). Лесостепь: наносники из Колбино, курган 24; Горок, курган 13; Русской Тростянки, курган 18, Средний Дон, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 253, 254, 313; рис. 9: 12—14*); случайная находка у Ржищева (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9*); Резино, IV в. до н. э.; Редвинцы, конец V — начало IV вв. до н. э.; курган 5 у с. Новоселка, IV—III вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 387; рис. 167: 1, 2; с. 386; рис. 166: 26—29*); Бельское городище, Пересична (*Могилов, 2008, с. 386; рис. 166: 26—29, с. 387; рис. 167: 1, 2, 7—8*). Представительная серия наносников происходит из Степи: курган Чертомлык, в насыпи (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17*), третья четверть IV в. до н. э.; Братолюбовский курган, вторая четверть IV в. до н. э. (*Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118*); Гайманова Могила, тризна, комплекты 3, 5, 6, первая половина IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1*), курган 3, погребение 1 у с. Нововладимировка в Херсонской области, IV в. до н. э. (*Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 258, 264; рис. 2: 23*), Шолоховский курган в Нижнем Подонье (*Максименко, 1983, с. 30, 166; рис. 12: 11*), ст. Елизаветинская, курган 7 на Кубани, третья четверть IV в. до н. э. (*Галанина, 2010, рис. 8: 6*).

24/298. Орлиноголовый ушастый грифон с маленьким ухом и массивным клювом

Вторая половина V — IV вв. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

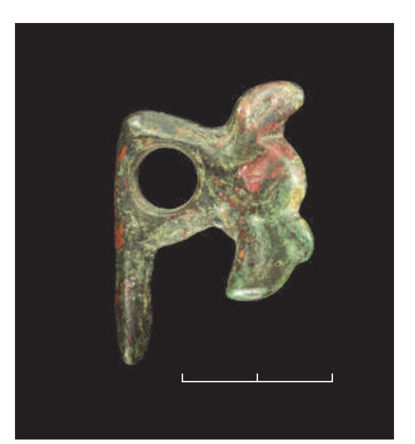
Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наносника: 3,8; высота: 2,6 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,8 см.

Короткий плоский щиток наносника украшен головой фантастического существа — ушастого грифона. Трапециевидная шея перпендикулярна щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и параллельна щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова состоит из концентрических глаз — плоские зеницы лежат в рельефно окантованных глазницах, слегка загнутого клюва и маленького торчащего уха лепестковой формы с удлиненной выемкой в центре «лепестка». Между глазами и клювом — маленькая восковица. Подклювье и надклювье разделены углублением. Изображение выполнено в низком рельефе. Отличие от предыдущих: непропорционально маленькое ухо.

Аналогии: те же, что и в предыдущих. Крымские наносники из кургана 48, погребения 3 Акташского могильника (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 3; 7: 1*), Тавельского кургана 1 (*Дашевская, 1991, табл. 74: 5*), кургана Чонграв I (*Колтухов, Копьева, 2017, с. 299; рис. 3, 6*). Лесостепь: наносники из Колбино, курган 24; Горок, курган 13; Русской Тростянки, курган 18, Средний Дон, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 253, 254, 313; рис. 9: 12—14*); случайная находка у Ржищева (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9*); Резино, IV в. до н. э.; Редвинцы, конец V — начало IV вв. до н. э.; курган 5 у с. Новоселка, IV—III вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 387; рис. 167: 1, 2; с. 386; рис. 166: 26—29*); Бельское городище, Пересична (*Могилов, 2008, с. 386; рис. 166: 26—29, с. 387; рис. 167: 1, 2, 7, 8*). Представительная серия наносников происходит из Степи: курган Чертомлык, в насыпи (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17*), третья четверть IV в. до н. э.; Братолюбовский курган, вторая четверть IV в. до н. э. (*Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118*); Гайманова Могила, тризна, комплекты 3, 5, 6, первая половина IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1*), курган 3, погребение 1 у с. Нововладимировка в Херсонской области, IV в. до н. э. (*Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 258, 264; рис. 2: 23*), Шолоховский курган в Нижнем Подонье (*Максименко, 1983, с. 30, 166; рис. 12: 11*), ст. Елизаветинская, курган 7 на Кубани, третья четверть IV в. до н. э. (*Галанина, 2010, рис. 8: 6*).

25/299. Орлиноголовый ушастый грифон с маленьким ухом

Вторая половина V — IV вв. до н. э.

Окрестности сёл Долинное и Курское, Белогорский район.

Бронза, литьё, сохранность средняя. Не пролита часть клюва.

Длина: 3,2; высота: 2,1 см.

Диаметр отверстия: 0,9 см.

Короткий плоский щиток наносника украшен головой фантастического существа — ушастого грифона. Короткая трапециевидная шея грифона расположена под прямым углом к щитку, в её центре — большое отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее, клюв задран вверх по отношению к щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова состоит из концентрических глаз — выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц, вытянутого назад и вверх маленького уха и короткого клюва. Клюв не пролит, о его форме можно лишь догадываться. Пролитая верхняя часть может быть как надклювьем, так и восковицей. Маленькое ухо имеет близкую к треугольной форму, с ложбинкой ушной впадины посередине. Оно отходит от затылочной части и торчит вверх и немного назад.

Аналогии: из-за непролитого клюва точное отнесение изображения к определенным аналогиям затруднено. Маленький размер уха сближает его с предшествующим экземпляром из Межгорья. В целом же, по своей изначальной форме, он, скорее всего, принадлежал к многочисленной серии классических наносников в виде ушастых грифонов, а потому в качестве аналогий могут быть приведены крымские наносники из кургана 48, погребения 3 Акташского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 3; 7: 1*), Тавельского кургана 1 (*Дашевская, 1991, табл. 74: 5*), кургана Чонграв I (*Колтухов, Копьева, 2017, с. 299, рис. 3: 6*), IV в. до н. э. Лесостепь: наносники из Колбино, курган 24; Горок, курган 13; Русской Тростянки, курган 18, Средний Дон, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 253, 254, 313; рис. 9: 12—14*); случайная находка у Ржищева (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 9*); Резино, IV в. до н. э.; Редвинцы, конец V — начало IV вв. до н. э.; курган 5 у с. Новоселка, IV—III вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 387; рис. 167: 1, 2; с. 386; рис. 166: 26—29*); Бельское городище, Пересична (*Могилов, 2008, с. 386; рис. 166: 26—29*, с. *387; рис. 167: 1, 2, 7, 8*). Представительная серия наносников происходит из Степи: курган Чертомлык, в насыпи (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84; рис. 55: 152, 153; кат. 17*), третья четверть IV в. до н. э.; Братолюбовский курган, вторая четверть IV в. до н. э. (*Кубышев, Бессонова, Ковалёв, 2009, с. 105; рис. 21: 5; с. 118*); Гайманова Могила, тризна, комплекты 3, 5, 6, первая половина IV в. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 211; рис. 297; с. 219; рис. 315; с. 223; рис. 324: 1; 325: 1*), курган 3, погребение 1 у с. Нововладимировка в Херсонской области, IV в. до н. э. (*Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 258, 264; рис. 2: 23*), Шолоховский курган в Нижнем Подонье (*Максименко, 1983, с. 30, 166; рис. 12: 11*), ст. Елизаветинская, курган 7 на Кубани, третья четверть IV в. до н. э. (*Галанина, 2010, рис. 8: 6*).

Публикуется впервые.

26/300. Орлиноголовый ушастый грифон с коротким приоткрытым клювом

Вторая половина V — IV вв. до н. э.

В районе сёл Александровка и Новоклёново, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность: средняя; имеется повреждение в основании условной шеи.

Длина наносника: 6,3; высота: 2,2 см.

Диаметр отверстия: 0,8 см.

Наносник украшен в верхней части головой грифона, моделированной скульптурно, но ориентированной на профильный обзор. Существо наделено птичьим клювом и большим ухом. Голова посажена на шею, идущую под тупым углом к щитку, моделированному двумя сходящимися плоскостями. В плане он имеет удлиненно-ромбическую форму. У грифона большие круглые глаза (выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц), загнутый клюв и противонаправленное ему длинное ухо. Отличительными особенностями изображения являются: очень короткий клюв, трактованный двумя сомкнутыми к окончанию рельефными линиями (надклювье и подклювье), образующими сквозной кружок рта, и длин-

ной лепестковой формы ухо с углублением ушной раковины. Над глазом — рельефные рубчики, передающие рудиментарный гребень.

Аналогии: наиболее близкие, но не прямые — наносники из кургана 48, погребение 3 Акташского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 3; 7: 1*), Тавельского кургана 1 (*Дашевская, 1999; табл. 74: 5*). Видимо, прямыми аналогиями были ныне фрагментированные крымские наносники из района сёл Синицыно, Красновка и Ароматное (№ 27/301, 28/302 Каталога). Наличие как прямых, так и неполных аналогий из Крыма, при отсутствии таковых на других территориях, позволяет говорить о локальной трактовке данного образа на территории Юго-Восточного Крыма.

Публикуется впервые.

27/301. Орлиноголовый ушастый грифон с коротким приоткрытым клювом, фрагмент

Вторая половина V — IV вв. до н. э.

Сёла Синицино — Красновка (Присивашье).

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента удовлетворительная.

Длина сохранившейся части: 3,5; высота: 2,2 см.

От наносника сохранилась голова, состоящая из больших круглых глаз (выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц), загнутого клюва и противонаправленного ему длинного уха. Судя по фрагменту, наносник представлял собой полный аналог предыдущего экземпляра. У существа также очень короткий клюв, трактованный двумя сомкнутыми к окончанию рельефными линиями (надклювьем и подклювьем), образующими сквозной кружок рта, и длинной лепестковой формы ухо с углублением ушной раковины. Над глазом — рельефные рубчики, передающие рудиментарный гребень.

Аналогии: полный аналог крымских изображений из Александровки — Новоклёново и, скорее всего, из окрестностей Ароматного (№ 26/300, 28/302 Каталога), что подтверждает предположение о локальной трактовке данного образа на территории Юго-Восточного Крыма. Непрямые аналогии также происходят из Крыма: наносники из кургана 48, погребение 3 Акташского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 3; 7: 1*) и Тавельского кургана 1 (*Дашевская, 1991, табл. 74: 5*).

Публикуется впервые.

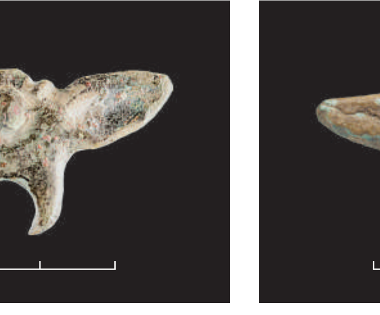
28/302. Орлиноголовый ушастый грифон с коротким приоткрытым клювом, фрагмент

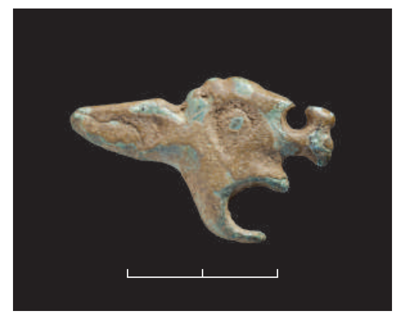
Вторая половина V — IV вв. до н. э.

Окрестности села Ароматное, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента удовлетворительная.

Длина сохранившейся части: 3,5; высота: 2,2 см.

Щиток наносника полностью утрачен. Сохранилась лишь оформлявшая его голова, состоящая из больших круглых глаз (выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц), подклювья и противонаправленного ему длинного уха. Судя по фрагменту, наносник представлял собой полный аналог двух предыдущих экземпляров. У существа также был приоткрытый клюв, трактованный двумя сомкнутыми к окончанию рельефными линиями (надклювье и подклювье), образующими сквозной кружок рта. Верхняя линия, передающая надклювье, обломана, либо не пролита. Ухо длинное, лепестковой формы, с углублением ушной раковины. Над глазом рельефными рубчиками показан рудиментарный гребень.

Аналогии: изображения из Александровка — Новоклёново и Синицино — Красновки (№ 26/300, 27/301 Каталога), что подтверждает предположение о локальной трактовке данного образа на территории Юго-Восточного Крыма. Непрямые аналогии также происходят из Крыма: наносники из кургана 48, погребение 3 Акташского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 3; 7: 1*) и Тавельского кургана 1 (*Дашевская, 1991, табл. 74: 5*).

Публикуется впервые.

29/303. Орлиноголовый грифон с острым, загнутым вперед ухом

Вторая половина V — IV вв. до н. э.

Район города Севастополь.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 3,7; высота: 2,7 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,6 см.

Длинный плоский щиток наносника украшен головой фантастического существа — ушастого грифона. На оконча-

нии щитка — две параллельные насечки. Шея перпендикулярна щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и параллельна щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова состоит из концентрических глаз — выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц, загнутого клюва и длинного торчащего уха. У основания, в верхней части клюва — продолговатая восковица. Подклювье и надклювье разделены углублением. Необычно изображение уха существа: оно «вырастает» из верхней части глаза и загибается вперед, в сторону клюва, будучи разделенным на верхнюю и нижнюю части длинным углублением. Скорее всего, таким образом мастер хотел показать элемент зооморфного превращения: ухо и восковица основного изображения являются, одновременно, раскрытым клювом дополнительной птичьей головки. При этом оба изображения имеют общий глаз.

Аналогии: прямые отыскать не удалось. В целом данный экземпляр принадлежит к серии наносников в виде орлиноголового ушастого грифона и относится к соответствующему времени.

30/304—32/306. Серия щитковых наносников в виде орлиноголовых ушастых грифонов с рогами в виде птичьих головок

IV в. до н. э.

30/304. *Между сёлами Партизаны и Журавки, Кировский район.*

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая. Длина наносника: 4,8; высота: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Плоский щиток наносника украшен головой фантастического существа — ушастого грифона. Шея перпендикулярна щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и параллельна щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова состоит из концентрических глаз — слегка выпуклые зеницы лежат в рельефно окантованных глазницах, длинного клюва, массивного торчащего вверх уха треугольной формы и симметричных рогов. Клюв длинный, состоящий из надклювья и подклювья, разделенных углублением. Необычность ему придает прямая, почти прямоугольная форма, лишь в конце заканчивающаяся изгибом надклювья почти под 90°. Эта деталь больше напоминает иконографию лосиной морды, нежели хищной птицы или грифона. Рога трактованы в виде двух птичьих головок, направленных в противоположные стороны. Головки почти одинаковые, состоят из концентрических глаз (выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц) и клювов, разделённых на надклювье и подклювье. У передней головки клюв раскрыт. У задней он сомкнут и опирается на кончик уха «основного» изображения. На обеих головках выделены восковицы.

Аналогии: почти полные: из с. Мелехово и Белогорского р-на Крыма (№ 31/305, 32/306 Каталога). Также очень близкие аналогии происходят из Приднепровской Степи: кургана 2, погребение 3 у с. Петровка — бассейн Северского Донца, IV в. до н. э. (*Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 173; рис. 3: 11*), Северо-Западного Кавказа (Адыгея): курган 8 (ритуальный комплекс) у аула Уляп, IV в. до н. э. (*Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2013, с. 171; рис. 69:* 2), Днепровской Лесостепи: курган у с. Кошеватое, IV в. до н. э., два экземпляра (*Могилов, 2007, с. 90, 387; рис. 167: 12, 13*); Шпола, курган 206 (фонды НМИУ) (*Могилов, 2008, рис. 167: 11*).

31/305. *Село Мелехово, Белогорский район.*

Поблизости также найдена бутероль от ножен меча или кинжала (№ 46 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 3,6; высота: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,8 см.

Наносник, аналогичный предыдущему экземпляру, но отличающийся рядом особенностей. Все элементы изображения имеют более сглаженную и округлую моделировку. Клюв — обычный для изображения ушастых грифонов,

имеет плавно загнутую форму надклювья, во внутреннюю сторону которого упирается прямое подклювье. По-иному выполнены зеницы, представляющие собой хорошо выраженные выпуклые кружки, окантованные широкой линией. Ухо имеет не треугольную, а плавно вытянутую лепестковую форму. Головки птиц на голове грифона также выглядят менее условно, чем у предыдущего экземпляра. Щиток очень короткий, возможно, обломан и заполирован еще в древности.

Аналогии: почти полные: из окрестностей с. Партизаны — Журавки и Белогорского р-на Крыма (№ 30/304, 32/306 Каталога). Также очень близкие аналогии происходят из Приднепровской Степи: кургана 2, погребение 3 у с. Петровка — бассейн Северского Донца, IV в. до н. э. (*Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 173; рис. 3: 11*), Северо-Западного Кавказа (Адыгея): курган 8 (ритуальный комплекс) у аула Уляп, IV в. до н. э. (*Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2013, с. 171; рис. 69: 2*), Днепровской Лесостепи: курган у с. Кошеватое, IV в. до н. э., два экземпляра (*Могилов, 2007, с. 90, 387; рис. 167: 12, 13*); Шпола, курган 206 (фонды НМИУ) (*Могилов, 2008, рис. 167: 11*).

32/306. *Белогорский район, точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Максимальная длина наносника: 4,6; высота: 3,0 см.

Диаметр отверстия: 0,7 см.

Наносник, аналогичный предыдущим экземплярам, но отличающийся рядом особенностей. Клюв основного изображения прямой, он загибается лишь в окончании. Клюв головки, передающей задний отросток рогов, слегка загнут, и сливается с верхней частью вытянутого уха. Клюв передней головки короткий.

Аналогии: почти полные: из окрестностей с. Партизаны — Журавки и Мелехово (№ 30/304, 31/305 Каталога). Также очень близкие аналогии происходят из Приднепровской Степи: кургана 2, погребение 3 у с. Петровка — бассейн Северского Донца, IV в. до н. э. (*Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 173; рис. 3: 11*), Северо-Западного Кавказа (Адыгея): курган 8 (ритуальный комплекс) у аула Уляп, IV в. до н. э. (*Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2013, с. 171; рис. 69: 2*), Днепровской Лесостепи: курган у с. Кошеватое, IV в. до н. э., два экземпляра (*Могилов, 2007, с. 90, 387; рис. 167: 12, 13*); Шпола, курган 206 (фонды НМИУ) (*Могилов, 2008, рис. 167: 11*).

Публикуется впервые.

33/307, 34/308. Щитковые наносники в виде орлиноголовых ушастых грифонов с симметричными рогами

Вторая четверть — конец IV в. до н. э.

33/307. *Село Донское, Кировский район.*

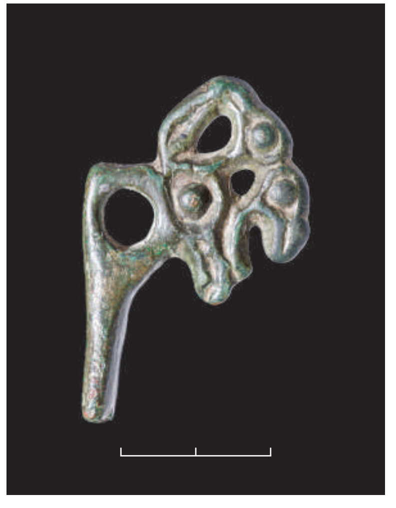
Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 4,4; высота: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Синкретическое существо, наделенное птичьим клювом, большим ухом и симметричными рогами. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор, поэтому ракурс строго профильный. Голова посажена на мощную трапециевидную шею, переходящую в щиток наносника, окончание которого показано выпуклыми точками (три линии по три точки), передающими, видимо, условную лапу. Голова состоит из крупного слегка загнутого клюва со впадиной рта, больших концентрических глаз, образованных выпуклыми зеницами, лежащими в углублении глазниц, лепестковой формы уха, торчащего позади головы. Рога переданы двумя симметричными отрост-

КАТАЛОГ НАХОДОК

ками, отходящими от точки над глазом в виде W-образной фигуры. Они чем-то напоминают петушиный гребень. Передний отросток опирается на изгиб клюва, задний — на ухо.

Согласно классификации А.Р. Канторовича, это «лосептица», т. е. синкретический образ, сочетающий в себе элементы хищной птицы (глаз, клюв) и лося (ухо, рога) (*Канторович, 2015, с. 824—826*).

Аналогии: наиболее широкое распространение получили в Степи: насыпь и южная конская могила кургана Чертомлык, 350—320 гг. до н. э., 40 экземпляров (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84, 163; Канторович, 2015, с. 1269, 1656; рис. 3*); Бабина Могила, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53: 2*); Гайманова Могила, 365—320 гг. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 407; рис. 568*); конское погребение Чмыревой Могилы, 330—315 гг. до н. э. (*Болтрик, Фиалко, 2012, рис. 11: 1; 12: 5*); курган 2, погребение 3 у с. Петровка, середина IV в. до н. э. (*Братченко, Швецов, Дубовская 1989, с. 173; рис. 3: 8*); Шолоховский курган в Нижнем Подонье (*Максименко, 1983, с. 30, 166; рис. 12: 10*). Прикубанье: Прикубанский могильник (*Лимберис, Марченко, 2010, рис. 26*); курган 7/1917 г. у ст. Елизаветинской, третья четверть IV в. до н. э. (*Галанина, 2010, табл. 8: 4*). Аналогичный наносник, найденный в Южной России, известен в собрании *Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin*. Он также относится к IV в. до н. э. (*Leskov, 2008, p. 216; N 298*). Прямые крымские аналогии: с Айлянма-Каи и из района сёл Мичурино — Лечебное (№ 6/249, 34/308 Каталога). *Лесостепная аналогия:* с. Колбино, курган 26, Средний Дон, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 253, 313; рис. 9: 11*).

34/308. *Район сёл Мичурино — Лечебное, «в садах». Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 4,0; максимальная высота: 2,5 см.

Диаметр отверстия: 0,9 см.

Синкретическое существо, наделенное птичьим клювом, большим ухом и симметричными рогами. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор, поэтому ракурс строго профильный. Голова посажена на мощную трапециевидную шею, переходящую в гладкий щиток наносника. Она состоит из крупного слегка загнутого клюва со впадиной рта, больших концентрических глаз, образованных выпуклыми зеницами, лежащими в углублениях глазниц, лепестковой формы уха, торчащего позади головы. Рога переданы двумя симметричными отростками, отходящими от точки над глазом в виде W-образной фигуры. Они чем-то напоминают петушиный гребень. Передний отросток опирается на изгиб клюва, задний — на ухо.

Согласно классификации А.Р. Канторовича, это «лосептица», т. е. синкретический образ, сочетающий в себе элементы хищной птицы (глаз, клюв) и лося (ухо, рога) (*Канторович, 2015, с. 824—826*).

Аналогии: наиболее широкое распространение получили в Степи: насыпь и южная конская могила кургана Чертомлык, 350—320 гг. до н. э., 40 экземпляров (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 84, 163; Канторович, 2015, с. 1269, 1656; рис. 3*); Бабина Могила, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53: 2*); Гайманова Могила, 365—320 гг. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 407; рис. 568*); конское погребение Чмыревой Могилы, 330—315 гг. до н. э. (*Болтрик, Фиалко, 2012, рис. 11: 1, 12: 5*); курган 2, погребение 3 у с. Петровка, середина IV в. до н. э. (*Братченко, Швецов, Дубовская 1989, с. 173; рис. 3, 8*); Шолоховский курган в Нижнем Подонье (*Максименко, 1983, с. 30, 166; рис. 12, 10*). Прикубанье: Прикубанский могильник (*Лимберис, Марченко, 2010, рис. 26*); курган 7/1917 г. у ст. Елизаветинской, третья четверть IV в. до н. э. (*Галанина, 2010, табл. 8: 4*). Аналогичный наносник, найденный в Южной России, известен в собрании *Museum für Vorund Frühgeschichte, Berlin*. Он также относится к IV в. до н. э. (*Leskov, 2008, p. 216; N 298*). Прямые крымские аналогии: с Айлянма-Каи и с. Данское (№ 6/249, 33/307 Каталога). *Лесостепная аналогия:* с. Колбино, курган 26, Средний Дон, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Савченко, 2009, с. 253, 313; рис. 9: 11*).

Публикуется впервые.

35/309. Орлиноголовый грифон с закрученным клювом

Вторая половина IV — III вв. до н. э.

Хребет Биюк-Янышар. По дороге в Коктебель из Насыпного, с левой стороны. Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наносника: 2,6; высота: 2,4 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,9 см.

Щитковый наносник украшен в верхней части головой грифона, моделированной скульптурно. Голова состоит из длинного, круто загнутого и закрученного в полуспираль клюва, придающего всему изображению фантастические черты, и концентрических глаз (выпуклые зеницы окантованы рельефными кружками глазниц). Надклювье и подклювье не выделены. Над клювом, перпендикулярно глазам, расположена массивная треугольная восковица. Ниже глаз клюв соединяется с трапециевидной протомой короткой перемычкой. Щиток моделирован четырьмя параллельными рельефными линиями, передающими лапу фантастического существа.

Аналогии: ближайшая — бронзовый наносник из «Майкопского клада» (*Leskov, 2008, N 300*). При полном морфологическом тождестве отличается от крымского экземпляра большей проработанностью деталей. Более отдаленные: бронзовые наносники из станицы Тенгинской, курган 1, конь 3 и конь 4, вторая половина IV — начало III вв. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 127*).

В Крыму подобные находки ранее не зафиксированы.

Публикуется впервые.

36/310—38/312. Серия щитковых наносников с изображением грифона с перепончатым гребнем

36/310. Орлиноголовый грифон с перепончатым гребнем

Середина V — IV вв. до н. э.

Подножье горного массива Кубалач, между сёлами Курское и Тополёвка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 4,0; высота: 3,0 см.

Максимальная ширина щитка: 1,5 см. Диаметр отверстия для ремня: 0,7 × 1,0 см.

Короткий щиток наносника украшен головой фантастического существа — грифона. Наносник имеет сложную форму. В плане ромбовидный. При боковом ракурсе близок к треугольному. Верхняя сторона щитка повышается от края до условной протомы существа, плавно переходя в его шею, перпендикулярно плоскости щитка. В центре условной протомы — отверстие для крепления на ременной основе. Изображение моделировано скульптурно. Протома переходит в длинную шею, оканчивающуюся головой, выполненной очень реалистично, в традициях греческого искусства. Массивный клюв полураскрыт. В нем четко выделяется загнутое надклювье и прямое подклювье, направленное под углом вверх. Глаза небольшие, в виде выпуклых овалов, прячущиеся под нависшими надбровьями. Маленькие торчащие вверх и немного загнутые вперед уши ограничивают верхнюю часть скульптуры. С тыльной стороны, от головы через всю шею и вплоть до окончания протомы спускается перепончатый гребень.

Изображение на наноснике отличается строгостью линий, мастерски передаёт агрессивную сущность мифологического образа. Иконографически оно близко традиционным изображениям «позднегреческого» грифона, атрибутом которого является длинный перепончатый гребень. Публикуемый наносник — яркий пример скифо-эллинского синтеза в культуре населения Крыма V—IV вв. до н. э., когда типично скифский атрибут конской узды получает греческую художественную трактовку. Впрочем, по сравнению с греческими образцами изображение схематизировано, а такая черта как гребень акцентирована, что указывает на влияние скифской художественной традиции.

Аналогии: точные неизвестны. Наиболее близкими являются наносники — случайная находка с хоры Ольвии (Лиманы) в Нижнем Побужье (не позже V в. до н. э.) (*Островерхов, 1984, с. 72; рис. 2, 7; рис. 3; Островерхов, Охотников, 1989, рис. 3: 2; Древние культуры Северо-Западного Причерноморья, 2013, с. 395; рис. 96:* 2) и серебряный, плакированный золотом наносник из конской могилы, сопровождавшей центральное (№ 1) погребение в кургане 4 могильника в урочище Носаки в Нижнем Поднепровье (IV в. до н. э.) (*Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский, 1977, с. 98; рис. 15:* 2). Более отдалённая аналогия — бронзовые наносники, плакированные золотым листом, из Боковой могилы кургана Солоха (начало IV в. до н. э.) (*Манцевич, 1987, с. 108; № 90*).

Вместе с тем, изображения весьма сходных по облику грифонов чрезвычайно широко присутствуют среди предметов эллинского производства V—IV вв. до н. э. в варварских (в том числе скифских) древностях Северного Причерноморья. Примеры: грифон на бронзовых псалиях из кургана 5 Уляпского могильника, первая половина IV в. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 66*), протома грифона на бронзовом ритуальном топорике IV в. до н. э. из кургана 18 у с. Львово (*Кубышев, Николова, Полин, 1982, с. 140; рис. 10, 11*), головы на: серебряной ручке меча-махайры V в. до н. э. из кургана 3 группы Семибратних на Кубани (*Черненко, 1973, с. 71; рис. 4*); изображения грифонов с подобными головами на многочисленных предметах эллинской торевтики из курганов скифской элиты IV в. до н. э. — Куль-Обы (*Scythian art, 1986; pl. 195*), Чертомлыка (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 178, 179; кат. 91*), Мелитополького кургана (*Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 128; рис. 142*) и иных памятников.

37/311. Орлиноголовый грифон с перепончатым гребнем и пальметовидным щитком

V в. до н. э.

Село Марфовка. Ленинский район.

Бронза, литьё. Состояние хорошее.

Длина: 4,8; высота; 1,6; максимальная ширина щитка: 2,0 см.

Высота петли: 0,8; длина: 1,8 см.

Наносник украшен в верхней части протомой грифона, моделированной скульптурно. Голова посажена на массивную шею, переходящую в грудь, а затем в щиток наносника. Бо́льшую её площадь занимает концентрический глаз: показанная рельефной точкой зеница лежит в углублении глазницы. Клюв сомкнутый, небольшой, немного загнутый, в нём распознается лишь надклювье, моделированное короткой рельефной линией. На голове расположены короткие, стоячие, развёрнутые вперед и слитые воедино уши. От клюва, по верхней и задней части головы и, далее, вдоль шеи проходит низкий перепончатый гребень. В целом, изображение фантастического существа выполнено в стилистике позднегреческого грифона, получившей широкое распространение у степных скифов в IV в. до н. э. К скифскому звериному стилю наше изображение (помимо того, что оно выполнено на предмете скифской конной узды), позволяет отнести типичная манера передачи глаз, а также короткий стилизованный клюв.

Необычен щиток наносника. Он овальной формы, а его лицевая часть украшена многолепестковой пальметтой. Крайние лепестки пальметты образуют две волюты, расположенные симметрично, по бокам от груди грифона. Безусловно, это прямая адаптация классического греческого художественного мотива к изделию, предназначенному для использования скифами. Рассматриваемая веерная пальметта находит многочисленные аналогии в греческой и боспорской вазописи, а также в элементах архитектуры. В качестве примеров можно привести аттические килики конца VI — начала V вв. до н. э. (*Staaliche museen zu Berlin. Die Antikensammlung, 2012, fig. 35, 59*), а также фрагмент тулова краснофигурного кратера или стамноса из Пантикапея, конец VI в. до н. э. (*Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства, 2017, кат. 122, 179, 211*).

С тыльной стороны щитка — полукруглая петля.

Классический греческий мотив оформления щитка, черты иконографии позднегреческо-

го грифона, а также место находки — в непосредственной близости от городов Европейского Боспора, позволяет сделать предположение о производстве описываемого изделия непосредственно в боспорских мастерских.

Аналогии: точных найти не удалось. Однако изображение пальметты и волют на щитке, в сочетании с протомой позднегреческого грифона с сомкнутым клювом, известно на наноснике — случайной находке с хоры Ольвии, датируемой не позже V в. до н. э. (*Островерхов, 1984, с. 72—73, рис. 2: 7; 3; Островерхов, Охотников, 1989, рис. 3: 2*).

Публикуется впервые.

38/312. Орлиноголовый грифон с перепончатым гребнем и раскрытым клювом

V—IV вв. до н. э.

Село Спасовка, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Максимальная длина наносника: 4,7; высота: 2,7 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,6 см.

Длинный щиток наносника украшен головой фантастического существа — грифона. Трапециевидная шея перпендикулярна щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и параллельна щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Окончание щитка показано тремя параллельными рельефными линиями, передающими лапу существа. Голова округлая, немного вытянута вверх. В её центре круглые глаза — выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц. Снизу к глазницам примыкают небольшие слезницы. Короткий клюв грифона широко раскрыт. Надклювье закручено в кольцо и упирается в подклювье. Над ним расположена относительно длинная прямая восковица. Подклювье имеет весьма необычную форму: его окончание загнуто вниз под прямым углом. На шее и спине — перепончатый гребень, переданный рубчиками, постепенно удлиняющимися по направлению вверх. Один из рубчиков не пролит. Самый верхний, вероятно, может передавать и ухо. Сверху на голове небольшая выпуклость (рудиментарный рог?).

Аналогии: полных отыскать не удалось. Однако по общим иконографическим признакам (широко раскрытый клюв с закрученным надклювьем, перепончатый гребень) крымский экземпляр близок целой серии наносников из Приднепровской Лесостепи. Они происходят из Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 166: 23*), с. Будки, вторая—третья четверть IV в. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 166: 25*), с. Хитцы (*Могилов, 2008, рис. 167: 5*), кургана 2 у с. Стайкин Верх, V в. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 167: 3*), кургана 4, погребение 3 в Умани, IV в. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 166: 30*), кургана 383 у с. Грушевка, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 29: 22*), бокового погребения Скифской могилы, V в. до н. э. (*Скорый, Хохоровски, 2005—2009; рис. 30: 1; Могилов, 2008, рис. 166: 32*), кургана возле Малых Ладыжичей (*Шкурко, 1976, рис. 4: 5; Могилов, 2008, рис. 166: 31, 31а*). Отдельные находки известны в степной зоне Северного Причерноморья, например в кургане 2, погребение 2 у с. Корнеевка, последней четверти — конца V в. до н. э. (*Ковалев, Полин, 1981; рис. 8: 16*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

39/313. Протома волка или собаки. Щитковый наносник

Скифское время.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, однако протома была отломана от щитка. Предмет реставрирован.

Длина наносника: 3,4, высота: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 1,0 см.

Короткий щиток наносника украшен довольно реалистичным изображением протомы волка или собаки. Изображение скульптурное, рассчитанное на обзор как в профиль, так и анфас. Щиток наносника в плане округлой формы. Грудь, шея и голова животного расположены не перпендикулярно к щитку, а под тупым углом. В центре условной груди — круглое отверстие для крепления наносника на ремне. От груди

отходит длинная круглая шея, слегка запрокинутая назад. На ней посажена удлиненная лобастая голова. У животного — стоящие, слегка округлые уши и маленькие глаза, показанные кружочками. Нижняя часть морды — массивная, хорошо выделены слегка приподнятый нос, широкие округлые щёки, пасть животного.

Аналогии: подобные наносники в степи Северного Причерноморья и лесостепной области Восточной Европы нам неизвестны. В данной коллекции изделия с изображением волчьего хищника немногочисленны: нащёчники в виде свернувшегося волка (№ 11/327—13/329 Каталога), а также, скорее всего, изображения на наносниках 50/324—52/326 Каталога. К волчьим можно отнести и ряд изображений обобщенного хищника, представленных бляшками 66/426—79/439 Каталога. В украинской Лесостепи найдено несколько бронзовых подвесок, имитирующих костяные клыки, украшенных на концах головками хищных птиц и волчьими головами: у с. Пастырское и кургане 4 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 50, 318; рис. 99: 25—27*). В целом же изображение волка известно в памятниках скифской поры широкой территории Евразии: например, на Северном Кавказе (*Очир-Горяева, 2012, с. 225; илл. 271: 1, 2, 9, 10*), в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, илл. 270: 1—4*), Южном Приуралье (*Гуцалов, 2010, с. 54; рис. 3: 5, 6, 10, 11, 14, 15; Очир-Горяева, 2012, с. 263; илл. 285: 2—4, 11—16; с. 305; илл. 338: 1; с. 310; илл. 345: 1*).

40/314. Протома зайца (?). Щитковый наносник

IV в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

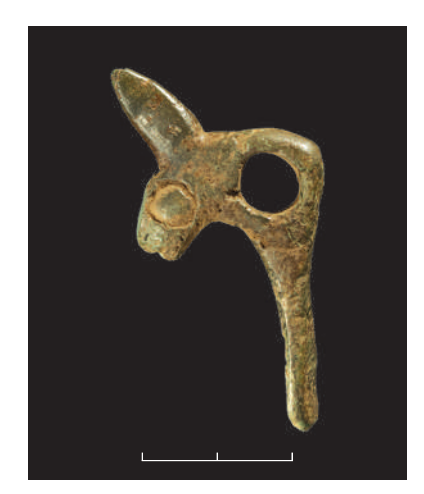
Длина наносника: 4,0; высота: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,8 см.

Щитковый наносник украшен в верхней части головкой животного, очень напоминающего зайца. Трапециевидная шея перпендикулярна щитку, в её центре отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и параллельна щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Короткая подпрямоугольной формы голова выполнена крайне условно. Огромные глаза трактованы выпуклыми кружками — зеницей, лежащей в углублении глазницы. Ухо — большое торчащее, лепестковой формы. Окончание морды тупое. Вдавленной линией показан рот. Нос слегка приплюснут.

Изображение выполнено довольно небрежно.

Аналогии: среди наносников скифского времени в Степи и лесостепной области Восточной Европы нам неизвестны. Между тем, образ зайца довольно широко представлен в материальной культуре скифской эпохи Евразии (*Полидович, Вольная, 2005*). В Восточной Европе он засвидетельствован в скифских памятниках конца V — IV вв. до н. э., например, в виде отдельных фигурок-аппликаций (*Ковпаненко, Скорый, Батуревич, 1996, с. 105, 113; рис. 3: 22*) или на ажурных лентах — деталях женских головных уборов (*Chochorowski, Skoryj, 1999, s. 305; rys. 3*). Вместе с тем очевидно, что данное изделие является репликой с широко распространенных, в том числе и в Крыму, и довольно однотипых наносников, оформленных в виде орлиноголового ушастого грифона, что и служит основанием для его датировки.

41/315. Протома неопределенного копытного (возможно, лошади или козла). Щитковый наносник

Вторая половина V — начало III вв. до н. э.

Район города Феодосия.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 6,3; ширина: 3,0 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,6 см.

Наносник украшен в верхней части головой неопределенного копытного животного, ориентированной на профильный обзор. Голова посажена на изящно выгнутую шею, моделированную тремя рельефными линиями. Она трактована крайне лаконично и состоит из больших плоских глаз, окантованных рельефными линиями, и вытянутой носовой части, трактованной двумя рельефными складками. Окончание носа вздёрнуто вверх (складки загибаются под углом 90° и образуют полукруг). Наиболее реалистично выглядит небольшое остроугольное ухо животного. На тыльной стороне шеи, перпендикулярно её контуру расположен небольшой отросток (условная трактовка гривы?). На внутренней стороне щитка, у его основания — округлая петля, на внешней стороне — три горизонтальные насечки. В силу схематичности и услов-

вторая половина IV в. до н. э.; кургана 1, некрополя II Тенгинского городища, вторая половина IV — начало III вв. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 124, 185; кат. 73; Эрлих, 2011; рис. 105: 1—5, 13, 17—19*).

Следует отметить, что подобного рода изображения протомы или головы копытного широко представлены на предметах конской узды из Предкавказья. Они украшают бляхи из Елизаветинского кургана 6 (*Галанина, 2010, табл. 3: 3*) и Елизаветинского кургана 7 (*Галанина, 2010, табл. 8: 7; Переводчикова, 1984, рис. 4: 3*). В этом же кургане обнаружены наносник и бронзовое окончание псалия, оформленные аналогичными изображениями козлиных голов (*Галанина, 2010, табл. 7: 1, 3; Канторович, 2015, с. 1501; рис. 1. 4*). Схожее изображение головы помещено и на бронзовых окончаниях псалиев из «Майкопского клада» (*Переводчикова, 1984, рис. 4: 2; Leskov, 2008, N 297; Канторович, 2015, рис. 5—7*).

ности изображение не подлежит точной идентификации. Так, А.Д. Могилов предполагает, что здесь изображена головка коня (*Могилов, 2008, с. 88*), в то время, как А.Р. Канторович относит их к редуцированным изображениям грифонов (*Канторович, 2015, с. 784—786*).

Аналогии: весьма сходные, представлены в Предкавказье и Среднем Подонье. Это два наносника из «Майкопского клада» (*Leskov, 2008, N 36, 168; Канторович, 2015, с. 1641, рис. 3: 2*), при этом один из них, с длинным щитком, является наиболее близким нашему экземпляру. По стилистическим особенностям наш экземпляр также напоминает и три наносника, найденных на Среднем Дону: курган 1 у с. Мастюгино (вторая половина IV в. до н. э.), № 14 у с. Русская Тростянка (вторая половина V в. до н. э.), № 10 у с. Горки (третья четверть IV в. до н. э.) (*Савченко, 2009, с. 313; рис. 9: 18, 19; Могилов, 2008, рис. 164: 10—12*). Правда, последнее изображение достаточно четко идентифицируется с образом горного козла благодаря наличию рога. Сходные изображения протом козла происходят из курганов Предкавказья: № 8 у хут. Уляп,

В свою очередь, бляхе из Елизаветинского кургана 6 со свастической композицией, состоящей из трех голов, близки аналогичные изделия из Сенного и Холодовки (№ 37/397, 38/398 Каталога). Правда, во всех приведенных выше аналогиях изображена протома козла с более или менее отчетливо выделенным рогом. Более отдаленная аналогия — курган 3 группы Филлиповские курганы в Южном Приуралье (*Золотые олени Евразии, 2001, кат. 116*).

42/316. Протома неопределенного копытного (возможно лошади или козла). Щитковый наносник

Вторая половина V — начало III вв. до н. э.

Окрестности села Холодовка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Повреждения на тыльной части головы. Предмет реставрирован.

Длина: 5,0; максимальная высота: 3,1 см.

Высота петли: 0,8; ширина петли: 1,3 см.

Щиток наносника украшен головой фантастического, неопределенного копытного существа. Мощная трапециевидная шея наклонена по направлению к передней части щитка, т. е. находится под острым углом к нему. Голова параллельна щитку. Под щитком в основании шеи — полукруглая петля для крепления на ременной основе. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова трактована крайне лаконично. Она состоит из больших глаз (очень выпуклые полусферические зеницы лежат в глазницах, окантованных тонкими рельефными линиями) и носовой части. Нос и губы показаны единой рельефной S-образной линией, при этом нос имеет округлую, а губы — вытянутую форму. Тыльная часть головы обрамлена рельефной полосой. От нее отходят отростки, которые не поддаются точной интерпретации (брак отливки или повреждение). Возможны два варианта: либо здесь нахо-

дилось ухо и, чуть ниже, отросток (как на предыдущем экземпляре (№ 41/315 Каталога), или же это основание и окончание отломанного рога. В первом случае изображение передает, скорее всего, образ лошади, во втором — горного козла. В пользу того, что это изображение передает образ копытного, свидетельствует строение щитка. Он моделирован двумя длинными, почти круглыми в сечении, отделенными друг от друга и слегка расходящимися прутами, заканчивающимися утолщениями. Этим приемом, на наш взгляд, мастер хотел передать длинные ноги, оканчивающиеся копытами.

Аналогии: те же, что и для предшествующего изображения: два наносника из «Майкопского клада» (*Leskov, 2008, N 36, 168; Канторович, 2015, с. 1641; рис. 3: 2*), при этом один из них, с длинным щитком, является наиболее близким нашему экземпляру. По стилистическим особенностям наш экземпляр напоминает и три наносника, найденных на Среднем Дону: курган 1 у с. Мастюгино (вторая половина IV в. до н. э.), № 14 у с. Русская Тростянка (вторая половина V в. до н. э.), № 10 у с. Горки (третья четверть IV в. до н. э.) (*Могилов, 2008, рис. 164: 10—12; Савченко, 2009, с. 313; рис. 9: 18, 19*). Правда, последнее изображение достаточно четко идентифицируются с образом горного козла благодаря наличию рога. Сходные изображения протом козла происходят из курганов Предкавказья: № 8 у хут. Уляп, вторая половина IV в. до н. э.; кургана 1, некрополя II Тенгинского городища, вторая половина IV — начало III вв. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 124, 185; кат. 73; Эрлих, 2011; рис. 105: 1—5, 13, 17—19*).

Следует отметить, что подобного рода изображения протомы или головы копытного широко представлены на предметах конской узды из Предкавказья. Они украшают бляхи из Елизаветинского кургана 6 (*Галанина, 2010, табл. 3: 3*) и Елизаветинского кургана 7 (третья четверть IV в. до н. э.) (*Галанина, 2010, табл. 8: 7; Переводчикова, 1984, рис. 4: 3*). В этом же кургане обнаружены наносник и бронзовое окончание псалия, оформленные аналогичными изображениями козлиных голов (*Галанина, 2010, табл. 7: 1, 3; Канторович, 2015, с. 1501; рис. 1: 4*). Схожее изображение головы помещено и на бронзовых окончаниях псалиев из «Майкопского клада» (*Переводчикова, 1984, рис. 4: 2; Leskov, 2008, N 297; Канторович, 2015, рис. 5—7*).

В свою очередь, бляхе из Елизаветинского кургана 6 со свастической композицией, состоящей из трех голов, близки аналогичные изделия из Сенного и Холодовки (№ 37/397, 38/398 Каталога). Правда, во всех приведенных выше аналогиях изображена протома козла с более или менее отчетливо выделенным рогом. Более отдаленная аналогия — курган 3 группы Филлиповские курганы в Южном Приуралье (*Золотые олени Евразии, 2001, кат. 116*).

Публикуется впервые.

43/317. Протома коня, стилизованная. Щитковый наносник

IV — начало III вв. до н. э.

Бывшая деревня Тайган, на спуске с перевала Чомбай, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 5,0; высота: 3,3 см.

Диаметр отверстия для ремня: 1,0 см.

Короткий щиток наносника украшен головой копытного, вероятно лошади. Шея расположена под тупым углом к щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и параллельна щитку. Щиток имеет треугольную в плане форму. Он оканчивается четырьмя параллельными валиками, отделенными от шеи горизонтальным кантом. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова животного передана очень условно, без проработки деталей. Она имеет вытянутую подпрямоугольную форму. Уши небольшие, полукруглые. Глаза круглые — выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц. Наиболее реалистично представлено окончание морды с хорошо выделенной характерной конской губой.

Аналогии: единственный сходный по изображению экземпляр — в скифском царском Александропольском кургане в Нижнем Поднепровье, 340—300 гг. до н. э. С крымским наносником его особенно сближает практически аналогичное оформление нижней части морды животного (*Алексеев, 1993, с. 72, 73; рис. 1; 2012, с. 250, 251; Очир-Горяева, 2012, с. 424; илл. 550; Полин, Алексеев, 2018, с. 905; № 66*).

44/318. Протома коня (?), стилизованная. Щитковый наносник

IV — начало III вв. до н. э.

Село Зеленогорское, урочище Солёная Балка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 5,0; ширина: 2,0; высота: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Щиток наносника украшен головой копытного, вероятно лошади. В отличие от остальных экземпляров, протома расположена не на одном из концов щитка, а на его середине. Изображение моделировано скульптурно и рассчитано на обзор как в профиль, так и анфас. Длинная круглая шея поднимается по центру щитка под прямым углом к нему, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова перпендикулярна шее и параллельна щитку. Щиток в плане имеет форму «пропеллера» с двумя расширяющимися и закругленными окончаниями. По краям они украшены прочеканенными точками. Голова крайне условна, имеет вытянутую цилиндрическую форму. Сзади — два торчащих уха, лежащих почти в одной плоскости с головой. Рот передан тонкой длинной выемкой. Глаза лишь намечены двумя круглыми углублениями. Изображение схематично и определение видовой принадлежности животного затруднительно.

Аналогии: точных нет, но в определённой степени аналогией является наносник из кургана 9 у с. Пруссы в Среднем Поднепровье (конец IV — начало III вв. до н. э.), украшенный, однако, тремя конскими головками (*Могилов, 2008, с. 89, 384; рис. 164: 18, 18а*). Исходя из размеров щитка и расположения в центре его протомы животного, крымскому наноснику близок и экземпляр из конского захоронения в кургане 6 у Старинской птицефабрики (IV в. до н. э.) в Днепровской Левобережной Террасовой Лесостепи (*Ильинская, 1973, с. 45; рис. 1: 7*).

45/319. Протома коня или мула стилизованная. Щитковый наносник

V—IV вв. до н. э.

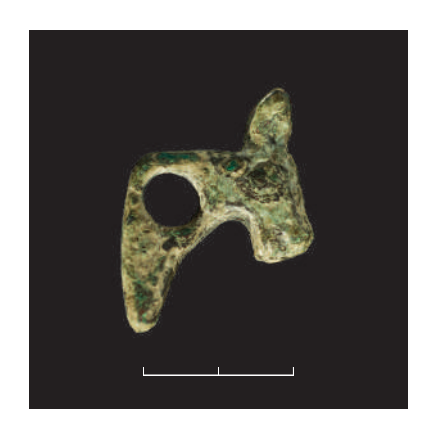
Кировский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина наносника: 3,6; высота: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,7 см.

Короткий щиток наносника украшен головой копытного. Шея расположена перпендикулярно щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе. Голова слегка приподнята по отношению к шее и щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Относительно короткая голова животного имеет цилиндрическую форму. Она передана очень условно, без проработки деталей. Уши небольшие, лепестковой формы, расположены сзади от головы, в одной плоскости с ней. Глаза — большие, выпуклые, круглые. Морда — широкая, тупая со слабо выделенным ртом. Вероятнее всего здесь представлено очень стилизованное изоражение головы лошади или мула.

Аналогии: более или менее подобны наносники из комплекта 2 с Айлянма-Кая и с. Спасовка (№ 5/248, 47/321 Каталога).

46/320. Протома копытного животного (лошади, мула или осла). Щитковый наносник

V в. до н. э.

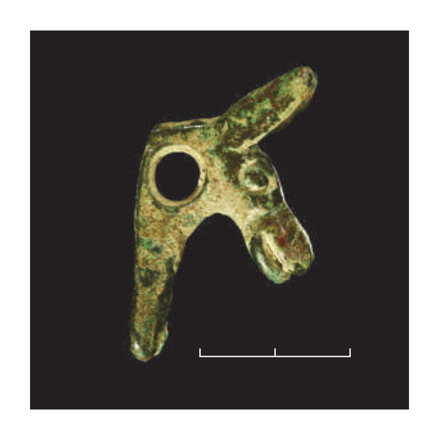
Белогорский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина наносника: 4,5; высота: 2,5 см.

Диаметр отверстия для ремня: 0,6 см.

Щиток наносника украшен изображением головы копытного животного, точная видовая идентификация которого затруднена. Трапециевидная шея расположена перпендикулярно щитку, в её центре — отверстие для крепления на ременной основе узды. Голова перпендикулярна шее и приподнята вверх по отношению к щитку. Изображение моделировано скульптурно, но рассчитано на боковой обзор. Голова вытянутая, цилиндрической формы. Глаза круглые, выпуклые зеницы ле-

жат в углублениях глазниц. Носовая часть немного утолщена. Рот трактован длинной узкой линией, хорошо показаны пухлые губы. Уши очень длинные, лепестковой формы, сужающиеся к окончанию, торчат вверх и немного назад. По такому характерному признаку как утолщенное, тупое окончание морды с пухлыми губами, рассматриваемый образ схож с ослом. Вместе с тем, удлиненная форма головы и длинные торчащие уши также указывают на возможность интерпретации образа как лошади «в спокойном состоянии» (*Ильинская, 1965, с. 89*).

Аналогии: ближайшая — в кургане Острая Могила близ Ногайска (V в. до н. э.) (*Яценко, 1959, с. 56; табл. IV: 7*). По общей иконографии наш образ схож со скульптурными изображениями копытных на навершиях из Прикубанья: № 1 у ст. Келермесской (*Ильинская, 1965, с. 89; рис. 6: 1*), Майкопа (*Іллінська, 1963; рис. 2: 4*) и хут. Городского (*Шедевры древнего искусства Кубани, 1987, с. 78; кат. 4*). Л.К. Галанина идентифицирует келермесские изображения с мулом (т. е. гибридом лошади и осла) или молодым оленем (*Галанина, 1997, с. 238*). А.Р. Канторович рассматривает все образы на перечисленных навершиях как лошадиные (*Канторович, 2015, с. 502—505*). В.А. Ильинская однозначно отождествляла такие изображения с лошадьми и сравнила головку на навершии из ст. Келермесской с изображениями лошадей с опущенной головой и стоячими ушами на посульских псалиях (*Ильинская, 1965, с. 95*). Эта же исследовательница выявила и направление стилизации данной группы изображений — в сторону чрезмерного расширения носовой части, приводящего к формированию малопонятных образов, не подлежащих точной идентификации (*Ильинская, 1965, с. 92*).

47/321. Протома копытного животного (лошади, мула или осла). Щитковый наносник

V в. до н. э.

Село Спасовка, Кировский район.

Бронза, литьё, сохранность хорошая. Ухо или уши обломаны в древности.

Длина: 3,5; максимальная высота: 2,6 см.

Диаметр отверстия: 0,5 см.

Щиток наносника — плоский, средней длины. Под тупым углом к нему расположена подпрямоугольная шея с круглым отверстием для крепления на ременной основе. Шея переходит в очень условное изображение головы. Оно моделировано скульптурно, но ориентировано, преимущественно, на боковой обзор. Голова имеет удлиненную цилиндрическую форму. Носовая часть тупая. Рот приоткрыт, нижняя губа показана рельефным выступом, направленным вниз под углом. Центральная часть головы, на которой расположены круглые глаза, имеет несколько больший диаметр, чем носовая, благодаря этому просматривается покатый лоб. С тыльной части головы находятся основания уха или двух ушей, обломанных еще в древности.

Из-за условности и неполноты изображения видовая идентификация животного затруднена. Но судя по особенностям

головы, изображено копытное животное, скорее всего, лошадь или мул.

Аналогии: по общим чертам головы публикуемый наносник, отличаясь в деталях, сходен с наносниками, найденными среди предметов V в. до н. э. в Старшой Могиле (*Могилов, 2008, с. 385; рис. 165: 4*), Кировском районе и комплекте 2, обнаруженном на Айлянма-Кая (№ 45/319, 5/248 Каталога).

Публикуется впервые.

48/322. Протома неопределенного копытного животного. Щитковый наносник

Рубеж V—IV — IV—III вв. до н. э.

Окрестности сёл Долинное и Курское, Белогорский район.

Бронза, литьё, сохранность удовлетворительная.

Длина: 2,5; высота: 2,5 см.

Диаметр отверстия: 0,5 см.

Щиток наносника — короткий, плоский. Под прямым

углом к нему расположена прямоугольная шея с небольшим круглым отверстием для крепления на ременной основе. Шея переходит в голову, состоящую из носовой части, круглых глаз и торчащих ушей. Изображение скульптурно, но ориентировано, преимущественно, на боковой обзор. Носовая часть постепенно сужается к окончанию и имеет форму, близкую к конусовидной. Рот и губы не выделены. Глаза маленькие, выпуклые. Два стоящих вертикально уха моделированы объемно и развернуты вперед. В целом изображение очень условно, из-за чего определение видовой принадлежности животного затруднено. Однако вытянутая морда в сочетании с вертикально стоящими ушами свидетельствуют в пользу того, что здесь изображено копытное животное, возможно молодой безрогий олень.

Аналогии: иконографически близкими аналогиями являются наносник из фондов НМИУ, найденный в Звенигороде или в Шполе Черкасской области (*Могилов, 2008, с. 385; рис. 165: 3*), а также три головы, украшающие нахрапник из кургана 9 у с. Пруссы, в Днепровском Лесостепном Правобережье, рубеж IV—III вв. до н. э. (*Древности Приднепровья, 1899, табл. XX: 321; Канторович, 2015, с. 1477; рис. 2: 1, 2*). Аналогия из Левобережной Лесостепи: наносник из кургана 4 у с. Осняги, рубеж V—IV вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 384; рис. 164: 19, 19а*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

49/323. В виде протомы фантастического существа. Щитковый наносник

Середина V — IV вв. до н. э.

Побережье Азовского моря между Арабатской стрелкой и

мысом Казантип, окрестности ныне нежилой деревни Насыр. Керченский полуостров, Ленинский район.

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Длина: 4,2; максимальная высота: 2,7 см.

Диаметр отверстия: 0,7—0,8 см.

Щиток наносника плоский, средней длины. Под тупым углом к нему расположена подпрямоугольная шея с круглым отверстием для крепления на ременной основе. Шея переходит в голову, состоящую из носовой части, больших круглых глаз и торчащих ушей. Изображение скульптурно, но ориентировано, преимущественно, на боковой обзор. Голова существа имеет вытянутую носовую часть цилиндрической формы. Четко выражены пухлые губы, между которыми — раскрытый рот. Глаза концентрические. Зеницы маленькие, выпуклые, лежат в углублениях глазниц, окантованных хорошо выраженными рельефными линиями. Сзади от головы, в одной плоскости с ней, лежат два объемно моделированных уха. Они вырастают из единого корня в затылочной части, имеют маленькие размеры и лишены дополнительных деталей. Необычность изображению придает наличие на носу видимо рога, имеющего основание в центре носовой части и делающего полукруг по направлению к глазам. Эта деталь придает всему изображению фантастические черты и не позволяет определить видовую принадлежность образа.

Аналогии: точные отыскать не удалось. Но в определенной степени (скульптурный характер, объемная моделировка ушей) описываемое изображение схоже с рядом наносников, происходящих из Днепровской Лесостепи: кургана 4 у с. Осняги, рубеж V—IV вв. до н. э. (*Шрамко, 1987, рис. 71: 15; Могилов, 2008, с. 384; табл. 164: 19, 19а*), случайная находка из Каневского уезда, кургана 2 у с. Аксютинцы середины V в. до н. э., № 1 у с. Волковцы, вторая—третья четверти IV в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 385; рис. 165: 2,6,7*). Правда, у всех перечисленных аналогий отсутствует полукруглый рог.

В Крыму подобные находки ранее не зафиксированы.

Публикуется впервые.

50/324—52/326. Серия щитковых наносников с двумя отверстиями и неопределёнными зооморфными изображениями

Середина IV — первая половина III вв. до н. э.

50/324. С двумя неопределенными зооморфными изображениями

Село Пчелиное, Белогорский район.

Бронза, литьё, гравировка. Сохранность очень хорошая. Наносник отлит в двусоставной форме: по центру щитка хорошо просматривается литейный шов.

Длина: 6,2; максимальная высота: 1,7 см.

Диаметр отверстий — 0,5; 0,8 × 0,5 см.

Наносник весьма оригинального вида с узким щитком, украшенным двумя разновеликими, развёрнутыми в противополож-

ные стороны скульптурными зооморфными головками. Окончание щитка имеет S-образную форму, которая является шеей и головой некоего существа с чертами кошачьего хищника. У него короткая голова, равно поделенная на левую и правую стороны длинным выпуклым носом. Верхняя часть носа переходит в две симметричные надбровные дуги, опоясывающие лоб и заканчивающиеся симметричными завитками, передающими кольчатые уши с выразительной ушной впадинкой. Лоб акцентирован подтреугольным рельефом. Глаза узкие, вытянутые. Щеки слегка выпуклые. У существа отсутствует подбородок. Благодаря этой черте, а также необычным вытянутым глазам и выразительному носу изображение приобретает фантастический характер. Другая голова развернута в противоположную сторону и как бы припадает к ровной поверхности щитка с его верхней стороны. В отличие от рассмотренной до этого, она имеет вытянутую форму, но моделирована по схожим иконографическим принципам. Она разделена на две симметричные части, глаза узкие и вытянутые, надбровные дуги над ними заканчиваются симметрично расположенными завитками, передающими кольчатые уши, лоб акцентирован подтреугольным рельефом. Отличается носовая часть. Собственно здесь нет антропоморфного носа, а представлена удлиненная морда, оканчивающаяся ртом либо пастью кольчатого вида, такого же, как и уши персонажа. Еще одно отличие — тонкая шея, основание которой также показано в форме кольца, лежащего в основании щитка. Три кольца (уши / пасть / основание шеи) представляют собой композиционный треугольник, в который вписана голова персонажа, и к которому примыкают округлые отверстия наносника. Интерпретация второго

образа еще более затруднительна. Более-менее уверенно можно говорить лишь о том, что представлен хищник с кольчатыми ушами и пастью.

Наличие второго круглого отверстия не находит функционального объяснения.

Аналогии: известны исключительно на территории Крыма — № 51/325, 52/326 Каталога. Вместе с тем, морфология крымского наносника безусловно связана с целым рядом так называемых налобников с крючком / петлей, бóльшая часть которых происходит со Среднего Дона и относится к середине IV — первой половине III вв. до н. э. (сводка подобных изделий и характеристика их генезиса и эволюции: *Канторович, 2007*). Их общими чертами является наличие над отверстием для продевания ремня выступа в виде замкнутой или незамкнутой петли, диаметр которой может быть больше, меньше или соразмерным функциональному отверстию. Большинство среднедонских налобников с крючком / петлей лишены зооморфности. На налобниках же с зооморфными изображениями представлены в основном птицы. Пожалуй, наиболее сопоставимой аналогией крымскому изображению служат бронзовые покрытые золотом наносники с изображением грифона из Васюринской Горы в Предкавказье (*Канторович, 2015, с. 713; с. 1611, рис. А*).

51/325. С двумя неопределёнными зооморфными изображениями

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая.

Длина: 4,4; максимальная высота: 1,6 см.

Диаметр отверстий — 0,5 см.

Наносник весьма оригинального вида с узким щитком, украшенным двумя разновеликими, развёрнутыми в противоположные стороны скульптурными стилизованными головками животных. Аналогичен наноснику из села Пчелиное, описанному выше. Отличия — обломана нижняя часть щитка, сильно потёрты скульптурные стилизованные головки животных. Кроме того, в отличие от наносника из Пчелиного, отверстия которого различаются по форме и диаметру, у данного наносника они круглые и одинакового размера.

Аналогии: наносники из села Пчелиное и окрестностей пос. Зуя — с. Ароматное Белогорского района (№ 50/324, 52/326 Каталога).

52/326. С тремя зооморфными изображениями

Район Зуи — Ароматного, Белогорский район.

Бронза, литьё, чеканка. Сохранность хорошая, но изделие реставрировано. Щитковая часть была отломана у основания.

Общая длина: 9,5 см.

Максимальная высота: 1,7 см.

Диаметр отверстий: 0,5 и 0,5—0,7 см.

Ширина щитка: 0,4 см.

Аналог предыдущих изображений, имеющий бóльшие размеры и отличающийся рядом существенных деталей: по верхней части щитка проходит массивная рельефная линия, окончание щитка имеет маленькое (0,2 мм) отверстие со следами металлического окисла (возможно, оно соприкасалось с металлическим гвоздиком, служившим креплением). Однако основное отличие — третье зооморфное изображение на щитке наносника, ближе к его окончанию. Изображение крайне мало, длиной всего лишь 1,5 см и высотой 0,6 мм. Однако, благодаря канонической позе, в нём легко узнается хищник на полусогнутых лапах, как бы припавший к поверхности. Изображение скульптурно. Хорошо выделены рельефные бёдра, переходящие в согнутые под острым углом задние лапы, а также лопатки, переходящие в передние лапы, тоже согнутые под острым углом, хотя и в меньшей степени, чем задние. Голова невыразительная, короткая, с углублениями, которыми намечены глаза. Короткий покатый лоб, переходящий в тупой нос, свидетельствуют в пользу того, что здесь изображен кошачий хищник. Рельефная же полоса на верхней части щитка, отходящая от задней части хищника и заканчивающаяся у кольчатого носа «внутренней» головы, скорее всего, передает

гипертрофированно длинный хвост кошачьего. В этом случае все три изображения, помимо композиционного единства, объединены, скорее всего, и неким единством сюжета.

Аналогии: наносники из Пчелиного и Юго-Восточного Крыма (№ 50/324, 51/325 Каталога).

3.8. НАЩЁЧНЫЕ БЛЯХИ

Выделение данной группы металлических деталей конского оголовья основано как на известных случаях расположения подобных блях *in situ*, на костяках погребённых коней скифской поры, так и при учёте довольно крупных размеров изделий, которые не могут быть отнесены к категории мелких уздечных блях.

1/327—3/329. Серия блях в виде свернувшегося волчьего хищника

Конец VI — V в. до н. э.

1/327. *Село Александровка, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Ширина: 4,1; высота: 4,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 2,2 см.

Изображен поджарый хищник с тонким туловищем и длинной мордой, т. е. семейства волчьих. Хищник представляет собой фигуру, близкую к кругу, так что его приоткрытая пасть кусает окончание хвоста, выполненное в виде зооморфного превращения. Изображение одностороннее, моделировано прорезями, отделяющими туловище, шею и хвост от ног, а также ноги друг от друга. В центре композиции — пара ног, почти параллельных друг другу. Передняя нога упирается в нижнюю челюсть зверя, она заканчивается тремя когтями, направленными вниз. Задняя заканчивается полуова-

лом, упирающимся в локтевой выступ передней. Вокруг ног расположены голова, туловище и хвост животного. Голова вытянута, открытая пасть показана круглой прорезью, подчеркнутой рельефной линией. Нос — круглая впадинка и также подчеркнут рельефной линией. Глаз вытянутый, миндалевидный. Он затёрт, но, тем не менее, в нём читается зеница, лежащая в углублении рельефно окантованной глазницы. От глаза отходит листовидное ухо с ушной впадинкой. Оно почти перпендикулярно длинной шее, украшенной снизу рубчиками. Шея переходит в акцентированную рельефом лопатку, также оформленную рубчиками с внешней стороны. Сзади к рубчикам примыкает фигура из двух кружков, окантованных рельефными линиями. Видимо, это очень условное изображение головы птицы с глазом и закрученным клювом (они известны по аналогиям). Длинное туловище моделировано двумя сходящимися плоскостями. Оно переходит в массивное, рельефно акцентированное бедро. От бедра отходит короткий хвост, имеющий рифление. Его окончание оформлено в виде условной птичьей головки с круглым глазом и закрученным клювом. При этом окончание клюва птицы расположено в приоткрытой пасти «основного» изображения.

На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля для крепления её на ременном оголовье. Хорошо просматривается литейный шов, параллельный направлению петли.

Аналогии: бляха принадлежит к категории широко известных украшений конской узды, бытовавших в скифское время как в Евразии, так и в Скифии в частности. В Крыму подобные, но не целиком аналогичные бляхи найдены в погребении 3 кургана 2 (курган Кулаковского) у с. Долинное Бахчисарайс-

кого района, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Яковенко, 1976, с. 130, 132; рис. 6*), в ритуальном захоронении коня в квартале 26 городища Пантикапей, вторая четверть V в. до н. э. (*Толстиков, 2015, с. 366—368; рис. 2*), в окрестностях сёл Баланово — Красногоровка, между посёлком Зуя и селом Ароматное Белогорского района (№ 2/328, 3/329 Каталога), в Ак-Бурунском кургане 1862 г., на Керченском полуострове, V в. до н. э. (в последнем случае свернувшийся хищник — кошачий) (*Яковенко, 1974, с. 104; рис. 43: 3*). Прямые аналогии нашей находки — в Приднепровской Лесостепи: бляха из кургана 491 у с. Макеевка в бассейне Тясмина, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 31; табл. 13: 4*); четыре бляхи из кургана 499 у с. Басовка в Посулье, первая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, с. 134; табл. XXVIII: 3, 4; Галанина, 1977, с. 49; табл. 26: 2—23*); две бронзовые бляхи из кургана 398 у с. Журовка, середина — вторая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 6*), бронзовая бляха с Кнышевского городища (*Могилов, 2008, рис. 102: 1*), две бронзовые бляхи из кургана 5 у с. Протопоповка на Северском Донце, V в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 72, 197; рис. 56*). Степные аналогии: две бляхи из кургана у с. Ковалевка в Побужье, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, с. 136; рис. 1: 39*), из разрушенного погребения у с. Рэскэеци Ной в Нижнем Поднестровье (*Levitski, 1998; p. 31; fig. 3: 13*). Аналогии со среднего течения Дона: курган у с. Староживотинное, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Пузикова, 2001; рис. 63: 3; Могилов, 2008, рис. 102: 15*), Частые, курганы 1, 8, рубеж VI—V — V вв. до н. э. (*Шкурко, 1976, рис. 5: 1, 3; 6*). Представлены подобные бляхи и в Предкавказье: случайная находка на Семибратнем городище (*Новичихин, 1998, рис. 1*), бляха из ст. Елизаветинской (*Переводчикова, 1984, рис. 2: 2*), Грушевских курганов (*Прокопенко, 2005, рис. 181: 4*); покупка в Майкопе (*Прокопенко, 2005, рис. 181: 15*).

Публикуется впервые.

2/328. *Окрестности сёл Баланово — Красногоровка, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Ширина: 4,0; высота: 3,9 см.

Ширина обломанной петли: 1,9 см.

Аналог предыдущего изображения, однако, в отличие от него, выполнен с меньшей проработкой деталей. Возможно, изделие изначально плохо пролито, или же затёрто в силу длительного периода использования. Изображен поджарый хищник с тонким туловищем и длинной мордой, т. е. семейства волчьих. Хищник представляет собой фигуру, близкую к

кругу, так что кончик его пасти соприкасается с хвостом. Изображение одностороннее, моделировано прорезями, отделяющими туловище, шею и хвост от ног, а также ноги друг от друга. В центре композиции — пара ног, почти параллельных друг другу. Передняя лапа упирается в нижнюю челюсть зверя, она заканчивается, вероятно, тремя когтями, направленными вниз. Задняя заканчивается полуовалом, упирающимся в локтевой выступ передней. Изгиб ступни задней лапы соединен с серединой туловища узкой перемычкой. Вокруг ног расположены голова, туловище и хвост животного. Голова вытянута, открытая пасть показана круглой прорезью. Нос, видимо, не пролит, либо утерян. Глаз не показан. Короткое маленькое ухо имеет листовидную форму со впадинкой посередине. Оно плотно прижато к шее, почти полностью сливаясь с ней. Шея длинная, подпрямоугольная, украшенная снизу рубчиками. Она переходит в акцентированную рельефом лопатку, у которой, в отличие от предыдущего экземпляра, отсутствуют рубчики. Между лопаткой и туловищем имеется невнятная рельефная линия — видимо, рудимент зооморфного превращения. Туловище очень узкое, поджарое. Оно переходит в массивное рельефно акцентированное бедро. От бедра отходит короткий хвост. Его окончание оформлено в виде очень условной птичьей головки с круглым глазом и закрученным клювом.

На оборотной стороне бляхи — обломанная петля для крепления её на ременном оголовье. Хорошо просматривается литейный шов, параллельный направлению петли.

***Аналогии*:** бляха принадлежит к категории широко известных украшений конской узды, бытовавших в скифское время как в Евразии, так и в Скифии в частности. В Крыму подобные

бляхи найдены в погребении 3 кургана 2 (курган Кулаковского) у с. Долинное Бахчисарайского района, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Яковенко, 1976, с. 130, 132; рис. 6*), в ритуальном захоронении коня в квартале 26 городища Пантикапей, вторая четверть V в. до н. э. (*Толстиков, 2015, с. 366—368; рис. 2*), в с. Александровка, между посёлком Зуя и с. Ароматное Белогорского района (№ 1/327, 3/329 Каталога), в Ак-Бурунском кургане 1862 г. на Керченском полуострове, V в. до н. э. (в последнем случае свернувшийся хищник — кошачий) (*Яковенко, 1974, с. 104; рис. 43: 3*). Прямые аналогии нашей находки — в Приднепровской Лесостепи: бляха из кургана 491 у с. Макеевка в бассейне Тясмина, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 31; табл. 13: 4*); четыре бляхи из кургана 499 у с. Басовка в Посулье, первая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, с. 134; табл. XXVIII: 3, 4; Галанина, 1977, с. 49; табл. 26: 2—23*); две бронзовые бляхи из кургана 398 у с. Журовка, середина — вторая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 6*), бронзовая бляха с Кнышевского городища (*Могилов, 2008, рис. 102: 1*), две бронзовые бляхи из кургана 5 у с. Протопоповка на Северском Донце, V в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 72, 197; рис. 56*). Степные аналогии: две бляхи из курганау с. Ковалевка в Побужье, конец VI — первая половина V в. до н. э. (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, с. 136; рис. 1: 39*), из разрушенного погребенияу с. Рэскэеци Ной в Нижнем Поднестровье (*Levitski, 1998; p. 31: fig. 3: 13*). Аналогии со среднего течения Дона: кургану с. Староживотинное, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Пузикова, 2001; рис. 63: 3; Могилов, 2008, рис. 102: 15*), Частые, курганы 1, 8, рубеж VI—V — V вв. до н. э. (*Шкурко, 1976, рис. 5: 1; 3, 6*). Представлены подобные бляхи и в Предкавказье: случайная находка на Семибратнем городище (*Новичихин, 1998, рис. 1*), бляха из ст. Елизаветинской (*Переводчикова, 1984, рис. 2: 2*), Грушевских курганов (*Прокопенко, 2005, рис. 181: 4*); покупка в Майкопе (*Прокопенко, 2005, рис. 181: 15*).

Публикуется впервые.

3/329. Фрагмент. *Между посёлком Зуя и селом Ароматное, Белогорский район. В лесу.*

Бронза, литьё. Сохранность средняя. Бляха повреждена.

Ширина: 4,7; сохранившаяся высота: 3,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 2,0 см.

Сохранилось дуговидно изогнутое туловище зверя с широкой и округлой бедренной частью, завершающейся изогнутой задней когтистой лапой и узкой средней частью, переходящей в широкую лопатку, от которой, в свою очередь, отходит передняя лапа. Бедро и лопатка почти одинаковой

формы и размеров. *Лопатка* оформлена мелкими рубчиками, передающими шерсть. В месте перехода узкой части туловища в лопатку — маленькое стилизованное изображение головы хищной птицы. Хвост зверя и большая часть шеи с головой обломаны в древности.

На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля для крепления её на ременном оголовье. Отчетливо просматривается литейный шов, параллельный направлению петли.

Аналогии: несмотря на фрагментированность, характерные признаки позволяют отнести бляху к категории широко известных украшений конской узды, подобной описанной выше. В Крыму подобные, но не целиком аналогичные бляхи найдены в погребении 3 кургана 2 (курган Кулаковского) у с. Долинное Бахчисарайского района, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Яковенко, 1976, с. 130, 132; рис. 6*), в ритуальном захоронении коня в квартале 26 городища Пантикапей, вторая четверть V в. до н. э. (*Толстиков, 2015, с. 366—368; рис. 2*), у с. Александровка, с. Баланово — Красногоровка Белогорского района (№ 1/327, 2/328 Каталога), в Ак-Бурунском кургане 1862 г. на Керченском полуострове, V в. до н. э. (в последнем случае свернувшийся хищник — кошачий) (*Яковенко, 1974, с. 104; рис. 43: 3*). Прямые аналогии нашей находки — в Приднепровской Лесостепи: бляха из кургана 491 у с. Макеевка в бассейне Тясмина, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 31; табл. 13: 4*); четыре бляхи из кургана 499 у с. Басовка в Посулье, первая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, с. 134; табл. XXVIII: 3, 4; Галанина, 1977, с. 49; табл. 26: 2—23*); две бронзовые бляхи из кургана 398 у с. Журовка, середина — вторая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 6*), бронзовая бляха с Кнышевского городища (*Могилов, 2008, рис. 102: 1*), две бронзовые бляхи из кургана 5 у с. Протопоповка на Северском Донце, V в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 72, 197; рис. 56*). Степные аналогии: две бляхи из кургана у с. Ковалевка в Побужье, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, с. 136; рис. 1: 39*), из разрушенного погребения у с. Рэскэеци Ной в Нижнем Поднестровье (*Levitski, 1998; p. 31: fig. 3: 13*). Аналогии со среднего течения Дона: курган у с. Старожиботинное, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Пузикова, 2001; рис. 63: 3; Могилов, 2008, рис. 102: 15*), Частые, курганы 1, 8, рубеж VI—V — V вв. до н. э. (*Шкурко, 1976, рис. 5: 1; 3, 6*). Представлены подобные бляхи и в Предкавказье: случайная находка на Семибратнем городище (*Новичихин, 1998, рис. 1*), бляха из ст. Елизаветинской (*Переводчикова, 1984, рис. 2: 2*), Грушевских курганов (*Прокопенко, 2005, рис. 181: 4*); покупка в Майкопе (*Прокопенко, 2005, рис. 181: 15*).

4/330. В виде фигуры лося с головой, повёрнутой вправо

Конец VI — первая половина IV вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, в районе видовой площадки на юго-западную сторону. Село Некрасово, Белогорский район.

Вблизи также найден нож с рукоятью, украшенной головкой лося (№ 2/535 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность хорошая, однако нижняя часть изделия утрачена в древности.

Длина: 4,5; высота от верхней части рогов до условной линии ног: 4 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 2,0 см.

Фигура *лося* изображена в традиционном жертвенном положении, о чём можно судить по аналогиям, т. к. нижняя часть ног утрачена; непропорционально большая голова повернута назад (в правую сторону) и упирается мордой в спину животного. *Лопатка* и бедро выделяются очень выразительными рельефными округлыми овалами, переходящими в конечности. Рельефным отростком показан короткий хвост. Массивная шея передана полукруглой удлинённой плоскостью, переходящей в головку. Последняя состоит из загнутого под тупым углом массивного и широкого носа, концентрического глаза (выпуклая зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы), длинного лепестковой формы заострённого уха и рогов с четырьмя отростками. Ухо примыкает снизу к задней части рогов. Рога короновидные, симметричные. Два внутренних отростка чуть выше внешних. Рот передан овальным углублением.

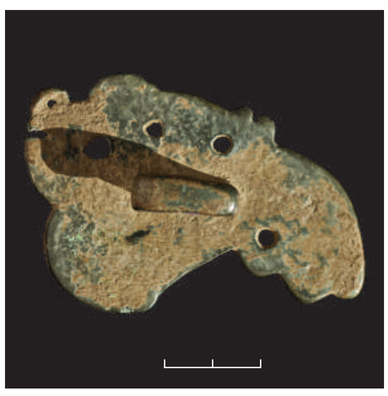
По-видимому, окончания ног были отломаны еще в древности, а места слома позднее

2), кургана 7 могильника Скоробор в бассейне Ворсклы, V в. до н. э. (*Шрамко, 1994, рис. 6: 22*), культурного слоя на городище у с. Городище в бассейне Северского Донца (*Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7*), Частого кургана 8 в Среднем Подонье, рубеж VI—V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 95: 10*). Встречаются они и в Степном Причерноморье: две фигурки из Ольвии (*Леви, 1954, с. 336; рис. 15: 1; Островерхов, 1994, рис. 2: 9*) и одна из Никония (*Островерхов, 2005, с. 239; рис. 7: 4*); на Тамани: курган 91 Елизаветовского могильника, первая половина IV в. до н. э. (*Брашинский, 1980, фото на с. 100; Канторович, 2015, с. 1482; рис. 10*), на Кавказе: разрушенные курганы Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 4: 1*). Крымские аналогии: горный массив Кубалач (3 экз.), у сёл Хлебное (2 экз.), Приветное, Фонтаны, Партизаны (2 экз.), Горностаевка (№ 1/361—10/370 Каталога).

зачищены. Также вполне возможно, что лось был расположен на «постаменте», аналогичном изображению из Журовки (см. список аналогий ниже). В любом случае, реальные размеры бляхи были бóльшими. С оборотной стороны — полукруглая петля.

Аналогии: принадлежат к весьма немногочисленной серии бронзовых блях с изображениями лося в жертвенной позе, которые варьируют по степени детализации и стилистике исполнения. К ней относятся: фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» из кургана Г у с. Журовка (V в. до н. э.) в бассейне р. Тясмин (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21*), депаспортизированная находка из Киевской губернии (*Бобринской, 1916, рис. 13; Канторович, 2015, с. 1481; рис. 3*), небольшие фигурки лосей из кургана 484 у с. Плавинище (первая половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. XLIX:*

5/331. В виде левостороннего изображения лосиной головы

V в. до н. э.

Посёлок Щебетовка, Судакский район.

Вблизи также найдена лосиная головка (№ 7/333 Каталога) и бляха в виде головы хищного зверя (льва?) в фас (№ 52/412 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 7,0; высота от верхней части пальметты: 4,2 см.

Высота петли для закрепления на узде: 1,0; ширина: 1,9 см.

На бляхе представлено одно из самых популярных в эпоху скифской классики изображений лосиной головы с рогами в виде симметричных отростков, оканчивающихся птичьими головками. Голова массивная, с горбоносой, преломленной мордой и нависающей верхней губой — характерные видовые признаки лося. Центром симметрии является глаз — преувеличенный, показанный полуовалом, лежащим в углублении глазницы. Над глазом находится корень рогов, акцентированный пальметтой. Рога как бы лежат на голове животного: передний, более длинный отросток упирается в верхнюю часть морды, задний — в ухо. Птичьи головки, передающие окончание рогов, состоят из крупного глаза, закрученного клюва и восковицы. На переднем отростке клюв был обломан еще в древности, либо же не пролит. Ноздря и верхняя губа обозначены единой рельефной петлеобразной полосой, переходящей в завиток пасти. Ухо треугольной формы, с рельефно выделенным краем, ориентировано наискось вверх. Рельефной дугообразной полосой показана кожно-шерстная складка. С оборотной стороны бляхи — петля прямоугольной формы.

Подобные бляхи могли использоваться не только как принадлежность конского убо-

ра, но и служить украшением панциря или горита, т. е. в определённой степени были полифункциональными.

Аналогии: очень сходные происходят из Крыма и близких ему районов Северного Причерноморья и Кубани: бляхи из кургана Кара-Меркит (Ак-Мечеть) (*Яковенко, 1976, с. 133; рис. 7: 2*), курганов 1, 32 Нимфейского некрополя, 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, с. 83, 106; рис. 47: 5; с. 86, 106—107; рис. 48: 3*), Малого Семибратнего кургана на Кубани, конец VI — V вв. до н. э. (*Borovka, 1928, p. 92; tab. Vb*), кургана 7 у г. Мариуполь (Жданов) в Приазовье, относящегося к V в. до н. э. (*Черненко, 1970, с. 176—181*), из «Майкопского клада» (находка близ Тилигула?) (*Leskov, 2008, p. 207—208; N 284; Канторович, с. 1483; рис. 4*). Ближайшая лесостепная аналогия — случайная находка близ Воронежа (*Березуцкий, Маликов, 1999, с. 113, 114; рис. 1*).

Менее близкие крымские аналогии: бляхи из погребения 3 кургана 7 у с. Колоски (*Ольховский, 1982, рис. 6*), кургана 7 Акташского могильника V в. до н. э. (*Бессонова и др., 1988; фото 1: 2, рис. 7: 3*), пос. Щебетовка; Симферопольского р-на; между Зуёй и Донским (№ 7/333—9/335 Каталога). Ключевое отличие — более узкое окончание морды, сближающее образ с оленем. Также иконографически сходно изображение из окрестностей с. Дивное (№ 6/332 Каталога). Менее близкая степная аналогия: бляха из кургана у с. Новая Розановка в бассейне Ингула, V в. до н. э. (*Шапошникова, 1970, с. 212; рис. 5*); отличие — иная форма рогов.

Более отдаленные лесостепные аналогии: бляхи из кургана 401 у с. Журовка, первая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 12*), кургана 459 у с. Турья, середина — первая половина V в. до н. э. (15 экз.) (*Петренко, 1967, табл. 31: 19; Могилов, 2008, рис. 96: 1, 2*), Грищенец, рубеж V—IV вв. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 9; Галанина, 1977, табл. 31: 5*), кургана 198 у с. Большая Яблоновка (*Петренко, 1967, табл. 31: 5*). В Левобережной Лесостепи известны два подобных изображения — из кургана у с. Борзна Черниговской области, вторая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XXXI: 11*) и из Жовнино (*Ильинская, Гориший, 1975, с. 207—210; рис. 1*). Аналогия с Кавказа — курган 1 второго Нартановского могильника (*Керефов, Кармов, 2009, с. 25; рис. 3: 1; Канторович, 2015, с. 1542; рис. 3*).

6/332. В виде правостороннего изображения лосиной головы

V в. до н. э.

Подножье горного массива Кубалач, село Дивное, Белогорский район.

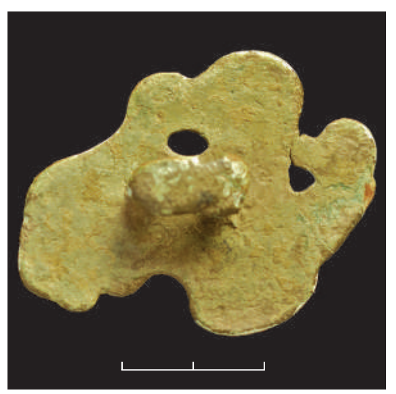
Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но изображение потёрто и покрыто светло-зеленой патиной.

Длина: 5,5; высота от верхней части пальметки: 4,0 см.

Высота петли для закрепления на узде 1,0; ширина: 1,5 см.

Частичная аналогия предыдущего изображения, отличающаяся от него более условной манерой исполнения, правосторонним разворотом и затёртостью основных деталей (возможно, изначально плохая отливка). У животного горбатый нос и отвислая, сильно развитая верхняя губа — классические черты изображений лося. Глаз большой, выпуклый, в центре симметрии головы. Возле него углублением намечена маленькая слезница. Над глазом — массивный корень рогов в форме полукруга, возможно, по изначальному замыслу — пальметта. Рога состоят из двух симметричных отростков, концы которых закручены. Передний отросток соприкасается с

верхней частью морды, задний лежит на ухе. Рот показан небольшой впадинкой. Весьма необычно ухо — вытянутое вверх и немного назад, в форме неправильной трапеции с внутренним рифлением. Внизу оно переходит в кожно-шерстную складку, на которой также едва просматривается рифление.

С оборотной стороны бляхи — петля прямоугольной формы.

Подобные бляхи могли использоваться не только как принадлежность конского убора, но и служить украшением панциря или горита, т. е. в определённой степени были полифункциональными.

Аналогии: прямые не известны. В целом же, данная нащёчная бляха пополняет немногочисленную серию блях, входящих в достаточно представительную совокупность подобных находок. По общему облику данному изделию близка случайная находка из

окрестностей Воронежа, возможно, из Староживотинного могильника (*Березуцкий, Маликов, 1999, с. 113, 114; рис. 1; Канторович, 2015, с. 1161, 1438; рис. 6*), а также левосторонняя бляха с изображением головы лося из кургана 2 у с. Борзны в бассейне р. Сейм, вторая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XXXI: 11*). Более отдаленные аналогии — те же, что и для предшествующего изображения.

7/333. В виде левостороннего изображения лосиной головы с узким носом

V в. до н. э.

Посёлок Щебетовка, Судакский район.

Вблизи также найдена лосиная головка (№ 5/331 Каталога) и бляха в виде головы хищного зверя (льва?) в фас (№ 52/412 Каталога).

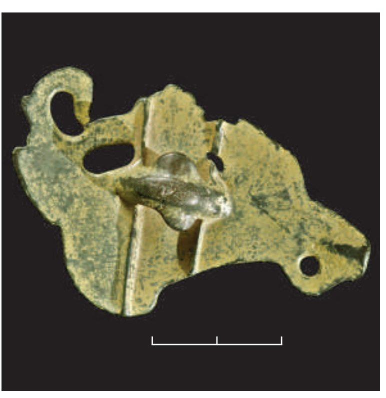
Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 5,7; высота от верхней части пальметты: 3,6 см.

Высота петли для закрепления на узде: 0,8; ширина: 1,5 см.

К классическим чертам бляхи относится изображение лосиных рогов в виде симметричных противонаправленных отростков, разделённых большой пятилучевой пальметтой. Отростки выполнены с использованием приёма «зооморфных превращений», в виде птичьих головок. Передний отросток лежит на морде, задний упирается в ухо. Передняя головка обломана либо не пролита. Сохранился лишь круглый глаз, окантованный рельефной линией. На заднем отростке птичья голова просматривается хорошо: у неё такой же круглый глаз, окантованный рельефной линией, небольшая восковица и длинный загнутый клюв. Глаз «основного» изображения большой, концентрический (полусферическая зеница лежит в углублении глазницы, окантованном рельефной линией). Углублением передана маленькая слезница. Глаз расположен в центре симметрии головы, прямо под корнем рогов. В отличие от первой щебетовской бляхи, голова не такая массивная. Этот эффект достигнут, в первую очередь, благодаря утончению носовой части головы, её сужению в направлении кончика носа. В результате одна из основных черт канонического изображения лося — широкий горбатый нос — почти утрачивается. Верхняя слегка нависающая губа передана рельефной окантовкой, переходящей в круглый завиток, символизирующий приоткрытый рот. Однако, из-за небольших размеров суженого носа, окантовка, передающая верхнюю губу, выполнена невыразительно. Ухо удлиненное, острое, с рельефно выделенным краем, вытянуто вверх и немного назад. В нижней части оно переходит в дугообразную кожно-шерстную складку.

«Облегчённое» изображение головы с сужающимся носом, небольшой пастью, отсутствием явно выраженного горба придают образу черты головы оленя. Это позволило А.Р. Канторовичу отнести подобные образы к особому типу «оленелося» (*Канторович, 2015, с. 553—560, 1542*). С оборотной стороны расположена полукруглая петля, на которой виден неудалённый литник. Под ней горизонтальная дорожка шириной 1,0 см, связанная с процессом отливки изделия.

Аналогии: наиболее близкие происходят из Крыма: из разрушенного погребения кургана 7 Акташского могильника в Восточном Крыму (*Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 151; рис. 7: 3*); из погребения 3 кургана 7 у с. Колоски (*Ольховский, 1982, рис. 6*), V в. до н. э.; Симферопольского района; между Зуёй и Донским (№ 8/334, 9/335 Каталога).

Более отдаленные аналогии из Крыма: бляхи из кургана Кара-Меркит (Ак-Мечеть) (*Яковенко, 1976, с. 133; рис. 7: 2*), курганов 1, 32 Нимфейского некрополя 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, с. 83, 106; рис. 47, 5; с. 86, 106—107; рис. 48: 3*), пос. Щебетовка и окрестностей с. Дивное (№ 5/331—6/332 Каталога); из Степи: бляха из кургана у с. Новая Розановка в бассейне Ингула, V в. до н. э. (*Шапошникова, 1970, с. 212; рис. 5*), кургана 7 у г. Мариуполь (Жданов) в Приазовье, также относящегося к V в. до н. э. (*Черненко, 1970, с. 176—181*), «Майкопского клада» (находка близ Тилигула?) (*Leskov, 2008, p. 207—208; N 284; Канторович, с. 1483; рис. 4*); Прикубанья и Северного Кавказа: Малый Семибратний курган, конец VI — V вв. до н. э. (*Borovka, 1928, p. 92; tab. Vb*), курган 1 могильника Нартан в Центральном Предкавказье (*Керефов, Кармов, 2009, с. 25; рис. 3: 1*).

Аналогии из Правобережной Лесостепи: бляхи из курга-

на 401 у с. Журовка, первая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 12*), кургана 459 у с. Турья (15 экз.), первая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 19; Могилов, 2008, рис. 96: 1, 2*), Грищенец, рубеж V—IV вв. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 9; Галанина, 1977, табл. 31: 5*), кургана 198 у с. Большая Яблоновка (*Петренко, 1967, табл. 31: 5*). В Левобережной Лесостепи известны два подобных изображения — из кургана у с. Борзна Черниговской области, вторая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XXXI: 11*) и Жовнино (*Ильинская, Горишний, 1975, с. 207—210; рис. 1*). Аналогия со Среднего Дона: случайная находка близ Воронежа (*Березуцкий, Маликов, 1999, с. 113, 114; рис. 1*).

8/334. В виде левостороннего изображения лосиной головы с узким носом

V в. до н. э.

Симферопольский район. Точное место находки неизвестно.

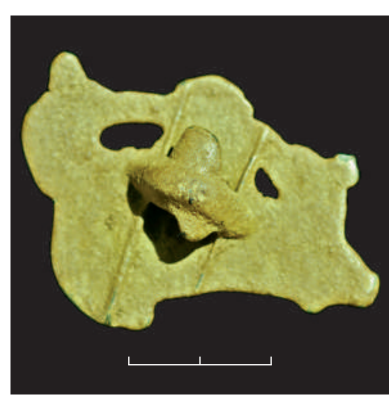
Бронза, литьё. Сохранность средняя, бляха покрыта зеленовато-желтой патиной.

Сохранившаяся длина: 5,0; высота от верхней части отростка рога: 3,6 см.

Высота петли для закрепления на узде: 0,8; ширина: 1,5 см.

Аналог предыдущего изображения, выполненный с меньшей детализацией и весьма небрежно. Некоторые части изображения обломаны или не пролиты. К классическим чертам бляхи относится изображение лосиных рогов в виде симметричных противонаправленных отростков, разделённых большой пятилучевой пальметтой. Отростки выполнены с использованием приёма «зооморфных превращений», в виде птичьих головок. Передний отросток лежит на морде, задний упирается в ухо. От передней головки сохранился

круглый концентрический глаз и основание клюва. У головки заднего отростка — круглый концентрический глаз и очень короткий клюв. Глаз «основного» изображения большой, концентрический, полусферическая зеница лежит в углублении глазницы, окантованном рельефной линией. Часть зеницы не пролита или обломана. Углублением передана маленькая слезница. Глаз расположен в центре симметрии головы, прямо под корнем рогов. Как и в предыдущем экземпляре, морда относительно узкая, без явного преломления. Таким образом, одна из основных черт канонического изображения лося — широкий горбатый нос — почти утрачивается. Завиток, образующий сквозное отверстие рта, обломан. Ухо удлиненное, острое, с рельефно выделенным краем, вытянуто вверх и немного назад. Снизу оно переходит в дугообразную кожно-шерстную складку.

«Облегчённое» изображение головы с сужающимся носом, небольшой пастью, отсутствием явно выраженного горба придают образу черты головы оленя. Это позволило А.Р. Канторовичу отнести подобные образы к особому типу «оленелося» (*Канторович, 2015, с. 553—560, 1542*).

С оборотной стороны расположена полукруглая петля, на которой виден неудаленный литник. Под ней — горизонтальная дорожка шириной 1,0 см, связанная с процессом отливки изделия.

Аналогии: те же, что и в предыдущем. Наиболее близкие происходят из Крыма: из разрушенного погребения кургана 7 Акташского могильника в Восточном Крыму (*Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 151; рис. 7: 3*), погребения 3 кургана 7 у с. Колоски, V в. до н. э. (*Ольховский, 1982, рис. 6*), окрестностей пос. Щебетовка; между Зуёй и Донским (№ 7/333; 9/335 Каталога).

Более отдаленные аналогии из Крыма: бляхи из кургана Кара-Меркит (Ак-Мечеть) (*Яковенко, 1976, с. 133; рис. 7: 2*), курганов 1, 32 Нимфейского некрополя 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, с. 83, 106; рис. 47, 5, с. 86, 106—107; рис. 48: 3*); пос. Щебетовка и окрестностей с. Дивное (№ 5/331—6/332 Каталога); из Степи: бляха из кургана у с. Новая Розановка в бассейне Ингула, V в. до н. э. (*Шапошникова, 1970, с. 212; рис. 5*), кургана 7 у г. Мариуполь (Жданов) в Приазовье, относящегося к V в. до н. э. (*Черненко, 1970, с. 176—181*), из «Майкопского клада» (находка близ Тилигула?) (*Leskov, 2008, p. 207—208; N 284; Канторович, с. 1483; рис. 4*); из Прикубанья и Северного Кавказа: Малый Семибратний курган, конец VI—V вв. до н. э. (*Borovka, 1928, p. 92; tab. Vb*), курган 1 могильника Нартан в Центральном Предкавказье (*Керефов, Кармов, 2009, с. 25; рис. 3: 1*).

Аналогии из Правобережной Лесостепи: бляхи из кургана 401 у с. Журовка, первая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 12*), кургана 459 у с. Турья (15 экз.), первая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 19; Могилов, 2008, рис. 96: 1, 2*), Грищенец, рубеж V—IV вв. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 9; Галанина, 1977, табл. 31: 5*), кургана 198 у с. Большая Яблоновка (*Петренко, 1967, табл. 31: 5*). В Левобережной Лесостепи известны два подобных изображения — из кургана у с. Борзна Черниговской области, вторая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XXXI: 11*) и Жовнино (*Ильинская, Горишний, 1975, с. 207—210; рис. 1*). Аналогия со Среднего Дона: случайная находка близ Воронежа (*Березуцкий, Маликов, 1999, с. 113, 114; рис. 1*).

9/335. В виде правостороннего изображения лосиной головы с узким носом

V в. до н. э.

Между Зуей и Донским, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая, но передний отросток рогов поврежден.

Длина: 6,0; высота от верхней части пальметты: 3,4 см.

Высота петли для закрепления на узде: 0,9; ширина: 1,6 см.

Строго профильное изображение выполнено очень выразительно, в высоком рельефе. К классическим чертам бляхи относится изображение лосиных рогов в виде симметричных противонаправленных отростков, разделённых пятилучевой пальметтой. Последняя, видимо, не пролита или стёрта: отчетливо видны только два передних луча, остальные едва намечены. Отростки выполнены с использованием приёма «зооморфных превращений»: они оканчиваются птичьими головками. Передний отросток

лежит на середине носовой части, задний — на верхней части уха. Головки выполнены в идентичной манере. Они состоят из круглого концентрического глаза (углубление зеницы лежит в рельефно окантованной глазнице) и закрученного клюва с прорезью посередине. Клюв переднего отростка обломан или не пролит. Глаз лося большой, концентрический — полусферическая зеница лежит в углублении глазницы, окантованном рельефной линией. Углублением передана маленькая слезница. Глаз расположен в центре симметрии головы, прямо под корнем рогов. Носовая часть относительно тонкая, слегка изогнутая. Открытый рот выразительно показан впадинкой в рельефной окантовке. Небольшая ноздря также подчеркнута аккуратной линией. Ухо треугольное, острое, с рельефно выделенным краем, вытянуто назад и немного вверх. В нижней части оно переходит в дугообразную кожно-шерстную складку.

«Облегчённое» изображение головы с сужающимся носом, небольшой пастью, отсутствием явно выраженного горба придают образу черты головы оленя. Это позволило А.Р. Канторовичу отнести подобные образы к особому типу «оленелося» (*Канторович, 2015, с. 553—560, 1542*). С оборотной стороны расположена полукруглая петля, на которой виден неудаленный литник. Под ней — горизонтальная дорожка шириной 1,0 см, связанная с процессом отливки изделия.

Аналогии: наиболее близкие происходят из Крыма: из разрушенного погребения кургана 7 Акташского могильника в Восточном Крыму (*Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 151; рис. 7: 3*); из погребения 3 кургана 7 у с. Колоски, V в. до н. э. (*Ольховский, 1982, рис. 6*), с. Щебетовка Судакского р-на; Симферопольского р-на (№ 7/333, 8/334 Каталога).

Более отдаленные аналогии из Крыма: бляхи из кургана Кара-Меркит (Ак-Мечеть) (*Яковенко, 1976, с. 133; рис. 7: 2*), курганов 1, 32 Нимфейского некрополя 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, с. 83, 106; рис. 47: 5; с. 86, 106—107; рис. 48: 3*), пос. Щебетовка и окрестностей с. Дивное (№ 5/331, 6/332 Каталога); из Степи: бляха из кургана у с. Новая Розановка в бассейне Ингула, V в. до н. э. (*Шапошникова, 1970, с. 212; рис. 5*), кургана 7 у г. Мариуполь (Жданов) в Приазовье, также относящегося к V в. до н. э. (*Черненко, 1970, с. 176—181*), «Майкопского клада» (находка близ Тилигула?) (*Leskov, 2008, p. 207—208; N 284; Канторович, 2015, с. 1483; рис. 4*); Прикубанья и Северного Кавказа: Малый Семибратний курган, конец VI — V вв. до н. э. (*Borovka, 1928, p. 92; tab. Vb*), курган 1 могильника Нартан в Центральном Предкавказье (*Керефов, Кармов, 2009, с. 25; рис. 3: 1*).

Аналогии из Правобережной Лесостепи: бляхи из кургана 401 у с. Журовка, первая половина V в. до н. э. (*Петренко,*

1967, табл. 31: 12), кургана 459 у с. Турья (15 экз.), первая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 19; Могилов, 2008, рис. 96: 1, 2*), Грищенец, рубеж V—IV вв. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 31: 9; Галанина, 1977, табл. 31: 5*), кургана 198 у с. Большая Яблоновка (*Петренко, 1967, табл. 31: 5*). В Левобережной Лесостепи известны два подобных изображения — из кургана у с. Борзна Черниговской области, вторая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XXXI: 11*) и Жовнино (*Ильинская, Горишний, 1975, с. 207—210; рис. 1*). Аналогия со Среднего Дона: случайная находка близ Воронежа (*Березуцкий, Маликов, 1999, с. 113, 114; рис. 1*).

Публикуется впервые.

10/336. Фрагмент нащёчной бляхи в виде правостороннего изображения лосиной головы

V в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё.

Максимальные размеры фрагмента: 3,7 × 2,0 см.

От головы лося сохранился небольшой фрагмент с изображением большого круглого полусферического глаза, лежащего в углублении глазницы, слабо выраженной слезницы и корня рогов в виде пятилепестковой пальметты. Края фрагмента — рванные. На оборотной стороне — следы обломанной петли, располагавшейся над углублённой дорожкой, связанной с процессом отливки изделия.

Аналогии: те же, что и для предшествующих блях.

11/337. В виде бедра и двух лап фантастического хищника с тремя пальцами и закрученными когтями

Вторая половина V — начало IV вв. до н. э.

Белогорский район, вблизи элитных скифских курганов на горном массиве Ак-Кая.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 7,6; ширина по оконечностям овала: 5,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,4 см.

Практически полная копия нащёчников из комплекта конского снаряжения 1 (№ 2/242, 3/243) и 12/338 Каталога. Бедро показано немного вытянутым по горизонтали овалом. Снизу к нему примыкают две развернутые вправо лапы, каждая из которых заканчивается тремя вытянутыми пальцами. На окончаниях пальцев — загнутые когти. Лапы относительно тонкие, в то время как когтистые окончания лап достаточно массивны. С правой стороны бедра расположено округлое углубление, оформленное спиралевидным завитком. Сзади бедро огибает хвост, который спускается между двумя лапами, изгибаясь в окончании. Он показан рельефной складкой. В отличие от экземпляров в комплекте 1 с Айлянма-Кая, окончание хвоста, находящееся между лап, не является цельным (скорее всего, здесь имел место брак литья).

С оборотной стороны — маленькая полукруглая петля, сквозь которую проходит дорожка шириной 0,7 мм, связанная с процессом отливки изделия.

Аналогии: описываемый нащёчник входит в довольно компактную группу идентичных по

иконографии и крайне близких по стилистике изображений бедра и лап фантастического хищника (тип Тузла — Бобрица, согласно классификации А.Р. Канторовича; *Канторович, 2012, с. 25, 26; рис. 2*), получивших распространение в Крыму, на Тамани и в Днепровской Лесостепи. В нее входят: нащёчники с Айлянма-Кая, а также, судя по аналогиям, фрагмент нащёчника из окрестностей с. Богатое — Русское (№ 2/242, 3/243, 12/338 Каталога); нащёчники из кургана 66 у с. Бобрица в Днепровском Лесостепном

Правобережье, рубеж V—IV вв. до н. э. (*Петренко, 1967, с. 94, 167; табл. 30: 13*); Тузлинского некрополя на Кубани (*Scythian art, 1986, kat. 278*); развеянного кургана у с. Софиевка в Террасовой Левобережной Лесостепи (*Іллінська, 1968; рис. 10: 8*); случайная находка, приведённая в интернет-каталоге *Ancient touch* (*Канторович, 2012, с. 24; рис. 2: 2, 4*). Наиболее характерны подобные нащёчники для второй половины V — начала IV вв. до н. э. (*Могилов, 2006, с. 418; рис. 193; Канторович, 2012, с. 24, 48; табл. 3*).

12/338. Фрагмент нащёчника в виде бедра и двух лап фантастического хищника с тремя пальцами и закрученными когтями

Вторая половина V — начало IV вв. до н. э.

Белогорский район, горный массив Кубалач, между сёлами Богатое и Русское.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая.

Длина фрагмента: 3,0; высота: 2,0 см.

Фрагмент в виде нижней части одной из лап хищника. Хорошо проработаны три пальца, оканчивающиеся закрученными когтями. Принадежал нащёчнику типа Тузла — Бобрица (*Канторович, 2012, с. 25, 26; рис. 2*).

Аналогии: предшествующий экземпляр из Белогорского района (№ 11/337 Каталога), нащёчники с Айлянма-Кая, Белогорского р-на (№ 2/242, 3/243, 11/337 Каталога); из кургана 66 у с. Бобрица в Днепровском Лесостепном Правобережье, рубеж V—IV вв. до н. э. (*Петренко, 1967, с. 94, 167; табл. 30: 13*); Тузлинского некрополя на Кубани (*Scythian art, 1986, kat. 278*); развеянного кургана у с. Софиевка в Террасовой Левобережной Лесостепи (*Іллінська, 1968, рис. 10: 8*); случайная находка, приведённая в интернет-каталоге *Ancient touch* (*Канторович, 2012, с. 24; рис. 2: 2, 4*). Наиболее характерны подобные нащёчники для второй половины V — начала IV вв. до н. э. (*Могилов, 2006, с. 418; рис. 193; Канторович, 2012, с. 24, 48; табл. 3*).

13/339. Фрагмент нащёчника в виде бедра фантастического хищника

Вторая четверть — вторая половина V в. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента хорошая.

Сохранившаяся высота: 4,0; ширина по оконечностям овала: 4,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,4 см.

Сохранилась верхняя часть нащёчника в виде стилизованного округлого бедра хищника. В выемке бедра размещена стилизованная птичья головка, показанная концентрическим глазом и круглым завитком клюва, направленным внутрь бедра. Нижняя часть бляхи обломана в древности. Судя по аналогиям, там располагались конечности фантастического хищного существа.

С оборотной стороны — маленькая полукруглая петля. Под ней — дорожка шириной 0,7 см, связанная с процессом отливки изделия.

Аналогии: в первом издании мы отнесли описываемый фрагмент к серии блях Тузла — Бобрица, по А.Р. Канторовичу, с соответствующими аналогиями. Но при более внимательном

рассмотрении вынуждены скорректировать эту атрибуцию. Судя по сохранившейся части бедра — овальной форме, наличию выемки с изображением птичьей головки — рассматриваемые экземпляр является аналогом крымских изображений: бронзовой уздечной бляхи из кургана 1 гробницы 14 Нимфейского некрополя, 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, рис. 47: 7*), двух нащёчников из кургана 48 Акташского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 5, 6; 7: 3*), а также фрагментов нащёчников из района Айвазовки — Абрикосовки и урочища Молбай (№ 14/340—16/342 Каталога). Если наше предположение верно, то бедро переходило в лапу с тремя когтистыми пальцами фантастического хищного существа; при этом в горизонтальном положении изображение могло читаться как голова лося, в которой когтистые пальцы превращались в рога (*Бессонова, Скорый, 1986, с. 164*).

14/340. Фрагмент нащёчника в виде бедра фантастического хищника с зооморфным превращением

Вторая четверть — вторая половина V в. до н. э.

В районе сёл Айвазовка и Абрикосовка, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента хорошая.

Ширина: 2,6; максимальная высота: 2,6 см.

Высота петли: 0,8; ширина: 1,3 см.

Сохранилась верхняя часть нащёчника в виде бедра хищного фантастического существа. Бедро неправильной подовальной формы, сужающейся в месте перехода к голени, ныне отломанной. Верхняя часть бедра является объектом выразительной зооморфной трансформации в голову хищной птицы. Четко показан концентрический глаз: выпуклая зеница лежит в рельефно окантованной глазнице. Под ним рельефными полосами показаны восковица и клюв. Последний загнут в полукруглый завиток, сужающийся к окончанию.

С оборотной стороны — петля для крепления на ременной основе узды. Под ней — дорожка шириной 0,8 см, связанная с процессом отливки изделия.

Аналогии: точные не описаны. Однако авторы знакомы с фотографией аналогичного, но целого изделия. В нем бедро переходило в трехпалую когтистую лапу. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с интерпретацией чисто крымского образа, представленного бронзовой уздечной бляхой из кургана 1 гробницы 14 Нимфейского некрополя, 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, рис. 47: 7*), двумя нащёчниками из кургана 48 Акташского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 5, 6; 7: 3*), а также фрагментами блях из урочища Бураган возле с. Межгорье и урочища Молбай (№ 13/339, 15/341, 16/342 Каталога). Недавно аналогичное изображение было обнаружено на поселении Кош-Кую в окрестностях Горностаевки Советского р-на (*Куликов, 2019, с. 388, рис. 6*).

Публикуется впервые.

15/341. Фрагмент нащёчника в виде трёхпалой лапы фантастического хищника

Вторая четверть — вторая половина V в. до н. э.

Район Молбая, Караби-Яйла. Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента удовлетворительная. Изделие реставрировано.

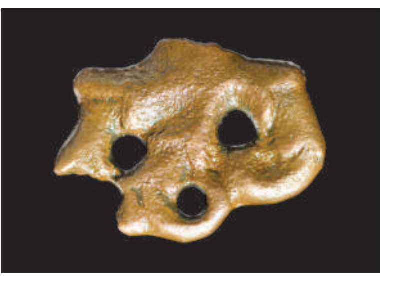
Ширина: 3,6; высота: 2,7 см.

Судя по аналогиям, описываемое изделие является фрагментом нащёчной бляхи в виде бедра хищного либо фантастического существа, оканчивающегося тремя когтистыми пальцами. В нашем случае бедро обломано, о чём свидетельствует старая линия слома. Изображение одностороннее, выполнено в высоком рельефе. Состоит из трёх отростков, расходящихся из общей основы в разные стороны: два вправо, один — влево (если расположить отростки вверх). Каждый из них передан при помощи одного или двух колен, а также длинного завитка, сужающегося и заостряющегося к окончанию, напоминающему коготь хищной птицы. Каждый «коготь» соприкасается с расположенным рядом. Образ может быть трактован как когти хищной птицы или грифона (если рассматривается отростками вниз) или же как рога копытного — оленя или лося (если повернуть отростки на 90°).

С обратной стороны — гладкая поверхность.

Аналогии: те же, что и для предшествующего: бронзовая уздечная бляха из кургана 1 гробницы 14 Нимфейского некрополя, 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, рис. 47: 7*), два нащёчника из кургана 48 Акташского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 5, 6; 7: 3*), а также фрагмент бляхи из района Молбая, Караби-Яйла (№ 16/342 Каталога). Недавно аналогичное изображение также было обнаружено на поселении Кош-Кую в окрестностях Горностаевки Советского р-на (*Куликов, 2019, с. 388, рис. 6*).

Также необходимо отметить, что, отличаясь в деталях, по общей иконографии рассматриваемое изображение

(вынося за скобки наличие бедренной части) схоже с серией блях из Крыма, Лесостепного и Степного Поднепровья, на что уже обращалось внимание (*Зимовец, 2015*). Это две бляхи, найденные среди остатков тризны вблизи кургана у с. Хлебное Кировского района, бляхи из с. Межгорье, Русаковка, Новоклёново, Отважное (№ 18/221, 19/222, 24/384—27/387 Каталога), некрополя поселения Артющенко 2 на Тамани, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, рис. 2: 2*). Также к непрямым аналогиям можно отнести бляхи из Лесостепи: три экземпляра из кургана 4 с. Берестняги, вторая половина V в. до н. э. (*Бобринской, 1901, табл. XIX: 1*); кургана 13 у с. Прусы Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1899, табл. XX: 329*); с. Дмитровка Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1907, табл. XVIII: 313*); кургана 13 у с. Олефирщина, V в. до н. э. (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 11: 5*). Более отдаленная аналогия — два экземпляра нащёчников из Плоской могилы, середина IV в. до н. э. (*Болтрик, Садовский, 1991, с. 105; рис. 4: 10, 11*).

Публикуется впервые.

16/342. Фрагмент нащёчника в виде трёхпалой лапы фантастического хищника

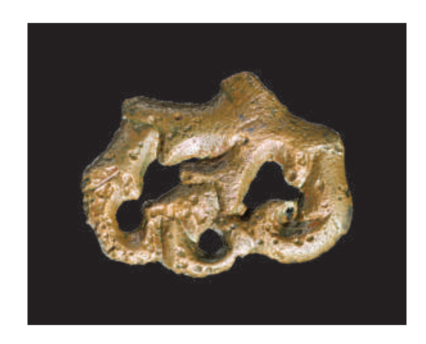
Вторая четверть — вторая половина V в. до н. э.

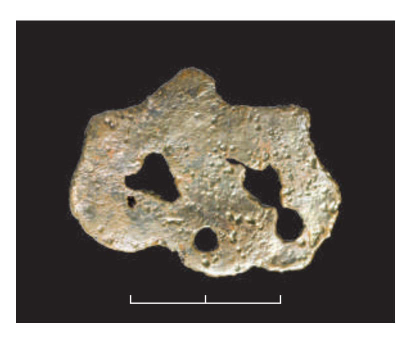
Район Молбая, Караби-Яйла. Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента удовлетворительная.

Ширина: 3,6; высота: 2,7 см.

Судя по аналогиям, описываемое изделие является фрагментом нащёчной бляхи в виде бедра хищного либо фантастического существа, оканчивающегося тремя когтистыми пальцами. В нашем случае бедро обломано, о чём свидетельствует старая линия слома. Изображение одностороннее,

выполнено в высоком рельефе. Состоит из трёх отростков, расходящихся из общей основы в разные стороны: два вправо, один — влево (если расположить отростки вверх). Каждый из них передан при помощи одного или двух колен, а также длинного завитка, сужающегося и заостряющегося к окончанию, напоминающему коготь хищной птицы. Каждый «коготь» соприкасается с расположенным рядом. Образ может быть трактован как когти хищной птицы или грифона (если рассматривается отростками вниз) или же как рога копытного — оленя или лося (если повернуть отростки на 90°).

С обратной стороны — гладкая поверхность.

Аналогии: аналог предыдущего экземпляра. Несмотря на то, что мы не знаем, какой была форма бедра, судя по известным экземплярам, это были бляхи, схожие с нащёчниками из кургана 1, гробницы 14 Нимфейского некрополя, 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, рис. 47: 7*) и кургана 48 Акташского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 5, 6; 7: 3*). Недавно аналогичное изображение было обнаружено на поселении Кош-Кую в окрестностях Горностаевки Советского района (*Куликов, 2019, с. 388, рис. 6*). Здесь также представлены три когтевидных отростка, два из которых противопоставлены третьему. Их иконография идентична описываемому экземпляру. Видимо к этой же серии относится и фрагмент нащёчников из района Айвазовки — Абрикосовки, описанный выше (№ 14/340 Каталога). Характерно, что все приведенные выше аналогии происходят из Крыма.

Необходимо отметить, что, отличаясь в деталях, по общей иконографии рассматриваемое изображение (вынося за скобки наличие бедренной части) очень схоже с серией блях из Крыма, Лесостепного и Степного Поднепровья, на что уже обращалось внимание (*Зимовец, 2015*). Это две бляхи, найденные среди остатков тризны вблизи кургана у с. Хлебное Кировского района, бляхи из с. Межгорье, Русаковка, Новоклёново, Отважное (№ 18/221, 19/222, 24/384—27/387 Каталога), некрополя поселения Артющенко 2 на Тамани, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, рис. 2: 2*). Также к непрямым аналогиям можно отнести бляхи из Лесостепи: три экземпляра из кургана 4 с. Берестняги, вторая половина V в. до н. э. (*Бобринской, 1901, табл. XIX: 1*); с. Прусы Черкасского уезда, курган 13 (*Древности Приднепровья, 1899, табл. XX: 329*); с. Дмитровка Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1907, табл. XVIII: 313*); кургана 13 с. Олефирщина, V в. до н. э. (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 11: 5*). Более отдаленная аналогия — два экземпляра нащёчников из Плоской могилы, середины IV в. до н. э. (*Болтрик, Садовский, 1991, с. 105; рис. 4: 10, 11*).

Публикуется впервые.

17/343. Фрагмент нащёчника в виде бедра и двух лап фантастического хищника, а также с зооморфной трансформацией бедра в голову хищной птицы

Вторая половина V — первая четверть IV вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Сохранившаяся высота: 6,0; ширина по оконечностям овала: 4,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,4 см.

Сохранилась верхняя часть нащёчника в виде стилизованного округлого бедра хищника с двумя конечностями, нижняя часть которых обломана. Характерным признаком подобных изображений является трансформация бедра в голову хищной птицы с мощным загнутым клювом, размещённым на его плоскости. Таким образом, бо́льшая часть бедра является одновременно клювом птицы. В основании клюва и в выемке бедра расположен овальный глаз, окантованный двумя дуговидными валиками. К нижней части клюва примыкает подклювье, показанное рельефной линией. Линия спускается вниз, становясь разделителем двух конечностей.

На оборотной стороне — небольшая полукруглая петля, расположенная над узкой дорожкой шириной 0,7 см, пересекающей плоскость нащёчника, образованной в ходе отливки изделия.

Аналогии: изображение принадлежит достаточно ограниченной серии однотипных нащёчников, происходящих из Крыма и близких к нему территорий Причерноморской Степи и Тамани (тип Красноперекопск — Тузла, по А.Р. Канторовичу; *Канторович, 2015, с. 1126, 1127, 1422*). Почти полные аналогии обнаружены: в кургане 15 (погребение 2) у

г. Красноперекопск, вторая половина V — IV вв. до н. э. (*Черепанова, Щепинский, 1969; рис. 20: 1*); в некрополе Тузлы (*Scythian art, 1986, p. 278; pl. 277*); погребении 1 кургана 4 у с. Первомаевка Херсонской области, V в. до н. э. (*Евдокимов, Фридман, 1991, с. 76, 96; рис. 3: 3*). Аналогия за пределами указанного региона — в кургане 28 Филлиповского могильника, конец V — IV вв. до н. э. (*Сокровища…, 2008, фото 121*). Кроме того, известны две случайные находки, точное место которых не определяется (*Канторович, 2012, с. 25; рис. 3: 4, 5*). Дата подобных нащёчников — вторая половина V — первая четверть IV вв. до н. э.).

18/344. Фрагмент нащёчника в виде лапы хищника с тремя пальцами

Середина — вторая половина V в. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента хорошая.

Сохранившаяся высота: 4,0; максимальная ширина: 3,4 см.

Сохранилась нижняя часть нащёчника в виде окончания лапы хищного фантастического существа с тремя когтистыми пальцами. Пальцы длинные, загнуты под прямым углом. Когти короткие, немного загнутые. Сустав акцентирован кружком. Рельефной плоскостью передаётся, скорее всего, мышца ноги.

Аналогии: судя по контуру фрагмента, а также таким деталям как акцентирование сустава и мышцы, единственной близкой аналогией является бляха из погребения 5 могильника Ак-Бурун в Крыму, середина — вторая половина V в. до н. э. (*Яковенко, 1970, рис. 23: 2*). Отличие: акбурунское изображение — правостороннее.

19/345. Фрагмент нащёчника в виде бедра хищника с тремя пальцами (?)

Середина — вторая половина V в. до н. э.

В окрестности села Курское, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента хорошая.

Ширина: 3,0; сохранившаяся высота: 3,3 см.

Ширина обломанной петли: 1,2 см.

Сохранилась верхняя часть нащёчника в виде бедра хищного фантастического существа. Бедро подовальной формы. В его задней нижней части имеется переход к ныне обломанной голени, обозначенный тремя рельефными линиями. Видимо, верхняя часть бедра является объектом зооморфной трансформации в голову хищной птицы, о чём свидетельствует выделенный углубленной линией и маленькой выпуклостью глаз на передней части бедра и изогнутая углубленная линия, передающая линию клюва. В этом случае, бóльшая часть бедра играет роль массивного клюва хищной птицы, направленного вверх.

С оборотной стороны — обломанная петля.

Аналогии: судя по контуру фрагмента, а также по характерному элементу зооморфного превращения, включая такие детали, как размещение глаза на передней части бедра и изогнутую линию рта, ближайшей и единственной аналогией является бляха из погребения 5 могильника Ак-Бурун в Крыму, середина — вторая половина V в. до н. э. (*Яковенко, 1970, рис. 23: 2*). Отличие: акбурунское изображение — правостороннее, в то время как описываемая бляха развернута влево. Если это предположение верно, тогда бедро переходило в изогнутую лапу, оканчивающуюся тремя когтистыми пальцами, как и в предшествующем экземпляре.

Публикуется впервые.

20/346. В виде бедра и лапы хищника с тремя пальцами

V — первая половина IV вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, Змеиная Балка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 6,6; ширина по оконечностям овала: 3,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,0 см.

Представлено изображение конечности хищника с мощным овальным бедром, переходящим под тупым углом, через короткую голень, в массивную трёхпалую лапу. Пальцы лап выделены и оканчиваются хорошо проработанными закрученными когтями. С задней части лапы огибающей узкой складкой передан хвост. С оборотной стороны — прямоугольная петля.

Аналогии: почти полные, происходят из Крыма и Тамани — тузлинский некрополь (*Scythian art, 1986, fig. 278 right*), курган 15, погребение 2 у Красноперекопска, вторая половина

V — IV вв. до н. э. (*Щепинский, Черепанова, 1969, с. 70; рис. 20: 1*), окрестности с. Синицыно (№ 21/347 Каталога). Несколько более отдаленные: группа V, курган 11, погребение 1 у с. Подгородное в Днепровской Левобережной Степи, первая половина V в. до н. э. (*Ковалева, Мухопад, 1979, с. 112; рис. 1: 4*) — правосторонняя ориентация лапы; курган 2 (1897—1898) у с. Волковцы, первая половина V в. до н. э.; № 1 (1886) у с. Аксютинцы, V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 52, 324; рис. 105: 5—7*); развеянный курган у с. Софиевка (*Іллінська, 1968а, рис. 10: 2;*

Могилов, 2008, рис. 105: 8), Круполь, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Петренко, 1978а, с. 46; рис. 1: 1; рис. 3, левый*), Левобережная Днепровская Лесостепь; курган 2 у с. Староживотинное на Среднем Дону, вторая половина V в. до н. э. (*Савченко, 2009, рис. 13: 1; Медведев 2001; рис. 3: 4*).

21/347. В виде стилизованного бедра и лапы хищника с тремя пальцами

V — первая половина IV вв. до н. э.

Село Синицыно, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 6,0; ширина по оконечностям овала: 3,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,4 см.

Полный аналог предыдущего изображения, немного меньший по размерам. Представлено изображение конечности хищника с мощным овальным бедром, под тупым углом, через короткую голень переходящим в массивную трёхпалую лапу. Пальцы лап выделены и оканчиваются хорошо проработанными закрученными когтями. В задней части лапы огибающей узкой складкой передан хвост. С оборотной стороны — прямоугольная петля.

Аналогии почти полные, происходят из Крыма и Тамани — тузлинский некрополь (*Scythian art, 1986, fig. 278 right*), курган 15, погребение 2 у Красноперекопска, вторая половина V — IV вв. до н. э. (*Щепинский, Черепанова, 1969, с. 70—71; рис. 20: 1*), окрестности горного массива Кубалач (№ 20/346 Каталога). Несколько более отдаленные: группа V, курган 11, погребение 1 у с. Подгородное в Днепровской Левобережной Степи, первая половина V в. до н. э. (*Ковалева, Мухопад, 1979, с. 112; рис. 1: 4*) — правосторонняя ориентация лапы; курган 2 (1897—1898) у с. Волковцы, первая половина V в. до н. э.; № 1 (1886) у с. Аксютинцы, начало V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 52, 324; рис. 105: 5—7*); развеянный курган у с. Софиевка (*Іллінська, 1968а, рис. 10: 2; Могилов, 2008, рис. 105: 8*), Круполь, конец V — начало IV в. до н. э (*Петренко, 1978а, с. 46; рис. 1: 1; рис. 3 левый*), Левобережная Днепровская Лесостепь; курган 2 у с. Староживотинное на Среднем Дону, вторая половина V в. до н. э. (*Савченко, 2009, рис. 13: 1; Медведев, 2001, рис. 3: 4*).

22/348. В виде бедра и лапы хищника с двумя пальцами и зооморфным превращением

V в. до н. э.

Село Кизиловое, Симферопольский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 4,5; ширина по оконечностям овала: 2,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,5; ширина: 1,5 см.

Представлено массивное подовальное бедро, под тупым углом через короткую голень переходящее в двупалую лапу. Пальцы геометризированы и заканчиваются закрученными в кружок когтями. Особенностью изображения является зооморфное превращение верхней части бедра в голову хищной птицы. В районе бедренной выемки расположен круглый глаз, лежащий в выделенной рельефной плоскости, постепенно сужающейся и обрамляющей верхнюю и заднюю часть бедра в виде тонкой линии. Очевидно, рельефная плоскость передает восковицу, переходящую в загнутый клюв. Т. е. голова птицы является рельефной окантовкой бедра.

С оборотной стороны — полукруглая петля.

Аналогии: немногочисленные, происходят из степных районов Северного Причерноморья. В их числе — 12 экзем-

пляров нащёчников из кургана Острая Могила, близ Ногайска, в Нижнем Поднепровье (*Яценко, 1959, с. 56; табл. IV: 6, 8; Канторович, 2015 с. 1129, 1426; рис. 5, 6*), три нащёчника из погребения 1 кургана 9 у с. Никольское, V в. до н. э. (*Агульников, Савва, 2004: 96, 100; рис. 48: 1—3; Канторович, 2015, с. 1129, 1426; рис. 7*); погребения 14 кургана 8 у с. Николаевка (*Канторович, 2015, с. 1129, 1426; рис. 8*) в Нижнем Поднестровье. Все названные погребальные памятники относятся к V в. до н. э.

23/349. В виде стилизованного бедра и лапы хищника с четырьмя пальцами

V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая.

Высота: 7,0; ширина: 2,4 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,5 см.

Представлено массивное, подовальное, вытянутое бедро, под тупым углом через короткую голень,переходящее в четырёхпалую лапу. Пальцы плоские, геометричные, отделены друг от друга узкими углубленными линиями. Когти показаны схематично — слегка загнутыми насечками. С задней стороны бедро огибает рельефная линия, отделённая от основного массива углублением (хвост?). В районе внешнего изгиба лапы двумя линиями показан вытянутый овал. Особенностью данного мотива является его амбивалентность: при вертикальном рассмотрении это лапа хищника, а при горизонтальном — голова, скорее всего лося. При этом четыре пальца играют роль его рогов, окантованный овал в районе внешнего изгиба лапы — глаза, а основное бедро является носовой частью животного, имеющей характерную преломленную форму. Складка хвоста передает, одновременно,

рот «второго», лосиного изображения.

Аналогии: полных отыскать не удалось. Однако по общей иконографии и амбивалентной идее изображения выделяются два близких нащёчника: из кургана 10 Павловской группы у с. Матусов в бассейне Тясмина, Днепровская Правобережная Лесостепь, V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 52, 324; рис. 105: 10*) и погребения 1 кургана 1 группы X у с. Подгородное в Днепровском Степном Левобережье, первая половина V в. до н. э. (*Ковалева, Мухопад, 1979, с. 114, 123; рис. 2: 9*). В определённой степени аналогией находке из Крыма является и нащёчник из погребения 5 на мысе Ак-Бурун, близ Керчи, середина — вторая половина V в. до н. э. (*Канторович, 2012, с. 32; рис. 7: 1*).

24/350. Фрагмент нащёчника в виде стилизованного бедра и задней ноги копытного животного, украшенной птичьей головкой

V — начало IV вв. до н. э.

Белогорский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но предмет частично повреждён.

Сохранившаяся высота: 7,0; максимальная ширина: 4,0 см.

Высота петли: 0,7; ширина: 1,7 см.

Изображение в виде сильно стилизованного бедра и задней ноги животного. Верхняя часть бедра — широкой серповидной формы, ограничена по краю кантом. Между бедром и изогнутой под острым углом ногой, в коленном изгибе, — трёхлепестковая пальметта. С наружной стороны ноги — дополнительный зооморфный элемент в виде головки птицы с гипертрофированно большим концентрическим глазом и загнутым массивным клювом, в котором выделены надклювье и подклювье. Нижняя часть ноги обломана и, скорее всего, оканчивалась стилизованным изображением копыта. С оборотной стороны, в районе бедра животного, расположена продольная полукруглая петля для крепления нащёчника на ременной основе конского оголовья.

Аналогии: прямые не известны, но по общей иконографии и наличию пальметты в коленном изгибе данная бляха может быть сопоставлена с нащёчни-

ком из кургана 459 у с. Турия (первая половина V в. до н. э.), бассейн р. Тясмин, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Могилов, 2008, с. 52, 323; рис. 104: 5*). Более отдаленные аналогии: из кургана 2/23 у Мастюгино на Среднем Дону, первая половина IV в. до н. э. и кургана 2 в урочище Галущино близ Пастырского в Днепровском Лесостепном Правобережье, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 322—323; рис. 104: 6; 103: 19*).

25/351. В виде четырёхпалой когтистой лапы фантастического зверя

Скифское время

У села Александровка, Белогорский район. Начало горного массива Караби-Яйла.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 4,8; ширина: 3,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,2; ширина: 2,2 см.

Изображение выполнено в высоком рельефе. Представляет собой четыре длинных пальца, которые лучевидно расходятся из общей основы и преобразуются в четыре когтя. Пальцы узкие, показаны четырьмя рельефными линиями, разделенными углублениями. В центральной части композиции в углублениях между пальцами помещены три вытянутых рельефных линии — перепонки. За перепонками пальцы преобразуются в четыре длинных когтя. Два центральных когтя имеют одинаковую длину и бóльшие размеры по отношению к боковым. На всех пальцах-когтях заметны следы членения на три части.

На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля.

Композиция имеет геометрический характер, в то же время, заслуживает внимания реалистичность передачи когтей и гармоничность пропорций различных частей изображения.

Аналогии: нам известны лишь три аналогичные бляхи. Одна из них происходит также из Крыма (№ 26/352 Каталога). Еще одна была выявлена совсем недавно на поселении Барвинкова гора в непосредственной близости от Большого укрепления Бельского городища, в паханом грунте, вне культурного слоя. Информация о третьей бляхе была размещена на интернет ресурсе domongol.org; скорее всего, она происходит с территории Полтавской области, однако об условиях ее обнаружения данных нет (*Шапорда, Штанько, Овчаренко, 2016, с. 145, 148; рис. 5: 1*).

26/352. В виде четырёхпалой когтистой лапы фантастического зверя

Скифское время

Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность неудовлетворительная. Два из четырёх пальцев-когтей обломаны. Изделие реставрировано.

Длина: 4,6; максимальная ширина: 2,7 см.

Ширина обломанной петли: 2,2—2,3 см.

Изображение выполнено в высоком рельефе. Судя по аналогиям — представляло собой четыре длинных пальца, которые лучевидно расходились из

общей основы и трансформировались в четыре когтя. Пальцы узкие, показаны четырьмя рельефными линиями, разделёнными углублениями. В центральной части композиции в углублениях между пальцами помещены три вытянутых линии — перепонки. За перепонками пальцы преобразуются в когти. Два центральных когтя имеют одинаковую длину, на них заметны следы членения. Боковые пальцы обломаны.

На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля.

Аналогии: те же, что и для предыдущего изображения.

Публикуется впервые.

27/353. В виде реалистичной кабаньей головы с загривком, повёрнутой вправо

Вторая четверть — вторая половина V в. до н. э.

В районе сёл Марково и Шахтино, Кировский район, Присивашье. Из этой же местности происходит бляха с изображением двух птичьих голов (№ 107/467 Каталога).

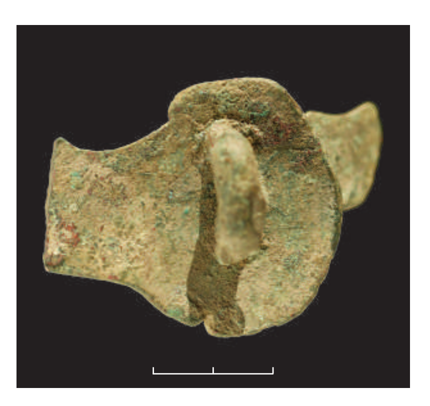
Бронза, литьё. Голова фрагментирована: её окончание — от нижнего длинного клыка до пятачка обломано в древности.

Длина сохранившейся части: 5,2; максимальная высота: 3,9 см.

Высота петли: 0,8; ширина: 2,0 см.

Представлено относительно натуралистичное изображение головы кабана с холкой, массивной кожной складкой, скульптурно переданным ухом, миндалевидным глазом, закрученным верхним клыком. Глаз окантован тонкой бороздкой, переходящей в небольшую слезницу. Загривок невысокий, передан рубчиками. Ухо выполнено очень изящно, оно отходит в сторону, на зрителя, и имеет сложную форму, чем-то напоминающую крыло. Место крепления к голове гладкое, но далее на ухо нанесено продольное рифление: шесть тонких бороздок делят его на семь длинных сегментов. От уха вниз, овалом, расположена шерстная складка, рифлёная «ёлочкой». От щеки она отделена рельефной линией, повторяющей контур складки. Сохранившаяся на фрагменте часть пасти показана тонким углублением. Губы плотно сомкнуты. От верхней границы углубления отходит верхний клык, показанный рельефной линией, загнутой вверх на 180°. Судя по аналогам, с высокой долей вероятности можно предположить, что по впадине между верхним и нижним (не сохранившимся) клыками проходила линия слома. Далее морда немного сужалась и оканчивалась чуть приподнятым вверх пятачком.

Аналогии: в отличие от большинства мелких блях, представленных далее в Каталоге, а также их аналогий — лаконичных и геометризированных головок, здесь показано относительно реалистичное изображение вепря с дополнительными элементами декора, находящее довольно близкие, но крайне немногочисленные аналогии, локализуемые исключительно в районе Европейского и Азиатского Боспора. Это бронзовая бляха из 4-го Семибратнего кургана, вторая половина V в. до н. э. (*Borovka, 1928, tabl. 17D*); скорее всего, фрагментированная бляха из кургана 1 Нимфейского некрополя, 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, с. 84; рис. 47: 6*) и из Крыма (№ 28/354 Каталога); более отдаленные: из Нимфейского некрополя, курган 24 (*Силантьева, 1959, с. 69; рис. 37: 9*); случайная находка на Таманском полуострове (*Borovka, 1928, tabl. 17C*), а также нащёчник с Айлянма-Кая (№ 1/241 Каталога).

Опубликовано: Зимовец Р.В., 2019, с. 418; рис. 8: 1.

28/354. В виде реалистичной кабаньей головы с загривком, повёрнутой влево. Фрагмент

Вторая четверть — вторая половина V в. до н. э.

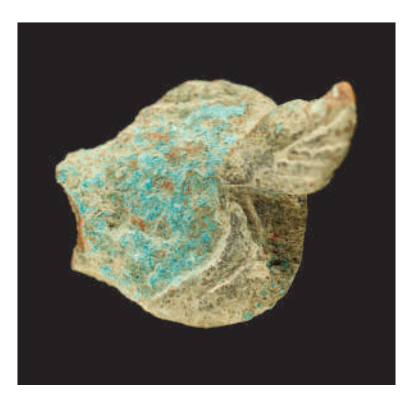
Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно. Покупка в Феодосии.

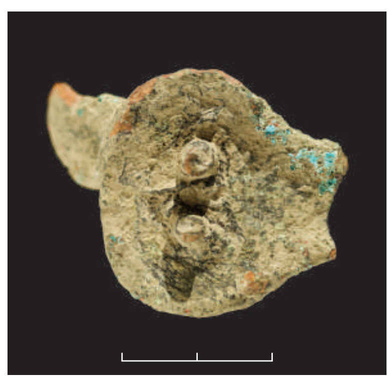
Бронза, литьё. Сохранность неудовлетворительная. Голова фрагментирована: окончание морды кабана обломано, видимо еще в древности. Глаз не просматривается. Крепёжная петля обломана. Бляха реставрирована.

Длина сохранившейся части: 4,0; максимальная высота: 3,4 см.

Ширина обломанной петли: 1,4 см.

Голова кабана угадывается по аналогиям, в первую очередь, по предшествующему изображению. Четко просматривается рифленое ухо, показанное скульптурно и отстоящее от головы в сторону зрителя. Под ним — шерстная складка со слабо выраженным рельефом. На темени низкий загривок. Остальная сохранившаяся часть головы крайне невыразительна. Уверенно можно говорить лишь о её суживающемся по направлению к линии облома контуру. Если ухо и шерстную складку покрывала благородная зеленая патина, то остальная часть головы до реставрации имела красноватый цвет. Вполне вероятно, что это явилось следствием брака: затылочная часть и ухо были отлиты хорошо, а носовая по каким-то причинам не получилась.

Аналогии: те же, что и для предыдущего изображения.

Опубликовано: Зимовец, 2019, с. 418, рис. 8: 2.

29/355. В виде стоящего или шагающего оленя

475—425 гг. до н. э.

Побережье Азовского моря между Арабатской стрелкой и мысом Казантип, окрестности ныне нежилой деревни Насыр. Керченский п-ов, Ленинский р-н.

Бронза, литьё, сохранность средняя: изображение фрагментировано, отсутствуют ноги и передний отросток рогов.

Длина: 5,3; высота: 4,0 см.

Длина обломанной петли: 1,3 см.

Несмотря на неполноту, рассматриваемое изображение весьма точно реконструируется по близкой аналогии — бронзовой бляхе из Нимфейского кургана 17. Сохранившаяся бóльшая часть изображения достаточно выразительна для его полного прочтения. Здесь представлен образ оленя с четырьмя ногами, как бы шествующего вправо, с вертикальной шеей, горизонтально посаженной головой и большими ветвистыми рогами, равными длине туловища. Сохранились верхние части двух передних и двух задних ног, разделённые углублеными линиями. От задних ног эта линия продолжается вверх, очерчивая округлое бедро. Сзади бедра намечен короткий хвостик. Рельефной плоскостью акцентирована лопатка. Шея относительно короткая, моделирована двумя сходящимися плоскостями. На неё посажена пропорциональная, но весьма схематично исполненная голова. Она имеет вытянутую форму, немного расширяясь в окончании носовой части. Круглый глаз трактован просто: выпуклая зеница лежит в углублении глазницы. Ухо — лепестковой формы, весьма изящно вытянуто назад и окантовано рельефной линией по верхнему контуру. Оно смыкается с нижними отростками рогов. Последние трактованы очень ажурно. Как указывает А.Р. Канторович, такие рога состоят как-бы из двух частей. Первая — это два симметричных по отношению к корню и противонаправленных ответвления, отображающие обособленный передний отросток (традиционно выделяемый в скифском искусстве) и первый из задних отростков.

Вторая — идущий из того же корня стержневидный отросток, от которого вниз и вверх идут ответвления, смыкающиеся затем в три загнутых вверх дуги (*Канторович, 2015, с. 345*). В рассматриваемом изображении передний отросток отломан. Нижние же ответвления основного стержня рогов лежат на ухе и спине животного.

Аналогии: единственная очень близкая — бронзовая бляха из Нимфейского некрополя, курган 17, гробница 8, раскопки 1876 г., 475—425 гг. до н. э. (*Силантьева, 1959, рис. 40: 3*), что свидетельствует о восточнокрымских, возможно, боспорских корнях данного образа. По сравнению с нимфейским, публикуемое изображение выполнено менее искусно: рога пролиты менее четко, отсутствуют мелкие детали головы. Более отдаленные схожие по иконографии аналогии: золотые бляшки из «Майкопского клада», 23 экземпляра (*Канторович, 2015, с. 1145, 1450; рис. 2*), и Уляпского кургана 5, 9 экземпляров (*Сокровища…, 1987; табл. VIII: 318; Канторович, 2015, с. 1145, 1450; рис. 3*).

Публикуется впервые.

30/356. В виде головы оленя с пламявидными рогами, повёрнутой влево

V в. до н. э.

Село Отважное, Кировский район, в сторону горы Клементьева.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота от нижней части головки до верхней части рогов: 5,0; ширина от верхней части носа до крайней тыльной части головы: 3,0 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,5 см.

*Лаконичное, изящное изоб*ражение головы оленя выполнено в технике высокого рельефа. Выделяется сама голова и огромные, высокие, пламявидной формы рога. Удлинённая морда животного прямоугольная. Рот передан короткой углублённой линией. На носу маленькой точкой намечена ноздря. Глаз концентрический, выпуклая зеница лежит в углублении глазницы. Короткой линией передана слезница. Сзади головы узкой рельефной полосой показана кожно-шерстная складка.

Подлинную красоту изображению придают необычные рога, состоящие из четырёх высоких, соединённых между собой отростков. Вершина каждого из отростков изящно загнута вперед, так что вся крона рогов образует полукруг. Необычна также форма уха в виде неправильно вытянутого ромба, окантованного плоскими широкими рельефными линиями. Верхняя часть уха примыкает к рогам, образуя с ними единое композиционное целое. С оборотной стороны — петля прямоугольной формы.

Аналогии: близкие, но не идентичные — в кургане 5 у с. Берестняги (V в. до н. э.), бассейн Роси, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 4; Могилов, 2008, с. 316; рис. 97: 10—16*); кургане 15 могильника в урочище Перещепино, вблизи Бельского городища, в бассейне Ворсклы, Днепровское Лесостепное Левобережье, первая половина — третья четверть V в. до н. э. (*Махортих, 2006, с. 60, 64; рис. 1: 3; с. 73; рис. 10: 1*); в Семибратних курганах на Кубани, первая половина V в. до н. э.; могильнике Кривая Лука в Нижнем Поволжье, VI—V вв. до н. э. (*Королькова, 2006, с. 173; табл. 4: 1, 2*).

31/357. Многофигурная композиция, оформленная в виде головы хищной птицы

Конец VI — V вв. до н. э.

Между селами Криннчки и Абрикосовка; окрестности водохранилища. Кировский район. На том же поле, где найден фрагмент стремявидных удил (№ 255 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Бляха равномерно покрыта тёмно-зеленой стекловидной патиной.

Длина бляхи: 4,4; максимальная высота: 3,1 см.

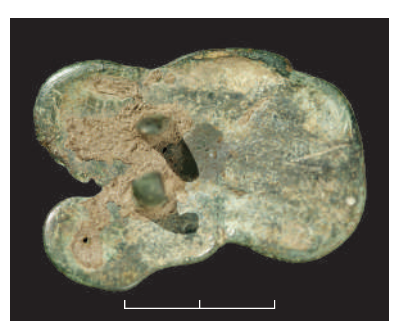
Ширина обломанной петли: 1,3 см.

Контуры бляхи формируют голову хищной птицы с сильно загнутым клювом, повёрнутую влево. Внутри контура помещены еще шесть головок: четыре головки хищных птиц, головка неопределенного животного — возможно водоплавающей птицы или морского конька и головка козла или барана. Дополнительные головки могут

быть рассмотрены отдельно, однако каждая из них органично передает определенную деталь «основного» изображения. Головки хищных птиц формируют восковицу, надклювье, подклювье и щеку «основного» изображения. В верхней части «основной» головы помещен круглый глаз, окантованный жемчужницей. От глаза отходит восковица, являющаяся, одновременно, самостоятельной головкой с концентрическим глазом и слегка загнутым клювом. Вместе с тем, если рассмотреть как единое целое глаз «основного» изображения и его восковицу, мы получим схематичное изображение головы барана, весьма распространенное в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. Надклювье и подклювье переданы двумя головками, объединёнными общим концентрическим глазом. При этом один из клювов (надклювье) лишь слегка загнут, в то время как второй (подклювье) закручен. В районе щеки размещены еще две головки. Одна, с концентрическим глазом и закрученным клювом, перевернута и противонаправлена по отношению к «основной». Ещё одна головка в основании щеки имеет необычный клюв, показанный двумя маленькими кружками. Возможно, таким образом передана не хищная, а водоплавающая птица или морской конек.

Аналогии: по количеству зооморфных превращений и их своеобразной компоновке неизвестны. Однако, в общей иконографии «основного» изображения хорошо читается распространённый мотив головы хищной птицы, щека которой является объектом зооморфной трансформации дополнительной птичьей головкой. Такие изображения зафиксированы на золотых обкладках деревянных чаш 1-й Завадской Могилы, 450—425 гг. до н. э. (*Мозолевский, 1980, с. 105, рис. 47:* 2), кургана 411

у с. Пекари Каневского района, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 20; табл. 6:* 2), на уздечных бляхах из окрестностей с. Головановка и Курское Белогорского района Крыма (№ 90/450, 91/451 Каталога). В схожей манере (но без глаза дополнительной головки) выполнены изображения на золотых обкладках деревянных чаш из кургана 2 у с. Яблоновка Каневского уезда (*Петренко, 1967, табл. 16:* 4), кургана 13 у Великой Знаменки, середина V в. до н. э. (*Манцевич, 1966, с. 29; рис. 4:* 29), на бронзовых навершиях из кургана 1 у с. Защита Кировоградской области (*Бокій, 1970, с. 183; рис. 1:* 1, 2). Как попробовал доказать один из авторов настоящей работы, стилистически, сюжетно и, скорее всего, семантически описываемое изображение проявляет сходство с одним из наверший Ульского кургана 2 (вторая половина VI в. до н. э.), где показан сюжет противостояния хищных (грифоны, птицы) и нехищных (козёл) существ (*Зимовец, 2018, с. 89*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Опубликовано: Зимовец, 2018.

32/358. В виде фантастического существа «петушка»-гиппокампа

IV в. до н. э.

Село Партизаны, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 4,6; высота: 3,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,4 см.

Изображение фантастического существа, имеющего длинное изогнутое туловище, оканчивающееся головой с гребнем. Туловище моделировано пятью рельефными линиями. Одна из линий в конце раздваивается и завершается рубчатым гребешком. Голова посажена на одном из окончаний линий. В её центре миндалевидный глаз, моделированный овальной выпуклой зеницей и рельефно окантованной глазницей. Глаз переходит в изящный «клюв», показанный кружком с отверстием и имеющий насечки. К лобно-теменной части головы примыкает длинная «шапочка», отделенная массивной рельефной полосой и имеющая хорошо выраженное поперечное сечение. К задней части шапочки, глаза и условной шеи

существа примыкает гребень, состоящий из трёх отростков лепестковой формы. Возможно, верхний отросток передает также ухо существа.

Термин «петушок» был предложен В.А. Ильинской, очевидно, в связи с более или менее понятной идентификацией сочетания глаза, клюва и гребня (*Ильинская, 1975, с. 75*). Однако позднее Б.А. Мозолевский определил его как гиппокампа — морского конька (*Мозолевський, 1979, с. 59*). К теме идентификации образа, а также его генезиса и семантики обращались С.С. Бессонова (*Бессонова, 2004, с. 27, 28*) и А.Р. Канторович (*Канторович, 1992, 2015, с. 819—823*), которые также склонны считать его гиппокампом. Учитывая вариативность данного образа и наличие в нём не вполне ясных элементов («шапочка», гребень), мы оставляем за ним «синкретическое» название «петушка-гиппокампа».

На оборотной стороне бляхи — полуовальная петля.

Аналогии: прямая — в разрушенном погребении у с. Руйно (община Дулово, Силистринская обл.) в Болгарии (*Топал. Археология.ру*). Сходные, но не идентичные нащёчники довольно широко представлены в древностях скифской культуры второй половины IV в. до н. э. В Степи Северного Причерноморья: во II Мордвиновском кургане (*Лєсков, 1974, с. 53, 54; рис. 44*); Гаймановой Могиле, 360—325 гг. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 74; рис. 84: 15, 16*); Чертомлыке — 40 экземпляров, вторая половина IV в. до н. э. (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 83; рис. 54: 7; с. 154; кат. 20*); Краснокутском кургане, 330—320 гг. до н. э. (*Мелюкова, 1981, с. 59; рис. 17: 1, 2*); Бабиной Могиле, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53: 4*), в центральной гробнице Толстой Могилы, 350—320 гг. до н. э. (*Мозолевський, 1979, рис. 39*), в кургане 2 группы II Никопольского курганного поля (*Граков, 1962, рис. 18: 1*). В Лесостепи Восточной Европы: кургане у с. Пастырское, в урочище Галущино, в бассейне Тясмина — 10 экземпляров; у с. Подолье в Левобережной Террасовой Лесостепи; кургане 4 у с. Новосёлки, в Среднем Поднестровье; кургане 1 у с. Волковцы, в бассейне Сулы — шесть экземпляров; кургане 7 Песочинского могильника, на Северском Донце (*Могилов, 2008, с. 191, 325; рис. 106: 1—20*). Все приведенные выше лесостепные комплексы не выходят за рамки IV в. до н. э. Крымские аналогии — № 33/359, 34/360 Каталога.

33/359. В виде фантастического существа «петушка»-гиппокампа

IV в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 4,3; максимальная высота: 3,3 см.

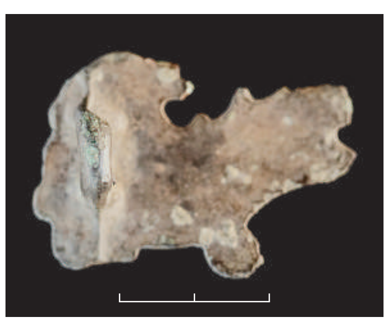
Высота петли: 0,8; ширина: 1,5 см.

Образ, сходный с предыдущим, однако имеющий отличия. Существо наделено длинным S-образным туловищем, оканчивающимся головой с гребнем. Туловище моделировано пятью S-образными линиями. С одной из сторон к нему примыкает округлый выступ (плавник?). Видимо, аналогичный выступ имелся и с другой стороны (прослеживается линия облома). С одной из сторон линии заканчиваются «головой». В её центре — миндалевидный глаз, моделированный овальной выпуклой зеницей и рельефно окантованной глазницей. У глаза расположен клюв, показанный кружком с отверстием (внешняя часть повреждена). Лобно-теменную часть головы венчает длинная «шапочка», отделённая рельефной полосой и имеющая слабо выраженное поперечное сечение. К задней части глаза и условной шее существа примыкает гребень, состоящий из пяти отростков лепестковой формы. Возможно, верхний отросток передает также ухо существа.

Термин «петушок» был предложен В.А. Ильинской, очевидно, в связи с более или менее понятной идентификацией сочетания глаза, клюва и гребня (*Ильинская, 1975, с. 75*). Однако позднее Б.А. Мозолевский определил его как гиппокампа — морского конька (*Мозолевський, 1979, с. 59*). К теме идентификации образа, а также его генезиса и семантики обращались С.С. Бессонова (*Бессонова, 2004, с. 27, 28*) и А.Р. Канторович (*Канторович, 1992, 2015, с. 819—823*), которые также склонны считать его гиппокампом. Учитывая вариативность описываемого образа и наличие в нем не вполне ясных элементов («шапочка», гребень), мы оставляем за ним «синкретическое» название «петушка-гиппокампа».

На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля для крепления.

Аналогии: прямая — в разрушенном погребении у с. Руйно (община Дулово, Силистринская обл.) в Болгарии (*Топал. Археология.ру*). Сходные, но не идентичные нащёчники довольно широко представлены в древностях скифской культуры второй половины IV в. до н. э. В Степи Северного Причерноморья: во II Мордвиновском кургане (*Лесков, 1974, с. 53, 54; рис. 44*); Гаймановой Могиле, 360—325 гг. до н. э. (*Бидзиля, Полин, 2012, с. 74; рис. 84: 15, 16*); Чертомлыке — 40 экземпляров, вторая половина IV в. до н. э. (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 83; рис. 54: 7; с. 154; кат. 20*); Краснокутском кургане, 330—320 гг. до н. э. (*Мелюкова, 1981, с. 59; рис. 17: 1, 2*); Бабиной Могиле, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53: 4*), в центральной гробнице Толстой Могилы, 350—320 гг. до н. э. (*Мозолевский, 1979, рис. 39*), в кургане 2 группы II Никопольского курганного поля (*Граков, 1962, рис. 18: 1*). В Лесостепи Восточной Европы: кургане у с. Пастырское, в урочище Галущино, в бассейне Тясмина — 10 экземпляров; у с. Подолье в Левобережной Террасовой Лесостепи; кургане 4 у с. Новосёлки, в Среднем Поднестровье; кургане 1 у с. Волковцы, в бассейне Сулы — шесть экземпляров; кургане 7 Песочинского могильника, на Северском Донце (*Могилов, 2008, с. 191, 325; рис. 106: 1—20*). Все приведенные выше лесостепные комплексы не выходят за рамки IV в. до н. э. Крымские аналогии — № 32/358, 34/360 Каталога.

Публикуется впервые.

34/360. В виде фантастического существа «петушка»-гиппокампа. Фрагмент

IV в. до н. э.

Окрестности села Долинное, подножье горного массива Бор-Кая, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента удовлетворительная.

Сохранившаяся длина: 2,6; максимальная высота: 2,6 см.

Ширина петли на оборотной стороне: 1,7; высота: 0,6 см.

Образ, сходный с предыдущими, но отличающийся в деталях. Сохранилась лишь «головная» часть туловища. В её центре — миндалевидный глаз, моделированный овальной выпуклой зеницей и рельефно окантованной глазницей. У лобно-теменной части головы — листовидная «шапочка», отделенная рельефной полосой и имеющая хорошо выраженное поперечное сечение. К задней части глаза и условной шее существа примыкает гребень, от которого сохранилось три отростка лепестковой формы (нижний обломан). От головной части отходят пять рельефных линий, с помощью которых моделировано туловище.

Аналогии: те же, что и для предыдущих.

Публикуется впервые.

3.9. МЕЛКИЕ БЛЯХИ

1/361—10/370. Серия блях в виде фигурки лося, сходных по иконографии, изготовленных в разных формах

1/361. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повёрнутой влево

V — первая половина IV вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, на подъёме со стороны села Хлебное, Белогорский район.

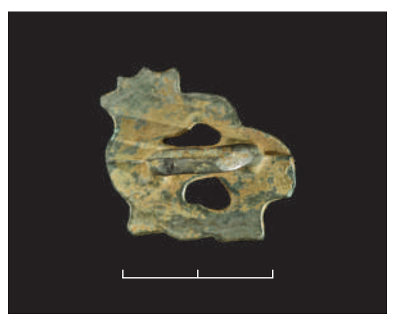
Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,6; высота от верхней части рогов: 2,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,9; ширина: 1,3 см.

Фигура лежащего лося изображена в жертвенном положении: ноги поджаты под туловище, передняя полностью лежит на задней. На обеих ногах выделяются удлинённые копыта. Туловище животного узкое, рельефными плоскостями выделено массивное бедро и лопатка. Шея массивная, изогнутая, переданная широкой плоскостью. На неё посажена большая голова, упирающаяся носом в

бедро. Она состоит из круглого глаза, носовой части, рогов и уха. Глаз концентрический, с круглой зеницей, лежащей в окантованной рельефной линией глазнице. Фактически он заменяет собой основную часть головы. Носовая часть изогнута и переломлена под тупым углом. Удлиненной впадинкой показан рот. Рога в виде полумесяца с тремя отростками окантованы рельефной линией. Задний отросток лежит на удлиненном ухе с внутренней впадиной, направленном наискось назад и вверх.

На оборотной стороне — большая полукруглая петля.

Аналогии: принадлежит к ограниченной серии бронзовых блях с изображениями лося в жертвенной позе, которые варьируют по степени детализации и стилистике исполнения. Наиболее близкая аналогия обнаружена на Тамани: некрополь поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*). Другие аналогии: фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» из кургана Г у с. Журовка (конец VI — начало V вв. до н. э.), в бассейне р. Тясмин (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21*), депаспортизированная находка из Киевской губернии (*Бобринской, 1916, рис. 13; Канторович, 2015, с. 1481, рис. 3*), небольшие фигурки лосей из кургана 484 у с. Плавинище (первая половина V в. до н. э.), в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2*), кургана 7 (V в. до н. э.) могильника Скоробор, в бассейне Ворсклы (*Шрамко, 1994, рис. 6: 22*), из культурного слоя на городище у с. Городище, в бассейне Северского Донца (*Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7*), Частого кургана 8 (конец VI — начало V вв. до н. э.), в Среднем Подонье (*Могилов, 2008, рис. 95: 10*). Встречаются они и в Степном Причерноморье: две фигурки из Ольвии, одна из которых (дно ямы 15) датируется IV — началом V вв. до н. э. (*Леви, 1954, с. 336; рис. 15: 1; Островерхов,1994; рис. 2: 9*) и одна из Никония (*Островерхов, 2005, с. 239; рис. 7: 4*); в Нижнем Подонье: курган 91 Елизаветовского могильника первой половины IV в. до н. э. (*Брашинский, 1980, фото на с. 100; Канторович, 2015, с. 1482, рис. 10*); на Кавказе: разрушенные курганы Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 4: 1*).

Ближайшая крымская аналогия рассматриваемому изделию происходит из окрестностей с. Хлебное (№ 2/362 Каталога). Другие крымские аналогии: с. Некрасово, горный массив Кубалач (2 экз.), сёла Хлебное (2 экз.), Приветное, Фонтаны, Партизаны (2 экз.), Горностаевка (№ 4/330, 3/363—10/370 Каталога).

2/362. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повёрнутой влево

V — первая половина IV вв. до н. э.

Село Хлебное, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,2; высота от верхней части рогов: 2,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,9; ширина: 1,3 см.

Аналогия предыдущего изображения, выполненная в более условной манере. Фигура лежащего лося изображена в жертвенном положении: ноги поджаты под туловище, передняя полностью лежит на

задней. На обеих ногах — удлинённые копыта. Туловище животного узкое, бедро и лопатка выделены еле заметным рельефом. Шея массивная, изогнутая, моделированная двумя сходящимися плоскостями. На нее посажена большая голова, упирающаяся носом в бедро. Она состоит из круглого глаза, носовой части, рогов и уха. Глаз концентрический, с круглой зеницей, лежащей в окантованной рельефной линией глазнице. Фактически он заменяет собой основную часть головы. Носовая часть изогнута и переломлена под тупым углом. Удлиненной впадинкой намечен рот. Рога в виде полумесяца с тремя отростками, окантованы рельефной линией. Задний отросток лежит на удлиненном ухе с внутренней впадиной, направленном наискось назад и вверх.

Аналогии: принадлежит к ограниченной серии бронзовых блях с изображениями лося в жертвенной позе, которые варьируют по степени детализации и стилистике исполнения. Наиболее близкая аналогия обнаружена на Тамани: некрополь поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*). Другие аналогии: фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» из кургана Г у с. Журовка (конец VI — начало V вв. до н. э.), в бассейне р. Тясмин (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21*), депаспортизированная находка из Киевской губернии (*Бобринской, 1916, рис. 13; Канторович, 2015, с. 1481, рис. 3*), небольшие фигурки лосей из кургана 484 у с. Плавинище (первая половина V в. до н. э.), в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2*), кургана 7 (V в. до н. э.) могильника Скоробор, в бассейне Ворсклы (*Шрамко, 1994, рис. 6: 22*), из культурного слоя на городище у с. Городище, в бассейне Северского Донца (*Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7*), Частого кургана 8

(рубеж VI — начало V вв. до н. э.), в Среднем Подонье (*Могилов, 2008, рис. 95: 10*). Встречаются они и в Степном Причерноморье: две фигурки из Ольвии, одна из которых (дно ямы 15) датируется IV — началом V вв. до н. э. (*Леви, 1954, с. 336; рис. 15: 1; Островерхов, 1994, рис. 2: 9*) и одна из Никония (*Островерхов, 2005, с. 239; рис. 7: 4*); в Нижнем Подонье: курган 91 Елизаветовского могильника первой половины IV в. до н. э. (*Брашинский, 1980, фото на с. 100; Канторович, 2015, с. 1482, рис. 10*); на Кавказе: разрушенные курганы Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 4: 1*).

Ближайшая крымская аналогия: предшествующее изображение с горного массива Кубалач, также недалеко от с. Хлебное (№ 1/361 Каталога). Другие крымские аналогии: с. Некрасово, горный массив Кубалач (3 экз.), сёла Хлебное, Приветное, Фонтаны, Партизаны (2 экз.), Горностаевка (№ 4/330, 3/363—10/370 Каталога).

3/363. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повёрнутой влево

V — первая половина IV вв. до н. э.

Село Приветное, Кировский район, на поле, напротив фермы.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,0; высота от верхней части рогов: 2,1 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,7; ширина: 1,3 см.

Изображение выполнено в низком рельефе и является крайне условным. Контуры передают основные канонические черты жертвенной позы, характеризующейся поджатыми под туловище ногами и повёрнутой назад головой, упирающейся в бедро. Передняя нога полностью лежит на задней, однако копыта не выделены. Туловище узкое, бедро подчеркнуто еле заметным рельефом, лопатка не выделена. Слегка выгнутая длинная шея передана плоскостью. Круглый глаз едва намечен, рот не выделен. Носовая часть плавно изогнута, при этом характерное для лося преломление почти утрачивается. Рога переданы низкими и невыразительными отростками. За ними слабо просматривается овальное ухо.

Аналогии: наиболее близкая аналогия обнаружена на Тамани: некрополь поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*); также близкой аналогией является лось из Частого кургана 8, в Среднем Подонье рубежа VI—V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 95: 10*). Однако по общей иконографии принадлежит к ограниченной серии бронзовых блях с изображениями лося в жертвенной позе, которые варьируют по степени детализации и стилистике исполнения. К ней относятся: фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» из кургана Г у с. Журовка (конец VI — начало V вв. до н. э.), в бассейне р. Тясмин (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21*), депаспортизированная находка из Киевской губернии (*Бобринской, 1916, рис. 13; Канторович, 2015, с. 1481; рис. 3*), небольшие фигурки лосей из кургана 484 у с. Плавинище (первая половина V в. до н. э.), в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2*), из кургана 7 (V в. до н. э.) могильника Скоробор, в бассейне Ворсклы (*Шрамко, 1994, рис. 6: 22*), из культурного слоя на городище у с. Городище, в бассейне Северского Донца (*Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7*). Встречаются они и в Степном Причерноморье: две фигурки из Ольвии, одна из которых (дно ямы 15) датируется IV — началом V вв. до н. э. (*Леви, 1954, с. 336; рис. 15: 1; Островерхов, 1994, рис. 2: 9*) и одна из Никония (*Островерхов, 2005, с. 239; рис. 7: 4*); в Нижнем Подонье: курган 91 Елизаветовского могильника первой половины IV в. до н. э. (*Брашинский, 1980, фото на с. 100; Канторович, 2015, с. 1482; рис. 10*), на Кавказе: разрушенные курганы Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 4: 1*).

Другие крымские аналогии: с. Некрасово, горный массив Кубалач (3 экз.), сёла Хлебное (2 экз.), Фонтаны, Партизаны (2 экз.), Горностаевка (№ 4/330, 1/361, 2/362, 4/364—10/370 Каталога).

4/364. В виде фигурки лося с поджатыми ногами и головой, повёрнутой влево

V — первая половина IV вв. до н. э.

Окрестности села Фонтаны, Ленинский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая, но, скорее всего, фигурка имеет ряд производственных дефектов (не полностью пролитая носовая часть и рога).

Длина: 2,2; высота от верхней части рогов: 1,9 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,7 см.

Аналог предыдущего изображения, отличающийся деталями, связаными, скорее всего, с производственным браком. Фигура лежащего копытного изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, непропорционально большая голова повернута назад, и упирается в спину животного. Передняя нога лежит на задней. Копыта не выделены. Туловище вытянутое, тонкое. Лопатка и бедро показаны невыразительно. Шея короткая, массивная, моделированная

двумя сходящимися плоскостями, загнутая по направлению к повёрнутой голове. Последняя имеет традиционную вытянутую форму. Основную часть головы почти полностью занимает круглый глаз в виде вдавленного кружка. Носовая часть показана одной рельефной линией, упирающейся в спину. Она заканчивается двумя выпуклыми точками, видимо передающими верхнюю и нижнюю губы. Судя по аналогиям и особенностям рассматриваемого изделия, здесь имеет место производственный брак: нос должен был быть толще и состоять из двух рельефных линий, передающих верхнюю и нижнюю губы. Видимо, верхняя линия не была пролита. Такого же рода производственный брак имел место, скорее всего, и при передаче рогов: вместо них мы наблюдаем лишь два коротких широких отростка. В верхней задней части головы — треугольное ухо со впадинкой ушной раковины.

Судя по иконографическим аналогам, особенностям исполнения и размерам, это изображение лося в очень утрированном виде, характерном для позднего этапа классической скифской культуры Крыма и Прикубанья.

Аналогии: ближайшие — с. Приветное (№ 3/363 Каталога), некрополь поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*).

Другие крымские аналогии: с. Некрасово, горный массив Кубалач (3 экз.), сёла Хлебное (2 экз.), Партизаны (2 экз.), Горностаевка (№ 4/330, 1/361, 2/362, 5/365—10/370 Каталога).

Публикуется впервые.

5/365. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повёрнутой влево

Конец VI — первая половина IV вв. до н. э.

Село Партизаны, Кировский район, в окрестностях озера.

В этом же районе был найден бронзовый скипетр со стилизованым клювом хищной птицы (№ 1/529 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,3; высота от верхней части рогов: 2,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,3 см.

Фигура лежащего лося изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, непропорционально большая голова повернута назад и соприкасается со спиной животного. Передняя нога лежит на задней, копыта отделены от основных частей ног маленькими углублениями. Туловище очень короткое, зажатое между выразительно выделенным рельефным бедром и лопаткой. Характерная особенность данного изображения — очень короткая шея, которая едва отделяет округлую лопатку от головы. Голова также выполнена весьма оригинально. В отличие от предыдущих экземпляров, отсутствует каноническое изображение круглого окантованного глаза. Он показан линзовидным удлинённым углублением, которое придаёт глазу хищные черты. Нос животного массивный и длинный,

немного расширяется к окончанию. Отчетливо показано его преломление под прямым углом. Впадинкой выделена ноздря. Рога животного невыразительны, в виде трёх коротких окантованных отростков, к которым примыкает выполненное в аналогичной манере ухо. В целом, в отличие от других фигурок лосей, изображение очень компактно. Пространство между туловищем и ногами, с одной стороны, и туловищем и головой с другой, почти отсутствует. С оборотной стороны бляхи — петля полукруглой формы.

Аналогии: полные аналогии отсутствуют. Однако по общей иконографии принадлежит к ограниченной серии бронзовых блях с изображениями лося в жертвенной позе, которые варьируют по степени детализации и стилистике исполнения. К ней относятся: фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» из кургана Г у с. Журовка (конец VI — начало V вв. до н. э.), в бассейне р. Тясмин (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21*), депаспортизированная находка из Киевской губернии (*Бобринской, 1916, рис. 13; Канторович, 2015, с. 1481; рис. 3*), небольшие фигурки лосей из кургана 484 у с. Плавинище (первая половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2*), из кургана 7 (V в. до н. э.) могильника Скоробор, в бассейне Ворсклы (*Шрамко, 1994, рис. 6: 22*), из культурного слоя на городище у с. Городище, в бассейне Северского Донца (*Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7*), Частого кургана 8 (рубеж VI—V вв. до н. э.), в Среднем Подонье (*Могилов, 2008, рис. 95: 10*). Встречаются они и в Степном Причерноморье: две фигурки из Ольвии, одна из которых (дно ямы 15) датируется IV — началом V вв. до н. э. (*Леви, 1954, с. 336; рис. 15: 1; Островерхов, 1994, рис. 2: 9*) и одна из Никония (*Островерхов,*

2005, с. 239; рис. 7: 4); на Тамани: некрополь поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*); в Нижнем Подонье: курган 91 Елизаветовского могильника первой половины IV в. до н. э. (*Брашинский, 1980, фото на с. 100; Канторович, 2015, с. 1482; рис. 10*), на Кавказе: разрушенные курганы Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 4: 1*).

Крымские аналогии: с. Некрасово, горный массив Кубалач (3 экз.), сёла Хлебное (2 экз.), Приветное, Фонтаны, Партизаны, Горностаевка (№ 4/330, 1/361—4/364, 6/366—10/370 Каталога).

6/366. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повёрнутой влево

Конец VI — V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, верх Змеиной Балки, немного ниже Антен, недалеко от родника Джю-джюрка, Белогорский район.

В этом районе также найден акинак (№ 17 Каталога).

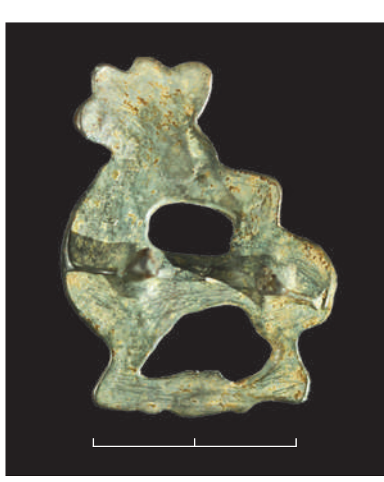
Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,6; высота от верхней части рогов: 3,5 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,6 см.

Фигура лежащего лося изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, большая голова повернута назад и упирается носом в бедро животного. Передняя нога лежит на задней, соприкасаясь с ней не по всей длине, а лишь копытами. Последние хорошо выделены за счет выпуклости, передающей рудиментарный палец, и имеют заострённую форму. Туловище узкое, поджарое. Рельефом хорошо показано массивное бедро и круглая лопатка. Толстая длинная шея передана полукруглой плоскостью с рельефным внутренним краем. На шею посажена большая голова с узкой, но характерной, переломленной почти под прямым углом мордой. Удлиненной впадиной показан приоткрытый рот. Глаз большой, концентрический: выпуклая зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы. Он выступает за верхний контур головы. Благодаря узкой морде с приоткрытым ртом и большому глазу голова лося по своей иконографии сближается с головой хищной птицы. Рога вырастают прямо из верхней части глаза. Состоят из трёх или четырёх совмещенных отростков удлинённой каплевидной формы с рельефной окантовкой. Они имеют разную длину. Задний отросток может передавать также и ухо. Благодаря наличию пространства между туловищем и ногами, с одной стороны, и туловищем и головой, с другой, а также изогнутой шее и необычной форме рогов, изображение смотрится изящно и ажурно, выделяясь своими художественными характеристиками по отношению к ранее описанным экземплярам. Оно также значительно крупнее предшествующих экземпляров.

Аналогии: полные аналогии отсутствуют. Однако по общей иконографии принадлежит к ограниченной серии бронзовых блях с изображениями лося в жертвенной позе, которые варьируют по степени детализации и стилистике исполнения. К ней относятся: фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» из кургана Г у с. Журовка (конец VI — начало V вв. до н. э.), в бассейне р. Тясмин (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21*), депаспортизированная находка из Киевской губернии (*Бобринской, 1916, рис. 13; Канторович, 2015, с. 1481, рис. 3*), небольшие фигурки лосей из кургана 484 у с. Плавинище (первая половина V в. до н. э.), в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2*), из кургана 7 (V в. до н. э.) могильника Скоробор, в бассейне Ворсклы (*Шрамко, 1994, рис. 6: 22*), из культурного слоя на городище у с. Городище, в бассейне Северского Донца (*Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7*), Частого кургана 8 (рубеж VI—V вв. до н. э.), в Среднем Подонье (*Могилов, 2008, рис. 95: 10*). Встречаются они и в Степном Причерноморье: две фигурки из Ольвии, одна из которых (дно ямы 15) датируется IV — началом V вв. до н. э. (*Леви, 1954, с. 336; рис. 15: 1; Островерхов, 1994, рис. 2: 9*) и одна из Никония (*Островерхов, 2005, с. 239; рис. 7: 4*); на Тамани: некрополь поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*); в Нижнем Подонье: курган 91 Елизаветовского могильника первой половины IV в. до н. э. (*Брашинский, 1980, фото на с. 100; Канторович, 2015, с. 1482; рис. 10*), на Кавказе: разрушенные курганы Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 4: 1*).

Другие крымские аналогии: с. Некрасово, горный массив Кубалач (2 экз.), сёла Хлебное (2 экз.), Приветное, Фонтаны, Партизаны (2 экз.), Горностаевка (№ 4/330, 1/361—5/365, 7/367—10/370 Каталога).

7/367. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повёрнутой вправо

Конец VI — V вв. до н. э.

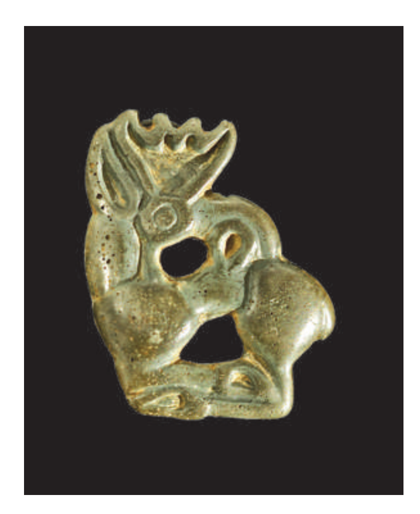
Горный массив Кубалач, в сторону села Пролом Белогорского района, в средней части косогора, на северном склоне.

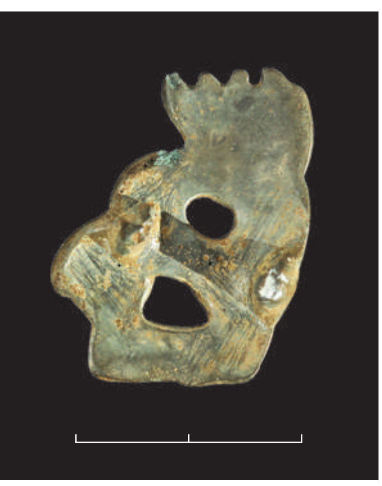
Бронза, литьё. Сохранность хорошая. На поверхности заметны небольшие каверны — результаты дефектов отливки изделия.

Длина: 2,2; высота от верхней части рогов: 2,9 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,6 см.

Фигура лежащего лося изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, большая голова повернута назад и упирается носом в бедро животного. Передняя нога лежит на задней, соприкасаясь с ней по всей длине. Хорошо выделены подтреугольные копыта в рельефной окантовке. Короткое туловище зажато между массивным бедром и лопаткой. Последние переданы выпуклыми плоскостями, при этом верхняя часть бедра окантована рельефной линией, переходящей в короткий хвостик. От лопатки поднимается короткая, очень широкая шея, моделированная полукруглой плоскостью и примыкающей к ней рельефной линией. На шею посажена большая голова, состоящая из глаза, упирающейся в бедро носовой части, рогов и уха. Глаз концентрический: выпуклая зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы. Он заменяет собой центральную часть головы. Оригинальна носовая часть животного, показанная не резким преломлением, а по-

лукруглой плоскостью, идущей от глаза к спине. Внутри плоскости рельефной петлевидной окантовкой изображён рот. Необычны рога животного в форме треугольника, развёрнутого своим основанием вверх. Нижний угол треугольника упирается в глаз (рога «вырастают» из глаза). Верхняя часть рогов — четыре отростка одинаковой длины. Крайние отростки немного загнуты вовнутрь. Два центральных симметрично вытянуты вверх, их общий контур образует букву «М». Рога окантованы рельефной линией, которая подчеркивает их форму и придает геральдический характер. С тыльной стороны к рогам примыкает вытянутое лепестковой формы ухо, окантованное рельефной линией и составляющее с ними композиционное целое. Изображение выделяется высокими художественными характеристиками.

Аналогии: по форме рогов почти полная аналогия — депаспортизированная находка из Киевской губернии (*Бобринской, 1916, рис. 13; Канторович, 2015, с. 1481; рис. 3*). По общей иконографии также принадлежит к ограниченной серии бронзовых блях с изображениями лося в жертвенной позе, которые варьируют по степени детализации и стилистике исполнения. К ней относятся: фигурка лося на «постаменте» из кургана Г у с. Журовка (конец VI — V вв. до н. э.), в бассейне р. Тясмин (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21*), небольшие фигурки лосей из кургана 484 у с. Плавинище (первая половина V в. до н. э.), в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2*), кургана 7 (V в. до н. э.) могильника Скоробор, в бассейне Ворсклы (*Шрамко, 1994, рис. 6: 22*), из культурного слоя на городище у с. Городище, в бассейне Северского Донца (*Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7*), Частого кургана 8 (рубеж VI—V вв. до н. э.), в Среднем Подонье (*Могилов, 2008, рис. 95: 10*). Встречаются они и в Степном Причерноморье: две фигурки из Ольвии, одна из которых (дно ямы 15) датируется IV — началом V вв. до н. э. (*Леви, 1954, с. 336; рис. 15: 1; Островерхов, 1994, рис. 2: 9*) и одна из Никония (*Островерхов, 2005, с. 239; рис. 7: 4*); на Тамани: некрополь поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*); в Нижнем Подонье: курган 91 Елизаветовского могильника первой половины IV в. до н. э. (*Брашинский, 1980, фото на с. 100; Канторович, 2015, с. 1482; рис. 10*), на Кавказе: разрушенные курганы Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 4: 1*).

Другие крымские аналогии: с. Некрасово, горный массив Кубалач (2 экз.), сёла Хлебное (2 экз.), Приветное, Фонтаны, Партизаны (2 экз.), Горностаевка (№ 4/330, 1/361—6/366, 8/368—10/370 Каталога).

8/368. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повёрнутой вправо

Конец VI — V вв. до н. э.

Район села Партизаны, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Длина: 2,2; высота от верхней части рогов: 2,5 см.

Высота петли на оборотной стороне — 0,7; ширина — 1,3 см.

Фигура лежащего лося изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, большая голова повернута назад и упирается носом в бедро животного. Передняя нога лежит на задней, соприкасаясь с ней по всей длине. Хорошо выделены копыта в рельефной окантовке. Туловище узкое. Бедро и лопатка даны выпуклыми плоскостями. Шея короткая и относительно узкая, показана плоскостью. На нее посажена большая голова, состоящая из глаза, носовой части, рогов и уха. Глаз концентрический: выпуклая зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы. Он заменяет собой центральную часть головы. От глаза отходит носовая часть, расширяющаяся к окончанию. Она представлена полукруглой плоскостью, внутри которой рельефным кружком изображён рот. Лепестковой формы ухо торчит вверх и немного назад. К нему примыкает корона рогов, от которой сохранился лишь один, задний отросток. Видимо, первоначально рога имели три или четыре отростка, повторяя форму рогов предшествующего экземпляра. В целом, изображение выполнено очень условно и несколько небрежно. В нем утрачена строгость линий и гармоничность пропорций, характерная особенно для двух предыдущих изображений. На оборотной

стороне — обломанная полукруглая петля.

Аналогии: по общим пропорциям, форме шеи и головы наиболее близки лоси из кургана 484 у с. Плавинище (первая половина V в. до н. э.), в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2*), из культурного слоя на городище у с. Городище, в бассейне Северского Донца (*Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7*), фигурки из Ольвии (*Островерхов, 1994, рис. 2: 9*) и Никония (*Островерхов, 2005, с. 239; рис. 7: 4*). Более отдаленные аналогии: фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» из кургана Г у с. Журовка (конец VI — V вв. до н. э.), в бассейне р. Тясмин (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21*); депаспортизированная находка из Киевской губернии (*Бобринской, 1916, рис. 13; Канторович, 2015, с. 1481; рис. 3*); из кургана 7 (V в. до н. э.) могильника Скоробор, в бассейне Ворсклы (*Шрамко, 1994, рис. 6: 22*); Частого кургана 8 (рубеж VI—V вв. до н. э.), в Среднем Подонье (*Могилов, 2008, рис. 95: 10*); из Ольвии (дно ямы 15), IV — начало V вв. до н. э. (*Леви, 1954, с. 336; рис. 15: 1*); некрополя поселения Артющенко 2 на Тамани, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*); кургана 91 Елизаветовского могильника первой половины IV в. до н. э., в Нижнем Подонье (*Брашинский, 1980, фото на с. 100; Канторович, 2015, с. 1482; рис. 10*); из разрушенных курганов Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 4: 1*).

Другие крымские аналогии: с. Некрасово, горный массив Кубалач (3 экз.), сёла Хлебное (2 экз.), Приветное, Фонтаны, Партизаны, Горностаевка (№ 4/330, 1/361—7/367, 9/369, 10/370 Каталога).

9/369. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повёрнутой влево

Конец VI — первая половина IV вв. до н. э.

На возвышенности внешней гряды Крымских гор между сёлами Хлебное и Пролом, Белогорского района.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 3,4; высота от верхней части рогов: 3,8 см.

Высота петли на оборотной стороне — 0,8; ширина — 2,1 см.

Фигура лося изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, непропорционально большая голова повернута назад и упирается в спину животного. Однако рассматриваемая фигурка отличается от всех остальных изображений лося композицией ног. В данном случае отсутствует традиционное положение: верхняя нога на нижней, передняя и задняя ноги лежат параллельно, соприкасаясь нижними частями копыт. Последние выделены весьма слабо. Отчетливо просматривается лишь косая вдавленная полоса, обозначающая линию соприкосноваения копыт. На копыте передней ноги хорошо выделен рудиментарный копытный палец. Колено передней ноги, согнутое под острым углом, резко выступает вперед, за контуры фигуры, что также является особенностью данного изображения. Туловище относительно широкое, с ровной спиной. Бедро и лопатка показаны двумя овальными выпуклыми плоскостями. Шея массивная, изогнутая полукру-

гом. Моделирована плоскостью с рельефной окантовкой со стороны повёрнутой головы. Шея переходит в голову, состоящую из глаза, носа, уха и рогов. Глаз концентрический, круглая зеница лежит в углублении глазницы. От глаза отходит относительно короткая носовая часть, преломляющаяся под тупым углом и соприкасающаяся с бедром. Сзади глаза — длинное листовидное ухо, окантованное рельефной линией. На глазу и ухе лежит массивная разлогая корона рогов, состоящая из четырёх отростков. От очень короткого, едва заметного основания рогов в противоположные стороны отходят рельефные линии, оканчивающиеся передним и задним отростками, загнутыми по отношению друг к другу. При этом задний отросток лежит на листовидном ухе, а передний выступает далеко вперед за контуры головы. Между ними — еще два отростка в форме буквы «М».

Аналогии: полные аналогии отсутствуют. Однако по общей иконографии принадлежит к ограниченной серии бронзовых блях с изображениями лося в жертвенной позе, которые варьируют по степени детализации и стилистике исполнения. К ней относятся: фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» из кургана Г у с. Журовка (конец VI — начало V вв. до н. э.), в бассейне р. Тясмин (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21*), депаспортизированная находка из Киевской губернии (*Бобринской, 1916, рис. 13; Канторович, 2015, с. 1481; рис. 3*), небольшие фигурки лосей из кургана 484 у с. Плавинище (первая половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2*), из кургана 7 (V в. до н. э.) могильника Скоробор, в бассейне Ворсклы (*Шрамко, 1994, рис. 6: 22*), из культурного слоя на городище у с. Городище, в бассейне Северского Донца (*Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7*), Частого кургана 8 (рубеж VI—V вв. до н. э.), в Среднем Подонье (*Могилов, 2008, рис. 95: 10*). Встречаются они и в Степном Причерноморье: две фигурки из Ольвии, одна из которых (дно ямы 15) датируется IV — началом V вв. до н. э. (*Леви, 1954, с. 336; рис. 15: 1; Островерхов, 1994, рис. 2: 9*) и одна из Никония (*Островерхов, 2005, с. 239; рис. 7: 4*); на Тамани: некрополь поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*); в Нижнем Подонье: курган 91 Елизаветовского могильника первой половины IV в. до н. э. (*Брашинский, 1980, фото на с. 100; Канторович, 2015, с. 1482; рис. 10*), на Кавказе: разрушенные курганы Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 4: 1*).

Другие крымские аналогии: с. Некрасово, горный массив Кубалач (3 экз.), сёл Хлебное, Приветное, Фонтаны, Партизаны (2 экз.), Горностаевка (№ 4/330, 1/361—8/368, 10/370 Каталога).

Публикуется впервые.

10/370. В виде фигурки лося, с поджатыми ногами и головой, повёрнутой вправо

V — первая половина IV вв. до н. э.

Село Горностаевка, Ленинский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,4; высота от верхней части рогов: 2,7 см.

Высота петли на оборотной стороне — 1,0; ширина — 1,9 см.

Фигура лежащего лося изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, непропорционально большая голова повернута назад и соприкасается со спиной животного. Передняя нога лежит на задней. Хорошо выделены копыта. Туловище вытянутое, очень тонкое, неестественно геометризированное. Лопатка не выделена, бедро показано невыразительно. Шея короткая, слегка загнутая

по направлению к повёрнутой голове. Последняя имеет весьма необычную форму. Ее основная часть почти полностью занята круглым глазом (зеница лежит в углублении глазницы). Нос же представлен рельефной линией, закручивающейся в почти полный круг с углублением посередине. Благодаря этому приёму он больше напоминает клюв хищной птицы, хотя характерное для лося преломление морды все же просматривается. Также весьма необычно исполнение рогов животного. Это три отростка, вырастающих из общего основания. Один из них — центральный — имеет форму вытянутого вверх равнобедренного треугольника. Два других — передний и задний, вырастая из основания центрального отростка, симметрично отходят в противоположные стороны, закручиваясь по направлению к нему. Получается своеобразная корона с центральной частью и двумя симметричными волютами по бокам. Задний отросток лежит на ухе подовальной формы, с углублением ушной раковины.

Аналогии: полные аналогии отсутствуют. Однако по общей иконографии принадлежит к ограниченной серии бронзовых блях с изображениями лося в жертвенной позе, которые варьируют по степени детализации и стилистике исполнения. К ней относятся: фигурка лося в жертвенной позе на «постаменте» из кургана Г у с. Журовка (конец VI — начало V вв. до н. э.), в бассейне р. Тясмин (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 21*), депаспортизированная находка из Киевской губернии (*Бобринской, 1916, рис. 13; Канторович, 2015, с. 1481; рис. 3*), небольшие фигурки лосей из кургана 484 у с. Плавинище (первая половина V в. до н. э.) в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. XLIX: 2*), из кургана 7 (V в. до н. э.) могильника Скоробор, в бассейне Ворсклы (*Шрамко, 1994, рис. 6: 22*), из культурного слоя на городище у с. Городище, в бассейне Северского Донца (*Гречко, 2010, с. 82, 216; рис. 69: 7*), Частого кургана 8 (рубеж VI—V вв. до н. э.), в Среднем Подонье (*Могилов, 2008, рис. 95: 10*). Встречаются они и в Степном Причерноморье: две фигурки из Ольвии, одна из которых (дно ямы 15) датируется IV — началом V вв. до н. э. (*Леви, 1954, с. 336; рис. 15: 1; Островерхов, 1994, рис. 2: 9*) и одна из Никония (*Островерхов, 2005, с. 239; рис. 7: 4*); на Тамани: некрополь поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*); в Нижнем Подонье: курган 91 Елизаветовского могильника первой половины IV в. до н. э. (*Брашинский, 1980, фото на с. 100; Канторович, 2015, с. 1482; рис. 10*), на Кавказе: разрушенные курганы Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 4: 1*).

Другие крымские аналогии: с. Некрасово, горный массив Кубалач (3 экз.), сёла Хлебное (2 экз.), Приветное, Фонтаны, Партизаны (2 экз.) (№ 4/330, 1/361—9/369 Каталога).

Публикуется впервые.

11/371. В виде фигурки копытного с поджатыми ногами и головой, повернутой влево

Конец VI — первая половина IV вв. до н. э.

Между сёлами Пчельники и Заветное, Советский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Петля на оборотной стороне повреждена.

Длина: 1,9; высота от верхней части рогов: 2,4 см.

Высота петли на оборотной стороне — 1,0; ширина — 1,7 см. Петля разорвана.

Фигура лежащего копытного изображена в традиционном жертвенном положении — ноги поджаты под туловище, непропорционально большая голова повернута назад и упирается в спину животного. Копыто передней ноги лежит на копыте задней. Туловище короткое, с хорошо выделенными лопаткой и бедром. Средней длины шея загнута по направлению к повёрнутой голове. Последняя имеет вытянутую форму. Её основная часть почти полностью занята круглым, плохо выраженным глазом. Носовая часть вытянута, и слегка заужена к окончанию. В ней хорошо читаются верхняя и нижняя губы, показанные рельефными линиями, между которыми — удлиненная впадина рта. Оригинальность изображению придают необычной формы рога. Они показаны двумя отдельными вертикально стоящими отростками неправильной формы. Передний отходит от места излома головы, второй, более короткий — от основания треугольного уха. Скорее всего, здесь представлена молодая особь копытного с небольшими молодыми рожками. Особенности изображения головы не позволяют однозначно идентифицировать данное изображение как конкретное копытное. Вероятно, здесь представлен молодой олень или лось.

Аналогии: полные аналогии отсутствуют, в первую очередь из-за формы рогов. Однако по общей иконографии можно сравнить с рядом бронзовых блях, изображающих лося в жертвенной позе, происходящих, в основном, с территории Крыма и Тамани: с горного массива Кубалач, сёл Хлебное и Приветное (№ 1/361—3/363 Каталога), некрополя поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*).

Публикуется впервые.

12/372—16/376. Серия блях в виде лаконичной безрогой головки лося

Конец VI — V вв. до н. э.

12/372. В виде головы лося, повёрнутой влево

Район Керчи, Восточный Крым.

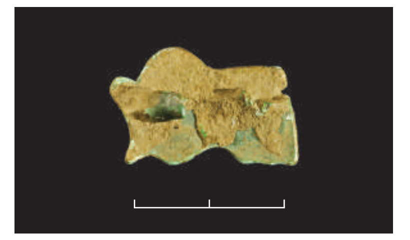
Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная.

Длина: 2,5; высота от верхней части глаза: 1,6 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,9 см.

Лаконичное изображение лосиной головы без рогов. Чётко выражены основные канонические для скифского звериного стиля черты изображения: переламывающаяся под прямым углом морда, акцентированная и подчеркнутая Г-образным кантом (в нашем изображении нарушенным в районе изгиба), отвислая, сильно развитая верхняя губа. Гипертрофированный глаз — концентрический: плоская зеница лежит в рельефной окантовке глазницы. Он наполовину выступает над верхним контуром головы. Рот приоткрыт, окантован рельефной линией в форме подковы, с акцентированным кружком посередине. Дуговидный кант, примыкающий сзади к голове, передает, скорее всего, шерстную складку, хотя, не исключено, и ухо.

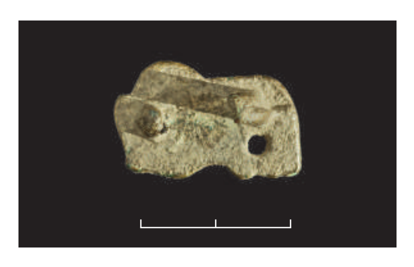
Аналогии: данное изображение тиражировано в относительно небольшой и очень однородной по иконографии и стилистике серии, почти половина экземпляров которой происходит из Крыма: Пантикапея, первая четверть V в. до н. э. (*Толстиков, Белик, 2013, с. 27; табл. 27а*), с. Яркое Поле, Холодовка, горного массива Кубалач, окрестностей сёл Добролюбовка и Пруды Белогорского р-на (№ 13/373—16/376 Каталога).

Помимо полуострова, имеются аналогии в Днепровском Лесостепном Левобережье: курганы 12 у с. Аксютинцы — Стайкин Верх (рубеж VI—V вв. до н. э.), № 499 у с. Басовка (первая половина V в. до н. э.), в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. X: 7; XXVIII: 11*), курган 10 (погребение 1) Перещепинского могильника, три экземпляра, бассейн Ворсклы, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Махортых, 2006; рис. 10: 4—6*). Подобные изделия известны также на Среднем и Нижнем Подонье: курган 10/10 группы Частые курганы, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Либеров, 1965, табл. 24: 2; Пузикова, 2001, с. 28; рис. 5: 2*), станица Елизаветовская (более отдаленная и поздняя аналогия) (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 1*).

13/373. В виде головы лося, повёрнутой влево

Село Яркое Поле, Кировский район. Находка сделана недалеко от поселка, ближе к озеру Сиваш, на распаханном поле. Рядом также — бляшка под № 73/433 Каталога. По описаниям находчиков, в непосредственной близости от данного предмета были также найдены несколько маленьких медных «монет со звездочками», очевидно, феодосийских тетрахалков V в. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Длина: 2,5; высота от верхней части глаза: 1,6 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,3 см.

По иконографии и стилистике — полный аналог предшествующей лосиной головы, под № 12/372. Это лаконичное и предельно геометризированное изображение безрогой лосиной головки. Чётко выражены основные канонические черты изображения лося: переламывающаяся под прямым углом морда, акцентированная и подчеркнутая Г-образным кантом (нарушен в районе изгиба), отвислая, сильно развитая верхняя губа. Гипертрофированный глаз — концентрический: плоская зеница лежит в рельефной окантовке глазницы. Он наполовину выступает над верхним контуром головы. Рот приоткрыт, окантован рельефной линией в форме подковы, с акцентированным кружком посередине. Дуговидный кант, примыкающий сзади к голове, передает, скорее всего, шерстную складку, хотя, не исключено, и ухо.

Аналогии: данное изображение, как и предыдущее, тиражировано в относительно небольшой и однородной по стилистике и иконографии серии, почти половина экзем-

пляров которой происходит из Крыма: Пантикапея, первая четверть V в. до н. э. (*Толстиков, Белик, 2013, с. 27; табл. 27а*), района Керчи, с. Холодовка, горного массива Кубалач, окрестностей с. Добролюбовка и Пруды Белогорского р-на (№ 12/372, 14/374—16/376 Каталога).

Помимо полуострова, имеются аналогии в Днепровском Лесостепном Левобережье: курганы 12 у с. Аксютинцы — Стайкин Верх (рубеж VI—V вв. до н. э.), № 499 у с. Басовка (первая половина V в. до н. э.), в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. X: 7; XXVIII: 11*), курган 10 (погребение 1) Перещепинского могильника, три экземпляра, бассейн Ворсклы, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Махортых, 2006; рис. 10: 4—6*). Подобные изделия известны также на Среднем и Нижнем Подонье: курган 10/10 группы Частые курганы, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Либеров, 1965, табл. 24: 2; Пузикова, 2001, с. 28; рис. 5: 2*), станица Елизаветовская (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 1*).

14/374. В виде головы лося, повёрнутой влево

Близ села Холодовка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. На оборотной стороне — остатки обломанной петли.

Длина бляхи: 2,3; высота: 1,5 см.

Ширина обломанной петли: 1,8 см.

Лаконичное изображение безрогой лосиной головки, имеющее угловатую геометрическую форму. Переламывающаяся под прямым углом морда акцентирована Г-образным кантом. Овальный рот приоткрыт и обрамлен подковообразным кантом, передающим губы животного. Гиперболизированный круглый глаз под-

черкнут рельефной окантовкой и наполовину выступает над верхним контуром головы. В основании головы — вертикальный дуговидный кант, передающий шерстную складку или ухо.

Аналогии: данное изображение тиражировано в относительно небольшой и стилистически однородной серии, почти половина экземпляров которой происходит из Крыма: Пантикапея, первая четверть V в. до н. э. (*Толстиков, Белик, 2013, с. 27; табл. 27а*), района Керчи, с. Яркое Поле, горного массива Кубалач, окрестностей сёл Добролюбовка и Пруды Белогорского р-на (№ 12/372, 13/373, 15/375, 16/376 Каталога.).

Помимо полуострова, имеются аналогии в Днепровском Лесостепном Левобережье: курганы 12 у с. Аксютинцы — Стайкин Верх (рубеж VI—V вв. до н. э.), № 499 у с. Басовка (первая половина V в. до н. э.), в бассейне р. Сула (*Ильинская, 1968, табл. X: 7; XXVIII: 11*), курган 10 (погребение 1) Перещепинского могильника, три экземпляра, бассейн Ворсклы, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Махортых, 2006; рис. 10: 4—6*). Подобные изделия известны также на Среднем и Нижнем Подонье: курган 10/10 группы Частые курганы, вторая—четвертая четверть V в. до н. э. (*Либеров, 1965, табл. 24: 2; Пузикова, 2001, с. 28; рис. 5: 2*), станица Елизаветовская (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 1*).

Публикуется впервые.

15/375. В виде головы лося, повёрнутой вправо

Горный массив Кубалач (*Белогорский район*). *Ближе к Пролому.*

Бронза, литьё, сохранность хорошая. Крепёжная петля отломана.

Длина бляхи: 2,5; высота: 1,5 см.

Ширина обломанной петли: 1,7 см.

Аналог ранее описанных экземпляров, отличающийся разворотом головы. Лаконичное изображение безрогой лосиной головки, имеющее угловатую геометрическую форму. Переламывающаяся под прямым углом морда акцентирована Г-образным кантом. Овальный рот приоткрыт и обрамлен подковообразной рельефной линией, передающей губы животного. Гиперболизированный круглый глаз подчеркнут рельефной окантовкой и наполовину выступает над верхним контуром головы. В основании головы — вертикальный дуговидный кант, передающий, видимо, шерстную складку, возможно — ухо.

Аналогии: данное изображение тиражировано в относи-

тельно небольшой и стилистически однородной серии, почти половина экземпляров которой происходит из Крыма: Пантикапея, первая четверть V в. до н. э. (*Толстиков, Белик, 2013, с. 27; табл. 27а*), Керчи, сёл Яркое Поле, Холодовка, окрестностей сёл Добролюбовка и Пруды Белогорского р-на (№ 12/372—14/374, 16/376 Каталога).

Помимо полуострова, аналогичные изображения происходят из Лесостепного Левобережья: кургана 12 Аксютинцы — Стайкин Верх (рубеж VI—V вв. до н. э.), кургана 499 у с. Басовка (первая половина V в. до н. э., в бассейне Сулы (*Ильинская, 1968, табл. X: 7; XXVIII: 11*), погребения 1 кургана 10 Перещепинского могильника, три экземпляра, бассейн Ворсклы, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Махортых, 2006; рис. 10: 4—6*). Подобные изделия известны также на Среднем и Нижнем Подонье: курган 10/10 группы Частые курганы, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Либеров, 1965, табл. 24: 2; Пузикова, 2001, с. 28; рис. 5: 2*), станица Елизаветовская (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 1*).

Публикуется впервые.

16/376. В виде головы лося, повёрнутой влево

Район сёл Добролюбовка и Пруды, Белогорский район.

Бронза, литьё, сохранность хорошая. Цельность крепёжной петли нарушена.

Длина бляхи: 3,8; максимальная высота: 2,5 см.

Ширина обломанной петли: 1,7 см.

Аналог ранее описанных экземпляров, отличающийся существенно бóльшими размерами и отдельными деталями. Горбатый нос плоский и не акцентирован Г-образным кантом. Овальный рот приоткрыт и обрамлен подковообразной рельефной линией, передающей губы животного. Гипер-

болизированный круглый глаз подчеркнут рельефной окантовкой. В основании головы — вертикальный дуговидный кант, передающий, видимо, кожно-шерстную складку.

Аналогии: данное изображение тиражировано в относительно небольшой и стилистически однородной серии, почти половина экземпляров которой происходит из Крыма: Пантикапея (*Толстиков, Белик, 2013, с. 27, табл. 27а*), Керчи, с. Яркое Поле Кировского р-на, с. Холодовка Судакского р-на, горного массива Кубалач (№ 12/372—15/375 Каталога).

Помимо полуострова, аналогичные изображения происходят из Лесостепного Левобережья: кургана 12 Аксютинцы — Стайкин Верх (*Ильинская, 1968, табл. X: 7*), кургана 499 у с. Басовка (*Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 11*), погребения 1 кургана 10 Перещепинского могильника (*Махортых, 2006, рис. 10: 4—6*). А также из Среднего и Нижнего Подонья: кургана 10/10 группы Частые курганы (*Либеров, 1965, табл. 24: 2*), станицы Елизаветовской (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 1*).

Публикуется впервые.

17/377—19/379. Серия блях в виде головы молодого лося (?)

V в. до н. э.

17/377. В виде головы молодого лося (?), повёрнутой влево

Горный массив Кубалач, гора Верблюд, Белогорский район.

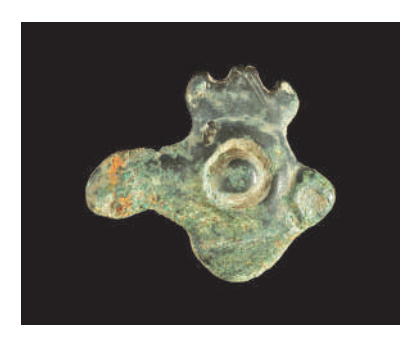
Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная.

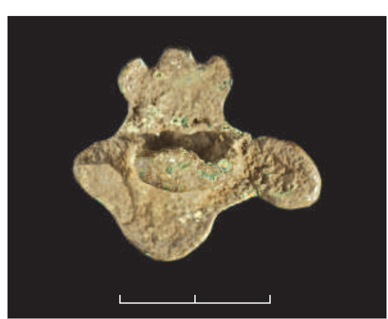
Длина: 3,3; высота: 3,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,2 см.

Изображение моделировано в высоком рельефе. В центре головы — выпуклый глаз: полусферическая зеница лежит в углублении глазницы. Морда вытянута вперед, её окончание круто загнуто вниз — характерный признак лося. Пухлые губы показаны двумя рельефными складками, при этом верхняя губа оттопырена. На голове — три симметричных отростка. Своей короновидной формой они напоминают скорее гребень, нежели рога. Из-за этого образ приобрёл черты фантастического существа. Ухо показано треугольной фигурой с рельефной окантовкой. Выделена шея (шерстная складка?).

Идентифицировать данное изображение с лосиной головой можно лишь с большими оговорками: вместо ветвистых рогов здесь представлен короноообразный гребень, характерный для изображений птичьих головок. Отсутствует и лепестковой формы заострённое ухо — одна из неизменных черт изображения лося в скифском искусстве. По ряду черт (форма головы, носа, большой концентрический глаз, рога-хохолок) крымское изображение напоминает очень ограниченную серию головок верблюдов, получивших распространение на Кавказе и в Приднепровской Лесостепи. А.Р. Канторович объединяет их в тип Уллу — Аксютинцы (*Канторович, 2015, с. 846—849, 1272, 1273, 1664*). Это бляхи из погре-

бения 2 могильника Уллу, рубеж VI—V или V в. до н. э. (*Канторович, 2014а; рис. 1: 1; 2015, с. 1664; рис. 1*), погребения 19 могильника Гастон Уота, 17 экземпляров (*Мошинский, 2006, с. 26, 27; рис. 15: 9, 10; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 3*), случайная находка, видимо, из окрестностей Майкопа (*Переводчикова, 2000; рис. 1: 9; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 1*), кургана 12 у с. Аксютинцы в урочище Стайкин Верх, рубеж VI—V вв. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. X: 6; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 4а, 4б*), кургана 505 у с. Броварки, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 30: 13; Могилов, 2008, рис. 97: 8; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 5*), кургана у с. Макеевка (*Петренко, 1967, табл. 31: 13; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 1*).

Правда, на указанных бляхах образ верблюда представлен весьма агрессивно (открытая пасть), в то время как крымское животное выглядит миролюбиво. Однако исключать возможность того, что рассматриваемый образ родился в результате локального заимствования и творческого переосмысления (путем привнесения черт понятного животного) чуждого скифам северопричерноморских степей образа верблюда также нельзя. Тем более, что за пределами Крымского полуострова аналогии ему неизвестны.

С оборотной стороны — петля прямоугольной формы.

Аналогии: прямые — исключительно на территории Крымского полуострова: бляхи из окрестностей сёл Кринички и Абрикосовка (№ 18/378, 19/379 Каталога). Правда, они правосторонние.

18/378. В виде головы молодого лося (?), повёрнутой вправо

Село Кринички, Кировский район.

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Длина бляхи: 3,3; высота: 2,8 см.

Ширина петли: 1,5 см.

Почти полный аналог предшествующего изображения (за исключением разворота головы). Моделировано в высоком рельефе. В центре условной головы — выпуклый глаз, лежащий в углублении глазницы. Морда вытянута вперед, её окончание круто загнуто вниз — характерный признак лося. Пухлые губы показаны двумя рельефными складками, при этом бóльшая нижняя свисает. На голове три симметричных отростка. Своей короновидной формой они напоминают скорее гребень, нежели рога. Из-за этого образ приобрёл черты фантастического существа. Ухо передано трапециевидной фигурой с рельефной окантовкой. Выделена шея (шерстная складка?).

Идентифицировать данное изображение с лосиной головой можно лишь с большими оговорками: вместо ветвистых рогов здесь представлен коронообразный гребень, характерный для изображений птичьих головок. Отсутствует и листовидное заострённое ухо — одна из неизменных черт изображения лося в скифском искусстве. По ряду черт (форма головы, носа, большой круглый глаз, рога-хохолок) крымское изображение напоминает очень ограниченную серию головок верблюдов, получивших распространение на Кавказе и в Приднепровской Лесостепи. А.Р. Канторович объединяет их в тип Уллу — Аксютинцы (*Канторович, 2015, с. 846—849, 1272, 1273, 1664*). Это бляхи из погребения 2 могильника Уллу, рубеж VI—V или V в. до н. э. (*Канторович, 2014а; рис. 1: 1; 2015, с. 1664; рис. 1*), погребения 19 могильника Гастон Уота, 17 экземпляров (*Мошинский, 2006, с. 26, 27; рис. 15: 9, 10; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 3*), случайная находка, видимо, из окрестностей Майкопа (*Переводчикова, 2000; рис. 1: 9; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 1*), кургана 12 у с. Аксютинцы в урочище Стайкин Верх, рубеж VI—V вв. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. X: 6; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 4а, 4б*), кургана 505 у с. Броварки, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 30: 13; Могилов, 2008, рис. 97: 8; Канторо-*

вич, 2015, с. 1664; рис. 5), кургана у с. Макеевка (*Петренко, 1967, табл. 31: 13; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 1*).

Правда, на указанных бляхах образ верблюда представлен весьма агрессивно (открытая пасть), в то время как крымское животное выглядит миролюбиво. Однако исключать возможность того, что рассматриваемый образ родился в результате локального заимствования и творческого переосмысления (путем привнесения черт понятного животного) чуждого скифам северопричерноморских степей образа верблюда также нельзя. Тем более, что за пределами Крымского полуострова аналогии ему неизвестны.

Аналогии: гора Верблюд горного массива Кубалач, правостороннее изображение; с. Абрикосовка (№ 17/377, 19/379 Каталога).

Публикуется впервые.

19/379. В виде головы молодого лося (?), повёрнутой вправо

V в. до н. э.

Село Абрикосовка, Кировский район.

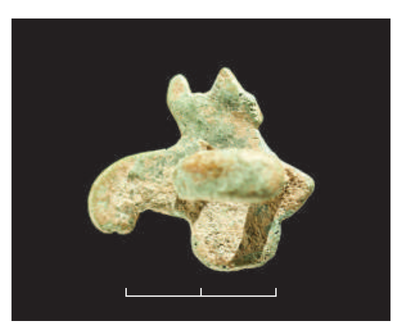
Бронза, литьё, сохранность удовлетворительная. Отломан задний сегмент рога.

Длина бляхи: 3,0; высота: 2,6 см.

Ширина петли: 1,4; высота: 0,9 см.

Аналог предыдущих изображений. Также представлено в высоком рельефе. В центре условной головы — большой круглый глаз, моделированный полусферической зеницей, лежащей в углублении глазницы. Морда вытянута вперед, её окончание круто загнуто вниз — характерный признак лося. Губы показаны более выразительно, чем в предыдущем экземпляре — двумя рельефными складками; они пухлые и как бы свисают. На голове три отростка (задний обломан).

Своей короновидной формой они напоминают скорее гребень, нежели рога. Из-за этого образ прибрёл черты фантастического существа. Ухо передано треугольной фигурой, позади и немного ниже глаза. Выделена шея (шерстная складка?).

Идентифицировать данное изображение с лосиной головой можно лишь с большими оговорками: вместо ветвистых рогов здесь представлен коронообразный гребень, характерный для изображений птичьих головок. Отсутствует и листовидное заострённое ухо — одна из неизменных черт изображения лося в скифском искусстве. По ряду черт (форма головы, носа, большой круглый глаз, рога-хохолок) крымское изображение напоминает очень ограниченную серию головок верблюдов, получивших распространение на Кавказе и в Приднепровской Лесостепи. А.Р. Канторович объединяет их в тип Уллу — Аксютинцы (*Канторович, 2015, с. 846—849, 1272, 1273, 1664*). Это бляхи из погребения 2 могильника Уллу, рубеж VI—V или V в. до н. э. (*Канторович, 2014а; рис. 1: 1; 2015, с. 1664; рис. 1*), погребения 19 могильника Гастон Уота, 17 экземпляров (*Мошинский, 2006, с. 26, 27; рис. 15: 9, 10; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 3*), случайная находка, видимо, из окрестностей Майкопа (*Переводчикова, 2000; рис. 1: 9; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 1*), кургана 12 у с. Аксютинцы в урочище Стайкин Верх, рубеж VI—V вв. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. X: 6; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 4а, 4б*), кургана 505 у с. Броварки, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 30: 13; Могилов, 2008, рис. 97: 8; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 5*), кургана у с. Макеевка (*Петренко, 1967, табл. 31: 13; Канторович, 2015, с. 1664; рис. 1*).

Правда, на указанных бляхах образ верблюда представлен весьма агрессивно (открытая пасть), в то время как крымское животное выглядит миролюбиво. Однако исключать возможность того, что рассматриваемый образ родился в результате локального заимствования и творческого переосмысления (путем привнесения черт понятного животного) чуждого скифам северопричерноморских степей образа верблюда также нельзя. Тем более, что за пределами Крымского полуострова аналогии ему неизвестны.

Аналогии: гора Верблюд горного массива Кубалач (левостороннее), с. Криничка (№ 17/377, 18/378 Каталога).

Публикуется впервые.

20/380. В виде головы безрого лося, повёрнутой влево

V в. до н. э.

Судакский район.

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Длина бляхи: 3,1; высота: 2,2 см. Ширина петли: 1,3; высота: 1,0 см.

Выделяются длинная носовая и довольно массивная основная часть головы. Пос-

ледняя окантована снизу и сзади широкой рельефной полосой — кожно-шерстной складкой. Сверху к складке примыкает треугольное ухо со впадиной ушной раковины. Глаз большой, концентрический (полусферическая зеница лежит в углублении глазницы). Он выступает за верхнюю часть головы, вместе с окантовкой образуя подтреугольный выступ. Верхняя часть выступа немного срезана. Возможно, она имела продолжение и служила основанием для рогов. Окончание носовой части скошено сверху вниз. На нем чётко просматривается показанный вдавленной линией рот и такой же, но менее длинной линией ноздря.

С оборотной стороны — квадратная петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: единственной известной нам аналогией является бляха из кургана 4 группы Частых (ВУАК), относимая ко второй половине V в. до н. э. (*Шкурко, 1976, рис. 3; Канторович, 2015, с. 441, 1488*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

21/381. В виде левосторонней фигурки оленя, с поджатыми ногами

V в. до н. э.

Село Партизаны, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная.

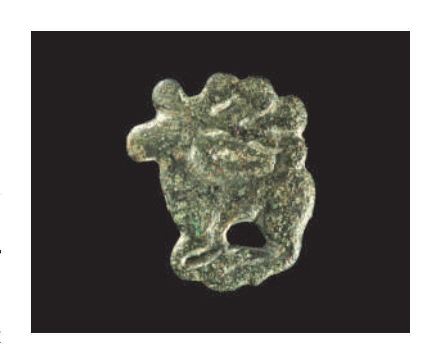
Длина: 2,5; высота: 2,9 см.

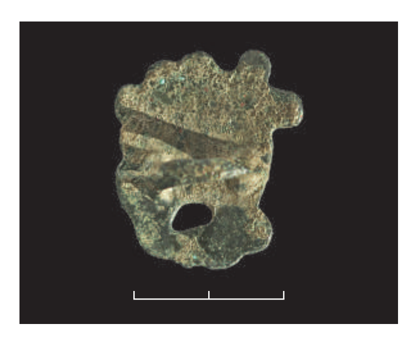
Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,7 см.

Представлено изображение лежащего оленя с направленной вперед головой и поджатыми ногами. Передняя нога полностью лежит на задней, на обеих выделяются удлинённые заострённые копыта с рудиментарными пальцами. Несмотря на общую компактность изображения, ноги прилегают к животу не плотно. У оленя довольно широкое туловище и мощная, вытянутая вверх шея. Бедро и туловище разделены впадиной, лопатка подчеркнута рельефной линией. Голова перпендикулярна шее. Детали головы животного, в силу небольшого размера и общей сохранности бляхи, не просматриваются. Рога большие, ветвистые, лежат на шее и спине оленя, образуя с ними единое поле. В них чётко выделены пять отростков — один передний, «глазной» и четыре задних. Каждый отросток заканчивается округлым утолщением. Последний задний отросток лежит на крупе животного. Пространство между рогами и спиной полностью заполнено вытянутым лепестковой формы ухом.

С оборотной стороны — петля полукруглой формы.

Аналогии: такие бляшки в качестве деталей конской упряжи встречаются редко. Как пример можно привести экземпляр из кургана 1 (ВУАК) группы Частых в Среднем Подонье, и кургана 22 близ Смелы (V в. до н. э.) в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Могилов, 2008, с. 313; рис. 95: 13, 14*). В основном же подобные изображения оленя в «спокойном состоянии» характерны, прежде всего для золотых нашивных бляшек либо обивок деревяных сосудов. В качестве примеров можно указать бляшки из кургана Ак-Мечеть, V в. до н. э., Крым (*Членова, 1962, с. 199; табл. II: 5*). Близки нашему изображению и олени с золотых бляшек из впускного погребения кургана Солоха (*Манцевич, 1987, с. 68; кат. 46; с. 96, кат. 68*), а также ритуального комплекса 1 кургана 4 Уляпского могильника (*Сокровища…, 1987; табл. VII, кат. 276*). В целом, изображение лежащего оленя в аналогичной позе получило чрезвычайно большое распространение в искусстве народов скифской эпохи Евразии (*Членова, 1962; Золотые олени Евразии, 2001, кат. 152; 154; 159; 172; 182*), особенно у населения тагарской культуры Южной Сибири (Хакасско-Минусинской котловины), где оно относится в основном к VI—V вв. до н. э. (*Завитухтна, 1983, № 95—146*).

22/382. В виде головы оленя, повёрнутой влево

Вторая половина V — IV вв. до н. э.

Село Трудолюбовка, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. Поверхность изделия покрыта толстой неравномерной патиной.

Длина бляхи: 2,7; высота: 2,5 см.

Ширина петли: 1,5; высота: 0,9 см.

Изображен взрослый олень с большими «пламявидными» рогами и вытянутой головой. Изображение крайне лаконично. Голова имеет форму дуги с опущенной шейной и носовой частью. Нос длиннее шеи, однако последняя также весьма вытянута. Носовая часть моделирована двумя плоскостями — более широкой верхней и узкой нижней. Окончание носа утолщено и загнуто под тупым углом вниз. Подковообразный рот показан углублением и рельефной окантовкой, передающей верхнюю и нижнюю губы. В центре дуговидной композиции головы изображен миндалевидный глаз. Слегка выпуклая зеница лежит в углублении глазницы. От теменной части, немного отклоняясь назад, отходят рога. Они имеют общее основание, возвышающееся над верхним контуром головы. Далее из основания вырастают четыре отростка, показанные рельефными линиями. Они слегка изогнуты. Верхняя часть переднего отростка загнута вперед и отделена от других. Три задних отростка плотно прижаты друг к другу, их окончания образуют небольшой веер или пальметту. Задний отросток лежит на длинном листовидном ухе, раковина которого окантована рельефными линиями. Окончание шеи имеет едва заметную ныне кожно-шерстную складку.

Аналогии: более или менее близкой аналогией является бронзовая бляха из Малых Семибратних курганов, относящихся ко второй половине V — IV вв. до н. э. (*Borovka, 1928, pl. 6D; Канторович, 2015, с. 1149, 1466; рис. 3*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

23/383. Голова копытного (вероятно, оленя) с зооморфным приставлением. Фрагмент

Вторая половина V — начало IV вв. до н. э.

Село Партизаны, Кировский район.

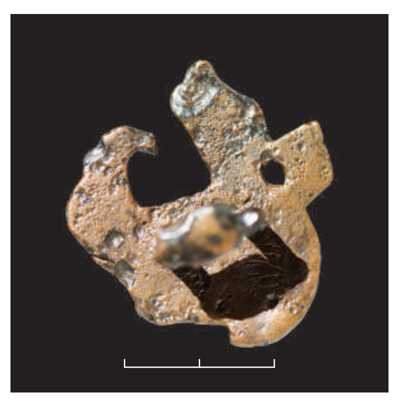
Бронза, литьё. Сохранность фрагмента удовлетворительная. Предмет реставрирован.

Максимальная длина сохранившегося фрагмента: 3,5; максимальная высота 3,8 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,9; ширина: 1,4 см.

Сохранилась задняя часть головы, на которой представлены: круглый глаз (выпуклая зеница лежит в рельефно окантованной глазнице), ухо в форме неправильного ромба, три слегка загнутых вперед длинных отростка, переданных

рельефными линиями (часть рогов?), кожно-шерстная складка. Сверху, почти над глазом, к голове приставлено изображение птичьей головки. Оно трактовано лаконично и состоит из гипертрофированного концентрического глаза (выпуклая зеница окантована рельефной линией глазницы) и загнутого полукругом по направлению к «рогам» клюва, в основании которого выделена восковица. Возможно, головка являлась частью конгломерата рогов, ныне утраченного.

На оборотной стороне — прямоугольная петля для крепления.

Аналогии: точных аналогий фрагменту среди известных целых изображений подобрать не удалось. Однако по некоторым существенным признакам (рога в виде длинных немного загнутых отростков, приставление птичьих голов) он напоминает ряд редуцированных изображений оленей, бытовав-

ших в Украинской Лесостепи и Предкавказье во второй половине V — начале IV вв. до н. э. В качестве примеров можно привести бронзовые бляхи из кургана 14 могильника Перещепино (*Махортых, 2006; рис. 1: 3; Могилов, 2008, рис. 98: 30*), Звенигородского уезда (*Петренко, 1967, табл. 31: 7; Могилов, 2008, рис. 97: 20*), «Майкопского клада» (*Leskov, 2008, N 285*), ритуального комплекса Ульского кургана 11 (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 61*), Малых Семибратних курганов (*Borovka, 1928, pl. 6B*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

24/384—27/387. Серия блях в виде полисемантического образа лап хищной птицы или грифона и рогов оленя или лося

V в. до н. э.

24/384. *Село Межгорье, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 3,4; максимальная ширина: 4,4 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,6 см.

Изображение состоит из трёх отростков, расходящихся из общей основы в разные стороны: два — влево, один — вправо (если расположить отростки вверх). Каждый из них показан при помощи одного или двух колен, а также длинного завитка, сужающегося и заостряющегося к окончанию, напоминающему коготь хищной птицы. Каждый «коготь» соприкасается с расположенным рядом. На оборотной стороне — полукруглая петля, под которой дорожка шириной 1 см, связанная с процессом отливки изделия. Образ может быть трактован как когти хищной птицы или грифона (если рассматривается отростками вниз), либо как рога копыт-

ного — оленя или лося (если рассматривается отростками вверх). Аргументы в пользу такой интерпретации, а также семантическая связка двух образов приведены в отдельной статье (*Зимовец, 2015*).

Аналогии: полная аналогия двум бляхам, найденным среди остатков тризны вблизи кургана у с. Хлебное Кировского района (№ 18/221, 19/222 Каталога), а также бляхам из с. Русаковки, Новоклёново, Отважное и фрагментированной бляхе из Межгорья (№ 25/385—28/388 Каталога); фрагментированным бляхам из некрополя поселения Артющенко 2 на Тамани, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, рис. 2: 2*). Прямые аналогии известны и в Лесостепи: три бляхи из кургана 4 у с. Берестняги, вторая половина V в. до н. э. (*Бобринской, 1901, табл. XIX: 1*); бляха из кургана 13 у с. Прусы Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1899, табл. XX: 329*); с. Дмитровка Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1907, табл. XVIII: 313*); кургана 13 у с. Олефирщина, V в. до н. э. (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 11: 5*). Более отдаленная аналогия — два экземпляра нащёчников из Плоской могилы, середина IV в. до н. э. (*Болтрик, Садовский, 1991, с. 105; рис. 4: 10, 11*).

25/385. *Село Русаковка, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 3,0; ширина: 4,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,6 см.

Полная аналогия двум бляхам, найденным среди остатков тризны вблизи курганау с. Хлебное Кировского района (№ 18/221, 19/222 Каталога) и вышеописанной бляхе из с. Межгорье.

Аналогии: помимо описанных выше, крымские бляхи из с. Новоклёново и Отважное (№ 26/386, 27/387 Каталога), а

также фрагментированные бляхи из Межгорья (№ 28/388 Каталога) и из некрополя поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*). Прямые аналогии известны и в Лесостепи: три бляхи из кургана 4 у с. Берестняги, вторая половина V в. до н. э. (*Бобринской, 1901, табл. XIX: 1*); кургана 13 у с. Прусы Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1899, табл. XX: 329*); с. Дмитровка Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1907, табл. XVIII: 313*); кургана 13 у с. Олефирщина, V в. до н. э. (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 11: 5*). Более отдаленная аналогия — два экземпляра нащёчников из Плоской могилы, середина IV в. до н. э. (*Болтрик, Садовский, 1991, с. 105; рис. 4: 10, 11*).

26/386. *Село Новоклёново, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 3,2; ширина: 4,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,6 см.

Полная аналогия описанным выше двум бляхам, а также двум экземплярам, найденным среди остатков тризны вблизи кургана у с. Хлебное Кировского района (№ 18/221, 19/222 Каталога). Отличается от упомянутых четырёх блях лишь бóльшими размерами и массивностью.

Аналогии: помимо описанных выше, крымская бляха из с. Отважное и фрагментированная бляха из с. Межгорье (№ 27/387, 28/388 Каталога); фрагментированные бляхи из некрополя поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*). Прямые аналогии известны и в Лесостепи: три бляхи из кургана 4 у с. Берестняги, вторая половина V в. до н. э. (*Бобринской, 1901, табл. XIX: 1*); кургана 13 у с. Прусы Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1899, табл. XX: 329*); с. Дмитровка Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1907, табл. XVIII: 313*); кургана 13 у с. Олефирщина, V в. до н. э. (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 11: 5*). Более отдаленная аналогия — два экземпляра нащёчников из Плоской могилы, середина IV в. до н. э. (*Болтрик, Садовский, 1991, с. 105; рис. 4: 10, 11*).

27/387. *Село Отважное, Кировский район.*

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 3,2; ширина: 4,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 2,2 см.

Полная аналогия описанным выше трём бляхам, а также двум экземплярам, найденным среди остатков тризны вблизи кургана у с. Хлебное Кировского района (№ 24/384—26/386, 18/221, 19/222 Каталога). Отличается от упомянутых пяти блях более тонкими линиями, придающими всему изображению бóльшую ажурность.

Аналогии: помимо выше указанных — фрагментированные бляхи из Межгорья (№ 28/388 Каталога) и некрополя поселения Артющенко 2, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2: 2*). Прямые аналогии также известны в Лесостепи: три бляхи из кургана 4 у с. Берестняги, вторая половина V в. до н. э. (*Бобринской, 1901, табл. XIX: 1*); кургана 13 у с. Прусы Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1899, табл. XX: 329*); с. Дмитровка Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1907, табл. XVIII: 313*); кургана 13 у с. Олефирщина, V в. до н. э. (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 11: 5*). Более отдаленная аналогия — два экземпляра нащёчников из Плоской могилы, середина IV в. до н. э. (*Болтрик, Садовский, 1991, с. 105; рис. 4: 10, 11*).

Публикуется впервые.

28/388. В виде головы оленя, выполненной из обломка рогов с зооморфными превращениями

V в. до н. э. (?)

Село Межгорье, Белогорский район.

Найдена вместе с костяными наконечниками (*№ 133/187—142/196 Каталога*).

Бронза, литьё. Бляха фрагментирована, покрыта благородной патиной.

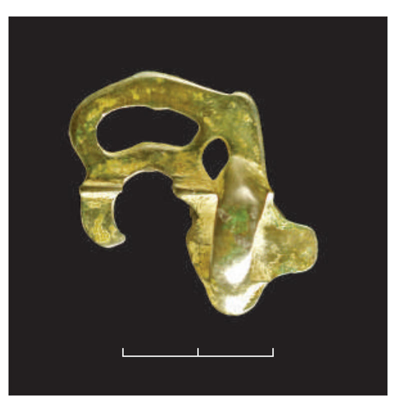
Высота: 3,0; ширина: 3,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,5 см.

Данный предмет — яркий пример повторного использования изображения, которое, скорее всего, было испорчено или же изначально являлось браком. Первоначально оно представляло собой (или должно было представлять) полисемантический образ лап хищной птицы или грифона и рогов оленя или лося в виде трёх отростков, двух с левой стороны и одного — с правой (№ 24/384—27/387 Каталога), но у рассматриваемого изображения сохранились лишь два левых отростка, а противонаправленный ему правый отросток отсутствует. Его основание старательно обработано. При повороте изображения в правую сторону вся композиция становится вертикальной и в ней читаются черты головы оленя с парой высоких ажурных рогов. В верхней части головы, ближе к основанию отростков рогов расположен глаз. Это ключевая деталь вторичного изображения и, в то же время, единственная серьёзная доработка изображения первичного. Глаз представляет собой небольшую овальную впадину, в центре которой — круглый выпуклый кружок, передающий зеницу.

Аналогии: подобные доработки нам неизвестны. В остальном же фрагментированная бляха — аналог крымских изображений из сёл Хлебное, Межгорье, Русаковка, Новокленово, Отважное (№ 18/221, 19/222, 24/384—27/387 Каталога), некрополя Артющенко 2 на Тамани (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2:* 2) и их вышеприведенных аналогий из Приднепровской Лесостепи.

29/389. В виде двухфигурной композиции козы с козленком

Первая половина — середина VII в. до н. э.

Между посёлком Зуя и селом Ароматное, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина фигуры; 2, 8 см; высота: 2,5 см.

Высота петли на обороте: 0,7; ширина: 2,2 см.

На бляхе представлено довольно массивное и компактное изображение горного козла / козы. У животного поджатые под туловище ноги, передняя лежит на задней, хорошо выделены длинные зауженные копыта. Туловище массивное, с чётко выделенным бедром. Короткая толстая шея плавно изогнута, по её переднему краю рубчиками условно показана шерсть. Голова животного слегка приподнята, смотрит вперед, что придаёт всему изображению динамизм. На короткой носовой части хорошо выделены пухлые губы и рот, переданный углублением. Глаз концентрический, выпуклая зеница лежит в рельефно окантованном углублении глазницы. Сзади к нему примыкает ухо лепестковой формы, окантованное рельефными линиями. Рифленный рог подковообразный, начинается в теменной части и, огибая ухо, упирается в шею животного. Всё изображение выполнено очень компактно: ноги плотно прилегают к туловищу, рог лежит на спине, ухо полностью заполняет пространство между шеей и рогом.

Чрезвычайно интересная особенность данного изображения — наличие в нижней части тулова и частично на шее ещё одной головы — явно травояд-

ного животного, оформленной в такой же манере, как и голова козла, но без рогов и с длинными стоячими ушами. У нее хорошо выделена носовая часть, а также концентрический глаз. Голова второго животного столь органично вписывается в первое изображение, что его туловище и ноги являются одновременно туловищем и ногами второго животного. Видовую принадлежность второго животного однозначно определить сложно. Но, скорее всего, сюжетно представлены коза с детёнышем.

В целом изображение на бляхе выполнено чрезвычайно мастерски, в высоком рельефе.

На оборотной стороне — массивная прямоугольная петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: среди бронзовых изделий узды аналогичная бляха зафиксирована лишь в Крыму, в районе с. Межгорье (№ 30/390 Каталога). По общим пропорциям и деталям данное изображение козла весьма напоминает фигурку такого же животного, представленную на костяной шпильке, найденной в женском погребении 1 кургана 1 группы II у с. Волошино близ г. Комсомольск Полтавской области (южная часть Приднепровской террасовой Лесостепи), первая половина VII в. до н. э. (*Кулатова, Скорый, Супруненко, 2006, с. 53; рис. 6; с. 57; рис. 10: 2—7*). С точки зрения двухфигурности крымская находка имеет аналогии на двух костяных бляшках и костяной пластине из кургана 2 у с. Жаботин, где представлены по два животных (лосиха с детёнышем), выполненные в идентичной манере (*Ильинская, 1975; табл. VI: 5, 6*). Дату жаботинского кургана большинство исследователей также определяют в пределах VII в. до н. э. Аналогиями можно, скорее всего, считать и двухфигурные композиции козы с козленком (правда, с повёрнутой назад головой) на золотых бляшках из центральной части могильника Скоробор в районе Бельского городища, первая четверть VI в. до н. э. (*Шрамко, 2017, с. 375; рис. 7: 1*).

30/390. В виде двухфигурной композиции козы с козленком

Первая половина — середина VII в. до н. э.

Окрестности села Межгорье, Белогорский район.

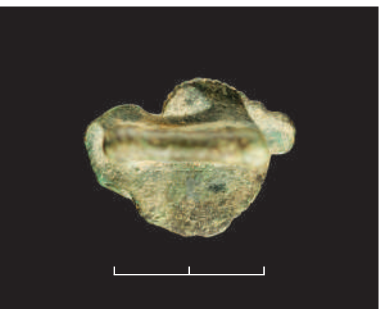
Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина фигуры: 2,8; высота: 2,5 см.

Высота петли на обороте: 0,7; длина: 2,2 см.

Полный аналог предыдущего изображения, но выполненный в более высоком рельефе, следствием чего является бóльшая степень проработки отдельных деталей: рога, уха, копыт. На бляхе представлено довольно массивное и компактное изображение горного козла / козы. У животного поджатые под туловище ноги (передняя нога лежит на задней), хорошо выделены длинные зауженные копыта. Туловище массивное, с чётко выделенным бедром. Короткая толстая шея плавно изогнута, по её внешнему краю рубчиками условно показана шерсть. Голова животного слегка приподнята, смотрит вперед, что придает всему изображению динамизм. На короткой носовой части хорошо выделены пухлые губы и рот, переданный углублением. Глаз концентрический, выпуклая зеница лежит в рельефно окантованном углублении глазницы. Сзади к нему примыкает ухо лепестковой формы, окантованное рельефными линиями. Рифленый рог подковообразный, начинается в теменной части и, огибая ухо, упирается в шею животного. Всё изображение выполнено очень компактно: ноги плотно прилегают к туловищу, рог лежит на спине, ухо полностью заполняет пространство между шеей и рогом.

Чрезвычайно интересная особенность данного изображения — наличие в нижней части тулова и, частично, на шее ещё одной головы — явно травоядного животного, оформленной в такой же манере, как и голова козла, но без рогов и с длинными стоячими ушами. У нее хорошо выделена носовая часть, а также концентрический глаз. Голова второго животного столь органично вписывается в первое изображение, что его туловище и ноги являются одновременно туловищем и ногами второго животного. Видовую принадлежность второго животного определить сложно. Можно предположить, что сюжетно представлены коза с детёнышем.

На оборотной стороне — массивная прямоугольная петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: полная и единственная: бляха из окрестностей посёлка Зуя — села Ароматное (№ 29/389 Каталога). Полное совпадение размеров и деталей изображения на этих двух бляшках наводит на мысль, что

данные изделия могли быть отлиты в одной форме. При этом одно из них (Зуя — Ароматное) более потёрто, вероятно вследствие продолжительности использования.

По общим пропорциям и деталям данное изображение весьма напоминает фигурку, представленную на костяной шпильке, найденной в женском погребении 1 кургана 1 группы II у с. Волошино близ г. Комсомольск Полтавской области (южная часть Приднепровской террасовой Лесостепи), первая половина VII в. до н. э. (*Кулатова, Скорый, Супруненко, 2006, с. 53; рис. 6; с. 57; рис. 10: 2—7*). С точки зрения «двухфигурности» композиции крымская находка имеет аналогии на двух костяных бляшках и костяной пластине из кургана 2 у с. Жаботин, где представлены по два животных (лосиха с детёнышем), выполненные в идентичной манере (*Ильинская, 1975; табл. VI: 5, 6*). Дату жаботинского кургана большинство исследователей также определяют в пределах VII в. до н. э. Аналогиями можно, скорее всего, считать и двухфигурные композиции козы с козленком (правда с повёрнутой назад головой) на золотых бляшках из центральной части могильника Скоробор в районе Бельского городища, первая четверть VI в. до н. э. (*Шрамко, 2017, с. 375; рис. 7: 1*).

Опубликовано: Зимовец, 2019, рис. 1: 5.

31/391—35/395. Серия блях в виде фигурок горного козла с поджатыми ногами и направленной вперед головой

31/391. В виде левосторонней фигурки горного козла с поджатыми ногами и направленной вперед головой

VI—V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, между сёлами Русское и Мелехово, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Длина: 4,0; высота от верхней части рогов: 3,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 2,0 см.

Довольно реалистичное изображение фигурки горного козла с направленной вперед головой и сложенными ногами (передняя лежит на задней). На передней ноге выделено копыто, тогда как на задней нет, возможно вследствие литейного брака. Туловище узкое, поджарое, с хорошо выделенными рельефными бедром и лопаткой. Сзади бедра — маленький, закрученный в полукруг хвост. У животного длинная мощная шея, на которую посажена подпрямоугольная, направленная вперед голова. На ней чётко представлены маленький круглый глаз, переданный впадинкой, пухлые губы и рот, узкое, лепестковой формы ухо, окантованное рельефными линиями. Рог вырастает из затылочной части, он большой и, скорее всего, изначально имел подкововидную форму, однако его окончание обломано. На нем хорошо заметно рифление. На оборотной стороне бляшки — полукруглая петля.

Аналогии: фигурки горных козлов с направленной вперед головой крайне редки среди деталей конской упряжи скифского времени на Юге Восточной Европы. В качестве аналогий можно привести фигурки стоящих козлов из кургана 10 у хутора Поповка и кургана у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.), в Днепровском Лесостепном Левобережье (*Могилов, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24—27*). Более отдаленные и поздние аналогии известны в Предкавказье: в кургане у хутора Шунтук, близ Майкопа, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11; Канторович, Эрлих, 2006, кат. 84*), в кургане 8 Уляпского могильника, вторая половина IV в. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 76*). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232*). Наиболее близкие аналогии происходят с территории Крыма. Это фрагментированные изображения из окрестностей с. Богатое, Дивное, между сёлами Сенное и Некрасово (№ 32/392—35/395 Каталога).

32/392. В виде левосторонней фигурки горного козла с поджатыми ногами без головы

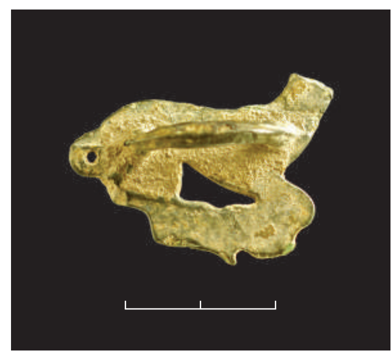
VI—V вв. до н. э.

Село Богатое, Белогорский район. Подножье горного массива Кубалач.

Бронза, литьё. В целом сохранность хорошая.

Длина: 3,5; сохранившаяся высота: 2,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 2,0 см.

Довольно реалистичное изображение левосторонней фигурки горного козла со сложенными ногами (передняя лежит на задней). У животного узкое поджарое туловище с хорошо выделенными рельефными лопаткой и бедром. К бедренной части примыкает узкий, закрученный в полукруг хвост. На задней ноге хорошо выделено треугольное копыто и рудиментарный палец. На передней ноге копыто лишь намечено. Сохранившаяся часть шеи массивная, по её центру проходит рельефная полоса. Нет сомнения, что на неё была посажена смотрящая вперед голова, как и в предыдущем экземпляре. Место облома головы — старое, запатинированное. На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: те же, что и для предшествующего изображения. Фигурки стоящих козлов из кургана 10 у хутора Поповка и кургана у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.), в Днепровском Лесостепном Левобережье (*Могилов, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24—27*). Более отдаленные и поздние аналогии известны в Предкавказье: в кургане у хутора Шунтук, близ Майкопа, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11*), в кургане 8 Уляпского могильника, вторая половина IV в. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 76*). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232*). Наиболее близкие аналогии происходят с территории Крыма. Это фигурка из окрестностей сёл Русское и Мелехово, фрагментированные изображения из окрестностей сёл Богатое, Дивное, между сёлами Сенное и Некрасово (№ 31/391, 33/393—35/395 Каталога).

33/393. В виде левосторонней фигурки горного козла с поджатыми ногами, без головы

Село Богатое, Белогорский район. Подножье горного массива Кубалач. Примерно на том же месте, что и предшествующая бляшка.

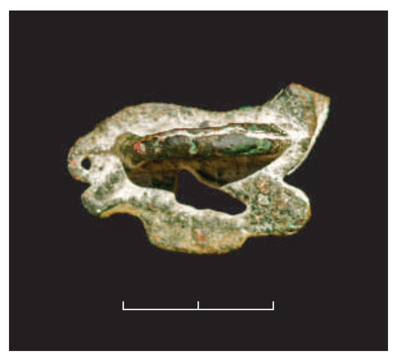
Бронза, литьё. Сохранность — средняя.

Длина: 3,5; сохранившаяся высота: 2,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 2,0 см.

Изображение левосторонней фигурки горного козла со сложенными ногами (передняя лежит на задней). У животного узкое поджарое туловище с хорошо выделенными рельефными лопаткой и бедром. К бедренной части примыкает узкий, закрученный полукругом хвост. Под хвостом — прямоугольный

отросток (скорее всего, неудаленный литник). В центре бедра расположена выпуклость. Вполне вероятно, что с её помощью мастер хотел передать зооморфное превращение бедра в клюв хищной птицы, где выпуклость играет роль глаза, а само бедро — мощной головы и загнутого клюва. В отличие от предыдущего экземпляра ноги не выразительны, копыта не просматриваются. Сохранившаяся часть шеи — короткая и довольно широкая. Нет сомнения, что на неё была посажена смотрящая вперед голова, как и в предыдущем экземпляре. Место облома головы — старое, запатинированное. На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: те же, что и для предшествующих изображений. Фигурки стоящих козлов из кургана 10 у хутора Поповка и кургана у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.), в Днепровском Лесостепном Левобережье (*Могилов, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24—27*). Более отдаленные и

поздние аналогии известны в Предкавказье: в кургане у хутора Шунтук, близ Майкопа, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11*), в кургане 8 Уляпского могильника, вторая половина IV в. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 76*). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232*). Наиболее близкие аналогии происходят с территории Крыма. Это фигурка из окрестностей с. Русское и Мелехово, фрагментированные изображения из окрестностей сёл Богатое, Дивное, между сёлами Сенное и Некрасово (№ 31/391, 32/392, 34/394, 35/395 Каталога).

34/394. В виде левосторонней фигурки горного козла с поджатыми ногами, без головы

VI—V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, село Дивное, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность — очень хорошая.

Длина: 3,0; сохранившаяся высота: 2,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 2,0 см.

Довольно реалистичное изображение левосторонней фигурки горного козла со сложенными ногами (передняя лежит на задней). У животного узкое поджарое туловище с хорошо выделенными рельефными лопаткой и бедром. К бедренной части примыкает узкий, закрученный в полукруг хвост. Под ним — прямоугольный отросток (скорее всего, неудаленный литник). На задней ноге хорошо выделено треугольное копыто и рудиментарный палец. Окончание передней ноги, скорее всего, не пролито. Сохранившаяся часть шеи массивная, по её центру проходит рельефная полоса. Нет сомнения, что на неё была посажена смотрящая вперед голова, как и в предыдущем экземпляре. Место облома головы — старое, запатинированное. На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: те же, что и для предшествующих изображений. Фигурки стоящих козлов из кургана 10 у хутора Поповка и кургана у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.), в Днепровском Лесостепном Левобережье (*Могилов, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24—27*). Более отдаленные и поздние аналогии известны в Предкавказье: в кургане у хутора Шунтук, близ Майкопа, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11*), в кургане 8 Уляпского могильника, вторая половина IV в. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 76*). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232*). Наиболее близкие аналогии происходят с территории Крыма. Это фигурка из окрестностей с. Русское и Мелехово, фрагментированные изображения из окрестностей с. Богатое (2 экз.), между сёлами Сенное и Некрасово (№ 31/391—33/393, 35/395 Каталога).

35/395. В виде левосторонней фигурки горного козла с поджатыми ногами, без головы

VI—V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, северный склон горы Маяк, между сёлами Сенное и Некрасово, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность — очень хорошая.

Длина: 3,0; сохранившаяся высота: 2,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 2,0 см.

Довольно схематичное изображение левосторонней фигурки горного козла со сложенными ногами (передняя лежит на задней). У животного узкое поджарое туловище со слабо выделенными рельефными лопаткой и бедром. К бедренной части примыкал узкий закрученный хвост, ныне утрачен-

ный. Ноги невыразительны, без выделения копыт. Шея почти не сохранилась. Скорее всего, она была аналогичной предшествующим экземплярам. Нет сомнения, что на нее была посажена смотрящая вперед голова, как и в предыдущем экземпляре. Место облома головы — старое, запатинированное. На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: те же, что и для предшествующих изображений. Фигурки стоящих козлов из кургана 10 у хутора Поповка и кургана у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.), в Днепровском Лесостепном Левобережье (*Могилов, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24—27*). Более отдаленные и поздние аналогии известны в Предкавказье: в кургане у хутора Шунтук, близ Майкопа, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11*), в кургане 8 Уляпского могильника, вторая половина V в. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 76*). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232*). Наиболее близкие аналогии происходят с территории Крыма. Это фигурка из окрестностей сёл Русское и Мелехово, фрагментированные изображения из окрестностей сёл Богатое (2 экз.) и Дивное (№ 31/391—35/395 Каталога).

36/396. В виде головы горного козла влево, отломанной от бляхи

Вторая половиная VII — VI вв. до н. э.

Окрестности села Дивное, Белогорский район, северо-восточное подножье горного массива Кубалач.

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента хорошая.

Высота: 1,5; ширина: 2,7 см.

Изображение головы горного козла выполнено в весьма реалистичной манере. У животного хорошо узнаваемые контуры головы с выделенной широкой щекой и зауженной мордой. На её окончании двумя рельефными линиями показаны губы. Снизу к окончанию морды примыкает короткая бородка. Глаз в виде рельефного кружка, в середине которого углубление. Мощный рог вырастает из затылочно-теменной части и имеет округлую форму, соединяясь с шеей животного. Рифление на роге показано групами рельефных линий: три в основании рога и по две на остальной его длине. У основания рога — небольшое лепестковой формы ухо. Сохранившийся участок шеи весьма мощный, с продольной рельефной линией посередине. Место облома — старое, патинированное.

Аналогии: те же, что и для предшествующих изображений. Фигурки стоящих козлов из кургана 10 у хутора Поповка и кургана у с. Аксютинцы (раскопки Т.В. Кибальчича) (VI в. до н. э.), в Днепровском Лесостепном Левобережье (*Могилов, 2008, с. 45, 310; рис. 92: 24—27*). Более отдаленные и поздние аналогии известны в Предкавказье: в кургане у хутора Шунтук, близ Майкопа, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 53; рис. 11*), в кургане 8 Уляпского могильника, вторая половина IV в. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 76*). Аналогии нашей находке есть и в представительной серии блях с изображением горных козлов, также лежащих в жертвенной позе, из памятников восточных, степных территорий Евразии, например, погребения 1 (V в. до н. э.) у Хошеутово, в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 210; илл. 232*). Наиболее близкие аналогии происходят с территории Крыма. Это фигурка из окрестностей сёл Русское и Мелехово, фрагментированное изображение из окрестностей сёл Богатое, Дивное, между сёлами Сенное и Некрасово (№ 31/391—35/395 Каталога).

Выразительное членение рога паралельными рельефными валиками находит аналогии в самых ранних памятниках скифского звериного стиля, испытавших влияние ассиро-урартской традиции, в частности, в изображении козла на золотой пекторали из Зивие (*Погребова, Раевский, 1992, с. 138; рис. 24: в*). Еще одним архаизирующим признаком является изображение глаза впадинкой. Это позволяет предполагать более раннюю дату рассматриваемого изображения по отношению к остальным крымским аналогиям.

37/397. В виде свастической композиции, состоящей из трех козлиных голов

Вторая половина IV в. до н. э.

Горный массив Кубалач, напротив сёл Русское — Сенное, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. Частично обломана.

Ширина: 3,7; максимальная высота сохранившейся части: 3,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,1; длина: 2,0 см.

Композиция состоит из трёх примыкающих друг к другу голов горного козла, повёрнутых

влево и образующих трехлучевую свастику. Две головки фрагментированы: у одной отсутствует носовая часть, у другой — рог. Головы образованы гипертрофированным концентрическим глазом (выпуклая зеница лежит в обрамленной рельефной линией глазнице), от которого в разные стороны отходят крайне стилизованная морда и закрученный рог. Нос и рот переданы единым S-образным рельефным завитком, при этом рот смыкается с рогом следующей головки. В основании рога показано рифление. Перпендикулярно головкам расположены крайне условные шеи, смыкающиеся в основании. Они имеют каплевидную форму, при этом рельефом выделены окантовка и внутренняя часть «капель». Пространство между головками и шеями прорезано, что придает всей композиции ажурный характер.

Аналогии: единственной аналогией, известной до настоящего времени, являлась бляха из Елизаветинского кургана 6 с аналогичной композицией (*Галанина, 2010, табл. 3: 3*). В то же время необходимо отметить, что иконографически схожее изображение протомы козла довольно широко представлено в древностях Предкавказья. Так из Елизаветинского кургана 7 (третья четверть IV в. до н. э.), а также, видимо, из этого курганного могильника происходят аналогичные изображения козлиных голов, являющиеся зооморфными превращениями рогов копытного (*Галанина, 2010, табл. 8: 7; Переводчикова, 1984, рис. 4: 3*). В этом же кургане обнаружены наносник и бронзовое окончание псалия, оформленные аналогичными изображениями протомы козла (*Галанина, 2010, табл. 7: 1, 3; Канторович, 2015, с. 1501, рис. 1, 4*). Схожее изображение помещено и на наноснике из Уляпского кургана 8, ритуальный комплекс 2 (*Канторович, Эрлих, 2006,*

кат. 73), а также на бронзовых окончаниях псалиев (*Leskov, 2008, N 297; Переводчикова, 1984, рис. 4: 2; Канторович, 2015, рис. 5—7*) и наносниках (*Leskov, 2008, N 36, 168; Канторович, 2015, с. 164; рис. 2, 3*) из «Майкопского клада» (у последних рог отсутствует). Непрямыми крымскими аналогиями являются изображения протом неопределенных копытных на вышеописанных наносниках из Феодосии и Холодовки (№ 41/315, 42/316 Каталога).

Интересно, что единственной территорией за пределами Юго-Восточного Крыма — Предкавказья, на которой получила распространение подобная иконография головы козла, является Среднее Подонье. Это изображения на наносниках из кургана кургана 10 у с. Горки (третья четверть IV в. до н. э.), № 14 у с. Русская Тростянка (вторая половина V в. до н. э.), и № 1 у с. Мастюгино (вторая половина IV в. до н. э.) (*Савченко, 2009, с. 313; рис. 9: 18, 19; Могилов, 2008, рис. 164: 10—12*). Правда, у двух последних изображений отсутствует рог.

Более отдаленная аналогия — курган 3 группы Филиповские курганы в Южном Приуралье (*Золотые олени Евразии, 2001, кат. 116*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

38/398. В виде свастической композиции, состоящей из трех козлиных голов

Вторая половина IV в. до н. э.

Район села Холодовка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. Изделие реставрировано.

Ширина: 3,8; максимальная высота: 3,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,2; длина: 2,5 см.

Иконографический аналог предыдущей композиции, от-

личающийся по стилистике. Состоит из трёх голов горного козла, повернутых влево и образующих трёхлучевую свастику. Край рта одной головки обломан. Головы образованы гипертрофированным концентрическим глазом (выпуклая зеница лежит в обрамленной рельефной линией глазнице), от которого в разные стороны отходят крайне стилизованная носовая часть и закрученный рог. Нос и рот переданы единым S-образным рельефным завитком, при этом рот смыкается с рогом следующей головки. Рифление рога лишь намечено одной рельефной линией в основании. Перпендикулярно головкам расположены крайне условные шеи, смыкающиеся в основании. Они имеют неправильную прямоугольную форму, при этом внутренняя часть и контур «прямоугольников» выделены рельефом. В отличие от предыдущего изображения, пространство между шеями и головками не прорезано, из-за чего вся композиция выглядит более компактной и массивной.

Аналогии: единственной аналогией, известной до настоящего времени, являлась бляха из Елизаветинского кургана 6 (*Галанина, 2010, табл. 3: 3*). В то же время необходимо отметить, что иконографически схожее изображение протомы козла довольно широко представлено в древностях Предкавказья. Из Елизаветинского кургана 7 (третья четверть IV в. до н. э.), а также, видимо, из этого курганного могильника происходят аналогичные изображения козлиных голов, являющиеся зооморфными превращениями рогов копытного (*Галанина, 2010, табл. 8: 7; Переводчикова, 1984, рис. 4: 3*). В этом же кургане обнаружены наносник и бронзовое окончание псалия, оформленные аналогичными изображениями протомы козла (*Галанина, 2010, табл. 7: 1, 3; Канторович, 2015, с. 1501; рис. 1: 4*). Схожее изображение помещено и на наноснике из Уляпского кургана 8, ритуальный комплекс 2 (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 73*), а также на бронзовых окончаниях псалиев (*Leskov, 2008, N 297; Переводчикова, 1984, рис. 4: 2; Канторович, 2015, рис. 5—7*) и наносниках (*Leskov, 2008, N 36, 168; Канторович, 2015, с. 1641; рис. 2, 3*) из «Майкопского клада» (у последних рог отсутствует). Непрямыми крымскими аналогиями являются протомы неопределенных копытных на описанных выше наносниках из Феодосии и Холодовки (№ 41/315, 42/316 Каталога).

Интересно, что единственной территорией за пределами Юго-Восточного Крыма — Предкавказья, на которой получила распространение подобная иконография головы козла, является Среднее Подонье. Это изображения на наносниках из кургана 10 у с. Горки (третья четверть IV в. до н. э.), № 14 у с. Русская Тростянка (вторая половина V в. до н. э.), и № 1 у с. Мастюгино (вторая половина IV в. до н. э.) (*Савченко, 2009, с. 313; рис. 9: 18, 19; Могилов, 2008, рис. 164: 10—12*). Правда, у двух последних изображений отсутствует рог.

Более отдаленная аналогия — курган 3 группы Филлиповские курганы в Южном Приуралье (*Золотые олени Евразии, 2001, кат. 116*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

39/399. В виде фигурки лошади с поджатыми ногами и головой, повёрнутой влево

VI—V вв. до н. э.

Село Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,1; высота: 2,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,7 см.

Стилизованное изображение лежащей лошади в жертвенной

позе, с поджатыми ногами и повёрнутой назад непропорционально большой головой. Туловище животного узкое, схематичное, бедро выделено рельефом. Передняя нога лежит на задней, соприкасаясь лишь копытами. Шея относительно короткая, изогнутая, моделирована двумя сходящимися плоскостями. На неё посажена длинная, сужающаяся к окончанию голова. Она соединена с верхней частью бедра посредством узкой перемычки. В центре головы — глаз каплевидной формы, переданный углубленной линией. Небольшим углублением намечен рот. С тыльной части головы просматривается рифление, которое может передавать как ухо, так и гриву. На оборотной стороне бляхи — поперечная, узкая, полукруглая петля.

Аналогии: в памятниках скифского времени юга Восточной Европы нам не известны. В целом изображения полных фигурок коня как самостоятельных мотивов искусства звериного стиля на обширных пространствах Евразии встречаются крайне редко. Отдельные экземпляры таких изделий в золоте и бронзе фиксируются в древностях VII—V—IV вв. до н. э. Нижнего Поволжья и более восточных территорий — Тувы, Южной Сибири, вплоть до Китая (*Королькова, 2006, с. 51—53, 184; табл. 15: 3—5, с. 185; табл. 16: 1—5, 10, 16*). В 2014 г. при случайных обстоятельствах на Западном укреплении Бельского городища была найдена бронзовая матрица с изображением лошади с поджатыми ногами и

направленной вперед головой. Она находит ближайшие аналогии на золотых и серебрянных обкладках уздечного набора из Келермесского кургана 4 (*Зимовец, Скорый, Окатенко, 2018*).

40/400. В виде реалистичной головы лошади

V—IV вв. до н. э.

Побережье Азовского моря, между Арабатской стрелкой и мысом Казантип, окрестности ныне нежилой деревни Насыр. Керченский полуостров, Ленинский район.

Бронза, литьё, сохранность очень хорошая.

Длина: 3,4; высота: 2,4 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 2,3 см.

Изображение выполнено в высоком рельефе, сходящимися плоскостями. Голова лошади повернута влево. Она посажена на мощную, выпуклую в сечении шею. Голова имеет вытянутую форму, немного сужаясь в носовой части. Реалистично, рельефной плоскостью, образующей снизу прямой угол, показана щека животного, чётко отделяющая голову от шеи. Верхний контур носовой части покатый. В её окончании небольшим углублением намечена ноздря. Двумя рельефными складками выделены пухлые губы, верхняя немного длиннее нижней. Губы разомкнуты, обозначая приоткрытый рот. Необычно показан глаз животного. Он концентрический, имеет форму неправильного овала. Относительно небольшая полусферическая зеница лежит в углублении глазницы, окантованной двумя рельефными линиями. Внешняя линия наиболее мощная, придает глазу увеличенный размер. Голову и шею окантовывает короткая грива, показання тонким рифлением. В теменной части расположено небольшое, торчащее вверх ухо лепестковой формы. Оно окантовано рельефными линиями, между которыми — впадина ушной раковины. Ухо не выступает за верхний контур гривы.

В целом, изображение имеет правильные пропорции и выполнено довольно реалистично, что, вместе с отсутствием аналогий в искусстве скифского звериного стиля, наводит на мысль о заимствовании образа из эллинского репертуара. Впрочем, в равной мере, это могло быть и иранское влияние, проводником которого были синды (см. ниже). В любом случае, ряд деталей свидетельствует о влиянии традиционного скифского искусства. Это, прежде всего, гиперболизация глаза и манера его исполнения в виде выпуклой зеницы и рельефных окантовок глазницы, а также довольно привычное для скифского звериного стиля исполнение вытянутого уха копытного.

С обратной стороны — полукруглая петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: наиболее близкие — на синдских серебряных диаболах, где с одной стороны был изображен сидящий перед зерном грифон, с другой — голова лошади во вдавленном квадрате (*Фролова, 2014, с. 34—35; рис. 4, 5*). Схожее, но несколько отличное изображение головы коня имелось и на других синдских монетах. Н.А. Фролова полагала, что популярность этого образа в синдской нумизматике могла свидетельствовать об общеиранском культе коня, бытовавшем у этого, скорее всего, иранского народа (*Фролова, 2014, с. 36*).

Собственно же в искусстве скифского звериного стиля изображение головы либо протомы лошади относительно редки (за исключением территориально компактной группы посульских псалиев). Наиболее близок нашему изделию наносник или же, скорее всего, бляха из с. Мошны (Днепровское Лесостепное Правобережье), происходящая, видимо, из случайных находок (*Петренко, 1967, табл. 29, рис. 24*). В качестве отдаленных аналогий описываемого изображения можно привести скульптурные головки на бронзовых топориках-скипетрах у с. Будки и Аксютинцы (раскопки С.А. Кибальчича) Роменского уезда, в Посулье (*Ильинская, 1968, рис. 42: 8, 9*) и окончания псалиев из 2-го Семибратнего кургана в Прикубанье, вторая половина V в. до н. э. (*Артамонов, 1966, табл. 123, 125*).

В Крыму, как впрочем, и на остальных территориях распространения культур скифского облика (за исключением единичного экземпляра из с. Мошны), подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

41/401—47/407. Серия блях в виде кабаньей головы

V в. до н. э.

41/401. В виде лаконичной кабаньей головы с загривком, повёрнутой влево

Белогорский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 4,8; высота от верхнего края уха: 2,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,7 см.

Изображение весьма условно и геометрично. Голова имеет удлинённую, сужающуюся к носу форму. Она моделирована двумя сходящимися плоскостями, передающими меньшую нижнюю и большую верхнюю части. Окончание носа имеет характерное преломление, передающее «пятак». Почти в центре головы сквозным овальным отверстием, окантованным рельефной линией, показана приоткрытая пасть. В передней части пасти короткой рельефной линией, идущей от условной нижней губы вверх, передан клык. Он лишь слегка возвышается над верхним контуром головы. Глаз имеет удлинённую, овальную форму, переданную тонкой углубленной линией. Загривок трактован декоративно, в виде семи коротких рубцов, упирающихся с тыльной стороны в круглое ухо, окантованное рельефной линией.

Характерная особенность изображения: глаз расположен очень высоко, почти примыкая к загривку. Этот приём придает изображению дополнительную агрессивность. С оборотной стороны — округлая массивная петля.

Аналогии: изображения лаконичных кабаньих головок (как с загривком, так и без него) на бляхах-деталях конской узды известны, в основном, в Крыму, Степи и Днепровской Левобережной Лесостепи, в меньшей степени в Днепровской Правобережной Лесостепи и в Предкавказье. Бляха с нижней террасы городища Нимфей, первая половина V в. до н. э. (*Скуднова, 1954, с. 316; рис. 6, левый*), из погребения 13, кургана 2 у с. Владимировка (*Колотухин, 2000, рис. 10: 2*), из сёл Кринички, Долинное, Юго-Восточного Крыма (2 экз.), окрестностей Старого Крыма (№ 42/402—46/406 Каталога). Сюда же по иконографии можно отнести изображения на клыках из кургана 3 в имении Талаевой (Центральный Крым) (*Яковенко, 1976, рис. 8: 1*), а также из разрушенного погребения около Керчи (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*). Бронзовые бляхи — украшения конской узды с изображением кабана также происходят из: курганов Роменского уезда (*Шкурко, 1976, рис. 3, 11*), кургана 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 8*) в Посулье; кургана 7 группы Частых (*Либеров, 1965, табл. 22: 19*); Елизаветовского могильника, V—IV вв. до н. э. (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 2*) в Среднем и Нижнем Подонье; кургана 446 у с. Капитановка в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Могилов, с. 312; рис. 35, 35а*), кургана 24 Нартанского могильника в Предкавказье (*Батчаев, 1985, табл. 53: 20*). В Причерноморской Степи аналогичные изображения известны на клыке с городища Глубока Пристань на хоре Ольвии, V — начало IV вв. до н. э. (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*) и на бронзовой бляшке из с. Днепряны с левого берега низовий Днепра, вторая половина V в. до н. э. (*Мурзин, 1984, рис. 18: 3*).

Более отдаленные аналогии: относительно реалистичные кабаньи головки с сомкнутой пастью, происходящие, преимущественно, с Боспора и близких к нему территорий Северного Причерноморья. Это бронзовая бляха из 4-го Семибратнего кургана, вторая половина V в. до н. э. (*ОАК за 1876 г., с. 136; рис. 9; Borovka, 1928, tabl. 17D*); бляхи из курганов 1 и 24, 475—425 гг. до н. э. Нимфейского некрополя (*Силантьева, 1959, с. 84; рис. 47: 6; с. 69; рис. 37: 9*); случайная находка на Таманском полуострове (*Borovka, 1928, tabl. 17C*), нащёчники с Айлянма-Кая и из окрестностей сёл Марково и Шахтино, Крым (№ 1/241, 27/353, 28/354 Каталога). В относительно реалистичной манере выполнено и изображение кабаньей головы на керамической форме для отливки или тиснения изображений с поселения Кошары, IV в. до н. э. (*Ольговский, 2014, с. 145; рис. 51*).

42/402. В виде лаконичной кабаньей головы с загривком, повёрнутой влево

Село Кринички, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность в целом хорошая, но есть повреждение.

Длина: 4,2; высота: 1,3 см.

Петля обломана.

Голова отличается условностью изображения основных элементов. Она имеет вытянутую форму. Длинная носовая часть моделирована двумя рельефными линиями, одна из которых передает верхнюю губу. Еще одна тонкая рельефная линия передает нижнюю челюсть и губу, её задняя часть отломана в древности. Между нижней и верхней губами расположена подтреугольная приоткрытая пасть, показанная сквозным отверстием. Клык трактован рельефной линией, идущей от ниж-

ней губы вверх и немного вперед и делящей пасть на две части. Глаз каплевидной формы, показан тонкой углубленной линией, вытянутой по отношениию к носу и лежащей на плоскости основной части головы. Загривок — в виде линии рубчиков, идущих от основания пасти к круглому уху со сквозным отверстием в середине.

Аналогии: изображения лаконичных кабаньих головок (как с загривком, так и без него) на бляхах-деталях конской узды известны, в основном, в Крыму, Степи и Днепровской Левобережной Лесостепи, в меньшей степени в Днепровской Правобережной Лесостепи и в Предкавказье. Это бляхи с нижней террасы городища Нимфей, первая половина V в. до н. э. (*Скуднова, 1954, с. 316; рис. 6, левый*), из погребения 13, кургана 2 у с. Владимировка (*Колотухин, 2000, рис. 10: 2*), Белогорского р-на, с. Долинное, Юго-Восточного Крыма (2 экз.), окрестностей Старого Крыма (№ 41/401, 43/403—46/406 Каталога). Сюда же по иконографии можно отнести изображения на клыках из кургана 3 в имении Талаевой (Центральный Крым) (*Яковенко, 1976, рис. 8: 1*), а также из разрушенного погребения около Керчи (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*). Бронзовые бляхи — украшения конской узды с изображением кабана также происходят из: курганов Роменского уезда (*Шкурко, 1976, рис. 3, 11*), № 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 8*) в Посулье; № 7 группы Частых (*Либеров, 1965, табл. 22: 19*); Елизаветовского могильника, V—IV вв. до н. э. (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 2*) в Среднем и Нижнем Подонье; курганов 446 у с. Капитановка в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Могилов, с. 312; рис. 35, 35а*), № 24 Нартанского могильника в Предкавказье (*Батчаев, 1985, табл. 53: 20*). В Причерноморской Степи аналогичные изображения известны на клыке с городища Глубока Пристань на хоре Ольвии, V — начало IV вв. до н. э. (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*) и на бронзовой бляшке из с. Днепряны, с левого берега низовий Днепра, вторая половина V в. до н. э. (*Мурзин, 1984, рис. 18: 3*).

Более отдаленные аналогии: относительно реалистичные кабаньи головки с сомкнутой пастью, происходящие преимущественно с Боспора и близких к нему территорий Северного Причерноморья. Это бронзовая бляха из четвёртого Семибратнего кургана, вторая половина V в. до н. э. (*ОАК за 1876 г., с. 136; рис. 9; Borovka, 1928, tabl. 17D*); бляхи из курганов 1 и 24, 475—425 гг. до н. э. Нимфейского некрополя (*Силантьева, 1959, с. 84; рис. 47: 6; с. 69; рис. 37: 9*); случайная находка на Таманском полуострове (*Borovka, 1928, tabl. 17C*), нащёчники с Айлянма-Кая и окрестностей сёл Марково и Шахтино, Крым (№ 1/241, 27/353, 28/354 Каталога). В относительно реалистичной манере выполнено и изображение кабаньей головы на керамической форме для отливки или тиснения изображений с поселения Кошары, IV в. до н. э. (*Ольговский, 2014, с. 145; рис. 51*).

43/403. В виде лаконичной кабаньей головы с загривком, повёрнутой влево. Фрагмент

Окрестности села Долинное, подножье горы Бор-Кая, долина реки Мокрый Индол.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина фрагмента: 2,6; высота: 2,8 см.

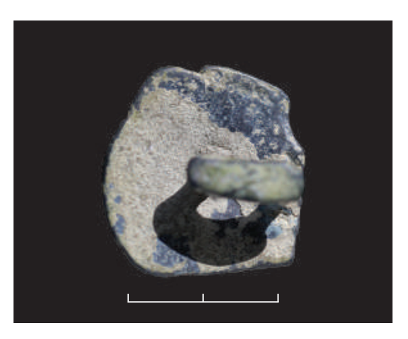
Ширина петли: 1,5; высота 0,8 см.

Строго профильное изображение головы выполнено в низком рельефе. Носовая часть утрачена либо не пролита. На фрагменте хорошо представлены глаз, ухо, загривок и кожно-шерстная складка. Глаз подтреугольной формы, показан вдавленной линией. Ухо подковообразное, окантовано рельефной линией. Загривок низкий, в нём едва просматриваются рубчики, передающие шерсть. Кожно-шерстная складка широкая, выразительная, показана пятью рубчиками.

С оборотной стороны прямоугольная петля.

Аналогии: фрагментированность изображения не позволяет подобрать точную аналогию. По форме глаза, изображению

загривка и кожно-шерстной складки аналогиями являются относительно реалистичные кабаньи головки с сомкнутой пастью, происходящие преимущественно с Боспора и близких к нему территорий Северного Причерноморья: бронзовая бляха из 4-го Семибратнего кургана, вторая половина V в. до н. э. (*ОАК за 1876 г., с. 136; рис. 9; Borovka, 1928, tabl. 17D*); бляхи из курганов 1 и 24, 475—425 гг. до н. э. Нимфейского некрополя (*Силантьева, 1959, с. 84; рис. 47: 6; с. 69; рис. 37: 9*); случайная находка на Таманском полуострове (*Borovka, 1928, tabl. 17C*), нащёчник с Айлянма-Кая, окрестностей Старого Крыма (№ 1/241, 47/407 Каталога), изображение на керамической форме для отливки или тиснения изображений с поселения Кошары, IV в. до н. э. (*Ольговский, 2014, с. 145; рис. 51*). Вместе с тем, публикуемое изделие выполнено в низком рельефе, что сближает его с условными геометризированными изображениями из: погребения 13, кургана 2 у с. Владимировка (*Колотухин, 2000, рис. 10: 2*), Белогорского р-на, с. Кринички, Юго-Восточного Крыма (2 экз.), окрестностей Старого Крыма (№ 41/401, 42/402, 44/404—46/406 Каталога), кургана 3 в имении Талаевой (*Яковенко, 1976, рис. 8: 1*) разрушенного погребения около Керчи (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*), кургана 446 у с. Капитановка, бассейн Тясмина (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 35, 35а*), № 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. в Посулье (*Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 8*); № 7 группы Частых в Среднем Подонье (*Либеров, 1965, табл. 22: 19*); Елизаветовского могильника, V—IV вв. до н. э. в Нижнем Подонье (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 2*); кургана 24 Нартанского могильника в Предкавказье (*Батчаев, 1985, табл. 53: 20*). В Причерноморской Степи аналогичные изображения известны на клыке с городища Глубока Пристань на хоре Ольвии, V — начало IV вв. до н. э. (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*) и на бронзовой бляшке из с. Днепряны с левого берега низовий Днепра, вторая половина V в. до н. э. (*Мурзин, 1984, рис. 18: 3*).

Публикуется впервые.

44/404. В виде лаконичной кабаньей головы без загривка, повёрнутой влево. Фрагмент

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,9 см.

Ширина петли: 1,8; высота 0,7 см.

Строго профильное изображение головы имело вытянутую форму. Носовая часть утрачена либо не пролита. Хорошо просматривается покатый лоб, под которым посажен миндалевидный глаз. Глазница обозначена рельефными линиями. Над глазом очень условно передан низкий загривок, в котором едва читаются мелкие рубчики. Длинной плоскостью показана нижняя часть головы, которая должна переходить в нижнюю челюсть и губу. Ухо круглое, с вдавленным кружком ушной раковины. Судя по очертаниям, а также по деталям изображения, здесь представлена голова кабана.

С оборотной стороны полукруглая петля.

Аналогии: ближайшие (также фрагментированные или непролитые) происходят из Днепровской Правобережной и Левобережной Лесостепи: кургана 446 у с. Капитановка, бассейн Тясмина (*Могилов, с. 312; рис. 35, 35а*) и кургана 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э., в Посулье (*Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 8*). Другие аналогии: бляха с нижней террасы городища Нимфей, первая половина V в. до н. э. (*Скуднова, 1954, с. 316; рис. 6, левый*), из погребения 13, кургана 2 у с. Владимировка (*Колотухин, 2000, рис. 10: 2*), Белогорского района, с. Кринички, Долинное, Юго-Восточного Крыма, окрестностей Старого Крыма (№ 41/401—43/403, 45/405, 46/406 Каталога). Сюда же по иконографии можно отнести изображения на клыках из кургана 3 в имении Талаевой (Центральный Крым) (*Яковенко, 1976, рис. 8: 1*), а также из разрушенного погребения около Керчи (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*). Бронзовые бляхи — украшения конской узды с изображением кабана, также происходят из: курганов Роменского уезда, Посулье (*Шкурко, 1976, рис. 3, 11*); кургана 7 группы Частых (*Либеров, 1965, табл. 22: 19*); Елизаветовского могильника, V—IV вв. до н. э. (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 2*), Подонье; кургана 24 Нартанского могильника в Предкавказье (*Батчаев, 1985, табл. 53: 20*). В Причерноморской Степи аналогичные изображения известны на клыке с городища Глубока Пристань на хоре Ольвии, V — начало IV вв. до н. э. (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*) и на бронзовой бляшке из с. Днепряны с левого берега низовий Днепра, вторая половина V в. до н. э. (*Мурзин, 1984, рис. 18: 3*).

Более отдаленные аналогии: относительно реалистичные кабаньи головки с сомкнутой пастью, происходящие преимущественно с Боспора и близких к нему территорий Северного Причерноморья. Это бронзовая бляха из 4-го Семибратнего

кургана, вторая половина V в. до н. э. (*ОАК за 1876 г., с. 136; рис. 9; Borovka, 1928, tabl. 17D*); бляхи из курганов 1 и 24, 475—425 гг. до н. э. Нимфейского некрополя (*Силантьева, 1959, с. 84; рис. 47: 6; с. 69; рис. 37: 9*); случайная находка на Таманском полуострове (*Borovka, 1928, tabl. 17C*), нащёчники с Айлянма-Кая и из окрестностей сёл Марково и Шахтино, Крым (№ 1/241, 27/353, 28/354 Каталога). В относительно реалистичной манере выполнено и изображение кабаньей головы на керамической форме для отливки или тиснения изображений с поселения Кошары, IV в. до н. э. (*Ольговский, 2014, с. 145; рис. 51*).

Публикуется впервые.

45/405. В виде лаконичной кабаньей головы без загривка, повёрнутой вправо

В окрестностях города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая, однако повреждено ухо.

Длина: 3,8; высота: 1,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,4 см.

Голова животного выполнена крайне условно и геометрично. Её чрезмерная вытянутость в сочетании с приоткрытой пастью и каплевидным глазом выражает агрессию и динамизм. Изображение выполнено в низком рельефе. Нос — в виде длинной плоскости, нижняя часть морды — аналогичная плоскость, постепенно сужающаяся к окончанию. Сильно вытянутая овальная приоткрытая пасть окантована рельефной линией, передающей верхнюю и нижнюю губу. Окончание верхней губы загнуто вверх практически под прямым углом, образуя «пятак». Клык трактован условно как тонкая рельефная линия, идущая от нижней губы вверх и разделяющая пасть на две неравные

части. Глаз каплевидной формы показан углублённой линией. За ним располагалось ухо, скорее всего, круглой формы, утерянное, видимо, еще в древности. Характерная особенность — отсутствие загривка. С оборотной стороны полукруглая петля.

Аналогии: изображения лаконичных кабаньих головок (как с загривком, так и без него) на бляхах-деталях конской узды известны, в основном, в Крыму, Степи и Днепровской Левобережной Лесостепи, в меньшей степени в Днепровской Правобережной Лесостепи и в Предкавказье. Бляха с нижней террасы городища Нимфей, первая половина V в. до н. э. (*Скуднова, 1954, с. 316; рис. 6 левый*), из погребения 13, кургана 2 у с. Владимировка (*Колотухин, 2000, рис. 10: 2*), Белогорского р-на, с. Кринички, Долинное, Юго-Восточного Крыма, Феодосии (№ 41/401—44/404, 46/406 Каталога). Сюда же, по иконографии, можно отнести изображения на клыках из кургана 3 в имении Талаевой (Центральный Крым) (*Яковенко, 1976, рис. 8: 1*), а также из разрушенного погребения около Керчи (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*). Бронзовые бляхи — украшения конской узды с изображением кабана? также происходят из: курганов Роменского уезда (*Шкурко, 1976, рис. 3, 11*), № 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 8*) в Посулье; кургана 7 Частых (*Либеров, 1965, табл. 22: 19*); Елизаветовского могильника, V—IV вв. до н. э. (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 2*) в Среднем и Нижнем Подонье; кургана 446 у с. Капитановка в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Могилов, 208, с. 312; рис. 35, 35а*), кургана 24 Нартанского могильника в Предкавказье (*Батчаев, 1985, табл. 53: 20*). В Причерноморской Степи аналогичные изображения известны на клыке с городища Глубока Пристань на хоре Ольвии, V — начало IV вв. до н. э. (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*) и на бронзовой бляшке из с. Днепряны, с левого берега низовий Днепра, вторая половина V в. до н. э. (*Мурзин, 1984, рис. 18: 3*).

Более отдаленные аналогии: относительно реалистичные кабаньи головки с сомкнутой пастью, происходящие преимущественно с Боспора и близких к нему территорий Северного Причерноморья. Это бронзовая бляха из четвёртого Семибратнего кургана, вторая половина V в. до н. э. (*ОАК за 1876 г., с. 136; рис. 9; Borovka, 1928, tabl. 17D*); бляхи из курганов 1 и 24, 475—425 гг. до н. э. Нимфейского некрополя (*Силантьева, 1959, с. 84; рис. 47: 6; с. 69; рис. 37: 9*); случайная находка на Таманском полуострове (*Borovka, 1928, tabl. 17C*), нащёчники с Айлянма-Кая и из окрестностей сёл Марково и Шахтино, Крым (№ 1/241, 27/353, 28/354 Каталога). В относительно реалистичной манере выполнено и изображение кабаньей головы на керамической форме для отливки или тиснения изображений с поселения Кошары, IV в. до н. э. (*Ольговский, 2014, с. 145; рис. 51*).

46/406. В виде лаконичной кабаньей головы без загривка, повёрнутой влево

Юго-Восточный Крым. Покупка в Феодосии.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 3,5; высота: 1,5 см.

Ширина петли: 1,3; высота 0,6 см.

Строго профильное, крайне условное изображение головы выполнено в низком рельефе. Голова имеет вытянутую форму. В её центре — сквозное отверстие в виде длинного овала, передающее приоткрытую пасть зверя. Оно делит голову на основную верхнюю часть и нижнюю челюсть. Со стороны носа сквозное отверстие пасти ограничено рельефной линией клыка, не выходящей за верхний край морды. Носовая часть немного расширена и вздернута вверх. Глаз намечен овальным углублением. Ухо круглое, со впадиной ушной раковины.

С оборотной стороны — полукруглая петля.

Аналогии: по условности и геометричности формы, а также отсутствию загривка наиболее близкими аналогиями являются бляхи из окрестностей Старого Крыма (№ 45/405 Каталога), нижней террасы городища Нимфей, первая половина V в. до н. э. (*Скуднова, 1954, с. 316; рис. 6, левый*), а также из курганов Роменского уезда, Посулье (*Шкурко, 1976, рис. 3, 11*). Весьма близки: бляха из погребения 13, кургана 2 у с. Владимировка (*Колотухин, 2000, рис. 10: 2*), Белогорского р-на, с. Кринички, Долинное, Юго-Восточного Крыма (№ 41/401—44/404 Каталога), изображения на клыках из кургана 3 в имении Талаевой (Центральный Крым) (*Яковенко, 1976, рис. 8: 1*) и разрушенного погребения около Керчи (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*); Крым. Бляхи в виде кабана происходят из кургана 446 у с. Капитанов-

ка, бассейн Тясмина (*Могилов, с. 312; рис. 35, 35а*) и № 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э., в Посулье (*Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 8*), Днепровская Лесостепь; кургана 7 группы Частых (*Либеров, 1965, табл. 22: 19*); Елизаветовского могильника, V—IV вв. до н. э. (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 2*), Подонье; кургана 24 Нартанского могильника в Предкавказье (*Батчаев, 1985, табл. 53: 20*). В Причерноморской Степи аналогичные изображения известны на клыке с городища Глубока Пристань на хоре Ольвии, V — начало IV вв. до н. э. (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*) и на бронзовой бляшке из с. Днепряны с левого берега низовий Днепра, вторая половина V в. до н. э. (*Мурзин, 1984, рис. 18: 3*).

Более отдаленные аналогии: относительно реалистичные кабаньи головки с сомкнутой пастью, происходящие, преимущественно, с Боспора и близких к нему территорий Северного Причерноморья. Это бронзовая бляха из четвёртого Семибратнего кургана, вторая половина V в. до н. э. (*ОАК за 1876 г., с. 136; рис. 9; Borovka, 1928, tabl. 17D*); бляхи из курганов 1 и 24, 475—425 гг. до н. э. Нимфейского некрополя (*Силантьева, 1959, с. 84; рис. 47: 6; с. 69; рис. 37: 9*); случайная находка на Таманском полуострове (*Borovka, 1928, tabl. 17C*), нащёчники с Айлянма-Кая и из окрестностей сёл Марково и Шахтино, Крым (№ 1/241, 27/353, 28/354 Каталога). В относительно реалистичной манере выполнено и изображение кабаньей головы на керамической форме для отливки или тиснения изображений с поселения Кошары, IV в. до н. э. (*Ольговский, 2014, с. 145; рис. 51*).

Публикуется впервые.

47/407. В виде реалистичной кабаньей головы без загривка, повёрнутой вправо

В окрестностях города Старый Крым, Кировский район.

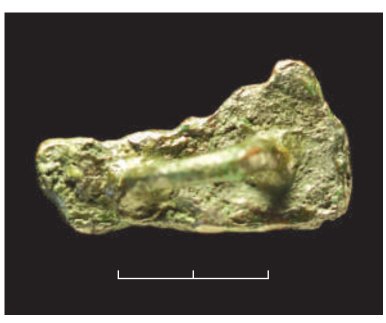
Бронза, литьё. Сохранность во время приобретения неудовлетворительная; сильно окислена поверхность. Изделие реставрировано.

Длина: 4,2; высота бляшки: 2,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 2,3 см.

Голова животного выполнена в высоком рельефе и отличается от других редуцированных изображений вепря общей реалистичностью в сочетании с некоторыми условными деталями. Морда зверя вытянутая, слегка сужающаяся к оконча-

нию. Щека показана массивной выпуклостью, нос — конгломератом складок. Над щекой размещён концентрический глаз: выпуклая зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы. Он немного выступает над верхним контуром головы. Глазница снизу также окантована ещё одной рельефной полосой. Маленькое ухо овальной формы с округлым углублением в середине, расположено сразу за глазом. Окончание носа дано двумя рельефными складками, передающими «пятак» и, видимо, клык. Загривок не выделен. В целом изделие выглядит очень массивным и рельефным. С оборотной стороны — полукруглая петля.

Аналогии: близкие неизвестны. Бляха сочетает в себе черты условности и геометризма, как в предшествующих изображениях, и относительного реализма (высокий рельеф, сомкнутая пасть), характерного для изображений, происходящих исключительно с территории Боспора.

48/408. В виде трёх кабаньих голов

V в. до н. э.

Село Новоклёново, Белогорский район, предгорье Караби-Яйла.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 4,3; ширина: 4,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,4 см.

Голова кабана изображена в высоком рельефе, анфас, строго в плане (вид сверху). Голова имеет подтреугольную форму с чётко выраженной осью симметрии, разделяющей её на левую и правую части. Ось симметрии показана условным загривком (рельефная линия в верхней части головы) и впадиной, проходящей между глазами и переходящей в нос. Последний показан двумя рельефными складками, заканчивающимися утолщением «пятака». В центральной части складки немного поджаты клыками, расположенными симметрично. Глаза очень выразительны, показаны необычно, в высоком рельефе: линзовидные зеницы выпуклые и расположены почти перпендикулярно основной плоскости изображения, а обрамляющие их глазницы плавно вырастают из этой плоскости. Благодаря такому приёму изображение можно рассматривать как строго сверху, так и спереди: при любом ракурсе глаза остаются крайне выразительными. Между глазами круглыми точками показаны слезницы, переходящие в две мощные надбровные дуги. Уши животного треугольные, со впадиной ушной раковины.

Уникальность изображению придаёт то, что левую и правую стороны головы можно рассматривать как отдельные изображения кабаньих голов, выполненные уже не анфас, а в профиль. Профильные изображения расположены зеркально друг по отношению к другу и разделены осью симметрии «основной» головы анфас. Каждая отдельно рассмотренная профильная голова имеет длинную носовую часть, оканчивающуюся утолщением «пятака», слегка приоткрытую пасть с клыком, идущим от нижней губы вверх, глазом сложной овальной формы со слезницей и массивной надбровной дугой, торчащим назад треугольным ухом. У профильных голов хорошо показаны полуовальные плоскости щек. Загривок и «пятак» изображения анфас выполняют ту же роль в изображениях профильных.

Изделие, безусловно, является шедевром скифского искусства звериного стиля, в котором мастерски сочетается реалистичность передачи отдельных деталей (глаза, нос) и общий геометризм, позволяющий совместить в одном образе три изображения одного и того же мотива. Каждое из трёх изображений, но, особенно, основное изображение анфас, выглядит очень экспрессивно, хорошо передавая агрессивность животного.

С оборотной стороны — полукруглая петля, под ней — дорожка шириной 0,5 см, связанная с процессом отливки изделия.

Аналогии: известны всего лишь три иконографические аналогии сдвоенных кабаньих голов: на золотой пластине-

аппликации из кургана Бабы (V в. до н. э.) в Степном Причерноморье (*Артамонов 1966, с. 105; кат. 71*), на бронзовой бляхе из могильника Кривая Лука в Нижнем Поволжье, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Очир-Горяева, 2012, с. 221; Королькова, 2006, с. 178; табл. 9: 11*) и на роговой пронизи из тагарского могильника Кичик-Кюзюр, который, скорее всего, относится к эпохе архаики (*Членова 1997, с. 21, 76; рис. 30: 8*). Правда, ни в одном из перечисленных случаев не образуется единого изображения анфас. В целом же изображения животных, представленных в подобной схеме, известны в курганах 400 (первая—вторая четверти V в. до н. э.) и В (V в. до н. э.) у с. Журовка, в бассейне Тясмина, Днепровское Лесостепное Правобережье, где показаны лосиные головы (*Могилов, 2008, с. 346; рис. 125: 1, 2*); курганах у с. Берестянка (бассейн Ворсклы) и № 10 у с. Горка на Среднем Дону, IV в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 310; рис. 92: 28—30*). С точки зрения реалистичности нашему изображению близка пряжка с лосиными головами из кургана В у с. Журовка.

49/409. В виде стоящего кошачьего хищника с головой, повёрнутой назад

V в. до н. э.

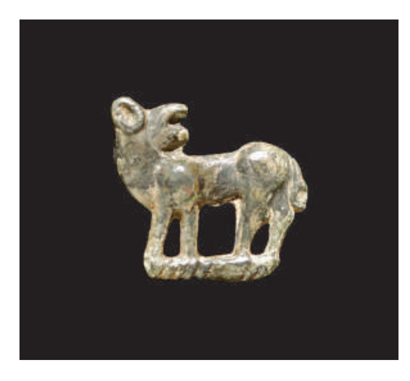
Село Новопокровка, урочище Солёная Балка, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая.

Длина: 2,6; высота: 2,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,4 см.

Представлена фигура стоящего на четырёх лапах хищника с повёрнутой назад головой. Короткое туловище зажато между выпуклыми бедром и лопаткой. Показаны все четыре ноги. Они прямые, стройные, на задней паре виден скакательный сустав. Хвост загнут в кольцо. Зверь стоит на горизонтальной поверхности, украшенной косой насечкой, по-видимому, имитирующей растительность. Шея животного широкая, массивная, плавно изогнута, увенчана крупной головой. Ухо хищника — правильной овальной формы с углублением и окантовкой. Морда невыразительна. Двумя рельефными линиями показаны, видимо, верхняя и нижняя челюсти. Складывается впечатление, что часть головы хищника не долита в форме.

На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: очень близкой аналогией является бляшка (к сожалению, случайная находка) с античного поселения Голубицкая 2 на Тамани, которая неверно определена как фигурка лошади (*Строкин, 2010, с. 461, 463; рис. 4: 48*). Между тем, туловище животного, голова, загнутый в колечко хвост недвусмысленно свидетельствуют об изображении кошачьего. По моделировке тела, положению ног в определённой степени близка этой находке бляшка из кургана Г у с. Журовка (первая половина V в. до н. э.) в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Петренко, 1967, с. 165; табл. 29: 27*).

50/410. В виде свернувшегося кошачьего хищника

Вторая четверть VI — начало V вв. до н. э.

Село Айвазовское, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

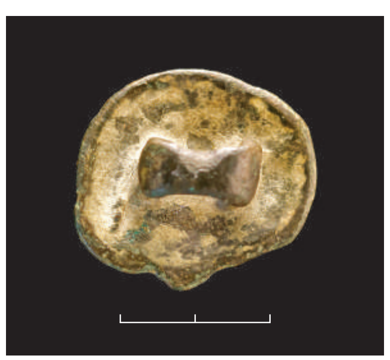
Длина: 3,2; высота: 2,9 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,9 см; ширина: 1,5 см.

Изображение выполнено в низком рельефе, контуры тела и основные детали сглажены. Длинное туловище зверя описывает кольцо вокруг лап, составляющих композиционный центр изображения. Голова имеет вытянутую подовальную форму. Чётко различимы нижняя челюсть, основная часть, сужающаяся к окончанию и расширяющаяся в районе ноздрей, и овальное ухо с углублением ушной раковины. Глаз передан едва различимым кружком. Передняя лапа прямая, массивная, с тремя пальцами, на ней как бы лежит голова зверя (его нижняя челюсть). Задняя лапа неестественно загнута вверх, образуя параллель с передней. Она также с тремя пальцами, которые лежат в подтреугольном углублении, образованном лопаткой и бедром зверя. Хвост длинный, огибает бедро. Его кончик образует сложный завиток на оси симметрии с трёхпалой задней лапой. С оборотной стороны — петля прямоугольной формы.

Аналогии: описываемое изображение свернувшегося хищника принадлежит весьма ограниченной и однотипной серии, получившей распространение в составе сложных композиций на крестовидных бляхах «ольвийского типа», а также в виде нескольких изолирован-

ных изображений. Ближе всего нашему изображению бронзовые бляхи из кургана 482 у с. Басовка, вторая половина VI в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 25: 2, 4*) и окрестностей с. Водяное Мелитопольского уезда (*Канторович, 2015, с. 1094, 1342, рис. 7: а, б*). Следует отметить, что этой днепровско-левобережной географией список известных изолированных изображений подобного рода хищников исчерпывается. В составе сложных композиций очень схожие изображения помещены на бронзовых обтянутых золотым листом крестовидных бляхах из кургана 13 у с. Деревки («Могила Опишлянка»), последняя четветь VI — начало V вв. до н. э. (*На краю ойкумены, 2002, кат. 450*), кургана 2 у с. Волковцы, начало V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, рис. 37*), Днепровское Лесостепное Левобережье; кургана у с. Гусарка (*Мурзин, 1984, рис. 17*), последняя четверть VI — начало V вв. до н. э., Днепровская Левобережная Степь. В нижнем Подонье: случайная находка в с. Дугино (*Канторович, 2015, с. 1093, 1342; рис. 2*). За пределами Днепровского Левобережья и Подонья на территории Скифии нам известно лишь одно подобное изображение — в составе крестовидной бляхи из погребения 12 некрополя Ольвии, вторая четверть VI — начало V вв. до н. э. (*Капошина, 1956, рис. 16*).

51/411. В виде хищника с поджатой лапой и редуцированным туловищем

Скифское время.

Район села Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 4,0; высота от верхней части уха: 2,5 см.

Высота петли: 0,7; ширина: 1,6 см.

Фигура животного вписана в прямоугольное пространство, и состоит из туловища / шеи, большой головы, поджатой под неё лапы и не вполне понятного конгломерата задней части. Изображение строго профильное, выполнено в высоком рельефе. Наиболее понятно читается голова. Она опущена вниз, перпендикулярно условному туловищу /шее, и имеет вытянутую форму, сужающуюся к окончанию. В её центре — большой круглый глаз: выпуклая зеница лежит в углублении глазницы. На затылке — торчащее вверх ромбовидное ухо со впадинкой ушной раковины. Бóльшая его часть выходит за верхний контур головы. На окончании носовой части — короткая вдавленная линия, передающая ноздрю. Под носовой частью — кольчатая пасть, показанная крайне условно, рельефно окантованным кругом, к которому примыкает согнутая лапа. Кисть лапы загнута и упирается в круг. Вдавленной линией на ней выделен коготь. Скорее всего, данное изображение передает образ хищника с поджатой под челюсть пе-

редней лапой. В аналогичной иконографии выполнено окончание псалия в виде головы кошачьего хищника, опубликованное в данном Каталоге под № 3/258. Мощная шея постепенно сужается, переходя в узкое поджарое туловище. Верхний контур туловища / шеи горизонтальный, украшен пятью рельефными рубчиками, видимо передающими шерсть. Наиболее оригинально выполнена задняя часть животного. Она показана трема сомкнутыми слегка изогнутыми рельефными складками, идущими сверху вниз и заканчивающимися небольшими утолщениями. На окончаниях — перпендикулярные вдавленные линии, передающие, видимо, когти. Сзади складки огибает еще одна, еле заметная линия, изображающая, вероятно, хвост. Скорее всего, таким необычным приёмом мастер хотел показать редуцированную заднюю часть животного с оставшимися прямыми тремя лапами и хвостом.

Вместе с тем, силуэт изображения, похоже, дает возмож-

ность и другой интерпретации: как очень стилизованной головы лося, повёрнутой влево. В этом случае, общий контур животного является контуром головы лося, имеющей вытянутую форму, резко преломляющуюся в окончании вниз (конгломерат лап хищника), а ухо и глаз хищника являются одновременно ухом и глазом лося. Подложенная под пасть передняя лапа играет роль его нижней губы, замыкающей приоткрытый рот. Правда, в подобной иконографии изображение головы лося неизвестно. Тем не менее, приведенные аргументы и уникальность самого изображения не позволяют отказаться от такой интерпретации.

Аналогии: отыскать что-либо подобное среди многообразия известных изображений, выполненных в зверином стиле, не удалось. Однако образ хищника в профиль с подложенной под нижнюю челюсть передней лапой, известен. Таковы бронзовые псалии и уздечные бляхи из 4-го Семибратнего кургана, вторая половина V в. до н. э. (*Канторович, 2015, с. 1097, 1356; рис. 1—3*) и «Майкопского клада» (*Leskov, 2008, N 249*).

52/412 — 57/417. Серия блях в виде головы хищного зверя (льва?) в фас

Конец V — первая половина IV вв. до н. э.

52/412. *Посёлок Щебетовка, Судакский район.*

Находка была сделана недалеко от поселка, в том же лесу, где были обнаружены два нащёчника в виде лосиных голов (*№ 5/331, 7/333 Каталога*).

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 2,6; ширина в верхней части: 2,0 см.

Петля обломана; её ширина: 1,6 см.

Изображение, выполненное в низком рельефе, имеет подтреугольную форму, слегка су-

жаясь книзу. Здесь в плане, т. е. без нижней челюсти, показана голова хищного зверя, скорее всего, льва. В верхней части головы рубчиками представлены короткие уши и грива животного. От выпуклого круга на лбу до нижней части морды идёт низкорельефная линия, передающая нос животного и делящая голову на левую и правую половины. От неё симметрично расходятся три пары линий: одна в верхней части головы («брови») и две — в нижней («усы»). В самом низу морды небольшой дугой дан нос. Концентрические глаза животного показаны двумя кружками, передающими зеницу и глазницу.

В целом изображение очень условно, черты головы кошачьего хищника (видимо, льва) угадываются в нём благодаря гриве и симметрично расходящимся от линии носа горизонтальным линиям, передающим «брови» и «усы». На оборотной стороне в центре — обломанная петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: весьма близкие известны в степной зоне Северного Причерноморья, например, кургане 4, погребении 2 у с. Первомаевка на Херсонщине, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Евдокимов, Фридман, 1987, с. 104; рис. 16: 2*), а также в Лесостепи, в частности, в кургане 2 группы Малая Рогозянка I, в бассейне Северского Донца, первая половина IV в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 173; рис. 33: 4, 5*). Близкие крымские аналогии — бляхи из урочища Бураган, Золотого поля, Краснофлотского, Абрикосовки, Зуи — Ароматного (№ 53/413—57/417 Каталога). Более отдалённые аналогии — в Нижнем Поволжье, например, в погребении 1 в Хошеутово (*Очир-Горяева, 2012, с. 215; илл. 255*).

По иконографии и стилю данное изображение также похоже на изображение головы в фас, помещённое на одном из самых ранних пантикапейских серебряных триоболов, который датируется 500—490 гг. до н. э. (*Анохин, 1986, каталог монет; № 4; с. 136*).

53/413. *В районе села Золотое поле, Кировский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 2,7; максимальная ширина: 2,0 см.

Высота петли: 0,9; ширина: 1,9 см.

В плане, т. е. без нижней челюсти, показана голова хищного зверя, скорее всего, льва. Она имеет подтреугольную форму, слегка сужаясь книзу. В верхней части головы грубыми рубчиками показаны короткие уши и грива животного. Левое ухо несимметрично маленькое по отношению к правому. От выпуклого круга в центре лба к нижней части головы идёт низкорельефная линия, передающая нос и делящая голову на левую и правую половины. От неё симметрично расходятся три пары линий: одна в верхней части головы («брови») и две — в нижней («усы»). Концентрические глаза животного показаны двумя кружками, передающими зеницу и глазницу.

На оборотной стороне — полукруглая петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: немногочисленные, но весьма близкие известны в степной зоне Северного Причерноморья — в кургане 4, погребении 2 у с. Первомаевка, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Евдокимов, Фридман, 1987, с. 104; рис. 16: 2*), а также в Лесосте-

пи — в кургане 2 группы Малая Рогозянка I, в бассейне Северского Донца, первая половина IV в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 173; рис. 33: 4, 5*).

Близкие крымские аналогии — бляхи из Щебетовки, урочища Бураган, Краснофлотского, Абрикосовки, Зуи — Ароматного (№ 52/412, 54/414—57/417 Каталога). Более отдалённые аналогии — в Нижнем Поволжье, например, в погребении 1 в Хошеутово (*Очир-Горяева, 2012, с. 215; илл. 255*).

По иконографии и стилю данное изображение также похоже на изображение головы в фас, помещённое на одном из самых ранних пантикапейских серебряных триоболов, который датируется 500—490 гг. до н. э. (*Анохин, 1986, каталог монет; № 4; с. 136*).

Публикуется впервые.

54/414. *В районе села Краснофлотское, Советский район, Присивашье.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая, но изображение немного затерто.

Высота: 2,6 см; максимальная ширина: 2,0 см.

Ширина обломанной петли: 1,9 см.

Близкий аналог бляхам из Щебетовки и Золотого поля (№ 52/412, 53/413 Каталога). Имеет подтреугольную форму, слегка сужаясь книзу. В верхней части головы грубыми рубчиками показаны короткие уши и грива животного. От центрального рубчика гривы до нижней части морды идёт низкорельефная линия, передающая нос животного и делящая голову на левую и правую половину. От неё симметрично расходятся три пары линий: одна в верхней части морды («брови») и две — в нижней («усы»). В самом низу небольшой дугой передан рот. Концентрические глаза животного показаны двумя кружками, передающими зеницу и глазницу. Нижняя челюсть не показана.

На оборотной стороне — петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: немногочисленные, но весьма близкие известны в степной зоне Северного Причерноморья — в кургане 4, погребении 2 у с. Первомаевка, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Евдокимов, Фридман, 1987, с. 104; рис. 16: 2*), а также в Лесостепи — в кургане 2 группы Малая Рогозянка I, в бассейне Северского Донца, первая половина IV в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 173; рис. 33: 4, 5*). Близкие крымские аналогии — бляхи из урочища Бураган, Абрикосовки, Зуи — Ароматного (№ 55/415—57/417 Каталога). Более отдалённые — в Нижнем Поволжье, например, в погребении 1 в Хошеутово (*Очир-Горяева, 2012, с. 215; илл. 255*).

По иконографии и стилю данное изображение также похоже на изображение головы в фас, помещённое на одном из самых ранних пантикапейских серебряных триоболов, который датируется 500—490 гг. до н. э. (*Анохин, 1986, каталог монет; № 4; с. 136*).

Публикуется впервые.

55/415. *Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 2,3; максимальная ширина: 1,9 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,4 см.

Близкое, но не идентичное предыдущим изображение головы хищного животного в фас, выполненное с большей условностью. Отличия от предшествующих блях: более округлая форма в целом, отсутствие округлой выпуклости на лбу, одностороннее сужение в нижней части головы. На оборотной стороне — петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: немногочисленные, но весьма близкие известны в степной зоне Северного Причерноморья — в кургане 4, погребении 2 у с. Первомаевка, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Евдокимов, Фридман, 1987, с. 104; рис. 16: 2*), а также в Лесостепи — в кургане 2 группы Малая Рогозянка I, в бассейне Северского Донца, первая половина IV в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 173; рис. 33: 4, 5*). Близкие крымские аналогии — бляхи из Щебетовки, Золотого поля, Абрикосовки, Краснофлотского, Зуи — Александровки (№ 52/412—54/414, 56/416, 57/417 Каталога). Более отдалённые — в Нижнем Поволжье, например, в погребении 1 в Хошеутово (*Очир-Горяева, 2012, с. 215; илл. 255*).

По иконографии и стилю данное изображение также похоже на изображение головы в

фас, помещённое на одном из самых ранних пантикапейских серебряных триоболов, который датируется 500—490 гг. до н. э. (*Анохин, 1986, каталог монет; № 4; с. 136*).

56/416. *В районе села Абрикосовка, Кировский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 2,3; максимальная ширина: 2,0 см.

Высота петли: 0,9; ширина: 2,0 см.

Изображение, идентичное по иконографии предыдущим, однако имеющее существенные стилистические отличия. Грива показана бóльшим количеством рубчиков. Глаза гипертрофированы и переданы двумя выпуклыми полушариями. Они выходят за пределы контура головы. Левый глаз больше правого и имеет форму неровного круга. Левая и правая половины головы ассиметричны. В целом, изделие выполнено небрежно и, по сравнению с другими аналогичными экземплярами, проявляет черты деградации, являясь, возможно, неумелым подражанием эталонным образцам.

Аналогии: немногочисленные, но весьма близкие известны в степной зоне Северного Причерноморья — в кургане 4, погребении 2 у с. Первомаевка, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Евдокимов, Фридман, 1987, с. 104; рис. 16:* 2), а также в Лесостепи — в кургане 2 группы Малая Рогозянка I, в бассейне Северского Донца, первая половина IV в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 173; рис. 33: 4, 5*). Близкие крымские аналогии — бляхи из Щебетовки, урочища Бураган, Золотого поля, Краснофлотского, Зуи — Александровки (№ 52/412—55/415, 57/417 Каталога). Более отдалённые — в Нижнем Поволжье, например, в погребении 1 в Хошеутово (*Очир-Горяева, 2012, с. 215; илл. 255*). Сходства с монетным изображением у данного экземпляра утрачивается.

Публикуется впервые.

57/417. *Белогорский район. Предположительно в окрестностях Зуи — Александровки.*

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. Верхний угол бляхи обломан.

Высота: 2,5; максимальная ширина: 1,9 см.

Ширина петли: 1,6; высота: 0,7 см.

Аналог предыдущих блях, отличается от них в деталях. В плане, т. е. без нижней челюсти, показана голова хищного зверя, скорее всего, льва. Она имеет подтреугольную форму, сужаясь книзу. Ось симметрии, идущая от лба и проходящая между глазами и по условному носу, точно делит голову на левую и правую части. Центром композиции являются два больших концентрических глаза. Круглые зеницы лежат в углублениях, окантованных широкими плоскими линиями — своеобразными «очками». Надбровные дуги акцентированы двумя симметрично расходящимися от условного носа рельефными линиями. Лоб показан тремя рельефными кружками. Сохранившееся ухо имеет вытянутую подовальную форму, со впадиной ушной раковины. Видимо, такой же формы ухо располагалось и с другой стороны. Между ушами рубчиками показана грива. От нижней части носа симметрично расходятся четыре пары линий, передающие нижнюю «усатую» часть морды.

На оборотной стороне — полукруглая петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: почти полные: в Степи, курган 4, погребение 2 у с. Первомаевка, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Евдокимов, Фридман, 1987, с. 104; рис. 16:* 2), а также в Лесостепи, курган 2 группы Малая Рогозянка I, в бассейне Северского Донца, первая половина IV в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 173; рис. 33: 4, 5*). Близкие крымские аналогии — бляхи из Щебетовки, урочища Бураган, Золотого поля, Краснофлотского и Абрикосовки (№ 52/412—56/416 Каталога). Более отдалённые — в Нижнем Поволжье, например, в погребении 1 в Хошеутово (*Очир-Горяева, 2012, с. 215; илл. 255*).

Публикуется впервые.

58/418. В виде головы хищного зверя в фас

V—IV вв. до н. э.

Село Синекаменка, Белогорский район. В этой же местности найдены боспорские и херсонесские монеты IV—III вв. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота: 1,7; ширина: 1,0 см.

Высота крепёжной петли: 0,6; ширина: 1,6 см.

Голова имеет подпрямоугольную форму. Она показана в плане, т. е. без нижней челюсти, как бы сверху. Рельефная линия, идущая сверху вниз, разделяет голову на две симметричные части — левую и правую. В

верхней части расположены удлинённые овальные уши, окантованные рельефными валиками. Глаза гипертрофированные, концентрические (выпуклая зеница расположена в рельефно окантованной глазнице). На щеках — три рельефные параллельные линии, расположенные перпендикулярно узкому носу по обеим от него сторонам.

Аналогии: точные неизвестны. Однако изображения фасов хищников схожей иконографии хорошо представлены в Лесостепном Поднепровье. Достаточно близкими аналогиями являются: золотая бляшка из кургана 402 у с. Журовка первой половины V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 19: 25; Королькова, 2006, табл. 39: 4*) и бронзовая уздечная бляха из Грищенец, V в. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 94: 27*). Однако, в отличие от крымского изображения, в указанных аналогиях на щеках показаны не перпендикулярные, а параллельные носу рельефные линии. Трактовку щёк именно перпендикулярными к носу линиями мы встречаем на бронзовых уздечных бляхах из погребения 1, кургана 2, могильника Малая Рогозянка 1, первая половина IV в. до н. э. (*Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 33: 4, 5; Могилов, 2008, рис. 94: 3—8*), из погребения 2, кургана 4 группы II у села Первомаевка, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Евдокимов, Фридман, 1987, с. 104, 105; рис. 16: 2*). Наиболее представительная серия блях (6 экз.), сходных с рогозянскими и первомайскими, происходит из Крыма (№ 52/412—57/417 Каталога).

Публикуется впервые.

59/419—62/422. Серия блях в виде головы кошачьего хищника в фас, выполненной в высоком рельефе

V в. до н. э.

59/419. *Село Новопокровка, урочище Солёная Балка, Кировский район.*

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина бляхи: 3,5; максимальная ширина: 1,5 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,3 см.

Бляха продолговатой формы, дуговидно изогнутая в сечении. На ней представлена голова хищника, показанная в плане, т. е. сверху: от затылка до носа и щёк, без нижней челюсти. Голова разделена на левую и правую части ребром сходящихся плоскостей. Оно идёт от условного затылка, переходя в лоб, а затем в широкий плоский нос животного. Глаза выпуклые, овальной формы, зеницы лежат в углублениях глазниц. В похожей манере, плоским рельефом выделены широкие щёки, размещенные по обеим сторонам от носа. Листовидные уши прижаты к голове. Сочетание овальных глаз, «висящих» щек и широкой морды не оставляет сомнения в том, что перед нами кошачий хищник.

На оборотной стороне — массивная полукруглая петля.

Аналогии: прямые происходят именно из Крыма — Юго-Восточного Крыма (точное место находки неизвестно), Кировского р-на и с. Спасовка (№ 60/420—62/422 Каталога). За пределами Крыма прямой аналогией можно считать четыре бронзовые бляхи из кургана 23 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Исследования, 2002, рис. 4: 10; Могилов, 2008, рис. 94: 28*). Отличия только в том, что глаза перещепинских фасов имеют круглую форму. Более отдаленные аналогии — четыре бронзовые бляшки из комплекта 3 у пос. Багерово на Керченском полуострове (№ 2/51—2/54 Каталога), золотая бляшка из кургана 402 у с. Журовка, первой половины V в. до н. э. (*Borovka, 1929, tabl. 11B; Петренко, 1967, табл. 19: 25; Королькова, 2006, табл. 39: 4*); бронзовая уздечная бляха из с. Грищенцы, V в. до н. э. (*Бобринской, 1914, рис. 20; Могилов, 2008, рис. 94: 27*) и кургана 5/1917 у ст. Елизаветинской (*Галанина, 2010, табл. 2: 5*); наконечник неопределенного предмета с хутора Шунтук (*Иессен, 1955, фото на с. 32*).

60/420. *Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Длина бляхи: 2,6; ширина: 1,2 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,2 см.

Бляха по форме близка описанной выше, но менее массивна. На ней представлена голова хищника, показанная в плане, т. е. сверху: от затылка до носа и щек, без нижней челюсти. Голова разделена на левую и правую части ребром сходящихся плоскостей. Оно идет от условного затылка, переходя в лоб, а затем в широкий плоский нос живот-

ного. Большие глаза выпуклые, овальной формы, лежат в углублении глазницы. В похожей манере плоским рельефом выделены щёки, размещенные по обеим сторонам от носа. Листовидные уши прижаты к голове. Сочетание овальных глаз, висящих щек и широкой морды не оставляет сомнения в том, что перед нами кошачий хищник.

На оборотной стороне — массивная полукруглая петля.

Аналогии: прямые происходят именно из Крыма: сёла Новопокровка и Спасовка Кировского р-на (точное место находки неизвестно) (№ 59/419, 61/421, 62/422 Каталога). За пределами Крыма прямой аналогией можно считать четыре бронзовые бляхи из кургана 23 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Исследования, 2002, рис. 4: 10; Могилов, 2008, рис. 94: 28*). Отличия только в том, что глаза перещепинских фасов имеют круглую форму. Более отдаленные аналогии — четыре бронзовые бляшки из комплекта 3 у пос. Багерово на Керченском полуострове (№ 2/251—5/254 Каталога), золотая бляшка из кургана 402 у с. Журовка первой половины V в. до н. э. (*Borovka, 1929, tabl. 11В; Петренко, 1967, табл. 19: 25; Королькова, 2006, табл. 39: 4*); бронзовые уздечные бляхи из с. Грищенцы, V в. до н. э. (*Бобринской, 1914, рис. 20; Могилов, 2008, рис. 94: 27*) и кургана 5/1917 у ст. Елизаветинской (*Галанина, 2010, табл. 2: 5*); наконечник неопределенного предмета с хутора Шунтук (*Иессен, 1955, фото на с. 32*).

61/421. *Кировский район, точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,7; ширина: 1,4 см.

Высота петли: 0,7; ширина: 1,4 см.

Аналог предыдущих изображений. Бляха продолговатой формы, дуговидная в сечении, в виде головы хищника, показанной в плане, т. е. сверху: от затылка до носа и щёк, без нижней челюсти. Голова разделена на левую и правую части ребром сходящихся плоскостей. Оно идет от условного затылка, переходя в лоб, а затем в широкий плоский нос животного. Большие глаза выпуклые, овальной формы, лежат в углублении глазниц. В похожей манере плоским рельефом выделены щёки, размещенные по обеим сторонам от носа. Листовидные уши прижаты к голове. Сочетание овальных глаз, «висящих» щек и широкой морды не оставляет сомнения в том, что перед нами кошачий хищник. На оборотной стороне — массивная полукруглая петля.

Аналогии: прямые происходят именно из Крыма — урочища Солёная Балка близ с. Новопокровка, Юго-Восточного Крыма (точное место находки неизвестно) и с. Спасовка (№ 59/419, 60/420, 62/422 Каталога). За пределами Крыма прямой аналогией можно считать четыре бронзовые бляхи из кургана 23 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Исследования, 2002, рис. 4: 10; Могилов, 2008, рис. 94: 28*). Отличия только в том, что глаза перещепинских фасов имеют круглую форму. Более отдаленные аналогии — четыре бронзовые бляшки из комплекта 3 у пос. Багерово на Керченском полуострове (№ 2/251—5/254 Каталога), золотая бляшка из кургана 402 у с. Журовка первой половины V в. до н. э. (*Borovka, 1929, tabl. 11В; Петренко, 1967, табл. 19: 25; Королькова, 2006, табл. 39: 4*); бронзовая уздечная бляха из с. Грищенцы, V в. до н. э. (*Бобринский, 1914; рис. 20; Могилов, 2008, рис. 94: 27*) и кургана 5/1917 у ст. Елизаветинской (*Галанина, 2010, табл. 2: 5*); наконечник неопределенного предмета с хутора Шунтук (*Иессен, 1955, фото на с. 32*).

Публикуется впервые.

62/422. *Село Спасовка, Кировский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,5; ширина: 1,4 см.

Высота петли: 0,7; ширина: 1,4 см.

Аналог предыдущих изображений. Бляха продолговатой формы, дуговидная в сечении. На ней представлена голова хищника, показанного в плане, т. е. от затылка до носа и щёк, без нижней челюсти. Голова разделена на левую и правую части ребром сходящихся плоскостей. Оно идет от условного затылка, переходя в лоб, а затем в широкий плоский нос животного. Большие глаза выпуклые, овальной формы, лежат в углублении глазниц. В похожей манере плоским рельефом вы-

делены щёки, размещенные по обеим сторонам от носа. Листовидные уши прижаты к голове. Сочетание овальных глаз, «висящих» щек и широкой морды не оставляет сомнения в том, что перед нами кошачий хищник. На оборотной стороне — массивная полукруглая петля.

Аналогии: прямые происходят именно из Крыма — урочища Солёная Балка близ с. Новопокровка, Юго-Восточного Крыма и Кировского р-на (точное место находки неизвестно) (№ 59/419—61/421 Каталога). За пределами Крыма прямой аналогией можно считать четыре бронзовые бляхи из кургана 23 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Исследования, 2002, рис. 4: 10; Могилов, 2008, рис. 94: 28*). Отличия только в том, что глаза перещепинских фасов имеют круглую форму. Более отдаленные аналогии — четыре бронзовые бляшки из комплекта 3 у пос. Багерово на Керченском полуострове (№ 2/251—5/254 Каталога), золотая бляшка из кургана 402 у с. Журовка, V в. до н. э. (*Borovka, 1929, tabl. 11B; Петренко, 1967, табл. 19: 25; Королькова, 2006, табл. 39: 4*); бронзовая уздечная бляха из с. Грищенцы, первая половина V в. до н. э. (*Бобринской, 1914, рис. 20; Могилов, 2008, рис. 94: 27*) и кургана 5/1917 у ст. Елизаветинской (*Галанина, 2010, табл. 2: 5*); наконечник неопределенного предмета с хутора Шунтук (*Иессен, 1955, фото на с. 32*).

Публикуется впервые.

63/423. В виде головы кошачьего хищника в фас

V в. до н. э.

Село Трудолюбовка, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная, в верхней части бляхи имеются повреждения.

Длина: 2,5; ширина: 1,7 см.

Ширина петли: 1,7, высота: 0,8 см.

Изображение, аналогичное предыдущим, однако отличающееся от них деталями и стилистикой исполнения. Имеет продолговатую форму, дуговидную в сечении. На ней представлена голова хищника, показанного как бы сверху: от затылка до носа и щёк, без нижней челюсти. Продольное ребро разделяет её на левую и правую части. Оно идет от условного затылка, переходя в лоб, а затем в широкий плоский нос животного, передний край которого выступает за контур головы. Большие глаза выпуклые, лежат в углублениях глазниц, обозначенных окантовкой. В похожей манере выделены щеки, размещенные по обеим сторонам от носа. Уши в форме неправильной трапеции прижаты к голове, правое повреждено. Уши разделены рельефной линией. На оборотной стороне — полукруглая петля. Видовую принадлежность животного сложно определить, но, судя по аналогиям, изображен кошачий хищник.

Аналогии: ближайшая происходит из с. Грищенцы (*Бобринской, 1914, рис. 20; Могилов, 2008, рис. 94: 27*). Более отдаленные обнаружены, прежде всего, в Юго-Восточном и Восточном Крыму: бляхи из урочища Солёная Балка близ с. Новопокровка, Юго-Восточного Крыма (точное место находки неизвестно), Кировского района, Спасовки, Багерово (№ 59/419—62/422, 2/251—5/254 Каталога). За пределами Крыма аналогией можно считать четыре бронзовые бляхи из кургана 23 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Исследования, 2002, рис. 4: 10; Могилов, 2008, рис. 94: 28*), золотую бляшку из кургана 402 у с. Журовка первой половины V в. до н. э. (*Borovka, 1929, tabl. 11B; Петренко, 1967, табл. 19: 25; Королькова, 2006, табл. 39: 4*); бронзовую уздечную бляху из кургана 5/1917 у ст. Елизаветинской (*Галанина, 2010, табл. 2: 5*); наконечник неопределенного предмета с хутора Шунтук (*Иессен, 1955, фото на с. 32*).

Публикуется впервые.

64/424. В виде головы хищника кошачьей породы (льва?) в фас

Вторая половина V в. до н. э.

Село Батальное, Ленинский район, Керченский полуостров.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но обломано правое ухо животного.

Ширина: 1,0; высота: 1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,0 см.

Крайне стилизованное изображение головы кошачьего хищника в фас (возможно, льва). В плане имеет подпрямоугольную форму. Центральная часть головы показана выпуклой крестовидно-ромбической фигурой с сужающимися к окончанию лучами. Сохранившееся ухо животного передано правильным овалом, окантованным рельефной линией. Глаза не выделены. К нижнему лучу, видимо передающему уз-

кий нос, по бокам примыкают пухлые щёки. *Лицевая сторона бляхи хорошо заполирована.* На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: встречаются крайне редко. Наиболее близкие входят в состав инвентаря погребения в кургане 11 у с. Олефирщина, вторая—третья четверти V в. до н. э., в междуречьи Ворсклы и Псла, Днепровское Лесостепное Левобережье (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 23, 26; рис. 9: 7, 8*). Подобная бляшка найдена и в Ананьинском могильнике в Поволжье (*Васильев, 2004, с. 281; рис. 6: 5; с. 294; рис. 22: 6*).

Аналогия из Юго-Восточного Крыма — № 65/425 Каталога.

65/425. В виде головы хищника кошачьей породы (льва?) в фас

Вторая половина V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но слегка обломано левое ухо животного. Изделие покрыто зеленоватой патиной.

Ширина: 1,4; высота: 1,9 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,2 см.

Практически аналогичное предыдущему изображение. Отличия: более узкая нижняя часть «креста», символизирующая нос животного, бóльшие размеры, плоский рельеф и другой состав бронзы. Несомненно, бляшки отлиты в разных формах.

Аналогии: встречаются крайне редко. Наиболее близкие входят в состав инвентаря погребения в кургане 11 у с. Олефирщина, вторая—третья четверти V в. до н. э., в междуречьи Ворсклы и Псла, Днепровское Лесостепное Левобережье (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 23, 26; рис. 9: 7, 8*). Подобная бляшка найдена и в Ананьинском могильнике в Поволжье (*Васильев, 2004, с. 281; рис. 6: 5; с. 294; рис. 22: 6*).

Крымская аналогия — с. Батальное (№ 64/424 Каталога).

66/426—79/439. Серия блях в виде головы хищника (кошачьего, волка или медведя) в профиль

Конец VI — V вв. до н. э.

66/426. В виде головы хищника, повёрнутой влево

Село Пруды, Советский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,5; высота: 1,8 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,5 см.

Строго профильное изображение головы хищника выполнено условно и лаконично. Голова зверя удлинённая, однако её форма не позволяет однозначно судить о его видовой принадлежности: кошачий хищник, волк или медведь. Изображение сочетает в себе черты всех трёх. Голова состоит из двух частей: верхней, основной, и нижней. Обе части разделены раскрытой пастью, имеющей форму полуовала, подчёркнутого рельефной окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губы. Приоткрытая пасть моделирована прорезью, в ней размещены два клыка. Верхняя часть головы немного изогнута, лоб зверя имеет покатую форму. Глаз передан вдавленной окружностью. С тыльной стороны головки к окантовке примыкает вдавленная линия, отделяющая нижнюю челюсть от основной части головы. От теменной части отходит ухо в виде неровного кружка с внешней окантовкой. С оборотной стороны бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильин-*

ская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (475—425 гг. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из разных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 67/427—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи могли отливать и в Нижнем Побужье (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*). Однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах их изготовления.

67/427. В виде головы хищника, повёрнутой влево

Село Новоклёново, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,3; высота: 1,6 см;

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,8 см.

Как и предшествующее, строго профильное изображение головы хищника, выполнено в условной и лаконичной манере. Голова зверя удлиненная, однако её форма не позволяет однозначно судить о его видовой принадлежности: кошачий хищник, волк или медведь. Изображение сочетает в себе черты всех трёх. Голова состоит из двух частей: верхней, основной, и нижней. Обе части разделены раскрытой пастью, имеющей форму полуовала, подчеркнутого рельефной окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губы. Пасть передана сквозным отверстием, в ней размещены два клыка. Верхняя часть головы немного изогнута, лоб зверя имеет покатую форму. Глаз передан вдавленной окружностью. С тыльной стороны головки к окантовке примыкает вдавленная линия, отделяющая нижнюю челюсть от основной части головы. От теменной части отходит ухо в виде неровного кружка с внешней окантовкой.

На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из разных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426, 68/428—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи могли отливать и в Нижнем Побужье (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*). Однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах их изготовления.

68/428. В виде головы хищника, повёрнутой влево

Между населенными пунктами Красногвардейское и Пруды, Красногвардейского района.

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Длина: 2,5; высота: 1,7 см.

Ширина петли: 1,6; высота: 1,0 см.

Почти полный аналог предыдущего изображения. Как и в других экземплярах серии, голова разделена на верхнюю (основную) и нижнюю части раскрытой полуовальной пастью, которая передана сквозным отверстием. Рельефная окантовка контуров пасти отображает верхнюю и нижнюю губы. Вытянутую и довольно узкую пасть замыкают два коротких клыка, показанные рельефными линиями. У зверя покатый лоб, плавно переходящий в средней длины нос. Овальный глаз обозначен вдавленной линией. За ним расположено круглое ухо со впадиной ушной раковины. Кожно-шерстная складка намечена маленькой выпуклой плоскостью.

На оборотной стороне — прямоугольная петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из разных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426, 67/427, 69/429—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи отливались, в частности, в Ольвии (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*), однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах изготовления изделий.

Публикуется впервые.

69/429. В виде головы хищника, повёрнутой вправо

Село Новопокровка, на берегу Феодосийского водохранилища, Кировский район.

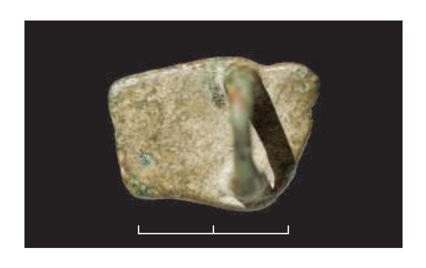
Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Длина: 2,8; высота: 2,0 см.

Высота: петли: 0,9; ширина: 1,8 см.

Аналог двух предыдущих изображений, отличающийся более крупными размерами, разворотом головы и отдельными деталями. Голова разделена на верхнюю (основную) и нижнюю части раскрытой полуовальной пастью. В отличие от предыдущих экземпляров пасть не передана сквозным отверстием. Рельефная окантовка контуров пасти отображает верхнюю и нижнюю губы. Невысоким рельефом показан один мощный клык. Выпуклый

лоб плавно переходит в среднюю длины нос. Глаз едва намечен рельефным кружком. За ним расположено круглое ухо со впадиной ушной раковины. Оно едва выступает за верхний контур головы. В целом, изображение очень сглажено.

На оборотной стороне бляхи — петля полукруглой формы для крепления на ременной основе конского оголовья.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из разных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426—68/428, 70/430—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143, рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи могли отливать и в Нижнем Побужье (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*). Однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах их изготовления.

Публикуется впервые.

70/430. В виде головы хищника, повёрнутой влево

Село Пруды, Советский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая, бляха равномерно покрыта зеленой стекловидной патиной.

Длина: 2,7; высота: 1,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,2 см.

Профильное изображение головы хищника несколько отличается от предшествующих удлинённой формой и моделировкой основных деталей выпуклыми плоскостями и линиями. Выделяется массивная основная часть головы, возможно с шерстной складкой, нижняя челюсть и разделяющая их полуовальная широко раскрытая пасть, моделированная сквозным отверстием. Пасть подчёркнута рельефной окантовкой, её замыкают два длинных сомкнутых клыка. Глаз передан округлой выпуклостью. Ухо короткое, округлое, с намеченной ушной раковиной, прижато к голове, не выходя за её контуры. Изображение в определённой степени реалистично, напоминает голову львицы или пантеры. С оборотной стороны бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1;*

Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит представительная серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из различных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426—69/429, 71/431—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи могли отливать и в Нижнем Побужье (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*). Однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах их производства.

71/431. В виде головы хищника, повёрнутой вправо

Село Партизаны, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,6 см.

Высота петли на оборотной стороне 1,0; ширина: 1,0 см.

Профильное изображение головы хищника, выполненное лаконично и условно. Голова состоит из двух частей: верхней (основной) и нижней. Обе части разделены раскрытой пастью, имеющей форму полуовала, подчеркнутого рельефной окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губы. В открытой пасти размещен лишь один клык. Покатость лба выражена слабо. Глаз передан вдавленной окружностью и слегка смещён в сторону носа. С тыльной стороны головки к окантовке примыкает вдавленная линия, отделяющая нижнюю челюсть от основной части головы. От теменной части отходит ухо в виде кружка с внутренней выемкой.

В целом, морда зверя достаточна короткая, что сближает его с классическими скифскими образами кошачьего хищника.

С оборотной стороны бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400, 401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из разных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426—70/430, 72/432—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи могли отливать и в Нижнем Побужье (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*). Однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах их изготовления.

72/432. В виде головы хищника, повёрнутой вправо

Окрестности города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,8 см.

Ширина петли: 1,8 см.

Изображенная строго в профиль голова имеет удлинённую форму, что сближает зверя с образом волчьего хищника. Длина головы подчёркивается сильной изогнутостью её верхней части, в центре которой расположен глаз в виде вдавленной окружности. В отличие от предыдущих экземпляров, изогнута не только верхняя, но и нижняя часть головы. В данном изделии хорошо передана рельефность: верхняя часть головы и условная шея показаны выпукло. Пасть раскрыта и имеет форму полуовала, показанного прорезью и подчеркнутого рельефной окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губы. В ней просматриваются два узких клыка. Пасть делит голову на верхнюю (основную) и нижнюю части. Ухо представляет собой неровный кружок с рельефной окантовкой. Оно отходит вверх от теменной части, почти полностью выступая за контур головы. Шея моделирована двумя параллельными складками. С оборотной стороны — обломанная полукруглая петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у

с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из разных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426—71/431, 73/433—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи могли отливать и в Нижнем Побужье (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*). Однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о различных центрах их изготовления.

73/433. В виде головы хищника, повёрнутой вправо

Село Яркое Поле, Кировский район.

Находка сделана на том же поле, что и бляха в виде лосиной головки (№ 13/373 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,8 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,8 см.

Данный экземпляр — полный аналог предшествующей бляхи с изображением, скорее всего, волчьего хищника (№ 72/432). Никаких отличий в размерах и иконографии не наблюдается, что может указывать на единую литейную форму. Разница между данным экземпляром и бляхой под № 72/432, похоже, заключается в материале (здесь преимущественно медный состав, о чём свидетельствует характерная красноватая патина), а также в особенностях проливки (в данной бляхе рельеф выражен менее ярко, два клыка слиты в единое целое).

С оборотной стороны — полукруглая петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из различных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426—71/431, 74/434—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи могли отливать и в Нижнем Побужье (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*). Однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах их изготовления.

74/434. В виде головы хищника, повёрнутой вправо

Окрестности города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,8 см.

Ширина петли: 1,8 см.

По общей иконографии образа, стилистике и размерам — полный аналог двум предыдущим экземплярам с изображениями, скорее всего, волчьего хищника (№ 72/432, 73/433 Каталога). Отличие заключается в более примитивной манере исполнения: данный экземпляр хуже пролит, в связи с чем основные характерные черты выглядят сглаженными, как бы затёртыми. Два клыка слиты в единой плоскости, гораздо менее ярко выражены шея, ухо, глаз и губы, окантовывающие открытый полуовал пасти. Тыльная часть прорези пасти перекрыта тонким литником, видимо, не зачищенным во время производства изделия. Скорее всего, данный экземпляр отлит в той же форме, что и два предшествующих.

С оборотной стороны бляхи — обломанная петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из различных мест Центрального и Юго-Восточного

Крыма (№ 66/426—71/431, 75/435—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи могли отливать и в Нижнем Побужье (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*). Однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах их изготовления.

75/435. В виде головы хищника, повёрнутой вправо

Между сёлами Марьевка и Заветное, Ленинский район, Керченский полуостров. В этом же месте был найден наносник без щитка в виде орлиной головки с выступающим глазом (№ 9/283 Каталога).

Бронза, литьё, сохранность очень хорошая.

Длина: 2,3; высота: 1,9 см.

Ширина петли: 1,7; высота: 0,8 см.

По общей иконографии образа, стилистике и размерам — почти полный аналог трём предыдущим экземплярам с изображениями, скорее всего, волчьего хищника (№ 72/432—74/434 Каталога). Как и в предшествующих экземплярах, удлиненная голова разделена на верхнюю (основную) и нижнюю части раскрытой полуовальной пастью, моделированной прорезью. Рельефная окантовка контуров пасти отображает верхнюю и нижнюю губы. Пасть замыкают два клыка, показанные длинными тонкими рельефными линиями. У зверя покатый лоб, плавно переходящий в средней длины нос, оканчивающийся утолщением. Отличие от предыдущих изображений — миндалевидный, вытянутый вперед глаз, обозначенный вдавленной линией. За ним расположено круглое ухо со сквозным внутренним отверстием. В нижней части головы — две выпуклые поверхности, передающие, видимо, кожно-шерстную складку и шею.

На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из разных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426—71/431, 76/436—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи отливали, в частности, в Ольвии (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*), однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах изготовления изделий.

Публикуется впервые.

76/436. В виде головы хищника, повёрнутой вправо

Село Богатое, Белогорский район. В этом же месте был найден наносник в виде протомы хищной птицы (№ 3/277 Каталога).

Бронза, литьё, сохранность удовлетворительная. Поврежден нижний левый угол бляхи.

Длина: 2,4; высота: 2,0 см.

Ширина обломанной петли: 1,7 см.

По общей иконографии образа, стилистике и размерам — аналог экземплярам с изображениями, скорее всего, волчьего хищника (№ 72/432—75/435 Каталога). Как и в предшествующих экземплярах, удлиненная голова разделена на верхнюю (основную) и нижнюю части раскрытой полуовальной пастью, моделированной прорезью. Рельефная окантовка контуров пасти отображает верхнюю и нижнюю губы. Невысоким рельефом в ней изображены два клыка. У зверя выпуклый лоб, плавно переходящий в средней длины нос. Круглый глаз намечен вдавленной линией. За ним расположено круглое ухо со впадиной ушной раковины. В нижней части головы — выпуклая поверхность, передающая, видимо, кожно-шерстную складку.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся в деталях, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*),

курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из различных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426—71/431, 77/437—79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол, подобные бляхи отливали, в частности, в Ольвии (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*), однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах изготовления изделий.

Публикуется впервые.

77/437. В виде головы хищника, повёрнутой вправо

Село Новоклёново, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,2; высота: 1,5 см;

Ширина петли: 2,2; высота: 1,5 см.

Аналог предшествующих изображений, но с несколько иными пропорциями и более сглаженной моделировкой поверхности. Голова состоит из двух частей: верхней, основной, и нижней. Они разделены широко раскрытой полуовальной пастью, моделированной прорезью и окантованной рельефной линией. В пасти два длинных клыка. У хищника выпуклый лоб, плавно переходящий в короткий, сужающийся к окончанию нос. Глаз — большой, намеченный круглой вдавленной линией. Он занимает бóльшую часть головы. Ухо круглое, выпуклое, отходит от теменной части головы, на 2/3 выступая за её контуры. Особенности этой бляшки, в некоторой степени отличающие её от описанной выше серии подобных находок, — зауженный нос, большой глаз и непропорционально большая по отношению к голове пасть.

На оборотной стороне бляхи — петля полукруглой формы для крепления на ременной основе конского оголовья.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особен-

но в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из разных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426—76/436, 78/438, 79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи могли отливать и в Нижнем Побужье (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*). Однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах их изготовления.

78/438. В виде головы хищника, повёрнутой вправо

Окрестности города Старый Крым, Кировский район.

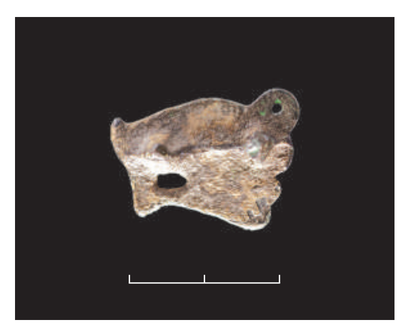
Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,5; высота: 2,0 см.

Петля обломана; ширина: 1,5 см.

Изделие отличается от аналогов ажурностью, которая передается необычным изображением глаза, уха, кончика носа. Как и в предшествующих экземплярах, голова разделена на верхнюю (основную) и нижнюю части полуовальной пастью. Пасть раскрыта и моделирована небольшой прорезью; ее контуры подчеркнуты окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губу. Окончание окантовки верхней части пасти элегантно загибается вверх, образуя кончик носа. В пасти — два клыка. Верхний и нижний контуры головы плавно изогнуты. Шея моделирована двумя параллельными складками. Ухо в виде кружка с отверстием посередине почти полностью выступает за верхний контур головы. Глаз необычной для этого типа изображений миндалевидной формы, выполнен при помощи рельефной линии, и имеет бо́льшую величину, чем аналоги. Нос зверя не очень длинный, что сближает его с изображениями кошачьих хищников, слегка вздернут вверх. С оборотной стороны — обломанная петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400, 401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4;*

Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из разных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426—77/437, 79/439 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи могли отливать и в Нижнем Побужье (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*). Однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах их изготовления.

79/439. В виде головы хищника, повёрнутой влево, с элементом зооморфного превращения

Белогорский район, предположительно район с. Александровка.

Бронза, литьё, чеканка. Сохранность хорошая.

Длина: 2,1; высота: 1,7 см.

Ширина петли: 1; высота: 0,7 см.

Довольно необычное для данной серии изображение, отличающееся от аналогов степенью детализации. Слегка выпуклый лоб плавно переходит в короткий нос. Глаз концентрический, круглая зеница лежит

в углублении глазницы. Спереди к нему примыкает короткая слезница, показанная углубленной линией. За глазом расположено круглое ухо со впадиной ушной раковины. Пасть широко раскрыта и имеет лотосовидную форму. Она подчеркнута рельефной окантовкой, условно отображающей верхнюю и нижнюю губы. Нос подчеркнут относительно длинной вдавленной линией. Пасть замыкается двумя длинными заостренными клыками. Необычно выполнена кожно-шерстная складка — в виде полуспирального завитка, направленного вверх. Очевидно, это очень условное изображение головки хищной птицы.

На оборотной стороне — квадратная петля.

Аналогии: подобные бляхи, различающиеся деталями, были весьма популярны в ареале скифской культуры, особенно в Украинской Лесостепи. В Днепровском Лесостепном Левобережье они обнаружены в кургане 499 у с. Басовка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 12, 13*), кургане В.В. Хвойко у с. Аксютинцы (*Ильинская, 1968, табл. XXVI: 6; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 15*), у с. Поповка (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 14*), кургане 505 у с. Броварки, в бассейне Псла, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 55; табл. 30: 12; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 10, 11*); кургане 9 могильника Перещепино, первая—третья четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 19, 20*), в бассейне Ворсклы. В Днепровском Лесостепном Правобережье: в кургане 491 у с. Макеевка, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, с. 21; табл. 13: 1; Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 8*), курганах 400—401 у с. Журовка, конец VI — начало V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 311; рис. 93: 9, 10*), кургане 48 Гуляй-города, середина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1975, табл. IV: 4; Могилов, 2008, с. 312; рис. 94: 21*), в бассейне Тясмина.

Из Крыма также происходит целая серия аналогичных изображений: из могилы 32 (V в. до н. э.) Нимфейского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 63*), кургана 1 в имении С.А. Крыма, последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 24: 8—10*), а также из разных мест Центрального и Юго-Восточного Крыма (№ 66/426—78/438 Каталога). Весьма сходная бляшка найдена на античном поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также на Нижнем Днестре, в районе с. Токмазея (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*).

Встречаются они и за пределами указанного ареала, например, в Нижнем Поволжье: в погребении 1 кургана у с. Новопривольное (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

Судя по находке двустворчатой формы в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол близ Ольвии, подобные бляхи отливали, в частности, в Ольвии (*Ольговский, 2014, с. 146, 147; рис. 52*), однако широкая популярность таких изображений, разумеется, свидетельствует о разных центрах изготовления изделий.

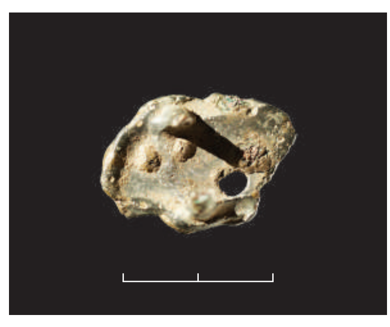
Публикуется впервые.

80/440. В виде округлой головы хищника, повёрнутой влево

Последняя треть VI — первая половина V вв. до н. э.

Село Урожайное, Советский район. Присивашье. В этом же районе найден наносник в виде

орлиной стилизованной головы (№ 4/278 Каталога).

Бронза, литьё, сохранность удовлетворительная. Имеются небольшие повреждения по краям, на поверхности следы коррозии.

Длина: 2,6; высота: 1,8 см.

Ширина обломанной петли: 1,5 см.

Строго профильное изображение округлой головы хищника, отличающееся от предыдущих как формой, так и отдельными деталями. Центром композиции является большой круглый глаз, показанный впадиной, окантованной рельефной линией. Глаз немного выходит за верхний контур изображения. От глаза отходит покатый нос в виде рельефной плоскости. Относительно небольшая, широко раскрытая пасть имеет полуовальную форму, в её центре — сквозное отверстие. Она окантована рельефной линией, передающей верхнюю и нижнюю губы и замкнута невыразительным изображением клыка. При этом пасть скошена, так что верхняя её часть выглядит гораздо массивнее нижней. Сзади и снизу к глазу примыкает округлая рельефная поверхность — видимо, кожно-шерстная складка. Снизу под глазом — рельефная точка, изобразительная нагрузка которой несовсем понятна. Ухо отсутствует, видимо оно примыкало сзади и было обломано в древности.

Аналогии: прямых отыскать не удалось. Однако, по общей иконографии весьма близко описанной выше серии профильных изображений неопределенных хищников, с соответствующими аналогиями.

Публикуется впервые.

81/441. В виде головы хищника с широко раскрытой пастью, повёрнутой вправо

Вторая половина V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно. Покупка в Старом Крыму.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,1 см; максимальная высота: 1,3 см.

Ширина обломанной петли: 1,4 см.

Голова передана большим концентрическим глазом (выпуклая зеница обрамлена рельефным контуром глазницы), широко раскрытой пастью и средней длины ухом. Пасть V-образная, беззубая, выделена рельефной окантовкой. Ухо с углублением раковины торчит наискось назад. Голова посажена под тупым углом на массивную толстую шею, передняя часть которой имеет рифление из четырёх параллельных полосок, имитирующих шерсть.

Из-за крайней схематичности изображения хищник не поддается видовому определению. Е.Ф. Королькова связывает изображения такого рода с семейством кошачьих (*Королькова, 2006, табл. 39*), А.М. Лесков — с семейством волчьих (*Leskov, 2008, p. 28*).

Аналогии: полными аналогиями являются семь блях, при-

обретенных в Майкопе и хранящихся в ГИМ (*ОАК за 1903, с. 169; рис. 331; Королькова, 2006, табл. 39: 16*). Аналогии, отличающиеся только левосторонней ориентировкой головы, также связаны с Прикубаньем: четыре бронзовые уздечные бляхи из «Майкопского клада», хранящиеся ныне в Филадельфии (*Leskov, 2008, N 24*), семь бронзовых уздечных блях, приобретенных в Майкопе и хранящихся в ГИМ (*ОАК за 1903, с. 169; рис. 332; Королькова, 2006, табл. 39: 17*). А.Р. Канторович объединяет все эти изображения в единый «Майкопский» тип и датирует второй половиной V в. до н. э. (*Канторович, 2015, с. 206—207*). Единственная известная нам аналогия за пределами Прикубанья и Крыма — бронзовые бляхи из погребения 1 могильника Хошеутово в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 209, илл. 230*).

Публикуется впервые.

82/442. В виде головы неопределенного хищника, повёрнутой влево

V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 4,2 см; максимальная высота: 2,8 см.

Ширина обломанной петли: 1,5 см.

Крайне условное профильное изображение головы животного, выполненное в низком рельефе. Голова имеет вытяну-

тую подтреугольную форму. Хорошо различимы основная часть и узкий закругленный в окончании нос. Лоб плавно покатый. Большой круглый глаз передан просто, тонкой вдавленной линией. Полуовальное ухо вытянуто вверх и назад. Сзади головы имеется вертикальная рельефная линия, передающая кожно-шерстную складку. Из-за условности идентификация изображения с каким-либо конкретным образом затруднительна. Однако благодаря узкой морде и маленькому овальному уху голова в большей степени напоминает хищника.

Изделие имеет черты вторичного использования. Крепёжная петля обломана, однако в носовой части имеется округлое отверстие, видимо для закрепления бляхи при помощи гвоздя или проволоки.

Аналогии: полные отсутствуют. По общей форме и условности изображения напоминает бронзовую бляху из кургана 357 у с. Константиновка, бассейн Тясмина, V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 189, 316, рис. 97: 9, 9а*).

Публикуется впервые.

83/443. В виде головы быка в фас

VI—V (?) вв. до н. э.

Село Кизиловое, Симферопольский район.

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная.

Высота бляхи: 1,8; максимальная ширина: 1,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,5 см.

На бляшке представлено крайне условное лаконичное изображение головы быка в фас. Верхняя часть головы широкая. Она немного сужается к середине, а затем снова расширяется в районе носа, на котором едва намеченны ноздри. Рога короткие, вертикальные. Глаза большие, круглые. На оборотной стороне бляхи — полукруглая узкая петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: единственная известная нам аналогия — случайная находка на Восточном укреплении Бельского городища, в бассейне р. Ворскла (Днепровское Лесостепное Левобережье), датируемая авторами публикации ориентировочно VI—V вв. до н. э. (*Мурзін, Ролле, 1995, с. 51, 52; мал. 1: 2*). В качестве более отдалённых аналогий можно привести случайные находки в районе Ржищева (*Петренко, 1967, табл. 29: 6, 10*), в Днепровской Правобережной Лесостепи; кургане 10 у хутора Поповка (VI в. до н. э.), в бассейне р. Сула, в Днепровском Лесостепном Левобережье (*Ильинская, 1968, табл. LII: 8, 9*). В определённой степени близка публикуемой находке по общему силуэту бляха из кургана 11 у с. Олефирщина (вторая—третья четверти V в. до н. э.) в бассейне р. Ворскла (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 23; рис. 9: 7, 8*).

84/444. В виде головы быка в профиль

Раннескифское время.

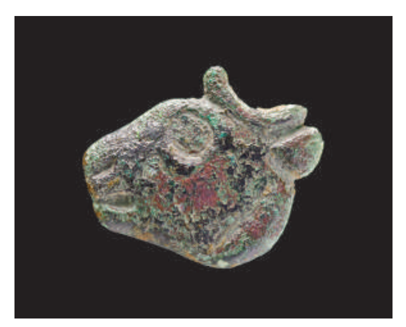
Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно. Покупка в Феодосии.

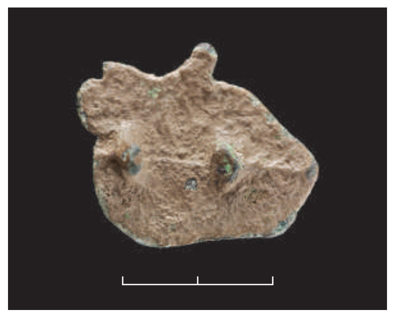
Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 2,7; максимальная ширина: 3,2 см.

Петля на оборотной стороне обломана; ширина: 1,5 см.

Нетипичная для скифского звериного стиля бронзовая бляха с профильным изображением головы быка. Выполнена в низком рельефе. Развёрнута в левую сторону. Голова высокая, массивная, носовая часть короткая, тупая. Лоб покатый. Все черты изображения переданы минимальным количеством деталей, выполненных с большой степенью условности. На носовой части показаны рот животного (передан короткой

углублённой линией) и ноздря (небольшой углублённый кружок). Большой глаз расположен в верхней части головы, слегка выпуклая зеница лежит в углублении глазницы. Ухо подтреугольной формы, торчит назад и вверх. У задней части головы дуговидным рельефом показана кожно-шерстная складка. Небольшие рога имеют форму полумесяца, их задняя часть лежит на ухе. На оборотной стороне — небольшая обломанная петля.

Аналогии: бляшки с изображением головы быка в профиль (в отличие от изображения в фас и скульптурных изображений) неизвестны в кругу находок звериного стиля в культурах скифского времени.

85/445. В виде хищной птицы с распростертыми крыльями

Конец VI — V вв. до н. э.
Село Надежда, Советский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя. Есть повреждения.

Высота бляхи: 3,2; максимальная ширина: 3,0 см.

Петля частично обломана; высота: 1,2; ширина: 1,8 см.

Изображение выполнено в высоком рельефе. Птица представлена в плане, в развороте на зрителя, обоими крыльями, хвостом и повёрнутой в профиль головой. Изображение геометрично и имеет трапециевидный контур. У птицы слегка приподняты крылья, моделированные по внешнему контуру рельефными линиями. К кончикам маховой части они немного расширяются. Изнутри к ним также примыкают неровные рельефные складки, хаотично заполняющие пространство крыльев. Видимо, по замыслу, они должны были равномерно заполнять всё пространство крыльев, передавая оперение, но вследствие литейного брака бóльшая часть складок крыльев не была пролита. Между крыльями зажато узкое туловище, моделированное двумя сходящимися плоскостями. Оно несколько расширяется к грудной части. Голова птицы — в углублении, образованном верхними частями крыльев и непосредственно примыкает к туловищу. Шея не выражена. Бóльшую часть головы занимает круглый глаз: выпуклая зеница лежит в углублении глазницы. Рельефной полосой показан клюв, окончание которого, видимо, не сохранилось из-за более позднего круглого отверстия, проделанного в верхней части груди. Вероятно, это крепёжное отверстие, появившееся после поломки петли на оборотной стороне. Хвост показан четырьмя короткими, симметрично расходящимися отростками, образующими трапециевидную фигуру.

Аналогии: крайне немногочисленны. Сходные изображения происходят из Золотого кургана под Симферополем, в Крыму (*Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 103, 109*), кургана Г у с. Журовка, в бассейне Тясмина, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Петренко, 1967, с. 169; табл. 31: 14*). Оба отличаются хорошо выделенной головой с клювом. Относятся к концу VI — началу V вв. до н. э. По иконографии также весьма подобны изображения на золотом налобнике из кургана 401, первая половина V в. до н. э., у с. Журовка (*Петренко, 1967, табл. 28: 3; Канторович, 2015, с. 1566; рис. 4*), золотых нашивных бляшках из центрального погребения кургана Солоха, конец V в. до н. э. (*Манцевич, 1987, с. 31, 32; кат. 4*) и золотой нашивной бляшке из кургана 1, гробница 1 группы Трехбратних (*Бессонова, Быковская, Детерлинг и др., 2008, табл. 107: 1*).

86/446. В виде фигуры хищной птицы, повёрнутой вправо

Конец VI — V вв. до н. э.
Село Партизаны, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,8; максимальная высота: 1,7 см.

Высота петли: 0,8; ширина: 1,6 см.

Полная фигура птицы представлена строго профильно. К узкому удлинённому туловищу птицы примыкает толстая шея с головой, крыло, хвост, длинная лапа. Голова перпендикулярна шее и направлена вниз. Она показана массивным слегка загнутым клювом и большим шаровидным глазом. Надклювье и подклювье разделено углублением. Крыло параллельно туловищу, представлено тремя рельефными линиями. На коротком хвосте заметны бороздки. Длинная лапа согнута под острым углом и заканчивается выделенными загнутыми когтями. Узкое поджарое туловище и согнутые лапы образуют подтреугольную фигуру.

На оборотной стороне — полукруглая петля для крепления на ременной основе узды.

Обращает на себя внимание схожесть трактовки головы птицы с головами на крымских топориках-скипетрах из кургана 2 у с. Долинное (курган Кулаковского) и Айвазовского — Приветного (№ 3/532 Каталога). Во всех трёх случаях представлено геометризированное изображение с крупным глазом в виде полусферы и лишь слегка загнутым клювом с продольным углублением, разделяющим надклювье и подклювье.

Аналогии: единственная известная нам происходит из Причерноморской Степи — поселения Надлиманское III, конец VI — V вв. до н. э. (*Островерхов, Охотников, 2010; рис. 1; Канторович, 2015, с. 1571; рис. 18*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

87/447. В виде фигуры хищной птицы, повёрнутой вправо

Конец VI — V вв. до н. э.

Окрестности сёл Синицыно — Красновка, Кировский район, Присивашье.

Бронза, литьё, сохранность средняя, патина неравномерная.

Длина: 2,7; высота: 1,7 см.

Ширина обломанной петли: 1,3 см.

Изображение довольно условно. У птицы выделено овальное туловище, к которому примыкает широкая шея и голова, крыло, хвост, массивная лапа. Голова вырастает из короткой массивной шеи и заканчивается длинным, загнутым в окончании клювом. Узкий клюв упирается в окончание лапы. Большой глаз трактован выпуклой зеницей, лежащей в углублении глазницы. Над туловищем расположено большое вытянутое крыло в форме неправильной трапеции. Оперенье его обозначено косыми насечками, идущими назад и вверх. Сзади к крылу и туловищу примыкает короткий хвост в форме веера. Лапа массивная, согнутая под острым углом и идущая параллельно туловищу. Её несколько преувеличенные пропорции не позволяют исключать и того, что здесь имелась отсылка к сюжету птицы, клюющей и когтящей рыбу. Во всяком случае, круг аналогий подобной иконографии ведет именно к нему.

Аналогии: прямых подобрать не удалось. Но по общей иконографии этот сюжет относится к весьма популярной в искусстве скифского звериного стиля серии. Из бронзовых деталей конской упряжи можно привести предшествующую бляху из Юго-Восточного Крыма (№ 86/446 Каталога), а также бронзовые бляхи из Предкавказья и Кавказа: из могильника Цемдолина в окрестностях Новороссийска (*Малышев, Равич, 2001, с. 105; рис. 2: 1*), Лугового могильника VI—V вв. до н. э. (*Вольная, 2002, с. 76, 157; рис. 11: 5, 6*), разрушенного комплекса близ хутора Шунтук, поблизости Майкопа, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 126, 127, 197; кат. 85*), случайную находку из Ставропольского края или Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 1: 1, 2*); другие аналогии: из музея в Сен-Жермен-ан-

Ле (*Канторович, 2015, с. 1212, 1571; рис. 16*), собрания Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета (*Leskov, 2008, p. 28; N 24*), фондов Ногайского краеведческого музея (*Канторович, 2015, с. 1212, 1571; рис. 17*). Известны такие бляхи и в Нижнем Поволжье — например, в кургане 5 (погребение 16) могильника Кривая Лука III, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Очир-Горяева, 2012, с. 220; илл. 267*). Этот сюжет представлен и на золотых бляшках с Северного Кавказа: «Майкопский клад» (*Leskov, 2008, p. 117, 118; N 149*); Северного Причерноморья, например, курган I Завадская Могила, 450—425 гг. до н. э. (*Мозолевский, 1980, с. 105; рис. 44*); а также из Крыма: курган Куль-Оба, 345—335 гг. до н. э. (*Древности Боспора..., 1854, т. I, с. 144; Атлас, табл. XX: 1*) и Нижнего Подонья, курган 9 Елизаветовского могильника, первая четверть IV в. до н. э. (*Артамонов, 1966, табл. 32*).

Публикуется впервые.

88/448, 89/449. Серия блях в виде хищной птицы, клюющей и когтящей рыбу

Конец VI — начало IV вв. до н. э.

88/448. *Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно. Покупка в Феодосии.*

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но изображение частично повреждено. Поверхность изделия равномерно покрыта темной стекловидной патиной.

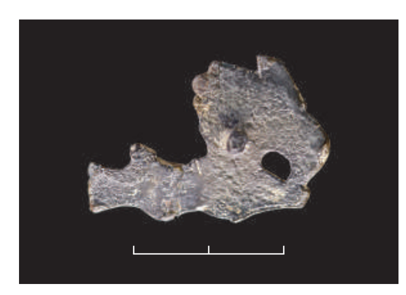
Сохранившаяся длина: 3,2; сохранившаяся высота: 2,7 см.

Петля на оборотной стороне обломана.

Туловище птицы сохранилось не полностью: частично обломано крыло и целиком — хвост. У фигурки рыбы обломан хвост. Левостороннее изображение выполнено в высоком рельефе. Птица, сидя на горизонтально расположенной рыбе, клюёт её голову и зажимает когтями её туловище. Рыба имеет вытянутую форму с продолговатой зауженной носовой частью (осетровая?), на которой вдавленной линией показан рот. Глаз концентрический: выпуклая зеница лежит в углублении глазницы. В нижней части туловища намечены два плавника. В задней части туловища расширение — основание хвоста, ныне утерянное. У птицы сохранились голова, грудь, фрагмент крыла и когти. Голова маленькая, невыразительная. В её центре — круглый глаз, похожий на глаз рыбы, но несколько больший по размеру, выпуклая зеница лежит в углублении глазницы. Клюв почти не загнут, и упирается в голову рыбы. Короткая широкая шея переходит в массивный грудной отдел трапециевидной формы, сливающийся с туловищем рыбы. К верхней части отдела примыкает сохранившаяся плечевая часть крыла. Она показана четырьмя рельефными складками, загибающимися в плече под острым углом. Ближе к хвосту рыбы можно наблюдать нижнюю часть птичьей лапы. Хорошо видны вырастающие из общего корня два пальца, на которых намечены когти. Они полностью обжимают туловище рыбы.

Аналогии: сюжет этот популярен в искусстве скифского

звериного стиля, а потому аналогии известны на обширных территориях. Между тем, в качестве бронзовых деталей конской упряжи такие бляшки в памятниках скифского времени Степи и Лесостепи Северного Причерноморья встречаются крайне редко. В этом качестве они отмечены в Центральном и Восточном Предкавказье, на Северном Кавказе и в Крыму. Наиболее близкой аналогией является бронзовая бляха из могильника Цемдолина в окрестностях Новороссийска (*Малышев, Равич, 2001, с. 105; рис. 2: 1*). Другие аналогии с территории Предкавказья и Кавказа: Луговой могильник, VI—V вв. до н. э. (*Вольная, 2002, с. 76, 157; рис. 11: 5, 6*); разрушенный комплекс близ хутора Шунтук поблизости Майкопа, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 126, 127, 197; кат. 85*), случайная находка из Ставропольского края или Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 1: 1, 2*); другие аналогии: из музея в Сен-Жермен-ан-Ле (*Канторович, 2015, с. 1212, 1571, рис. 16*), собрания Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета (*Leskov, 2008, p. 28; N 24*), фондов Ногайского краеведческого музея (*Канторович, 2015, с. 1212, 1571; рис. 17*). Известны такие бляхи и в Нижнем Поволжье — например, в кургане 5 (погребение 16) могильника Кривая Лука III, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Очир-Горяева, 2012, с. 220; илл. 267*). В целом же, этот сюжет хорошо представлен на золотых бляшках, происходящих с Северного Кавказа («Майкопский клад») (*Leskov, 2008, p. 117, 118; N 149*); из Степного Северного Причерноморья: курган I Завадская Могила, 450—425 гг. до н. э. (*Мозолевский, 1980, с. 105; рис. 44*); Крыма: курган Куль-Оба, 345—335 гг. до н. э. (*Древности Боспора..., 1854, т. I, с. 144; Атлас, табл. XX: 1*); Нижнего Подонья: курган 9 Елизаветовского могильника, первая четверть IV в. до н. э. (*Артамонов, 1966, табл. 32*). Ближайшая аналогия происходит из Крыма: № 89/449 Каталога.

Необходимо обратить особое внимание на тот факт, что специфическая изогнутая под острым углом форма крыла, показанная рельефными линиями, находит ближайшую аналогию в изображении птицы на бронзовых уздечных бляхах из кургана 1 (ВУАК) группы Частых (*Либеров, 1965, табл. 22: 7; Могилов, 2008, рис. 106: 30*).

89/449. *Юго-Восточный Крым. Покупка в Феодосии.*

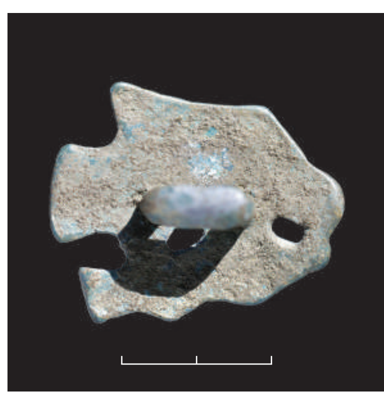
Бронза, литьё. Сохранность металла очень хорошая.

Длина: 3,9; максимальная высота: 3,2 см.

Ширина петли: 1,4; высота: 0,8 см.

Очень близкий аналог предыдущего изображения, отлитый, тем не менее, в другой форме и другим составом металла (с бóльшим содержанием олова). Левостороннее изображение выполнено в низком рельефе. Птица, сидя на горизонтально расположенной рыбе, клюёт её голову и зажимает когтями её туловище. Рыба

имеет вытянутую форму с продолговатой зауженной носовой частью (осетровая?). Рот не выделен. Глаз круглый, обозначенный вдавленной линией. В нижней части туловища показаны два маленьких плавника, в верхней — один. В задней части туловище немного сужается, а затем расширяется, переходя в короткий треугольный хвост. Длина птицы несколько превосходит длину рыбы. У неё выделяется голова, грудной отдел, задняя часть с хвостом, когтистая лапа и крыло. Голова маленькая, в её центре — круглый концентрический глаз: выпуклая зеница лежит в углублении глазницы. Клюв почти не загнут и упирается в голову рыбы. Короткая широкая шея переходит в массивный грудной отдел трапециевидной формы, сливающийся с туловищем рыбы. Задняя часть имеет прямоугольную форму, переходя в короткий хвост в виде семилепестковой пальметты. Лапа короткая, с двумя противопоставленными пальцами, оканчивающимися острыми когтями. Они полностью обжимают туловище птицы. Крыло раскрыто и передано при помощи четырёх складок, загибающихся в плечевой части под острым углом. Благодаря такому средству выражения изображению придается определенный динамизм.

На оборотной стороне — прямоугольная петля.

Аналогии: сюжет этот популярен в искусстве скифского звериного стиля, а потому аналогии известны на обширных территориях. Между тем, в качестве бронзовых деталей конской упряжи такие бляшки в памятниках скифского времени Степи и Лесостепи Северного Причерноморья встречаются крайне редко. В этом качестве они отмечены в Центральном и Восточном Предкавказье, на Северном Кавказе и в Крыму. Наиболее близкой аналогией, как и для предшествующего изображения, является бронзовая бляха из могильника Цемдолина в окрестностях Новороссийска (*Малышев, Равич, 2001, с. 105; рис. 2: 1*). Другие аналогии с территории Предкавказья и Кавказа: Луговой могильник, VI—V вв. до н. э. (*Вольная, 2002, с. 76, 157; рис. 11: 5, 6*); разрушенный комплекс близ хутора Шунтук поблизости Майкопа, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 126, 127, 197; кат. 85*), случайная находка из Ставропольского края или Ингушетии (*Прокопенко, 2011, рис. 1: 1, 2*); другие аналогии: из музея в Сен-Жермен-ан-Ле (*Канторович, 2015, с. 1212, 1571, рис. 16*), собрания Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета (*Leskov, 2008, p. 28; N 24*), фондов Ногайского краеведческого музея (*Канторович, 2015, с. 1212, 1571; рис. 17*). Известны такие бляхи и в Нижнем Поволжье — например, в кургане 5 (погребение 16) могильника Кривая Лука III, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Очир-Горяева, 2012, с. 220; илл. 267*). В целом же, этот сюжет хорошо представлен на золотых бляшках, происходящих с Северного Кавказа («Майкопский клад») (*Leskov, 2008, p. 117, 118; N 149*); из Степного Северного Причерноморья: курган I Завадская Могила, 450—425 гг. до н. э. (*Мозолевский, 1980, с. 105; рис. 44*); Крыма: курган Куль-Оба, 345—335 гг. до н. э. (*Древности Боспора..., 1854, т. I, с. 144; Атлас, табл. XX: 1*); Нижнего Подонья: курган 9 Елизаветовского могильника, первая четверть IV в. до н. э. (*Артамонов, 1966, табл. 32*). Ближайшая аналогия происходит из Крыма: № 88/448 Каталога.

Необходимо обратить особое внимание на тот факт, что специфическая изогнутая под острым углом форма крыла, показанная рельефными линиями, находит ближайшую аналогию в изображении птицы на бронзовой уздечной бляхе из кургана 1 (ВУАК) группы Частых (*Либеров, 1965, табл. 22: 7; Могилов, 2008, рис. 106: 30*).

Публикуется впервые.

90/450. В виде головы хищной птицы с зооморфным превращением

Середина V в. до н. э.

Село Голованowка, Белогорский район, северное предгорье Караби-Яйлы.

Бронза, литьё. Сохранность металла — средняя. Бляха равномерно покрыта светло-зеленой патиной.

Длина: 4,6; высота: 2,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,6; ширина: 1,0 см.

Представлено изображение головы птицы с закрученным клювом, большим глазом и щёчным выступом, трактованным в виде дополнительной птичьей головки. Глаз гипертрофированный, концентриче-

ский: большая выпуклая зеница выступает на фоне глазницы, показанной тонкой линией. От глаза отходит массивная длинная восковица, моделированная четырьмя рельефными линиями. Она переходит в закрученный волютообразный клюв, с акцентированным завитком в середине. Клюв сужается и упирается кончиком в подклювье. Надклювье и подклювье разделены углубленной линией. Подклювье переходит в основание маленькой «дополнительной» головки. Она перевёрнута и направлена в противоположную сторону по отношению к «основному» изображению. Её клюв образован двумя сходящимися линиями, передающими надклювье и подклювье и также имеет волютообразный характер, стилистически дублируя клюв «основной» головы. Глаз маленькой головки лишь намечен едва заметным выпуклым кружком. В целом, все изображение лаконично. Оно выполнено в низком рельефе и, к тому же, скорее всего, затерто. На оборотной стороне — маленькая полукруглая петля.

Аналогии: точные подобрать не удалось. Однако, скорее всего, аналогом является фрагментированная бляха в виде головы хищной птицы из с. Курское, приведённая в Каталоге под № 91/451. Аналогом и неплохим хронологическим репером может быть и фрагментированная серебряная бляха с близким изображением головы хищной птицы с зооморфным превращением, обнаруженная в кургане 1/1909 г. группы Ульских на Северном Кавказе (*Ульские курганы, 2015, с. 149; кат.167*). К слову сказать, при публикации это изделие было размещено в перевёрнутом состоянии и по этой причине трактовано, как «трудно определимое» (*Переводчикова, 2015, с. 67*). Весьма важно, что комплекс данного кургана убедительно датируется серединой V в. до н. э. (*Лесков, 2015, с. 96*).

В целом, по иконографии бляха хорошо вписывается в довольно многочисленную серию голов хищной птицы с закрученным клювом, относящихся, преимущественно, к V в. до н. э. и оформляющих, в основном, золотые обивки деревянных сосудов и золотые нашивные бляшки. В изображении многих из них используется приём зооморфных превращений. Наиболее близкие аналогии (в первую очередь, по расположению дополнительной головки) в Северном Причерноморье: в I Завадской Могиле, 450—425 гг. до н. э. (*Мозолевский, 1980, с. 105; рис. 44: 2; с. 109; рис. 47: 2*), кургане 13 у Великой Знаменки, середина V в. до н. э. (*Манцевич, 1966, с. 29; рис. 4: 29*), в Нижнем Поднепровье; курганах 2 у с. Яблоновка, № 4 у с. Берестняги, вторая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, с. 141; табл. 16: 4, 5*), № 411 у с. Пекари, конец IV — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977 с. 20; табл. 6: 2*), в бассейне Роси; кургане 1 у с. Защита Кировоградской области (*Бокій, 1970, с. 183; рис. 1: 1, 2*). Несколько более отдаленные аналогии из Крыма: курган Кара-Меркит (Ак-Мечеть) (*Канторович, 1997, с. 99; рис. 2: 4*), Дорт-Оба 2 (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 15: 5—7*). В определённой степени подобны и бляшки из погребения 1 в Хошеутово, Нижнее Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 205; илл. 217: 27, 28*).

91/451. В виде головы хищной птицы с зооморфным превращением (фрагмент)

Середина V в. до н. э.

Село Курское, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность металла — хорошая, но бóльшая часть бляхи обломана.

Высота бляхи: 2,5; сохранившаяся ширина: 3,3 см.

Петля на оборотной стороне обломана; ширина: 1,0 см.

Фрагмент бляхи, подобной предшествующему экземпляру

(№ 90/450 Каталога), в виде правой половины верхней, большей птичьей головки, а также «дополнительной» нижней головки. От верхней головы сохранилась часть с гипертрофированным круглым глазом, выпуклая зеница которого лежит в углублении рельефно окантованной глазницы, а также часть восковицы в виде четырёх рельефных линий. Нижняя головка выполнена довольно реалистично. В её центре — концентрический глаз с выпуклой зеницей и рельефно окантованной глазницей. Клюв закрученный, с хорошо выделенной щекой и восковицей. В целом, изображение выполнено более четко, чем предыдущее.

Бляха использовалась вторично, о чём свидетельствуют следы полировки линий облома. В этом случае нижняя головка занимала верхнее положение, а глаз большей головки мог восприниматься как редуцированное туловище.

Аналогии: те же, что и для предыдущего изделия. В целом, по иконографии бляха хорошо вписывается в довольно многочисленную серию голов хищной птицы с закрученным клювом, относящихся, преимущественно, к V в. до н. э. и оформляющих, в основном, золотые обивки деревянных сосудов и золотые нашивные бляшки. В изображении многих из них используется приём зооморфных превращений. Наиболее близкие аналогии (прежде всего, по расположению дополнительной головки) в Северном Причерноморье: в I Завадской Могиле, 450—425 гг. до н. э. (*Мозолевский, 1980, с. 105; рис. 44: 2; с. 109; рис. 47: 2*), кургане 13 у Великой Знаменки, середина V в. до н. э. (*Манцевич, 1966, с. 29; рис. 4: 29*), в Нижнем Поднепровье; курганах 2 у с. Яблоновка, № 4 у с. Берестняги, вторая половина V в. до н. э. (*Петренко, 1967, с. 141; табл. 16: 4, 5*), № 411 у с. Пекари, конец IV — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977 с. 20; табл. 6: 2*) в бассейне Роси; кургане 1 у с. Защита Кировоградской области (*Бокiй, 1970, с. 183, рис. 1: 1, 2*). Видимо, такая же схема лежала и в основе изображения на серебряной бляхе из Ульского кургана 2 в Предкавказье, середина V в. до н. э. (*Ульские курганы, 2015, с. 149; табл. 8, кат. 167*). Несколько более отдаленные аналогии из Крыма: курган Кара-Меркит (Ак-Мечеть) (*Канторович, 1997, с. 99; рис. 2: 4*), Дорт-Оба 2 (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 15: 5—7*). В определённой степени подобны и бляшки из погребения 1 в Хошеутово, Нижнее Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 205; илл. 217: 27, 28*).

92/452. В виде головы хищной птицы с зооморфным превращением

V в. до н. э.

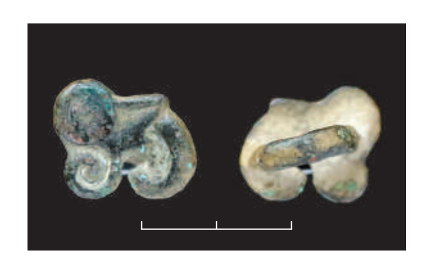
Село Партизаны, Кировский район. Ближе к аэродрому. Сейчас на этом месте заложен сад.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая.

Длина: 1,9; высота по линии щека—глаз: 1,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,7 см.

Профильное правостороннее изображение головы хищной птицы, состоящее из трёх основных элементов: большого глаза, закрученного клюва и округлой щеки. Глаз круглый, концентрический, зеница дана выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы, выступает над поверхностью клюва. От центра глаза отходит восковица. Клюв загнут вниз и закручен в полуспираль, что придаёт птице фантастические черты. Чётко выделено надклювье. Особенностью изображения является зооморфное превращение щеки в клюв дополнительной головки. Её глазом служит глаз «основного» изображения, от которого вниз отходит спиралевидно закрученный клюв (щека «основного» изображения). С обратной стороны — петля для крепления на ременной основе.

Аналогии: общая иконография соответствует широко распространенной в Скифии серии головок фантастической птицы с закрученным клювом и дополнительной головкой на месте щеки. Наиболее близкими аналогиями крымскому изображению являются золотые бляшки из Малого Чертомлыка, вторая половина V в. до н. э. (*Мозолевский, 1987, с. 67, 72; рис. 6: 30*); золотая бляшка из кургана 402 у с. Журовка, первая половина V в. до н. э. (*Капошина, 1956, рис. 23: 5; Петренко, 1967, табл. 19: 34*); а также гравировка на известняковой матрице из слоя городища Ольвии (*Капошина, 1956, рис. 23: 4*). Спирально закрученный клюв дополнительной головки находит аналогии на двух бронзовых бляхах: из кургана 502 у с. Броварки, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 28: 4*) и кургана 24, погребение 1 могильника Перещепино (*Могилов, 2008, рис. 98: 12*).

Публикуется впервые.

93/453. В виде массивной головы хищной птицы, повёрнутой влево

V в. до н. э.

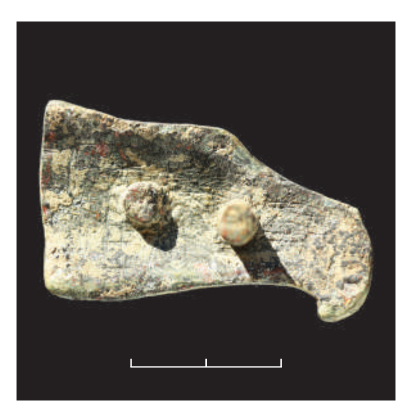
Село Трудолюбовка, Кировский район.

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Длина: 4,4; высота: 2,5 см.

Ширина обломанной петли: 1,7 см.

Крайне лаконичное изображение головы хищной птицы выполнено в высоком рельефе. Состоит из основной части с большим глазом, восковицы и относительно небольшого клюва. Основная часть имеет подпрямоугольную форму. Её передний край немного скошен вниз, переходя в довольно массивный лоб. Преломляясь под тупым углом, он плавно переходит в массивную восковицу. Последняя имеет подтреугольную форму. Короткий клюв расположен под углом 90° к восковице. Удлинённым углублением намечен рот. Глаз большой, выполнен очень условно: полусфера зеницы лежит в углублении глазницы, окантованном рельефной линией. Какие-либо дополнительные элементы, оформляющие голову, отсутствуют.

Аналогии: подобный тип мелких блях с изображением головы хищной птицы, относительно массивной и лаконичной, без выразительной удлиненной восковицы, встречается относительно редко. Наиболее близкие аналогии: курган 2 у с. Волковцы (раскопки С.А. Мазараки), курган 3 у с. Стеблёв, первая половина — середина V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 317; рис. 98: 2, 3, 22; Скорый, 1997, с. 161; рис. 57:* 2). Крымская аналогия: бляха из окрестностей с. Муромское Белогорского района (№ 94/454 Каталога).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

94/454. В виде массивной головы хищной птицы, повёрнутой влево

Первая половина — середина V в. до н. э.

Степные районы в окрестностях села Муромское, Белогорский район.

Бронза, литьё, сохранность хорошая. Изделие покрыто зеленой патиной.

Длина: 3,5; высота: 1,9 см.

Высота петли: 0,7; ширина: 2,0 см.

Аналог предыдущего изображения, отличающийся менее крупными размерами и отдельными деталями. Плоская верхняя часть головы, преломляясь под тупым углом, плавно переходит в массивную подтреугольную восковицу. Клюв расположен под углом 90° к восковице. Он длинее, чем у предыдущего экземпляра. Удлинённым углублением намечен рот. Глаз птицы— более выпуклый, обрамление углубления глазницы отсутсвует.

Аналогии: подобный тип мелких блях с лаконичным изображением головы хищной птицы, относительно массивной, без выразительной удлиненной восковицы, встречается относительно редко. Наиболее близкие аналогии: курган 2 у с. Волковцы (раскопки С.А. Мазараки), курган 3 у с. Стеблев, первая половина — середина V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 317; рис. 98: 2, 3; Скорый, 1997, с. 161, рис. 57:* 2). Крымская аналогия: с. Трудолюбовка, Кировский район (№ 93/453 Каталога).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

95/455. В виде головы хищной птицы, повёрнутой влево

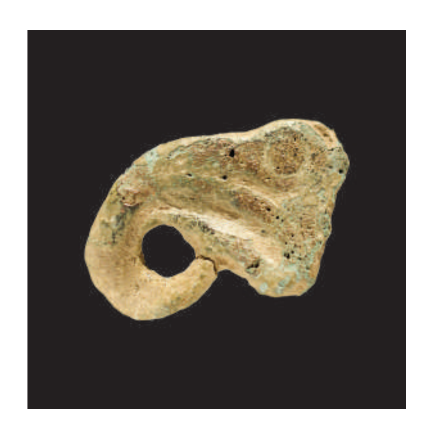
Скифское время

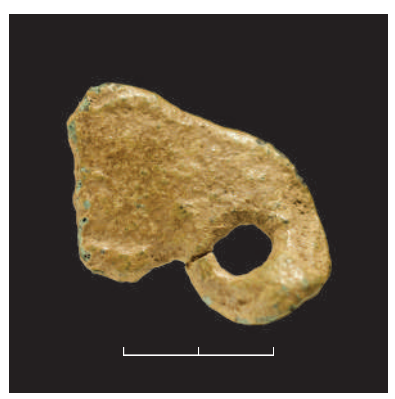
Белогорский район, точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. Клюв немного деформирован.

Длина: 3,5; высота: 2,7 см.

Изображение одностороннее, плоскостное, выполненное в низком рельефе. Голова имеет подтреугольную форму, узкий конец которой переходит в закрученный клюв, упирающийся в подклювье и образующий округлое отверстие. Подклювье отделено от клюва длинной впадиной. Схожей, но более короткой впадиной от клюва отделен концентрический глаз (слегка

выпуклая зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы). Глаз едва заметно выступает над верхним контуром головы. Тыльная часть головы обломана ещё в древности.

Оборотная сторона бляхи гладкая. Следы крепёжной петли на обратной стороне отсутствуют.

Аналогии: несмотря на распространенность мотива обособленной головы птицы с загнутым или закрученным клювом, учитывая плоскостную моделировку изображения, и не вполне ясное предназначение самого изделия, аналогии в скифском зверином стиле отыскать не удалось. В какой-то степени публикуемое изделие проявляет сходство с окончаниями портупейных ремней, получивших распространение на Алтае, в частности в кургане Аржан 2 (*Чугунов, Парцингер, Наглер, 2004, рис. 1*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

96/456—104/464. Серия мелких блях в виде головы хищной птицы

96/456. В виде головы хищной птицы с гипертрофированной щекой, повёрнутой вправо

Конец VI — IV вв. до н. э.

Белогорский район. Точное место находки неизвестно.

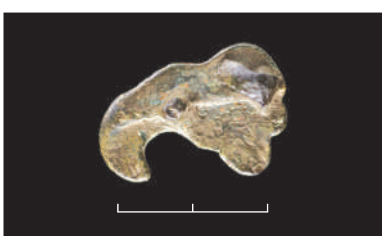
Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная.

Высота бляхи: 1,7; ширина: 2,5 см.

Петля обломана; ширина: 1,5 см.

Голова образована гипертрофированно большим глазом, округлым щёчным выступом и загнутым клювом, вырастающим из массивной восковицы. Глаз концентрический, выпуклая зеница лежит в углублении глазницы, окантованной рельефным кружком. Симметрично ему в нижней части головки находится гипертрофированный округлый щёчный выступ, уравновешивающий большой глаз и загнутый клюв. Между глазом и щёчным выступом выделяется маленькое овальное углубление, передающее ухо. От глаза отходит восковица, показанная несколькими слабо выраженными рядами параллельных горизонтальных рельефных линий. Она переходит в клюв в виде полукруглого завитка, сужающегося к окончанию. Небольшое каплевидное углубление условно делит клюв на надклювье и подклювье. На оборотной стороне бляхи — полукруглая обломанная петля.

Аналогии: изображение принадлежит достаточно однотипной серии изделий, объединенных А.Р. Канторовичем в «ковалевско-басовский» тип (*Канторович, 2015, с. 656, 1584*). Аналогии весьма многочисленны, как в Украинской Лесостепи, так и в степной зоне, включая Крымский полуостров. Наиболее близкие по пропорциям, манере передачи клюва и восковицы происходят именно с территории Крыма: окрестностей с. Кринички Кировского р-на, Юго-Восточного Крыма, пос. Золотое Поле Кировского р-на (№ 100/460—102/462 Каталога). Другие крымские аналогии: бляха из окрестностей с. Яркое Поле Кировского р-на, и, в меньшей степени, два экземпляра из Кировского р-на (точное место находок неизвестно) и с побережья Азовского моря (№ 97/457—99/459, 103/463 Каталога). Весьма близка бляшка с территории Западного укрепления Бельского городища (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 15*). Более отдаленные аналогии также преобладают в Левобережной Лесостепи: с. Басовка, курган 499, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 12; Могилов, 2008, рис. 98: 7*), с. Волковцы, курган 1 (раскопки С.А. Мазараки), вторая четверть — вторая половина IV в. до н. э. (*Ильинская, 1968, рис. 34; Могилов, 2008, рис. 98: 1, 1а, 1б*), с. Волковцы (из фондов НМИУ) (*Могилов, 2008, рис. 98: 4*), с. Кулешовка, курган 425, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 17: 5; Могилов, 2008, рис. 98: 5*), с. Броварки, курган 502, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 28: 3,4; Могилов, 2008, рис. 98: 9*), с. Ива-

ницы (*Могилов, 2008, рис. 98: 10*), курганы Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 98: 11*), Перещепино, курган 24, погребение 1 (*Исследования, 2003, рис. 5: 1; Могилов, 2008, рис. 98: 12*), Бельское городище, поселение в урочище Лисовый кут (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 13*). Единичный экземпляр из Правобережной Лесостепи: с. Пастырское (*Петренко, 1967, табл. 31: 22*). В Правобережной Степи известны шесть блях из кургана у с. Ковалевка, относящегося к концу VI — первой половине V вв. до н. э. (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, рис. 1: 38*), а также шиферные и каменные матрицы из Ольвии (две из них датируются началом V в. до н. э.) и Березани, предназначенные для отливки подобного рода изображений (*Капошина, 1956, рис. 23: 1—3; Гречко, Крутилов, 2010, с. 96—101; рис. 1; Островерхов, 1996, рис. 6: 2; Островерхов, 2005, рис. 5: 4; 8: 1*).

Известны аналогичные изображения также в Предкавказье: курган 24 у с. Нартан, V в. до н. э.; Западном Казахстане: курган 6 Нагорненского могильника, V в. до н. э.; Нижнем Поволжье: с. Новопривольное, первая половина V в. до н. э (*Королькова, 2006, с. 239, 190; табл. 21: 7, 19, 21*).

97/457. В виде головы хищной птицы с массивной восковицей, повёрнутой вправо

Конец VI — IV вв. до н. э.

Село Яркое Поле, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота бляхи: 1,3; максимальная ширина: 2,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,9; ширина: 1,6 см.

Бляха с изображением, близким описанному выше экземпляру под № 96/456, но имеющая меньшие размеры. Более чётко показана восковица, переданная пятью хорошо

выделенными параллельными горизонтальными линиями. На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: весьма многочисленны, как в Украинской Лесостепи, так и в степной зоне, включая Крымский полуостров. Наиболее близкие по пропорциям, манере передачи клюва и восковицы преобладают в Левобережной Лесостепи: с. Басовка, курган 499, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 12; Могилов, 2008, рис. 98: 7*), с. Волковцы, курган 1 (раскопки С.А. Мазараки), вторая четверть — вторая половина IV в. до н. э. (*Ильинская, 1968, рис. 34; Могилов, 2008, рис. 98: 1, 1а, 1б*), с. Волковцы (из фондов НМИУ) (*Могилов, 2008, рис. 98: 4*), с. Кулешовка, курган 425, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 17: 5; Могилов, 2008, рис. 98: 5*), с. Броварки, курган 502, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 28: 3,4; Могилов, 2008, рис. 98: 9*), с. Иваницы (*Могилов, 2008, рис. 98: 10*), курганы Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 98: 11*), Перещепино, курган 24, погребение 1 (*Исследования, 2003, рис. 5: 1; Могилов, 2008, рис. 98: 12*), Бельское городище, поселение в урочище Лисовый кут (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 13*). Единичный экземпляр из Правобережной Лесостепи: с. Пастырское (*Петренко, 1967, табл. 31: 22*). В Правобережной Степи известны шесть блях из кургана у с. Ковалевка, относящегося к концу VI — первой половине V вв. до н. э. (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, рис. 1: 38*), а также шиферные и каменные матрицы из Ольвии (две из них датируются началом V в. до н. э.) и Березани, предназначенные для отливки подобного рода изображений (*Капошина, 1956, рис. 23: 1—3; Гречко, Крутилов, 2010, с. 96—101; рис. 1; Островерхов, 1996, рис. 6: 2; 2005, рис. 5: 4; 8: 1*).

Известны аналогичные изображения также в Предкавказье: курган 24 у с. Нартан, V в. до н. э.; Западном Казахстане: курган 6 Нагорненского могильника, V в. до н. э.; Нижнем Поволжье: с. Новопривольное, первая половина V в. до н. э. (*Королькова, 2006, с. 239, 190; табл. 21: 7, 19, 21*).

Крымские аналогии: бляхи № 96/456, 100/460—102/462 Каталога. В меньшей степени: № 98/458, 99/459, 103/463 Каталога.

98/458. В виде головы хищной птицы с массивным клювом, повёрнутой вправо

Конец VI — IV вв. до н. э.

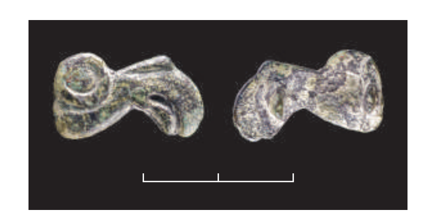
Кировский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная.

Высота бляхи: 1,0; ширина: 2,0 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,4 см.

Бляха с изображением, близким вышеописанным эк-

земплярам, но характеризующаяся большей условностью и схематизмом. Композиционно изображение делится на две части: основную, в ней расположен глаз вместе с восковицей и щекой, и массивный клюв. Глаз концентрический, выпуклая зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы. Щека передана плоскостью, плавно переходящей в клюв. От глаза, на уровне оси его симметрии, идет прямая рельефная линия, передающая восковицу. Клюв загнутый, непропорционально массивный по сравнению с основной частью головы. Его окончание достаточно плавное, не образующее заметного сужения, как на большинстве аналогичных бляшек. Клюв разделён углубленной линией на подклювье и надклювье. Эта бляшка, в отличие от иных описанных экземпляров, имеет меньшие размеры и выполнена крайне лаконично. На её оборотной стороне — обломанная петля.

Аналогии: точные подобрать не удалось. В целом, представленная иконография птичьей головы схожа с другими крымскими экземплярами и их аналогиями, отличаясь лишь большей условностью (№ 96/456—97/457, 99/459—103/463), а также с бляшками из Левобережной Лесостепи: Западного укрепления Бельского городища (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 15*), поселения в урочище Лисовый кут на Бельском городище (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 13*), Перещепино, курган 24, погребение 1 (*Исследования, 2003, рис. 5: 1; Могилов, 2008, рис. 98: 12*), Басовки, курган 499, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 12; Могилов, 2008, рис. 98: 7*), Волковцов, курган 1 (раскопки С.А. Мазараки), вторая четверть — вторая половина IV в. до н. э. (*Ильинская, 1968, рис. 34; Могилов, 2008, рис. 98: 1, 1а, 1б*), Волковцов (из фондов НМИУ) (*Могилов, 2008, рис. 98: 4*), Кулешовки, курган 425 (*Галанина, 1977, табл. 17: 5; Могилов, 2008, рис. 98: 5*), Броварок, курган 502, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 28: 3, 4; Могилов, 2008, рис. 98: 9*), Иваницы (*Могилов, 2008, рис. 98: 10*), курганов Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 98: 11*). Относительно немногочисленные экземпляры происходят с территории Правобережной Степи и Лесостепи: кургана у с. Ковалевка, относящегося к концу VI — первой половине V вв. до н. э. (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, рис. 1: 38*), Пастырского (*Петренко, 1967, табл. 31: 22*). Хотя известны известняковые, шиферные и каменные матрицы из Ольвии (две из них датируются началом V в. до н. э.) и Березани, предназначенные для отливки подобного рода изображений (*Капошина, 1956, рис. 23: 1—3; Гречко, Крутилов, 2010, с. 96—101; рис. 1; Островерхов, 1996, рис. 6: 2; Островерхов, 2005, рис. 5: 4; 8: 1*).

Известны аналогичные изображения также в Предкавказье: курган 24 у с. Нартан, V в. до н. э.; Западном Казахстане: курган 6 Нагорненского могильника, V в. до н. э.; Нижнем Поволжье: с. Новопривольное, первая половина V в. до н. э. (*Королькова, 2006, с. 239, 190; табл. 21: 7, 19, 21*).

99/459. В виде головы хищной птицы с гипертрофированным клювом, повёрнутой влево

Середина — вторая половина VI в. до н. э.

Кировский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя. Бляха реставрирована.

Высота бляхи: 1,6; ширина: 2,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,8 см.

Головка выполнена очень условно, в низком рельефе.

Состоит из концентрического глаза (глазница едва намечена рельефной окантовкой) и длинного, загнутого в окончании клюва с намеченной восковицей. Небольшое каплевидное углубление условно делит клюв на надклювье и подклювье. В нижней части головки, симметрично по отношению к глазу, расположен небольшой округлый щёчный выступ, который немного уравновешивает всю композицию. Ухо едва намечено. На оборотной стороне бляхи — полукруглая петля.

Аналогии: ближайшей является гравировка на бронзовом зеркале из кургана 2 у с. Герасимовка в Посулье (*Ильинская, 1968, табл. XLVI: 1*), середина VI в. до н. э. В свою очередь, герасимовское изображение схоже с бляхой из кургана 69 могильника Уйгарак в Приаралье (*Вишневская, Итина, 1971; рис. 7: 9*). Эти аналогии дают основания датировать данную бляшку несколько более ранним временем, чем аналогичные экземпляры серии. В целом же, иконография рассматриваемого изображения схожа с крымскими экземплярами и их аналогиями, отличаясь, прежде всего, длиной и формой клюва, а также условностью изображения.

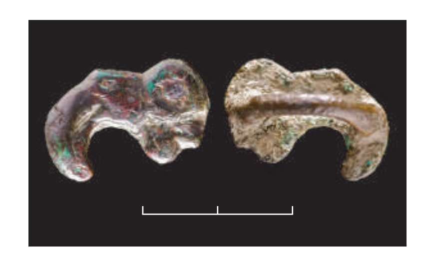
100/460. В виде головы хищной птицыс с гипертрофированной щекой, повёрнутой влево

Конец VI — IV вв. до н. э.

Село Кринички, Кировский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота бляхи: 1,5; ширина: 2,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,9 см.

Близкое изображениям из Белогорского р-на, с. Яркое Поле, Юго-Восточного Крыма, пос. Золотое Поле (№ 96/456—97/457, 101/461—102/462 Каталога). Представлена голова хищной птицы с большим глазом и длинным загнутым клювом. Глаз плоский, зеница окантована рельефным кружком глазницы. Клюв разделен на надклювье и подклювье ложбинкой. Просматривается массивная восковица, но она лишена рельефа, как на бляхе из Яркого Поля. Относительно большой округлый щёчный выступ расположен под глазом и уравновешивает всё изображение. Между ним и глазом, с тыльной стороны — маленькое ухо. На оборотной стороне бляхи — петля в виде полуовала.

Аналогии: весьма многочисленны в Украинской Лесостепи и в степной зоне. Наиболее близкие по пропорциям, манере передачи клюва и восковицы преобладают в Левобережной Лесостепи: с. Басовка, курган 499, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 12; Могилов, 2008, рис. 98: 7*), с. Волковцы, курган 1 (раскопки С.А. Мазараки), вторая четверть — вторая половина IV в. до н. э. (*Ильинская, 1968, рис. 34; Могилов, 2008, рис. 98: 1, 1а, 1б*), с. Волковцы (из фондов НМИУ) (*Могилов, 2008, рис. 98: 4*), с. Кулешовка, курган 425, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 17: 5; Могилов, 2008, рис. 98: 5*), с. Броварки, курган 502, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 28: 3, 4; Могилов, 2008, рис. 98: 9*), с. Иваницы (*Могилов, 2008, рис. 98: 10*), курганы Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 98: 11*), Перещепино, курган 24, погребение 1 (*Исследования, 2003, рис. 5: 1; Могилов, 2008, рис. 98: 12*), Бельское городище, поселение в урочище Лисовый кут (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 13*). Единичный экземпляр из Правобережной Лесостепи: с. Пастырское (*Петренко, 1967, табл. 31: 22*). В Правобережной Степи известны шесть блях из кургана у с. Ковалевка, относящегося к концу VI — первой половине V вв. до н. э. (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, рис. 1: 38*), а также шиферные и каменные матрицы из Ольвии (две из них датируются началом V в. до н. э.) и Березани, предназначенные для отливки подобного рода изображений (*Капошина, 1956, рис. 23: 1—3; Гречко, Крутилов, 2010, с. 96—101; рис. 1; Островерхов, 1996, рис. 6: 2; Островерхов, 2005, рис. 5: 4; 8: 1*).

Известны аналогичные изображения также в Предкавказье: курган 24 у с. Нартан, V в. до н. э.; Западном Казахстане: курган 6 Нагорненского могильника, V в. до н. э.; Нижнем Поволжье: с. Новопривольное, первая половина V в. до н. э. (*Королькова, 2006, с. 239, 190; табл. 21: 7, 19, 21*).

101/461. В виде головы хищной птицы, повёрнутой влево

Конец VI — IV вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым, Белогорский или Кировский районы.

Бронза. Литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,2; высота по линии щека—глаз: 1,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,8 см.

Близкое изображениям из Белогорского р-на, сёла Яркое Поле, Кринички, пос. Золотое Поле (№ 96/456, 97/457, 100/460, 102/462 Каталога). Профильное

изображение головы хищной птицы, состоящее из двух основных элементов: большого глаза и загнутого клюва. Глаз круглый, концентрический, выпуклая зеница, показанная в обрамлении рельефной глазницы, выступает над поверхностью клюва. От центра глаза отходит восковица, переданная рельефной линией. На загнутом клюве, удлинённым каплевидным углублением, передан рот. Под глазом — небольшая округлая щека. Между глазом и щекой — овальное ухо, обрамлённое кантом с углублением в середине. С обратной стороны — петля для крепления на ременной основе.

Аналогии: весьма многочисленны в Украинской Лесостепи и в степной зоне. Преобладают в Левобережной Лесостепи: с. Басовка, курган 499, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 12; Могилов, 2008, рис. 98: 7*), Волковцы, курган 1 (раскопки С.А. Мазараки), вторая четверть — вторая половина IV в. до н. э. (*Ильинская, 1968, рис. 34; Могилов, 2008, рис. 98: 1, 1а, 1б*), Волковцы (из фондов НМИУ) (*Могилов, 2008, рис. 98: 4*), Кулешовка, курган 425, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 17: 5; Могилов, 2008, рис. 98: 5*), Броварки, курган 502, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 28: 3, 4; Могилов, 2008, рис. 98: 9*), Иваницы (*Могилов, 2008, рис. 98: 10*), курганы Роменского уезда (*Могилов, 2008, рис. 98: 11*), Перещепино, курган 24, погребение 1 (*Исследования, 2003, рис. 5: 1; Могилов, 2008, рис. 98: 12*), Бельское городище, Западное

укрепление (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 15*) поселение в урочище Лисовый кут (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 13*). Относительно немногочисленные экземпляры происходят из Правобережной Степи и Лесостепи: с. Ковалевка, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, рис. 1: 38*), Пастырское (*Петренко, 1967, табл. 31: 22*). Хотя известны известняковые, шиферные и каменные матрицы из Ольвии (две из них датируются началом V в. до н. э.) и Березани, предназначенные для отливки подобного рода изображений (*Капошина, 1956, рис. 23: 1—3; Гречко, Крутилов, 2010, с. 96—101; рис. 1; Островерхов, 1996, рис. 6: 2; Островерхов, 2005, рис. 5: 4; 8: 1*).

Известны аналогичные изображения также в Предкавказье: курган 24 у с. Нартан, V в. до н. э.; Западном Казахстане: курган 6 Нагорненского могильника, V в. до н. э.; Нижнем Поволжье: с. Новопривольное, первая половина V в. до н. э. (*Корольткова, 2006, с. 239, 190; табл. 21: 7, 19, 21*).

Публикуется впервые.

102/462. В виде головы хищной птицы, повёрнутой влево

Конец VI — IV вв. до н. э.

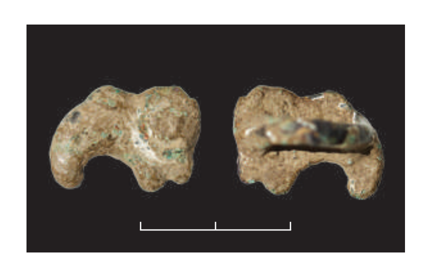
Окрестности поселка Золотое Поле, Кировский район.

Бронза, литьё, сохранность средняя. Изображение покрыто плотной коричневатой роговой патиной.

Длина: 2,0; высота: 1,5 см.

Ширина петли: 1,9; высота: 0,9 см.

Профильное изображение головы хищной птицы, состоящее из двух основных элементов: большого глаза и загнутого клюва. Глаз круглый, концентрический, выпуклая зеница показана в обрамлении рельефно окантованной глазницы, выступает над поверхностью клюва.

От центра глаза отходит восковица, переданная рельефной линией. Углубление рта, видимо, скрыто патиной. Под глазом расположена небольшая округлая щека. Между глазом и щекой — маленькое овальное ухо. С обратной стороны — полукруглая петля для крепления на ременной основе узды.

Аналогии: весьма многочисленны как в Украинской Лесостепи, так и в степной зоне, включая Крымский полуостров (№ 96/456—101/461, 103/463 Каталога). Лесостепные аналогии сосредоточены, в основном в Левобережье: Западное Бельское городище (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 15*), Бельское городище, поселение в урочище Лисовый кут (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 13*), сёлах Басовка, курган 499, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 12; Могилов, 2008, рис. 98: 7*), Волковцы, курган 1 (раскопки С.А. Мазараки), вторая четверть — вторая половина IV в. до н. э. (*Ильинская, 1968, рис. 34; Могилов, 2008, рис. 98: 1, 1а, 1б*), Волковцы (из фондов НМИУ) (*Могилов, 2008, рис. 98: 4*), Кулешовка, курган 425, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 17: 5; Могилов, 2008, рис. 98: 5*), Броварки, курган 502, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 28: 3, 4; Могилов, 2008, рис. 98: 9*), Иваницы (*Могилов, 2008, рис. 98: 10*), курган Роменского уезда (*Могилов, 1998; рис. 98: 11*), Перещепино, курган 24, погребение 1 (*Исследования, 2003, рис. 5: 1; Могилов, 2008, рис. 98: 12*), Относительно немногочисленные экземпляры происходят из Правобережной Лесостепи и Степи: с. Ковалевка, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, рис. 1: 38*), Пастырское (*Петренко, 1967, табл. 31: 22*). Хотя известны известняковые, шиферные и каменные матрицы из Ольвии (две из них датируются началом V в. до н. э.) и Березани, предназначенные для отливки подобного рода изображений (*Капошина, 1956, рис. 23: 1—3; Гречко, Крутилов, 2010, с. 96—101; рис. 1; Островерхов, 1996, рис. 6: 2; 2005, рис. 5: 4; 8: 1*).

Известны аналогичные изображения также в Предкавказье: курган 24 у с. Нартан, V в. до н. э.; Западном Казахстане: курган 6 Нагорненского могильника, V в. до н. э.; Нижнем Поволжье: с. Новопривольное, первая половина V в. до н. э. (*Корольткова, 2006, с. 239, 190; табл. 21: 7, 19, 21*).

Публикуется впервые.

103/463. В виде головы хищной птицы, повёрнутой влево

Конец IV — IV вв. до н. э.

Побережье Азовского моря между Арабатской стрелкой и мысом Казантип, окрестности ныне нежилой деревни Насыр. Керченский полуостров, Ленинский район.

Бронза, литьё, сохранность средняя, изображение затерто.

Длина: 2,3; высота: 1,4 см.

Высота петли: 0,9; ширина: 1,7 см.

Представлена голова хищной птицы с длинным не сильно загнутым клювом. Глаз круглый, вероятно концентрический (углубление глазницы перекрыто патиной). Восковица показана четырьмя рельефными линиями. Ближе к окончанию клюва заметно углубление рта. Под глазом расположена небольшая округлая щека. Ухо не просматривается, хотя, вполне возможно, оно скрыто

патиной. Изображение очень плоскостное, возможно затертое. С обратной стороны — полукруглая петля для крепления на ременной основе.

Аналогии: весьма многочисленны как в Украинской Лесостепи, так и в степной зоне, включая Крымский полуостров (№ 96/456—102/462 Каталога). Лесостепные аналогии сосредоточены, в основном в Левобережье: Западное Бельское городище (*Исследования, 2001, рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 15*), Бельское городище, поселение в урочище Лисовый кут (*Исследования, 2001; рис. 17: 4; Могилов, 2008, рис. 98: 13*), Басовка, курган 499, первая половина V в. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 26: 12; Могилов, 2008, рис. 98: 7*), Волковцы, курган 1 (раскопки С.А. Мазараки), вторая четверть — вторая половина IV в. до н. э. (*Ильинская, 1968, рис. 34; Могилов, 2008, рис. 98: 1, 1а, 1б*), Волковцы (из фондов НМИУ) (*Могилов, 2008, рис. 98: 4*), Кулешовка, курган 425, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Галанина, 1977, табл. 17: 5; Могилов, 2008, рис. 98: 5*), Броварки, курган 502, конец VI — первая половина V вв. до н. э (*Галанина, 1977, табл. 28: 3,4; Могилов, 2008, рис. 98: 9*), Иваницы (*Могилов, 2008, рис. 98: 10*), курган Роменского уезда (*Могилов, 1998; рис. 98: 11*), Перещепино, курган 24, погребение 1 (*Исследования, 2003; рис. 5: 1; Могилов, 2008, рис. 98: 12*), Относительно немногочисленные экземпляры происходят с Правобережной Степи и Лесостепи: сёла Ковалевка, конец VI — первая половина V вв. до н. э. (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, рис. 1: 38*), Пастырское (*Петренко, 1967, табл. 31: 22*). Хотя известны известняковые, шиферные и каменные матрицы из Ольвии (две из них датируются началом V в. до н. э.) и Березани, предназначенные для отливки подобного рода изображений (*Капошина, 1956, рис. 23: 1—3; Гречко, Крутилов, 2010, с. 96—101; рис. 1; Островерхов, 1996, рис. 6: 2; Островерхов, 2005, рис. 5: 4; 8: 1*).

Известны аналогичные изображения также в Предкавказье: курган 24 у с. Нартан, V в. до н. э.; Западном Казахстане: курган 6 Нагорненского могильника, V в. до н. э.; Нижнем Поволжье: с. Новопривольное, первая половина V в. до н. э. (*Корольк ова, 2006, с. 239, 190; табл. 21: 7, 19, 21*).

Публикуется впервые.

104/464. В виде головы хищной птицы, повёрнутой влево

Конец IV — IV вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

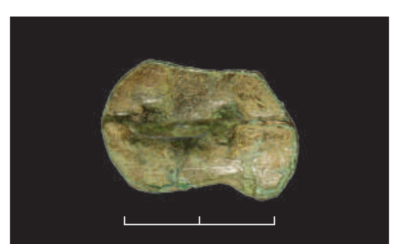
Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,6 см; высота: 1,7 см.

Ширина петли: 1,5; высота: 0,6 см.

Крайне условное профильное изображение головы хищной птицы выполнено в низком рельефе. Состоит из большого круглого глаза, нечетко выраженной короткой восковицы и наполовину закрученного клюва. Глаз концентрический, круглая зеница лежит в окантованной широкой рельефной линией глазнице. Клюв резко загнут вниз и закручен в полукольцо в нижней части. Впрочем, из-за нечеткости литья форма клюва просматривается плохо. Между клювом и глазом просматривается восковица. Ни щечный выступ, ни ухо не выделены.

Аналогии: точные неизвестны. Более отдаленные — те же, что и для предыдущих изображений.

Публикуется впервые.

105/465—108/468. Серия блях в виде двух голов хищных птиц, направленных в противоположные стороны

V в. до н. э.

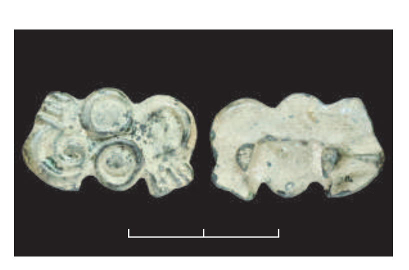
105/465. *Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,3; максимальная высота: 1,5 см.

Ширина обломанной петли: 1,5 см.

Изображена пара голов хищных птиц, направленных в противоположные стороны и перевёрнутых по отношению друг к другу. Осью симметрии изображения являются два круглых глаза, расположенные один над другим. Благодаря такому приему глаз одной головки становится щекой другой. Глаза — концентрические, слегка выпуклые зеницы обрамлены рельефной линией, окайм-

ляющей глазницу. От глаз отходят закрученные в спираль клювы, переданные двумя сужающимися к окончанию рельефными линиями (надклювье и подклювье). Необычно, короткими вертикальными линиями по отношению к клювам, показаны восковицы, больше напоминающие гребень. Головки различаются в деталях. У левой (на данном изображении) восковица состоит из четырёх рельефных линий и разделяет клюв и глаз. На правой она более длинная (пять линий) и находится непосредственно на клюве. Необычные восковицы придают головкам явно фантастические черты.

Аналогии: очень немногочисленны. Это бронзовая бляха — деталь конской узды из Нагорненского могильника, курган 2, погребение 7 (Западный Казахстан), V в. до н. э. (*Королькова, 2006, табл. 22: 27, с. 240*); две золотые обивки сосуда с Гостагаевского городища в Предкавказье (*Новичихин, 2006, рис. 89: 4*); а также крымские бляхи из Присивашья, окрестностей сёл Дивное — Курское и с. Холодовка (№ 106/466—108/468 Каталога).

В Крыму, равно как и на территории Степной и Лесостепной Скифии, подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

106/466. *Между селами Дивное и Курское. Подножье горного массива Кубалач. Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,2; максимальная высота: 1,8 см.

Ширина петли: 1,5; высота: 0,6 см.

Аналог предыдущего изображения, отличающийся от него деталями. Изображены две головы хищных птиц, направленные в противоположные стороны и перевёрнутые по отношению друг к другу. Осью симметрии изображения являются два круглых глаза, расположенные один над другим. Благодаря такому приёму глаз одной головки становится щекой другой. Глаза концентрические, выпуклые зеницы обрамлены рельефной линией, передающей глазницу. От глаз отходят закрученные в спираль клювы, переданные двумя сужающимися и заостряющимися к окончанию рельефными линиями (надклювье и подклювье). В целом, композиция симметрична, головки имеют почти одинаковый размер. Единственное различие: одна из них имеет восковицу, переданную косыми рубчиками, в то время как другая лишена её.

На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: очень немногочисленны. Это бронзовая бляха — деталь конской узды из Нагорненского могильника, курган 2, погребение 7 (Западный Казахстан), V в. до н. э. (*Королькова, 2006, табл. 22: 27, с. 240*); две золотые обивки сосуда с Гостагаевского городища в Предкавказье (*Новичихин, 2006, рис. 89: 4*), а также крымские бляхи из Юго-Восточного Крыма, Присивашья и с. Холодовка (№ 105/465, 107/467, 108/468 Каталога).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

107/467. *Недалеко от сёл Марково и Шахтино Кировского района, Присивашье. Из этой же местности происходит бляха с изображением головы кабана (№ 27/353 Каталога).*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,2; максимальная высота: 1,4 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,5 см.

Аналог предыдущих изображений, отличающийся от них деталями. Изображены две головы хищных птиц, направленные в противоположные стороны и перевёрнутые по отношению друг к другу. Осью симметрии изображения являются два круглых глаза, расположенные один над другим. Благодаря такому приёму глаз одной головки становится щекой другой. Глаза концентрические: маленькие плоские зеницы лежат в углублениях, окантованных широкими рельефными линиями глазниц. От глаз отходят закрученные клювы, переданные двумя довольно грубыми рельефными линиями, упирающимися в «щёки». Клювы существенно отличаются друг от друга. Правая (на приведенном изображении) головка имеет округлой формы загнутый клюв. Между клювом и глазом рельефным кружком обозначена восковица. Надклювье и подклювье разделены углублённой линией. У левой же головки клюв приплюснут к глазу и бóльшую его часть занимает гипертрофированная восковица. Он существенно меньше, чем клюв правой головки, надклювье и подклювье выделены менее отчётливо. Являлась ли такая асимметрия двух головок задумкой мастера, или же результатом производственного брака, сказать крайне сложно.

На оборотной стороне — прямоугольная петля.

Аналогии: те же, что и в предшествующих. Это брон-

зовая бляха — деталь конской узды из Нагорненского могильника, курган 2, погребение 7 (Западный Казахстан), V в. до н. э. (*Королькова, 2006, табл. 22: 27, с. 240*); две золотые обивки сосуда с Гостагаевского городища в Предкавказье (*Новичихин, 2006, рис. 89: 4*), а также крымские бляхи из Юго-Восточного Крыма, окрестностей сёл Дивное и Курское, Холодовка (№ 105/465, 106/466, 108/468 Каталога).

Публикуется впервые.

108/468. *Окрестности села Холодовка, Кировский район. Вместе с ней обнаружена подвеска с изображением хищного зверя (№ 6/524 Каталога).*

Бронза, литьё. Сохранность при приобретении удовлетворительная. Бляха реставрирована.

Длина: 3,0; максимальная высота: 1,8 см.

Ширина петли: 1,6; высота: 0,9 см.

Изображение отличается от описанных выше аналогов размерами и большей условностью. Представлены две головы хищных птиц, направленные в противоположные стороны и перевёрнутые по отношению друг к другу. Осью симметрии изображения являются два круглых глаза, расположенные один над другим. Благодаря такому приёму глаз одной головки становится щекой другой. Глаз верхней (на приведённом изображении) головки существенно меньше, чем глаз нижней. Он передан рельефной окантовкой. Больший же глаз — концентрический: выпуклая зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы. От глаз отходят прямые клювы, окончания которых загнуты под углом 90°. Клюв левой головки длиннее клюва правой. Посредине клювов проходит углубленная линия, отделяющая собственно клюв от условной массивной восковицы. В целом, изображение выполнено очень условно и довольно примитивно.

Аналогии: те же, что и для двух предыдущих. Это бронзовая бляха — деталь конской узды из Нагорненского могильника, курган 2, погребение 7 (Западный Казахстан), V в. до н. э. (*Королькова, 2006, табл. 22: 27, с. 240*); две золотые обивки сосуда с Гостагаевского городища в Предкавказье (*Новичихин, 2006, рис. 89: 4*), а также крымские бляхи — из Юго-Восточного Крыма, Присивашья и окрестностей сёл Дивное и Курское (№ 105/465, 107/467 Каталога).

Публикуется впервые.

109/469. В виде головы грифона, повёрнутой влево

Вторая половина VI — V вв. до н. э.

Кировский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 2,5; высота: 1,2 см.

Петля на оборотной стороне обломана; её ширина: 1,5 см.

Голова имеет подпрямоугольную форму и состоит из основной части и массивного клюва. Основная часть по форме приближается к квадрату. Она почти полностью занята непропорционально большим круглым выпуклым глазом. Верхнюю часть головы украшают шесть вертикальных рубчиков, передающих гребень — деталь, позволяющую отнести данное изображение к грифонам. К основной части головы примыкает массивный клюв, показанный полукруглым завитком, немного сужающимся и закругляющимся к окончанию. В верхней части клюва — небольшой горбик, передающий восковицу. Во внутренней части завитка рельефная линия образует замкнутый овал, моделирующий приоткрытый клюв (сквозное отверстие отсутствует).

Несмотря на маленькие размеры и лаконизм основных элементов, голова выразительно передает агрессию. Этот эффект достигается благодаря изображению приоткрытого клюва, гипертрофированного глаза и гребня в виде вертикальных рубчиков. На оборотной стороне бляхи — обломанная петля, имевшая форму полуовала.

Аналогии: массивным широким клювом, наличием овала в его нижней части, а также гребнем крымская находка сближается с бляхами в виде головы грифона из кургана у с. Макеевка (1947 г.), в бассейне р. Тясмин, в Днепровском Лесостепном Правобережье, относящегося к V в. до н. э., а также из Роменского повета (*Моги-*

лов, 2008, с. 317; рис. 98: 27, 28), кургана 12 у с. Аксютинцы, в урочище Стайкин верх, вторая половина VI — начало V вв. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. X: 6*) и кургана 505 у с. Броварки, первая половина V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 189, 316; рис. 97: 8*), в Посулье.

110/470. В виде головы грифона, повёрнутой вправо

V в. до н. э.

Село Александровка, Белогорский район.

Обнаружена недалеко от места находки бутероли от меча и бронзовой матрицы (*Каталог 41, 1/537*).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 4,1; высота: 2,9 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,0 см.

Изображение строго профильное, геометризированное. Голова оформлена в виде трёх сегментов — основной части, восковицы и клюва. Задний и нижний контуры головы образуют почти прямой угол, при этом нижний контур строго горизонтален, и лишь в конце, переходя в клюв, загибается вниз. Основная часть головы имеет подквадратную форму. Щека плоская, подчеркнута по контуру рельефной окантовкой, что еще больше усиливает геометризм изображения. Сверху к щеке примыкает большой круглый глаз и подквадратной формы ухо. Глаз имеет форму полусферической зеницы, лежащей в углублении рельефно окантованной глазницы, с маленькой, вытянутой сверху вниз слезницей. Слева от него — почти квадратное ухо, моделированное четырьмя горизонтальными рельефными линиями. Восковица показана плоскостью, постепенно сужающейся от верхней к нижней части, подчёркнутой сверху и с двух боковых сторон рельефной окантовкой. Клюв относительно короткий, плавно

загнутый, разделён углубленной линией на подклювьей и надклювье. Во рту — линзовидная выпуклость, видимо передающая маленький язык. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: прямые неизвестны. Но по геометрической строгости исполнения этой бляхе близки грифоны-нащёчники из погребения 2, кургана 17 у с. Малокатеринославка, близ Запорожья, вторая половина V в. до н. э. (*Плешивенко, 1996; табл. XIV: 7; Канторович, 2015, с. 1239, 1603; рис. 2*); и кургана 3 (первая половина V в. до н. э.) Стеблёвского могильника в бассейне р. Рось в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Скорый, 1997, с. 56, 126; рис. 22: 8, 9*). Отдельными же элементами (расположение и форма глаза, восковица) сходна с ней бляха из разрушенного погребения в кургане у Новопривольного (V в. до н. э.) в Нижнем Поволжье (*Очир-Горяева, 2012, с. 222; илл. 269: 3*).

111/471. В виде головы грифона, повёрнутой вправо, с зооморфным превращением

Конец VI — V вв. до н. э.

Белогорский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 3,2; высота бляхи: 3,0 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,5 см.

Изображение строго профильное, выполнено в высоком рельефе. Голова состоит из средней длины закрученного клюва, большого круглого глаза, маленького коронообразного гребня, уха и шеи, превращенной в дополнительную птичью головку. Клюв широко раскрыт, овальный рот обрамлен подковообразным кантом. Во рту косой прямой рельефной линией показан язык, делящий его на две равные части. Нижняя часть языка соприкасается с подклювьем. Глаз концентрический, его зеница передана полусферой, лежащей в углублении рельефно окантованной глазницы. Гребень небольшой, невысокий, состоит их трёх отростков. Ухо трапециевидной формы, с углублением ушной раковины, выступает за контур головы сзади. Шея показана в виде маленькой птичьей головки, развернутой по направлению к уху и упирающейся в него. Состоит из круглого глаза и закрученного клюва. Глаз дополнительной головки концентрический: выпуклая зеница лежит в углублении глазницы, которая подчеркнута рельефной окантовкой. От глаза отходит массивная восковица, показанная плоскостью в виде неправильного треугольника. Восковица переходит в небольшой закрученный клюв с акцентированным кружком в центре.

Моделировка открытого клюва с высунутым языком, характер исполнения нижней головки, наличие коронообразного гребня придают изображению ажур-

ность. На оборотной стороне — прямоугольная петля.

Аналогии: близкие по иконографии, но отличающиеся деталями — бронзовые бляхи из кургана 5 у с. Берестняги (вторая половина V в. до н. э.), кургана Г у с. Журовка (конец VI — начало V вв. до н. э.), грунтового погребения 7 (начало V в. до н. э.) могильника у с. Грищенцы, в бассейне Роси (*Петренко, 1967, табл. 31: 20, 17, 10*). Из Крыма две схожие бляхи происходят из Золотого кургана, который датируется концом VI либо рубежом VI—V — первой половиной V вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 48: 2, 3*).

112/472. В виде головы существа с чертами кошачьего хищника и хищной птицы (пантерогрифон)

V в. до н. э.

Село Партизаны, Кировский район, находка на берегу озера.

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. Обломана петля для крепления.

Длина: 3,2; высота: 1,6 см.

Ширина обломанной петли: 1,4 см.

Изображение совмещает в себе, одновременно, черты кошачьего хищника (пантеры?) и грифона или хищной птицы. С кошачьим хищником его сближает подпрямоугольная, вытянутая форма головы, с птицей или грифоном — наличие клюва. Таким образом, здесь изображено фантастическое существо, которое может трактоваться одновременно как пантера и как грифон / хищная птица. Глаз существа непропорционально большой, концентрический, выпуклая зеница лежит в углублении рельефно окантованной глазницы. Под ним расположен полусферический щечный выступ. Ухо кольцевидной, слегка вытянутой вверх формы, с отверстием посередине, выходит за контур головы, примыкая к ней сзади. Носовая часть (клюв) вытянутая. Её верхняя часть состоит из двух горизонтальных рельефных линий, слегка вздернутых вверх в самом окончании и переходящих в загнутый нос / клюв. Его конец закручен в маленькую спираль. Нос / клюв смыкается с нижней челюстью или подклювьем. Рот моделирован сквозным овальным отверстием, подчеркнутым рельефным кантом. Внутри него просматривается зуб или язык существа. Изображение выполнено в высоком рельефе и отличается выразительностью. По иконографической схеме сближается с изображением на S-образном псалии из окрестностей с. Зеленогорское Белогорского р-на (№ 5/260 Каталога).

Кажется правомерной и интерпретация окончания носовой части существа как зооморфного превращения в птичью головку. Её глазом является приподнятый вверх кончик носа основного изображения, клюв сопадает с клювом «основого» изображения. Т. е.

дополнительная головка смотрит вниз.

На оборотной стороне бляхи — обломанная петля.

Аналогии: полные неизвестны. Наиболее близкими крымской находке являются две бляшки, найденные в погребении 1 кургана 3 (V в. до н. э.) у с. Макеевка, в бассейне р. Тясмин; раскопки Е.Ф. Покровской, 1947 г. (*Могилов, 2008, с. 317; рис. 98: 27, 28*).

113/473. В виде сложного зооморфного образа

V—IV вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота бляхи: 3,0; ширина: 2,0 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,0 см.

Синкретический зооморфный образ, сочетающий черты некоего животного и головы хищной птицы. В вертикаль-

ном положении на бляхе хорошо просматривается голова животного с большим круглым глазом, ухом и носовой частью. Глаз круглый, моделирован вдавленной линией. Ухо круглое, с рельефной окантовкой, примыкает к затылочной части и выходит за контур головы. Нос тупой, сомкнутые челюсти разделены впалой линией, и выступают вперед. Голова посажена на короткую, широкую шею, переходящую в предельно стилизованное туловище, показанное округлой геометризированной фигурой с рисунком двойной спирали. По внешнему контуру фигура окантована жемчужницей.

В горизонтальном же положении бляха имеет вид стилизованной головы хищной птицы с гипертрофированно большим клювом, оформленным в виде спирали, и небольшой головой. При этом, глаз «вертикального» изображения является, одновременно, глазом изображения «горизонтального», его носовая часть — восковицей, а ухо — щечным выступом.

На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: единственная — в районе горы Пилотка в Центральном Крыму (№ 114/474 Каталога). Вместе с тем, условное туловище / клюв по иконографии аналогично изображению стилизованого бедра на распространенной серии блях в виде условной конечности хищника, обнаруженных на территории Днепровской Степи, Лесостепи, а также Крыма и отнесенных А.Р. Канторовичем к типу Солоха — Чертомлык, IV в. до н. э. (*Канторович, 2015, с. 1431*). В Крыму такие бляшки найдены в основной гробнице (первая половина IV в. до н. э.) кургана Беш-Оба IV/2, в группе курганов на Ак-Кае в Белогорском районе, третья четверть IV в. до н. э. (*Колтухов, 2007, рис. 6: 5; 7: 2*), а также в разных районах Центрального и Юго-Восточного Крыма, опубликованных в настоящем Каталоге (№ 137/497—152/512).

Также следует обратить внимание, что по силуэту и отдельным элементам иконографии рассматриваемое изображение схоже с очень ограниченной серией изделий, происходящих из Предкавказья. Это бронзовые столбики-распределители уздечных ремней из могильника Новозаведенное I и II (середина VII — начало VI вв. до н. э.), из Келермесского кургана 24 (конец VII — начало VI вв. до н. э.) и из Ульских курганов 1, 2, вторая половина VII в. до н. э. (*Канторович, 2015, с. 1227, 1587; рис. 1—5*). Здесь также показано полисемантическое изображение хищной птицы и головы, скорее всего, барана. Принимая во внимание раннюю хронологию предкавказских комплексов, возможно, именно эти образцы послужили прототипом для описываемых крымских изображений.

114/474. В виде сложного зооморфного образа

V—IV вв. до н. э.

В районе горы Пилотка, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность средняя. Поверхность покрыта стекловидной зеленой патиной. Изображение немного затёрто.

Высота бляхи: 3,0; ширина: 2,2 см.

Высота петли: 0,6; ширина: 1,2 см.

Весьма сходный с предыдущим синкретический зооморфный образ, сочетающий черты некоего животного и головы хищной птицы. В вертикальном положении на бляхе хорошо просматривается голова животного, посаженная на шею, переходящую в символическое туловище, представленное округлой спиралевидной фигурой, окантованной жемчужницей. В горизонтальном же положении бляха имеет вид стилизованной головы хищной

птицы с гипертрофировано большим клювом, оформленным в виде спирали, и относительно небольшой головой.

Отличия от предыдущего изображения: выполнено в высоком рельефе. Крайне интересна композиция изображения: её основа образована, по сути, одной рельефной линией, начинающейся в центре спирали. Затем, как бы раскручиваясь, она переходит в условный рот или носовую часть животного и далее S-образной линией проходит над выпуклым глазом и образует завиток уха. Жемчужница более ярко выражена с условной передней стороны туловища.

На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: единственная — предыдущее крымское изображение (№ 113/473 Каталога). Вместе с тем, условное туловище / клюв по иконографии аналогично изображению стилизованого бедра на распространенной серии блях в виде условной конечности хищника, обнаруженных на территории Днепровской Степи, Лесостепи, а также Крыма и отнесенных А.Р. Канторовичем к типу Солоха—Чертомлык, IV в. до н. э. (*Канторович, 2015, с. 1431*). В Крыму такие бляшки найдены в основной гробнице (первая половина IV в. до н. э.) кургана Беш-Оба IV/2, в группе курганов на Ак-Кае в Белогорском районе, третья четверть IV в. до н. э. (*Колтухов, 2007, рис. 6: 5; 7: 2*), а также в разных районах Центрального и Юго-Восточного Крыма, опубликованных в настоящем Каталоге (№ 137/497—152/512).

Также следует обратить внимание, что по силуэту и отдельным элементам иконографии рассматриваемое изображение схоже с очень ограниченной серией изделий, происходящих из Предкавказья. Это бронзовые столбики-распределители уздечных ремней из могильника Новозаведенное I и II (середина VII — начало VI вв. до н. э.), из Келермесского кургана 24 (конец VII — начало VI вв. до н. э.) и из Ульских курганов 1, 2, вторая половина VII в. до н. э. (*Канторович, 2015, с. 1227, 1587; рис. 1—5*). Здесь также показано полисемантическое изображение хищной птицы и головы, скорее всего, барана. Принимая во внимание раннюю хронологию предкавказских комплексов, возможно, именно эти образцы послужили прототипом для описываемых крымских изображений.

115/475. В виде фантастического существа с гипертрофированной головой на длинных ногах

V—IV вв. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая.

Высота: 3,5; ширина: 3,0 см.

Высота петли: 1,0; ширина: 1,5 см.

Изображение состоит из туловища-головы, оканчивающегося загнутым клювом, посаженного на две ноги с загнутыми вверх стопами. Ноги длинные, слегка согнуты в коленях. В них хорошо выделены расширенные бедра, узкие голени и стопы, как бы стоящие на условной поверхности. Стопы немного загнуты вверх, возможно, передавая условные когти. Стопы двух ног смыкаются друг с другом. От бедренной части ног, описывая полукруг к когтю передней ноги, расположен крайне условный конгломерат туловища-головы. Он плоский и изогнутый. В его верхней части рельефными линиями показаны три окружности с акцентированными кружками в середине, выходящие за контур туловища-головы. Видимо, самый нижний кружок передает глаз существа, два других не поддаются точной интерпретации. Они могут показывать гребень, или ухо и хвост, или рог и ухо фантастического существа. Голова заканчивается клювом, окончание которого загнуто под острым углом. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля дле крепления на ременной основе оголовья.

Аналогии: прямые — неизвестны. Сходные зооморфные трансформации свойственны меотской культуре V—IV вв. до н. э. и встречаются в оформлении псалиев, наносников и различных блях конской упряжи, найденных на Кубани (*Шедевры..., 1987, с. 86, 95; кат. 22*) и в Адыгее (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 137; кат. 109; Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих, 2013, с. 116; рис. 16: 2, 3, 6*).

116/476. В виде сложного полисемантического образа

IV в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 3,2; ширина: 2,8 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,1 см.

Представлено крайне стилизованное и схематизированное изображение, которое можно интерпретировать как голову либо рога копытного. Моделировано в низком рельефе, прорезями и рельефными линиями.

Изображение копытного анфас может быть прочитано следующим образом. Сверху, в самой широкой части бляхи, четырьмя кружками, расположенными на одной линии, выделены рога животного. Под ними — ещё три отверстия, придающие, вместе с верхней группой, ажурность всему изображению. Ниже, примерно на одной линии, круглыми отверстиями изображены глаза животного, а треугольной выемкой между ними — нос. Окончание морды имеет форму сердца. На ней круглыми выемками показаны ноздри.

Вместе с тем, указанное изображение может быть прочитано и как обособленное изображенит рогов копытного (*Канторович, 2019, с. 436*).

Еще одна возможная интерпретация: крайне стилизованное и, видимо, уже десемантизированное изображение двух кошачьих хищников, развернутых друг к другу полусогнутыми туловищами (в геральдической позе). В этом случае, два кружка по краям верхней части изображения передают глаза животных, параллельно им, такими же кружками, представлены их носовые части. Ниже глаз похожими кружками показаны, видимо, шеи. Далее — невыразительные туловища, заканчивающиеся двумя закрученными в противоположную сторону хвостами.

С оборотной стороны, в нижней части бляхи — полукруглая петля для крепления украшения на ременной основе оголовья.

Аналогии: наиболее близкой иконографической аналогией являтся бронзовый налобник из кургана 19 у станицы Воронежской, в Прикубанье (*ОАК за 1903, с. 74; рис. 144; Канторович, 2015, с. 1472; рис. 5*). В целом, по стилистическим особенностям напоминает бронзовые литые изделия меотской культуры. В определённой степени крымской бляхе близок экземпляр V—IV вв. до н. э., обнаруженный при неизвестных обстоятельствах на Таманском полуострове и хранящийся в *Museum für Vor- und Frühgeschichte* в Берлине (*Leskov, 2008, p. 211, 212; N 290*). Что касается геральдических изображений хищников, возможность такой интерпретации дает небольшая серия изделий из Китая, хранящаяся в коллекции Саклер (*Очир-Горяева, 2012, с. 173; илл. 187: 2—4*).

117/477. В виде лежащего сфинкса

Классическое скифское время.

Окрестности посёлка Зуя, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Длина: 2,6; высота: 1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,6 см.

Сфинкс изображен в лежащем положении, при этом его туловище показано в профиль, а голова развернута в фас, на зрителя. Туловище узкое, поджарое. Передние и задние лапы поджаты под туловище. Между задними лапами и туловищем — округлое сквозное отверстие. Хвост загнут вверх, он облегает заднее бедро, кончик завернут в полукольцо. Крыло полностью заполняет пространство между задней частью туловища и головой. Оно изображено стоящим почти вертикально и имеет членение, образованное четырьмя продольными рельефными линиями. Вверху крыло немного загибается вперед. Голова сфинкса развернута в фас. На ней — невысокий головной убор. Лицо вытянутое, с большими округлыми глазами. Остальные черты лица плохо просматриваются, в связи с определённой его затёртостью. На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля для крепления на кожаной основе узды.

Аналогии: весьма близкой аналогией является левостороннее изображение лежащего сфинкса на бронзовой поясной пряжке, случайно найденной на Таманском полуострове.

А.М. Лесков на основе некоторых аналогий относит её к I—II вв. н. э. (*Leskov, 2008, p. 198, 199; N 209*). Вместе с тем, первый издатель находки М.И. Ростовцев датировал пряжку III—II вв. до н. э. (*Rostovtzeff, 1931, s. 46—55, abbv. 1; 2*). В определённой степени с этой бляхой сравнимы изображения сидящих сфинксов на золотых бляшках из кургана 2 (середина V в. до н. э.) группы Семибратних на Кубани (*Scythian art, 1986; kam. 76; 77*).

118/478. В виде кисти руки человека (?)

V — середина IV вв. до н. э.

Вблизи города Керчь, Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. С одной стороны нарушен край бляхи.

Сохранившаяся высота: 4,0; ширина: 1,9 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,2 см.

Изображение выполнено в высоком рельефе и крайне условной манере. Относительно длинное запястье переходит в утолщение кисти, на которой представлены пять пальцев. Пальцы переданы пятью рельефными линиями, с едва заметными утолщениями на фалангах. Окончания пальцев заострены. Большой палец несколько короче остальных, однако он длиннее обычного большого пальца кисти руки человека. Это нарушает целостную пропорцию кисти и позволяет предполагать, что изображение также может передавать образ звериной лапы либо чего-то среднего, переходного, между кистью человека и лапой зверя. Также, в отличие от большинства подобных блях, на изображении представлена правая кисть. На оборотной стороне — петля прямоугольной формы.

Аналогии: довольно многочисленные. Из близких можно упомянуть: в степной зоне Северного Причерноморья — в кургане 3 (погребение 1), группы I у с. Шевченко (*Зарайская, Привалов, 1992, с. 121; рис. 2: 30, 31*); кургане 7 (погребение 1) у с. Новое Запорожье (*Плешивенко, 1977, с. 147; рис. 3: 5*), относящихся к V в. до н. э; в Лесостепи (Посулье): курган 2 в урочище Стайкин Верх (первая половина V в. до н. э.), курганы около с. Крячковка (вторая половина V — начало IV вв. до н. э.) и Аксютинцы (*Могилов, с. 329; рис. 110: 26—29*); на Кавказе: Нартанский второй могильник, курган 1 (конец V — середина IV вв. до н. э.) (*Керефов, Кармов, 2009, с. 6, 16, 18; рис. 3: 2*), Ассиновская, курган 3 (конец V — середина IV вв. до н. э.) (*Бурков, Маслов, 2007, с. 296; рис. 3: 1*), случайная находка в районе Кавказских минеральных вод (*Маслов 2011; рис. 1: 3*). Все указанные аналогии отличаются бо́льшим реализмом, в частности более пропорциональными формами и детальной проработкой пальцев.

119/479—122/482. Серия блях в виде пятипалой лапы хищного зверя с сомкнутыми пальцами

Рубеж VI—V — IV вв. до н. э.

119/479. *Белогорский район. Точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная.

Высота: 3,7; ширина: 1,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,6; ширина: 1,4 см.

Изображение имеет прямоугольные очертания. Представлено окончание лапы с пятью пальцами, имеющими заостренные концы-когти. Пальцы переданы параллельными, слегка изогнутыми в середине рельефными линиями. Боковые чуть короче центральных. А.Р. Канторович идентифицирует рассматриваемый тип изображений с медвежьими лапами (*Канторович, 2015, с. 293*), с чем, вероятно, можно согласиться. Однако интересно, что в данном конкретном случае, пальцы слишком длинные, а основание лапы узкое, больше напоминающее кисть человека. Создается впечатление, что здесь мы сталкиваемся с неким переходным типом — антропоморфизации лапы хищника, или же, наоборот, зооморфизации руки человека.

На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: весьма сходные и довольно многочисленные: курганы 1, 8, 18, 21 могильника Перещепино, вторая—четвертая четверть V в. до н. э., курган 3 у с. Протопоповка в Левобережной Лесостепи, последняя четверть VI — первая половина V вв. до н. э., с. Кийлов в террасовой Левобережной Лесостепи; курган 398 у с. Журовка

(первая половина V в. до н. э.), с. Пруссы, курган 4 у с. Берестняги (вторая половина V в. до н. э.), в Днепровской Правобережной Лесостепи; курган 26 у с. Новоселка в Восточной Подолии (IV—III вв. до н. э.) (*Могилов, 2008, с. 322; рис. 103: 1—7, 10—12*); с. Стыла (*Привалова, 1993, рис. 83: 70*), погребение 13 кургана у с. Арциз (середина V в. до н. э.) (*Алексеева, Охотников, Редина, 1997, рис. 3: 7*) в Северном Причерноморье; случайная находка в районе Кавказских Минеральных вод (*Канторович, 2015, с. 1132, 1430; рис. 9*); Малые Семибратние курганы, на Тамани (*Власова, 2010; рис. 37*); курган 51 возле с. Старица в Нижнем Поволжье (*Смирнов, 1976; рис. 1: 25*); могильник Чилик-Дере в Добрудже (*Simion, 2003; fig. 10: 5*); пещера Бычья скала (рубеж VI—V вв. до н. э.) на территории Чехии (*Мелюкова, 2006, рис. 5: 15*). Крымские аналогии: № 120/480—122/482 Каталога. Недавно очень сходная бляха была найдена на поселении Чокрак-Найман 1, в окрестностях с. Абрикосовка Кировского р-на (*Коваль, 2019, с. 89, рис. 3: 2*) [1].

120/480. *Вблизи города Керчь, Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная.

Высота: 4,0; ширина: 1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,5 см.

Аналог предшествующего изображения. Имеет прямоугольные очертания. Представлено окончание лапы с пятью пальцами и заострёнными концами-когтями. Пальцы сомкнуты, переданы параллельными слегка изогнутыми в середине рельефными линиями. Боковые чуть короче центральных. А.Р. Канторович идентифицирует рассматриваемый тип изображений с медвежьими лапами (*Канторович, 2015, с. 293*), с чем, вероятно, можно согласиться. Однако интересно, что, как и в предшествующем изображении, пальцы слишком длинные, а основание лапы узкое, больше напоминающее кисть человека. Создается впечатление, что здесь мы сталкиваемся с неким переходным типом — антропоморфизации лапы хищника, или же, наоборот, зооморфизации руки человека.

На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: весьма сходные и довольно многочисленные: курганы 1, 8, 18, 21 могильника Перещепино, вторая—четвертая четверти V в. до н. э., курган 3 у с. Протопоповка, в Левобережной Лесостепи, последняя четверть VI — первая половина V вв. до н. э.; с. Кийлов в террасовой Левобережной Лесостепи; курган 398 у с. Журовка (первая половина V в. до н. э.), с. Пруссы, курган 4 у с. Берестняги (вторая половина V в. до н. э.), в Днепровской Правобережной Лесостепи; курган 26 у с. Новоселка, в Восточной Подолии (IV—III вв. до н. э.) (*Могилов, 2008, с. 322; рис. 103: 1—7, 10—12*); с. Стыла (*Привалова, 1993, рис. 83: 70*), погребение 13 кургана у с. Арциз (середина V в. до н. э.) (*Алексеева, Охотников, Редина, 1997, рис. 3: 7*) в Северном Причерноморье; случайная находка в районе Кавказских Минеральных вод (*Канторович, 2015, с. 1132, 1430, рис. 9*); Малые Семибратние курганы, на Тамани (*Власова, 2010; рис. 37*); курган 51 возле с. Старица в Нижнем Поволжье (*Смирнов, 1976; рис. 1: 25*); могильник Чилик-Дере в Добрудже (*Simion, 2003; fig. 10: 5*); пещера Бычья скала (рубеж VI—V вв. до н. э.) на территории Чехии (*Мелюкова, 2006, рис. 5: 15*). Крымские аналогии: № 119/479, 121/481, 122/482 Каталога. Недавно очень сходная бляха была найдена на поселении Чокрак-Найман 1, в окрестностях с. Абрикосовка Кировского р-на (*Коваль, 2019, с. 89, рис. 3: 2*).

121/481. *Вблизи города Керчь, Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. С одной стороны нарушен край бляхи.

Высота: 3,3; ширина: 1,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,3 см.

Аналог предшествующих изображений. Имеет прямоугольные очертания. Представлено окончание лапы с пятью пальцами, имеющими заострённые концы-когти. Пальцы сомкнуты, переданы прямыми параллельными рельефными линиями. Боковые чуть короче центральных и имеют утолщённую форму. Основное отличие от предшествующих изображений: отсутствует сужение кисти, из-за чего антропоморфные черты

[1] В публикации бляха ошибочно определена как «матрица».

полностью исчезают. С большой вероятностью здесь представлена именно лапа медведя.

На оборотной стороне бляхи — прямоугольная петля.

Аналогии: полная — изделие из пещеры Бычья скала (рубеж VI—V вв. до н. э.) на территории Чехии (*Мелюкова, 2006, рис. 5: 15*); характерная черта обоих изображений — утолщенные боковые пальцы. Другие сходные изображения: курганы 1, 8, 18, 21 могильника Перещепино, вторая—четвертая четверти V в. до н. э., курган 3 у с. Протопоповка, в Левобережной Лесостепи, последняя четверть VI — первая половина V вв. до н. э.; с. Кийлов в Террасовой Левобережной Лесостепи; курган 398 у с. Журовка (первая половина V в. до н. э.), с. Пруссы, курган 4 у с. Берестняги (вторая половина V в. до н. э.), в Днепровской Правобережной Лесостепи; курган 26 у с. Новоселка в Восточной Подолии (*Могилов, 2008, с. 322; рис. 103: 1—7, 10—12*); с. Стыла (*Привалова, 1993, рис. 83: 70*), погребение 13 кургана у с. Арциз (середина V в. до н. э.) (*Алексеева, Охотников, Редина, 1997, рис. 3: 7*) в Северном Причерноморье; случайная находка в районе Кавказских Минеральных вод (*Канторович, 2015, с. 1132, 1430; рис. 9*); Малые Семибратние курганы, на Тамани (*Власова, 2010; рис. 37*); курган 51 возле с. Старица в Нижнем Поволжье (*Смирнов, 1976; рис. 1: 25*); могильник Чилик-Дере в Добрудже (*Simion, 2003; fig. 10: 5*). Крымские аналогии: № 119/479, 120/480, 122/482 Каталога. Недавно очень сходная бляха была найдена на поселении Чокрак-Найман 1, в окрестностях с. Абрикосовка Кировского р-на (*Коваль, 2019, с. 89; рис. 3: 2*).

122/482. *Белогорский район. Точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. С одной стороны нарушен край бляхи.

Высота: 3,2; ширина: 1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,5 см.

Аналог предшествующих изображений, но в отличие от них имеет не прямоугольную, а овальную форму: контур окончаний сомкнутых пальцев полукруглый, нижняя часть лапы симметрично сужается с двух сторон. Представлено окончание лапы с пятью пальцами, имеющими заостренные концы-когти. Пальцы сомкнуты, переданы прямыми параллельными рельефными линиями. Поперечными насечками разграничены фаланги.

На оборотной стороне — прямоугольная петля, расположенная вертикально.

Аналогии: весьма сходные и довольно многочисленные: курганы 1, 8, 18, 21 могильника Перещепино, вторая—четвертая четверти V в. до н. э., курган 3 у с. Протопоповка, в Левобережной Лесостепи, последняя четверть VI — первая половина V вв. до н. э.; с. Кийлов в террасовой Левобережной Лесостепи; курган 398 у с. Журовка (первая половина V в. до н. э.), с. Пруссы, курган 4 у с. Берестняги (вторая половина V в. до н. э.), в Днепровской Правобережной Лесостепи; курган 26 у с. Новоселка в Восточной Подолии (IV—III вв. до н. э.) (*Могилов, 2008, с. 322; рис. 103: 1—7, 10—12*); с. Стыла (*Привалова, 1993, рис. 83: 70*), погребение 13 кургана у с. Арциз (середина V в. до н. э.) (*Алексеева, Охотников, Редина, 1997, рис. 3: 7*) в Северном Причерноморье; случайная находка в районе Кавказских Минеральных вод (*Канторович, 2015, с. 1132, 1430; рис. 9*); Малые Семибратние курганы на Тамани (*Власова, 2010; рис. 37*); курган 51 возле с. Старица в Нижнем Поволжье (*Смирнов, 1976; рис. 1: 25*); могильник Чилик-Дере в Добрудже (*Simion, 2003; fig. 10: 5*), пещера Бычья скала (рубеж VI—V вв. до н. э.) на территории Чехии (*Мелюкова, 2006, рис. 5: 15*). Крымские аналогии: № 119/479—121/481.

123/483—129/489. Серия блях в виде стилизованного бедра и лапы хищника

V—IV вв. до н. э.

123/483. *Село Кринички, Кировский район.*

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная.

Высота: 4,3; максимальная ширина: 1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,0 см.

Рельефное стилизованное изображение бедра и лапы хищника. Бедро показано округлой фигурой, переходящей, через условную узкую голень в лапу. Последняя имеет прямоугольную форму, в которую вписаны пять длинных пальцев. В каждом пальце различимы по три фаланги. Пальцы заканчиваются короткими когтями. Пальцы могут быть

моделированы более реалистично — с передачей фаланг — или же более схематично. На оборотной стороне — округлая петля.

Аналогии: наиболее близкое приведено в каталоге *Ancient touch*: cat. N 971 (по *Канторович, 2012, с. 40; рис. 10: 5*). Более отдаленные, отличающиеся наличием жемчужницы по краю бедра, получили распространение, в основном, в Лесостепи: Аксютинцы, курган 2, середина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XVI: 1; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 4*); Стеблев, курган 1, V в. до н. э. (*Скорый, 1997, рис. 7: 6; Канторович, с. 1429, рис. 7*); Хитцы, середина — вторая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. LVI: 4; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 8.*); степные аналогии — Корнеевка, курган 2, погребение 2, конец V в. до н. э. (*Ковалев, Полин, 1991, рис. 8: 7, 8; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 3*); бляхи из основного погребения кургана Солоха, конец V в. до н. э. (*Манцевич, 1987, с. 44, кат. 27; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 4*). Также непрямые аналогии (другая форма бедра, более короткие пальцы): Журовка, курган 414, IV в. до н. э. (*Могилов, 2008, рис. 92: 19, 20; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 13а, 13б*); курган у с. Кошеватое, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 30: 3; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 14*); Пастырское, урочище Галущино, курган 2, конец V — начало IV вв. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 30: 4; Могилов, 2008, рис. 92: 17а, 18; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 15—17*); степные аналогии: Бердянский курган, погребение жрицы, тайник 1, первая треть IV в. до н. э. (*Чередниченко, Фиалко, 1988, рис. 6: 4; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 11*); Тавельский курган 1 (*Дашевская, 1991, табл. 74: 3; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 12*).

Крымские аналогии: № 124/484–129/489 Каталога.

124/484, 125/485. *Село Русское, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная.

Высота: 4,0; максимальная ширина: 1,6 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,0 см.

Аналогии предыдущему экземпляру, чрезвычайно близкие между собой. От предшествующей бляхи отличаются большей степенью условности и меньшей проработкой деталей.

Аналогии: те же, что и для предшествующего изображения.

126/486. *Окрестности села Курское в сторону села Тополевка, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 3,9; максимальная ширина: 1,3 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,2 см.

Аналогии: те же, что и для предшествующих изображений.

Публикуется впервые.

127/487, 128/488. *Село Кринички, Кировский район.*

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота: 4,1—4,3; максимальная ширина: 1,4 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,8; ширина: 1,1 см.

Аналогии: те же, что и для предшествующих изображений.

129/489. *Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность удовлетворительная. Бляха была сломана и реставрирована.

Высота: 3,7; максимальная ширина: 1,2 см.

Высота петли на оборотной стороне: 1,0; ширина: 1,1 см.

В отличие от предшествующих экземпляров, данное изображение имеет очень короткие фаланги. Непропорциональность изображения и сильно смещённая в сторону петля на оборотной стороне позволяют видеть в изделии производственный брак.

Аналогии: те же, что и для предшествующих изображений.

130/490—136/496. Серия блях в виде стилизованных бедра и лапы хищника, украшенных по краю жемчужницей

Вторая половина V — первая половина IV вв. до н. э.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Село Южное, Большая Феодосия.

Село Некрасово, Белогорский район.

Село Южное, Большая Феодосия.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность средняя.

Высота: 4,0; ширина: 1,5—1,7 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,8 см.

Размеры бракованной бляхи: высота: 3,2; ширина: 1,5 см.

Высота петли на оборотной стороне: 0,7; ширина: 1,7 см.

Рельефное стилизованное изображение бедра и лапы хищника. Бедро показано округлой фигурой, переходящей через условную, слегка зауженную голень в лапу. Последняя имеет прямоугольную форму, в которую вписаны пять пальцев одинаковой длины. По контуру бедро украшено девятью рубчиками. Отличие от предыдущих изображений: более геометризированная форма, крайне условное изображение пальцев пятью рельефными линиями (не показаны фаланги, когти), украшение бедра жемчужницей.

На оборотной стороне округлой части, во всю ширину — полуовальная петля для крепления на кожаной основе узды. Одна из бляшек — небольшого размера, со скошенной нижней частью, непропорционально большой петлей, выходящей за пределы изображения, является производственным браком.

Близки к изображениям типа Ак-Бурун—Корнеевка, согласно классификации А.Р. Канторовича (*Канторович, 2012, с. 39—42; рис. 10*). Однако прямых аналогов среди них не имеют.

Аналогии: непрямые, получили распространение в основном в Лесостепи: Аксютинцы, курган 2, середина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XVI: 1; Канторович, с. 1429, рис. 6*); Стеблёв, курган 1, V в. до н. э. (*Скорый, 1997, рис. 7: 6; Канторович, с. 1429, рис. 7*); Хитцы, середина — вторая половина V в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. LVI: 4; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 8.*); Колбино, курган 3 (IV в. до н. э.) (*Савченко, 2009, с. 317; рис. 13: 8; Канторович, 2015, с. 1429, рис. 19*). Степные аналогии: Корнеевка, курган 2, погребение 2, конец V в. до н. э. (*Ковалев, Полин, 1991; рис. 8: 7, 8; Канторович, с. 1429, рис. 3*); основное погребение в кургане Солоха (*Манцевич, 1987, с. 45; кат. 27; Канторович, 2015, с. 1429: рис. 4*) в Бердянском кургане, погребение жрицы, тайник 1, первая треть IV в. до н. э. (*Чередниченко, Фиалко, 1988, рис. 6: 4; Канторович, 2015, с. 1429; рис. 11*).

137/497—151/512. Серия блях в виде сильно стилизованной конечности хищника с бедром, показанным спиралью

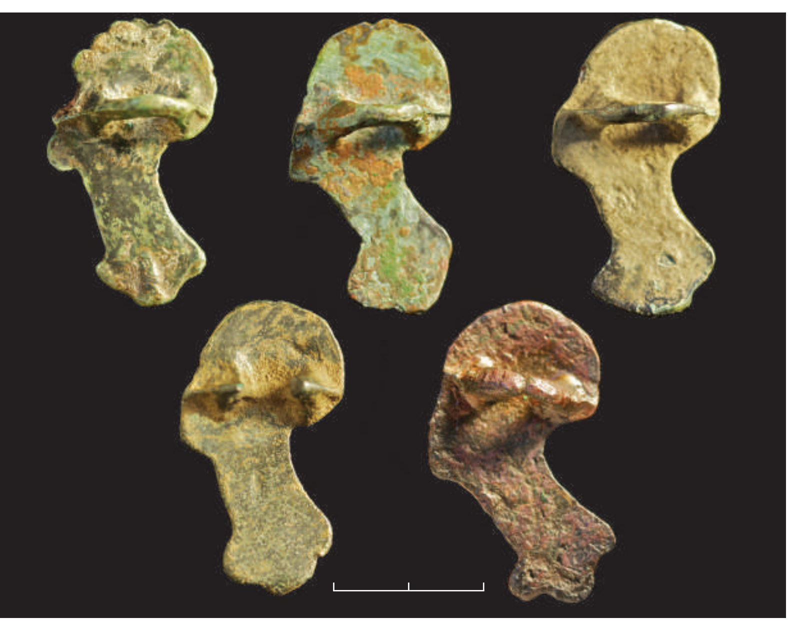
IV в. до н. э.

137/497—141/501. *Юго-Восточный Крым. Точные места находок неизвестны.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота блях: 3,8—4,0; ширина: 2,2—2,4 см.

Высота петель: 0,7; ширина: 1,5 см.

Образ характеризуется крайней схематичностью, переходящей в декоративность. Округлое бедро животного показано в виде двойной рельефной спирали, обрамлённой округлыми рубчиками. Спираль бедра переходит в очень стилизованное изображение ног, показанное тремя линиями и оканчивающееся условными пальцами с когтями. Иногда когти хорошо переданы полукруглыми фигурами, чаще же всего они не выражены. В некоторых случаях окончание ног (условные пальцы) напоминают трёхлепестковый цветок. На передней части бедра всегда изображается деталь, напоминающая птичий клюв. Она может состоять из выпуклых кружков, или же образовываться подтреугольной, иногда округлой рельефной линией.

142/502, 143/503. *Село Межгорье, урочище Бураган, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота блях: 4,0; ширина: 2,0—2,1 см.

Высота петель: 0,7; ширина: 1,5 см.

144/504, 145/505. *Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота блях: 3,5; ширина: 2,0 см.

Высота петель: 0,7; ширина: 1,7 см.

Скорее всего, обе бляхи отлиты в одной форме.

146/506—148/508. *Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 3,8; ширина: 2,2 см.

Ширина петли: 2,0; высота: 0,9 см.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Бляха немного согнута.

Высота: 3,7; ширина: 2,5 см.

Ширина петли: 2,0; высота: 0,8 см.

Бронза, литьё. Фрагмент. Сохранность фрагмента удовлетворительная.

Высота фрагмента: 2,7; ширина: 2,1 см.

Ширина петли: 1,9; высота: 0,8 см.

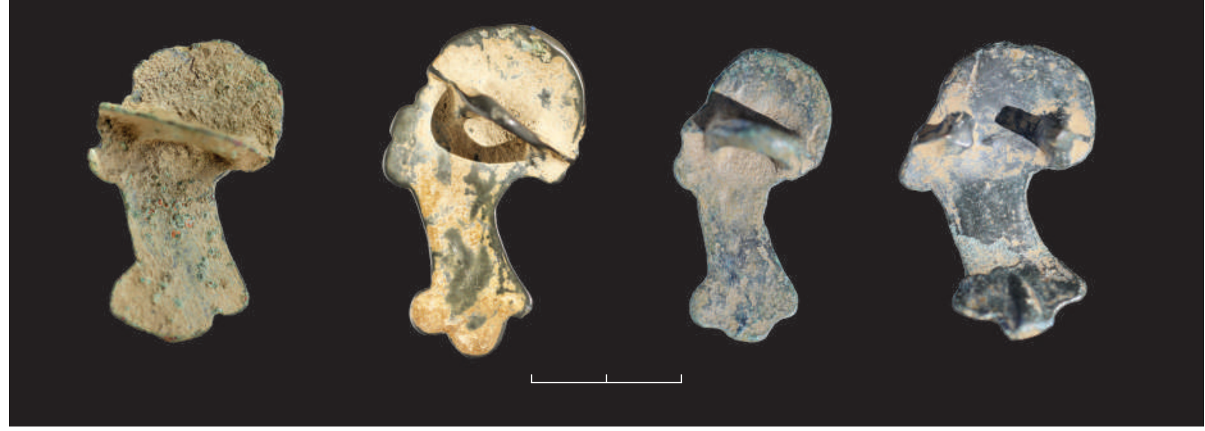
149/509. *Между Советским и станцией Краснофлотская, Советский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 4,0; ширина: 2,6 см.

Ширина петли: 2,3; высота: 0,8 см.

150/510. *Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 4,4; ширина: 2,7 см.

Ширина петли: 1,9; высота: 0,7 см.

151/511. *Окрестности села Пролом, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 3,9; ширина: 2,1 см.

Ширина петли: 1,5; высота: 0,8 см.

152/512. *Окрестности села Пролом, Белогорский район.*

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Бляха немного согнута.

Высота: 3,6; ширина: 2,6 см.

Ширина обломанной петли: 1,5 см.

Аналогии: весьма широко представлены в конском уборе скифского времени на ряде территорий юга Восточной Европы. В Крыму — найдены в основной гробнице (первая половина IV в. до н. э.) кургана Беш-Оба IV/2, в группе курганов на Ак-Кае в Белогорском районе, третья четверть IV в. до н. э. (*Колтухов, 2007, рис. 6: 5; 7: 2*), в могиле 2 Беляусского могильника (*Дашевская, 1991, табл. 74: 2*). Хорошо представлены в ряде скифских элитных курганов Северопричерноморской Степи, в первую очередь — в Чертомлыке, 35 экземпляров, вторая половина IV в. до н. э. (*Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 87; рис. 59; с. 163; кат. 47; Канторович, 2015, с. 1431; рис. 3*), в Гаймановой Могиле, 350—320 гг. до н. э., 17 экземпляров (*Бидзиля, Полин, 2012, рис. 78: 9, 10; 322; 329; Канторович, 2015, с. 1431; рис. 32, 33*), в Солохе (впускное погребение), 4 экземпляра, 400—375 гг. до н. э. (*Манцевич, 1987, с. 108; кат. 91; с. 111; кат. 109; Канторович, 2015, с. 1431; рис. 1, 2*), Бабиной Могиле, середина — третья четверть IV в. до н. э. (*Мозолевский, Полин, 2005, с. 118; рис. 53; Канторович, 2015, с. 1431; рис. 4*), в кургане 2, погребение 3 у с. Петровка, три экземпляра (*Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 173, 175; рис. 3: 12, 14; Канторович, 2015, с. 1431; рис. 8, 9*), в погребении 6 (конская могила, конь 2) Братолюбовского кургана, первая половина IV в. до н. э., два экземпляра (*Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009, рис. 21: 9, 10; Канторович, 2015, с. 1431; рис. 34*). В Лесостепи: курганах у с. Резино (2 экз.), Кошеватое (3 экз.), рубеж V—IV или IV вв. до н. э., кургане 3 у с. Старый Мерчик, середина IV в. до н. э. (2 экз.), № 1 у с. Волковцы, вторая—третья четверти IV в. до н. э. (раскопки С.А. Мазараки), 4 экземпляра (*Могилов, 2008, с. 324; рис. 105: 13, 14, 16, 17, 21*). На Среднем Дону — в кургане 2 в Дубовом, два экземпляра (*Савченко, 2009, с. 317; рис. 13: 5, 6*).

153/513—155/515. Серия блях в виде когтя хищной птицы

V в. до н. э.

153/513. *Малый Агармыш, Кировский район.*

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Высота: 3,3; максимальная ширина: 2,7 см.

Высота петли: 0,8; ширина: 1,7 см.

Коготь передан путем изображения трёх колен: основания, среднего и верхнего, а также полукруглого завитка. Каждое следующее от основания колено меньше предыдущего и находится по отношению к нему под небольшим углом. Из верхнего колена выходит полукруглый завиток, сужающийся к своему окончанию.

На оборотной стороне — полукруглая петля. Под петлей — дорожка шириной 0,9 см, связанная с процессом отливки изделия.

Аналогии: почти полные — 10 блях из тризны вокруг кургана возле с. Хлебное (№ 8/211—17/220 Каталога). В Лесостепи также известны очень близкие аналогии: курганы 401 у с. Журовка (начало V в. до н. э.), бассейн Тясмина, № 5 у с. Берестняги (V в. до н. э.), бассейн Роси, Днепровское Лесостепное Правобережье (*Петренко, 1967, с. 167; табл. 30: 8, 11; Могилов, 2008, с. 318; рис. 99: 9—11, 13*); степные аналогии: Елизаветовский могильник, курган 4 1911 г. (*Миллер, 1914, с. 226, рис. 14, нижний; Канторович, 2015, с. 1614; рис. 6*), Червоный Яр, курган 1 (*Канторович, 2015, с. 1614; рис. 7*).

Публикуется впервые.

154/514. *Между сёлами Заветное и Пчельники, Советский район.*

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Высота: 3,3; максимальная ширина: 2,7 см.

На оборотной стороне — полукруглая петля. Ширина петли: 1,9; высота: 0,8 см. Под петлей — дорожка шириной 1,0 см, связанная с процессом отливки изделия.

Аналог предыдущего изображения, отличающийся разворотом когтя.

Публикуется впервые.

155/515. *Между сёлами Заветное и Пчельники, Советский район.*

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Высота: 3,5; максимальная ширина: 2,7 см.

На оборотной стороне — полукруглая петля. Ширина петли: 1,5; высота: 0,8 см. Под петлей — дорожка шириной 1,0 см, связанная с процессом отливки изделия.

Аналог предыдущего изображения, отличающийся разворотом когтя.

Публикуется впервые.

156/516. В виде стилизованного уха копытного / крыла птицы

V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым. Покупка в Феодосии.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 4,4; ширина: 2,6 см.

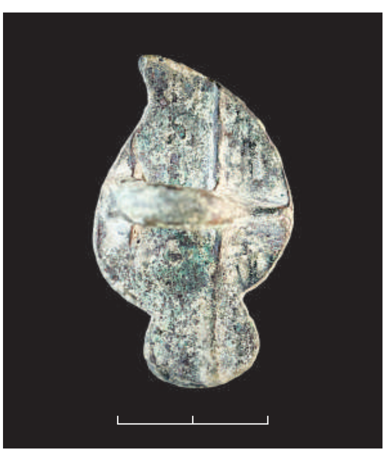
Высота петли: 0,7; ширина: 1,8 см.

Изображение плоскостное. Состоит из подовальной формы корня и основной части, имеющей вид «запятой». Поверхность гладкая. На оборотной стороне — полукруглая петля для крепления на ременной основе узды и «дорожка» шириной 1,0 см, связанная с процессом отливки изделия.

Аналогии: стилизованые изображения подобной формы хорошо известны на всей территории Скифии, а также Предкавказья. В литературе идет дискуссия относительно того, как идентифицировать эти изображения: в качестве ушей копытных или крыльев птиц (см. обзор: *Канторович, 2015, с. 573*). В пользу первого указывают такие детали, как наличие «корня» и рифление внутренней части (у большинства изображений), больше соответствующее стилистике передачи уха копытного, нежели крыла птицы. Однако, в нашем случае, рисунок на поверхности бляхи отсутствует, а общий абрис соответствует как уху, так и крылу, позволяя говорить о многозначности изображения. Наиболее близкий экземпляр происходит из Каменского района Черкасской области, Днепровское Лесостепное Правобережье (хранится в фондах Каменского исторического музея [1]). Более отдаленные аналогии: 11 бронзовых уздечных блях из кургана 14 у Райгорода, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Петренко, 1967, табл. 30: 17; Могилов, 2008, рис. 100: 1—11*). Из курганов 6 и 24 Нимфейского некрополя (475—425 гг. до н. э.) происходят две бронзовые уздечные бляхи, отличающиеся от описываемой богатой орнаментацией, в том числе с использованием греческих мотивов (*Силантьева, 1959; с. 70; рис. 37: 7; с. 86—87; рис. 49: 2*).

Публикуется впервые.

[1] Благодарим директора Каменского исторического музея Ю.Ю. Ляшко за возможность ознакомиться с данным изделием.

157/517. Гроздевидная бляха

Конец V — IV вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Ширина: 2,4; высота: 1,5 см.

Высота петли: 1,2; ширина: 1,5 см.

Бляха имеет ромбовидную форму, состоящую из шести выпуклых кружков, расположенных в геометрическом порядке: четыре кружка образуют центральный квадрат и по два примыкают к нему с двух сторон. На оборотной стороне — полукруглая петля.

Аналогии: весьма точные, происходят из Лесостепи и Северного Причерноморья, а именно, из с. Кошеватое, рубеж V—IV или IV вв. до н. э. (Поросье), кургана 5 близ с. Осняги (Поворсклье), кургана у с. Редвинцы, конец V — начало IV вв. до н. э. (Побужье) (*Могилов, 2008, с. 188, 309; рис. 91: 5—9*), погребения 13 кургана около Арциза, середина V в. до н. э. (*Бруяко, 2013, с. 400; рис. 97: 1*), кургана около Шолоховского (Северное Причерноморье) (*Максименко, Смирнов, Горбенко, Лукьяшко, 1984; рис. 58: 22*). Недавно аналогичное изображение также было обнаружено на поселении Кош-Кую в окрестностях Горностаевки Советского р-на (*Куликов, 2019, с. 388, рис. 6*).

Публикуется впервые.

158/518. Многолепестковая бляха-розетка с обозначенным кругом в центре

V в. до н. э.

Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Внешний диаметр: 2,3; внутренний диаметр: 2,1 см.

Высота петли: 0,8; ширина: 1,9 см.

Бляха состоит из круглого выпуклого щитка, окантованного углублением, от которого равномерно по кругу отходят одинаковой длины рельефные линии-лепестки (не менее 16). С одной стороны несколько линий стёрты (видимо, из-за интенсивного использования).

Аналогии: округлые щитковые бляхи с подобным геометрическим орнаментом были крайне популярны в украшении узды коня в среднескифское время и имеют широкие аналогии на всей территории распространения культур скифского облика. Наиболее близкие публикуемому экземпляру происходят с территории Днепровского Лесостепного Левобережья: из погребения 1, кургана 18 могильника Перещепино (вторая—четвертая четверти V в. до н. э.), близ Бельского городища, кургана 2 у с. Аксютинцы, третья четверть — середина V в. до н. э., кургана 502 у с. Броварки, конец VI — первая половина V в. до н. э., кургана 3 у с. Протопоповка, последняя четверть VI — первая половина V в. до н. э., городища возле Огульцев, кургана 41 у с. Коротич, вторая—четвертая четверти V в. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 326; рис. 14—20, 25—40*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

3.10. ПОДВЕСКИ

1/519. Подвеска в виде трёх голов хищных птиц

Последняя четверть VI — V вв. до н. э.

Кировский район. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина подвески: 4,0; ширина: 1,2 см.

Диаметр дужки для подвешивания: 0,6 см.

Изображение одностороннее, выполненное в высоком рельефе. По силуэту подвеска приближается к форме кабаньего клыка с одним острым и вторым широким концами. Оба они оформлены в виде голов хищных птиц, развёрнутых в противоположные стороны. Посередине представлена еще одна, опущенная вертикально вниз головка хищной птицы, закрученный клюв которой может быть рассмотрен как зооморфное превращение щёчного выступа двух боковых голов. Композиционным центром изображения является концентрический глаз (выпуклая зеница лежит в углублённой рельефно окантованной глазнице), общий для всех трёх голов.

Наибольшее изображение — левостороннее. Оно состоит из глаза, восковицы и длинного, слегка загнутого клюва. Восковица массивная, короткая, показана пятью рельефными линиями. Вперед и вниз от неё отходит длинный клюв. Он загибается лишь у самого окончания, имеющего не острую, а полукруглую форму. Длинным углублением представлен рот, разделяющий надклювье и подклювье. Сзади головы — гипертрофированное ухо, показанное круглым кольцом петли подвески (клювом правостороннего изображения).

Условное исключение левостороннего клюва и восковицы позволяет увидеть правостороннюю голову. Роль символического клюва играет круглая петля подвески. Таким образом, можно сказать, что здесь представлен закрученный клюв. Восковица не выделена.

Ещё одна птичья голова изображена вертикально: это глаз с находящимся под ним завитком. При этом завиток выполняет роль клюва этого «малого» изображения и щёчного выступа двух боковых голов. Несмотря на лаконизм и условность такой передачи, маленькая головка просматривается достаточно четко.

Аналогии: прямых в древностях скифского времени степной зоны Северного Причерноморья и Украинской Лесостепи данная находка не имеет. На лесостепной территории найдено несколько бронзовых подвесок, имитирующих костяные клыки, украшенные на концах головками хищных птиц и волчьими головами: у с. Пастырское и кургане 4 у с. Макеевка, последняя четверть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Могилов, 2008, с. 50, 318; рис. 99: 25—27*). По общей форме подвеска напоминает резные костяные клыки-подвески или их бронзовые копии, широко представленные в савроматской культуре Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Пожалуй, определёнными аналогиями

являются подвески с изображением двух голов хищных птиц из кургана 4 группы Бес-Оба (*Кадырбаев, 1984, с. 87; рис. 1: 1*) и кургана 3 у Алебастровой Горы (*Смирнов, 1964, с. 334; рис. 40: 1, а—г*), в Южном Приуралье, относящиеся к концу VI — V вв. до н. э.

2/520. Подвеска в виде головы хищной птицы с рогами или дополнительными головками, фрагментированная

Скифское время.

Между посёлком Зуя и селом Ароматное, Белогорский район. В лесу.

Бронза, литьё, чеканка. Сохранность металла хорошая. С одной стороны подвеска обломана.

Сохранившаяся высота: 2,5; ширина: 5,0 см.

Изображение двустороннее, ориентированное на боковой обзор. На подвеске представлена голова хищной птицы с мощным, плавно загнутым клювом, длинной восковицей и гипертрофировано большими глазами. Глаза концентрические, выпуклые зеницы лежат в рельефно окантованных глазницах. От глаз отходит остроконечная восковица, окантованная рельефными линиями (верхняя линия более мощная). К нижней части восковицы примыкает средней длины изящно загнутый клюв. Он показан широкой плоскостью, постепенно сужающейся и заостряющейся к окончанию. К верхней части глаз примыкают две вытянутые плоскости — нижняя и верхняя — с сужающимися и закрученными вниз окончаниями, с акцентированными кружками внутри. Нижняя плоскость изогнутая и более длинная, нежели верхняя. Основание этих элементов обломано в древности, поэтому точная интерпретация их художественного смысла затруднена. По форме они напоминают отростки рогов с закругленными окончаниями. Однако, нельзя исключать, что это элементы «приставления» дополнительной фигуры (или фигур), например головок хищных птиц. Тогда рассматриваемые элементы можно интерпретировать как клювы.

Интересной особенностью подвески является ассиметрия изображений, расположенных с двух сторон. Так, на одной из сторон (видимо, «лицевой») глаз занимает собой всю площадь головы, тогда как на другой он меньше и смещён вверх, так что чётко просматривается щёчный выступ. *Лицевая* сторона дополнительно декорирована чеканкой: рельефная обрамляющая глазницу линия украшена поперечными насечками, нижний край восковицы — точками. Точечная чеканка видна и на клюве: видимо, здесь она передает условный рот, одновременно разделяя надклювье и подклювье. С противоположной же стороны точечный орнамент и насечки отсутствуют. Вместо этого надклювье и подклювье разделено тонкой углубленной линией. Такая же линия очерчивает остроконечную восковицу и щёчный выступ. Аналогичная линия расположена и на нижнем «приставленном» клюве дополнительного изображения.

Из-за такой ассиметрии изображения с двух сторон смотрятся по-разному, они напрочь лишены скульптурной целостности.

Аналогии: лишь в определённой степени эту подвеску напоминает «подвеска» из собрания Ханенко (Екатеринославская губерния, Верхнеднепровский уезд (*Ханенко, 1900, с. 31; табл. XLI: 334*).

3/521. Подвеска в виде фантастических зооморфных образов

Скифское время.

Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Высота: 1,6; ширина: 3,2 см.

Подвеска имеет продолговатую форму и оканчивается двумя зооморфными изображениями, направленными в противоположные стороны. Сверху, по центру подвески — кольцо для подвешивания на конской узде. Изображения двусторонние, выполненные в

высоком рельефе. Они крайне условны и орнаментальны, так что видовая принадлежность образов не поддается идентификации. Левостороннее (на приведенной иллюстрации) напоминает форму головы хищной птицы, с круглым глазом, покатым клювом, заканчивающимся завитком, и примыкающим к нему ровным подклювьем. В правостороннем изображении отчетливо читается лишь большой концентрический глаз: полусферическая зеница лежит в углублении глазницы, окантованной со всех сторон, кроме нижней, рельефной линией. Примыкающая к нему носовая часть состоит из двух коротких массивных, параллельных, направленных под углом вверх рельефных складок, и одной маленькой складки, отходящей под углом от нижней. Скорее всего, так мастер стремился передать приоткрытый рот существа. Вместе с тем, большой глаз может быть рассмотрен и как глаз дополнительного изображения головы хищной птицы, повёрнутой вверх. В этом случае кольцо подвески играет роль закрученного ажурного клюва.

Аналогии: нам неизвестны.

4/522. Подвеска односторонняя в виде головы хищной птицы. Фрагмент

Последняя четверть VI — первая половина V вв. до н. э.

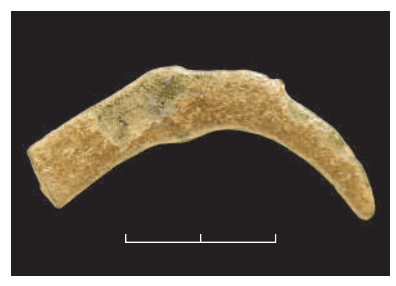
Юго-Восточный Крым. Точное место находки неизвестно. Покупка в Старом Крыму.

Бронза, литьё. Сохранность фрагмента удовлетворительная.

Сохранившаяся длина: 4,6; ширина: 1,0 см.

Фрагмент бронзовой подвески — имитации подвески в виде кабаньего клыка. На фрагменте представлена голова хищной птицы с длинным, загнутым острым клювом. Изображение моделировано односторонне, рельефно, про-

фильно. Голова птицы узкая, в её верхней части выделяется большой глаз, состоящий из круглой зеницы и глазницы, переданной рельефной окантовкой. От глаза идёт длинная восковица, лежащая на верхней части клюва и перекрывающая примерно треть его длины. Под глазом расположен точно такой же рельефно окантованный кружок, передающий, видимо, щеку. Судя по аналогиям, на противоположной стороне подвески могла размещаться голова волчьего хищника.

По А.Р. Канторовичу, данное изображение относится к типу 11 редуцированного изображения хищных птиц — «Гуляйгородско-Макеевскому» (*Канторович, 2015, с. 669—772, 1591*).

Аналогии: немногочисленные, но очень близкие происходят из Среднего Поднепровья. Это бронзовые имитации подвесок в виде кабаньего клыка из с. Макеевка, курган 4, последняя четверть VI — первая половина V вв. до н. э. (*Покровська, 1957; рис. 3: 1*) и курганного могильника близ Пастырского городища (*Королькова, 2006, табл. 64: 9*).

В Крыму аналогичные находки не фиксировались.

Публикуется впервые.

5/523. Подвеска в виде головы кошачьего хищника анфас

Вторая половина VII — VI вв. до н. э.

Окрестности села Льговское, Белогорский район.

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Высота подвески: 2,3, длина головы хищника: 1,4 см.

Внутренний диаметр кольца: 0,8—0,9; внешний диаметр: 1,3 см.

Круглое кольцо подвески с одной стороны заканчивается скульптурным изображением головы хищника. Голова развёрнута перпендикулярно плоскости кольца, которое, вероятно, передает условную шею. Голова скульптурная, рассчитана как на боковой, так и на фронтальный обзоры. Она выполнена крайне условно и имеет подквадратную форму. Глаза не выделены, зато выразительно передана приоткрытая пасть с клыками. Верхняя часть морды выгнута. В тыльной части — два торчащих уха овальной формы, вместе они при рассмотрении анфас образуют V-образную фигуру. Короткая голова в сочетании со стоящими ушами позволяет предположить, что перед нами — кошачий хищник.

Аналогии: прямых не найдено. По общей иконографии изображение примыкает к образу «тупорылого зверя», для которого характерна короткая раскрытая пасть и длинные стоячие уши. Он помещался, в первую очередь, на бронзовых

навершиях, как например на двух изделиях из кургана 1 у хут. Говердовского, вторая половина VII, рубеж VII—VI вв. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 46, 47*), а также на навершии из Келермесского кургана 3/Ш, вторая половина VII в. до н. э. (*Галанина, 1997, с. 156; табл. 44, кат. 45*). Также очень близким является крымское окончание псалия, найденное на горе Челноки близ Феодосии (№ 4/259 Каталога) и его аналогии из Днепровской Лесостепи.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

6/524. Подвеска в виде протомы кошачьего хищника

V в. до н. э. (?)

Окрестности села Холодовка, Кировский район. Вместе с подвеской также обнаружена бляха в виде двух птичьих голов, направленных в противоположные стороны (№ 108/468 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность неудовлетворительная. Предмет реставрирован.

Высота подвески: 2,5 см; длина головы: 1,8 см.

Внешний диаметр кольца: 1,2; внутренний — 0,8 см.

Круглое кольцо подвески с одной стороны заканчивается скульптурным изображением головы неопределенного хищника, выполненного довольно условно. Голова развернута в той же плоскости, что и кольцо. Выполнена скульптурно, но ориентирована, преимущественно, на боковой обзор. Она посажена на короткую шею. В её центре помещен круглый выпуклый глаз (лежит в углублении глазницы). С тыльной стороны к голове примыкают два овальных уха с впадинками ушных раковин. Морда короткая, тупорылая, заканчивается приоткрытой пастью, имеющей форму круга. Сверху на голове — три небольших выпуклости. Передавали ли они гребень, рога или какой-либо еще элемент — не ясно. Судя по короткой морде, приоткрытой пасти, форме глаза и уха мы имеем дело, вероятнее всего, с изображением кошачьего хищника.

Аналогии: не находя прямых аналогий (ни по стилистике исполнения, ни по типу украшаемого предмета), данное изображение имеет сходство со скульптурными изображениями, размещенными, прежде всего, на ножах и псалиях. Наиболее близкими являются изображения на навершиях рукоятей железного и костяного ножа с Западного укрепления Бельского городища (*Исследования, 2004, рис. 47: 3; Шрамко, 1987, рис. 39: 1*).

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

7/525. Подвеска в виде неопределенного зооморфного образа

Скифское время.

Село Приветное, Кировский район.

Бронза, литьё, сохранность хорошая. Изделие покрыто патиной разных цветов: тёмно- и светло-зелёного, коричневого.

Размеры подвески: 3,3 × × 3,3 см.

Внешний диаметр петли: 1,3—1,2; внутренний: 0,9—0,8 см.

Одна из сторон круглого кольца подвески заканчивается изображением неопределенного зооморфного образа. О зооморфизме свидетельствует круглый глаз, показанный выпуклой зеницей, оконтуренной рельефной линией глазницы. Он является центром композиции всего изображения. С двух сторон глаза, симметрично по отношению друг к другу, расположены два круга — кольцо подвески и двойной круг. От глаза отходит рельефная линия, сужающаяся к окончанию и оканчивающаяся двумя завитками, идущими наискось по отношению к её оси.

Интерпретировать изображение сложно ввиду невыразительности мотива и отсутствия аналогий. Основную изобразительную нагрузку несут три кружка, один из которых — центральный — является глазом. Два боковых можно трактовать по-разному. Известны случаи, когда кольцо подвески может передавать клюв птицы или, шире, носовую часть головы (№ 1/519 Каталога). В свою очередь, двойной круг может быть интерпретирован как рог, внутри которого разместилось ухо. В любом случае, конгломерат из трёх кружков представляет собой голову некоего существа, в то время как рельефная линия с завитками может быть трактована как редуцированное туловище. При повороте же на 90° рельефную линию с завитками можно трактовать и как носовую часть некоего фантастического животного, а всю композицию — как его голову.

Аналогии: обнаружить не удалось.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

4. КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

4.1. НАВЕРШИЯ

1/526—4/529. Навершия: целое и фрагментированные

Вторая половина V в. до н. э.
Бронза, литьё.

Вблизи насыпи кургана, на естественной залесенной возвышенности, в 1 км от северо-восточной окраины города Белогорск, недалеко от трассы Белогорск — Белая Скала (Т0 112). Расстояние от данного кургана до начала гряды элитных курганов на Ак-Кае — чуть более 6 км, до кургана Беш-Оба IV — 9 км. Предметы обнаружены на вспаханной поверхности с помощью металлодетектора на глубине 0,20—0,30 м.

1/526. Целый экземпляр

Сохранность удовлетворительная. «Пьедестал» частично реставрирован.

Общая высота навершия: 22; диаметр бубенца: 6,0; высота втулки: 2,5; ширина втулки: 3,6; длина прямоугольного отверстия втулки: 3,0; ширина отверстия: 0,5; высота фигурки оленя: 7,0; длина фигурки: 6,5 см.

Навершие имеет вид полого, усечённо-конического бубенца, с прорезными треугольными отверстиями, украшенного сверху скульптурной фигуркой оленя, размещённого на небольшой платформе. В нижней части — втулка, вытянуто-овальная в плане, с прямоугольным отверстием для закрепления на древке. С двух сторон нижней части втулки — два круглых отверстия для закрепления на металли-

ческом штыре. Бубенец с одной стороны вогнут, из-за чего частично изменил форму.

В верхней части бубенца — округлый пьедестал, на который помещена фигура стоящего оленя. Изображение скульптурно, но ориентировано, преимущественно, на боковой обзор. Олень изображён стоящим в спокойной, статичной позе. Показаны все четыре ноги животного, но эта деталь заметна только при непрофильных ракурсах, так как две передние и две задние ноги плотно прижаты одна к другой и разделение лишь намечено углубленными линиями. В целом, ноги непропорционально широкие, выделение копыт отсутствует. Туловище узкое, поджарое, выделение бёдер и лопаток отсутствует. Овальной выпуклостью показан маленький хвостик. Массивная шея немного наклонена вперед по отношению к туловищу. На неё посажена скульптурная голова, расположенная параллельно линии туловища. Она имеет форму цилиндра, слегка сужающегося к носу. Окончание носовой части тупое, кончик носа чуть вздёрнут вверх. Рот показан длинной углублённой линией. Глаза пропорциональны размерам головы, выпуклые зеницы лежат в углублениях глазниц. Короткими линиями показаны слезницы. От затылочной части головы отходит конгломерат рогов и уха. Большое ухо имеет форму неправильного треугольника. С двух сторон оно окантовано рельефными линиями. К верхнему контуру уха примыкают массивные рога. Они состоят из двух частей. Передняя имеет W-образную форму, т. е. состоит из двух противонаправленных, симметричных по отношению к общему центру отростков, заканчивающихся завитками с акцентированными кружками в центре. Задняя часть примыкает к передней и имеет форму четырёх изогнутых рельефных линий, выходящих из общего основания в районе заднего завитка и постепенно расширяющихся к окончанию.

Фигурка оленя отлита в двусоставной форме: на ней отчётливо просматривается литейный шов.

Это навершие и следующие фрагменированные экземпляры, по типологии Е.В. Переводчиковой, относятся к X типу (*Переводчикова, 1980, с. 31, 32; рис. 6: 5, 6*).

Аналогии: ближайшие: четыре навершия в одном из курганов V в. до н. э. у с. Аксютинцы (раскопки В.В. Хвойки, 1897—1899 гг.) (*Ильинская, 1968, с. 38, 159; табл. XXVI: 12, 13, 15, 16*), в меньшей степени также четыре навершия из кургана 1 у с. Волковцы IV в. до н. э. (раскопки С.А. Мазараки, 1897—1898 гг.) (*Ханенко, 1899, с. 6; табл. XI: 224; Бобринской, 1901, с. 84; Ильинская, 1968, с. 48, 159*). Однако крымские навершия, в отличие от посульских, имеют усечённо-конические, а не биконические бубенцы. Более отдалённые аналогии — в виде наверший-бубенцов со скульптурными изображениями оленей известны в Днепровской Левобережной террасовой Лесостепи (курган 3, погребение 3 у с. Гладковщина) и в большем количестве — на территории Кубани. Однако олени на них изображены в иной позе, с поджатыми ногами, а сами навершия относятся к концу VII — началу VI вв. до н. э. (см. литературу: *Скорый, Григорьев, 2012, с. 258*).

2/527. Фигурка оленя, фрагмент навершия

Длина: 6,5; высота: 6,5 см.

Скульптурная фигурка стоящего оленя с ветвистыми рогами, украшавшая некогда верх бубенца иного навершия. Внешне весьма близка фигурке первого навершия, но отличается меньшими размерами и меньшей выразительностью

деталей, в частности не столь чётко проработанными изображениями рта, ноздри, глаза животного, ветвистых рогов. На фигурке, также как и в первом случае, хорошо виден литейный шов. Несомненно, она отлита в другой форме.

Аналогии: те же, что и для первого экземпляра.

3/528. Два фрагмента одного навершия

От навершия сохранился бубенец (А) и втулка (Б).

А. Бубенец от навершия, аналогичный бубенцу первого экземпляра. Нижняя часть и одна из боковых сторон повреждены. Повреждения — рваные, очевидно, нанесены при пахоте, плугом. Поверхность предмета сильно патинирована. Предмет сохранился в высоту на 11 см. Диаметр: 6,0—6,5 см.

Б. Втулка навершия.

Предмет сохранился в высоту на 3,6 см, ширина основы — 4,2 см.

Втулка обломана сверху, в месте перехода в бубенец. В плане — вытянуто-овальной формы. Отверстие для крепления древка во втулке прямоугольное. Втулка аналогична по устройству втулке сохранившегося навершия. Внутри втулки — остатки железного штыря, на котором закреплялось

навершие посредством отверстий во втулке и железного штифта.

Сопоставление этих двух предметов показало, что они принадлежат одному, *второму* навершию, судя по всему, целиком аналогичному первому, сохранившемуся, экземпляру.

4/529. Фрагмент навершия

Размеры: 5,7 × 5,5 см.

Изделие с боковой прямоугольной петлёй для крепления на ней небольших подвесных колокольчиков. Края предмета рваные, поверхность — сильно патинированная. Навершие, несомненно, было поломано плугом при пахоте.

Данный фрагмент, безусловно, принадлежит *третьему* навершию. У целого экземпляра и у бубенца второго навершия подобные петли отсутствуют. Форма сохранившейся части бубенца позволяет предположить, что он был биконическим, т. е. подобным бубенцам наверший посульской группы, украшенных сверху фигурками оленей, а сбоку — петлями (*Ильинская, 1968, с. 159*).

Остаётся неясным, какому из трёх фрагментированных наверший принадлежала скульптурная фигурка оленя: второму экземпляру, в целом аналогичному сохранившемуся первому навершию, третьему, на бубенце которого была петля, или, наконец, не обнаруженному четвёртому экземпляру. Учитывая парность находок подобных наверший, мы вправе предположить, что их изначально было четыре.

Условия обнаружения наверший вблизи насыпи кургана позволяет допустить, что изначально они входили в состав предметов погребального кортежа, а после осуществления захоронения стали материальными остатками тризны.

4.2. ТОПОРИКИ-СКИПЕТРЫ

1/530. *Село Партизаны, Кировский район, степная равнинная местность.*

VI—V вв. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая.

Длина: 8,0; максимальная ширина: 1,8 см.

Диаметр отверстия проуха: 1,6 см.

Короткий молоточек имеет цилиндрическую форму, плавно расширяющуюся к рабочей части, на которой заметны следы использования. Загнутая почти под прямым углом более длинная клевцовая часть оформлена в виде стилизованной орлиной головки со слабо намеченным округлым глазом. На клевце — лёгкая вмятина (от плуга?).

Аналогии: известно восемь экземпляров скипетров, близких между собой: из погребения в кургане 25 Кичкасского могильника (*Ильинская, 1961а, с. 44, 45; рис. 11: 7*); из раскопок П.О. Бурачкова в бывшем Днепровском уезде в Нижнем Поднепровье (*Яценко, 1959, с. 37, 43; табл. III: 3; с. 63*); случайная находка близ с. Пастырское в бассейне Тясмина, в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Мелюкова, 1964, табл. 21: 28*); из коллекции Кундеревича, скорее всего, из Среднего Поднепровья (*Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3: 4*), из коллекции Платар, место находки неизвестно (*Платар, 2004, с. 109; № 22*); скипетр, найденный на поселении Чилик-Дере, в Добрудже (*Simion, 2003, p. 257; fig. 6*), а также два экземпляра, найденные недавно у с. Межгорье Белогорского района и в Черноморском районе Крыма (№ 2/531, 4/533 Каталога). Описываемый экземпляр отличается большей стилизацией головки птицы, по внешнему облику более всего напоминая скипетр из раскопок П.О. Бурачкова. В целом, эта находка пополняет небольшую коллекцию бронзо-

вых скипетров, обнаруженных в пределах Европейской Скифии и отличающихся по тем или иным деталям (*Іллінська, 1961, с. 45; рис. 11; Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3; Кубышев, Николова, Полин, 1982, с. 140, 141; рис. 10; 11*).

В Крыму ещё один скипетр найден в погребении 3 (вторая половина VI — рубеж VI—V вв. до н. э.) кургана Кулаковского (у с. Долинное Бахчисарайского р-на). Но он имеет иной вид: украшен с одной из сторон копытцем животного, с другой — птичьей головкой (*Яковенко, 1976, с. 132; рис. 5: 3*). Фрагмент сходного скипетра обнаружен также между крымскими сёлами Айвазовское и Приветное (№ 3/532 Каталога).

2/531. *Окрестности села Межгорье Белогорского района. Урочище Васильки, Балка Сулат.*

VI—V вв. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Изделие равномерно покрыто зеленой стекловидной патиной.

Длина: 7,5 см.

Диаметр молоточка: у основания 1,5; рабочей части: 2,1 см.

Диаметр отверстия проуха: 1,4 см.

Ширина клевцовой части: 0,7 см.

Аналог предыдущего изделия, отличающийся более детальной двусторонней проработкой зооморфных деталей. Молоточек имеет цилиндрическую форму, его рабочая часть расширена и имеет следы использования. Проушная часть оформлена в виде выпуклых глаз, подчеркнутых вдавленной окружностью. Клевцовая часть представляет собой скульптурное изображение загнутого клюва с хорошо выделенным массивным надклювьем и узким подклювьем, разделенными сквозным отверстием. В верхней части клюва — длинная восковица.

Аналогии: известно восемь экземпляров скипетров, близких между собой: из погребения в кургане 25 Кичкасского могильника (*Ильинская, 1961а, с. 44, 45; рис. 11: 7*); из раскопок П.О. Бурачкова в бывшем Днепровском уезде в Нижнем Поднепровье (*Яценко, 1959, с. 37, 43; табл. III: 3; с. 63*); случайная находка близ с. Пастырское в бассейне Тясмина, в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Мелюкова, 1964, табл. 21: 28*); из коллекции Кундеревича, скорее всего из Среднего Поднепровья (*Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3: 4*), из коллекции Платар, место находки неизвестно (*Платар, 2004, с. 109; № 22*); скипетр, найденный на поселении Чилик-Дере, в Добрудже (*Simion, 2003, p. 257; fig. 6*), из с. Партизаны Кировского района и Черноморского района Крыма (№ 1/530, 4/533 Каталога). Находка пополняет небольшую коллекцию бронзовых скипетров, обнаруженных в пределах Европейской Скифии и различающихся по тем или иным деталям (*Іллінська, 1961, с. 45; рис. 11; Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3; Кубышев, Николова, Полин, 1982, с. 140, 141; рис. 10; 11*).

В Крыму ещё один топорик-скипетр найден в погребении 3

(вторая половина VI — рубеж VI—V вв. до н. э.) кургана Кулаковского (у с. Долинное Бахчисарайского р-на), но он имеет иной вид: украшен с одной из сторон копытцем животного, с другой — птичьей головкой (*Яковенко, 1976, с. 132; рис. 5: 3*). Фрагмент сходного скипетра обнаружен также между крымскими сёлами Айвазовское и Приветное (№ 3/532 Каталога).

Публикуется впервые.

3/532. *Между сёлами Айвазовское и Приветное, Кировский район.*

Вторая половина VI — первая половина V вв. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность металла хорошая, но предмет представлен фрагментом.

Сохранившаяся длина: 3,5; ширина: 1,5 см.

От скипетра сохранилась лишь клевцовая часть в виде скульптурной головки хищной птицы с гипертрофировано большим шаровидным глазом, массивным широким слегка изогнутым клювом, имеющим округлое окончание. Между глазом и клювом расположена вытянутая восковица. Рот показан углублённой линией, подчеркнутой рельефной окантовкой. Место облома — древнее, запатинированное.

Аналогии: нам звестно три очень схожих между собой бронзовых скипетра, один из концов которых украшен головкой хищной птицы, другой — конским копытцем. Ближайшая аналогия, крымская, в погребении 3 (вторая половина VI — рубеж VI—V вв. до н. э.) кургана Кулаковского, у с. Долинное Бахчисарайского р-на (*Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3: 8; Яковенко, 1976, с. 132; рис. 5: 3*). Два иных близких по форме скипетра найдены: в кургане 15 у с. Аксютинцы в бассейне р. Сула, в Днепровском Лесостепном Левобережье, вторая половина VI в. до н. э. (*Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3: 9; Яковенко, 1976, с. 132; рис. 5: 4*) и ауле Тауйхабль в Адыгее, в Северо-Западном Предкавказье (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 120, 121, 184; кат. 55*). Отличие последних двух экземпляров — более длинная клевцовая часть.

4/533. *Черноморский район, точное место находки неизвестно.*

VI—V вв. до н. э.

Бронза, литьё. Сохранность хорошая. Изделие было равномерно покрыто жёлтой патиной, впоследствии удаленной.

Общая длина: 5,2; длина клевцовой части: 4,0; молоточной — 2,5 см.

Диаметр отверстия проуха: 0,5—0,7 см. Он немного вытянут вдоль молоточной части.

Скипетр имеет небольшие размеры и Г-образную форму: клевцовая часть расположена под углом, близким 90° к молоточной. В отличие от ранее рассмотренных скипетров, у данного экземпляра молоточек очень короткий и не выделен относительно проушной части. Рабочая часть молоточка не расширена, а, наоборот, немного заужена. Изображение, представленное на скипетре, одностороннее и рассчитано исключительно на боковой обзор. Молоточная часть передает шею и голову, от которой почти под прямым углом отходит мощный клюв. В нём выделяется надклювье и подклювье, разделенные вдавленной линией рта. Глаз небольшой, концентрический, выпуклая зеница лежит в углублении глазницы.

От глаза отходит обозначенная двумя вдавленными линиями треугольная восковица, перекрывающая сверху большую часть клюва. В основании клюва, под глазом — небольшая выемка.

Аналогии: точные нам неизвестны. В целом же, данный экземпляр принадлежит к ограниченному кругу орнитоморфных клевцов-молоточков, описанных выше. К ним относятся скипетры: из погребения в кургане 25 Кичкасского могильника (*Ильинская, 1961а, с. 44, 45; рис. 11: 7*); из раскопок П.О. Бурачкова в бывшем Днепровском уезде в Нижнем Поднепровье (*Яценко, 1959, с. 37, 43; табл. III: 3; с. 63*); случайная находка близ с. Пастырское в бассейне Тясмина, в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Мелюкова, 1964, табл. 21: 28*); из коллекции Кундеревича, место находки неизвестно (*Ильинская, 1965, с. 210; рис. 3: 4*), из коллекции Платар, место находки неизвестно (*Платар, 2004, с. 109, № 22*); скипетр, найденный на поселении Чилик-Дере, в Добрудже (*Simion, 2003, p. 257; fig. 6*), экземпляры из сёл Партизаны Кировского района и Межгорье Белогорского района Крыма (№ 1/530, 2/531 Каталога).

В Крыму найден ещё один топорик-скипетр — в погребении 3 (вторая половина VI — рубеж VI—V вв. до н. э.) кургана Кулаковского (у с. Долинное Бахчисарайского р-на). Фрагмент сходного скипетра обнаружен также между крымскими сёлами Айвазовское и Приветное (№ 3/532 Каталога).

Публикуется впервые.

4.3. НОЖИ РИТУАЛЬНЫЕ

1/534. Нож с рукоятью, украшенной головкой хищной птицы

VI—V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, Белогорский район.

Железо, ковка, чеканка. Сохранность плохая. Рабочая часть лезвия отломана.

Общая сохранившаяся длина: 17,5 см.

Длина лезвия: 9,5; максимальная ширина: 1,5 см.

Длина ручки: 8,0 см, ширина: 1,0 (в центре) — 1,8 см (окончание).

Нож имеет лезвие с горбатой спинкой и слегка выгнутой рабочей нижней частью, наиболее широкой в центре и сужающейся к острию и ручке. В сечении лезвие — вытянутый треугольник. Верхняя часть ручки является горизонтальным продолжением лезвия, нижняя — заужена у перехода в лезвие и плавно расширяется к окончанию, украшенному стилизованным изображением головки хищной птицы с закрученным клювом, образующим завиток с отверстием в центре. Глаз птицы показан узкой линзой, нанесённой чеканкой.

В сечении ручка прямоугольной формы. По типологии Б.А. Шрамко, нож относится к 6-му типу III группы ножей — железные ножи с ручкой, украшенной в зверином стиле (*Шрамко, 1983, с. 54, 80; табл. 6: 34*).

Аналогии: довольно многочисленные — в Восточноевропейской Лесостепи, например, в курганах 402 у с. Журовка, бассейн Тясмина, Днепровское Лесостепное Правобережье, V в. до н. э. (*Петренко, 1967, с. 143; табл. 17: 4*); № 1 (1886) у с. Волковцы, бассейн р. Сула, Днепровское Лесостепное Левобережье, VI в. до н. э. (*Ильинская, 1968, табл. XXXII: 15*); на ряде лесостепных поселений: Мотронинском городище, бассейн р. Тясмин (*Бессонова, Скорый, 2001; рис. 65: 8*); Бельском городище в бассейне р. Ворскла (*Шрамко Б., 1987, с. 118; рис. 55: 9; Шрамко И., 1995, с. 70; рис. 5*); городище в урочище Городище и Саржин Яр на Северском Донце (*Гречко, 2010, с. 235; рис. 88: 19, 25*).

2/535. Нож с рукоятью, украшенной головкой лося

VI—V вв. до н. э.

Горный массив Кубалач, в районе видовой площадки на юго-западную сторону. Село Некрасово, Белогорский район.

Вблизи также найдена нащёчная бляха в виде фигуры лося с головой, повёрнутой вправо (*№ 4/330 Каталога*).

Железо, ковка, чеканка. Сохранность средняя. Конец лезвия обломан.

Общая сохранившаяся длина: 18,0 см.

Длина лезвия: 9,0; максимальная ширина: 1,3 см.

Длина ручки: 9,0, ширина: 1,0—1,3 см.

Нож имеет лезвие с плавно изогнутой спинкой и слегка вогнутой, сработанной нижней частью. Лезвие хорошо прокoвано и заточено. В сечении — в

виде вытянутого треугольника. Ручка слегка расширяется к окончанию. В сечении — узкий прямоугольник. Окончание ручки выполнено в виде головы лося. При этом чёткое изображение присутствует лишь с одной стороны, в то время как на второй можно наблюдать лишь силуэт головы, без деталей. Голова лося слегка вытянута вперёд и имеет характерное преломление морды. Углубленной линией показан рот. В нижней части морды выделены губы и ноздри. Глаз концентрический, зеница передана точкой, а глазница — рельефной окантовкой. Небольшое острое ухо прижато к шее. В нем чётко просматривается углубление ушной раковины. На шее чеканкой показана шерсть.

Аналогии: среди ножей, ручки которых оканчиваются головками птиц и животных (6-й тип III группы ножей — железные ножи с ручкой, украшенной в зверином стиле; *Шрамко, 1983, с. 54, 80; табл. 6: 34*), известных в древностях скифской эпохи Восточной Европы, аналогии данному ножу отыскать не удалось. Но весьма подобными изображениями животного оформлены верхние окончания серии костяных псалиев от узды VI в. до н. э., найденных в Днепровском Лесостепном Левобережье, особенно в бассейне Сулы (*Ильинская, 1968, табл. XXXVI: 6, 21; Шрамко, 1971, с. 101; рис. 4: 7—9, 11, 12*). В связи с этим, стоит отметить, что на территории Крыма был найден складной боевой нож с лезвием серповидной формы и ручкой с костяными накладками, конец которой украшен абсолютно аналогичной головкой лося, в погребении 194 могильника Нейзац (центральная часть полуострова), которое относится к позднесарматской культуре и датируется III в. н. э. (*Храпунов, 2004, с. 107; рис. 3*). Сходство столь велико, что невольно возникает вопрос: не вторично ли использована ручка на ноже из Нейзаца?

Костяные ручки ножей, украшенные головками животных, в том числе лося, известны в погребениях и на поселениях VI—III вв. до н. э. ананьинской культуры Поволжья (*Васильев, 2001, с. 79; рис. 2: 10, 11*). И всё же, пожалуй, наиболее близкими аналогиями крымской находке являются железные ножи, ручки которых декорированы головками лосей в абсолютно сходной манере, найденные на весьма отдалённой от Крыма территории, в Хакасско-Минусинской котловине Южной Сибири, в области тагарской культуры и относящиеся к VI—V вв. до н. э. (*Завитухина, 1983; кат. 159, 163*).

4.4. БРОНЗОВАЯ БЛЯХА

1/536. Бронзовая бляшка в виде козла, стоящего на задних ногах

Архаическое время.

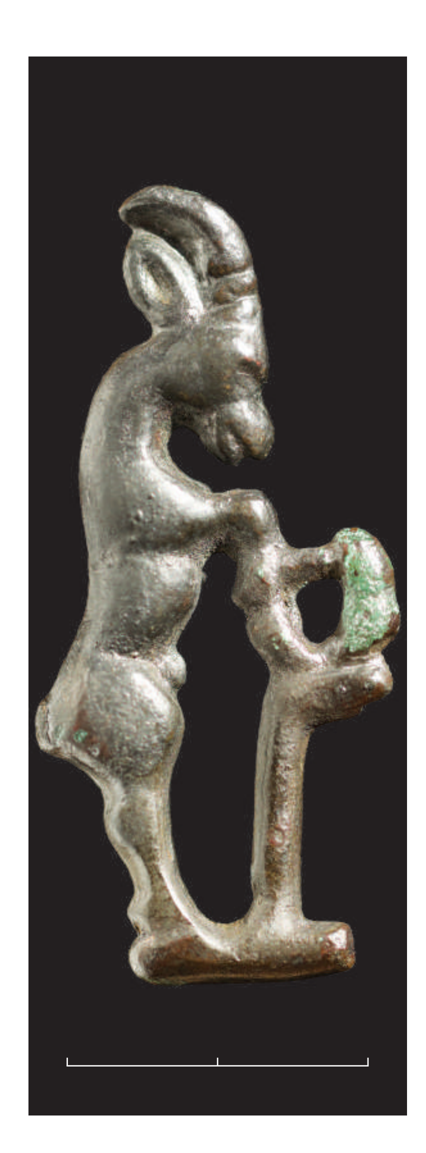
Окрестности города Старый Крым, Кировский район.

Бронза, литьё, сохранность хорошая.

Высота: 5,3; максимальная ширина: 2,5 см.

Обратная сторона — гладкая.

Животное изображено строго в профиль, в правую сторону. Козёл вытянулся вверх, стоя на задних ногах. Передние ноги согнуты в коленях и упираются копытами в некий трудно идентифицируемый предмет, расположенный на «постаменте». Последний имеет цилиндрическую форму, загибающуюся в верхней части почти под прямым углом. Основание «постамента» находится на уровне копыт задних ног козла, образуя с ними единую плоскость условной поверхности. Относительно длинная шея животного изогнута так, что голова смотрит вниз. Изображение изящно и пропорционально. Рельефными плоскостями выделены бедро и лопатка. К бедру примыкает маленький хвостик. Голова небольшая. Отчетливо выделена носовая часть с пухлыми губами и выемкой

рта. Глаз также показан продолговатым углублением, над которым нависает надбровная дуга. На голове — короткий загнутый рог, в основании которого — рифление (две линии). За рогом — лепестковой формы ухо с выемкой ушной раковины. У животного выделен половой орган самца.

Судя по известным аналогиям (см. ниже), очень возможно, что публикуемое изображение является частью парной композиции козлов, стоящих с двух сторон священного древа. Именно на этом основании рассматриваемое изображение включено нами в категорию культовых предметов.

Аналогии: изображение лишено характерных элементов скифского звериного стиля. Вместе с тем, скорее всего, рассматриваемый предмет принадлежал миру скифской культуры, поскольку представленный на нём образ находит ближайшие аналогии на секире из Келермесского кургана 1/В (*Галанина, 1997, табл. 6: с, е, d*). Правда, здесь показаны парные изображения козлов вокруг священного дерева. Однако положение животных (стоящих на задних ногах, с согнутыми передними), пропорции, детали изображения головы близки крымскому. В свою очередь, на келермесской секире этот образ является заимствованным из ближневосточного искусства, где он имеет глубокие корни. Парные изображения козлов в сходном положении встречаются на луристанских навершиях штандартов, атрибутируемых в довольно широком временном диапазоне XI—VII вв. до н. э. (*Луконин, 1977, с. 45; Muscarella, 1988, 137, 142; fig. 215, 216*). Ещё одна луристанская аналогия присутствует на знаменитой золотой пекторали из Зивие (*Godard, 1965; pl. 33*). Правда здесь головы животных повёрнуты назад. На территории Луристана также известны булавки, украшенные изображением пары горных козлов, стоящих с двух сторон священного древа. Они относятся ко второй половине II тыс. до н. э. (*Godard, 1965, p. 51, 54; fig. 30*). Данный образ также присутствовал и в хеттском искусстве — он помещен на рельефе из Каратепе, Юго-Восток Малой Азии, конец VIII в. до н. э. (*Bittel, 1976; fig. 310*). Не исключено, что рассматриваемое изделие является ближневосточным импортом, либо же изготовлено по ближневосточным образцам.

В Крыму подобные находки ранее не фиксировались.

Публикуется впервые.

5. МАТРИЦЫ И ШТАМПЫ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ АППЛИКАЦИЙ ИЗ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

5.1. МАТРИЦЫ

1/537. Матрица с изображением сидящей богини

IV в. до н. э. — эллинистическое время.

Село Александровка, Белогорский район, урочище Колтан, поселение эллинистического времени. Обнаружена недалеко от места находки бронзовой бутероли (№ 41 Каталога) и бронзовой бляшки в виде головы грифона вправо (№ 110/470 Каталога).

Бронза, литьё. Сохранность очень хорошая.

Высота изделия: 6,0, ширина: 4,1—4,5; максимальная толщина: 0,8 см.

Прямоугольная матрица имеет рельефное фронтальное изображение женщины, сидящей в кресле с резными подлокотниками, у которых в верхней, средней и нижней частях — точёные выпуклости. Поза её спокойна, величава, торжественно-неподвижна. На женщине — безрукавный хитон, с глубоким треугольной формы вырезом. В районе плеч и по вороту хитон отделан кантом. Ноги параллельны одна другой, со слегка раздвинутыми ступнями. Левая нога немного выдвинута вперед. Между коленями хитон трактован несколькими широкими складками. В нижней части он ниспадает фалдами на обувь. Пышные, вьющиеся волосы разделены пробором, аккуратно уложены и расчесаны назад. Их покрывает лёгкий гиматий, струящийся по плечам женщины до подлокотников кресла. Правая рука покоится в области живота, левая — на груди. Пальцы рук тщательно проработаны. Запястья украшают выпуклые браслеты. Лицо широкое. Его

детали повреждены (нос сбит, глаза невыразительны), скорее всего, вследствие долговременного использования матрицы. Особенности фигуры и лицо свидетельствуют в пользу того, что на ней передан облик не молодой, а зрелой женщины. Иконографические особенности позволяют видеть в изображении богиню Деметру [1].

Оборотная сторона матрицы гладкая. Изделие покрыто зеленоватой «благородной» патиной.

Матрица предназначалась для изготовления крупных золотых аппликаций, которые, скорее всего, являлись деталями парадных покрывал знатных скифских женщин.

Аналогии: обнаружить не удалось, как, впрочем, и оттиснутые с подобным изображением золотые аппликации. Вместе с тем, иконографически и стилистически схожие изображения женщин были распространены на территории Боспора. В качестве примера можно привести изображение на надгробной стелле Агафуса, сына Саклы, из Фанагории, датируемой 179 г. н. э. (*Пантикапей и Фанагория…, с. 416; кат. 396*).

Издано: Скорый, 2013.

---

[1] М.Ю. Трейстер полагает, что здесь изображена Кибелла, культ которой был очень распространен на Боспоре в эллинистическое время (*Трейстер, 2017, с. 2011*). Действительно, некоторые изображения Кибеллы, в том числе происходящие с территории Боспора и Ольвии, сходны с описываемым. Как пример можно привести известняковый и мраморный рельефы из Пантикапея, относящиеся к I в. до н. э. и I в. н. э. соответственно (*Пантикапей и Фанагория…, с. 230, 231; кат. 81, 82*), а также мраморный рельеф из Ольвии III в. до н. э. (*Скржинская, 2010, рис. 36*). Однако на нашей матрице отсутствуют ключевые атрибуты этой богини — башенная корона, тампан, фиала, лев.

2/538. Матрица с изображением головы горгоны Медузы

IV в. до н. э.

Ленинский район, Азовское побережье.

Бронза, литьё, чеканка. Сохранность хорошая. Матрица покрыта равномерным слоем зелёной патины.

Горизонтальный диаметр матрицы: 5,1; вертикальный диаметр: 5,3 см.

Толщина: 0,5 см.

Матрица имеет почти круглую форму, её вертикальный диаметр слегка превышает горизонтальный. Рабочая часть представляет собой горизонтальную оттискную площадку толщиной 0,1—0,2 мм с рельефным изображением, выступающим на 0,3 мм над поверхностью. Изображение головы Медузы чуть меньше диаметра матрицы. Пространство между головой и краем матрицы заполнено рифлением.

Горгона Медуза имеет округлое лицо, обрамлённое аккуратной причёской. Миндалевидные глаза, лежащие в углублении глазниц, подчёркнуты по контуру рельефными линиями, передающими веки. Выпуклые зрачки, дополнительно акцентированные точками, придают всему изображению дополнительную выразительность. Хорошо вид-

ны надбровные дуги, которые, сливаясь, переходят в плоский короткий подтреугольной формы нос. Щеки пухлые. Нос упирается в верхнюю губу дуговидной формы, показанную толстой рельефной линией. Рот весьма невнятный. Скорее всего, под верхней губой при помощи рельефной горизонтальной линии передана нижняя. В этом случае у персонажа сомкнутый или слегка приоткрытый рот, язык не показан. Однако остается непонятным изобразительная нагрузка небольшой горизонтальной выемки под нижней губой. Возможно, это производственный дефект. Но не исключено, что горизонтальная рельефная линия передает кончик языка, торчащий в приоткрытом рту. Голову обрамляет аккуратная прическа с проходящим посередине пробором. От пробора в противоположные стороны расходятся аккуратно зачёсаные волосы, переходящие в локоны, симметрично спадающие по сторонам головы. От локонов отходят отростки с острыми листками, украшенными точками. Они завершают обрамление головы снизу.

Аналогии: в силу специфики изображения рта, глаз и прически, точной аналогии найти не удалось. Вместе с тем, изображение горгонейонов были очень распространены в скифских древностях VI—IV вв. до н. э., в первую очередь в виде золотых бляшек, для изготовления которых и служила публикуемая матрица. Исследователи отмечают, что образ Медузы эволюционировал от демонического в архаическое время «в сторону «очеловечивания» и придания Медузе черт красивой женщины уже в позднеклассическую эпоху» (*Величко, Полидович, 2018, с. 141*). Публикуемое изображение тяготеет именно к этому позднему образу Медузы, характерному для IV в. до н. э. К этому же более позднему образу можно отнести изображения на костяных пластинах из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (*Величко, Полидович, 2018, с. 140; рис. 1: 1*); из кургана Куль-Оба (*Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 88—90; кат. 25—29, 66*), а также из различных скифских комплексов IV в. до н. э. (*Русяева, 2002, с. 215, 216; рис. 2; Журавлев, Новикова, Шемаханская, 2014, с. 88—93*).

Публикуется впервые.

5.2. ШТАМПЫ

1/539. Штамп с изображением сфинкса

Конец V — IV вв. до н. э.

В районе села Межгорье, Белогорский район.

Бронза, литьё. Сохранность — хорошая.

Общая длина: 2,6; диаметр рабочей части: 2,7 × 2,5; ударной: 1,7 × 1,3 см.

Штамп представляет собой удлинённый брусок с расширяющейся рабочей частью с изображением и более узкой ударной частью.

Рабочая часть имеет вид овального медальона, в который вписан образ сидящего сфинкса с двойным туловищем, выполненный в высоком рельефе. При этом туловища расположены строго профильно, зеркально по отношению друг к другу, в то время как голова изображена анфас. Женская голова сфинкса, несколько повернутая и наклонённая в левую сторону, украшена невысоким калафом, из-под которого видны вьющиеся волосы. Черты лица просматриваются нечётко: глаза выделены точками, нос и рот лишь слегка намечены. Детально проработаны нижняя часть двух туловищ и большие крылья. Высоким рельефом хорошо выделены бёдра, переходящие в массивные задние лапы. Выпрямленные передние лапы также массивны. Хвосты прижаты к спине.

Крылья покрывают верхнюю, грудную часть туловищ, выделяющуюся наиболее высоким рельефом. Их маховая часть заполняет все периферийное пространство штампа; верхний контур крыльев повторяет очертания штампа. Оперение крыльев тщательно проработано рельефными линиями. Внизу, под изображением, расположены три параллельные выпуклые «косички».

На ударной части, слегка уплощённой с одной из сторон, видны следы от ударов инструмента ювелира. Штамп предназначался для изготовления бляшек-аппликаций, по-видимому, из драгоценных металлов.

Аналогии: образ сфинкса с двойным туловищем был широко распространён в античной торевтике и хорошо представлен в древностях варварской аристократии Северного Причерноморья. Примеры этого мотива на бляшках-аппликациях: в кургане Куль-Оба (*Копейкина, 1986, с. 153, 154; кат. 26, 27*); Солоха (*Манцевич, 1987, с. 30, 31; кат. 3*), в степной зоне Северного Причерноморья; кургане в урочище Галущино близ Пастырского городища (*Онайко, 1970, с. 209; табл. XLII: 816, б*), в Днепровском Лесостепном Правобережье. Однако изображения на этих бляшках отличаются условностью и схематизмом. Наиболее близкая аналогия с точки зрения реалистичности исполнения — прямоугольная аппликация с изображением сфинкса, найденная на Тамани. На ней, по мнению Н.А. Онайко, представлена «чисто греческая трактовка этого мотива» (*Онайко, 1970, с. 41, 42; рис. 10*). Однако и она отличается в деталях от изображения на штампе, которое является достаточно оригинальным.

Что касается аналогий самого инструмента, то штампы подобного рода (часто их называют пуансонами) получили весьма широкое распространение в Причерноморье и Восточном Средиземноморье в античное время. Однако с территории Скифии (включая греческие города Северного Причерноморья и Крыма) происходят, по актуальным данным, 14 подобных инструментов (не считая двух, публикуемых в настоящем Каталоге). Наиболее архаичны из них два штампа с острова Березань, хранящиеся в Государственном Эрмитаже (*Solovyov, Treister, 2005*). На их рабочей части представлены мужская голова и неопределенная фигура, возможно, антропоморфная. Из Пантикапея происходят четыре штампа, хранящиеся ныне в Одесском археологическом музее: с изображениями цветка аканфа, ракушки, полумесяца или лунницы и сидящего зверя (?) (*Марченко, 1957, с. 166, 167, с. 163; рис. 2: 7, а, б; 8, а, б*). Еще один штамп с изображением Афродиты в окружении эротов был обнаружен в Тиритаке (*Гайдукевич, 1940, с. 298—301*). Из Херсонеса происходят два штампа — фрагментированный и с мелким резным изображением (*Кадеев, 1970, с. 51; рис. 2: 1, 2*). Из скифских памятников Северного Причерноморья (и памятников скифской эпохи Лесостепи) известны пять штампов. Три из них найдены на Каменском городище: с изображением нижней части львиной лапы (*Граков, 1954, с. 134; рис. 13: 5*); женской головы с длинными волосами и, возможно, в головном уборе (*Шрамко, 1970, с. 218; рис. 1: 3, 4, с. 219; рис. 2: 2*) и головы-маски (*Болтрик, Ліфантій, 2016, с. 22; рис. 1: 1—3*). Большинство упомянутых орудий труда относится ко времени не ранее IV—III вв. до н. э. Два штампа обнаружено в Украинской Лесостепи: это «штамп фигурный для бусин» из с. Стайки на Киевщине (*Ханенко, 1900, с. 7, № 371*) и для изготовления бронзовых блях с селища скифского времени у с. Большая Даниловка на Харьковщине (*Шрамко, 1962, с. 209*).

2/540. Штамп с изображением жука-скарабея

IV—III вв. до н. э.

С территории Крымского полуострова, точное место находки неизвестно.

Бронза литьё, сохранность хорошая.

Длина штампа: 2,7 см.

Диаметр: в средней части 1,4—1,0; в ударной части 1,7—1,5; в рабочей части: 1,5—0,9 см.

Штамп имеет овально-цилиндрическую, удлинённую форму. Ударная часть слегка расширена и расплющена, очевидно, в результате работы молотка. Рабочая часть штам-

па также имеет небольшое расширение. Она представляет собой овальную горизонтальную оттискную площадку с рельефным изображением, выступающим на 0,3 см над поверхностью. Изображено насекомое, скорее всего, жук-скарабей. В плане туловище имеет миндалевидную форму. Оно расчленено на несколько сегментов. Хорошо выделены сегменты, передающие голову, носовую часть, крылья насекомого и заднюю часть. Крылья сложены и образуют W-образную фигуру. В целом изображение очень условно. Штамп мог быть предназначен как для производства отдельных бляшек из драгоценного металла, так и для чеканки изображений в составе сложных композиций.

Аналогии: образ скарабея зафиксирован в богатых женских погребениях скифской знати в Северном Причерноморье уже в IV в. до н. э. В эллинистический период он становится массовым, приобретая также популярность и в Крыму, в частности на Боспоре (*Тарасенко, Вертиенко, 2014*). Однако золотые аппликации с изображением скарабея пока неизвестны. Что касается самого инструмента, то штампы подобного рода (часто их называют пуансонами) получили весьма широкое распространение в Причерноморье и Восточном Средиземноморье в античное время. Однако с территории Скифии (включая греческие города Северного Причерноморья и Крыма) происходят, по актуальным оценкам, 14 подобных инструментов (не считая двух, публикуемых в настоящем Каталоге). Наиболее архаичны из них два штампа с острова Березань, хранящиеся в Государственном Эрмитаже (*Solovyov, Treister, 2005*). На их рабочей части представлены мужская голова и неопределенная фигура, возможно антропоморфная. Из Пантикапея происходят четыре штампа, хранящиеся ныне в Одесском археологическом музее: с изображениями цветка аканфа, ракушки, полумесяца или лунницы и сидящего зверя (?) (*Марченко, 1957, с. 166, 167, с. 163; рис. 2: 7, а, б; 8, а, б*). Еще один штамп с изображением Афродиты в окружении эротов был обнаружен в Тиритаке (*Гайдукевич, 1940, с. 298—301*). Из Херсонеса происходят два штампа — фрагментированный и с мелким резным изображением (*Кадеев, 1970, с. 51; рис. 2: 1, 2*). Из скифских памятников Северного Причерноморья (и памятников скифской эпохи Лесостепи) известны пять штампов. Три из них найдены на Каменском городище: с изображением нижней части львиной лапы (*Граков, 1954, с. 134; рис. 13: 5*); женской головы с длинными волосами и, возможно, в головном уборе (*Шрамко, 1970, с. 218; рис. 1: 3, 4, с. 219; рис. 2: 2*) и головы-маски (*Болтрик, Ліфантій, 2016, с. 22; рис. 1: 1—3*). Все упомянутые орудия труда относятся ко времени не ранее IV—III вв. до н. э. Два штампа обнаружено в Украинской Лесостепи: это «штамп фигурный для бусин» из с. Стайки на Киевщине (*Ханенко, 1900, с. 7, № 371*); для изготовления бронзовых блях с селища скифского времени у с. Большая Даниловка на Харьковщине (*Шрамко, 1962, с. 209*).

Примечательно, что подавляющее большинство приведенных выше штампов не содержат зооморфных изображений. В этой связи крымское изделие выделяется наличием полнофигурного изображения насекомого, что ранее не встречалось на территории Скифии. Единственным территориально близким аналогом, с точки зрения зооморфности, является штамп с изображением идущей пантеры из ритуального комплекса кургана 5 у аула Уляп, который датируется V в. до н. э. (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 125; кат. 79*).

Публикуется впервые.

ФОТО АЛЬБОМ

1. Меч биметаллический. Конец VIII — первая половина — середина VII вв. до н. э. Между селами Межгорье — Барабаново, Белогорский район

3. Меч. Середина — вторая половина VII в. до н. э. Район поселка Зуя — села Александровка, Белогорский район

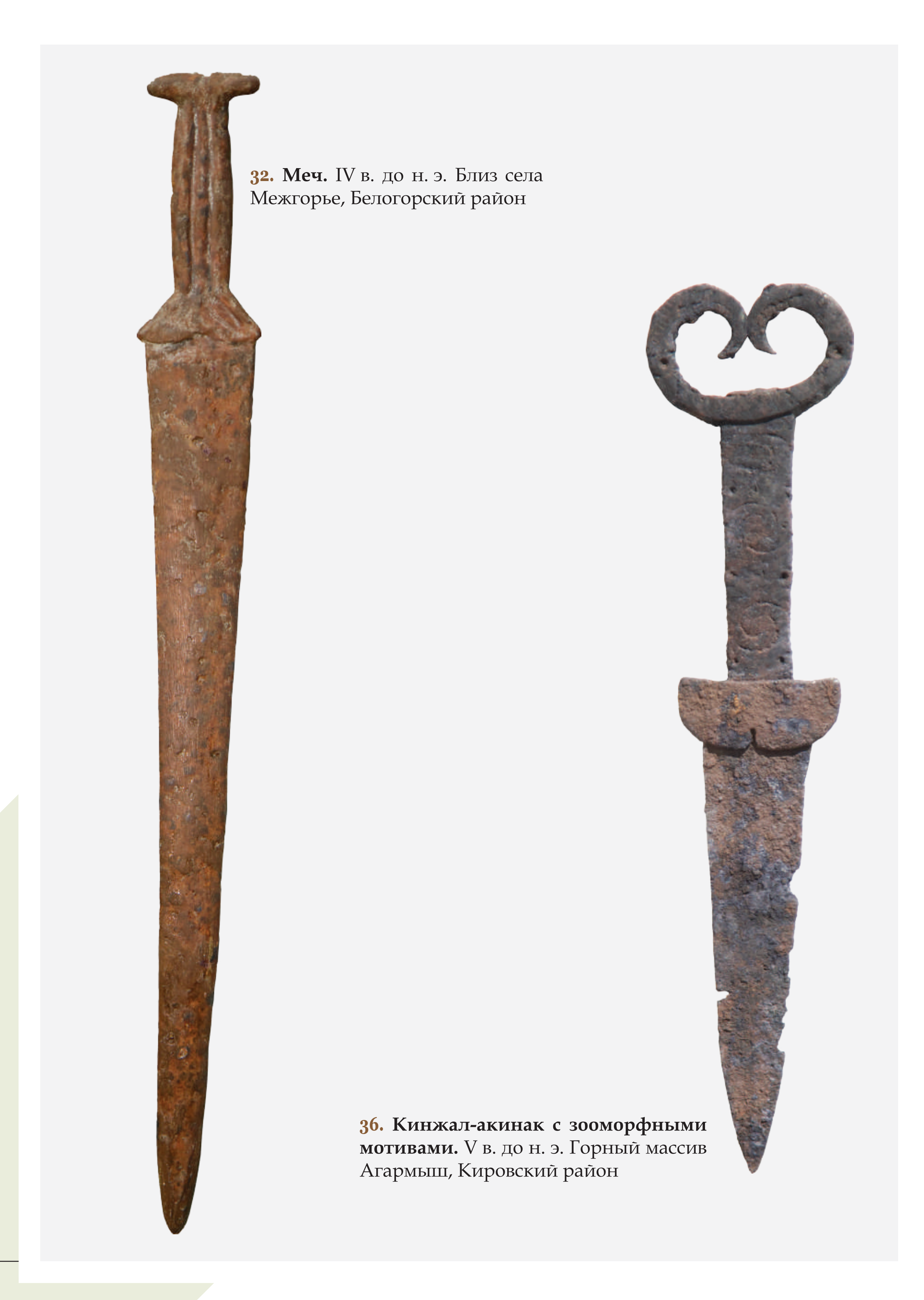
6. Кинжал-акинак. Вторая половина VII в. до н. э. Село Тополевка, Белогорский район. Недалеко от Топловского монастыря

9. Кинжал-акинак. Конец VII — первая половина VI вв. до н. э. Район села Ароматное, Симферопольский район

11. Кинжал-акинак. VI в. до н. э. В районе сел Радостное — Тополевка, Юго-Восточный склон горного массива Кубалач

26. Кинжал-акинак. V в. до н. э. Юго-Восточный Крым, точное место находки неизвестно

32. **Меч.** IV в. до н. э. Близ села Межгорье, Белогорский район

36. **Кинжал-акинак с зооморфными мотивами.** V в. до н. э. Горный массив Агармыш, Кировский район

39. Бутероль от ножен меча или кинжала, оформленная в виде головы хищной птицы. Конец VII — VI вв. до н. э. Горный массив Агармыш, недалеко от Старого Крыма, Кировский район

42. Бутероль от ножен меча или кинжала, оформленная в виде головы хищной птицы. Конец VII — первая половина VI вв. до н. э. Горный массив Кубалач, между селами Сенное и Некрасово, Белогорский район

44. Бутероль от ножен меча или кинжала, оформленная в виде головы хищной птицы. Конец VII — первая половина VI вв. до н. э. Малый Агармыш, Кировский район

197. Пряжка поясная в виде скачущего воина. Вторая половина IV в. до н. э. Горный массив Кубалач, между селами Сенное и Дивное, Белогорский район

202. Застежка-крючок с изображением конской фигурки и головы хищной птицы. Третья четверть IV в. до н. э. Село Межгорье, Белогорский район

250–254. Комплект деталей конской упряжи. V в. до н. э. Поселок Багерово, Ленинский район, Азовское побережье Керченского полуострова, в районе «Генеральских пляжей», недалеко от устья речки Серная

264. Клювовидная пряжка-пронизь с рельефно обозначенным ртом. Вторая половина VII – первая половина VI вв. до н. э. Юго-Восточный Крым

266. Клювовидная пряжка-пронизь с рельефно обозначенным ртом. Вторая половина VII – первая половина VI вв. до н. э. Белогорский район

267. Клювовидная пряжка-пронизь с обычным загнутым клювом. Вторая половина VII – первая половина VI вв. до н. э. Юго-Восточный Крым

272. Распределитель в виде головы барана. Середина VII – первая половина VI вв. до н. э. Белогорский район

306

308

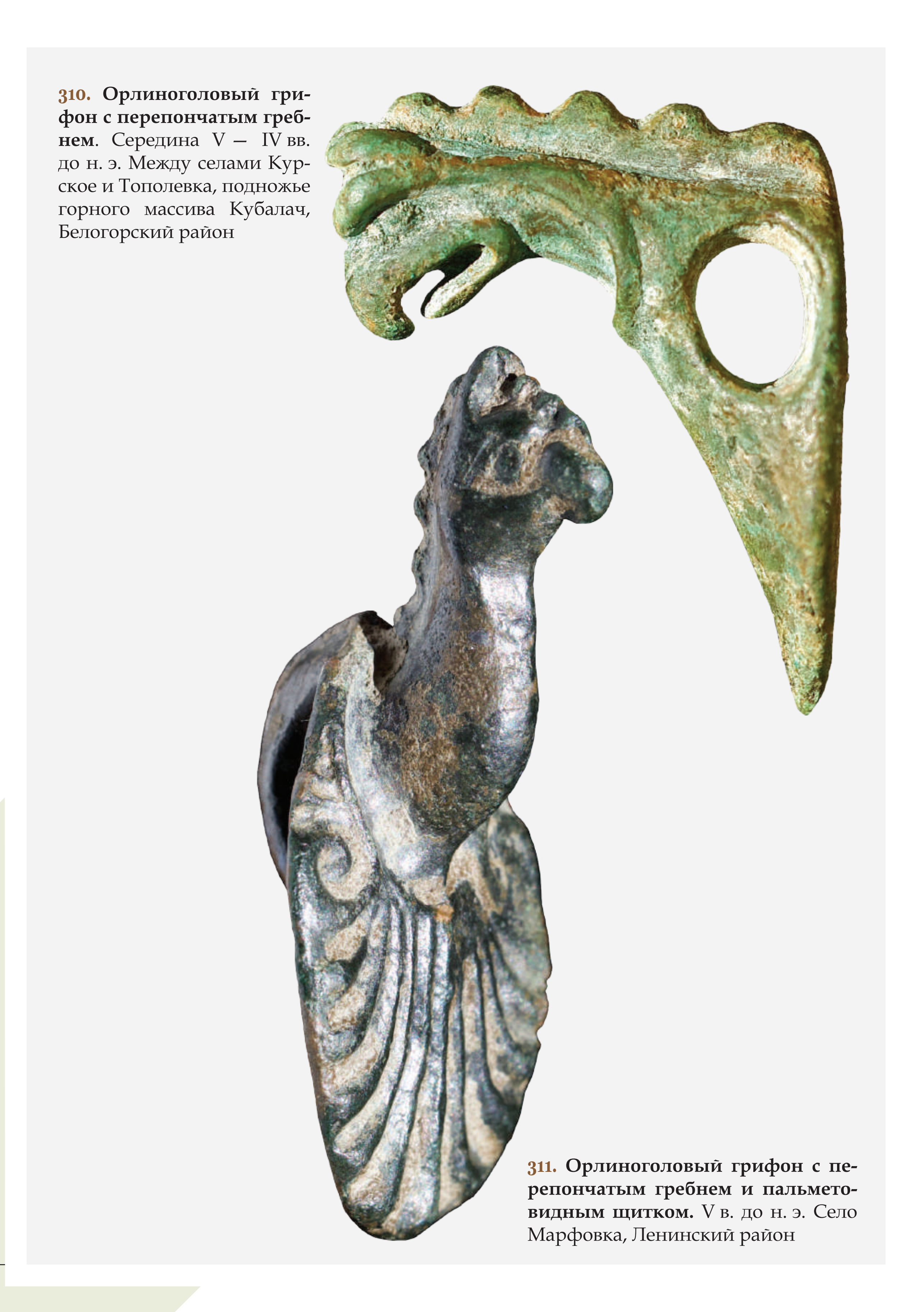

309

306. Щитковый наносник в виде орлиноголового ушастого грифона с рогами в виде птичьих головок. IV в. до н. э. Белогорский район

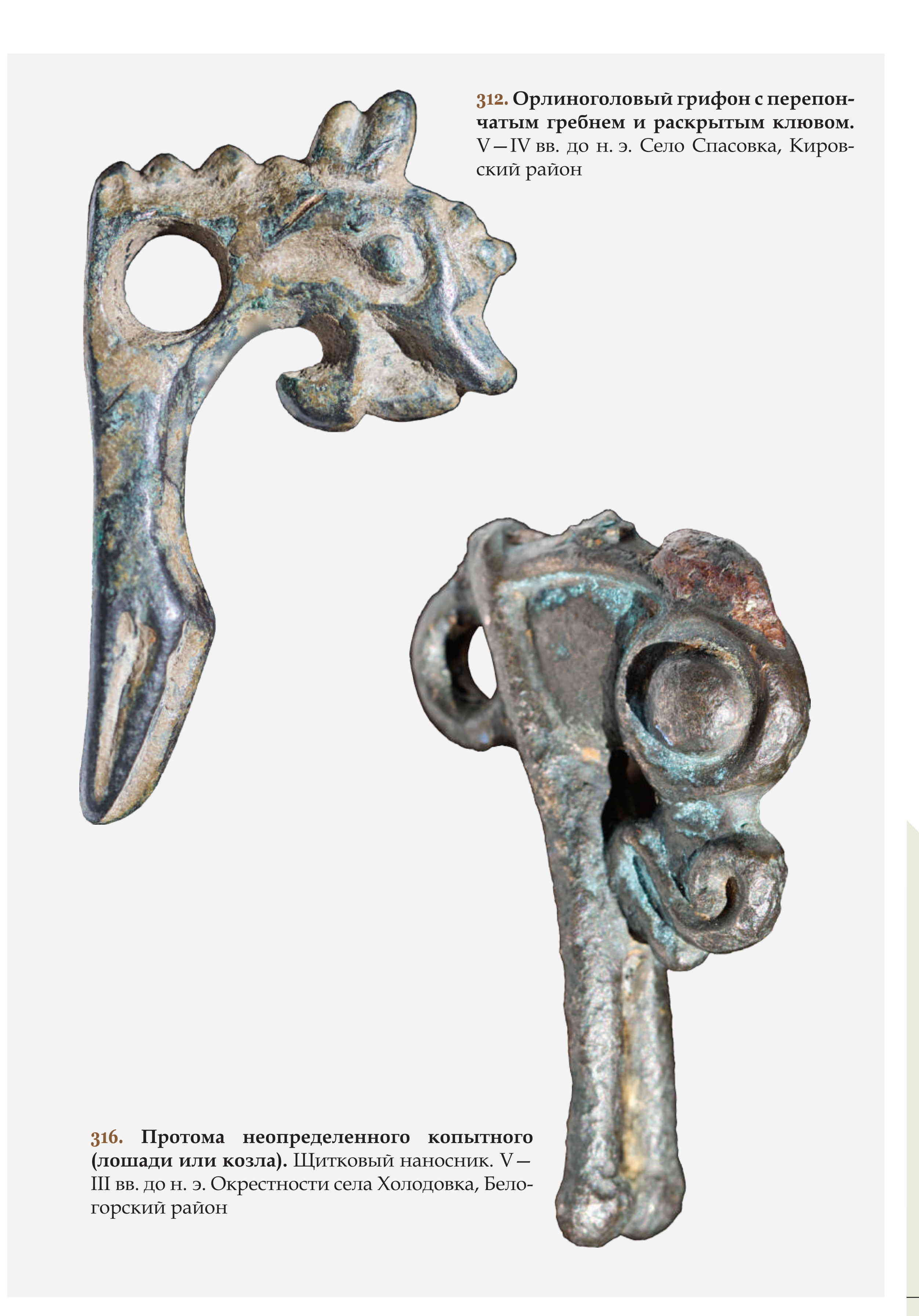
308. Щитковый наносник в виде орлиноголового ушастого грифона с симметричными рогами. IV в. до н. э. Район сел Мичурино—Лечебное, Белогорский район

309. Орлиноголовый грифон с закрученным клювом. Вторая половина IV — III вв. до н. э. Хребет Биюк-Янышар, Кировский район

310. Орлиноголовый грифон с перепончатым гребнем. Середина V — IV вв. до н. э. Между селами Курское и Тополевка, подножье горного массива Кубалач, Белогорский район

311. Орлиноголовый грифон с перепончатым гребнем и пальметовидным щитком. V в. до н. э. Село Марфовка, Ленинский район

312. Орлиноголовый грифон с перепончатым гребнем и раскрытым клювом. V—IV вв. до н. э. Село Спасовка, Кировский район

316. Протома неопределенного копытного (лошади или козла). Щитковый наносник. V—III вв. до н. э. Окрестности села Холодовка, Белогорский район

327. **Свернувшийся волчий хищник. Нащечная бляха.** Конец VI — V вв. до н. э. Село Александровка, Белогорский район

410. **Свернувшийся кошачий хищник. Бляшка-украшение конской узды.** Вторая четверть VI — начало V вв. до н. э. Село Айвазовское, Кировский район

331. Голова лося влево. Нащечная бляха. V в. до н. э. Поселок Щебетовка, Судакский район

333. Голова лося влево. Нащечная бляха. V в. до н. э. Поселок Щебетовка, Судакский район

258. Фрагмент двудырчатого S-образного псалия, украшенного протомой кошачьего хищника. V в. до н. э. Юго-Восточный Крым

337. Нащечная бляха в виде бедра и двух лап фантастического хищника. Вторая половина V — начало IV вв. до н. э. Горный массив Ак-Кая, Белогорский район

346. Нащечная бляха в виде бедра и лапы хищника с тремя пальцами. V — первая половина IV вв. до н. э. Горный массив Кубалач, Змеиная Балка, Белогорский район

348. Нащечная бляха в виде бедра и лапы хищника с двумя пальцами и зооморфным превращением. Вторая половина V в. до н. э. Село Кизиловое, Симферопольский район

351. **Нащечная бляха в виде четырехпалой когтистой лапы фантастического зверя.** Скифское время. У села Александровка, Белогорский район

330. Фигура лося. Нащечная бляха. Конец VI — первая половина IV вв. до н. э. Горный массив Кубалач, в районе видовой площадки на юго-западную сторону. Белогорский район

356. Нащечная бляха в виде головы оленя с пламявидными рогами. V в. до н. э. Село Отважное, Кировский район

361. Фигурка лося с поджатыми ногами и головой влево. Бляшка-украшение конской узды. V — первая половина IV вв. до н. э. Горный массив Кубалач, на подъеме со стороны села Хлебное, Белогорский район

366. Фигурка лося с поджатыми ногами и головой влево. Бляшка-украшение конской узды. Конец VI — V вв. до н. э. Горный массив Кубалач, верх Змеиной Балки, Белогорский район

367. Фигурка лося с поджатыми ногами и головой вправо. Бляшка-украшение конской узды. Конец VI — V вв. до н. э. Горный массив Кубалач, в сторону села Пролом, Белогорский район

372. Лаконичная безрогая головка лося влево. Бляшка-украшение конской узды. Конец VI — V вв. до н. э. Район Керчи, Восточный Крым

384. Полисемантический образ лап хищной птицы или грифона и рогов оленя или лося. Бляшка-украшение конской узды. V в. до н. э. Село Межгорье, Белогорский район

389. Двухфигурная композиция козы с козленком. Бляшка-украшение конской узды. Первая половина — середина VII вв. до н. э. Между поселком Зуя и селом Ароматное, Белогорский район

391. Фигурка горного козла с поджатыми под туловище ногами и направленной вперед головой. Бляшка-украшение конской узды. VI—V вв. до н. э. Горный массив Кубалач, между селами Русское и Мелехово, Белогорский район

396. Голова горного козла влево. Фрагмент бляхи-украшения конской узды. Вторая половина VII — VI вв. до н. э. Окрестности села Дивное, Белогорский район

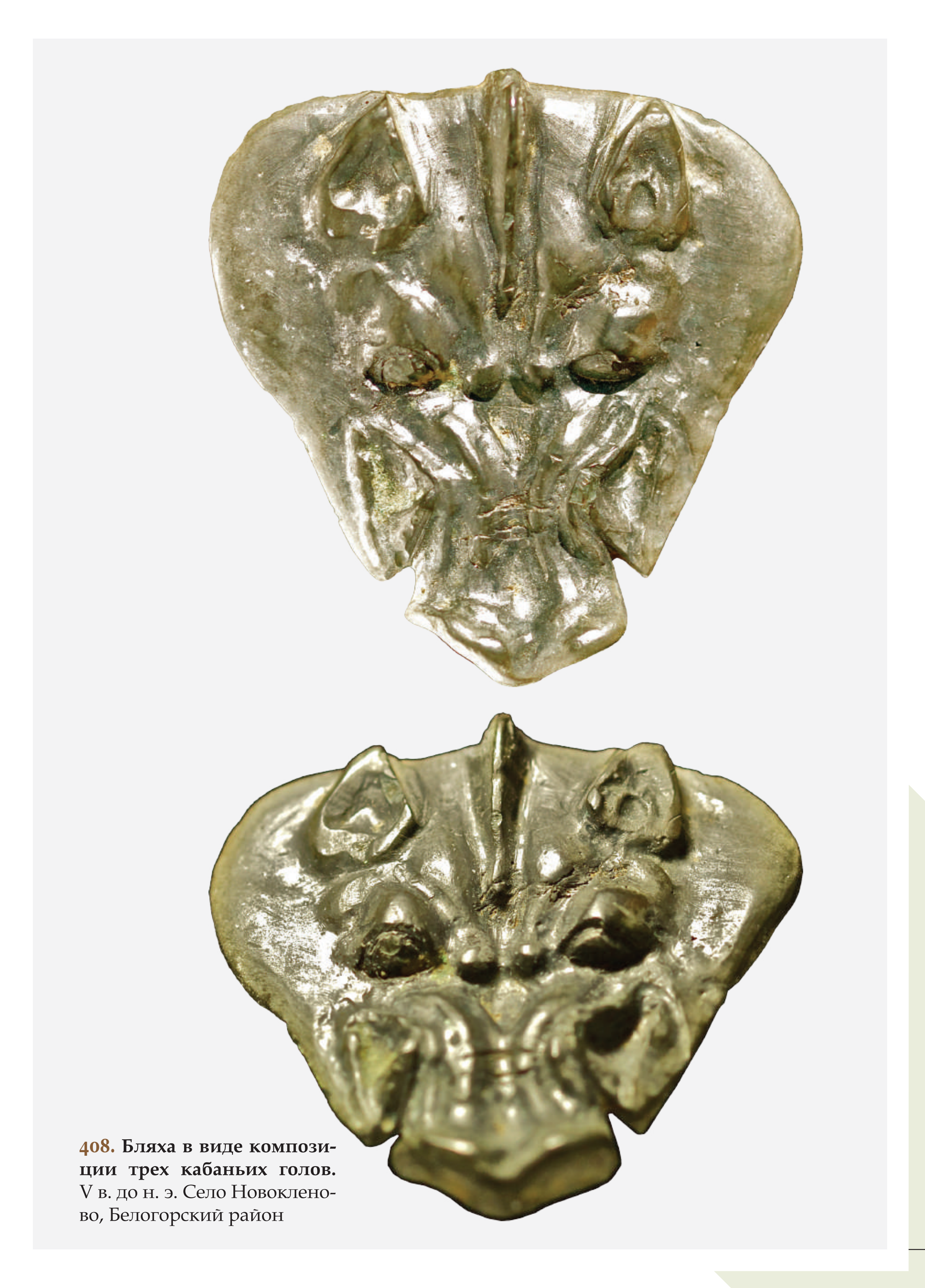
353. Реалистичная кабанья голова с загривком вправо. Нащечная бляха. Вторая четверть — вторая половина V в. до н. э. В районе сёл Марково и Шахтино, Кировский район, Присивашье

401. Лаконичная кабанья голова с загривком. Бляшка-украшение конской узды. V в. до н. э. Белогорский район

407. Реалистичная кабанья голова без загривка. Бляшка-украшение конской узды. V в. до н. э. В окрестностях города Старый Крым, Кировский район

408. Бляха в виде композиции трех кабаньих голов. V в. до н. э. Село Новокленово, Белогорский район

400. Реалистичная голова лошади. Бляшка-украшение конской узды. V—IV вв. до н. э. Побережье Азовского моря, в окрестностях ныне нежилой деревни Насыр, Керченский полуостров, Ленинский район

411. Хищник с поджатой лапой и редуцированным туловищем. Бляшка-украшение конской узды. Скифское время. Район села Межгорье, Белогорский район

412. **Голова хищного зверя в фас. Бляшка-украшение конской узды.** V—IV вв. до н. э. Посёлок Щебетовка, Судакский район

430. **Голова хищника влево. Бляшка-украшение конской узды.** Конец VI — V вв. до н. э. Село Пруды, Советский район

435. **Голова хищника вправо. Бляшка-украшение конской узды.** Конец VI — V вв. до н. э. Между селами Марьевка и Заветное, Керченский полуостров, Ленинский район

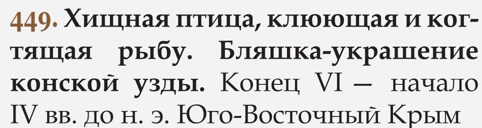
439. **Голова хищника влево с элементом зооморфного превращения. Бляшка-украшение конской узды.** Конец VI — V вв. до н. э. Белогорский район

357. **Многофигурная композиция, оформленная в виде головы хищной птицы. Нащечная бляха.** Конец VI — V вв. до н. э. Между селами Криничками и Абрикосовка, Кировский район

446. **Хищная птица вправо. Бляшка-украшение конской узды.** Конец VI — V вв. до н. э. Село Партизаны, Кировский район

449. Хищная птица, клюющая и когтящая рыбу. Бляшка-украшение конской узды. Конец VI — начало IV вв. до н. э. Юго-Восточный Крым

457. Голова хищной птицы вправо. Бляшка-украшение конской узды. Конец VI — IV вв. до н. э. Село Яркое Поле, Кировский район

461. Голова хищной птицы влево. Бляшка-украшение конской узды. Конец VI — IV вв. до н. э. Белогорский или Кировский районы

470. Голова грифона вправо. Бляшка-украшение конской узды. V в. до н. э. Село Александровка, Белогорский район

471. Голова грифона. Бляшка-украшение конской узды. VI–V вв. до н. э. Белогорский район

472. Пантерогрифон. V в. до н. э. Село Партизаны, Кировский район

519. Подвеска в виде композиции трех голов хищных птиц. Последняя четверть VI — V вв. до н. э. Кировский район

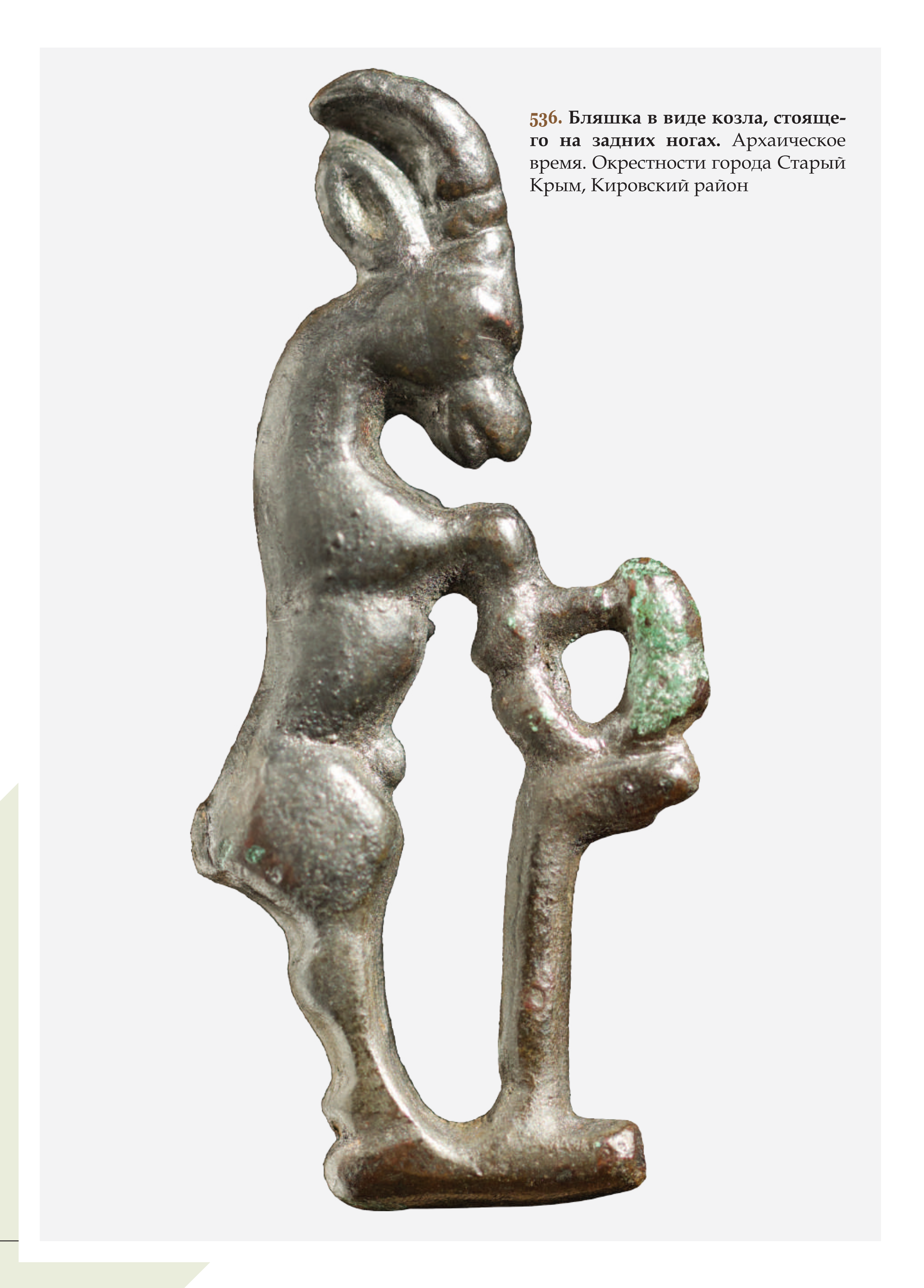
526. Изображение оленя на навершии. Вторая половина V в. до н. э. Северо-восточная окраина Белогорска

531. Топорик-скипетр в виде головы хищной птицы. VI—V вв. до н. э. Урочище «Васильки», балка Сулат. Окрестности села Межгорье, Белогорский район

533. Топорик-скипетр в виде головы хищной птицы. VI—V вв. до н. э. Черноморский район

536. Бляшка в виде козла, стояще-го на задних ногах. Архаическое время. Окрестности города Старый Крым, Кировский район

537. Матрица с изображением сидящей богини. IV в. до н. э. — эллинистическое время. Село Александровка, Белогорский район

538. Матрица с изображением головы горгоны Медузы.
IV в. до н. э. Азовское побережье, Ленинский район

539. Штамп с изображением сфинкса. Конец V – IV вв. до н. э. В районе села Межгорье, Белогорского района

256. Трехпетельчатый псалий, украшенный головой барана. Вторая половина VII — VI вв. до н. э. На поле, примыкающем к западной окраине Белогорска

326. Щитковый наносник с двумя отверстиями и с тремя зооморфными изображениями. Середина IV — первая половина III вв. до н. э. Район Зуи—Ароматного, Белогорский район

535. Нож с рукоятью, украшенной головкой лося. VI—V вв. до н. э. Горный массив Кубалач, в районе видовой площадки на юго-западную сторону. Село Некрасово, Белогорский район

СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА В СВЕТЕ НОВЫХ РЕАЛИЙ

Осуществив описание различных категорий предметов скифской культуры, составляющих коллекцию, предложив, по возможности, аналогии им, а вследствие этого и конкретные даты, мы вправе поделиться некоторыми соображениями и наблюдениями, возникшими в процессе изучения артефактов. В конечном итоге, это поможет определить место предметов данного собрания в кругу скифских древностей Крыма, даст возможность некой их исторической интерпретации.

Предметы **вооружения** и детали **конского снаряжения** (преимущественно украшенные в традициях скифского искусства звериного стиля) — две доминирующие группы во всей совокупности материалов, включают соответственно **203** и **322** находки. Иные предметы скифской материальной культуры, или те, которые могут быть связаны со скифами, крайне малочисленны (всего **15** экз.). Такое положение, конечно, объясняется не принципами формирования настоящей коллекции, а значением указанных категорий предметов в военизированном образе жизни кочевников-скифов.

В скифской паноплии, несмотря на широкое использование лука и стрел (что, как известно, подтверждается не только многочисленными находками наконечников стрел, но и античными письменными свидетельствами), особое значение имел *меч* или *кинжал-акинак*, олицетворяющий собой не просто категорию наступательного клинкового оружия, но и бога войны Ареса, которому (если исходить из свидетельства Геродота) поклонялись кочевники и единственному из божеств возводили алтари.

В свете указанной сентенции резюмируем сведения о мечах и кинжалах коллекции в контексте известных находок этого вида вооружения на полуострове.

За весьма продолжительный период исследования памятников скифской культуры в Крыму здесь обнаружено примерно **50—60** мечей и кинжалов-акинаков. Речь идёт, прежде всего, об оружии, найденном в собственно скифских памятниках Крыма, в основном в погребениях, отдельных случайных находках в зоне распространения скифской культуры, а также весьма небольшом числе этого вида скифского наступательного вооружения, обнаруженного на территории Боспорского царства и в ареале культуры тавров Предгорного и Горного Крыма.

Отметим, что практически все мечи и кинжалы из скифских памятников Крыма не принадлежат к наиболее ранним образцам этого вида оружия. Так, в Северном Крыму (Присивашье) (13 экз.) известны мечи не ранее конца VI в. до н. э. (*Колтухов, 2012а, с. 75, 76, 137; рис. 28: 1—13*), в Северо-Западном Крыму (11 экз.) — не позднее последних десятилетий VI — конца V вв. до н. э. (*Колтухов, 2012, с. 125—127; 261; рис. 101: 1—11*). На Керченском полуострове это вооружение также относится ко времени не ранее VI — первой половины V вв. до н. э. (*Яковенко, 1974, с. 99; Корпусова, Орлов, 1978, с. 71; рис. 4: 3, 15; с. 73; Бессонова, Скорый, 1986, с. 102; рис. 4: 1; Кислий, Скорий, 1990, с. 130; рис. 2: 1*). К образцам более раннего, архаического оружия принадлежат длинный меч из разрушенного впускного погребения в кургане у с. Изюмовка близ Старого Крыма, в юго-восточной части полуострова (не позже VI, а скорее — конца VII—VI вв. до н. э.) (*Скорый, 1977*) и железный кинжал-акинак конца VII — первой половины VI вв. до н. э., найденный у с. Новоклёново Белогорского района, в предгорьях Центрального Крыма (*Колтухов, 2008б, с. 250; рис. 2: 1*).

Менее десятка кинжалов скифского типа известно в погребальных памятниках тавров или ареале их культуры, при этом бóльшая часть оружия фрагментирована. Тем не менее, заслуживает внимание тот факт, что сохранившиеся экземпляры, как и фрагменты рукоятей, имеют почковидное перекрестье, что служит признаком наиболее ранней группы мечей и кинжалов. К VII—VI вв. до н. э. могут быть отнесены целый кинжал из каменного ящика 3

у с. Дружное Симферопольского района (*Колотухин, 1996, с. 46, 50; рис. 50: 29*) и святилища Гурзуфское седло на Главной гряде крымских гор (*Новиченкова, 2002, с. 84; рис. 39: 12*), акинак без навершия из каменного ящика близ пос. Гаспра (Большая Ялта) (*Крис, 1981, с. 112; табл. 32: 21*), часть рукояти с почковидным перекрестьем из каменного ящика у с. Широкое (Биюк-Мускомья) (*Крис, 1981; табл. 39: 1*). Возможно, к этому же времени принадлежит и кинжал типа, найденного у с. Новоклёново, хранящийся, по свидетельству С.Г. Колтухова, в Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике (*Колтухов, 2008, с. 247*). Не ранее VI в. до н. э. датируется акинак из каменного ящика у с. Новобобровское (уроч. Мал-Муз) с почковидным перекрестьем и простым волютообразным навершием (*Крис, 1981, с. 114; табл. 34: 23*).

На фоне приведённых сведений мечи и кинжалы, представленные в данном Каталоге (**38** экз. клинкового оружия, бронзовое навершие меча или кинжала и **8** бутеролей — деталей ножен), охватывающие весь период существования скифской классической культуры, представляют весьма впечатляющую коллекцию, исходя из разных аспектов: хронологического, типологического, географического, условий обнаружения. Полностью доминирующей разновидностью в составе коллекции являются кинжалы-акинаки (**33** кинжала, **5** мечей), в основном отличающиеся очень хорошей сохранностью.

Важно подчеркнуть, что **21** из **38** экз. этого вида оружия — **2** меча и **19** кинжалов-акинаков (т. е. более 55 % всех находок) — принадлежат к периоду скифской архаики (**1** экз. — конец VIII — первая половина VII вв. до н. э.; **4** экз. — вторая половина VII в. до н. э.; **13** экз. — вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.; **3** экз. — первая половина VI в. до н. э.). Если к ним добавить ещё **8** упомянутых бронзовых бутеролей от ножен мечей или кинжалов (**6** из них оформлены в традициях раннескифского звериного стиля), и бронзовое навершие, относящиеся к концу VII — первой половине VI вв. до н. э., становится вполне очевидно, сколь представительна эта группа вооружения, *решительным образом* меняющая наше представление о степени присутствия архаических мечей и кинжалов в скифской культуре Крыма. Мало того, среди мечей и кинжалов присутствует биметаллический экземпляр меча с рамочной рукоятью, принадлежащий к категории *древнейших* скифских мечей, неизвестных ранее не только на полуострове, но и во всём степном Северном Причерноморье.

Заслуживает внимания, что в данной подборке мечей и кинжалов хорошо представлены не только большинство типов (в том числе раннескифского времени), известных в памятниках собственно скифской культуры Восточной Европы, да и в обширном ареале культур скифского типа Евразии, но и весьма редко встречаемые типы оружия, например, с рукоятью, имеющей лучковидное перекрестье или серповидное навершие. Стоит отметить и то, что некоторые экземпляры, имея известные морфологические детали рукояти, тем не менее отличаются довольно оригинальным их исполнением, а потому либо не находят прямых аналогий среди известного собрания мечей и кинжалов Восточной Европы, либо встречают близкие себе в памятниках скифской поры более отдалённых территорий, например, Карпато-Подунавья. Несомненно интересны и бронзовые бутероли, оформленные в традициях раннескифского звериного стиля. Несмотря на то, что подобные детали ножен архаического оружия известны в ареале скифской культуры Восточной Европы, они ни разу не встречались ранее в Крыму, будучи в Северном Причерноморье известны, главным образом, по находке из гробницы 2 кургана Репяховатая Могила в Днепровском Лесостепном Правобережье (бассейн р. Тясмин). Значительно шире представлены эти предметы в памятниках эпохи скифской архаики на Северном Кавказе.

Примечательна география находок клинкового оружия. В тех случаях, когда пункты обнаружения оружия известны (в **8** случаях сведений об этом нет), места наибольшей концентрации находок фиксируются на горном массиве Кубалач (**15** кинжалов и **3** бутероли) [1], в районе с. Межгорье, в основном в урочище Бураган (меч и **4** кинжала) (оба пункта в Белогорском районе), на горном массиве Агармыш близ Старого Крыма Кировского района (**2** кинжала и **2** бутероли архаического времени). В иных пунктах находки единичны.

Наконечники копья и дротиков в составе коллекции весьма немногочисленны. Единственный наконечник копья с лавролистным пером принадлежит к архаическому типу (VII—VI вв. до н. э.) и пока является для полуострова уникальной находкой. Из **6** наконечников дротиков, вполне синхронных по времени (IV в. до н. э.), достаточно однотипных и различающихся в основном размерами, к тому же широко известных в паноплии скифов, лишь одному удалось подобрать крымские аналогии. Чрезвычайно интересен один из наконечников, необычный по пропорциям, но главное — с намеченными, но не проточенными жалами на конце острия, своего рода полуфабрикат. Похоже, это свидетельство *местного изготовления* данного оружия. Интересен и дротик, имеющий на втулке метку (владельца?) в виде «птичьей лапы». Достоверно нам неизвестны подобные метки на иных дротиках.

Следует также подчеркнуть, что наконечник копья и все наконечники дротиков обнаружены в одном районе Юго-Восточного Крыма — горном массиве Кубалач. Эти находки в определённой степени расширяют наши представления о присутствии данной категории скифского вооружения на полуострове, в частности дротиков, по данным археологии весьма немногочисленных (*Яковенко, 1974, с. 99; Колтухов, 2012а, с. 76, 77*).

Наконечники стрел составляют в целом небольшую (**142** экз.: **132** — бронзовые, **10** — костяные), но достаточно выразительную группу материала с точки зрения типологии и хронологических позиций.

К сожалению, лишь в 9 случаях нам известно конкретное место находок наконечников, при этом, за исключением одного случая, число их невелико. Географическая локализация большинства наконечников стрел крайне условна: Юго-Восточный Крым, территория между Белогорском и Феодосией.

Наконечники периода *скифской архаики* (VII — первая половина VI вв. до н. э.) доминируют в подборке: 101 из 132 бронзовых экземпляров, при этом более двух третей из них — двухлопастные наконечники.

Наиболее ранние в этой совокупности 46 наконечников с высокой втулкой, у большинства экземпляров имеющей шип, и ромбовидной головкой — наконечники так называемого жаботинского типа. Их бытование не выходит за рамки VII в. до н. э., более того — есть мнение, что такие наконечники исчезают из употребления уже к середине VII в. до н. э. (*Полін, 1987, с. 21*). Один из этих экземпляров найден у с. Межгорье Белогорского района, 25

---

[1] По непроверенным сведениям, примерно за десятилетие в районе горного массива Кубалач найдено около 40 акинаков. Сведения любезно сообщил крымский краевед К.Л. Пипериди. Мы имели возможность ознакомиться с фотографиями пяти из них. Все экземпляры архаического времени: 1) акинак с очень массивным почковидным перекрестьем, плоской ручкой и коротким брусковидным навершием; 2) акинак с массивным почковидным перекрестьем, ручкой с тремя валиками, узким длинным брусковидным навершием, внешне весьма близок кинжалу из с. Ворон нашей коллекеции (№ 10 Каталога); 3) акинак с массивным бабочковидным перекрестьем, ручкой с тремя валиками, узким брусковидным навершием, по центру клинка гребень; 4) акинак с изящным бабочковидным перекрестьем, рамочной ручкой с двумя узкими бортиками по краям, узким брусковидным навершием, на 2/3 длины клинка хорошо выделен гребень; 5) акинак с массивным бабочковидным перекрестьем, ручкой с тремя валиками и маленьким навершием волютообразной формы. К сожалению, дальнейшая судьба этих кинжалов неизвестна.

попали в коллекцию из многочисленной серии (более 200 экз.), найденной между сёлами Ворон и Междуречье Судакского района, ещё два обнаружены у пгт Морское того же Судакского района. Последние имеют чрезвычайное значение, поскольку снабжены неудалёнными литниками, т. е. являются полуфабрикатами. Это, пожалуй, первое убедительное свидетельство *местного производства* столь архаических наконечников стрел, скорее всего, скифским населением на территории полуострова.

Вторую по количеству группу двухлопастных наконечников (26 экз.) составляют экземпляры VII — начала VI вв. до н. э. с лавролистной головкой и втулкой, также в большинстве случаев снабжённой шипом. Один из таких наконечников обнаружен на Кубалаче, ещё один экземпляр — на горном массиве Агармыш близ Старого Крыма. Как и в случае с наконечниками первой группы, в числе экземпляров с лавролистной головкой есть наконечник из Юго-Восточного Крыма с неудалённым литником, несомненно указывающий на *местное*, крымское, изготовление какой-то части наконечников этого типа.

К числу архаических наконечников стрел второй хронологической группы (VII — начало VI вв. до н. э.) принадлежат также 4 экземпляра двухлопастных с треугольной головкой, 19 трёхлопастных с лавролистной головкой, три трёхгранных наконечника с лавролистной головкой и четыре — с треугольной. Упомянутые трёхгранные наконечники ранее в Крыму достоверно не фиксировались.

Группа наконечников *среднескифского времени* (вторая половина VI—V вв. до н. э.) представлена 24 экз., 18 экз. из которых — трёхлопастные базисные, 3 экз. — трёхлопастные с башневидной узкой головкой, 2 экз. — трёхлопастные с треугольной головкой. Все трёхлопастные наконечники с головкой различной формы относятся к широко распространённым типам, в том числе в скифских памятниках Крыма. В этой хронологической группе исключение составляет четырёхгранный наконечник, аналогии которому в крымских древностях скифской поры подобрать не удалось.

Наконечники *позднескифской поры* (IV — начало III вв. до н. э.) — 19 экз. Девять из них — бронзовые (8 трёхлопастных с треугольной головкой, один — трёхгранный с треугольной головкой и скрытой втулкой), 10 — костяные, пулевидные, довольно обычные для колчанных наборов этого периода, в том числе в скифских древностях Крыма.

Чрезвычайно интересны, хотя и немногочисленны детали воинской амуниции. *Три поясные пряжки* IV в. до н. э. (одна в виде скачущего скифского воина, другая — коня, третья — сильно фрагментированная), две из которых найдены на горном массиве Кубалач, одна — в Юго-Восточном Крыму, пополняют небольшую серию подобных находок. Особо подчеркнём, что пряжки с изображением скачущего всадника найдены пока *лишь в Крыму*, более того — в основном в его предгорных районах. *Это обстоятельство позволяет рассматривать их с определённой долей вероятности в качестве одной из особенностей скифской классической культуры данного региона Северного Причерноморья.* По-видимому, такие поясные пряжки были социально престижным индикатором определённой группы скифского воинства.

Не меньшего интереса заслуживают и три *крючка-застёжки от колчана* (*горита*) *или портупеи*. Концы двух из них (Белогорский район и Керченский полуостров) оформлены в виде стилизованных головок птиц. Третья застёжка (с. Межгорье, Белогорский район) выполнена в виде выразительной конской фигурки и пока не имеет аналогий. Предметы подобного функционального назначения зафиксированы лишь в древностях скифской поры Лесостепи Восточной Европы — на Среднем Дону, Северском Донце, а также в ареале савроматской культуры. В Крыму

ранее были известны два крючка-застёжки аналогичного назначения, обнаруженные в захоронениях IV в. до н. э.: кургане Ак-Бурун (1875 г.) близ Керчи (*Виноградов, 1993, с. 1743; рис. 1: 3*) и погребении кургана 5 группы Новоалександровка—Богачёвка в Присивашье (*Колтухов, 2012а, с. 137; рис. 28: 21*). На первом, железном, обтянутом тонким золотым листом крючке дано стилизованное изображение хищной птицы с раскрытыми крыльями, на втором, бронзовом предмете представлен образ лежащего оленя в жертвенной позе. В обоих случаях конец застёжки оформлен в виде стилизованной птичьей головки. Хорошие аналогии этим находкам известны в памятниках скифской поры Среднего Дона (*Гуляев, 1969, с. 115, 116; рис. 7: 4, 6; 2016, с. 95, № 25; Савченко, 2004, с. 236, 237*).

Указанные крючки-застёжки являются либо импортными изделиями в среде крымских скифов — из области Среднего Дона или ареала савроматской культуры, либо отражают некую моду на подобные детали воинской амуниции, появившуюся в местной скифской среде под воздействием северных или восточных культурных импульсов. Напомним, что два крючка-застёжки (из золота и серебра) с изображением оленей в жертвенной позе известны также в скифском царском кургане Александрополь (Луговая Могила) второй половины IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье (*Древности Геродотовой Скифии, 1866, атлас; табл. 1: 3, 4: Полин, Алексеев, 2018, с. 912, № 5, 6*).

Несомненно, заслуживает интерес бронзовый литой наносник от коринфского или аттического шлема, найденный в лесистой местности, неподалёку от Старого Крыма (Юго-Восточный Крым). К сожалению, фрагментарность артефакта не позволяет точно определить тип шлема и его дату.

Важнейшей категорией скифской материальной культуры (а по количеству находок, представленных в данной коллекции — **322** экз., — первой) являются бронзовые **детали конского снаряжения**. Принимая во внимание, что бóльшая часть из них украшена в традициях скифского звериного стиля, эти изделия требуют особого внимания.

Впервые в Крыму обнаружены фрагментированные бронзовые *удила* со стремячковидным окончанием (VII в. до н. э.).

Интересен набор *псалиев* — **10** экз. (2 экз. — второй половины VII в. до н. э., остальные V и V—IV вв. до н. э.). При этом, как минимум **6** из них не имеют аналогий среди псалиев, известных в Крыму, и найдены в разных местах полуострова.

В коллекции есть **10** *распределительных пряжек-пронизей* от уздечной упряжи: 7 — клювовидной формы, 3 — в виде скульптурной головы барана. Изделия обнаружены в нескольких районах Крыма, преимущественно в юго-восточной части полуострова, и относятся к эпохе архаики, в основном ко второй половине VII — первой половине VI вв. до н. э., а три клювовидные пряжки-пронизи (с обычным загнутым клювом) могут датироваться со второй четверти VII в. до н. э., пополняя, таким образом, *древнейший пласт скифских находок* на полуострове. Такие предметы ранее в Крыму не фиксировались вовсе, но они широко известны в раннескифских древностях на обширных территориях Евразии (например: *Махортых, 2016; 2017*)

Стоит отметить также присутствие в коллекции и двух *пластинчатых ромбовидных налобников* V в. до н. э. из с. Приветное Кировского района — детали конской упряжи, нечасто встречаемой в древностях скифской поры Крыма.

Наносники — **54** экз. — составляют весьма представительную серию данной категории металлических деталей упряжи, в таком количестве в Крыму ранее не были известны вовсе. Хронология их такова: **6** экз. — V в. до н. э.; **24** экз. — V—IV вв. до н. э.; **15** экз. — IV, **9** экз. — IV—III вв. до н. э. Лишь одна разновидность наносников — с изображением орлиноголового ушастого грифона — имеет аналогии в

Крыму. К пяти разновидностям наносников не удалось отыскать аналогии в древностях скифской поры вовсе. Пожалуй, наибольшее количество подобных (**4** разновидности) встречают крымские наносники в конской узде на территории украинской Лесостепи, ещё **6** разновидностей наносников из этой коллекции имеют аналогии как в Лесостепи, так и в Степи, **4** разновидности — только в скифских древностях северопричерноморской Степи, и, наконец, **4** разновидности встречаются в широком ареале культур скифского типа, в том числе — на Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье.

С точки зрения локализации находок вырисовывается следующая картина: в 9 случаях точные места находок неизвестны; **29** наносников происходят из Белогорского района (при этом **10** из них найдены в окрестностях с. Межгорье и **3** — на Кубалаче). Остальные обнаружены в ряде пунктов полуострова, при этом какой-либо концентрации их не наблюдается.

Нащёчники представлены **37** экз.: **5** экз. — второй половины — конца VI—V вв. до н. э.; **21** — V в. до н. э.; **8** — V—IV вв. до н. э.; **3** — IV в. до н. э. Больше половины нащёчников (**20** экз.) происходит из Белогорского района, при этом **6** найдены на массиве Айлянма-Кая, **4** — на Кубалаче, **2** — у с. Межгорье, остальные в разных пунктах полуострова. Большинство из них имеют близкие аналогии среди крымских древностей: нащёчники в виде головы вепря, лосиной головы с зооморфными превращениями и стилизованных конечностей хищников.

Маленькие разнообразные бляхи составляют более половины деталей конского снаряжения, содержащихся в этой коллекции (**179** экз.). В хронологическом отношении они образуют такие группы: **3** экз. — раннескифское время; **2** — первая половина VII в. до н. э., **2** экз. — VII—VI вв. до н. э.; **46** — вторая половина VI—V вв. до н. э.; **62** — V в. до н. э.; **8** — VI—V—IV вв. до н. э. **35** — конец V — IV вв. до н. э.; **18** — IV в. до н. э.; **3** — скифское время.

С точки зрения локализации места находок доминирует Белогорский район — **52** экз. При этом наблюдается определённая концентрация блях на горном массиве Кубалач и в районе с. Межгорье — **11** и **9** находок. Двадцать пять находок происходят из разных мест Кировского района, при этом пять предметов обнаружено в районе г. Старый Крым, вблизи горного массива Агармыш. Остальные маленькие бляхи фиксируются в разных пунктах полуострова.

Следует упомянуть и о **7** бронзовых *подвесках*, на трёх из которых представлены головы хищной птицы, в одном случае их три. Ещё на двух показаны головы кошачьего хищника. Шестая отличается чрезвычайным схематизмом и ажурностью, передавая сложный зооморфный образ. На седьмом экземпляре представлен неопределимый зооморфный образ. Найдены изделия в Белогорском (2 экз.), Кировском (3 экз.) районах и Юго-Восточном Крыму (2 экз.). Хронологически охватывают вторую половину VII — V вв. до н. э. Несомненный интерес представляет наиболее ранний экземпляр в виде головы кошачьего хищника, найденный у с. Льговское Белогорского района (вторая половина VII — VI вв. до н. э.). Подобные детали крайне редки в системе конского снаряжения скифской эпохи юга Восточной Европы, они более характерны для культур скифского времени Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Столь неравнозначное количественное соотношение разных деталей конской упряжи в этой коллекции (доминирование наносников и особенно маленьких блях) объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, реальным присутствием этих деталей в системе уздечки, особенно в V—IV вв. до н. э. — когда при удилах, псалиях, наноснике в системе конского оголовья могло быть до десятка и более небольших блях. Во-вторых, в случае разрыва ременного оголовья утратить удила, псалии, налобники и нащёчные бляхи в силу их крепления и размеров

сложно. К слову, по-видимому, не случайно часть нащёчных блях, псалиев и один из налобников представлены в коллекции во фрагментированном состоянии. Иными словами, их выбрасывали после поломки. С другой стороны, потерять наносник и маленькие бляхи уздечки после порыва ременного оголовья, принимая во внимание их незначительные размеры, довольно легко. Возможно, эти обстоятельства объясняют в какой-то мере такое неравномерное количественное соотношение деталей конского оголовья.

Культовых или **ритуальных предметов** в нашем собрании не много (**11** находок), но они весьма интересны, поскольку расширяют представления о материальной культуре скифов Крымского полуострова.

Так, *бронзовые навершия* (V в. до н. э.) являются первыми достоверными находками предметов подобного рода в Крыму [1]. В определённой степени это необычно, учитывая в целом широкое распространение скифской материальной культуры на полуострове. Напомним также, что навершия с изображениями животных хорошо представлены не только в области собственно скифской культуры степного Северного Причерноморья, на Северном Кавказе, в украинской Лесостепи (*Іллінська, 1961; Переводчикова, 1980*), но и на территории так называемых скифских групп Средней Европы (Румыния, Венгрия) (*Bakay, 1971*). Более того, они известны на окраинах обширного скифо-сибирского мира, например, в Хакасско-Минусинской котловине (*Завитухина, 1983; кат. 1—3, 5—10, 150*). Правда, в последнее время нам стали известны ещё два бронзовых навершия — в виде голов быка и грифобарана, обнаруженные в Белогорском районе Крыма. Стилистические и иконографические особенности изображений позволяют отнести их к келермесскому времени (вторая половина VII — VI вв. до н. э.) и говорить о наличии кавказско-переднеазиатских черт [2].

Навершия с оленями из Предгорного Крыма близки, что отмечено ранее, навершиям посульской группы украинской Лесостепи (Аксютинцы, Волковцы). Но есть и существенное отличие. Бубенчик с прорезями у них не биконической формы, как у посульских находок, а усечённо-конический, что, возможно, свидетельствует в пользу *местного изготовления* этих предметов по известным лесостепным образцам. По-видимому, они были украшением углов погребальной повозки, исходя из довольно распространённой точки зрения (*Болтрик, 2009, с. 43, 44*), в пользу чего свидетельствует и число этих артефактов — скорее всего, 4 экземпляра.

Неизвестными ранее в кругу скифских древностей Крыма являются и два железных *ритуальных ножа* с окончаниями ручек, оформленными в зверином стиле, относящиеся к VI—V вв. до н. э. И если один из них, украшенный головкой хищной птицы, имеет серию подобных в древностях скифской поры украинской Лесостепи, то наиболее близкие аналогии другому, с ручкой, окончание которой оформлено в виде головки лося, удалось отыскать лишь на огромном расстоянии от Крыма — в области тагарской культуры Южной Сибири.

Несомненно, заслуживают внимания и бронзовые *топорики-скипетры* (VI—V вв. до н. э.) — **3** целых и **1** фрагментированный экземпляр. Клевцовая часть и обушок у них оформлены в виде стилизованной головки хищной птицы. Два экземпляра — из окрестностей сёл Партизаны и Межгорье (№ 530, 531 Каталога) довольно близки по форме, однако экземпляр из Межгорья отличается более

[1] Информация Е.В. Переводчиковой (со ссылкой на работу Е.Н. Черепановой и А.А. Щепинского) о том, что в Северном Крыму у с. Водославовка найдены 2 навершия, не соответствует действительности (*Переводчикова, 1980, с. 35; табл. 2* (*продолжение*). На самом деле с. Водославовка находится на юге Херсонской области (*Черепанова, Щепинский, 1966, с. 74, 75*).

[2] Навершия находятся в частной коллекции, и, к большому сожалению, не доступны для изучения.

четкой проработкой деталей, в частности глаз, и наличием прорези на клюве. Немногочисленные находки таких внешне сходных ритуальных предметов фиксируются в скифских памятниках степной части Северного Причерноморья, украинской Лесостепи, Задунавья (Румыния). Для Крыма же именно такие предметы ранее были уникальными находками. Топорик из Черноморского района (№ 533 Каталога) отличается как меньшими размерами, так и формой. Точных аналогов он не имеет. Сохранившаяся верхняя часть четвёртого экземпляра (№ 532 Каталога) весьма близка известной крымской находке, обнаруженной в кургане Кулаковского. Подобные топорики-скипетры известны и на иных территориях, в частности в украинской Лесостепи и Предкавказье.

Опосредовано с миром скифской культуры связано изображение стоящего на задних ногах козла (№ 536 Каталога). Изображение лишено характерных элементов скифского звериного стиля, поэтому не учитывается нами в соответствующей таблице. Однако оно находит близкие аналогии на секире из Келермесского кургана 1/В (*Галанина, 1997, табл. 6: с—е*). Образ козла, или пары козлов, стоящих перед древом жизни (в нашем случае это, возможно, некий ритуальный предмет) был распространен в Передней Азии с глубокой древности. Видимо на него ориентировались и мастера, работавшие над оформлением секиры (*Кисель, 1997, с. 16*). Возможно, крымская бляха является *переднеазиатским импортом*, проникшим в Крым примерно в то же время, которому принадлежит и указанный шедевр из Келермеса.

Также опосредованно со скифской культурой связаны **4** великолепные находки V—IV в. до н. э., инструментарий мастеров-торевтов — бронзовые матрицы и штампы для изготовления аппликаций, вероятно, из драгоценных металлов. Это матрицы в виде сидящей на кресле богини Деметры и головы горгоны Медузы, а также штампы в виде фигурки сфинкса и жука-скарабея. Матрица — фигура Деметры и штамп — сфинкс обнаружены на поселениях у сёл Александровка и Межгорье Белогорского района, примерно в 10 км друг от друга. Эти селища расположены на небольшом расстоянии от элитных скифских некрополей на горном массиве Ак-Кая близ Белогорска. Так, от селища у с. Александровка до упомянутых могильников около 10 км по прямой линии. Мы вправе предположить, что на упомянутых селищах временно обитали греческие торевты, работавшие на заказ скифской аристократии, в частности той, представители которой покоятся под высокими насыпями некрополей Ак-Каи (*Скорый, 2013, с. 199*).

В любом случае, хронологические позиции одного из наиболее крупных исследованных курганов на Ак-Кае — Беш-Оба IV (середина — третья четверть IV в. до н. э.) (*Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997; Колтухов, Мыц, 2001, с. 36; Колтухов, 2006; 2007; 2008а*), дата матрицы и штампа, некоторые артефакты с поселений у сёл Александровка и Межгорье (в частности античные монеты, время которых определяется вполне точно) (*Скорый, 2013, с. 196; снос. 4*) делают эту версию достаточно правдоподобной. Тем более, если учесть, что «вряд ли имел место импорт средств производства в инокультурную среду» (*Трейстер, 1989, с. 100*).

В свете сказанного можно допустить вероятное присутствие золотых пластин-аппликаций в виде сидящей Деметры и сфинкса в составе инвентаря иных элитных курганов Ак-Каи.

Из **540** артефактов, представленных в Каталоге, **311** оформлены в традициях скифского звериного стиля. На каждом из этих изделий представлено минимум одно, довольно часто два, а в некоторых случаях — три и более изображений, наделенных характерными чертами скифского анималистического искусства — ограниченным набором поз животных, специфическими пропорциями, акцентированием отдельных деталей, зооморф-

ными превращениями определенных частей основного изображения. Благодаря последним общее количество изображений, представленных в Каталоге, составляет **339** единиц. Это увеличение происходит, в основном, за счет зооморфных трансформаций рогов лосей, грифонов, а также голов хищных птиц. Субъектами такой трансформации являются птичьи головки [1]. Что касается оригинальных изображений, без учета копий, то, по нашим подсчетам, они составляют **275** единиц [2].

Наличие в Каталоге столь значительного числа предметов (прежде всего деталей конской упряжи), оформленных в традициях звериного стиля, даёт обоснованный повод к размышлениям о локальных особенностях звериного стиля Крыма, а также к анализу соответствующих предметов как источников по истории Крыма скифской эпохи.

Среди исследователей скифского искусства звериного стиля существует относительное единство по поводу того, что его образы отражают мифологические представления о трёхчленной «вертикальной» структуре мироздания, в которой присутствуют небесный, земной и нижний, «подземный» уровни. Зооморфные образы, уходящие своими корнями в древние тотемические и анималистические представления, играли в этом случае

---

1 Субъекты зооморфной трансформации одного изображения считались как одно дополнительное изображение, независимо от их фактического количества (например, две птичьи головки — трансформации рогов лося — как одно зооморфное превращение). Как одно изображение считались и двухфигурные либо многофигурные композиции, в которых были представлены однотипные или очень схожие образы. В Каталоге к ним относятся: многофигурная композиция в виде головы хищной птицы (№ 357), композиции в виде голов хищных птиц, направленных в противоположные стороны (№ 465—468), а также по отношению друг к другу (№ 36, 47), двухфигурные композиции козы с козленком (№ 389, 390), свастические композиции в виде козлиных голов (№ 397, 398).

2 Здесь необходимо сделать оговорку относительно методологии подсчета изображений. А.Р. Канторович, в докторской диссертации которого приведена самая обширная сводка изображений, выполненных в скифском зверином стиле на территории Восточной Европы, учитывает, прежде всего, оригинальные изображения, в отличии от копий, сделанных с одного штампа, либо по единой форме или одному образцу (*Канторович*, 2015, с. 17). Это, безусловно, методологически оправдано, особенно по отношению к золотым нашивным бляшкам-аппликациям, количество которых в одном комплексе или комплекте может составлять десятки копий, а также по отношению к изображениям на предметах парадного вооружения и культа, где часто помещены несколько фигур. Однако такой методологический прием сложнее применять к бронзовым изделиям, которые зачастую были изготовлены по уничтожаемой восковой модели. Таким образом, даже схожие экземпляры, изготовленные по некоему единому художественному образцу, отличались в деталях, а поэтому вряд ли могут быть названы копиями. Еще сложнее применять этот метод к случайным находкам бронзовых изделий, которые, как правило, были обнаружены в различных географических точках. На основании размеров, деталей изображений, а также мест сосредоточения мы можем более или менее уверенно говорить о следующих изделиях-копиях: шести правосторонних бляхах в виде когтя хищной птицы (№ 211—216), четырёх левосторонних бляхах в виде когтя хищной птицы (№ 217—220), двух полисемантических изображениях лапы хищной птицы или грифона / рогов лося / оленя из Хлебного (№ 221, 222), нащечниках с горы Айлянма-Кая (№ 242, 243), четырёх сценах терзания волчьим хищником рогатого животного (№ 244—247) с горы Айлянма-Кая, четырёх головах кошачьего хищника в фас из Багерово (№ 251—254), двух реалистичных орлиных головках (№ 280, 281), двух орлиноголовых грифонах на наносниках без щитка (№ 286, 287) и двух орлиноголовых грифонах с коротким клювом из Межгорья (№ 288, 289), трёх орлиноголовых грифонах из окрестностей Межгорья (№ 291—293), двух фигурных композициях козы с козленком (№ 389, 390), трёх головках неопределенного хищника (№ 432—434), бляхах со стилизованным изображением бедра и лапы хищника (№ 491, 492; 497—504). Все остальные артефакты Каталога, оформленные в традициях скифского звериного стиля, даже при общем морфологическом сходстве отдельных экземпляров между собой, различаются в деталях и, к тому же, как правило, обнаружены в разных местах полуострова, а потому не могут быть рассмотрены как копии. Поэтому здесь и в дальнейшем с целью проведения корректного сравнения предпочтительнее говорить именно обо всех известных экземплярах, т. е. об общем количестве изделий с изображениями в скифском зверином стиле. В случае сравнения оригинальных изображений будет использована соответствующая терминология.

Изделия, оформленные в скифском зверином стиле

Мегаобраз	Образ	Наносники	Нащечники	Мелкие бляхи	Распределители	Бутероли
Грифоны	Орлиноголовые ушастые грифоны	28	—	4	—	—
Итого грифонов		28	—	4	—	—
Хищные птицы	Полнофигурные	—	—	3	—	—
	Птица когтит рыбу	—	—	2	—	—
	Головы / протомы птиц	11	1	15	7	6
	Парные головки птиц	—	—	4	—	—
Итого птиц		11	1	24	7	6
Копытные / травоядные	Лось полнофигурный	—	1	10	—	—
	Лось редуцированный	—	6	9	—	—
	Горный козел	—	—	10	—	—
	Олень	—	2	4	—	—
	Кабан	—	3	8	—	—
	Лошадь	2	—	2	—	—
	Баран	—	—	—	3	—
	Бык	—	—	2	—	—
	Осел / мул / лошадь	4	—	—	—	—
	Заяц	1	—	—	—	—
	Неопределенное копытное	3	—	1	—	—
Итого копытных / травоядных		10	12	46	3	—
Хищники	Кошачьи	—	—	21	—	—
	Волчьи	1	3	4	—	—
	Сочетающие черты трех / неопределенные	3	—	17	—	—
Итого хищников		4	3	42	—	—
Обособленные конечности	Без бедра	—	2	5	—	—
	С бедром	—	15	30	—	—
	Когтистые лапы / рога	—	—	6	—	—
	Когти	—	—	13	—	—
	Конечности копытных / копыта	—	1	—	—	—
	Ухо / крыло	—	—	1	—	—
Итого конечностей		—	18	55	—	—
Синкретические / фантастические существа		1	3	6	—	—
Итого синкретических / фантастических		1	3	6	—	—
Итого		54	37	177	10	6

Колчанные крюки	Ритуальные ножи	Навершия	Подвески	Псалии	Акинаки	Топорики-скипетры	Поясные пряжки	Итого
–	–	–	–	1	–	–	–	33
–	–	–	–	1	–	–	–	33
–	–	–	–	–	–	–	–	3
–	–	–	–	–	–	–	–	2
2	1	–	3	–	–	4	–	50
–	–	–	–	–	2	–	–	6
2	1	–	3	–	2	4	–	61
–	1	–	–	–	–	–	–	12
–	–	–	–	–	–	–	–	15
–	–	–	–	–	–	–	–	10
–	–	2	–	–	–	–	–	8
–	–	–	–	–	–	–	–	11
1	–	–	–	–	–	–	1	6
–	–	–	–	1	–	–	–	4
–	–	–	–	–	–	–	–	2
–	–	–	–	–	–	–	–	4
–	–	–	–	–	–	–	–	1
–	–	–	–	1	–	–	–	5
1	1	2	–	2	–	–	1	78
–	–	–	2	2	–	–	–	25
–	–	–	–	–	–	–	–	8
–	–	–	–	–	–	–	–	20
–	–	–	2	2	–	–	–	53
–	–	–	–	–	–	–	–	7
–	–	–	–	–	–	–	–	45
–	–	–	–	–	–	–	–	6
–	–	–	–	–	–	–	–	13
–	–	–	–	1	–	–	–	2
–	–	–	–	–	–	–	–	1
–	–	–	–	1	–	–	–	74
–	–	–	2	–	–	–	–	12
–	–	–	2	–	–	–	–	12
3	2	2	7	6	2	4	1	311

роль кода, маркирующего разные уровни космоса. Верхнему уровню соответствовали образы птиц и грифонов, среднему (земному) — копытных / травоядных, подземному — хищников, преимущественно кошачьих (*Переводчикова, 1994, с. 14, 15; Раевский, 2006, с. 392*). И хотя эта схема не в состоянии объяснить всего богатства зооморфных образов, а также их внутреннюю дифференциацию (*Раевский, 2006, с. 405*), она достаточно удобна для классификации репертуара изображений в зверином стиле.

Репертуар образов, представленных в настоящем собрании, в целом достаточно хорошо «раскладывается» на упомянутую выше тернарную модель мироздания кочевников евразийских степей (таблица). В рамках заключительного обзора мы остановимся лишь на общих характеристиках изображений, выполненных в традициях скифского искусства, их статистике, а также на наиболее ярких экземплярах и сериях, позволяющих по-новому взглянуть на скифскую эпоху в Крыму.

Изображения орлиноголовых грифонов составляют **33**, хищных птиц — **61** экз. [1] Копытных / травоядных — **78** экз., включающих изображения лосей, оленей, кабанов, горных козлов, лошадей, ослов или мулов, быков, баранов, зайца. Хищников — **53** экз., представленных кошачьими, волчьими и неопределенными хищниками. Одновременно и к хищникам, и к хищным птицам / грифонам примыкает представительная серия изображений (**74** экз.) обособленных конечностей животных, которые по принципу *pars pro toto*, замещали целое изображение. Среди них преобладают бёдра, лапы и когти хищников с акцентированием конкретных агрессивных черт того или иного существа. Ещё **12** изображений представляют собой неопределенные фантастические / синкретические образы.

Изображения орлиноголовых грифонов и хищных птиц. Из **33** изображений грифонов подавляющее большинство (**28**) оформляют конские наносники. Как правило, они отличаются друг от друга в деталях — размерах, моделировке отдельных элементов. Однако для всех экземпляров характерна единая иконографическая схема: двустороннее изображение, ориентированное на боковой обзор, крупные глаза, заменяющие собой основную часть головы, клюв и торчащее вверх и, как правило, назад ухо. Последняя деталь является наиболее характерным, диагностирующим признаком выделения грифонов на скифских наносниках. Без уха эти изображения ничем не отличаются от хищных птиц, на что обращала внимание Н.М. Погребова (*Погребова, 1948, с. 66, 67*). До публикации коллекции на территории Крыма были известны три подобных изображения — из Акташского могильника (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 3; 7: 1*), Тавельских курганов (*Дашевская, 1991, табл. 74: 5*) и кургана Чонграв (*Колтухов, Сенаторов, 2020, с. 236, рис. 21: 6*).

Опубликованные нами изображения орлиноголовых грифонов на наносниках относятся к шести типам, выделяемым А.Р. Канторовичем, наиболее массовые среди них Гайманово—Солоха и Чертомлык—Уляп (*Канторович, 2015, с. 1245—1248, 1269, 1270*). В его сводке насчитывается 108 экз. (62 оригинальных изображения), сопоставимых с крымскими наносниками, причем 40 из них обнаружены в кургане Чертомлык. Таким образом, из Крыма, с учетом тавельского, акташского и чонгравского наносников, происходит **23** % всех известных на настоящий момент наносников с изображением орлиноголовых грифонов или «ушастых птиц».

Более того, можно с уверенностью говорить о том, что Крым был одним из

---

[1] Здесь и далее приводится общее количество изделий, оформленных в скифском зверином стиле, представленное предметами различного назначения — мелкими бляхами, наносниками, нащёчниками, а также другими деталями конской узды, деталями вооружения, воинского костюма и культовыми предметами. Для удобства в таблице приведено количественное соотношение образов звериного стиля и изделий, на которых эти образы представлены.

центров производства указанных изделий. Об этом свидетельствует производственный брак — наносник, при отливке которого были смещены створки формы (№ 293 Каталога). Наносник был отлит в двустворчатой форме, однако в процессе производства створки были смещены друг относительно друга, так что вместо единого изображения с ровным швом (который зачастую хорошо полировали) мы видим две половинки ушастого животного, крайне небрежно спаянные между собой. На одной из створок в районе клюва грифона заметен небольшой литник. Данный экземпляр, хорошо датируемый V в. до н. э., позволяет уверенно говорить о наличии в это время *местного* крымского производства наносников, соответствующих иконографической схеме орлиноголового ушастого грифона. Указанные изображения относятся к упомянутому типу Гайманово—Солоха, который насчитывает 53 экземпляра; 20 из них (**38** %) происходят с территории Крыма.

Примечательно, что место находки этого и схожих с ним наносников (скорее всего, отлитых в одной форме) — центральная часть Предгорного Крыма — весьма далека от Боспора, с которым традиционно связывают производство изделий для скифской элиты, в том числе и в традициях скифского звериного стиля. Однако и влияние Боспора на скифскую культуру Крыма не подлежит сомнению. Одно из доказательств этого — три наносника, оформленные в виде орлиноголовых грифонов с перепончатым гребнем — образа, получившего широкое распространение на Боспоре в V—IV вв. до н. э. (№ 310—312 Каталога). Грифон на наноснике с горного массива Кубалач выполнен целиком в греческой художественной манере, грифон из Спасовки — в большей степени в скифской. Еще один наносник — с элементами греческого декора на щитке — происходит непосредственно с территории Боспора. Несмотря на некоторые стилистические различия, во всех этих случаях мы имеем дело с аппликацией греческой художественной традиции по отношению к типично скифскому предмету оформления конской узды. За пределами Крыма наносники и другие предметы конской упряжи с изображением грифона с перепончатым гребнем единичны и встречаются, в основном, в Предкавказье и Причерноморской Степи. Это бронзовый наносник и псалии из кургана 1 у станицы Кужорской, псалии из кургана 5 Уляпского могильника (*Канторович, Эрлих, 2006, кат. 106, 92, 66*), бронзовый налобник — случайная находка из Майкопа (*Канторович, 2015, с. 1619*) серебряный наносник из кургана 4 у с. Носаки (*Бидзиля и др., 1977, с. 97—98; рис. 15:* 2), бронзовый наносник — случайная находка на Ольвийской хоре (*Островерхов, Охотников, 1989, рис. 3:* 2). Лишь один подобный наносник из серебра происходит с Левобережной Террасовой Лесостепи, кургана 6 у Старинской птицефабрики близ г. Борисполь (*Ильинская, 1973; рис. 1: 7*).

Следует обратить внимание на тот факт, что изображение орлиноголового грифона, в частности с перепончатым гребнем («позднегреческого грифона») было весьма популярным в Крыму, что также, скорее всего, объясняется влиянием греческого искусства Боспора. В качестве примеров можно привести грифонов с перепончатым гребнем на золотой нашивной бляшке из кургана 22 у Красноперекопска (*Лесков, 1974, рис. 77, левый*), из сцены терзания на основной пластине золотой обкладки ножен меча из кургана Куль-Оба (*Древности Боспора..., 1854, табл. XXVI:* 2) и золотой обкладке горита из кургана Дорт-Оба 2 (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 15*).

Бронзовые бляшки с редуцированным изображением грифонов, как с гребнем, так и без него, также представлены в Крыму. В настоящем Каталоге это экземпляры из Кировского района, Александровки и Белогорского района (№ 469—471). Последнее изображение имеет сходство с двумя бронзовыми бляхами из Золотого кургана (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 41:*

3). К грифонам можно отнести еще два оригинальных изображения из Каталога, у которых проявляется сходство как с орлиноголовыми грифонами, так и с кошачьими хищниками («пантерогрифоны») (№ 260, 472).

Переходя к образу хищной птицы отметим, что он также хорошо представлен на наносниках (**11** экз.). Иконографически эти изображения довольно сходны с грифоньими, но отличаются отсутствием уха. В подборке А.Р. Канторовича им соответствуют два типа — Гайманово—Пастырское и Цимбали—Будковский, насчитывающие 52 экз. (45 оригинальных изображений) (*Канторович, 2015, с. 1242—1245*). Как видим, в Крыму сконцентрировано **17** % от общего количества наносников этого типа.

Еще одна группа изображений, получившая в Крыму массовое распространение, — голова птицы с загнутым клювом, гипертрофированным глазом и массивной восковицей (тип Ковалёвка—Басовка, *Канторович, 2015, с. 1224, 1225*). С территории полуострова происходит **8** бляшек, в то время как из других частей Скифии и Предкавказья — 18 экземпляров (*Канторович, 2015, с. 1224—1225*). Таким образом, крымское происхождение имеют **30** % мелких бляшек с изображением головки хищной птицы. Заслуживает внимание территориальная концентрация этих изделий. Большинство из них (11 экземпляров) происходит с Левобережной Лесостепи, 6 — из кургана у с. Ковалевка, в Нижнем Побужье. Лишь одна бляшка обнаружена в Правобережной Лесостепи (Пастырское). Однако из Ольвии и Березани происходит серия (5 экз.) известняковых и каменных матриц, предназначенных для отливки подобных бляшек.

Увеличение количества зафиксированных однотипных лаконичных орлиных головок дает основания сделать вывод об общескифском распространении данного сюжетного образа и несостоятельности гипотезы о его левобережной лесостепной локализации (*Шкурко, 1976, с. 96*). В этой связи возникает ряд вопросов. Почему при такой концентрации матриц в Нижнем Побужье бляшки в виде головы хищной птицы получили наибольшее распространение именно в Лесостепном Левобережье и в Крыму? Был ли это ольвийский экспорт, или в Крыму и на Левобережье имелись свои производственные центры? В любом случае важно констатировать, что этот тип изображений характеризуется высокой морфологической унифицированностью, характерной для разных регионов Скифии, но превалирует именно на Левобережье и в Крыму.

Наиболее широкое распространение в скифское время получил другой тип головки хищной птицы — с закрученным (иногда в спираль) клювом и выделенной щекой, зачастую являющейся объектом зооморфного превращения в другую птичью головку (тип Ольвия—Завадка, по А.Р. Канторовичу). К нему относится 89 оригинальных изображений на более чем 200 различных изделиях (*Канторович, 2015, с. 1217—1224*). Чаще всего этот образ воплощался в золоте и украшал обкладки деревянных сосудов. В качестве бронзовых деталей конской узды он встречается гораздо реже. Нам известно всего лишь 6 блях, происходящих из: кургана 2 группы Семибратних (*Borovka, 1928, pl. 8A*), Бельского городища (*Могилов, 2008, рис. 98: 14*), Ассиновского могильника (*Вольная*, 2002, с. *158; рис. 12: 3*), кургана 24 могильника Нартан I, 3 экз. (*Батчаев, 1985, табл. 53:* 27). В Каталоге же представлены три бронзовые бляхи — детали конской узды, оформленные в виде головы птицы с закрученным клювом (№ 450—452). У всех экземпляров щека является объектом зооморфного превращения в другую, меньшую птичью головку. Необходимо отметить, что птичьи головки этого типа сами очень часто становились субъектом зооморфного превращения. В качестве таковых они хорошо представлены в Крыму как зооморфные превращения рогов лосей, оленя, грифона, птичьих головок, бедер обособленных конечностей.

Следует отметить, что и птичьи головки, оформляющие золотые обкладки деревянных сосудов, также весьма хорошо представлены на Крымском полуострове, хотя количественно они уступают золотым обивкам из Приднепровья и Предкавказья. К ним относятся: золотые пластины из Ак-Мечети (*Артамонов, 1966, табл. 12*), погребения 4 кургана у разъезда Сторожевой (*Колотухин, 2000, рис. 34: 4*), кургана Дорт-Оба 2, три экземпляра (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 14: 5—7*), имения Г.Н. Хаджиева «Разоренный Аиш» (*Ольховский, Храпунов, 1990, рис. на с. 10*).

Семь экземпляров клювовидных пронизей-распределителей ремней конской узды (№ 263—269 Каталога) и 6 орлиноголовых бутеролей — окончаний ножен (№ 39—44 Каталога), зафиксированных на территории полуострова, хорошо вписывают Крым в общий контекст скифской архаики и, вероятнее всего, маркируют путь продвижения первых массовых волн кочевников с территории Предкавказья в Поднепровье (*Зимовец, 2017*). Нам известны 93 экземпляра клювовидных распределителей, большинство из которых происходит с территории Кавказа, Предкавказья и Лесостепного Левобережья. С крымскими экземплярами их количество увеличивается до 100. Особого внимания заслуживает концентрация бронзовых бутеролей на территории полуострова. На данный момент нам удалось зафиксировать 31 бутероль, оформленную в виде головы хищной птицы. Подавляющее их большинство изготовлено из бронзы. На территории собственно Скифии обнаружены пять экземпляров: на острове Левке (Змеином); в Ниспоренском районе Молдовы; в гробнице 2 Репяховатой Могилы; в Левобережной Лесостепи (хранится в Харьковском историческом музее) (*Топал, 2015, с. 66, рис. 4: 25; Зимовец, 2016, с. 80, рис. 5: 1, 2, 5*), а также в кургане близ Бельского городища (*Скорый, Окатенко, Зимовец, 2020, с. 130; рис. 8: 5, 6*). В Крыму зафиксированы **6** бутеролей. Большинство же бронзовых окончаний ножен кинжалов в виде головы хищной птицы (17 экз.) происходит с территории Кавказа и Предкавказья (*Зимовец, 2016, с. 78; рис. 3, 4*). Таким образом, Центральный и Юго-Восточный Крым оказывается второй после Кавказа и Предкавказья зоной концентрации рассматриваемых изделий.

Четыре бронзовых бляхи с полнофигурным изображением хищной птицы в профиль (№ 446—449 Каталога) пополняют довольно компактную подборку аналогичных изображений, оформляющих детали конской узды. На двух бляхах изображена сцена терзания, еще на двух — одиночные фигуры птицы, у которых композиционное место рыбы заняла гипертрофированная лапа (*Шкурко, 1976, с. 100; Канторович, 2015, с. 633*). На данный момент нам известны 16 бронзовых блях — аналогий крымским изображениям. Они происходят, в основном, из Предкавказья и Причерноморской Степи: бронзовая бляха из могильника Цемдолина в окрестностях Новороссийска (*Малышев, Равич, 2001, с. 105; рис. 2: 1*); Лугового могильника, два экземпляра (*Вольная, 2002, с. 76, 157; рис. 11: 5, 6*); кургана Золотая Горка, два экземпляра (*Лунин, 1939, с. 216; рис. 6*); разрушенного комплекса близ хутора Шунтук (*Канторович, Эрлих, 2006, с. 126, 127, 197; кат. 85*); Чечни (*Вольная, 2002; рис. 11: 6*); Ингушетии, два экземпляра (*Прокопенко, 2011, рис. 1: 1, 2*); музея в Сен-Жермен-ан-Ле (*Канторович, 2015, с. 1212, 1571; рис. 16*); фондов Ногайского краеведческого музея (*Канторович, 2015, с. 1212, 1571; рис. 17*); поселения Надлиманское III (*Островерхов, Охотников, 2010; рис. 1*); кургана 4 группы Частых (ВУАК), четыре экземпляра (*Либеров, 1965, табл. 22: 7*). Большинство же изделий, на которых воплощен образ птицы, клюющей и когтящей рыбу, являются золотыми обкладками деревянных сосудов или же золотыми нашивными бляшками (*Канторович, 2015, с. 1211—1213*). В Крыму им соответствуют девять золотых бляшек из кургана Куль-Оба.

Полнофигурные изображения птицы с распростертыми крыльями и головой

в профиль являются крайне редкими. В качестве бронзовых уздечных блях они известны лишь в Золотом кургане, два экземпляра (*Колтухов, Сенаторов, 2016, рис. 48:* 2) и в кургане Г у Журовки (*Петренко, 1967, табл. 31: 14*). В золоте этот образ воплощен на бляшках из Мельгуновского кургана, 17 экземпляров (*Придик, 1911, с. 117*) и центрального погребения кургана Солоха, 13 экземпляров (*Манцевич, 1987, с. 31—32; кат. 4*). Птица из Надежды (№ 445 Каталога) со следами вторичного использования пополняет небольшую серию бронзовых блях, на которых воплощен подобный образ. Ей довольно близко изображение птицы на золотой нашивной бляхе из кургана 1, гробница 1 группы Трёхбратних, Восточный Крым (*Бессонова, Быковская, Детерлинг и др., 2008; табл. 107: 1*). В обоих случаях показанная в профиль голова птицы слита с верхней частью крыла, плечевые части крыльев приподняты вверх, маховые опущены на уровень хвоста. На крыльях, туловище и хвосте птицы из Первого Трёхбратнего кургана хорошо показана преимущественно вертикальная разделка, обозначающая перья. Автор бляхи из Надежды также пытался передать перьевую разделку, хотя и более обобщенно и схематично.

Наконец, необходимо отметить серию оригинальных изображений, на которых представлены две направленные в разные стороны головки хищных птиц, возможно грифонов (бронзовые бляхи — детали конской узды, 4 экземпляра, № 465—468 Каталога). Пока известны лишь две аналогии: бронзовая бляха из Нагорненского могильника, курган 2, погребение 7, Западный Казахстан (*Королькова, 2006, табл. 22: 27, с. 240*); и две золотые обивки сосуда с Гостагаевского городища в Предкавказье (*Новичихин, 2006, рис. 89: 4*). Ни в материковой Степной, ни в Лесостепной Скифии подобные находки пока не зафиксированы.

Изображения копытных / травоядных. Репертуар копытных / травоядных животных (78 экз.) представлен изображениями лосей (целых и редуцированных), оленей (целых и редуцированных), редуцированных вепрей, лошадей (целой и редуцированных), ослов (протом), козлов (целых фигур), баранов (редуцированных), быков (редуцированных), зайца (протомы). Таким образом, представлен почти полный репертуар образов копытных / травоядных животных.

Первое, что привлекает внимание, — относительно небольшое количество изображений оленей в коллекции, особенно по сравнению с изображениями лося. В Каталоге опубликованы восемь изображений оленя, из которых два на ритуальных навершиях (№ 526, 527), два — на нащечниках (№ 355, 356) и четыре — на мелких бляхах (№ 381—383, 388). В то же время, в Каталоге приведены 28 изображений лося, 11 из которых полнофигурные, одно является субъектом зооморфной трансформации обособленной конечности. Однако такая картина характерна и для скифского звериного стиля Крыма в целом. Если мы прибавим к изображениям оленя и лося из Каталога все изображения этих животных, обнаруженные в Крыму до 2014 г., то получим следующую картину. Образ оленя представлен на 21 изображении и, соответственно, на 21 предмете, в то время как образ лося — на 37 изделиях, к которым необходимо добавить еще пять изображений — субъектов зооморфных трансформаций. Таким образом, изображений лося на крымском полуострове в два раза больше, чем изображений оленя.

По нашему мнению, эта диспропорция объясняется различной семантической нагрузкой данных образов, которая обусловила и соответствующую разницу в подходах к изготовлению и применению изделий. Большинство изображений оленя, обнаруженных в Крыму до 2014 г., были выполнены в золоте и серебре. К ним относятся нашивные бляшки из кургана 17 Нимфейского некрополя, три экземпляра (*Силантьева, 1959, с. 74; рис. 38: 7*) — обкладки деревянного сосуда из

кургана 3, погребение 3, у с. Калинино, и с. Ак-Мечеть (*Колотухин, 2000, рис. 14: 4*; *Колтухов, 2010, с. 69*), и, конечно же, такие шедевры как кульобские олени с бляхи щита или горита, золотой обкладки ножен меча и серебряной чаши (*Древности Боспора*..., табл. *XXVI: 1, 2; XXXIV: 2*), а также олени с обкладки колчана и нашивной бляхи из кургана 1, погребение 6, у Ильичево (*Лесков, 1968, с. 162—165; рис. 7: 5*). Все эти изделия представляют собой элементы: а) парадного костюма, б) культовых предметов, в) парадного вооружения. Т. е. они были принадлежностью высшей знати — «царских родов» — аристократии и жречества. Лишь в трёх случаях образ оленя воплощается в бронзе: на уздечной бляхе из кургана 17, группы 8 некрополя Нимфея (*Силантьева, 1959, рис. 40: 3*), налобнике из Ак-Буруна (*Яковенко, 1970, с. 58—59, рис. 24: 1*) и колчанном крючке из кургана 5 группы Александровка—Богачевка (*Колтухов, 2012, рис. 17: 6*).

Что касается образа лося, то тут ситуация прямо противоположная. В золоте здесь воплощен лишь специфический образ полнофигурного лося без рогов и с одним рогом (2 экз.). Все три экземпляра происходят из кургана 17, группы В Нимфейского некрополя (*Артамонов, 1966, табл. 102, 105*). Бóльшая часть аналогичных изображений сосредоточена на территории Предкавказья и Кавказа (Уляпский могильник — 25 экз.), а также Северного Причерноморья (Солоха — 30 экз.) (*Канторович, 2015, с. 1196, 1197*). Остальные же изображения лосей, за редкими исключениями, выполнены в бронзе. Это мелкие бляшки — украшения конской узды и крупные нащечники с изображением популярного в V в. до н. э. мотива головы лося с рогами в виде птичьих головок. Таким образом, можно утверждать, что изделия с воплощением образа лося в большей степени использовались именно военной всаднической элитой, находившейся по своему социальному статусу ниже высшей аристократии («царских родов»). Принадлежность образа лося всаднической субкультуре объясняет материал изготовления и предметы, которые оформлялись соответствующим образом, а также многочисленные потери этих предметов вследствие разрывов узды и поломок дужек для крепления. Золотые же изделия, естественно, встречаются лишь в погребальных комплексах высшей знати, ни о каких потерях тут речь идти не может.

Примечательно, что в Крыму неизвестны изделия с образом оленя «в летящем галопе» архаического времени. Хотя олени на золотых бляшках из кургана 17 Нимфейского некрополя, а также из Куль-Обы повторяют схему именно раннескифских оленей, аналогичную оленям из курганов 1/Ш, 4Ш, 2—4Ш Келермеса, 1-го Разменного кургана у ст. Костромской, Ульского кургана 1, Литого (Мельгуновского) кургана. Пытаясь объяснить стилистическую подобность и хронологический разрыв между нимфейскими изображениями и их аналогиями более раннего времени, С.А. Зинченко выдвинула предположение, в соответствии с которым использование такой архаизирующей схемы свидетельствовало о желании скифов сохранить свою культурную самобытность перед лицом наступающей эллинизации. Использование архаической схемы стало репрезентацией их этнической идентификации (*Зинченко, 2001, с. 121*). При этом, как мы продемонстрировали выше, артефакты военной и, в частности, всаднической культуры архаического времени в Крыму представлены достаточно хорошо. По нашему мнению, эти факты могут свидетельствовать о том, что лишь с V в. до н. э. в Крыму начинает появляться местная «царская» знать, изначально тесно связанная с Боспорскими городами. Боспорские греки оказали относительно раннее и сильное влияние на её культуру. В последующее столетие эта страта становится более заметной и, видимо, более влиятельной, свидетельством чему служит ряд «царских» курганов, в том числе и в центральной предгорной части полуострова (Ак-Кая).

Привлекает внимание и статистика крымских изображений лосей в сопоставлении с изображениями, происходящими с других территорий. На данный момент нам известны 12 более или менее однотипных полнофигурных изображений лосей с поджатыми ногами и повернутой назад головой, выполненных на бронзовых бляшках — деталях конской узды. 11 из них приведены в сводке А.Р. Канторовича (тип Журовка—Ольвия, *Канторович, 2015, с. 1159, 1160*), еще одно происходит из некрополя поселения Артющенко 2 на Тамани (*Кашаев, 2008, с. 123; рис. 2:* 2). Все они более или менее равномерно представлены на территории Скифии. Из Крыма же происходят **11** аналогичных бляшек, то есть почти половина от всех изображений (№ 330, 361—370 Каталога). Таким образом, полуостров необходимо рассматривать как территорию очень высокой концентрации образа лося в жертвенной позе. Обращает на себя внимание разнообразие форм лосиных рогов: симметричные трёх- и четырёхлепестковые короны, асимметричные трёх- и четырёхлепестковые отростки и различная стилистика исполнения туловища (более или менее высокий рельеф, большая условность или реалистичность). Большая концентрация изображений, а также широта *местной стилистической интерпретации* традиционного общескифского образа позволяют предположить, что в Крыму находились центры по производству изделий с соответствующими изображениями. И именно здесь образ лося в жертвенной позе получил богатое и разнообразное развитие.

Напротив, редуцированный образ безрогой лосиной головки, встречающийся на мелких бляшках — деталях конской узды, является морфологически унифицированным (№ 372—376). Стилистические отличия здесь минимальны. Из **12** известных на данный момент изображений (тип Аксютинцы—Басовка, *Канторович, 2015, с. 1164, 1165*) **5** происходят из Крыма. 4 приведены в Каталоге, один экземпляр происходит из Пантикапея (*Толстиков, Белик, 2103, с. 27; табл. 27а*). Лаконичные, условные безрогие лосиные головки долго считались локальной особенностью левобережного лесостепного варианта звериного стиля (*Шкурко, 1976, с. 97*). Такие головки были зафиксированы в курганах 12 группы Аксютинцы—Стайкин верх, № 499 у с. Басовка, Посулье (*Ильинская, 1968, табл. X: 7, XXVIII: 11*), № 10, п. 1 Перещепинского могильника, бассейн Ворсклы, 3 экз. (*Махортих, 2006; рис. 10: 4—6*), № 10/10 группы Частых курганов, Средний Дон (*Либеров, 1965, табл. 24:* 2), Елизаветовского могильника, Нижний Дон (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 1*). В свете расширения источниковой базы можно констатировать наличие аналогичных изображений как на Левобережье, так и в Крыму, что, вероятно, свидетельствует о связях населения этих двух регионов в конце VI — V вв. до н. э.

Наиболее популярным воплощением образа лося в V в. до н. э. было ажурное изображение его головы с двумя симметричными ветвями рогов, оканчивающихся орлиными головками и пальметкой между ними. Этот эллинизированный мотив изображения лосиной головы, по мнению А.И. Шкурко, характерен прежде всего для Правобережной Лесостепи и Степной Скифии (*Шкурко, 1976, с. 96.*). Изображения преимущественно украшают нащечные бляхи, общая численность которых, по нашим подсчетам, составляет 37 экземпляров, из которых 15 однотипных блях происходят из кургана 459 у с. Турия, **11** — из разных районов Крыма (типы Нимфей—Журовка и Акташ—Нартан, *Канторович, 2015, с. 1160—1162, 1195; № 331—336 Каталога*). Т. е. крымские изображения составляют около **30** % от общего числа опубликованных на данный момент. Примечательно, что крымские лоси, вместе с изображениями из территориально близких Семибратних курганов, а также «Майкопского клада», отличаются стилистической однотипностью. Для них характерен лаконизм в пере-

даче отростков рогов и кожно-шерстной складки (без дополнительных декоративных элементов), плавное полукруглое преломление носовой части, гипертрофированный круглый концентрический глаз. Именно эта линия стилистической интерпретации образа является, по нашему мнению, магистральной, представляя морфологическое ядро типа. По отношению к ней среднеднепровские изображения (из Журовки, Турии, Грищинец, Большой Яблоновки, Жовнино), отличающиеся ажурностью и орнаментацией, являются, скорее всего, производными, местными интерпретациями общескифского мотива. Также нужно отметить, что преимущественно в Крыму получил разработку образ лося с зауженной носовой частью (А.Р. Канторович идентифицирует его как «оленелося»; *Канторович, 2015, с. 1195*). Это нащечники № 333—335 Каталога, а также из кургана 7 Акташского могильника (*Бессонова, Бунятян, Гаврилюк,* 1988, *фото 1: 3; рис. 7: 3*) и из кургана 7, погребение 3 у с. Колоски (*Ольховский, 1982, с. 61—81; рис. 6*). Лишь одна бляха происходит из-за пределов Крыма — из кургана 1 Второго Нартанского могильника (*Керефов, Кармов, 2009, рис. 3: 1*).

Наконец, необходимо остановится еще на одной трактовке образа лося, которая пока зафиксирована только в Крыму. Речь идет о лаконичном изображении головы с длинным носом, крупным глазом и трехлучевой короной рогов, напоминающей, скорее, гребень (№ 377—379 Каталога). На двух изображениях внизу носовой части помещены пухлые губы. В описательной части нами было высказано предположение, что данный конкретный образ стал результатом контаминации малопонятного крымским мастерам образа верблюда и образа лося. Об этом свидетельствует крайне своеобразная трактовка носовой части и губ, а также рогов-гребня. Скорее всего, мастер или мастера, изготовившие крымские бляхи, были знакомы с образом верблюда, распространенным в Поволжье и Южном Приуралье (*Королькова, 2006, с. 88—104*), но адаптировали его к более близкому причерноморским скифам образу лося.

Возвращаясь к образу оленя, обратим внимание на нащечную бляху под № 355 Каталога. Несмотря на фрагментированость, здесь хорошо читается изображение оленя в шаге, у которого представлены все четыре ноги. Единственная аналогия происходит из кургана 17, гробница 8 Нимфейского некрополя (*Силантьева, 1959, рис. 40: 3*). Известны также аналогии на золотых бляхах из «Майкопского клада», Уляпского могильника (курган 5, ритуальная площадка) и Частого кургана 11/2. Однако, они более поздние, что корреспондируется и с производной стилистикой этих изображений (*Канторович, 2015, с. 350*). Учитывая обнаружение бляхи из Каталога на восточной периферии Боспора, можно предположить, что происхождение рассматриваемых изображений непосредственно связано с боспорскими мастерскими.

Образ кабана представлен в Крыму двумя стилистическими направлениями. К первому относятся реалистично-декоративные головки с сомкнутой пастью, загривком, орнаментально-декорированной кожно-шерстной складкой и хорошо выделенным, в некоторых случаях отстоящим от головы, ухом. В Каталоге им соответствуют два нащечника (№ 353, 354). Еще два аналогичных изображения происходят из курганов 1, 24 Нимфейского некрополя (*Силантьева, 1959, с. 84, 69; рис. 47: 6, 37: 9*). Схожие изображения известны и на территории Тамани: 4-й Семибратний курган и случайная находка (*Borovka, 1928, tabl. 17D, 17C*). За пределами Юго-Восточного Крыма и Тамани подобные бляхи-детали конской узды не зафиксированы. Эти факты подталкивают к выводу о том, что бронзовые бляхи в виде реалистичных изображений кабаньих голов изготавливались на территории Боспора.

Определенный диссонанс в эту картину вносит форма, изготовленная из амфор-

ной ручки, с изображением реалистично-декоративной головы кабана, происходящая с поселения Кошары — западной окраины ольвийской хоры. С.Я. Ольговский считает её литейной (*Ольговский, 2014, с. 145; рис. 51*), М.Ю. Трейстер — формой для тиснения бляшек (*Трейстер, 1988, с. 135*). Здесь также представлено реалистично-декоративное изображение головы кабана с сомкнутой пастью и декоративной разделкой кожно-шерстной складки. Реалистично-декоративное оформление головы кабана встречается на ряде изображений, выполненных в золоте и происходящих из Северопричерноморской Степи. К ним относятся: обивка сосуда в виде двух кабаньих голов из кургана Бабы, полнофигурные изображения кабана из погребения 1 кургана 6 у с. Александровка (учхоз Самарский), погребения 1, кургана 5 у с. Архангельская Слобода, 6 экз., а также золотая пластина, хранящаяся в МИДУ (*Зимовец, 2019, рис. 3: 2, 4, 8*). В то же время, тут не встречены бронзовые нащечники, получившие распространение на Боспоре, что не опровергает наше первоначальное предположение. Более того, преобладание бронзовых изделий с изображением головы кабана в Крыму и на Левобережье, равно как и исследование генеалогии и морфологии данного образа, не позволяет согласиться с авторами публикации формы из Кошар в том, что образ кабана является греческим и распространяется в Северном Причерноморье из Ольвии, бывшей центром изготовления изделий в скифском зверином стиле (*Левина, Островерхов, Редина, 1993, с. 88*). Возможно, ольвийская хора была одним из центров производства золотых аппликаций с изображением кабана, что подтверждают приведенные выше изделия из Северопричерноморской степи. И, в этом контексте, в орудии производства из Кошар действительно следует усматривать матрицу для тиснения золотых изделий, а не литейную форму. Однако это никак не объясняет концентрацию бронзовых нащёчников в виде реалистично-декоративных головок кабана на Боспоре или в непосредственно прилегающих к нему районах.

От реалистичных следует отличать лаконичные кабаньи головы, для которых характерна приоткрытая пасть и отсутствие декоративных элементов. У некоторых из них присутствует загривок в виде коротких рубчиков, у других он и вовсе отсутствует. В Каталоге это бронзовые бляхи — детали конской узды № 401—406, а также, с определённой долей условности, № 241, 407, т. е. всего **8** экземпляров. В Крыму аналогичные бляхи происходят с Нимфейского городища (*Скуднова, 1954, с. 316; рис. 16, левый*) и погребения 13, кургана 2 у с. Владимировка (*Колотухин, 2000, рис. 10: 2*). Что касается остальных территорий Скифии и Кавказа, то 6 бронзовых уздечных блях с изображением лаконичной кабаньей головки происходят из курганов Роменского уезда (*Шкурко, 1976, рис. 3: 11*), по одной — из курганов 499 у с. Басовка (*Ильинская, 1968, табл. XXVIII: 8*) и № 446 у с. Капитановка (*Могилов, 2008; табл. 94: 35*), с. Днепряны (*Мурзин, 1984, рис. 18: 3*), Елизаветовского могильника (*Марченко, Житников, Копылов, 2000, рис. 94: 2*), Частого кургана 7 (ВУАК) (*Либеров, 1965, табл. 22: 19*), кургана 24 Нартанского могильника (*Батчаев, 1985, табл. 53: 20*), всего 12 экземпляров. Таким образом, с территории Крыма происходит **45** % (10 экз.) от общего числа бронзовых бляшек с лаконичным изображением кабана.

Не так давно один из авторов этой книги высказал предположение, что лаконичные изображения головы вепря не следует рассматривать как результат утрирования и геометризации неких эталонных, художественно более совершенных образцов, связанных с греческим искусством Боспора. Скорее, генетически они были связаны с савроматским искусством, и их прототипом могли быть изображения на кабаньих клыках (*Зимовец, 2019, с. 424*). В Крыму известны два таких изделия, одно из окончаний которых оформлено в виде головы кабана: из кургана 3 в имении Талаевой

(*Яковенко, 1976, рис. 8: 1*) и из разрушенного погребения около Керчи (*Королькова, 2006, табл. 64: 1*).

Не менее важным представляется и тот факт, что в Крыму известен ряд переходных или конвергентных изображений, совмещающих в себе черты реализма / декоративности и лаконичности (№ 241, 407 Каталога). Т. е. полуостров был территорией художественных экспериментов по отношению к данному образу, что косвенно свидетельствует о наличии здесь центров изготовления блях-деталей конской узды в виде головы вепря (*Зимовец, 2019, с. 425*).

Отдельного внимания заслуживает синкретическое изображение, совмещающее в себе три головы кабана (№ 408 Каталога). «Основная» голова изображена в плане (вид сверху без нижней челюсти) и, в то же время, в фас — благодаря выразительной рельефной передаче глаз и пятака. Она имеет подтреугольную форму с симметрично выделенными левой и правой частью. В то же время, каждая из этих частей является самостоятельной головой кабана, но уже профильной. Как «основная», так и боковые головки выполнены в реалистичной манере и высоком рельефе. Нам известны всего лишь три аналогии такому сдвоенному отображению кабаньих голов: на уже упомянутой золотой пластине из кургана Бабы в Северном Причерноморье, на бронзовых бляхах из могильника Кривая Лука III в Нижнем Поволжье и на роговой пронизи из тагарского могильника Кичик-Кюзюр (*Зимовец*, 2009, с. *422, рис. 12*). Однако на всех приведенных аналогиях показаны именно две головы, не переходящие в единое изображение головы в плане. Мастер крымской бляхи был явно знаком как со схемой сдвоенных голов, так и со схемой изображения головы в плане, хорошо представленной на крымском полуострове [1]. Сочетание двух схем привело к появлению высокохудожественного изображения, которое можно считать настоящим шедевром бронзолитейного искусства скифского времени.

В заключении обзора мегаобраза копытных остановимся на довольно редких образах *барана, козла* и *лошади*.

Три бронзовых распределителя уздечных ремней, оформленные в виде головы *барана*, дополняют подборку пронизей в виде головы хищной птицы, относящуюся к эпохе скифской архаики. Из 17 барановидных распределителей, происходящих с других территорий Скифии и Предкавказья (Келермесско-новозаведенский тип, *Канторович, 2015, с. 1173, 1174*), шесть происходят из Келермеса, четыре — из Гуляй-Города, по два — из Аксютинец и Поповки, по одному — из Захарейковой Могилы, Роменского уезда и Текливки. Архаический характер образа барана подтверждается и его размещением на трехпетельчатом псалии из окрестностей Белогорска (№ 256 Каталога).

В коллекции представлены довольно редкие для восточноевропейского звериного стиля бляхи с изображением горных козлов с направленной вперед головой (№ 389—396). Два из них представляют собой сдвоенные изображения козы с козленком и уже стали предметом специального исследования (*Зимовец, 2019, с. 118—134*). Что касается остальных изображений, то пять из шести являются фрагментированными: в четырёх случаях отсутствует голова, в одном — голова дана без туловища. Тем не менее, нам представляется несомненной идентификация этих изображений как горных козлов. Во-первых, очевидно морфологическое подобие фрагментированных изображений целому. Во-вторых, стилистической особенностью изображения горного козла с направленной вперед головой на территории Крыма является полукруглый хвостик с отверстием. У других копытных такой детали не наблюдается. В-третьих, на спине животных отсутствует след от соприкосновения с повернутой назад головой.

[1] См., например, № 412—417 Каталога.

В восточноевропейском зверином стиле преобладают изображения козла в жертвенной позе с повернутой назад головой (*Полидович, 2017, с. 167*). Изображения же с направленной вперед головой, наоборот, очень редки. Принимая во внимание статистику крымских изделий, можно говорить о местной разработке данного образа, имевшего свои истоки в центральноазиатском искусстве.

Редкость изображений лошади в скифском зверином стиле в своё время послужила основанием для заявлений «о скромном месте» образа этого животного в скифском искусстве (*Руденко, 1949, с. 85*). Безусловно, это казалось странным на фоне той огромной роли, которую занимала лошадь в быту и ритуалах скифов, равно как и индоиранцев в целом (*Кузьмина, 2002, с. 47—65*). Опровержение В.А. Ильинской тезиса «о скромном месте» лошади строилось на привлечении материала костяных псалиев, происходящих, в основном, из посульских курганов (*Ильинская, 1965, с. 89—92*). Однако очевидно, что посульские лошадиные головки на псалиях представляли собой весьма своеобразное региональное явление. Ряд публикуемых в Каталоге находок позволяют расширить источниковую базу и констатировать тот факт, что и разные бронзовые элементы конской узды и воинского костюма исполнялись в виде лошади — полнофигурной либо редуцированной. К ним относятся: крайне интересный колчанный крючок с фигурой лошади, неестественно «припавшей» на передние ноги (контаминация с образом хищника) (№ 202), наносники с изображениями лошади (№ 317, 318) и лошади, осла или мула (№ 248, 319—321), а также бронзовая бляха с Азовского побережья (№ 400 Каталога). Сходство последней с изображениями на синдских монетах (последней четверти V — начала IV вв. до н. э.) свидетельствует о влиянии иконографии боспорских монетных штемпелей на скифский звериный стиль. В свою очередь, Н.А. Фролова полагала, что популярность этого образа в синдской нумизматике могла свидетельствовать об общеиранском культе коня, бытовавшем у этого, скорее всего, иранского народа (*Фролова, 2014, с. 36*).

В конце классической скифской эпохи и в позднескифское время в Крыму становятся популярны ременные пряжки с изображениями скачущего воина или лошади (№ 197—199 Каталога; пряжки из Петровской балки в Симферополе, а также из Керчи и Щебетовки; *Скорый, 2013*). Морфологически и стилистически они практически не связаны с традициями скифского звериного стиля. Однако, принимая во внимание распространение наносников, бляшек, колчанных крючков с изображением лошади в конце V — IV вв. до н. э. можно сделать вывод о некоей преемственности самого образа, который не прекращал своего бытования в искусстве крымских скифов и после падения Причерноморской Скифии. Можно предположить, что фрагментированное изображение лошади из района сёл Радостное и Русское (№ 198 Каталога) представляет собой некий переходный тип от скифских традиций к позднейшим, реалистичным изображениям лошади в искусстве крымских скифов. Животное показано строго профильно, в высоком рельефе. К характерным скифским чертам изображения можно отнести удлинённую схематичную форму головы с покатым лбом и маленьким стоячим ушком, передачу глаза — точкой с рельефной окантовкой, рта — углубленной линией, ноздри — выпуклостью. Вместе с тем, в нижней части шеи лошади показан широкий ремень с нанесенными на него точками (бляшками?), что, конечно же, нехарактерно для скифского звериного стиля. А наличие Т-образного штифта с оборотной, вогнутой стороны сближает её с другими известными поясными пряжками (№ 197, 199 Каталога).

Изображения хищников. Репертуар хищников, представленных в Каталоге, включает в себя **53** экз., из которых к ко-

шачьим могут быть отнесены **25** изображений, к волчьим — **8**. Остальные сочетают в себе изображения кошачьих, волчьих, а иногда и медвежьих хищников. Подавляющее большинство изображенных хищников показаны редуцированно. Заметное исключение составляют три свернувшихся волчьих хищника (№ 327—329 Каталога). Для них характерно узкое поджарое туловище, вытянутая голова с раскрытой пастью, соприкасающаяся с кончиком хвоста. Голова-туловище-хвост описывают круг вокруг параллельно расположенной передней и задней лапы. Изображения моделированы прорезями, отделяющими туловище, шею и хвост от ног и ноги друг от друга, что придает им ажурность и легкость. Ближайшие крымские аналогии: нащёчные бляхи из кургана 2, погребение 3 (курган Кулаковского) (*Яковенко, 1976, рис. 6*) и ритуального захоронения коня в квартале 26 городища Пантикапей, 3 экземпляра (*Толстиков, 2015, с. 366—368; рис. 2*). С других территорий Скифии и Кавказа происходит 25 аналогичных нащечников (*Канторович, 2015, с. 1091, 1092*). Т. е. это достаточно массовая категория изделий, хорошо представленная и на Крымском полуострове (около **22** % от общего числа экземпляров).

Еще один свернувшийся хищник, но уже кошачьей породы (№ 410 Каталога), наоборот, принадлежит к весьма редкой серии. Представлено очень компактное изображение свернувшегося кошачьего, передняя лапа которого подложена под нижнюю челюсть, а задняя, заканчивающаяся тремя пальцами, неестественно завернута вверх. Нам известны лишь четыре аналогии: 3 бляхи из кургана 482 у с. Басовка (*Галанина, 1977, табл. 25: 2, 4*) и бляха из окрестностей с. Водяное Мелитопольского уезда (*Канторович, 2015, с. 1094, 1342; рис. 7: а, б*). Однако сходные по иконографии и стилистике хищники изображены на серии крестовидных блях, в составе многофигурных композиций: из курганов 13 у с. Деревки (Могила Опишлянка), № 2 у с. Волковцы, сёл Гусарка, Дугино, погребения 12 некрополя Ольвии (Ольвийско-басовский тип; *Канторович, 2015, с. 1093, 1094*). Все указанные изображения, за исключением ольвийской бляхи, происходят с территории Лесостепного и Степного Днепровского Левобережья.

Заслуживает внимания необычное изображение стоящего хищника кошачьей породы с повернутой назад головой (№ 409 Каталога). У хищника показаны все четыре лапы, стоящие на плоской поверхности, украшенной рифлением. Хорошо выделены лопатка, бедро, короткий хвостик, оканчивающийся кружком. Посаженная на массивную шею короткая голова, напротив, крайне невыразительна. Угадывается лишь открытая пасть. Единственная и довольно близкая аналогия происходит с соседней Тамани. К сожалению, это также случайная находка с античного поселения Голубицкая 2 (*Строкин, 2010, с. 461, 463; рис. 4: 48*). Более отдаленная аналогия — на золотых нашивных бляшках из «Майкопского клада» (*Leskov, 2008, N 316*).

Совершенно оригинальны щитковые наносники со скульптурными изображениями двух головок — скорее всего, волчьего и кошачьего хищника, и двумя отверстиями (№ 324—326). На одном из наносников присутствует также третье изображение — припавшего к земле хищника (№ 326 Каталога). Наиболее сопоставимой аналогией крымским экземплярам являются бронзовые покрытые золотом наносники с изображением грифона из Васюринской Горы в азиатской части Боспора (*Канторович, 2015, с. 713; с. 1611; рис. А*). Отличие состоит в том, что окончание наносника в виде головы грифона из Васюринской Горы повернуто по отношению к щитку наносника. В случае же крымских экземпляров зооморфное окончание в виде головы кошачьего (?) хищника развернуто в противоположную от щитка сторону. А одно кольцевидное отверстие преобразуется в два, становясь частью композиции головы некоего зверя смотрящего в сторону щитка. Голова — узкая и длинная (волчья?), с кольчатыми

ушами, ноздрями и, видимо, шеей. В любом случае, мы сталкиваемся здесь с дву- и трехфигурной композициями, получившими разработку на территории Крыма, и пока неизвестными за пределами полуострова. В качестве рабочей может быть высказана гипотеза о *местном* происхождении данной композиционной схемы.

Наиболее представительной и морфологически унифицированной серией хищников, публикуемых в Каталоге, являются редуцированные изображения неопределенных кошачьих / волчьих / медвежьих в виде строго профильных голов (№ 426—440), всего 15 экз. Изображения различаются в деталях, однако все они схожи иконографически: показана голова хищника с раскрытой пастью, одним или двумя клыками, кольчатым ухом и, как правило, круглым глазом. Голова может быть более или менее вытянутой, что в большей степени сближает её с волчьим либо кошачьим или медвежьим хищником. В некоторых изображениях можно наблюдать дополнительную орнаментацию глаза или носа (№ 438, 439), однако в целом серия довольно однотипна. Ближайшие аналоги из Крыма — парные изображения из кургана 1, гробница 14 Нимфейского некрополя, 4 экз. (*Силантьева, 1959, с. 83, 106; рис. 47: 5*) и кургана 1, погребения 1 на землях С.А. Крыма (1895), 4 экз. [1] (*Колтухов, Сенаторов, 2016, с. 199,200; № 90, 91*). Таким образом, общее количество крымских экземпляров достигает **23**. По нашим данным, на других территориях Скифии и Кавказа удалось зафиксировать 33 аналогичных бляхи, бо́льшая часть которых приведена в сводке А.Р. Канторовича (тип Нимфей—Журовка, *Канторович, 2015, с. 1108, 1109*), по одному экземпляру происходит с античного поселения Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*), а также из района с. Токмазея на Нижнем Днестре (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*). Опираясь на эту общую статистику несложно подсчитать, что бляхи крымского происхождения составляют более **40** % от всего количества мелких уздечных блях с изображением обобщённого хищника. Даже если принять во внимание не только бронзовые бляхи, но и другие изделия (псалии, подвески, литейную форму из Марицыно), также отнесенные А.Р. Канторовичем к типу хищников Нимфей—Журовка, крымские экземпляры составят 1/3 от всех известных на данный момент изображений обобщённого хищника в профиль. Это, конечно же, наводит на мысль о местной, крымской разработке данного образа.

Обнаружение упомянутой выше литейной формы из Марицинского могильника (Ольвийская хора) напоминает ситуацию с изображениями лаконичных птичьих головок. Формы для их отливки были найдены в Ольвии, на Ольвийской хоре и Березани, хотя большинство бронзовых экземпляров — в Левобережной Лесостепи и Крыму. Мелкие бронзовые бляхи с изображением лаконичных головок обобщенного хищника хорошо представлены в Правобережной Лесостепи (курганы 400 у с. Журовка, 491 у с. Макеевка, 48 у с. Гуляй-Город) (всего 10 экз.), однако количественно преобладают именно на Левобережье (22 экз.) и в Крыму. Только из кургана 499 у с. Басовка происходит 14 таких бляшек, из Броварок — четыре экземпляра (*Галанина, 1977, табл. 26: 15; 30: 12*).

Марицинскую форму исследователи привлекали как доказательство производства соответствующих бляшек в Ольвии или в ближайших греческих городах и поселениях (*Онайко, 1970, с. 33; табл. XXV: 88,89*). Однако расширение источниковой базы вряд ли позволяет согласиться с этим выводом. Тем более, что поселения Аджигольской балки принадлежали смешанному эллино-скифскому населению (каллипидам?) (*Ольговский, 2014, с. 153, 154*). Вероятнее всего, как и в случаях с ла-

---

[1] С.Г. Колтухов и С.Н. Сенаторов идентифицируют изображение на одной из бляшек в качестве кабана. Но её фрагментированость не дает достаточных оснований для такого определения. По нашему мнению, здесь изображен, скорее всего, хищник, возможно волчий.

коничными птичьими головками, а также с головками кабана, мы имеем дело с общескифскими образами, оформлявшими изделия, которые изготавливали в разных производственных центрах Скифии, а также в греческих городах Северного Причерноморья.

Массовыми для Крыма являются и изображения хищников анфас или в плане, представленные в коллекции № 251—254, 412—417, 419—423, всего **15** экз. Среди них необходимо различать два типа. Первый составляют изображения, выполненные в высоком рельефе, моделированные двумя сходящимися плоскостями, на которых изображена голова хищника строго в плане, вид сверху. Глаза подовальные, щёки показаны вытянутыми рельефными плоскостями, длинные листовидные уши прижаты к голове. В Каталоге им соответствуют бляхи из комплекса, обнаруженного в районе Багерово (№ 251—254), а также из разных мест Юго-Восточного Крыма (№ 419—423). Аналогий с других территорий Скифии и Кавказа им немного. Наиболее близкие: бронзовые бляхи из кургана 23 могильника Перещепино, 4 экз. (*Исследования, 2002, рис. 4: 10; Могилов, 2008, рис. 94: 28*), из с. Грищенцы (*Бобринской, 1914, рис. 20; Могилов, 2008, рис. 94: 27*) и кургана 5/1917 у ст. Елизаветинской (*Галанина, 2010, табл. 2: 5*). По общей иконографии этим изображениям также близок наконечник неопределённого предмета с хутора Шунтук (*Иессен, 1955, фото на с. 32*) и золотая бляшка из кургана 402 у с. Журовка (*Петренко, 1967, табл. 19: 25*).

Второй тип представлен низкорельефными подтреугольными или подовальными изображениями кошачьего хищника в фас, с широкой лобной частью, гипертрофированными концентрическими глазами и вертикальным носом, перпендикулярно которому расположены параллельне рельефные линии («усы»). Уши — короткие, торчащие вверх. Между ними рубчиками показана шерсть («грива»). Из Крыма происходит шесть таких изображений. Нам известны лишь две близкие аналогии: три бляхи из кургана 4, погребение 2, группы II у с. Первомаевка, в соседней с Крымом Херсонской области (*Евдокимов, Фридман, 1987, с. 104, 105; рис. 16: 2*) и шесть блях из кургана 2, погребение 1 у с. Малая Рогозянка 1, в бассейне Северского Донца (*Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 33: 4, 5*). Все указанные изображения однотипны. Остальные изображения фасов кошачьих хищников, объединенные А.Р. Канторовичем в тип Берестняги—Солоха, существенно отличаются от приведенных выше. Как правило, они выполнены в золоте, являясь нашивными бляхами, обкладками сосуда, украшением золотых пластин горитов и бутероли (*Кантрович, 2015, с. 1115—1117*).

Изображение обособленных конечностей. Эта чрезвычайно репрезентативная серия, представленная в Каталоге, включает **74** экз. Лишь два из них являются конечностями копытных. Это нижняя часть ноги и копыто лошади с V-образной фигурой на трехдырчатом псалии, и бедро неопределенного копытного с зооморфным приставлением головки хищной птицы на бронзовом нащечнике (№ 257, 350 Каталога). Последнее изображение фрагментировано, что первоначально вызвало проблемы с его идентификацией. Однако, как убедительно продемонстрировал А.Д. Могилов, приведя сопоставления схожих изображений из курганов 459 у Турьи и № 2 у Пастырского, здесь представлено именно бедро копытного (*Могилов, 2016, с. 170; рис. 1*). Одна мелкая бляха оформлена в виде крыла птицы либо уха копытного (№ 516 Каталога). Еще одна напоминает изображение руки человека (№ 478 Каталога).

Остальные экземпляры представляют собой обособленные конечности хищников. Их можно разделить на две большие группы: массовые, находящие аналогии в разных регионах Скифии, а также на Кавказе, и специфические, в большей степени характерные для Крыма и некоторых других, как правило, соседних с Крымом территорий.

К первым необходимо отнести большую серию однотипных, крайне стилизованных блях в виде лапы и спиралевидно показанного бедра: № 497—512 Каталога, **16** экз. Еще 4 экз. происходят из кургана Беш-Оба IV/2 (*Колтухов, 2007, рис. 7: 2*), один — из Беляусского могильника (*Дашевская, 1991, табл. 74: 2*). Т. е. всего в Крыму зафиксирован 21 экз. С других территорий происходит 94 аналогичных экз., большая часть — из Причерноморской Степи. Так, в Чертомлыке обнаружено 35, Гаймановой Могиле — 17, Солохе — 4 экз. (тип Солоха—Чертомлык, *Канторович, 2015, с. 1133—1136*). Таким образом, в Крыму найдено **17** % от всех таких бляшек, известных на данный момент.

Также в Крыму массово представлен другой тип обособленной конечности — без спиралевидного оформления бедра и с геометризированными, прижатыми друг к другу пальцами: № 483—496 Каталога, **14** экз. Иногда округлое бедро украшено по контуру жемчужницей. Для этих изображений характерна крайне условная манера передачи пальцев пятью рельефными линиями, образующими прямоугольную фигуру. В изображениях без жемчужницы пальцы показаны более реалистично, на них хорошо просматриваются фаланги. В Крыму известны и другие экземпляры этого типа, который А.Р. Канторович определяет как Ак-Бурун—Корнеевка (*Канторович, 2015, с. 1131, 1132*). Это бляха с эпонимного памятника Ак-Бурун, погребение 5 (*Яковенко, 1979, с. 57; рис. 24: 2*) и Тавельского кургана 1 (*Дашевская, 1991, табл. 74: 3*). На остальных территориях Скифии и Кавказа насчитывается 26 подобных бронзовых блях. Таким образом, на Крым приходится **38** % от общего числа подобных блях.

Акбурунская бляха маркирует переход к другой группе изделий, в которой представлено массивное подовальное бедро и короткая изогнутая голень, переходящая в четыре, три или два прижатых друг к другу пальца, оканчивающихся, как правило, закрученными когтями (тип Ак-Бурун—Острая могила, *Канторович, 2015, с. 1129, 1130*). В нашем Каталоге к ним относятся нащечные бляхи 344, 346—349, а также, скорее всего, № 345. Крымские аналогии представлены бронзовыми нащёчниками из погребения 5 на мысе Ак-Бурун (*Яковенко, 1970, с. 56; рис. 23: 2*) и кургана 15, погребение 2 у Красноперекопска (*Щепинский, Черепанова, 1969, с. 70, 71; рис. 20: 1*). С других же территорий Скифии происходят 28 экз., представленных как в Лесостепной, так и в Степной зонах.

Необходимо отметить, что рассматриваемый тип изображений отнюдь не однороден. По нашему мнению, в нём необходимо выделить, по крайней мере, три группы. К первой принадлежат нащёчники из погребения 5 на мысе Ак-Бурун. В этом же погребении обнаружена и бляха, относящаяся к предыдущему типу Ак-Бурун—Корнеевка. Особенностью данной группы является зооморфное превращение бедра в голову, скорее всего лося (преломление носовой части почти под прямым углом), а голени и пальцев — в стилизованные рога при горизонтальном рассмотрении бляхи. На такую трансформацию указывает и кружок на краю конечности, передающий глаз. К акбурунскому близки изображения из кургана 1 Малой Павловской группы, Лесостепное Левобережье (*Могилов, 2008, рис. 105: 9*) и группы V у с. Подгородное, курган 11, погребение 1, Нижнее Поднепровье (*Ковалева, Мухопад, 1979, с. 112; рис. 1: 4*). В них также намечена тенденция к превращению основного изображения обособленной конечности в объект зооморфной трансформации — голову лося, на что указывает выделение глаза в месте перехода бедра в голень. В нашем Каталоге к указанным изображениям близка бляха 349. Здесь представлено массивное бедро, переходящее, через изогнутую голень в четыре пальца, оканчивающиеся когтями. При горизонтальном рассмотрении бедро трансформируется в горбоносую морду, хвост, выделенный продольной вдавленной линией вдоль основной

части бедра, — в пасть лося. А в месте перехода бедра в голень хорошо просматривается миндалевидный глаз, подчёркнутый дополнительной вдавленной линией. Видимо, к этой же серии изображений относятся и фрагментированные бляхи № 344 (представлены три пальца) и № 345 (представлено бедро с «глазом»).

Ко второй группе принадлежит очень ограниченная серия бронзовых блях, передающих бедро, оканчивающееся двумя пальцами с закрученными когтями, а также с зооморфным превращением верхней части бедра в головку хищной птицы. Они известны пока исключительно в Причерноморской Степи: 11 экземпляров из Острой Могилы близ Ногайска (*Яценко, 1956; рис. 5в*), три нащёчника из кургана 9, погребение 1 у с. Никольского (*Агульников, Савва, 2004, с. 96, 100; рис. 48: 1—3*), а также экземпляр из кургана 8, погребение 14 у с. Николаевка (*Алексеева, Булатович, 1990, с. 35, 38—39, 47; рис. 1: 14б*), Нижнее Поднестровье. В Крыму аналогичное изображение происходит из Симферопольского района — № 348 Каталога.

Наконец, наиболее унифицированной серией являются изображения массивного подовального бедра, переходящего под углом в три пальца, оканчивающихся закрученными когтями. В Каталоге им соответствуют нащёчники 346—347. Еще два аналогичных нащёчника найдены в кургане 15, погребение 2, у Красноперекопска (*Щепинский, Черепанова, 1969, с. 70—71; рис. 20: 1*) и Тузлинского некрополя (*Scythian art, 1986, fig. 278, right*). Восемь аналогичных экземпляров происходят с территории Лесостепного и Степного Левобережья Днепра, а также Среднего Подонья: Волковцы, курган 2, 1897, 2 экз. (*Ильинская, 1968, рис. 37*), Аксютинцы, курган 1, 1886, 2 экз. (*Ильинская, 1968, табл. XVII: 11*), Софиевка (*Іллінська, 1968а, рис. 10: 2*), Подгородное, группа V, курган 11, погребение 1 (*Ковалева, Мухопад, 1979, с. 112; рис. 1: 4*), Круполь (*Петренко, 1978а, с. 46; рис. 1: 1; рис. ,3 левый*), Староживотинное, курган 2 (*Медведев, 2001, рис. 3: 4*).

Судя по концентрации, с территорией Крыма нужно связывать нащёчные бляхи в виде бедра и двух лап фантастического хищника с тремя пальцами и закрученными когтями. В Каталоге приведены три аналогичных изображения (№ 242, 243, 337). Фрагмент под № 338, судя по морфологии и размерам, также относился к данной серии. Аналогичный нащёчник происходит из Тузлинского некрополя (*Scythian art, 1986, kat. 278*). За пределами региона известны лишь два аналогичных изображения: из развеянного кургана у с. Софиевка в Террасовой Левобережной Лесостепи (*Іллінська, 1968; рис. 10: 8*) и кургана 66 у с. Бобрица в Днепровском Лесостепном Правобережье (*Петренко, 1967, с. 94, 167; табл. 30: 13*). Случайная находка схожего нащёчника приведена в интернет-каталоге *Ancient touch* (*Канторович, 2012, с. 24; рис. 2: 2, 4*).

Также к территории Крыма тяготеют изображения с бедром и двумя лапами, при этом бедро является объектом зооморфной трансформации в голову хищной птицы с глазом и массивным клювом (типа Красноперекопск—Тузла; *Канторович, 2015, с. 1126, 1127*). Из Крыма происходят бляхи из Красноперекопска и Юго-Восточного Крыма (№ 343 Каталога). Из непосредственно прилегающих к нему территорий — два нащёчника с Тузлинского некрополя и один — из Первомаевки Херсонской области. Происхождение четырёх экземпляров неизвестно.

Еще одна группа изображений конечностей хищников, по нашему мнению, непосредственно связана с Крымом. Хорошо известны нащёчники, происходящие из кургана 1, гробница 14 Нимфейского некрополя (*Силантьева, 1959, рис. 47: 7*) и кургана 48 Акташского могильника (*Бессонова, Скорый, 1986, рис. 6: 5, 6; 7: 3*). На них представлено массивное подовальное бедро, переходящее через узкую голень в гипертрофированную лапу, состоящую из трех пальцев с закрученными когтями (два когтевидных пальца противостоят одному). При горизонтальном рассмот-

рении вся композиция превращается в голову лося, где бедро передает горбоносую морду, а пальцы / когти — отростки ветвистых рогов. Миндалевидный глаз показан рельефной окантовкой на голени «основного» изображения. А выемка на внутренней части бедра, оформленная в виде головки птицы с концентрическим глазом, передаёт пасть животного.

В Каталоге есть ряд фрагментов бляшек, которые, с полным на то основанием, могут быть идентифицированы как части изображений, сходных с нимфейским и акташским. Во-первых, это два очень схожих фрагмента из района Молбая (№ 341, 342 Каталога). К этой же серии необходимо отнести и недавнюю находку на поселении Кош-Кую в окрестностях Горностаевки Советского района (*Куликов, 2019, с. 388, рис. 6*). Здесь представлен конгломерат из трёх пальцев с закрученными когтями (два пальца противопоставлены одному). С оборотной стороны отсутствует крепёжная петля, а на месте перехода в голень виден след облома. Во-вторых, фрагменты из Межгорья и Айвазовки / Абрикосовки (№ 339, 340 Каталога). Тут, наоборот, представлено бедро с птичьей головкой на внутренней части, на месте перехода в голень — старый облом. Во всех этих случаях мы сталкиваемся с местным образом, получившим разработку и распространение в пределах крымского полуострова. Примечательна и зооморфная трансформация этих изображений в голову лося. Как было продемонстрировано выше, такое превращение характерно и для других крымских изображений (одного из акбурунских, а также № 349 Каталога).

Ранее один из авторов этой работы высказал предположение, что от нимфейского и акташского нащёчников произведен ряд бронзовых бляшек с изображением трёх когтевидных пальцев, два из которых противостоят одному (*Зимовец, 2015*). Они представлены на мелких уздечных бляхах, 6 из которых обнаружены в Крыму (№ 221, 222, 384—387, а также фрагмент 388 Каталога). Аналогичная фрагментированная бляха обнаружена и в некрополе поселения Артющенко 2 на Тамани, V в. до н. э. (*Кашаев, 2008, рис. 2: 2*). Из Лесостепи происходит шесть аналогичных блях: 3 экз. из кургана 4 у с. Берестняги (*Бобринской, 1901, табл. XIX: 1*); бляха из кургана 13 у с. Прусы Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1899, табл. XX: 329*); с. Дмитровка Черкасского уезда (*Древности Приднепровья, 1907, табл. XVIII: 313*); кургана 13 у с. Олефирщина (*Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, рис. 11: 5*). Еще два экземпляра обнаружены в Степи — в кургане Плоская могила (*Болтрик, Садовский, 1991, с. 105; рис. 4: 10, 11*). Таким образом, с территории Крыма и Тамани происходит немногим менее половины рассматриваемых изображений, что, в совокупности с наличием исходных прототипных образов из Нимфея и Акташа, свидетельствует об их местном происхождении. Также в пользу местной разработки данного образа говорит и тот факт, что морфология этих блях схожа с изображением когтей орла на золотой обкладке горита из кургана 2 Дорт-Оба, относящегося к концу V — началу IV вв. до н. э. (*Колтухов, Сенаторов, 2016, с. 194; № 41*).

Учитывая, что на нимфейской и акташских бляхах рассматриваемые изображения несли двойную семантическую нагрузку — как лапы хищных птиц и как рога лося или оленя, — вполне вероятно, что изначально отдельные бляхи с когтевидными пальцами-отростками также воспринимались полисемантично. В какой-то момент времени (не позднее второй половины V в. до н. э.) образ хищных когтей / лосиных или оленьих рогов обретает самостоятельный характер. В пользу трактовки данного образа, в том числе и как рогов, свидетельствует вторичное использование одного из изделий и его «переделка» в изображение головы оленя (№ 388 Каталога).

В конце нашего обзора обратим внимание на оригинальные изображения когтистой лапы фантастического зверя из окрестностей Александровки и Юго-

Восточного Крыма (№ 351, 352 Каталога). Здесь представлена лапа с четырьмя пальцами, оканчивающимися острыми когтями. Пальцы разомкнуты, хорошо показаны фаланги. После публикации бляхи из Александровки аналогичное изображение было обнаружено на поселении Барвинкова гора, в непосредственной близости от Большого укрепления Бельского городища, в паханом грунте, вне культурного слоя. Информация еще об одной бляхе была размещена на интернет ресурсе domongol.org; скорее всего, она происходит с территории Полтавской области, однако об условиях её обнаружения данных нет (*Шапорда, Штанько, Овчаренко, 2016, с. 145, 148; рис. 5: 1*). Эти находки дают основание сделать вывод о том, что данное изображение представляет собой самостоятельный оригинальный тип, непохожий ни на один из известных, т. е. о существовании отдельной линии изображений лапы фантастического зверя, получившей развитие в Крыму и Левобережной Лесостепи.

Завершая обзор репертуара и особенностей изображений звериного стиля, представленных в Каталоге, и, в целом, на Крымском полуострове, необходимо сделать следующие выводы.

Проведя всесторонний анализ изображений, выполненных в традициях скифского звериного стиля, происходящих с территории Крыма, А.Р. Канторович приходит к двум основным выводам. Во-первых, это крайняя образно-видовая эклектичность репертуара и отсутствие стилистического единства, что не позволяет говорить о крымском локальном варианте или субварианте в рамках восточноевропейского скифского звериного стиля (*Канторович, 2017, с. 174*). Во-вторых, периферийность крымского региона в рамках общего развития восточноевропейского скифского звериного стиля (*Канторович, 2017, с. 176*). Тезис об эклектичности подтверждают, по его мнению, и предметы, опубликованные в первом издании «Скифских древностей Крыма» (*Канторович, 2019, с. 447*).

В целом, будучи солидарными с первым тезисом уважаемого коллеги, мы категорически не согласны со вторым.

Действительно, ни артефакты, обнаруженные и зафиксированные до 2014 г., ни предметы, опубликованные нами в 2014 г., а также в этом издании, не дают возможности выделить локальный вариант скифского звериного стиля Крыма, если под таковым понимать специфический репертуар, иконографию и стилистику, получившую распространение на ограниченной территории. Однако здесь необходимо сделать принципиальную оговорку. Расширение источниковой базы всё более нивелирует различия между регионами Скифии, выделеными исследователями в прошлом веке (*Граков, Мелюкова, 1954, с. 64—91; Шкурко, 1976, с. 90—106*). По мере накопления материала всё большее количество образов, их иконографических и стилистических трактовок обнаруживают общескифский характер, нивелируя региональные отличия. При этом не подлежит сомнению факт наличия *локальных особенностей* скифского звериного стиля в различных регионах «Геродотова квадрата» — в Правобережной и Левобережной Лесостепи (а в рамках последней — в Посулье и Поворсклье), Степи, Крыму, Предкавказье. Это определяется, в первую очередь, спецификой разработки и развития тех или иных общескифских образов на определённых территориях, а иногда и присутствием на них оригинальных локальных образов и изображений. Именно на таких особенностях крымского звериного стиля мы подробнее остановимся ниже.

Что касается тезиса о периферийности, то, по нашему мнению, и наработанный до 2014 г. материал исследований, и публикации этого Каталога опровергают его.

Рассмотрим совокупности представленного в Каталоге материала в хронологической последовательности.

В скифологии стало почти традицией рассматривать образы свернувшегося хищника и бараноптицы с Темир-Горы

(третья четверть VII в. до н. э.) чуть ли не в качестве единичных исключений, свидетельствующих, якобы, о случайном и эпизодическом проникновении скифов на территорию полуострова в эпоху архаики. Однако серия крымских находок второй половины VII — VI вв. до н. э., приводимых в нашей работе (в их числе клювовидные и барановидные пронизи-распределители ремней конской узды, шесть орлиноголовых бутеролей от ножен, фрагменты бронзовых псалиев в виде головы барана и копыта, бляшки в виде головок быка), неопровержимо свидетельствуют о том, что упомянутые изделия с Темир-Горы были достаточно типичными для скифских древностей Крыма указанного времени. Более того, на полуострове есть еще более ранние (хотя и немногочисленные) находки скифской культуры, о чём речь пойдёт далее.

Переходное время и классическая эпоха на территории Крыма представлены более масштабно рядом магистральных направлений. К ним относятся: свернувшийся волчий хищник, полнофигурные и редуцированные образы лося, однотипные головки хищников в профиль и фас, головки хищных птиц в профиль, кабаньи головы, обособленные конечности хищников различных типов. Приведенная выше статистика скифских образов с территории полуострова в сопоставлении с общей статистикой восточноевропейского звериного стиля демонстрирует, что в Крыму были хорошо представлены ведущие образы скифского искусства. В этой связи вряд ли имеет смысл говорить о периферийности звериного стиля Крыма по отношению к другим территориям Скифии и Кавказа.

Безусловный интерес представляют особенности скифского звериного стиля Крыма. На основании всего известного на данный момент материала тезис об эклектичности скифского звериного стиля Крыма выглядит вполне обоснованным. Более того, такая эклектичность представляется закономерной, учитывая географическое положение полуострова. Э.В. Яковенко в докторской диссертации выдвинула гипотезу о существовании «торного пути», соединявшего район Северного Кавказа с Балкано-Дунайским регионом и Лесостепным Поднепровьем еще с предскифского времени и проходившего через территорию Крыма (*Яковенко, 1985, с. 4, 17*). Схожую гипотезу развивает и М.Ю. Вахтина, акцентируя внимание на значении Крыма как транзитной территории, соединявшей Прикубанье и Северное Причерноморье в раннескифское время (*Вахтина, 1989, с. 78*). Мы также попытались определить роль Крыма в контексте скифских миграций эпохи архаики, опираясь, в основном, на анализ предметов звериного стиля (*Зимовец, 2017*). Эклектичность крымского звериного стиля — одно из подтверждений значения региона в продвижении ранних скифов из Предкавказья в Северопричерноморскую Степь и Лесостепь, а также сезонных миграций разных групп кочевников в более позднее время.

Несмотря на разнообразие репертуара, иконографии и стилистики звериного стиля Крыма, на территории полуострова присутствует ряд эталонных изображений, представляющих собой иконографическое ядро определенных образов и типов, получивших широкое распространение в Скифии. Принимая во внимание стилистику и статистику изображений, к ним необходимо отнести: *редуцированные изображения орлиноголовых грифонов* на мелких бляшках (тип Грищенцы—Ольвия), а также на наносниках (типы Гайманово—Солоха и Чертомлык—Уляп); *редуцированные изображения птиц* на мелких бляшках (Ковалевско-басовского типа) и на наносниках (типы Гайманово—Пастырское и Цимбали—Будковка); *полнофигурные изображения лося* (тип Журовка—Ольвия); изображения *ажурной лосиной головы с рогами в виде противопоставленных птичьих головок* (тип Нимфей—Журовка); *лаконичной безрогой лосиной головки* (тип Аксютинцы—Басовка); *головки кабанов* — как реалистично-декоративные, так и лаконичные (типы Бабино—Семибратненский

и Нимфей—Днепрянка); *свернувшихся волчьих хищников* (тип Кулаково—Ковалево); *редуцированные профильные изображения неопределенного хищника* (тип Нимфей—Журовка); а также *кошачьего хищника в фас* (типы Берестняги—Солоха и Бельск—Аксютинцы); *бедра и двух лап хищной птицы или грифона* (тип Тузла—Бобрица); а также *редуцированные конечности* типов Ак-Бурун—Острая могила, Ак-Бурун—Корнеевка и Солоха—Чертомлык.

Некоторые из перечисленных выше образов довольно однотипны на разных территориях Скифии, в том числе и в Крыму. Однако относительно изображений орлиноголовых грифонов на наносниках, полнофигурного лося и голов кабана мы сталкиваемся с очень богатой и разнообразной стилистической разработкой этих мотивов на территории полуострова, что свидетельствует о наличии местных традиций производства соответствующих изделий.

Особенности скифского звериного стиля на территории Крыма проявляются также в наличии ряда оригинальных образов и изображений, связанных исключительно с территорией полуострова.

Во-первых, это три оригинальных изображения головы лося с рогами-гребнем — видимо, контаминация образов лося и верблюда.

Во-вторых, нащечники из Нимфейского и Акташского могильников, представляющие собой амбивалентные изображения конечностей хищной птицы или грифона и лосиной головы. В Каталоге также приведён ряд фрагментов, которые, с высокой долей вероятности, принадлежали изображениям типа Нимфей—Акташ. Этот образ подвергся вторичной редукции и послужил прототипом для серии блях в виде когтей хищной птицы или грифона / рогов лося или оленя, представленной в Крыму шестью экземплярами. Обособленные конечности хищника с мыса Ак-Бурун и Юго-Восточного Крыма (№ 349 Каталога) также амбивалентны: при горизонтальном рассмотрении в них читается лосиная голова. *Подобного рода амбивалентные образы обособленных конечностей / голов лосей являются яркой особенностью скифского звериного стиля Крыма.* Также необходимо упомянуть головы лосей — субъектов зооморфных трансформаций ноги и лопатки хищников из кургана Кулаковского. Очевидно, что и полнофигурные, и редуцированные изображения лося имели самобытное и достаточно разнообразное развитие на территории полуострова.

В-третьих, скульптурные изображения голов и, в одном случае, целого хищника на наносниках с двумя отверстиями из Центрального Крыма (№ 324—326 Каталога) также представляют собой самобытное явление в скифском зверином стиле, не имеющее аналогий на других территориях.

В-четвертых, двухфигурные композиции козы с козленком также пока не встречены за пределами полуострова. При том, что отдельно взятые образы горного козла с направленной вперед головой и молодого копытного, также как и двухфигурные композиции старшей и младшей особи, известны в раннескифском искусстве (*Зимовец, 2019*).

В-пятых, бронзовые нащечники в виде полнофигурного оленя, показанного в шаге, со всеми четырьмя ногами, тоже пока не имеют аналогий за пределами Крыма, точнее за границами Керченского полуострова. Мы связали это изображение с Боспором как одним из центров производства предметов для скифской аристократии, в том числе и в традициях скифского звериного стиля. В связи с этим необходимо коснуться такого важного для нашей темы вопроса, как производство предметов скифского звериного стиля в Крыму и в Скифии в целом.

Известно, что на данный момент существуют две противоположные точки зрения на данную проблему. В соответствии с первой, производство предметов скифского звериного стиля было сосредоточено в античных центрах Северного Причерноморья, прежде всего в Ольвии и на Бос-

поре (см., например, *Онайко, 1966, с. 33; Ильинская, 1968, с. 132, 133; Островерхов, 1978*). В соответствии со второй, решающую роль в этом процессе играли именно скифские мастера, проживавшие на городищах лесостепной зоны, либо ведшие кочевой образ жизни (*Шрамко, 1970; 2002; Ольговский, 2014*). Опираясь на исследование скифского звериного стиля Крыма, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, влияние Боспора на локальные особенности крымского звериного стиля не подлежит сомнению. Именно под влиянием искусства боспорских греков на кульобском олене появились наложения в виде грифона, зайца и льва, на колчанной пластине из Ильичево — уникальный сюжет нападения змеи на оленя; на пластинах горита из Дорт-Оба 2 изображены огромная птица, клюющая либо несущая в клюве некое существо (зайца, пантеру?), грифоны и рогатые кони; на скифский звериный стиль здесь лишь намекает сцена терзания и отдельные детали, как уже упомянутая выше когтистая лапа птицы. Что касается бронзовых предметов, то нами уже упоминались наносники с перепончатым гребнем, головки кабанов, выполненные в реалистично-декоративной манере, полнофигурный олень в шаге. И это не говоря о драгоценных предметах из курганов Северного Причерноморья, выполненных в греческих традициях. Большинство исследователей склоняются к версии о том, что местом их производства был именно Боспор (*Трейстер, 1989а, с. 96*).

Однако с таким богатством изделий контрастирует относительно малое количество орудий производства, обнаруженных до сих пор на территории Боспора. Из Пантикапея происходит всего лишь один фрагмент створки литейной формы с геральдическим изображением хищников или грифонов, и не факт, что они выполнены в скифских традициях (*Ольговский, 2014, с. 114; рис. 38*). Остальные же орудия производства — штампы (*Марченко, 1957, с. 164, 166, 167, 163; рис. 2: 7а, 7б, 8а, 8б*) и матрицы (*Трейстер, 1989а*) — предназначены для производства изделий в греческой художественной традиции. Матрицы и штампы, представленные в каталоге, также предназначались для производства изображений, принадлежавших греческой, точнее боспорской художественной традиции, которая в IV—III вв. до н. э. стала для скифов Крыма «своей».

По-другому обстоят дела в Ольвии и её окрестностях. С территории самого полиса, а также с поселений на Березани, в Кошарах и Марицинского могильника происходит целый ряд литейных форм и матриц, предназначенных для производства изделий именно в скифском зверином стиле. И если изображения головы кабана на амфорной ручке из Кошар и лаконичной птичьей головки на двух известняковых матрицах из Ольвии предназначались, скорее всего, для тиснения бляшек из драгоценных металлов (*Трейстер, 1998, с. 135; Канторович, 2015, с. 1225*), то аналогичные изображения птичьих головок на шиферной форме из Ольвии, каменных формах с Березани, хищника и оленя (?) на двух сланцевых формах с той же Березани (*Канторович, 2015, с. 1225; Ольговский, 2014, с. 89; рис. 28*), хищника на шиферной форме из Ольвии (*Гречко, Крутилов, 2010; рис. 1*), головы хищника из Марицинского могильника (*Ольговский, 2014, с. 147; рис. 52*) предназначались для отливки бронзовых бляшек.

Проблема заключается в том, что на прилегающей к Ольвии территории Степного Поднепровья, а также несколько более отдаленной Правобережной Лесостепи, находки бронзовых изделий, соответствующих изображениям в формах, буквально единичны. Что касается лаконичной головки хищной птицы (тип Ковалевка—Басовка), то шесть экземпляров были обнаружены относительно недалеко от Ольвии — в кургане у с. Ковалевка, в Нижнем Побужье (*Ковпаненко, Бунятян, 1978, рис. 1: 38*), один — на Пастырском городище (*Петренко, 1967, табл. 31: 22*). Остальные же — в Крыму (8 экз.) и далёком

Лесостепном Левобережье — Посулье и Поворсклье (11 экз.).

Профильное изображение головы хищника более равномерно распределено по территории Скифии. Однако и здесь наблюдается определенная левобережно-крымская ассиметрия. Ближайшей к Ольвии находкой является бляха из района с. Токмазея на Нижнем Днестре (*Синика, 2017, с. 143; рис. 1*). В Правобережной Лесостепи сконцентрировано 9 экз., в Левобережной — 22 (14 из них в кургане 499 у с. Басовка) и 23 происходит из Крыма (бляхи из кургана 32 Нимфейского некрополя, кургана 1 на землях С.А. Крыма и из разных мест Крыма, приведенные в Каталоге). Еще одно изображение найдено на поселении Голубицкая 2 на Тамани (*Строкин, 2010, с. 463; рис. 4: 47*).

Изделия, которые соответствовали бы полнофигурным изображениям на формах с Березани и Ольвии, пока не обнаружены.

Конечно же, такая неравномерность в обнаружении орудий производства и готовых изделий нуждается в объяснении. Вполне возможно, что украшения конской узды, в частности, лаконичные профильные головки птиц и неопределённых хищников, производились в Ольвии и благодаря налаженным торговым связям достигали относительно далеких регионов Скифии, таких как Лесостепное Левобережье [1]. Однако это предположение вряд ли «работает» по отношению к Крыму. По меткому наблюдению С.Я. Ольговского, «еще ни один исследователь не высказывался относительно зависимости боспорской металлообработки от ольвийской» (*Ольговский, 2014, с. 148*). Действительно, сложно предположить, что скифы Крыма, в том числе его юго-восточной части, заказывали украшения для конской узды у ольвийских мастеров, учитывая разработанность образов тех же профильных головок птиц, кабанов, хищников, которую мы наблюдаем на изделиях, происходящих с территории полуострова, и близость боспорского производственного центра.

Для определения путей решения этой проблемы важны и следующие наблюдения. Матрицы и штампы, опубликованные в Каталоге, происходят из Предгорного Крыма — сидящая богиня, сфинкс, скарабей (№ 537, 539, 540), и побережья Азовского моря на Керченском полуострове — горгона Медуза (№ 538). Хотя последняя, безусловно, связана с территорией Боспора, первые три этой связи лишены. Так же, как и бракованный наносник в виде орлиноголового грифона, происходящий из центральной части полуострова. Это означает, что производство соответствующих изделий не было связано с греческими городами. Оно было приближено к потребителям. Каково было этническое происхождение мастеров, которым принадлежали эти изделия, — вопрос открытый. Это могли быть как греки, работающие по заказу эллинизированной скифской знати, так и, собственно, эллинизированные скифы. Находки орудий производства в разных местах Крыма подтверждают, по крайней мере косвенно, гипотезу С.Я. Ольговского, в соответствии с которой предметы скифского звериного стиля в греческих городах Северного Причерноморья могли изготавливаться бродячими мастерами, которые переходили со своими орудиями производства от одних центров распространения и потребления соответствующих изделий к другим (*Ольговский, 2014, с. 157—160*). Сама кочевая среда, простиравшаяся от лесостепных городищ и поселений на севере до греческих городов побережья Черного моря на юге, способствовала развитию мобильного ремесла, представители которого обслуживали как скифов, так и греков. И Ольвия, и Боспор были для этого ремесла прежде всего удобными логистическими центрами,

[1] Торговые связи Ольвии и Левобережно-Лесостепного Басовского городища подтверждаются находками здесь ольвийских монет — борисфенов, относящихся, правда, уже к несколько более позднему периоду — первой половине III в. до н. э. (*Скорый, Зимовец, 2014*).

где можно было легче раздобыть сырье и сбыть свою продукцию. *Что касается Боспора, то его особая роль, по нашему мнению, заключалась в огромном вкладе в эллинизацию скифского населения Крыма и Северного Причерноморья в IV в. до н. э., которая началась веком ранее именно с территории Крыма.* Частью этого процесса стала и эллинизация скифского искусства звериного стиля, вплоть до полного его растворения в греческой, точнее боспорской, художественной традиции. Вклад Ольвии в эллинизацию скифов, судя по артефактам, оформленным в скифском зверином стиле, был намного слабее. В V в. до н. э. здесь продолжают господствовать традиционные для скифского звериного стиля мотивы и стилистика.

Возвращаясь к описанию общего материала, представленного в Каталоге, в нем можно выделить несколько хронологических групп, две из которых относятся к эпохе скифской архаики.

Наиболее ранняя из них — *первая половина — середина VII в. до н. э.* Она представлена, в первую очередь, немногочисленными предметами вооружения, среди которых: биметаллический меч с рамочной рукоятью, найденный у северных предгорий массива Караби-Яйла, между сёлами Межгорье и Барабаново Белогорского района, и **44** бронзовых двулопастных наконечника стрел с ромбической головкой, так называемого жаботинского типа, из которых два — полуфабрикаты с неудаленными литниками, найденные в окрестностях пгт Морское Судакского района. Двадцать пять наконечников найдены между сёлами Ворон и Междуречье Судакского района. Точное место находки 16 наконечников неизвестно — Юго-Восточный Крым, один экземпляр обнаружен у с. Межгорье.

К этой древнейшей группе находок скифской культуры принадлежат, по всей видимости, и несколько бронзовых деталей от конской уздечки, в числе которых три клювовидных распределителя налобных ремней с обычным загнутым клювом (№ 267—269 Каталога) и, возможно, две замечательные бляшки в виде горного козла (козы) с дополнительным изображением козлёнка (№ 389, 390 Каталога). Впрочем, отнесение последних двух бляшек к конской упряжи является лишь версией.

Захоронений, в которых присутствовали бы столь ранние артефакты скифской материальной культуры, на полуострове не зафиксировано. Как нет их и в коренной Северопричерноморской Степи. По большому счёту, учитывая, что степная часть Крыма является (и являлась в раннем железном веке) естественным южным продолжением степного северопричерноморского ареала, мы вправе трактовать данные находки в качестве пусть и немногочисленного, но древнейшего пласта скифской культуры в степном Северном Причерноморье в целом.

Вторая хронологическая (архаическая) группа — *вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.* — значительно представительнее и по количеству, и по ассортименту находок. Она состоит из **19** акинаков и меча, **8** бронзовых бутеролей от ножен мечей или кинжалов, **55** бронзовых наконечников стрел: прежде всего двулопастные с лавролистной головкой (один из наконечников — полуфабрикат), а также с треугольной головкой, трёхлопастные и трёхгранные экземпляры.

В ней присутствует бóльшее число предметов конской упряжи, в частности, **4** распределительных пряжки-пронизи с рельефно обозначенным клювом, а также **3** украшенные скульптурной головой барана (№ 263—266; 270—272). По-видимому, к деталям конской упряжи относятся и 3 небольшие бляшки: в виде голов быка в фас и профиль (№ 443, 444 Каталога) и отломанной весьма реалистичной головки горного козла (№ 396 Каталога). К этой же группе необходимо отнести и 2 псалия, украшенных головкой барана и конским копытом с V-образной фигурой (№ 256, 257 Каталога).

Третья хронологическая группа — *вторая половина VI — V вв. до н. э.* (её обычно

определяют в качестве среднескифской группы) — примечательна не столько количеством и разнообразием предметов вооружения, сколько резким, на порядки, увеличением числа и состава деталей конской упряжи. Действительно для этого времени в коллекции отмечено лишь **14** акинаков, меч и **23** экз. наконечников стрел. Но, наряду с этим, присутствует группа культовых предметов — бронзовые навершия, топорики-скипетры, железные ножи, украшенные в традициях скифского звериного стиля. К этому периоду принадлежат немногочисленные псалии, серия выразительных нащёчных блях, налобники, ряд наносников, более **100** маленьких блях — украшений конского оголовья.

Четвёртая хронологическая группа — *конец V — начало III вв. до н. э.* — также интересна, прежде всего, расширением ассортимента артефактов скифской материальной культуры. Предметов вооружения в ней немного — один меч и **19** наконечников стрел (из которых 10 — костяные). Однако к данному времени относятся такие, редко встречаемые в Северном Причерноморье, аксессуары скифского воинского костюма как пряжки-крючки горитов (колчанов) или портупеи, поясные пряжки в виде скачущего всадника или лошади, а также предметы, связанные, по-видимому, с работой эллинских торевтов, производивших свою продукцию на заказ для скифской элиты — бронзовые матрицы и штампы. Довольно разнообразны для этой группы детали конской упряжи, прежде всего замечательная серия конских наносников и маленьких блях. Ряд из них оригинален и не имеет аналогий не только в скифских древностях Крыма, но и в степной, и лесостепной областях Восточной Европы.

Подчеркнём, что ко времени этих двух хронологических групп (особенно четвёртой) относится довольно значительное число погребальных памятников скифов на полуострове.

Несмотря на то, что многие предметы, составляющие коллекцию, обнаружены в разных пунктах Крыма, несомненно, на-

Карта основных мест концентрации находок, представленных в Каталоге (укрупнённо)

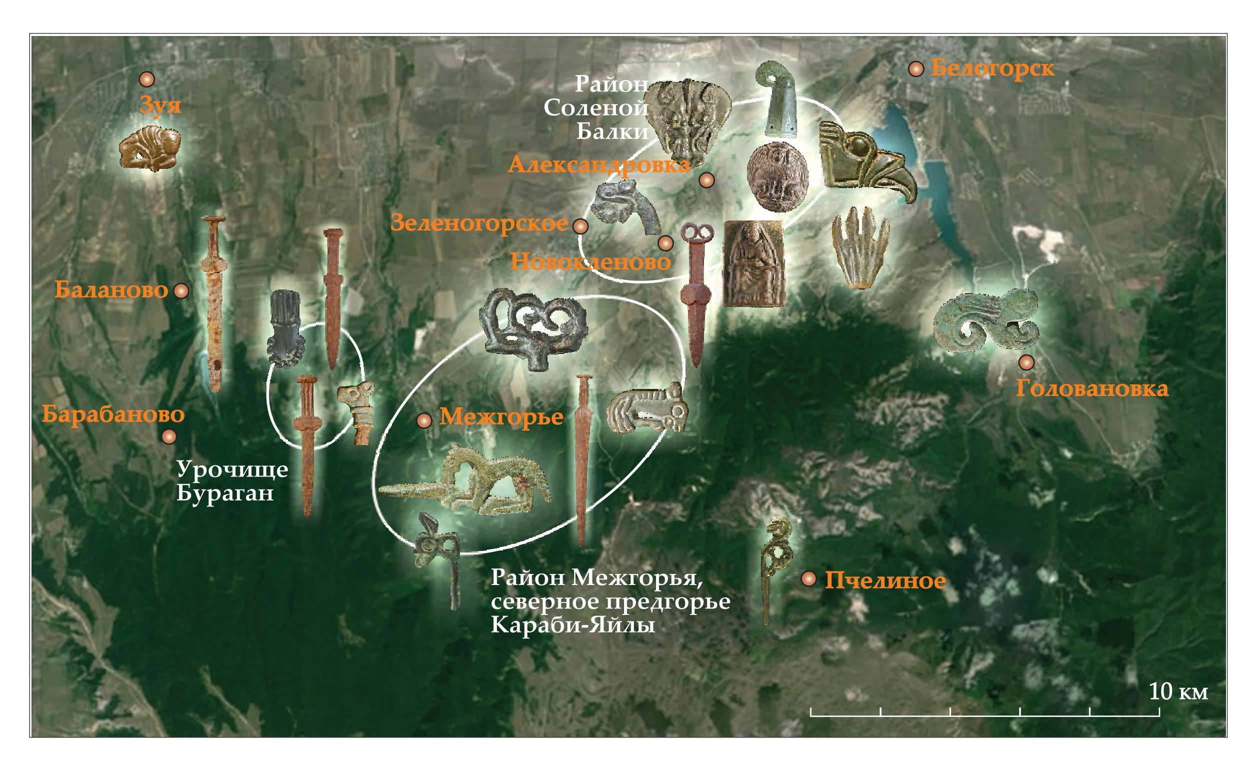

Район Межгорья и северного предгорья массива Караби-Яйла

блюдается концентрация значительного их числа в совершенно определённых местах, начиная от эпохи архаики и на протяжении всего скифского периода. К таковым, на наш взгляд, прежде всего, относятся три географических района Центральной и Внутренней гряды Крымских гор, расположенные по линии с запада на восток. Это район современного с. Межгорье, в северных предгорьях массива Караби-Яйла, доминирующего над окружающей местностью (высота над уровнем моря в районе с. Межгорье — 380 м, на Караби-Яйла — максимальная высота более 1100 м), горный массив Кубалач (восточная часть внутренней гряды Крымских гор, высота над уровнем моря 738 м) и горный массив Агармыш близ Старого Крыма (самая восточная часть внутренней гряды Крымских гор, высота над уровнем моря 722 м) [1]. Иными словами, именно в этих доминирующих над окружающими местностями Центрального и Юго-Восточного Крыма пунктах и наблюдается сосредоточение ярких артефактов скифской культуры, начиная от древнейших образцов (серия акинаков, в том числе биметаллический меч с рамочной рукоятью конца VIII — первой половины VII в. до н. э., ранние наконечники стрел, отдельные детали конской упряжи) и заканчивая изделиями IV — начала III вв. до н. э.

Характер преобладающего числа находок, составляющих Каталог, их хронологические позиции, выразительная концентрация части артефактов скифской культуры в определённых районах Центрального и Юго-Восточного Крыма позволяют высказать некоторые соображения по отдельным аспектам истории полуострова в скифскую эпоху. Древнейшие находки скифской культуры — упомянутые биметаллический меч с рамочной рукоятью (между сёлами Межгорье и Барабаново, у северного предгорья массива Караби-Яйла), ряд архаических наконечников так называемого жаботинского типа (Юго-

[1] По нашим сведениям, в районе горного массива Агармыш в последние годы найдены акинаки, бронзовые наконечники стрел и детали конской упряжи, которые, увы, не попали в настоящее собрание.

Район Белогорска и горный массив Кубалач

Горный массив Агармыш — Присивашская Степь

Восточный Крым; с. Межгорье и особенно в районе сёл Ворон и Междуречье Судакского района), некоторые детали конской узды (налобные распределители, иные бронзовые детали конского снаряжения), на наш взгляд, недвусмысленно свидетельствуют о проникновении на полуостров, вплоть до Крымских гор, не позднее первой половины VII в. до н. э. какой-то группы воинственных кочевников. И хотя нам пока не известны погребения этого времени, отрицать этот факт нет оснований. Мало того, находки двух наконечников стрел со следами неудалённых литников, т. е. полуфабрикатов, подтверждающих местное производство стрел жаботинского типа, как будто говорят в пользу не эпизодического рейда номадов на указанную территорию, а определённого временного пребывания их на полуострове. Эта ситуация вполне вписывается в контекст ныне хорошо выделяемой по погребальным памятникам (в основном южных пределов украинской Правобережной Лесостепи, степных районов Прикубанья, лесостепных и предгорных районов Северного Кавказа) *первой волны* азиатских кочевников, принесших в Восточную Европу элементы древнейшей скифской культуры (подробно об этом: *Скорый, 2003, с. 73—77*). Учитывая географическую близость Крыма и Прикубанья, мы вправе предположить, что древнейшие кочевники пришли на полуостров с указанной территории. Значительное количество наконечников жаботинского типа (более 200 экз., в нашей коллекции — 25 из них), с изогнутыми в ряде случаев остриями, происходящих из находок у сёл Ворон и Междуречье, на стыке с гористой крымской местностью, похоже, свидетельствуют о серьёзных боевых действиях, которые велись скифами первой волны. Учитывая место обнаружения находок вблизи скалистых массивов, противниками древнейших скифов могли быть местные горные племена так называемой кизил-кобинской культуры — древнейшие тавры (*Скорый, Зимовец, 2015; Зимовец, 2017, с. 133*).

Концентрация многочисленных и разнообразных акссесуаров воинского быта скифов — оружия, предметов конской упряжи со второй половины — конца VII в. до н. э. и до рубежа IV—III вв. до н. э., т. е. на протяжении, по сути, всего скифского периода, прежде всего, в наиболее высоких местах горных массивов Юго-Восточного Крыма — на Кубалаче, Агармыше, и у подножья величественного плато Караби-Яйла, по нашему представлению отнюдь не случайно. Каковы же были причины продвижения скифов-конников в высокие гористые места? На этот счёт можно высказать лишь предположение, что мы и сделали в ряде изданных работ (*Скорый, Зимовец, 2015; Зимовец, 2017*). Примечательно, что ни на Агармыше, ни на Кубалаче не выявлено погребений, относящихся к скифской классической культуре. Поэтому, на наш взгляд, наличие в первую очередь значительного количества клинкового оружия и архаических наконечников стрел можно квалифицировать как потери во время боевых столкновений с горцами-таврами. Большое число оружия свидетельствует о масштабности военных акций, а также об их длительном характере. Время основного скифского натиска можно отнести ко второй половине VII — VI вв. до н. э.

В восточной части Крымских гор Внешняя гряда постепенно сходит на нет. Таким образом, горный массив Агармыш — восточное окончание Внутренней гряды (722 м над уровнем моря) — непосредственно граничит со Степью, являясь первой естественной преградой на пути с востока и севера к южной и западной оконечностям полуострова. Такой же естественной преградой был и горный массив Кубалач (738 м над уровнем моря). Внешняя гряда, отделенная от него межгрядным понижением, здесь полога и не представляет сложности для продвижения. Контроль над этими массивами, а точнее определёнными их участками — проходами и перевалами, очевидно давал одновременно контроль над межгрядным

понижением — от современной Феодосии до Старого Крыма и далее вплоть до долины р. Биюк-Карасу, а также выход к горным дорогам, ведущим к побережью, иными словами, имел для кочевников стратегическое значение.

Также необходимо отметить, что с вершины Агармыша отлично просматривается южная часть Присивашской степи (вплоть до озера Сиваш, косы Арабатская Стрелка и Азовского моря), а также полностью (от Азовского до Чёрного моря) Акмонайский перешеек — самая узкая часть Керченского полуострова. Таким образом, присутствие на Агармыше позволяло контролировать любое перемещение более или менее крупных пеших и конных групп между Керченским полуостровом и основной частью Крыма как по Присивашью, так и по путям, ведущим в горную часть. По большому счёту, владение этими доминирующими над степными равнинами высотами давало возможность практически полного контроля над транзитным путём из Предкавказья через Боспор Киммерийский и Керченский полуостров к Перекопу и далее в Поднепровье — основным маршрутом скифских передвижений, в частности, в архаическое время (*Скорый, Зимовец, 2015, с. 39; Зимовец, 2017, с. 134*).

По-видимому, попытки закрепиться на указанных горных массивах сопровождались военными столкновениями с горцами, чем и объясняется столь значительное количество утраченного скифского оружия и деталей конской упряжи в гористой местности. Например, на Кубалаче все без исключения акинаки и большинство деталей конской узды найдены *на вершинах гор или их склонах*, порой на значительном расстоянии друг от друга. По этой причине недавно высказанное мнение о том, что найденные артефакты, представленные в коллекции, в частности изделия в зверином стиле, локализуют некий «центр / центры производства или хранения изделий в зверином стиле — возможно, с какими-то святилищами или храмовыми сокровищами (?)» (*Канторович, 2019, с. 430, 431*) не убедительно. Находки, как уже подчёркивалось, фиксируются на довольно большой площади (на том же Кубалаче), без какой-либо концентрации в конкретных местах.

К слову сказать, мы вовсе не исключаем, что подобные военные мероприятия имели место и в более раннее, предскифское время, когда противниками местных горских племён являлись степняки-киммерийцы. Во всяком случае, на эту мысль наводят находки, например, на горном массиве Кубалач, бронзовых двукольчатых удил новочеркасского типа, клинкового оружия, ряда наконечников стрел, свойственных материальной культуре степняков предскифского времени, а также бронзовых изделий кавказского (кобанского) облика.

Отдельные артефакты, вошедшие в «Крымскую коллекцию» (особенно дополнившие её после реставрации), расширяют наши представления о некоторых сферах социальной и религиозно-мифологической жизни населения раннего железного века Крыма.

Так, присутствующая в составе коллекции группа бронзовых бляшек VI—V вв. до н. э. от конской узды (4 экз.), в виде горных козлов с отрубленными головами (практически все они найдены на достаточно ограниченной территории горного массива Кубалач), по нашему глубокому убеждению, отражает ритуальную практику тавров предгорного и горного Крыма, связанную с охотничьим промыслом, и, возможно, животноводством. Практика «рубки голов» на предметах звериного стиля совершенно не присуща скифам, ибо сами образы копытных (лося, оленя, козла) изображались чаще всего с подогнутыми ногами, т. е. изначально в ритуальной, жертвенной позе (*Скорый, Зимовец, 2015*).

Чрезвычайно интересными и довольно представительными для такой небольшой территории как Крымский полуостров стали находки в виде бронзовых топори-

ков-скипетров (4 экз., VI—V вв. до н. э.) и поясных пряжек (3 экз., IV в. до н. э.).

Топорики-скипетры (а некоторые из них фиксируются уже в предскифское время), украшенные конскими головами или головками хищных птиц, известны в довольно обширном регионе номадических культур или территорий, на которых встречаются древности кочевнического облика. Их вполне убедительно трактуют как некие знаки или штандарты военачальников у номадов, в том числе скифов. Есть мнение, что данные представители знати могли принадлежать к социальному рангу «скипетроносцев» в среде скифской воинской аристократии, о которых упоминается в античных нарративных источниках (*Ильинская, 1965, с. 208*).

Бронзовые поясные пряжки, оформленные в виде скачущего всадника или лошади, достоверно известны пока только на территории Крымского полуострова, т. е. похоже, что они являются одной из особенностей скифской всаднической культуры данного региона Северного Причерноморья. Полагаем, что названные бронзовые поясные пряжки — социально престижные индикаторы определённой группы скифского воинства (*Скорый, 2013, с. 54*).

Разумеется, к числу важнейших предметов, представленных в Каталоге, относятся великолепные находки IV в. до н. э. — бронзовые матрицы и штампы для изготовления аппликаций из драгоценных металлов (4 экз.). Напомним, что матрица — фигура Деметры и штамп — сфинкс обнаружены на поселениях у сёл Александровка и Межгорье Белогорского района, примерно в 10 км друг от друга. Эти селища расположены на небольшом расстоянии от элитных скифских некрополей на горном массиве Ак-Кая близ Белогорска. Так, от селища у с. Александровка до упомянутых могильников около 10 км по прямой линии.

Есть основания думать, что на указанных селищах временно обитали греческие либо эллинизированные скифские торевты, работавшие на заказ знати скифского объединения, локализующегося в центральной части полуострова. Иными словами, этот факт вносит новый нюанс в широкий спектр взаимоотношений кочевников с эллинским миром на позднем этапе истории классических скифов Крыма.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Агульников С., Савва Е. Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинэу: CEP USM, 204. 243 с.

Алексеев А.Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии в V в. до н. э. *АСГЭ*. 1991. № 31. С. 43—57.

Алексеев А.Ю. Уникальные украшения конской узды из Александропольского кургана. *Петербургский археологический вестник*. 1993. № 6. С. 72—75.

Алексеев А.Ю. Скифское погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И.Е. Забелина в 1868 году). *АСГЭ*. 1995. № 32. С. 53—59.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. СПб., 2003. 416 с.

Алексеев А.Ю. Гадания у алтарей скифского Ареса. *Европейская Сарматия: Сб., посвящённый Марку Борисовичу Щукину*. СПб., 2011. С. 61—66.

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012. 271 с.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев, 1991. 415 с.

Алексеева И.Л., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифское погребение у г. Арциз. *Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимодействия античной и варварских культур (IV в. до н. э. — IV в. н. э.). Материалы полевого семинара*. Тирасполь: ПГУ, 1997. С. 48—55.

Андрух С.И. Погребение раннескифского воина в Присивашье. *СА*. 1988. № 1. С. 159—170.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев: Наук. думка, 1977. 179 с.

Артамонов М.И. Этногеография Скифии. *Уч. зап. ЛГУ*. 1949. Вып. 13. С. 129—172.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград, 1966. 306 с.

Археологические исследования в РСФСР за 1934—36 гг. Москва, 1941. 328 с.

Бабенко Л.І. Спорядження коня у населення сіверськодонецького регіону (за матеріалами поховальних пам'яток V ст. до н. е.). *Проблемы археологии Восточной Европы: К 85-летию Бориса Андреевича Шрамко*. Харьков, 2008. С. 28—38.

Бабенко Л.И. Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине. *Эпоха раннего железа: Сб. науч. трудов к 60-летию С.А. Скорого*. Киев; Полтава, 2009. С. 19—29.

Бабенко Л.И. Об атрибуции уздечных блях из Перещепинского курганного могильника. *Феномен Більського городища 2014. До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та 80-річчя від дня народження видатного українського археолога професора Є.В. Черненка*. Київ; Полтава, 2014. С. 18—21.

Бандуровский А.В. Ольвия как один из центров производства изделий в зверином стиле. *АВУ* 2000—2001 pp. Киев, 2002. С. 89—90.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени. Северскодонецкий вариант. Киев: ИА НАН Украины, 2000. 244 с.

Батчаев В.М. Древности скифского времени у селения Нартан. *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг.* Нальчик, 1985. Т. 2. С. 19—115.

Белозор В.П., Скорый С.А. Архаический скифский меч из Киева. *СА*. 1985. № 1. С. 255—256.

Березуцкий В.Д., Маликов А.В. Находка изделия в зверином стиле с окраины г. Воронежа. *Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции*. Липецк: ТД НК / ЛипецГПИ, 1999.

Беренбейм Д.Я. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря. *СА*. 1959. № 4. С. 42—52.

Берест Ю.М., Гречко Д.С., Корост І.І. До проблеми збереження північної частини Більського археологічного комплексу. *Старожитності Лівобережжя Дніпра*. Київ-Котельва, 2018. С. 8—13.

Бессонова С.С. Погребение IV в. до н. э. из Трёхбратнего кургана. *Скифские древности*. Киев: Наук. думка, 1973. С. 243—252.

Бессонова С.С. Крылатый конь — гиппокамп — морской конек и скифский Посейдон. *Старожитності степного Причорномор'я і Криму*. XI. Запоріжжя, 2004. С. 25—30.

Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наук. думка, 1988. 219 с.

Бессонова С.С., Быковская Н.В., Детерлинг Й. и др. Трёхбратние курганы: курганная группа второй половины IV — III вв. до н. э. в Восточном Крыму. Симферополь; Бонн: Универсум, 2008. 288 с. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе).

Бессонова С.С., Кирилин Д.С. Надгробный рельеф из Трёхбратнего кургана. *Скифские древности*. Киев: Наук. думка, 1977. С. 128—139.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму. *СА*. 1986. № 4. С. 158—170.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.). Киев; Краков, 2001. 156 с. + 86 табл. илл.

Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А. Курганы у с. Филатовка. *Курганы Степного Крыма*. Киев: Наук. думка, 1984. С. 41—68.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012. 752 с.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. Курганный могильник в урочище Носаки. *Курганные могильники Рясные могилы и Носаки*. Киев: Наук. думка, 1977. С. 61—158.

Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2: Дневники раскопок 1887—1889 гг. СПб.: Типография В.С. Балашева и Ко, 1894. 233 с.; 30 табл.

Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1901. Т. 3. 171 с.

Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII—IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха

(Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001. 142 с.
Бокій Н.М. Нові пам'ятки скіфського звіриного стилю в Кіровоградщини. *Археологія*. 1970. XXIII. С. 182—193.
Болтрик Ю.В. Повозки как показатель целостности комплекса скифского кургана. *Эпоха раннего железа: Сб. науч. трудов к 60-летию С.А. Скорого*. Киев; Полтава, 2009. С. 39—47.
Болтрик Ю.В., Вознесенська Г.О., Фіалко О.Є. Залізний кинджал із Трахтемирівського городища. *Археологія*. 2003. № 2. С. 101—108.
Болтрик Ю.В., Ліфантій О.В. Виготовлення золотих аплікацій костюму в Скіфії (пуансон з Кам'янського городища). *Археологія та етнологія Півдня Східної Європи*. Дніпро: Ліра, 2016. С. 217—227.
Болтрик Ю.В., Савовский И.П. Курган Плоская Могила. *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наук. думка, 1991. С. 98—107.
Болтрик Ю.В., Фіалко О.Е. Останні дослідження кургану Чмирева Могила. *АДІУ*. 2012. Вип. 8. С. 50—57.
Братченко С.Н., Швецов М.Л., Дубовская О.Р. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца. *СА*. 1981. № 1. С. 170—177.
Брашинский И.Б. Результаты раскопок Елизаветовского городища и могильника. *АО за 1979 г.* Москва: Наука, 1980. С. 99—100.
Бруяко И.В. Ранние кочевники в Европе X—V вв. до Р. Х. Кишинёв, 2005. 358 с.
Бунятян Е.П. Курганная группа Шевченко III. *Курганы Южной Херсонщины*. Киев: Наук. думка, 1977. С. 97—128.
Бурков С.Б., Маслов В.Е. Воинские погребения из курганов у станицы Ассиновской. *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. МИАР*. 2007. 8. С. 295—320.
Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Курганы на мысе Ак-Бурун. Юз-Оба. *Курганный некрополь аристократии Боспора*. Т. II. Симферополь-Керчь, 2014. 184 с.
Вальчак С.Б. Предметы эпохи поздней бронзы — раннего железа из коллекций Восточной Украины и их аналогии. *АЛЛУ*. 1998. № 1—2. С. 19—22.
Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на Юге Восточной Европы. Москва: Таус, 2009. 292 с.
Вальчак С.Б. Рецензия на: С.А. Скорый, Р.В. Зимовец. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. 180 с. *Археологія*. 2015. № 3. С. 135—136.
Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие. *Археологические вести*. 2004. Вып. 11. С. 275—297.
Васильев С.В. Предметы неизвестного назначения из фондов Казанского музея. *Евразия сквозь века*. СПб., 2001. С. 77—80.
Вахтина М.Ю. О начале распространения южноиталийского керамического импорта в варварском мире Северного Причерноморья. *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников*. СПб., 2004. С. 204—211.
Вахтина М.Ю. Боспорская элита до эпохи Спартокидов. *Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени*. Керчь: Керченская городская типография, 2017. С. 25 — 111.
Величко Е.А., Полидович Ю.Б. Золотые находки из «Никопольских курганов» в коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко. *АДІУ*. 2018. Вип. 2 (27). С. 138—154.
Веселовский Н.И. Скифский всадник. *ИТУАК*. 1891. № 14. С. 81—83.
Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. 389 с.
Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи. *Скифия и Кавказ*. Киев: Наук. думка, 1980. С. 184—199.
Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья. Проблемы скифской археологии. *МИА*. 1971. № 177. С. 197—208.
Власова Е.В. Древности эллинские и местные. Античное наследие Кубани: в 3-х т. Т. 3. Москва: Наука, 2010. С. 198—262.
Власова Е.В. Куль-Оба. Кто погребён? *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрёстке*. СПб., 2013. С. 96—99.
Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н. э. Владикавказ, 2002. 181 с.
Вольная Г.Н. Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле. *РА*. 2015. № 1. С. 19—31.
Ворошилов А.Н. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги. *РА*. 2007. № 3. С. 150—156.
Вязьмитина М.И. Ранние памятники скифского звериного стиля. *СА*. 1963. № 2. С. 158—170.
Гаврилов А.В. Скифское погребение у с. Фрунзе в Крыму. *Древности Степного Причерноморья и Крыма*. 1993. IV. С. 201—205.
Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004. 368 с.
Гаврилов А.В., Крамаровский М.Г. Курган у с. Кринички в Юго-Восточном Крыму. *Боспорские исследования*. Симферополь, 2001. Вып. 1. С. 23—43.
Гаврилов А.В., Тощев Г.Н. Курганы у с. Молочное в Центральном Крыму. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Київ, 2014. Вип. XVII. С. 34—70.
Гайдукевич В.Ф. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. *СА*. 1940. Т. VI. С. 298—301.
Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. *Степные народы Евразии*. Москва, 1997. Т. I. 270 с. + 44 табл.
Галанина Л.К. Конское снаряжение из коллекции елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н.И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.). *АСГЭ*. 2010. Вып. 38. С. 107—122.
Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре. *МИА*. 1954. № 36. 238 с.

Граков Б.Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. *МИА*. 1962. № 115. С. 56—114.
Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. Москва, 1980а.
Грач А.Д. Резные композиции в искусстве Тувы скифского времени. *Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев*. Кызыл, 1980б. С. 71—76.
Гребенников Ю.С., Недопако Д.П. Скифский меч с Южного Побужья. *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наук. думка,1984. С. 126—128.
Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. Київ: ІА НАН України, 2010. 286 с.
Гречко Д.С., Крутилов В.В. Новая литейная форма из Ольвии. *Боспорские чтения*. Вып. XI. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы*. Керчь, 2010. С. 96—101.
Гудкова А.В. Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье. *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наук. думка, 1978. С. 182—193.
Гуляев В.И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). Москва, 2010. 343 с.
Гуляев В.И. О некоторых мотивах звериного стиля в искусстве населения Среднего Дона скифской эпохи. *Восточноевропейские древности*. Воронеж, 2012. С. 125—154.
Гуляев В.И. Рецензия на: С. Скорый, Р. Зимовец. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев, 2014. 180 с. *Восток. Афроазийские общества: история и современность*. 2016. № 5. С. 205—208.
Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. Москва, 2016а. 102 с.
Гуляев В.И. Савченко Е.И. Новый памятник скифской эпохи на Среднем Дону. *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг.* Москва: ИА РАН, 2004. С. 35—52.
Гуцал А.Ф. Скіфські кинджали з Поділля. *Наукові праці Камянець-Подільского державного університету*. Камянець-Подільский, 2004. № 12. С. 43—47.
Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане. *РА*. 2010. № 2. С. 51—66.
Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. *САИ*. Вып. Д1-7. 1991. 75 с.
Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013. 902 с.
Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999. 138 с.
Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854. Т. I. 280 с. + CLIV.
Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854. Т. II. 340 с.
Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1866. Вып. 1. 28 с. + атлас.
Дударев С.Л. Новые комплексы позднейшего предскифского времени с Северного Кавказа. *Сборник научных трудов С.Л. Дударева*. Москва, 2011. С. 155—170.
Дударев С.Л. Новые данные о кавказском генезисе акинаков. *Сборник научных работ С.Л. Дударева*. Москва, 2011. С. 223—227.
Дударев С.Л. Могильник «Лермонтовская скала (у реки)» — памятник раннего железного века Пятигорья. *Сборник научных работ С.Л. Дударева*. Москва, 2011. С. 233—260.
Дударев С.Л. Комплекс вооружения и конской сбруи из Пятигорского краеведческого музея. *Сборник научных работ С.Л. Дударева*. Москва, 2011. С. 261—265.
Евдокимов Г.Л., Мурзин В.Ю. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области. *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наук. думка, 1984. С. 75—82.
Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наук. думка, 1987. С. 85—115.
Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине. *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наук. думка, 1991. С. 72—97.
Журавлёв Д.В., Новикова Е.И., Шемаханская М.С. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. *Историко-технологическое исследование. Труды ГИМ*. Вып. 200. Москва, 2014. 352 с.
Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Ленинград, 1983. 190 с.
Зарайская Н.П., Привалов А.И. Скифские памятники Шевченковского могильника. *Донецкий археологический сборник*. 1992. № 2. С. 118—160.
Зимовец Р.В. Об одном условном полисемантическом образе в скифском искусстве звериного стиля. *АДІУ*. 2015. Вип. 2 (15). С. 55—64.
Зимовец Р.В. Крым в контексте раннескифских миграций (по материалам звериного стиля). *АДІУ*. 2017. Вип. 2 (23). С. 118—136.
Зимовец Р.В. Скифский звериный стиль эпохи архаики в Крыму: статистики, репертуар, особенности. *Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ*. 2017а. № 8. С. 94—106.
Зимовец Р.В. Многофигурная композиция в виде головы хищной птицы: новый образец звериного стиля с территории Крыма. *Revista archeologică*. 2018. XIV. № 1. С. 84—92.
Зимовец Р.В. Общее в специфике звериного стиля Левобережной Лесостепи и Крыма. *Проблеми історії та археології України*. Харків, 2018а. С. 17.
Зимовец Р.В. Двухфигурные композиции в скифском искусстве звериного стиля. *История и археология Семиречья*. 2019. № 6. С. 118—134.
Зимовец Р.В. Образ кабана в скифском зверином стиле Северного Причерноморья. Внутренняя эволюция и внешние влияния. *АДІУ*. 2019. Вип. 2 (31). С. 409—429.
Зимовец Р.В., Скорый С.А., Окатенко В.А. Бронзовая матрица с Бельского городища: к вопросу

о центральноазиатских мотивах в раннескифском искусстве Северного Причерноморья. *Tyragetia*. 2018. XII. С. 219—236.
Золотые олени Евразии. СПб., 2001. 247 с.
Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. *Степные народы Евразии*. Москва, 2001. Т. II. 324 с.
Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. *МИА*. 1941. № 3. С. 7—50.
Иессен А.А. Несколько бронзовых предметов, найденных в районе станицы Тульской. *СГЭ*. 1955. VIII. С. 31—32.
Ильинская В.А. Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы. *КСИИМК*. 1954. № 54. С. 24—41.
Іллінська В.А. Скіфські сокири. *Археологія*. 1961. XII. С. 27—52.
Іллінська В.А. Про скіфські навершники. *Археологія*. 1963. XV. С. 33—60.
Ильинская В.А. Культовые жезлы скифского и предскифского времени. Новое в советской археологии. *МИА*. № 130. Москва, 1965. С. 206—211.
Ильинская В.А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. *СА*. 1965. № 1. С. 68—107.
Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наук. думка, 1968. 203 с. + 63 табл.
Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н. э. *Скифские древности*. Киев: Наук. думка, 1973. С. 42—63.
Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975. 222 с.
Іллінська В.А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів. *Археологія*. 1973. № 12. С. 13—26.
Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у села Матусов. *Скифия и Кавказ*. Киев: Наук. думка, 1980. С. 31—63.
Ильинская В.А., Горишний П.А. Бронзовая бляха из кургана у села Жовнино. *Скифский мир*. Киев: Наук. думка, 1975. С. 207—210.
Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 г. / ИА НАН Украины; Немец. науч.-исслед. об-во. Киев, 2001. 65 с.
Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2002 г. / ИА НАН Украины; Немец. науч.-исслед. об-во. Киев, 2003. 62 с.
Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV в. н. э. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1970. 64 с.
Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек. *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 1984. С. 84—93.
Канторович А.Р. «Петушки» — один из образов звериного стиля степной Скифии. *Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989—1990 гг.* Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 57—68.
Канторович А.Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля Степной Скифии. *Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. МИАР. № 1*. Москва, 1997. С. 97—113.
Канторович А.Р. Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница (стилистика и семантика). *РА*. 1998. № 4. С. 78—88.
Канторович А.Р. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ источников и эволюции. *Stratum plus*. 2012. № 3 (Эллинство и иранство). С. 17—71.
Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Крыма как региональный компонент восточноевропейского скифского звериного стиля (репертуар, хронология и статистические показатели). *«И музой его была наука». Сборник памяти В.А. Кореняко (1952—2016)*. Азов, 2017. С. 143—180.
Канторович А.Р. Образно-сюжетный репертуар восточноевропейского звериного стиля: принципы и результаты классификации и кодирования. *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник в честь 70-летия Н.П. Грязнова.* Кишинёв-Тирасполь, 2018. С. 195—222.
Канторович А.Р. Мотивы рыбы и дельфина в восточноевропейском скифском зверином стиле: типология, хронология, истоки. *АДІУ*. 2018а. № 2 (27). С. 101—118.
Канторович А.Р. Образ дельфина в восточноевропейском скифском зверином стиле. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2018б. С. 267—279.
Канторович А.Р. Изображения в скифском зверином стиле на предметах «Крымской коллекции». *АДІУ*. 2019. № 2 (31). С. 430—455.
Канторович А.Р., Эрлих В.Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. Москва, 2006. 232 с.
Капошина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии. *Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. № 50*. Москва, 1956. С. 211—254.
Каталог. Сокровище донских степей. Из собрания Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 2004. 145 с.
Кашаев С.В. Десять лет Таманскому отряду Боспорской экспедиции ИИМК РАН. *Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен»*. СПб., 2008. С. 113—128.
Кашпар А. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведённые проф. Н.И. Веселовским в 1895 г. *ИТУАК*. 1896. Вып. 24. С. 138—150.
Керефов Б.М., Кармов Т.М. Нартан-2. Курганный могильник скифского времени. Нальчик, 2009. 50 с.
Кирилин Д.С. Трёхбратние курганы в районе Тобечикского озера. *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград, 1968. С. 178—188.
Кисель В.А. Священная секира скифов. Об одной находке из Келермесса. СПб., 1997. 110 с.

Кислий О.Є., Скорий С.А. Скіфське поховання V ст. до н. е. поблизу Керчі. *Археологія*. 1990. № 2. С. 128 – 130.
Клочко Л.С. Образ сфінкса в декорі скіфського вбрання. *АДІУ*. 2018. Вип. 2 (27). С. 119 – 130.
Ковалёв Н.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области. *Курганы Степной Скифии*. Киев, 1991. С. 33 – 53.
Ковалёва И.Ф., Мухопад С.Е. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья. *Курганные древности Степного Поднепровья (III – I тыс. до н. э.)*. Днепропетровск, 1979. Вып. 3. С. 112 – 123.
Коваль В.Ю. Археологические раскопки поселения Чокрак-Найман 1. Крым-Таврида. *Археологические исследования в Крыму в 2017 – 2018 гг.* Т. II. Москва: ИА РАН, 2019. С. 87 – 95.
Ковпаненко Г.Т. Погребение VIII – VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы. *КСИА АН УССР*. 1962. Вып. 12. С. 66 – 72.
Ковпаненко Г.Т. Носачівський курган VIII – VII вв. до н. е. *Археологія*. 1966. Т. ХХ. С. 174 – 179.
Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье. *Древности скифов*. Киев: ИА НАН Украины, 1994. С. 41 – 63.
Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П. Скифские курганы у с. Ковалёвка Николаевской области. *Курганы на Южном Буге*. Киев: Наук. думка, 1978. С. 133 – 150.
Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье. *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наук. думка, 1984. С. 39 – 58.
Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. Ольшана: погребение предскифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи. *Stratum plus*. 2003 – 2004. № 3 (Скифия, Фракия и эллинский мир). С. 265 – 288.
Ковпаненко Г.Т., Скорий С.А., Батуревич Е.Ю. Кургани скіфського часу поблизу с. Іванівка на Київщині. *Археологія*. 1996. № 4. С. 101 – 114.
Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В. Скифские курганы на юге Херсонщины. *Скифские древности*. Киев: Наук. думка, 1973. С. 253 – 265.
Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). Москва, 1996. 164 с.
Козенкова В.И. Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграций. *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. МИАР*. Вып. 8. Москва, 2007. С. 258 – 294.
Колосов Ю.Г. Розкопки кургану № 1 на лівому березі Салгиру. *Археологія*. 1961. XII. С. 119 – 128.
Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале раннего железного века. Киев: Южногородские ведомости, 1996. 157 с.
Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь: Сонат, 2000. 119 с.
Колтухов С.Г. Курган Кулаковского. *ХСб*. 1998. IX. С. 17 – 25.
Колтухов С.Г. Золотой Симферопольский курган. *ХСб*. 1999. Х. С. 7 – 20.
Колтухов С.Г. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Запоріжжя, 2005. XII. С. 259 – 299.
Колтухов С.Г. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника. *Древности Боспора*. М., 2006. Т. 9. С. 228 – 259.
Колтухов С.Г. Основное погребение Беш-Оба IV. *Древняя Таврика: Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской*. Симферополь, 2007. С. 193 – 199.
Колтухов С.Г. В поисках Дорт-Обы и Талаевского кургана. *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 16 – 23.
Колтухов С.Г. Основное погребение кургана Беш-Оба 4/2. *Древняя Таврика*. Симферополь, 2008а. С. 193 – 206.
Колтухов С.Г. Случайные находки предскифского и скифского времени из горной и предгорной части Крымского полуострова. *Херсонесский колокол*. Симферополь, 2008б. С. 243 – 250.
Колтухов С.Г. Скифы Крымского Присивашья в VII – IV вв. до н. э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. Симферополь, 2012. 138 с.
Колтухов С.Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII – IV вв. до н. э. (погребальные памятники). *Археологический альманах*. № 27. Донецк, 2012а. 268 с.
Колтухов С.Г. Скифы горной части Крымского полуострова (регион, ресурсы и хозяйственная деятельность, история изучения). *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Київ, 2014. XVII. С. 122 – 153.
Колтухов С.Г. Скифские погребения в урочищах Абдал-Бахчи-Эли. *История и археология Крыма*. Вып. III. Симферополь, 2016. С. 36 – 39.
Колтухов С.Г. Скифы и кизил-кобинская культура (к публикации одной коллекции). *История и археология Крыма*. Вып. V. Симферополь, 2017. С. 46 – 67.
Колтухов С.Г. О времени сооружения кургана Беш-Оба IV/3 Аккайского (Белогорского) курганного могильника. *АДІУ*. 2019. № 2 (31). С. 315 – 319.
Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991 – 1992 гг.). Запорожье, 1994. 122 с.
Колтухов С.Г., Копьева Т.А. Скифский курган IV в. до н. э. на границе Степного и Предгорного Крыма. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Київ, 2017. ХХ. С. 294 – 303.
Колтухов С.Г., Мыц В.Л., Колотухин В.А. Первые результаты археологических исследований курганного некрополя Ак-Кая. Херсонес в античном мире. *Историко-археологический аспект: Тез. докл. Междунар. конф*. Севастополь, 1997. С. 51 – 57.

Колтухов С.Г., Мыц В.Л. Курганный могильник скифской аристократии в Горном Крыму (некоторые результаты полевых исследований). *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 27—44.
Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Курган Пастака. *История оружия. Альманах*. 2014. № 10. С. 75—102.
Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Курганы скифского времени у села Аиш в Западном Крыму (по материалам раскопок 1883 г.). *АСГЭ*. 2013. Вып. 39. С. 126—136.
Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифский Талаевский курган 1891 г. *Античный мир и археология*. Вып. 17. Саратов, 2015. С. 318—341.
Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифские погребения в курганах Юго-Западного Крыма. *История и археология Крыма*. Вып. II. Симферополь, 2015а. С. 79—101.
Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифские погребения в курганах на земле Соломона Крыма. *История и археология Крыма*. Вып. II. Симферополь, 2015б. С. 67—78.
Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифские погребения в курганном могильнике Дорт-Оба. *История и археология Крыма*. Вып. II. Симферополь, 2015в. С. 102—122.
Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Погребения предскифского и скифского времени в курганах долины реки Салгир. *История и археология Крыма*. Вып. III. Симферополь, 2016. С. 47—78.
Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифы Предгорного Крыма в VII—IV вв. до н. э. Курганы 1890—1892 и 1895 гг. (По материалам Н.И. Веселовского и Ю.А. Кулаковского). *Материалы к археологической карте Крыма*. Вып. XVII. Симферополь, 2016а. 232 с. + 52 рис.
Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифы Предгорного Крыма в VII—IV вв. до н. э. Часть II. Между долиной Салгира и междуречьем Карасу. Симферополь: Колорит, 2020. 214 с. + 93 рис.
Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма — II (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993—1995 гг.). Запорожье, 1998. 194 с.
Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. Симферополь: Сонат, 2004. 248 с.
Копейкина Л.В. Родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора. *ВДИ*. 1972. № 1. С. 147—159.
Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. *Античная торевтика*. Ленинград: Госуд. Эрмитаж, 1986. С. 28—63.
Копылов В.П. Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского курганного могильника. *КСИА АН СССР*. 1980. № 162. С. 24—27.
Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.). *Проблема стиля и этнокультурной принадлежности*. СПб., 2006. 271 с.
Королькова Е.Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии. *АСГЭ*. Вып. 35. СПб., 2001. С. 91—111.
Корпусова В.Н. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка в Крыму. *ВДИ*. 1980. № 2. С. 100—101.
Корпусова В.Н. Курганы у с. Целинное. *Курганы Степного Крыма*. Киев: Наук. думка, 1984. С. 69—107.
Корпусова В.М., Орлов Р.С. Могильник VI—IV ст. до н. е. на Керченському півострові. *Археологія*. 1978. № 28. С. 65—85.
Косиков В.А. Производство бронзовых художественных изделий в Скифии в VII—V вв. до н. э. Донецк, 1994. 210 с.
Кравченко Е.А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк, 2011. 170 с.
Крис Х.И. О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира. *СА*. 1976. № 2. С. 240—245.
Крис Х.И. Кизил-кобинская культура и тавры. *САИ*. Вып. Д 1—7. Москва, 1981. 125 с.
Кропотов В.В. Курган с «коллективными» погребениями IV в. до н. э. в Предгорном Крыму. *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого*. Киев; Полтава, 2009. С. 200—221.
Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалёв Н.Н. Братолюбовский курган. Киев, 2009. 192 с.
Кубышев А.И., Николова А.В., Полин С.В. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине. *Древности Степной Скифии*. Киев: Наук. думка, 1982. С. 130—148.
Кулатова І.М. Кинджал ранньоскіфського часу з Сумщини. *Питання археології Сумщини*. Суми, 1990. № 49. С. 50.
Кулатова І.М. Біметалевий кинджал з Градизька. *ПАЗ*. 1994. № 2. С. 109—111.
Кулатова І.М. Кинджал. *ПАЗ*. 1995. № 3. С. 174—175.
Кулатова І.М. Кургани скіфського часу в урочищі Лапівщина у Поворсклі (за дослідженнями І.А. Зарецького 1888 р.). *АЛЛУ*. 1998. № 1—2. С. 26—28.
Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. Москва; Полтава, 1993. 108 с.
Кулатова І.М., Сидоренко О.В. Бляха із зображенням голови лося з Нижнього Посулля. *Старожитності Лівобережного Подніпров'я*. 2014. Київ; Полтава, 2014. С. 137—140.
Кулатова И.Н., Скорый С.А., Супруненко А.Б. Раннескифское погребение на юге Приднепровской Левобережной террасовой лесостепи (к вопросу о переднеазиатских инновациях в восточноевропейском зверином стиле). *АЛЛУ*. 2006. № 1. С. 48—60.
Куликов А.В. Ранние стратиграфические горизонты поселения Кош-Кую (по материалам археологических раскопок 2017—2018 гг.). *Крым-Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.* Т. I. Москва: ИА РАН, 2019. С. 381—397.
Лашков Ф. Раскопки курганов в дер. Тавкель-Нейман. *ИТУАК*. 1895. № 22. С. 116—117.
Леви Е.И. К вопросу об ольвийской агоре. *СА*. 1954. Т. XXI. С. 319—342.

Левина З.А., Островерхов А.С., Редина Е.Ф. О производстве изделий в зверином стиле на территории ольвийского полиса. *Древности причерноморских степей*. Киев, 1993. С. 86—91.
Левицкий О.Г., Демченко Т.И. Памятники скифской архаики на территории Молдовы. *Древности Степного Причерноморья и Крыма*. Запорожье, 1995. Вып. V. С. 41—53.
Лесков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев: Наук. думка, 1965. 200 с.
Лесков А.М. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма. *СА*. 1968. № 1. С. 158—165.
Лєсков О.М. Скарби курганів Херсонщини. Киев: Мистецтво, 1974. 124 с.
Лесков А.М. Вопросы относительной и абсолютной хронологии. Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. *Степные народы Евразии*. Т. VI. Москва-Берлин-Бордо, 2015. С. 87—100.
Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья IV—III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. Москва, 2013. 183 с.
Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. *САИ*. Вып. Д 1—31. Москва, 1965. 112 с.
Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меоты. Античное наследие Кубани: В 3-х т. Т. 1, Ч. III. Москва: Наука, 2010. С. 186—217.
Лугова Л., Луговий Р., Ткаченко О. До історії вивчення археологічної спадщини В.М. Щербаківського (за матеріалами розкопок на Переяславщині). *Переяславика. Наукові записки: Зб. наук. ст.* Переяслав-Хмельницький, 2011. Вип. 5 (7). С. 163—171.
Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. Москва: Искусство, 1977. 232 с.
Макалатия С.И. Раскопки Дванского могильника. *СА*. 1949. XI. С. 225—240.
Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. 172 с.
Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Горбенко А.А., Лукьяшко С.И. Богатые раннесарматские комплексы правобережья Дона. В: Смирнов К.Ф. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. Москва: Наука, 1984. С. 124—141.
Максименко В.Е., Ключников В.В., Гуркин С.В. Исследование могильника «Частые курганы II» на Нижнем Дону в 2000 году (предварительная публикация). Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. *Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг.* Москва: Институт археологии РАН, 2001. С. 220—223.
Максимов Е.К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье. *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, 1976. С. 210—218.
Максимов Е.К., Полесских М.В. Заметки об акинаках. *СА*. 1971. № 2. С. 238—242.
Максимов Е.В., Петровская Е.А. Древности скифского времени Киевского Поднепровья. Полтава, 2008. 125 с.
Малышев А.А., Равич И.Г. О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях Новороссийска. *Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР*. № 3. Москва, 2001. С. 103—111.
Манцевич А.П. Ритон Талаевского кургана. *История и археология древнего Крыма*. Киев, 1957. С. 155—173.
Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи. *АСГЭ*. 1966. Вып. 8. С. 23—38.
Манцевич А.П. Курган Солоха. Ленинград, 1987. 144 с.
Марченко И.Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея. *МИА*. № 56. 1957. С. 160—173.
Маслов В.Е. Группа редких уздечных блях с территории Северного Кавказа. *От палеолита до средневековья. Сборник памяти Г.А. Федорова-Давыдов*а. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2011. С. 51—52.
Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наук. думка, 1991. 132 с.
Махортих С.В. Скiфська вузда Перещепинського могильника. *Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень)*. Киев, 2006. С. 57—76.
Махортых С.В. Пронизи для перекрёстных ремней из северокавказских памятников VII—VI вв. до н. э. *Кавказ и Степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти Марии Николаевны Погребовой*. Москва, 2016. С. 171—185.
Махортых С.В. Пронизи для перекрёстных ремней конской упряжи на Юге Восточной Европы в VII—VI вв. до н. э. *АДІУ*. 2017. Вип. 2 (23). С. 166—184.
Махортых С.В., Ролле Р. «Парадный» меч V в. до н. э. из Перещепинского курганного могильника близ Бельска. *Феномен Більського городища 2014*. Київ; Полтава, 2014. С. 100—105.
Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. *Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.* Москва, 1999. 160 с.
Медведев А.П. Новая книга о скифских древностях. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2015. № 4. С. 136—137.
Мелюкова А.И. Вооружение скифов. *САИ*. Вып. Д 1—4. Москва: Наука, 1964. 90 с. + 23 табл..
Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. Москва: Наука, 1979. 256 с.
Мелюкова А.И. Краснокутский курган. Москва: Наука, 1981. 121 с.
Мелюкова А.И. По поводу скифских походов на территорию Средней Европы. *Древности скифской эпохи. МИАР*. № 7. Москва, 2006. С. 25—42.
Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Исследование грунтового некрополя Волна-I в 2017 г. *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2018. С. 120—144.
Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. 439 с.

Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. *Скифские древности*. Киев: Наук. думка, 1975. С. 187—234.
Мозолевський Б.М. Товста Могила. Киев: Наук. думка, 1979. 250 с.
Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наук. думка, 1980. С. 70—164.
Мозолевский Б.Н. Малый Чертомлык. *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наук. думка, 1987. С. 63—74.
Мозолевський Б.М. Кургани вищої скіфської знатті і проблема політичного устрою Скіфії. *Археологія*. 1990. № 1. С. 122—138.
Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна, Соболева Могилы. Киев, 2005. 600 с.
Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII—IV вв. до н. э. Систематизация и хронология. Москва, 2006. 208 с.
Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984. 134 с.
Мурзін В.Ю., Ролле Р. Спільні дослідження археологів України та Німеччини у Більську. *ПАЗ*. 1995. Вип. 3. С. 50—56.
Мурзін В., Ролле Р., Супруненко О.Б. Більске Городище. Київ-Гамбург-Полтава: Археологія, 1999. 182 с.
Мурзін В.Ю., Черненко Є.В. Скіфський курган поблизу с. Днепряни. *Археологія*. 1979. № 27. С. 22—36.
Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г. Скифские воины. Запорожье, 2010. 20 с.
На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Москва, 2002. 143 с.
Нечитайло А.Л., Бунятян Е.П. Курганная группа близ с. Чкалово. *Курганы Степного Крыма*.Киев: Наук. думка, 1984. С. 6—40.
Новиченкова Н.Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2012. 215 с.
Новичихин А.М. Новый памятник искусства звериного стиля с территории азиатского Боспора. *Историко-археологический альманах*. Вып. 4. Армавир; Москва, 1998. С. 27—28.
Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников) / Анапский филиал Сочинского государственного университета. Анапа, 2006. 220 с.
ОАК за 1869 г. СПб., 1871. 256 с.
ОАК за 1870—1871гг. СПб., 1874. 303 с.
ОАК за 1875 г. СПб., 1876. 224 с.
ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891. CCCXXXIV + 133 с.
ОАК за 1890 г. СПб., 1893. 151 с.
ОАК за 1891 г. СПб., 1893. 187 с.
ОАК за 1895 г. СПБ., 1897. 201 с.
Ольговський С.Я. Скіфо-антична металообробка архаїчного часу. Москва, 2011. 224 с.
Ольговский С.Я. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э. (по материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья). Москва, 2014. 278 с.
Ольховский В.С. Население Крыма по античным источникам. *СА*. 1981. № 3. С. 98—115.
Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время. *СА*. 1982. № 4. С. 61—81.
Ольховский В.С. Скифские изваяния Крыма. *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Москва, 1990. С. 98—115.
Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). Москва: Наука, 1991. 256 с.
Ольховский В.С. О поясных крючках эпохи раннего железа. *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья* (*К 100-летию Б.Н. Гракова*). Запорожье, 1999. С. 182—187.
Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. Симферополь: Таврия, 1990. 128 с.
Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. *САИ*. Вып. Д 1—27. Москва, 1970. 210 с.
Островерхов А.С. Образ птицы в искусстве ольвийской школы «звериного» стиля. *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наук. думка, 1984. С. 62—77.
Островерхов А.С. Звериный стиль и античные города Северного Причерноморья. *ВДИ*. № 2. 1996. С. 85 102.
Островерхов А.С. Памятники звериного стиля из ольвийской и никонийской округ. *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Донецк, 2005. Т. 2. С. 219—266.
Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея. *ВДИ*. 1989. № 2. С. 50—67.
Островерхов А.С., Охотніков С.Б. Острів Ахілла у гостинному морі. Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н. е. по XIX ст. н. е.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2008. Вип. 1. С. 26—59.
Островерхов А.С., Охотников С.Б. Бронзовая бляха звериного стиля из поселения Надлиманское. *Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея*. Вып. 1. Одесса: СМИЛ, 2010. С. 122—125.
Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. Москва, 2012. 471 с.
Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Москва, 2017. 438 с.
Патрушев В.Х, Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). Москва: Наука, 1982. 277 с.
Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший. *СА*. 1980. № 2. С. 23—44.
Переводчикова Е.В. Характеристика предметов скифского звериного стиля. *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1984. С. 5—15.
Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. Москва: Восточная литература, 1994. 203 с.

Переводчикова Е.В. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля). *Скифы и сарматы в VII – III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология*. Москва: Институт археологии РАН, 2000. С. 231—237.

Переводчикова Е.В. Произведения скифского звериного стиля из Ульских курганов. Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. *Степные народы Евразии*. Т. VI. Москва; Берлин; Бордо, 2015. С. 64—68.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. *САИ*. Вып. Д 1—4. Москва, 1967. 180 с.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II. *Скифы и сарматы в VII – III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология.* Москва: Институт археологии РАН, 2000. С. 238—248.

Пиотровский Б.Б. Скифы и древний Восток. *СА*. 1954. XIX. С. 141—158.

Платар. Коллекція предметів старовини родин Платонових та Тарути. Київ, 2004. 256 с.

Плешивенко А.Г. Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье. *Древности Степного Причерноморья и Крыма*. Запорожье, 1991. II. С. 143—152.

Плешивенко А.Г. Курганы села Малоекатериновка. Запорожье, 1996. 167 с.

Погребова Н.Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. *КСИИМК*. 1948. Вып. XXIII. С. 62—67.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. Москва: Наука, 1992. 260 с.

Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г. Скифия в историко-географической традиции Античности и Средних веков. Москва: Аквилон, 2016. 320 с.

Покровська Е.Ф. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу Шполи. *Археологія*. 1957. XI. С. 148—153.

Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в искусстве скифского мира. *РА*. 1994. № 4. С. 63—78.

Полідович Ю.Б. Скіфські хрестоподібні бляхи. *Археологія*. 2000. № 1. С. 35—48.

Полидович Ю.Б. Один из мотивов изображения горного козла в раннескифском искусстве. *КСИА*. 2017. № 248. С. 166—184.

Полидович Ю.Б. Изображения свернувшегося хищника в декоре скифских мечей и их ножен. *Феномен Більського городища 2014. До 70-річчя відділу археології раннього залізного віку Інституту археологіїї НАН України та 80-річчя від дня народження видатного українського археолога професора Є.В. Черненка*. Київ; Полтава, 2014. С. 112—115.

Полидович Ю.Б., Вольная Г.Н. Образ зайца в скифском искусстве. *Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского*. Москва: ИА РАН, 2005. С. 415—436.

Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*. 1987. — № 59. С. 17—36.

Полин С.В., Алексеев А.Ю. Скифский царский курган Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Киев-Берлин: Олег Філюк, 2018. 930 с.

Привалова О.Я. Скифское погребение у Стылы. *Археологический альманах*. 1993. Вып. 2. С. 161—166.

Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2005. 802 с.

Прокопенко Ю.А. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля V—IV вв. до н. э. Центрального Предкавказья. *Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Сборник в честь В.И. Козенковой*. Грозный-Москва: ИА РАН, Институт гуманитарных исследований АН ЧР, 2011. С. 204—214.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Дона (публикация комплексов). Москва: Индрик, 2001. 271 с.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Симферополь, 2007. 480 с.

Пуздровский А.Е., Тощев Г.Н. Курган у с. Цветочное в Белогорском районе Крыма. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Київ, 2014. IX. С. 149—159.

Пьянков А.В. Бронзовый зооморфный наконечник акинака из фондов Краснодарского музея-заповедника. *Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского*. Москва: ИА РАН, 2005. С. 448—450.

Раевский Д.С. Мир скифской культуры. Москва, 2006. 600 с.

Ролле Р., Махортих С.В., Черненко Є.В. Комплекс кінського спорядження середини I тис. до н. е. з бассейну Ворскли. *Більське городище та його округа* (*до 100-річчя початку польових досліджень*). Київ, 2006. С. 101—194.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Ленинград, 1925. 621 с.

Руденко С.И., Руденко С.Н. Искусство скифов Алтая. Москва, 1949. 88 с.

Рудинський М.Я. Археологчні збірки Полтавського музею. *Археологічний збірник присвячений 35-річчю музея*. Полтава, 1928. С. 29—62.

Русяева М.В. Горгонейоны на произведениях торевтики из скифских курганов. *Боспорские чтения*. № 3. 2002. С. 216—218.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. Москва: Наука, 1988. 782 с.

Рябкова Т.В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. *Археологический ежегодник*. 2014. № 4. С. 372—432.

Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской* (*Потуданской*) *археологической экспедиции ИА РАН 2001 – 2003 гг.* Москва, 2004. С. 151—277.

Савченко Е.И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический

источник. *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг.* Москва, 2009. С. 221–326.

Сергацков И.В. Новые находки скифского времени в Волгоградской области. *СА*. 1988. № 3. С. 249–251.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея. *МИА*. 1959. № 69. С. 5–107.

Синика В.С. Новые находки предметов звериного стиля на левобережье нижнего Днестра. *Поволжская археология*. № 3 (21). 2017. С. 141–153.

Синика В.С., Тельнов Н.П. Крестовидные крючки-застёжки из скифских памятников Северного Причерноморья. *Археологія та етнологія Півдня Східної Європи*. Дніпро, 2016. С. 304–316.

Сыч Д. Секреты древнего города. Акинак скифский. URL: http://bikz.org/novosti/sekrety-drevnego-goroda-akinak-skifskij/ (дата обращения: 15.07.2014).

Скорый С.А. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма. *СА*. 1977. № 1. С. 280–281.

Скорый С.А. Скифские мечи с лучковидным перекрестьем. *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*. Киев: Наук. думка, 1982. С. 83–86.

Скорый С.А. Скифский курган с катакомбами в Северном Крыму. *Древности Степной Скифии*. Киев: Наук. думка, 1982a. С. 231–236.

Скорый С.А. [Рец.]: Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Ashmolean Museum. Oxford, 1979.56 p., XVIII pl. *СА*. 1985. № 1. С. 279–282.

Скорый С.А. Археологическая карта погребальных памятников. Крымская область. *СППССП*. Киев: Наук. думка, 1986. С. 41–48, 149–179, 292–316.

Скорый С.А. Стеблёв: скифский могильник в Поросье. Киев: ИА НАН Украины, 1997. 173 с.

Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев: ИА НАН Украины, 2003. 161 с. +34 илл.

Скорый С.А. Ранние скифы в Добрудже: историография проблемы и археологические реалии. *Древности скифской эпохи*. Москва, 2006. С. 140–171.

Скорый С.А. Селище в урочище Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища (материалы раскопок 1999–2001 и 2004 гг.). *Revista arheologică*. 2008. IV. №. 1. С. 147–179.

Скорый С.А. Бронзовая античная матрица из Предгорного Крыма. *Stratum plus*. 2013. № 3 (Понтийские тетради). С. 193–201.

Скорый С.А. Поясная пряжка — скачущий воин из Предгорного Крыма. *Revista archeologică*. 2013. IX. № 2. С. 46–56.

Скорый С.А. Об одной группе культовых погребений Скифии. Труды Государственного Эрмитажа. *Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы*. СПб., 2015. С. 382–388.

Скорый С.А., Григорьев В.П. Курганы у с. Гладковщина — памятники эпохи скифской архаики в Левобережной Приднепровской террасовой Лесостепи. *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków, 2012. С. 441–459.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. К проблеме товарно-денежных отношений у населения восточноевропейской лесостепи в скифскую эпоху. *Наукові записки. Серія: Історичні науки*. Вип. 21: Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку. Кіровоград: КДПУ ім. В. Вінниченка, 2014. С. 141–156.

Скорый Сергей, Зимовец Роман. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев, 2014. 180 с.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. Бляшки-«козлы» с отрубленными головами (к ритуальной практике крымских горцев в эпоху раннего железа). *АДІУ*. 2015. Вип. 2 (15). С. 140–144.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. К вопросу о взаимоотношениях скифов и тавров в VII–IV вв. до н. э. *АДІУ*. 2015. Вип. 4 (17). С. 30–45.

Скорый С.А., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь). *Stratum plus*. 2005–2009. № 3 (Скифские интерптерации). С. 234–276.

Скорый С.А., Хохоровски Я. Конское снаряжение из кургана Скифская Могила. *Проблемы археологии Восточной Европы*. Харьков, 2008. С. 132–141.

Скорый Сергей, Хохоровски Ян. Большой Рыжановский курган. Киев, 2018. 432 с.

Скорый С.А., Окатенко В.М. Зимовец Р.В. Скифское архаическое погребение в урочище Марченки близ Бельского городища. *Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы*. 2020. № 1 (3). С. 113–134.

Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморьей. СПб.: Алеиейя, 2010. 464 с.

Скуднова В.М. Скифские памятники из Нимфея. *СА*. 1954. XXI. С. 306–318.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Чудин А.В. Курганные могильники Чаян и Апан-Сарча в Северо-Западном Крыму. История и археология Северо-Западного Крыма. *Материалы к археологической карте Крыма*. Симферополь, 2014. Вып. XIV. С. 231–265.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. Москва: Наука, 1964. 377 с.

Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Москва: Наука, 1976. С. 74–89.

Смирнова Г.И. Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья. *Северное Причерноморье: от энеолита до античности*. Тирасполь, 2002. С. 217–233.

Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов). Оренбург, 2008. 142 с.

Стевен А.Х. Раскопка курганов близ Симферополя летом 1890 г. *ИТУАК*. 1891. Вып. 11. С. 147–153.

Столяр А.Д., Щепинский А.А. Археологические памятники Симферопольского водохранилища (часть 1). *Проблемы археологии Северной Осетии*. Орджоникидзе, 1980. С. 81—96.

Столяр А.Д., Щепинский А.А. Курганы у Симферопольского водохранилища (часть 2). *Катакомбные культуры Северного Кавказа*. Орджоникидзе, 1981. С. 34—50.

Строкин В.Л. Монеты с поселения Голубицкая 2. *Древности Боспора*. 2010. 14. С. 451—467.

Супруненко О.Б., Скорий С.А., Сидоренко О.В. Сліди стійбища скіфської доби у заплаві Сули біля Лубен. *АДУ 2011 р*. Луцьк, 2012. С. 384—386.

Тереножкин А.И. Киммерийские мечи и кинжалы. *Скифский мир*. Киев: Наук. думка, 1975. С. 5—34.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976. 223 с.

Топал Д.А. Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия. *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Одесса, 2015. С. 54—79.

Топал Д.А. Два среднескифских акинака из Бессарабской лесостепи. *Culturi, procese şi contexte în arheologie*. Chişinău, 2016. С. 278—285.

Топал Денис. Запоздалые размышления по поводу одной коллекции (Рец.: Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014. 180 с. Revista archeologică. — 2017. — vol. XIII. — № 1—2. — С. 260—264).

Топал Д.А. Антенны скифских акинаков. Истоки и эволюция. *Археология евразийских степей. Казань*. 2017a. С. 299—253.

Топал Д.А. Акинаки келермесского типа с территории Республики Молдова. *Археология ранних кочевников Евразии*. Самара, 2018. С. 7—21.

Топал Д.А., Бруяко И.В. Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района (Республика Молдова). *Stratum plus*. 2012. № 3 (Эллинство и иранство). С. 133—144.

Трейстер М.Ю. Матрицы в торевтике Пантикапея. *Скифия и Боспор: археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева*. Новочеркасск, 1989. С. 49—51.

Трейстер М.Ю. Бронзовая матрица, найденная в пойме р. Трубеж (об использовании бронзовых матриц с рельефными изображениями в Причерноморье в VI—IV вв. до н. э.). *Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України*. № 2 (23). Київ, 2017. С. 201—207.

Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма. *ИКОГО*. 1951. Вып. 1. С. 85—112.

Троицкая Т.Н. Скифские погребения в курганах Крыма: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Симферополь, 1954. 18 с.

Троицкая Т.Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове. *ИКОГО*. 1957. Вып. 4. С. 67—76.

Троцька В.І., Гейко А.В. Меч скіфського часу із с. Карабазівки. *АЛЛУ*. 2001. № 2. С. 81.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. 676 с.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. *МАК*. Вып. VIII. М., 1900. 384 с.

Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. *Степные народы Евразии*. Т. VI. Москва-Берлин-Бордо, 2015. 178 с.

Фодор И. Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем. *СА*. 1969. № 3. С. 251—254.

Фролова Н.А. Монеты Боспора — источник по вопросу о происхождении основателя династии Спартокидов — Спартока (483 г. до н. э.). *Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея*. Вып. II. Одесса: СМИЛ, 2014. С. 29—41.

Хазанов А.М., Шкурко А.И. Социальные и религиозные основы скифского искусства. *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва, 1976. С. 4—52.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. Киев, 1899. Вып. II. 44 с.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности Приднепровья. Киев, 1900. Вып. III. 62 с.

Храпунов І.М. Ніж з тамгообразним знаком з могильника Нейзац в Криму. *Археологія*. 2004. № 3. С. 104—111.

Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995. 83 с.

Храпунов І.М. Етнічна історія Криму у ранньому залізному віці: Автореф. дис. … д-ра іст. наук. Київ, 2003.

Цвек О.В. Могильник скіфського і сарматського часу на Керченському півострові. *Археологія*. 1968. XXI. С. 199—205.

Чередниченко Н.Н., Фиалко Е.Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана. *СА*. 1988. № 2. С. 149—167.

Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Там, где пройдёт Северо-Крымский… Симферополь, 1966. 94 с.

Черненко Є.В. Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова. *Археологія*. 1970. Вип. 23. С. 176—181.

Черненко Е.В. Оружие из Семибратних курганов. *Скифские древности*. Киев: Наук. думка, 1973. С. 64—81.

Членова Н.Л. Скифский олень. Памятники скифо-сарматской культуры. *МИА*. № 115. Москва, 1962. С. 167—203.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. Москва: ИА РАН, 1997. 98 с.

Членова Н.Л. Олени, кони и копыта (о связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху). *РА*. 2000. № 1. С. 90—106.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Хронология и культурная принадлежность комплекса кургана Аржан-2 по данным археологии. *Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. NATO Science Series IV. Earth and Environmental*

Sciences. Vol. 42. Dodrecht, Boston, London, 2004. P. 1—7.
Шабанов С.Б., Горев С.В. Скифский кинжал из собрания Центрального музея Тавриды. *История и археология Крыма*. Т. III. Симферополь, 2016. С. 43—46.
Шапорда О.М., Штанько А.І., Овчаренко М.І. Розвідки на території Більського археологічного комплексу в 2018 році. *Археологічні дослідження Більського городища — 2018: збірник наукових праць* / ЦП НАН України і УТОПІК. Київ-Котельва, 2019. С. 142—151.
Шапошникова О.Г. Погребение скифского воина на реке Ингул. *СА*. 1970. № 3. С. 208—212.
Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. Москва, 1987. 188 с.
Шелехань О.В. Випадкові знахідки кинджалів скіфського часу у басейні Сіверського Дінця як свідчення сухопутних комунікацій. *Древности*. Вып. 11. Харьков, 2012. С. 324—331.
Шишлов А.В., Федоренко Н.В., Колпакова А.В., Кононенко А.П. Новый памятник скифского времени близ Новороссийска. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. VIII. Ставрополь: Наследие, 2008. С. 876—877.
Шкурко А.И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Москва: Наука, 1976. С. 90—106.
Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1962. 401 с.
Шрамко Б.А. Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии. *СА*. 1970. № 2. С. 217—221.
Шрамко Б.А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии. *Проблемы скифской археологии. МИА*. № 177. Москва: Наука, 1971. С. 92—102.
Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и систематики образов звериного стиля. *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, 1976 С. 194—209.
Шрамко Б.А. Археология раннего железного века Восточной Европы: Учеб. пос. Харьков, 1983. 134 с.
Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения. *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наук. думка, 1984. С. 22—39.
Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наук. думка, 1987. 183 с.
Шрамко Б.А. Курганы у с. Весёлое в Харьковской области. *Вестник Харьковского университета*. 1992. Вип. 25. С. 114—120.
Шрамко Б.А. Люботинское городище. *Люботинское городище*. Харьков, 1998. С. 9—131.
Шрамко Б.А. Новая литейная формочка с Бельского городища: к истории вооружения у племён Скифии. *РА*. 2002. № 1. С. 163—166.
Шрамко И.Б. Краткие итоги исследований на Западном укреплении Бельского городища в 1994 году. *ПАЗ*. 1995. № 3. С. 66—71.
Шрамко И.Б. Новый погребальный комплекс раннескифского времени в могильнике Скоробор. *АДІУ*. Вип. 2 (23): Старожитності раннього залізного віку, 2017. С. 368—380.
Шульц П.Н. Тавро-Скифская экспедиция. *КСИИМК*. 1949. XXVII. С. 56—66.
Шульц П.Н., Столяр А.Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. *КСИИМК*. 1958. Вып. 71. С. 53—64.
Щеглов А.Н., Кац В.И., Смекалова Т.Н., Беван Б. Курганы скифской знати в Западном Крыму. Симферополь, 2013. 103 с.
Щепинский А.А. Марьинские курганы эпохи бронзы. *Записки Одесского археологического общества*. 1960. Т. 1 (34). С. 249—260.
Щепинский А.А. Погребение начала железного века у Симферополя. *КСИА АН УССР*. 1962. С. 61—74.
Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Таврия, 1969. 328 с.
Эрлих В.Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II—IV в. до н. э. Москва, 2011. 2011 с.
Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930). *ИТОИАЭ*. 1931. IV. С. 72—92.
Яблонский Л.Т. Некоторые итоги работ комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области. *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи*. Москва: Институт археологии РАН, 199. С. 325—339.
Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004—2009 гг.): Каталог коллекции. Москва, 2013. Кн. 1. 231 с.
Яковенко Э.В. Скифы Восточного Крыма в V—III вв. до н. э.: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Москва, 1969. 23 с.
Яковенко Э.В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. *Древности Восточного Крыма*. Киев: Наук. думка, 1970. С. 113—135.
Яковенко Э.В. Курган на Темир-Горе. *СА*. 1972. № 3. С. 259—267.
Яковенко Е.В. Скіфи Східного Криму в V—III ст. до н. е. Київ: Наук. думка, 1974. 150 с.
Яковенко Э.В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма. *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, 1976. С. 128—137.
Яковенко Э.В. Скифы на Боспоре (греко-скифские отношения в VII—III вв. до н. э.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва, 1985. 35 с.
Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. *Древности Восточного Крыма*. Киев: Наук. думка, 1970. С. 136—179.
Яценко И.В. Скифия VII—V веков до нашей эры. *Археологические памятники степного Приднепровья и Крыма VII—V веков до нашей эры. Тр. ГИМ*. Вып. 36. Москва, 1959. 119 с.
Bakay K. Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connectiones. Budapest, 1971. 131 p.
Bittel K. Les Hittites. Gallimard, 1976. 332 p.
Borovka G. Scythian Art. New York, 1928. 190 p.

Bukowski Zbigniew. The Scythian Influence in the Area of Lusatian culture. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977. 378 p.
Chochorowski J., Skoryj S. Kobiece nakrycie glowy z centralnego grobowka Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego. *MSROA*. 1999. XX. S. 301—311.
Godard A. The Art of Iran. New York; Washington: Frederick A. Praeger, Publisher, 1965. 358 p.
Kemenczei T. Die Schwerter in Ungarn II. *PBF*. Abt. IV, Bd. 9München, 1991. 101 S. + 90 Taf.
Kemenczei T. Studien zu den Denkmälern skythisch Geprägter Alföld Gruppe. Budapest, 2009. 410 S.
Leskov A.M. The Maikop Treasure. Philadelphia, 2008. 294 p.
Maisuradze V., Pirtskhalava M. Bouterolle from the village of Patardzeuli (Kakheti, Eastern Georgia). *Ancient Civilazation from Scythia to Siberia*. Vol. 19, Iss. 1, 2013. P. 95—104.
Muscarella O.W. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artefacts in The Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1988. 501 p.
Rostovtzeff M.I. Bronzeschnallen aus Südrussland. *Prähistorische Zeitschrift*. 1931. № 22. S. 46—55.
Scheglov A.N., Katz V.A. A Fourth-Century B.C. Royal Kurgan in the Crimea. *The Metropolian of Art. Metropolitan Museum Journal*. 1991. № 26. P. 97—122.
Scythian art. The Legacy of the Scythian World: mid 7th to 3td century B.C. Leningrad, 1986. 184 p.
Simion Gavrilă. Tombes tumulaires dans la necropolis de Celic-Dèrè. *Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe. Actes du IIe Coll. Internation. d'Archéol. Funèr*.Tulcea, 2000. P. 69—82.
Simion Gavrilă. Culturi antice on zona Gurilor Dunării. *Preistorie şi protoistorie*. Cluj-Napoca, 2003. Vol. I. P. 247—258.
Solovyov S., Treister M. Bronze Punches from Berezan. *AWE 3.2*. 2004. P. 365—375.
Staaliche Museen zu Berlin. Die Antikensammlung. Berlin, 2012. 379 p.
Stantchev Dimitar. Warrior Burial in the Lower Course of the Yantra. *Tombes tumulaires de L'Âge du Fer dans le Sud-Est du L'Europe. Actes du IIe Collog. Internation. d'Archéol. Funèr*. Tulcea, 2000. P. 35—44.
Topal Denis. The use of bronze in making the early scythian akinakai. *Tyragetia*. 2015. Vol. IX (XXIV). No. 1. P. 278—285.
Treasures from the Black Sea Coast. Catalogue of the exhibition at the National Museum in Cracow. March-June, 2006. Krakow: Muzeum Narodowe w Krakowie, 2006. 391 p.
Vasiliev Valentin. Sciţii agatîrşi pe teritoriul României. Cluj-Napoca, 1980. 186 +28 pl.
Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Ashmolean Museum. Oxford, 1979. 56 p. + XVIII pl.
Vickers M. Scythian and Thracian antiquities in Oxford. Oxford, 2002. 80 p.
Vulpe A. Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. *PBF*. Abt. VI, Bd. 9. München, 1990. 145 S. + 68 Taf.

Скорый С.А. Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы): Дисс. … канд. ист. наук. НА ІА НАН України. Ф. 12/611. 1983.
Тереножкин А.И.,Мозолевский Б.Н.,Ильинская В.А. Отчет о работе скифской Среднеднепровской экспедиции 1974 г. НА ІА НАН України. 1974/22. 42 с.
Толстиков В.П., Белик Ю.Л. Отчёт о раскопках Пантикапея в 2013 г. НА ІА НАН України. 2013/17. 241 с.
Черненко Е.В. Скифские мечи и кинжалы (свод источников). НА ІА НАН України. ПТ № 107. 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВУ	— Археологічні відкриття в Україні
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні
АДІУ	— Археологія і давня історія України
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ГИМ	— Государственный исторический музей
ВДИ	— Вестник древней истории
ВУАК	— Воронежская Учёная Архивная комиссия
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИКОГО	— Известия Крымского отделения географического общества Союза ССР
ИТУАК	— Известия Таврической учёной архивной комиссии
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России
МИДУ	— Музей исторических древностей Украины
НА ІА НАН України	— Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України
НМИУ	— Национальный музей истории Украины
ОАК	— Отчёт Археологической комиссии
ПАЗ	— Полтавський археологічний збірник
ПГУ	— Приднестровский государственный университет
РА	— Российская археология
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СППССП	— Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986. 368 с.
ТД НК	— Тезисы докладов научной конференции
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ХСб	— Херсонесский сборник
ЧР	— Чеченская республика
AWE	— Ancient West & East
MSROA	— Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologichnego
PBF	— Prähistorische Bronzefunde

У другому виданні книги представлений розширений Каталог предметів (більш ніж 500) скіфської культури, який включає у себе озброєння, деталі військового костюму, кінської упряжі, культові вироби, а також матриці і штампи для виготовлення аплікацій з дорогоцінних металів. Значна частина артефактів оформлена у традиціях скіфського звіриного стилю. Наведені описи й ілюстрації кожного предмета, визначені датування, аналогії, типологічні характеристики у контексті скіфських старожитностей Східної Європи. У світлі нових реалій, розглянуті певні аспекти скіфського мистецтва звіриного стилю, у цілому, та специфіка його проявів на території Криму, зокрема. Висловлені певні думки щодо історії півострова у ранньому залізному віці, у тому числі щодо часу появи носіїв скіфської культури на території Криму, характеру їх взаємодії з автохтонним таврським населенням, впливу мистецтва грецьких держав Північного Причорномор'я на скіфський звіриний стиль.

Для археологів, істориків, співробітників музеїв, викладачів і студентів, а також усіх, хто цікавиться стародавньою історією.

Наукове видання

Сергій СКОРИЙ
Роман ЗИМОВЕЦЬ

МАТЕРІАЛИ ОДНІЄЇ КОЛЕКЦІЇ

Видання друге, доповнене, перероблене

Російською мовою

Редактор-коректор *А. І. Радченко*
Оформлення, верстка *С. А. Горбаненка*
Фото *Р. В. Зимовця*

Підписано до друку 06.09.2021 р. Формат паперу 60х84/8. Папір крейдований. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 40,0. Тираж 500 пр. Зам. № 18016.
Видавець і виготовлювач ТОВ «АСМІ». 36011, м. Полтава, вул. В. Міщенка, 2. Тел.: (0532) 60-76-50.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
серія ДК №4420 від 16.10.2012 р.

СКОРЫЙ Сергей Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом археологии раннего железного века Института археологии Национальной академии наук Украины. В 1979 г. окончил исторический факультет Симферопольского (Таврического) университета, в 1982 г. — аспирантуру Института археологии АН УССР (Киев).
Диссертации: «Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы)» (Киев, 1983), «Кочевники предскифской и скифской поры в Днепровской Правобережной Лесостепи (вопросы этнокультурной истории)» (Киев, 1997).
Автор и соавтор более 350 научных работ, в том числе 16 монографий, среди которых: «Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья» (Киев, 1986, в соавторстве), «Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья» (Киев, 1989, в соавторстве), «Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя)» (Київ, 1990), «Стеблёв: скифский могильник в Поросье (Киев, 1997)», «Киммерийцы в украинской Лесостепи» (Киев, 1999), «Мотронинское городище скифской эпохи» (Киев; Краков, 2001, в соавторстве), «Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)» (Киев, 2003), «Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском Правобережном Надпорожье» (Днепропетровск, 2009, в соавторстве), «Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции)» (Киев, 2014, в соавторстве), «Большой Рыжановский курган» (Киев, 2018, в соавторстве), «Селища скіфського часу в системі Великого укріплення Більського городища» (Київ, 2019, в соавторстве).
Принимал участие в раскопках погребальных памятников (в том числе — элитных) и поселений (в том числе — наиболее крупных) раннего железного века в АР Крым, Винницкой, Киевской, Кировоградской, Полтавской, Харьковской, Черкасской областях.
В настоящее время научные интересы сосредоточены в основном на изучении памятников эпохи раннего железа в украинской Лесостепи.

ЗИМОВЕЦ Роман Витальевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии имени Г.С. Сковороды Национальной Академии наук Украины. Философ, историк. В 1996 году окончил философский и исторический факультеты Национального университета имени Тараса Шевченко (Киев), в 2000 г. – аспирантуру Института философии НАН Украины.
Диссертация: «Феномен влади в культурі» (Київ, 2001).
Автор более 40 научных работ по различным вопросам философии культуры, социальной философии, философии права. Соавтор трёх монографий: «Ідея культури: виклики сучасної цивілізації» (Київ, 2003), «Національна ідентичність і громадянське суспільство» (Київ, 2015, 2018), «Комунікація і культура в глобальному світі (Київ, 2020)».
Принимал участие в раскопках погребальных памятников раннего железного века в Кировоградской, Полтавской, Харьковской и Черкасской областях.
Автор и соавтор около 20 научных работ на археологическую тематику, опубликованных в Украине, России, Казахстане, Молдове и Румынии.
Соавтор монографии «Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции» (Киев, 2014).
В настоящее время научные интересы сосредоточены на проблематике философии культуры, философии истории, тематике формирования идентичности современных обществ и влияния коммуникации на ее динамику.
Интересы в сфере истории и археологии: скифское искусство звериного стиля, звериный стиль крымских скифов, идеология и мировоззрение скифских племен.

ISBN 978-966-182-643-3